

П. Ю. Уваров

Франция XVI века

*Опыт реконструкции
по нотариальным актам*

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ACADEMIE DES SCIENCES DE LA RUSSIE
L'INSTITUT DE L'HISTOIRE UNIVERSELLE

Pavel Ouvarov

La France du XVIe siècle

*Essais de reconstitution
d'après les actes notariés*

MOSCOU
NAOUKA
2004

П.Ю. Уваров

Франция XVI века

*Опыт реконструкции
по нотариальным актам*

МОСКВА
НАУКА
2004

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)
У18

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-01-00856а*

Рецензент
доктор исторических наук В.Н. МАЛОВ

Уваров П.Ю.

Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам /
П.Ю. Уваров; Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2004. – 511 с.
ISBN 5-02-009829-9 (в пер.)

Монография посвящена проблемам социальной стратификации и соотношения индивида и общества во Франции начала Старого порядка, которые рассмотрены на материале нотариальных актов. Автор стремится раскрыть тему с учетом современной историографической ситуации, определяемой многими исследователями как “кризис социальной истории”, и предлагает свои варианты ответов на “вызовы” новых исследовательских методологий. Монография опирается на солидную источниковую базу: Книги регистров парижского городского суда (Шатле), фонды нотариальных минут Национального архива Франции, пособия по нотариальной практике, документы личного происхождения. В ней использованы основные методы исторического исследования (социально-структурный, историко-антропологический, а также методы микроанализа).

Для историков.

ТП 2004-I-№ 300

ISBN 5-02-009829-9

© Уваров П.Ю., 2004
© Российская академия наук, 2004
© Издательство “Наука”, художественное
оформление, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	17
<i>Две стороны одной работы: “рассуждения о методе” и конкретно-историческое исследование. – Почему именно нотариальные акты? – Источник и композиция</i>	
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	23
Социальная история Франции и ее судьбы во второй половине XX века	24
<i>Критерии отбора трудов. – Два предварительных замечания</i>	
Социально-структурная история (1950 – начало 1970-х годов)	26
<i>Социальная история как особая субдисциплина. – Программа Э. Лабрусса. – Эпоха локальных монографий. – Количественная социальная история. – Нотариальные акты как привилегированный тип источника. – Роллан Мунье и его концепции. – Классы или сословия? – Споры в Сен-Клу. – Несобытийная история. – Были ли Б.Ф. Поршнев и А.Д. Люблинская социальными историками? – Социальная история в узком смысле слова. – Тяга к эмпирически осязаемой, “подлинной” социальной иерархии. – Умерла ли социально-структурная история? “Новая историческая наука”, “история в осколках”, новые “вызовы” и “повороты” (1970-е – начало 1990-х годов) .....</i>	
	41
<i>“Новая историческая работа и социальная история”. – Когда началась “новая историческая наука”? – Судьбы ментальностей. – Казус Райцеса. – Социальная история в новых условиях. – Тариф капитации как синтетическая социальная иерархия. – “Французские джентри” Джорджа Хапперта. – “Разочарованные интеллектуалы”. – Микроистория по-итальянски</i>	
В поисках “новой парадигмы” (1990-е годы)	62
<i>От “истории в осколках” к “возвращению субъекта”. – Примеры обновления: история дворянства. – “Культурная история”. – “История жизненных стилей”. – Контуры рождающегося направления. – Идеал и реальность. – Искать решение проблем или указывать на трудности их решения?” – Угроза “депопуляции”. – Консерватизм сообщества историков как повод для сдержанного оптимизма</i>	
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ	70
Основные источники	70
<i>Общая характеристика нотариальных актов. – Достоинства и недостатки массовых источников. – Регистры инсинуаций Шатле: оригиналы и опубликованные инвентари. – Особенности поисков в Центральном хранилище нотариальных минут. – Публикации нотариальных актов и их описей. – Источниковедческие основы споров о Лиге. – Пособия по нотариату</i>	

Дополнительные источники	88
<i>Расширяя круг поисков: фонды суверенных курий. – Регистры Парламента. – Документы Монетной курии. – Каталоги королевских актов и иные памятники законодательства и административного права. – Нарративные источники</i>	
ОБЩЕСТВО. ОБЪЕКТИВИРУЮЩИЙ ПОДХОД. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ПУБЛИКАЦИИ	94
ГЕНЕРАЛЬНАЯ СОВОКУПНОСТЬ И УНИВЕРСИТЕТСКАЯ МОДЕЛЬ. АНАЛИЗ НА “МАКРОСОЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ”	94
Генеральная совокупность и университетская модель	94
<i>План изложения: преимущества регистров нотариальных актов и выгоды университетских дарений. – План исследования: от социальной истории университета к университетской истории социального. – Размышления о репрезентативности выборки</i>	
Анализ на “макросоциальном уровне”	103
<i>Отбор актов и агрегирование групп дарителей. – Распределение объективных признаков. – “Валовые показатели” и “индексы престижности”</i>	
КАТЕГОРИИ ДАРИТЕЛЕЙ	136
Категории 1 и 2. Дворяне и сеньоры	136
<i>Кто входил в категорию “дворян”? – Социальные связи. – Дворяне как рантье и кредиторы. – Побудительные мотивы дарений. – Обладала ли спецификой вторая категория? – Социальное лидерство и симптомы возможного неблагополучия</i>	
Категория 3. Священники	140
<i>Специфика группы, ее внутренняя иерархия и принципы агрегирования. – Провинциалы: “низшие” и “высшие”. – Семья нотаблей из Санлиса. – Церковные доходы как объекты дарения. – Парижане. – Казус каноника Муассана. – Двойственный облик “низшего” парижского духовенства</i>	
Категория 4. “Люди знания”: офисье и судейские	145
<i>Предварительные рассуждения о принципах агрегирования групп</i>	
Парижане	146
<i>Университетская степень как социальный водораздел. – Офисье. – Адвокаты; Шарль Гюедон, адвокат-откупщик. – Нотариусы. – Прокуроры парламента; Загадка Жанны Алегран. – Прокуроры Шатле. – Стряпчие; Жан Месмен и его земляки. – Сержанты Шатле; заключенный Пуссепен. – Иерархия Килье. – Вспомогательный персонал. – Лиценциаты. – Финансовые и городские чиновники</i>	
Провинциалы	163
<i>Офисье. – Финансовые чиновники. – Адвокаты и лиценциаты. – Прокуроры и нотариусы. – Стряпчие. – Сержанты, почтмейстеры и прочие</i>	
Горожане: буржуа, торговцы, ремесленники. Категории 5, 6, 7	172
Парижане	173

Категория 5а: “Парижские буржуа”	173
<i>О термине “парижский буржуа”. – “Просто “буржуа”, или буржуа-рантье. – Шесть корпораций, их внутренняя иерархия. – “Купцы-буржуа”. – “Специализированные купцы-буржуа”. – Буржуа-ремесленники; четыре поколения Роберов</i>	
Категория 6а: “Парижские торговцы”, не назвавшие себя “буржуа”	182
<i>Терминологическая случайность или объективная реальность? – Адрес как социальный индикатор. – Казус книгопродавца Пассе. – Скорее лавочники, чем негоцианты</i>	
Категория 7а: Парижские ремесленники	186
<i>Мэтры и прочие. – Нарастание индексов приниженности. – Счета за поставки. – Пекари из предместьев. – Дом близ сточной канавы</i>	
Провинциалы	190
<i>Географический ареал</i>	
Категория 5б: Провинциальные буржуа	191
<i>Респектабельные дарители. – Щедрый Антуан Куртуа. – Лесной заказник с изгородью из боярышника. – Яблони сорта “Бонди”</i>	
Категория 6б: Провинциальные купцы	192
<i>Престижные родственники и богатые дарения. – Лошадь под муаровой попоной Пьера Клемана. – Дело о ереси. – Скорее негоцианты, чем лавочники</i>	
Категория 7б: Провинциальные ремесленники	196
<i>Нарастание “признаков приниженности”. – Появление специфически “сельских” признаков</i>	
Категория 8: Крестьяне	198
<i>Черты гипергамии. – Из крестьян в гуманисты. – Загадка клана Ланселенов. – Ренты, кредиты и оловянная посуда. – Сакральность знания. – Ожидание любезных услуг. – Локализация дарителей. – Влияние большого города</i>	
Низшие слои. Дарители, чей статус не установлен. Категории 9, 10	206
<i>Подмастерья. – Парижские поденщики и слуги. – Провинциалы. – “Низшие”, как ни странно, беднее прочих. – Незнакомцы как контрольная группа. – Жители приходов и цензив. – “Детейант”. – Парижанки. – Те, о ком неизвестно ничего</i>	
Предварительные выводы	214
<i>Какое общество мы получили, или стоит ли бояться трюизмов? – Размышления об “университетской модели” французского общества. – Три группы вопросов на будущее</i>	
КОНТРОЛЬНЫЕ ЗАМЕРЫ	219
Брачные контракты	219
<i>Методика работы и соотнесение с предыдущими данными. – Дворяне и сеньоры: два типа поведения. – Судейские и чиновники – эндогамия, гипергамия и “женихи на вырост”. – Буржуа: невест больше, чем женихов. – Отличаются ли торговцы от буржуа на сей раз? – Замкнутый мир ремесленников. – Крестьянские контракты. – Подмастерья, поденщики и служанки. – Подведение итогов. – Странная регулярность</i>	
Фактор времени: Распределение актов по томам регистров Шатле за 20 лет	244

Ритмы регистраций: нарастание, “кризисное пятилетие”, восстановление. – Брачные контракты и университетские дарения: crescendo и diminuendo. – Проверка завещаниями. – Загадка трех кривых

Еще одна проверка: другие источники и другие времена 251

Регистры Шатле и нотариальные минуты: существенное расхождение. – Ритмы регистрации после 1559 г.: кривая идет вниз. – Законодательство вносит ясность. – Все – жулики, или репрезентативность под вопросом. – Необходимость нового ракурса.

ПРАКТИКА. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО СЕРИЯМ РЕГИСТРОВ И НОТАРИАЛЬНЫМ МИНУТАМ..... 258

Сквозь практику к человеку

Как составлялся нотариальный акт в Париже XVI века..... 259

Выбор нотариуса. – Работа над текстом акта. – Откуда брались формуляры. – Оплата услуг нотариуса. – Подтверждение прав участников сделки. – Пример университетских дарений. – Регистрация документа в Шатле. – Волеизъявление дарителя, принуждение формы или диктант нотариуса?

Формулы университетских дарений..... 280

Расплата за ошибки. – Свод мотиваций университетских дарений. – Вновь о парижских нотариусах. – “Личное клеймо”. – Стереотипы и их элементы. – Формулировки провинциальных актов, их характерные черты. – Три концепции университетского образования. – Экскурс в историю университетов. – Обнадеживающие итоги

“Будучи стар и слаб”: акты пожилых и немощных людей..... 299

Причины выбора: не слишком много, не слишком мало. – Старость глазами историков. – Казус Жана Окока. – Две группы актов. – Описание состояния дарителей, их мотивации. – Круг доверенных лиц. – Идеальный уход: вино, белый хлеб и “карманные деньги”. – Помин души. – Кристоф Креспин и Мартын Харлов. – Забывчивость престарелого теолога. – Штампки уместные и неуместные. – Общественный идеал, социальные нюансы и индивидуальные особенности

Краткие итоги реконструкций на основе нотариальной практики 334

Двустороннее творчество. – Индивидуальность через стереотипы. – О пользе исключений

ЛЮДИ И КАЗУСЫ. МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ 336

Еще раз о микроистории. – Казусный подход. – Проблема “плотного описания” или в погоне за “полнотой жизни”. – Казус сержанта Филона как “нормальное исключение”. – Охота за “странностями”

Три дарения по причине старости 342

Забывчивый Жан Локуэ 342

Самодельный акт. – Пасха в июне и забытые 800 ливров. – Коллегия Монтегю: покинутая альма матер и судебные тяжбы теолога. – Каменщик, кровельщик и студенты. – Под опекой убогого. – Первое наблюдение: стиль акта и жизненный стиль

Грозный Николь Леклерк	349
Теолог, его друзья и его враги. – “Гуманное обращение” одних и “величайшие несправедливости других”. – Семейное расследование. – Образ, создаваемый в актах, и реальности университетской жизни. – Декан, не прощавший обид. – Реформация, Контрреформация и семейные проблемы	
Многоликий Пьер Галланд	358
Карьера гуманиста. – Круг общения: ученые и администраторы. – Показатели успеха. – Три затруднительных ситуации: ректор против Сорбонны и против Рамуса, баталии на Пре-о-Клек. – Пикардийский патриотизм. – Меняющиеся идентичности Галланда. – Новые “профиты”. – Человек – это стиль	
Завещание, дарение, ревокация	371
Образцовый Тьерри Дюмонт	371
Некоторые странности олографического завещания: отсутствие благочестивых формул. – Любовь к “Синим детям”. – Любовь к родной усадьбе. – Фонтаны и мостовые. – Протестант или бюрократ?	
Предусмотрительный Жан Пилер	378
“Раздельный акт” 1539 г. и его уточнение 1548 г. – Дети от двух браков и “проектное мышление”. – Еще одно “олографическое” завещание. – Собственные похороны: простота и скромность. – Благотворительность на практике: вдовий дом и его насельницы. – Раздача бедным как пугало для наследников. – Отношения с детьми: подстраховка на случай неблагоприятного исхода событий. – Особый стиль нотариального поведения. – Урожай “профитов”. – Откуда берется оригинальность в нотариальном акте?	
Злосчастный Филипп Кавелье	394
Горячая благодарность другу. – Дело о фальшивой монете: сеньор против буржуа. – Комиссия Кеснеля и Бульта. – Первая попытка отвода судей и ее провал (осень 1547 г.). – Новые надежды на короля (весна 1548 г.). – Успех комиссаров: дело возвращено (лето 1548 г.). – Еще один отвод и еще один провал (зима 1549 г.). – Новая апелляция и этапирование в Париж (1550–1551 гг.). – Рождение монетной курии (1552 г.). – Частичный успех и подготовка к новым тяжбам. – Судьба Кавелье и судьба королевства	
Прославленный Шарль Дюмулен	411
Две ревокации с разницей в один год. – На службе общественному благу. – Женитьба ученого. – Неблагодарный брат. – Закон <i>si inquit</i> или закон <i>si totas</i> ? – Римское право против кутюмы. – Казус, вошедший в учебники. – Апогей славы. – Судьба спорной сеньории. – Неожиданная развязка. – Дюмулен и Большая история: взаимное влияние	
Два университетских дарения	426
Благочестивый Жан Брисонне	427
Президент среди крестьян. – Демарш 1525 г. в поисках виновных в пленении короля. – Против еретиков и сквернословов. – Любовь к “Красным детям”. – Идея Чистилища и жанр портрета	
Непреклонный Рауль Спифам	435
“Извлекать пользу из занятий”. – Алая мантия на черном фоне. – Рауль Спифам, его враги и друзья. – Адвокат против Парламента. – “Помутнение разума и чувств”. – “Самиздат” как оружие. – Тайна автора “Дикаэархии”: помешанный, ясновидец или аналитик? –	

Королевские указы и документальные приложения. – Судебная стратегия и тактика Рауля. – Рыцарь общественного блага. – Дела личные и дела королевские. – Успех тактический или стратегический? – Кто победил?

Краткие итоги анализа казусов	467
<i>Еще раз об условиях эксперимента. – Диагностика странностей. – Чем достигался эффект инновации?</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	470
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	477
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	498

TABLE

INTRODUCTION	17
<i>Les deux côtés d'une même recherche: réflexions méthodologiques et investigations empiriques. – Mais pourquoi les actes notariés? – Sources et structure</i>	
L'HISTORIOGRAPHIE ET LES SOURCES	23
L'histoire sociale de la France moderne et son destin dans la seconde moitié du XXe siècle	24
<i>Critères du choix des travaux. – Deux observations préliminaires</i>	
L'histoire socio-structurale (1950 – début des années 1970)	26
<i>L'histoire sociale comme un domaine particulier. – Programme de E. Labrousse. – L'époque des monographies locales. – Les études quantitatives dans le cadre de l'histoire sociale. – Les actes notariés comme source privilégiée. – R. Mousnier et sa vision du social. – Classes ou ordres? – Les discussions à Saint-Cloud. – L'histoire non-événementielle. – B. Prochnev et A. Lublinskaja écrivaient-ils une histoire sociale? – L'histoire sociale au sens étroit de ce terme. – Recherches empiriques des hiérarchies sociales. – L'histoire socio-structurale est-elle morte?</i>	
“La nouvelle histoire”, “l'histoire en miettes”. Les nouveaux “tournants” et “défis” (1970 – début des années 1990)	41
<i>La “nouvelle histoire” et l'histoire sociale. – Quand la “nouvelle histoire” a-t-elle commencé? – Les sorts de l'histoire des mentalités. – Le cas V. Raizes. – Les nouvelles conditions de l'histoire sociale. – Le tarif de capitation comme une hiérarchie sociale synthétique. – Les “french gentry” de George Huppert. – “Les intellectuels frustrés”. – Les défis de Foucauld et les défis américains. – La “microstoria” à l'italienne</i>	
A la recherche d'un nouveau paradigme (les années 1990)	62
<i>De “l'histoire en miettes” au retour du sujet. – Exemples de renouveau: l'histoire de la noblesse, “l'histoire culturelle”, “l'histoire des styles de vie”. – Les contours d'un mouvement émergent: l'idéal et la réalité. – “Chercher des solutions aux problèmes” ou “chercher des difficultés aux solutions”? – Menace de dépopulation. – Le conservatisme des historiens, cause d'un certain optimisme</i>	
Les sources	70
Les sources principales	70
<i>Réflexions sur les actes notariés. – Qualités et défauts des sources de masse. – Les registres des insinuations du Châtelet de Paris: originaux et publications. – Spécificité des recherches dans le Minutier Central. – Publications des minutes notariées. – Les manuels des notaires</i>	
Les autres sources	88

Elargissement du cercle des recherches. – Les fonds des cours souveraines: les registres du Parlement de Paris. – La Cour des Monnaies. – Les catalogues des actes du roi et autres documents législatifs et administratifs. – Les sources narratives

LA SOCIÉTÉ. UNE APPROCHE OBJECTIVISTE. RECONSTITUTION D'APRÈS LES INVENTAIRES ÉDITÉS.....	94
LA SOCIÉTÉ ET L'ÉCHANTILLON UNIVERSITAIRE. UNE ANALYSE "MACROSOCIALE"	94
La société et l'échantillon universitaire.....	94
<i>Ordre d'exposition: les avantages des registres des actes notariés et les profits des donations universitaires. – Ordre de l'investigation: de l'histoire sociale des universités vers l'histoire universitaire du social. – Réflexions sur le taux de représentativité de l'échantillon</i>	
L'analyse "macrosociale"	103
<i>Principes d'agrégation des groupes de donateurs. – Répartition des indices objectifs. – Les exposants bruts. – Les indices du prestige et d'humilité</i>	
LES CATÉGORIES DE DONATEURS.....	136
Catégorie 1 et 2. Les nobles et les seigneurs.....	136
<i>Qui compose la catégorie des nobles? – Les liens sociaux. – Les nobles en qualité de rentiers et de crédateurs. – Motifs des donations. – La catégorie des seigneurs a-t-elles des traits spécifiques? – Leadership et symptômes peu favorables</i>	
Catégorie 3. Les prêtres	140
<i>La spécificité du groupe, sa hiérarchie interne et les principes d'agrégation. – Les provinciaux: "les inférieurs" et "les supérieurs". – La famille des notables de Senlis. – Les revenus ecclésiastiques comme objet de donation. – Les Parisiens. – Le cas du chanoine Moissant. – La situation ambiguë des prêtres "inférieurs" à Paris</i>	
Catégorie 4. Les "gens de savoir": les officiers et les gens de justice	145
<i>Observations préliminaires à propos des principes d'agrégation</i>	
Les parisiens	146
<i>Degré universitaire comme démarcation sociale. – Les officiers. – Les avocats; Charles Guedon, avocat et fermier. – Les notaires. – Les procureurs au Parlement; l'énigme de Jeanne d'Allegre. – Les procureurs au Châtelet. – Les praticiens; Jean Mesmin et ses compatriotes. – Les sergents au Châtelet; le prisonnier Jean Poussepin. – La hiérarchie de Bernard Quilliet. – Les subalternes. – Les officiers des finances et les officiers municipaux</i>	
Les provinciaux	163
<i>Les officiers de justice. – Les officiers des finances. – Les avocats et les licenciés es droit. – Les procureurs et les notaires. – Les praticiens. – Les sergents et les autres</i>	
Les citadins: bourgeois, marchands, artisans. Catégorie 5, 6, 7	172
Les Parisiens	173
Catégorie 5a: les bourgeois	173

<i>A propos du terme "bourgeois de Paris". – Les "bourgeois de Paris" ou "vivant de ses rentes". – Les "six corps" et leur hiérarchie. – Les "marchands et bourgeois". – Marchands et bourgeois avec leur spécialisation de commerce. – Les "maître et bourgeois"; quatre générations de Robert</i>	
Catégorie 6a: Les "marchands de Paris" qui ne se qualifiaient pas comme "bourgeois".....	182
<i>Hasards de terminologie ou réalité objective? – L'adresse comme indicateur social. – Le cas du libraire Guillaume Passé. – Plutôt boutiquiers que négociants</i>	
Catégorie 7a: Les artisans de Paris.....	186
<i>Les maître de les autres. – L'augmentation des indices d'humilité. – Les factures et les additions. – Les boulangers des faubourgs de Paris. – La maison non loin des égoûts</i>	
Les Provinciaux.....	190
<i>Zone géographique</i>	
Catégorie 5b: Les bourgeois des villes provinciales.....	191
<i>Les donateurs respectables. – Les largesses d'Antoine Courtoise. – La garenne entourée d'une haie d'aubepine. – Les pommiers "Bondit"</i>	
Catégorie 6b: Les marchands provinciaux.....	192
<i>Parents respectables et riches donations. – Le cheval de Pierre Clement sous la housse de moire. – Cas d'hérésie. – Plutôt négociants que boutiquiers</i>	
Catégorie 7b: Les artisans provinciaux.....	196
<i>Augmentation des indices d'humilité. – Apparition d'indicateurs de "rusticité"</i>	
Catégorie 8: Les laboureurs.....	198
<i>Traits d'hypergamie. – De laboureur à humaniste. – L'énigme des Lancelaine. – Rentes, créances et vaisselle d'étain. – Le caractère sacré de la science. – L'attente d'aimables services. – Localisation des donateurs. – L'influence de la grande ville</i>	
Catégorie 9 et 10: Les inférieurs et les donateurs dont l'état n'est pas identifié.....	206
<i>Les compagnons. – Les manœuvriers et les domestiques parisiens. – Les provinciaux. – Les inférieurs sont bien plus pauvres que les autres. – Les non-identifiés comme groupe de contrôle. – Les habitants des paroisses et les censives. – Les "demeurant à". – Les parisiennes. – Ceux qui nous sont complètement inconnus</i>	
Conclusions préliminaires.....	214
<i>Quelle société avons-nous construite, ou faut-il craindre des truismes? – Réflexions sur le "modèle universitaire" de la France. – Trois questions pour l'avenir</i>	
LES MESURES DU CONTRÔLE.....	219
Les contrats de mariage.....	219
<i>Méthodes de travail et corrélations avec les résultats précédents. – Nobles et seigneurs: deux mode d'action. – Officiers et gens de justice: l'endogamie, l'hypergamie et les "fiancés de demain". – Les bourgeois: plus de filles à marier que de jeunes hommes à fiancer. – Y-a-t-il dans ce cas une différence entre bourgeois et marchands? – Le monde clos des métiers. – Les contrats des laboureurs. – Les compagnons, les manouvriers et les servantes. – Conclusions. – Une régularité suspecte</i>	

Le facteur temps: répartition des actes dans les volumes des Registres du Châtelet de Paris sur vingt années	244
<i>Rythmes d'enregistrement: la croissance, la crise du quinquennat, le relèvement. – Les contrats de mariage et les donations universitaires: crescendo et diminuendo. – Vérification par les donations testamentaires. – Le mystère des trois courbes</i>	
Encore une vérification: autres sources et autres périodes	251
<i>Les Registres du Châtelet et les minutes notariées: une divergence significative. – Les rythmes d'enregistrement après 1559: une courbe descendante. – Les ordonnances éclaircissent la situation. – Tous sort des filous, ou la représentativité en question. – Nécessité de nouvelles approches.</i>	
LES PRATIQUES. L'APPROCHE ANTROPOLOGIQUE. RECONSTITUTION D'APRÈS LES REGISTRES ET LES MINUTES NOTARIÉES	
<i>Des pratiques à l'homme</i>	258
Comment était rédigé un acte notarié à Paris au XVI siècle	259
<i>Choisir son notaire. – La rédaction du texte d'un acte. – D'où provenaient les formulaires? – Le paiement du notaire. – Certification des droits des parties. – L'exemple des donations universitaires. – L'enregistrement d'une donation au Châtelet. – Expression de la volonté du donateur, contrainte de la forme, ou dik-tat du notaire?</i>	
Formulation des motifs des donations universitaires	280
<i>Expier mes fautes. – Un corpus de motivations. – De nouveau, à propos des notaires du Châtelet de Paris. – "Une marque personnelle". – Les stéréotypes et leurs composants. – Formules de motivations dans les actes des provinciaux et leurs traits particuliers. – Les trois conceptions de la formation universitaire. – Brève excursion dans l'histoire des universités. – Des conclusions encourageantes</i>	
"Vieux et caduc": les donations des personnes âgées et invalides	299
<i>Justification d'un tel choix: ni trop nombreux, ni trop peu. – La vieillesse vue par les historiens. – Le cas de Jehan Aucoq. – Deux groupes d'actes. – Description de l'état des donateurs; leurs motivations. – Le cercles des personnes de confiance. – Le traitement idéal: du vin, du pain blanc, et des deniers pour de "menus plaisirs". – Les cérémonies funéraires et les messes pour le salut de l'âme. – Cristophe Crespin et Martyn Kharlov. – Pertes de mémoire d'un théologien âgé. – Des clichés pertinents et inattendus. – Un idéal commun, des nuances sociales et des particularités individuelles</i>	
De brèves conclusions des reconstitutions d'après la pratique notariale	334
<i>La coopération mutuelle. – L'individualité à travers des stéréotypes. – De l'utilité des exceptions</i>	
DES HOMMES ET DES CAS. L'APPROCHE MICROHISTORIQUE. RECONSTITUTION D'APRÈS LES SOURCES D'ORIGINE PERSONNELLE	
<i>De nouveau, à propos de la microhistoire. – Analyse de cas. – Problème de la "description dense", ou en quête de saveur de vie. – Le cas du sergent Nicolas Filon</i>	
Trois donations "pour cause de grand âge"	342
Jean Locquet, "courte mémoratif"	342

<i>Un acte bricolé. – Pâques en juin. – Les 800 livres oubliés. – Le Collège Montaigu: L'Alma mater délaissée. – Les litiges juridiques du théologien. – Le maçon, le couvreur et les étudiants. – Sous la tutelle d'un infirme. – Première observation: concordance entre le style de l'acte et le style de vie.</i>	
Le redoutable Nicolas Leclerc	349
<i>Le théologien, ses amis et ses ennemis. – “traité humainement” par les uns et “les horribles injustices” des autres. – Une enquête familiale. – Une représentation dessinée par les actes et les réalités de la vie universitaire. – Le doyen qui ne pardonnait pas les offenses. – Réforme, Contre-Réforme et affaires de famille</i>	
Pierre Gallande, le caméléon	358
<i>La carrière d'un humaniste. – Le cercle d'amis: les savants et les administrateurs. – Les indices d'un succès. – Trois situations problématiques: un recteur contre la Sorbonne et contre Ramus, batailles au Près-aux-clerics, un patriotisme picardien. – Les identités plurielles de Gallande. – De nouveaux profits. – L'homme, c'est style</i>	
Testament, partage, révocation	371
L'exemplaire Theierry Du Mont	371
<i>Certaines singularités du testament olographe: absence de clauses pieuses. – L'amour pour les “enfants bleus”. – L'amour pour sa seigneurie. – Les fontaines et les pavés. – Le protestant ou le bureaucrate?</i>	
Le prévoyant Jean Pileur	378
<i>“L'acte de partage” de 1539 et sa précision en 1548. – Les enfants de deux lits et la préoccupation pour l'avenir. – Ses funérailles: simplicité et modestie. – La bienfaisance en pratique. – La maison des veuves et ses habitantes. – La perspective de l'aumône comme épouvantail pour les héritiers. – Les relations avec leurs enfants: l'assurance contre une mauvaise tournure des affaires. – Un style particulier de rédaction des actes notariés. – Moisson de profits. – D'où provient l'originalité des actes notariés?</i>	
Le malencontreux Philippe Cavalier	394
<i>Une fervente reconnaissance à l'ami. – L'affaire des faux-monnayeurs: un seigneur contre un bourgeois. – La commission de Quesnel et Bult. – Une première tentative de récusation des juges et son échec (automne 1547). – De nouvelles espérances concernant le roi (printemps 1548). – La victoire des commissaires: renvoi de l'affaire (été 1548). – Nouvelle récusation et nouvel échec (hiver 1549). – Nouvel appel et envoi à Paris (1550–1551). – Erection de la Cour des Monnaies (1552). – Demi-victoire et préparations à de nouveaux litiges. – Le destin de Philippe Cavalier et le destin du royaume.</i>	
Le célèbre Charles Dumoulin	411
<i>Deux révocations en moins de deux ans. – Au service du bien public. – Le mariage du jurisconsulte. – Le frère ingrat. – La loi “si unquam ou la loi si totas”? – Le droit Romain contre la coutume. – Le cas Dumoulin intégré dans les manuels. – L'apogée de la gloire de Charles Dumoulin. – Destin de la seigneurie. – Un dénouement tragique. – Dumoulin et l'Histoire: une influence mutuelle</i>	
Deux donation universitaires	426
Jean Briçonnet, “le pieux”	427
<i>Le président dans l'entourage des laboureurs. – La démarche de 1525: à la recherche des coupables dans la captivité du roi. – Contre les hérésies et les blasphèmes. – L'amour pour les “enfants rouges”. – L'idée du Purgatoire et le genre du portrait</i>	

Raoul Spifame, “l’opiniâtre”	435
<i>“Tirer profit des études”. – Une robe écarlate sur fond noir. – Les amis et les ennemis de Raoul Spifame. – L’avocat contre la Cour du Parlement. – “Perturbation de sens et d’esprit”. – Le samizdat comme arme de défense. – Le secret de l’auteur du “Dicaearchiae” : un fou, un clairvoyant ou un analyste? – Les arrêts imaginaires du roi et les pièces justificatives. – Stratégie et tactique judiciaires de Raoul Spifame. – Chevalier de bien public. – Les affaires personnelles et les affaires du royaume. – Succès tactique ou stratégique? – A qui la victoire?</i>	
Brèves conclusions de l’analyse des cas	467
<i>Encore une fois sur les conditions de l’expérience. – Diagnostic des singularités. – Comment furent obtenus les effets d’innovation?</i>	
CONCLUSION GENERALE	470
SOURCES ET BIBLIOGRAPHIE	477
INDEX DES NOMS DE PERSONNES	498

*Памяти Юрия Петровича Уварова,
человека, очень любившего Францию,
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Две стороны одной работы: “рассуждения о методе” и конкретно-историческое исследование. – Почему именно нотариальные акты? – Источник и композиция

Современные работы по эпистемологии исторического знания научили нас с уважением относиться к метафорам, которыми пользуется исследователь. Один историк уподобляет изучаемое общество конструкции из кубиков или блоков, другой настаивает на метафорах электричества, токов, проводов и зарядов, третий сравнивает историю с морем, в котором есть пена событий и глубинные течения “истории большой длительности”. Для того чтобы дать представление о характере предлагаемой работы, можно также подобрать свою метафору. Автора когда-то впечатлил плащ, пошитый на фабрике “Большевичка” – он был двусторонний, его можно было носить как с лица, так и с изнанки, и никто не мог сказать, какая именно сторона является подкладкой. Данное исследование должно походить на этот плащ: две его стороны, две отправные посылки и главные цели не просто дополняют друг друга, но вполне равноправны. Одна сторона или один план посвящены собственно социальной истории Франции XVI века. Другой план несет на себе отпечаток постоянных “рассуждений о методе”. И трудно сказать, где изнанка, а где лицо.

“Социальная история умерла”. Эту фразу в последнее время приходится слышать достаточно часто. У тех, кто ее произносит, есть определенные основания так говорить. Та социальная история, которая претендовала в 1960-е годы на роль стержня всего исторического знания, находит теперь не так уж и много приверженцев. Целый ряд “вызовов” увел исследовательские симпатии в иные сферы. О том, как и почему сложилась такая ситуация, и о том, какова природа этих “вызовов”, написано немало работ, в том числе и на русском языке. В одних социальной истории выносятся беспощадный приговор, в других по поводу перспектив ее выживания выражается определенный оптимизм. Но есть у всех этих работ одно качество – они в основном написаны “извне”: либо профессиональными знатоками историографии и методологии истории, либо историками, некогда практиковавшими на ниве эмпирических исследова-

ний, но затем с головой ушедшими в распутывание хитросплетений когнитивных наук, в бездны эпистемологии. В любом случае рассуждения, порой в высшей степени интересные и познавательные, о природе исторического знания, о судьбах того или иного исторического направления слишком быстро и слишком далеко отрываются от серых будней работы с конкретным эмпирическим материалом. Конечно, рефлексия по поводу особенностей работы историка вполне естественна и закономерна, она, как всякое самопознание, чрезвычайно привлекательна для исследователя и весьма востребована обществом. Но определенная опасность состоит в том, что раз вступив на этот путь, историки зачастую уже не возвращаются назад, к практике. Это явление англоязычная публика назвала бы “one way ticket”, а тюркоязычная – “барса-кельмес”. И дело, надеюсь, не только в видимых выгодах, сулимых на пути эпистемологических или историографических исследований, но и в “эффекте сороконожки”. Раз задумавшись над механизмами и правилами чужого, а тем более своего творчества, историк перестает работать с источником подобно сороконожке, парализованной вопросом о том, что делает ее тридцать восьмая нога, в тот момент, когда она шагает своей двенадцатой парой ног. Все это вполне оправдано, закономерно и вызывает уважение. Но вот только уводит размышления от эмпирической реальности источника все дальше и дальше. Не потому ли в нашей стране, да и не только в ней, все меньше и меньше становится “практикующих” историков и все больше историографов, методологов и эпистемологов? Но если перспектива того, что число людей, изучающих историков, может значительно превысить число людей, изучающих историю, характерна лишь для некоторых областей исторического знания, то разрыв между историками-практиками и “эпистемологизирующими” историками представляется делом вполне реальным. Вторые образуют свою субкультуру, свой язык и свою ценностную иерархию, и, занятые интенсивной полемикой друг с другом, не замечают того, что первые их в лучшем случае перестали понимать, а в худшем – понимать не желают. Причем оба семейства, похоже, вполне довольны такой ситуацией. Возможно, это дань времени, но в таком случае многократно и справедливо раскритикованная социальная история 1960-х или “новая социальная история” в этом смысле выгодно отличались от нашего времени: в ту пору историки наивно пытались совместить в своей работе “рассуждения о методе” с практическим применением этих методов.

Итак, одна из задач данной работы заключается в том, чтобы говорить о проблемах социальной истории и о стоящих перед ней “вызовах”, не изменяя жанру конкретно-исторического исследования. С этой целью “строительные леса”, возводимые при работе над источником, по возможности будут оставаться неразобранными: хотелось бы показать те реальные трудности, с которыми сталкивается историк, исследующий тот или иной сегмент социальной жизни.

И пусть придется “наступать на грабли”, повторяя путь, проделанный несколькими поколениями представителей социальной истории; и пусть наши гипотезы и заключения могут показаться трюизмом, важно, что проблемы эти не почерпнуты из историографических работ и не выведены умозрительно, а вполне реальны и порождены непосредственным опытом эмпирического исследования.

Реконструкция социальных структур и отношений для одного из этапов жизни общества эпохи Старого порядка – это классический сюжет для французской историографии 50–60-х годов XIX в., которая, в свою очередь, была в ту пору “классической” национальной школой социальной истории. Произвести этот опыт реконструкции мы попытаемся на основании источника, ставшего опять-таки классическим для социальной истории: на основании нотариальных актов. Вряд ли на этой прекрасно обработанной ниве нас ждут какие-нибудь открытия революционного значения. Но, возможно, в результате этого своеобразного эксперимента над собой мы сможем “изнутри” лучше определить причины и масштабы пресловутого “кризиса” социальной истории, понять направление эволюции этой дисциплины, определить ее перспективы.

Другая сторона и другая цель данной работы лежит уже исключительно в плоскости истории XVI в. Одно лишь то, что избранный нами источник фиксирует “стоп-кадр” – Франция последнего мирного периода накануне Религиозных войн, придает исследованию специфическое звучание. Мы попытаемся “взять” французское общество в, пожалуй, максимально интересный и драматичный период: время успехов монархии, названной позднее абсолютной, время расцвета гуманизма, начала Реформации и зарождения Контрреформации, время вызревания конфликтов, свергнувших страну в разрушительный полувековой кризис, ставший наиболее тяжелым испытанием французской монархии вплоть до самой французской революции 1789 г. Даже если и не считать, что политические процессы и события, а также явления религиозной и культурной жизни имеют социальную подоплеку, все равно устройство французского общества этого периода не может не вызывать живейшего интереса. Как структурировалось это общество, насколько выраженной и жесткой была в нем социальная иерархия, на основе каких признаков можно выделять социальные группы и в каких отношениях они находились между собой, как осуществлялась социальная динамика, какова была степень свободы индивида, как жил человек накануне Религиозных войн, что он говорил и чувствовал, какова была мотивация его поступков, и, наконец, – как можно искать ответы на эти вопросы на основании нотариальных актов? Все это представляется достаточно важным, чтобы стать темой исследования. Конечно, заранее ясно, что цель эта недостижима, как недостижима сама объективная истина, и что осуществленная в результате реконструкция будет лишь весьма специфичной моделью общества, “авторским вариантом” его

видения. И все же движение в этом направлении представляется бесполезным и, остается надеяться, небезынтересным.

Соединяя оба плана предлагаемого исследования, необходимо сказать несколько слов о его структуре и выборе источника. Как следует из подзаголовка работы, она написана на основе нотариальных актов. Если быть точным, то главным источником являются те из них, которые были зарегистрированы в Парижском Шатле с 1539 по 1559 г. Обосновывать правомерность подобного выбора нам придется еще неоднократно по ходу исследования. Сейчас же надо затронуть достаточно щекотливый вопрос. Опора на один источник, сколь богатым бы он ни казался, не может не вызвать возражений: ведь серьезные работы в жанре социальной истории давно уже предполагают комплексный анализ самых разнообразных видов источников, с целью создать “плотное описание” сети социальных связей индивида или какой-либо общности. Зачем же так обеднять исследование?

Ответить на этот вполне справедливый упрек можно следующим образом.

Во-первых, историко-социальное исследование порой бывает основано на использовании не только одного типа, но и попросту одного источника. Правда, источника чрезвычайно богатого. Книги Э. Ле Руа Ладюри¹ остаются в этом смысле труднодостижимыми образцами для подражания, но подобные “моно-источниковые” исследования встречаются не так уж и редко². Тем более интересен этот опыт в нашей стране, где работа историка на ниве социальной истории всегда была и в какой-то мере и поныне остается ограниченной по своим возможностям вести многоплановые архивные изыскания.

Во-вторых, по мере необходимости и по мере возможности дополнительные источники, конечно же, привлекаться будут – и нотариальные документы, почерпнутые непосредственно из Центрального хранилища нотариальных актов, и юридические трактаты, и нарративные памятники, о чем подробнее пойдет речь в разделе, посвященном обзору источников.

В-третьих, концентрация внимания на нотариальных источниках имеет прямую связь с тем, что исследование в какой-то мере замышляется как “римейк” старой/”новой” социальной истории. Ведь, как с полным знанием дела отмечает Н.Е. Копосов в своей книге, написанной на материале французской социальной истории, – “нотариальные документы – излюбленный источник социальной истории

---

¹ *Le Roy Ladurie E. Carnaval des Romains: De la Chandeleur au mercredi des Cendres (1579–1589). P., 1979* (в русском переводе: *Ле Руа Ладюри Э. Монтанью, окситанская деревня. Екатеринбург, 2001*).

² *Davis N. Zemon. The fictions in archives: Pardon and their tellers in sixteenth-century France. Stanford, 1987.*

1960-х годов. Не будет преувеличением сказать, что если бы не архивы нотариусов, не было бы и спора о классах и сословиях. Ведь задача социальной истории состояла именно в том, чтобы сконструировать модель общества Старого Порядка на основе нотариальных документов”³.

Когда-то в период апогея позитивистского оптимизма, было постулировано, что “история пишется по документам... Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории”⁴. С тех пор историки и историософы тем и занимались, что оспаривали эту максиму как явное упрощение. Выяснилось, что помимо историка и источника в таинстве рождения исторического сочинения присутствуют еще многие стороны: социальный заказ, груз историографических традиций и мифов, институциональные рамки историописания, дисциплинарные режимы, лингвистическое принуждение, дискурсивные практики и правила конструирования нарративов, психо-физиологические рамки человеческого мышления и еще многое другое.

И все же, если от остальных элементов можно хотя бы на время абстрагироваться, то два из них представляются абсолютно необходимыми: историк с одной стороны и источник – с другой. И хотя в последнее время в связи с “возвратом к субъекту” источник как-то все чаще также элиминируется из книг, выставленных в отделе “История”, мы все же по старинке воздержимся от того, чтобы считать эти работы историческими.

Поэтому, возвращаясь к некоей изначальной точке социальной истории, чтобы проделать в порядке “эксперимента над собой” путь, пройденный ею за последние десятилетия XX в., для большей наглядности нам понадобится относительно однородный источник. Этим источником являются для нас парижские нотариальные акты XVI в. определенного типа, точнее – определенных типов.

Каждая из глав будет соответствовать и особой модификации нотариального источника: в одной из них мы будем работать с публикацией актов, зарегистрированных в книгах парижского суда, в другой – с оригиналами этих актов и с их нотариальными минутами, в третьей – с нотариальными минутами и с иными источниками личного происхождения. Но по мере возможности мы будем пытаться в каждой из глав следовать определенной методологии, или, во всяком случае, выбирать в каждом случае особый ракурс, особый стиль рассмотрения проблемы. Издержки этой композиции очевидны – подобное расчленение сюжета может показаться нарочитым и даже несколько редуccionистским. И все же риск в данном случае оправдывается вышеназванным стремлением с возможно большей наглядностью показать плюсы и минусы различных подходов к социальной истории.

---

³ *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 71–72.

⁴ *Ланглуа Ш., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. СПб, 1898.

Предлагаемая вниманию читателей книга вряд ли была бы написана без той уникальной творческой атмосферы относительно мирного сосуществования различных направлений, которой характеризовался наш Институт Всеобщей истории Российской академии наук на протяжении последних пятнадцати лет своей истории (период директорских полномочий А.О. Чубарьяна). В той или иной степени материалы этого исследования неоднократно обсуждались как в моем родном Отделе Западноевропейского Средневековья и Раннего Нового времени, так и на семинарах по истории частной жизни и повседневности и по исторической антропологии.

С удовольствием выражаю благодарность парижскому Дому наук о человеке и его руководителю Морису Эмару, а также Роже Шартье, положительно оценившему ту заявку, которую я подал для получения бursы Дидро в далеком 1994 г. Мне посчастливилось на протяжении ряда лет принимать участие в работе семинара, руководимого Робертом Десимоном в Высшей школе социальных исследований в Париже, и я с теплотой вспоминаю интереснейшее научное общение с коллегами по этим пятничным заседаниям, из года в год начинавшимся неизменно рано – в 9 часов утра. Благодаря неизменной поддержке удивительного человека – Нэтэли Земон Дэвис мне удалось открыть для себя американскую школу франковедов, знакомство с которой оказалось чрезвычайно поучительным. Своему обучению элементарным основам выживания и ориентирования в безбрежных фондах Национального архива я обязан той помощи, которую оказывали мне уже упоминавшийся Робер Десимон и Мари-Ноэль Бодуэн-Матузек, прекрасный архивист, известная своей самоотверженной помощью многим поколениям историков, осмеливающихся работать с архивными документами XVI столетия.

На самых разных этапах работы над книгой с текстом ее отдельных глав знакомились А. Берелович, Б.Л. Бессмертный, О.И. Варьяш, П.Ш. Габдрахманов, А.Я. Гуревич, Е.Н. Кириллова, Н.Е. Копосов, А. Круа, Д. Крузе, Ю.П. Крылова, С.И. Лучицкая, В.Н. Малов, А.А. Сванидзе, Г.М. Тушина, Н.А. Хачатурян, М. Холт, С.К. Цатурова, З.А. Чеканцева, М.А. Юсим, которым я выражаю глубокую признательность за взятый на себя труд и высказанные замечания. Н.И. Алтухова помогла привести в порядок библиографию, а М.-Э. Ракюзен любезно согласилась отредактировать французский вариант моего оглавления. Но поистине самоотверженная помощь в работе над книгой была оказана М.В. Винокуровой, взявшей на себя труд первого читателя, редактора и взыскательного критика всей рукописи.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Обычно вступительный историографический обзор играет вполне утилитарную роль: обозначив свою проблему, автор демонстрирует успехи своих предшественников и, главное, их упущения, а также повышение всеобщего интереса к данной теме (наблюдаемое сейчас или ожидаемое в ближайшем будущем), что делает его исследование актуальным, обоснованным и вписанным в национальный или международный историографический контекст.

Но в нашем случае написать подобный обзор историографии проблемы практически невозможно – работ будет или слишком мало или слишком много. Реконструировать французское общество 1539–1559 гг. на основании регистра парижского Шатле в голову никому не приходило, да и попыток воссоздать общество именно данного периода на основе нотариальных актов не так много. Но если хотя бы по паре строк уделить всем работам, которые так или иначе могли бы быть полезными для наших задач, то историографический раздел растянулся бы не на одну сотню страниц. Сразу же отметим, что отдельные историографические экскурсы нам придется проделывать, разбирая ту или иную частную проблему нашего исследования. В свое время, например, придется затронуть работы по истории французских университетов и образования, осветить отдельные аспекты историографии французского гуманизма, Реформации и Контрреформации, воспользоваться плодами работы исследователей некоторых институтов монархии.

В данном очерке речь прежде всего пойдет о судьбах и перспективах так называемой социальной истории, понимаемой как специфическая отрасль исторического знания, концентрирующей свои усилия на описании социальных структур и принципов устройства общества, будучи противопоставленной (конечно, весьма условно) истории политической, экономической, традиционной истории культуры и др.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ И ЕЕ СУДЬБЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Критерии отбора трудов. – Два предварительных замечания

Обрисовывая, как представляется, наиболее важные аспекты развития социальной истории Франции, мы постараемся руководствоваться следующими критериями отбора. В данном случае мы будем говорить о работах, авторы которых или сами определяли жанр своего исследования как социальную историю, или причислялись к этому направлению критиками. Из этих работ нас по преимуществу будут интересовать те, в которых речь пойдет об истории Старого порядка, и, желательно, – истории XVI в. При этом важным критерием для нас будет служить отношение авторов к использованию нотариальных актов.

Но этот обзор хотелось бы предварить некоторыми соображениями, возникающими обычно при чтении историографических работ. Мы будем говорить о неких историографических тенденциях, периодах, направлениях, о “сменах парадигм”, о дискуссиях, которые велись на страницах ведущих журналов, начиная, конечно, со знаменитых “Анналов”. Если этого не сделать, то историографический очерк грозит обернуться аннотированной библиографией. Но не стоит ни на минуту забывать об условности выделения различных историографических школ, направлений и периодизаций. Какие бы историографические драмы ни разыгрывались на подиуме “высокой моды” исторической науки, – значительная, быть может, и большая часть нашего профессионального сообщества относится к ним весьма отстраненно. Историки и во Франции, и в США и, смею надеяться, в нашей стране в массе своей мало вникают в тонкости эпистемологических проблем и простодушно уверены в том, что история пишется по источникам, что они оперируют объективными научными фактами, восстанавливая прошлое “как оно было на самом деле”, не воспринимая методологические дискуссии на свой счет. Это большинство поистине “молчаливое”, ведь человек, который вообще в методологию не верит, редко вмешивается в такую полемику¹. Поэтому у стороннего наблюдателя (а долгое время историки в нашей стране выступали именно как наблюдатели сторонние) складывалось обманчивое впечатление о поголовном следовании зарубежных коллег тому или иному новому веянию. Влияние различного рода “новых поворотов” на историче-

---

¹ Впрочем, бывают и исключения. См., например, материалы дискуссии по вопросам методологии и гносеологии, развернувшиеся на страницах альманаха “Одиссей, 1996”. Во время обсуждения не раз вспоминали слова русского историка Б.А. Романова о том, что “заниматься методологией – это все равно что доить козла”. В правомерности этой метафоры усомнился тогда А.Я. Гуревич (Гуревич А.Я. Вместо заключения, или можно ли “доить козла”? // Одиссей, 1996. М., 1996. С. 176–177).

ское сообщество является косвенным и крайне неравномерным. Это порождает немалые сложности при написании историографических работ: трудно сочетать проблемный характер изложения с полнотой охвата историографической панорамы, однако объективно этот консерватизм историков не так уж и плох.

И еще одно предварительное замечание. Не следует забывать, что творчество каждого исследователя лишь в конечном счете подчиняется (да и то вовсе не обязательно) логике изменения общего историографического климата или ритмам эволюции той или иной историографической школы. Если автор сначала на основе статистического материала написал работу о крестьянстве такой-то провинции, а через несколько лет опубликовал биографию такого-то короля, то из этого еще не следует, что историография от изучения социальных групп перешла к изучению исторической психологии конкретной личности. Просто автору удалось заключить выгодный договор с коммерческим издательством или заинтересоваться данной личностью по каким-то своим причинам. Точно так же на характер творчества могут влиять необходимость защиты диссертации, случайности архивных поисков, неожиданно дающие в руки исследователя какой-нибудь поразивший его источник, некие биографические события в жизни историка или кадровые перестановки в том университете, где он работает. Сколько раз бывает, что историографы причисляют автора к тому или иному направлению, а он совершенно неожиданно публикует работу совсем другого толка. Допустим, написал тот же Ле Руа Ладюри работу о крестьянах Лангедока и ряд критических статей, и те, кто говорил о школе “Анналов”, как начали его цитировать в качестве ярого сторонника “неподвижной истории”, истории без событий, сторонника “клиометрии”, фанатика количественных методов, так и продолжали еще долго упоминать его именно в этом контексте. Ведь писал же он в 1972 г.: “Историк завтрашнего дня будет программистом, или его не будет вовсе”, ратуя за сериальную историю или историю количественную, навсегда подписывая приговор истории событийной². Более того, он призывал к раздроблению истории, отказываясь от ее целостного восприятия. Но те из наших соотечественников, кто старательно полемизировали с ним, странным образом упустили из виду такой важный факт, что на 1975 г. приходится сенсационный успех работы “Монтайю, окситанская деревня”, – возможно, лучшей и самой известной из его книг, в которой нет никакой количественной и сериальной истории и нет никаких попыток расчленить целостное восприятие исторического процесса³. Пройдет еще немного времени,

---

² Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien. P., 1973. P. 14.

³ Le Roy Ladurie E. Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. P., 1975 (в русском переводе: Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001).

и этот убежденный могильщик событийной истории издаст “Карнавал в Романе”, монографию, посвященную лишь одному событию в жизни города провинции Дофинэ в эпоху Религиозных войн. И опять – шумный успех⁴. Причем, чем талантливее историк, тем больше в его творчестве подобных “сюрпризов”. Но, с другой стороны, тем значимее тенденции в историографии, которые все-таки пробивают себе дорогу сквозь хаос конъюнктурных, биографических и просто случайных факторов.

Социально-структурная история (1950–начало 1970-х годов)

Социальная история как особая субдисциплина. – Программа Э. Лабрусса. – Эпоха локальных монографий. – Количественная социальная история. – Нотариальные акты как привилегированный тип источника. – Ролан Мунье и его концепции. – Классы или сословия? – Споры в Сен-Клу. – Несобытийная история. – Были ли Б.Ф. Поршнев и А.Д. Люблинская социальными историками? – Социальная история в узком смысле слова. – Тяга к эмпирически осязаемой, “подлинной” социальной иерархии. – Умерла ли социально-структурная история?

Мы начнем обзор работ по социальной истории с 50-х годов XX в. Выбор этого рубежа нуждается в обосновании. Работ по социальной истории было немало и в предшествующие периоды. Даже если оставаться на французской почве и не брать, например, немецкую или российскую традиции, то сразу же приходят в голову имена Анри Бера, Франсуа Симиана с его вызовом традиционной историографии, Анри Сэ и многих других. Марк Блок и Люсьен Февр выбрали название для своего журнала: “Анналы экономической и социальной истории”; позже Февр комментировал этот выбор: «Нам обоим казалось, что столь расплывчатое слово, как “социальный”, было создано и пущено в ход личным указом исторического провидения именно для того, чтобы служить вывеской журнала, цель которого – не замыкаться в четырех стенах. Экономической и социальной истории не существует. Существует история как таковая, во всей своей целостности. История является социальной в силу самой своей природы»⁵. Прилагательное “социальное” устраивало

---

⁴ *Le Roy Ladurie E. Le Carnaval de Romans: De la Chandeleur au mercredi des Cendres (1575–1580). P., 1979.* Впрочем, и о “Монтайю”, и о “Карнавале” наша публика узнала вполне своевременно из реферативного журнала и реферативных сборников. Нашему профессиональному сообществу еще предстоит оценить значение скромных, но настойчивых усилий А.Л. Ястребицкой по синхронизации развития отечественной историографии с новейшими достижениями западных коллег.

⁵ *Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 25.*

основателей “Анналов” именно в качестве пустой этикетки. Большую широту в понимании социальной истории отличали и работы Анри Озе⁶. Прекрасная (и хорошо известная в нашей стране) работа Дж. Тревелльяна “Социальная история Англии”, трактовала социальную историю также предельно широко⁷. Люсьен Февр высмеивал исторические труды, подобные комоду: «Верхний ящик – политика, “внутренняя” – справа, “внешняя” – слева. Второй ящик: правый угол – “движение населения”; левый угол – “организация общества” (организация кем? Полагаю, политической властью, которая с высоты ящика номер один руководит, управляет и повелевает всем)»⁸. Но весь пафос таких историков, как Марк Блок, Люсьен Февр, Джордж Тревелльян, Жорж Лефевр был направлен против записи истории политических событий, великих людей или государственных институтов. Для них было важно установить взаимосвязь между экономическими, социальными и политическими, а также культурными “срезами” действительности. Поэтому в их трудах подспудно содержалась и другая идея, идея стратифицированного подхода к реальности, трактующего социальное как один из специфических уровней ее рассмотрения. Поэтому следующее поколение историков, сосредоточивших свое внимание на сфере социального, с полным основанием считало Марка Блока и Жоржа Лефевра своими предшественниками.

И все же в 50-е годы произошел качественный скачок. Признание важности социальных факторов, убежденность в том, что важные политические события имеют своей подоплекой (истинной, подлинной, а значит – глубинной причиной) именно социальные сдвиги, парадоксальным образом привели к торжеству более узкой трактовки социальной истории и к обособлению ее в отдельную субдисциплину, претендующую, однако, на роль королевы исторического объяснения.

Решающий шаг в становлении социальной истории сделан был Эрнестом Лабруссом, чья эволюция весьма примечательна⁹. В 30-е годы он изучал экономическую историю и изменение экономической конъюнктуры, приведшей к экономическому кризису в конце Старого порядка¹⁰. Затем Лабрусс перенес свое внимание на соци-

---

⁶ Hauser H. L'enseignement des sciences sociales: État actuel de cet enseignement dans les divers pays du monde. P., 1903.

⁷ Trevelyan G.M. The Social history of England. L., 1944 (в русском переводе: Тревелльян Дж.М. Социальная история Англии. М., 1959).

⁸ Февр Л. Указ. соч.

⁹ Справедливости ради надо отметить, что сам Лабрусс, по свидетельству Пьера Вилара, относился к термину “социальная история” с недоверием. См.: Histoire sociale. Histoire globale? Actes du colloque des 27–28 janvier 1989 / Dir. C. Charle. P., 1993. P. 67.

¹⁰ Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. P., 1943.

альные последствия экономической конъюнктуры, определявшиеся в зависимости от позиции, занимаемой различными классами в процессе производства. Не будучи последовательным марксистом, Лабрусс основывал свои штудии 50-х годов на концепции разделения общества на классы, определяемые по их месту в производственных отношениях. Он и его последователи отдавали приоритет массовым источникам, позволяющим описать общество Старого порядка в виде иерархии групп, различавшихся характером и размерами своего богатства и доходов. Для этого наиболее подходящими представлялись фискальные источники. Но важность подхода Лабрусса для нашей темы определяется тем, что он настаивал на необходимости проверки полученных данных материалами нотариальных архивов, в особенности посмертными описями и брачными контрактами. Особенно значимым был этот тип источника для социальной истории Парижа.

В 1955 г. на Международном конгрессе исторических наук в Риме (характеризовавшемся, помимо прочего, первым контактом западных историков с советскими коллегами) Лабрусс озвучил проект комплексного исследования французской буржуазии XIX в., призывающий перейти от индивидуальных выборочных примеров к массовому описанию социальных групп с использованием количественных методов¹¹. Сведение воедино данных локальных исследований и должно было в перспективе дать подлинно научную, объективную картину состояния класса буржуазии. А когда Пьер Вилар, придерживавшийся марксистских взглядов, упрекнул Лабрусса в отсутствии строгого определения буржуазии, то последний дал весьма примечательный ответ: «сначала надо получить социальные группы, а потом посмотреть, насколько они соответствуют теоретическим моделям классов»¹². Сам же Эрнест Лабрусс надеялся, что полученные «настоящие» классы и будут соответствовать классам в их марксистском понимании.

Началась эпоха просопографических обследований отдельных социальных групп¹³ и добротных локальных монографий, восстана-

---

¹¹ *Labrousse E. Voies nouvelles vers une histoire de la bourgeoisie occidentale aux XVIIIe et XIXe siècles // Relazioni del X Congresso internazionale di Scienze Storiche (Roma, 1955). Firenze, 1955. Vol. 4. P. 365–396.*

¹² См.: *Atti del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma, 1955. P. 514–530; ответ Лабрусса см.: Ibid. P. 528–530.*

¹³ *Bluche F. Les magistrats du Parlement de Paris au XVIIIe. P., 1960 (в 1986 г. переиздана с предисловием Э. Ле Руа Ладюри); Idem. L'Origine sociale des secrétaires d'Etat de Louis XIV (1661–1714) // Le XVIIe siècle. 1959. № 42–43. P. 8–22; Venard M. Bourgeois et paysans au XVIIe siècle. P., 1957; Meyer J. La noblesse bretonne au XVIIIe siècle. P., 1966. Vol. 1–2; Gruder V. The royal provincial intendants: A governing elite in XVIIIth century France. Ithaca, 1968; Gascon R. Grand commerce et vie urbaine au XVIe siècle: Lyon et ses marchands (environs de 1520–1580). Paris; La Haye, 1971. Vol. 1–2.*

вливающих социальные структуры того или иного региона, истории отдельных семей, представлявшие собой эшелонированные во времени на полтора–два века рассказы о социальной мобильности. И пусть усилия и амбиции историков 50–60-х годов будут затем восприниматься критически, это была поистине великая эпоха, звездный час французской социальной истории. Многие монографии того времени продолжают вызывать искреннее уважение и даже зависть. Я бы отнес к таким шедеврам первую монографию Пьера Губера “Бове и Бовези”¹⁴, исследования системы власти и мира чиновников бальяжа Санлис, предпринятое Бернаром Гене¹⁵, исследование судеб предков канцлера Сегье, ставшее темой исследования Дени Рише¹⁶, или предков будущего Кольбера (диссертация Жана-Луи Буржона, впрочем, защищенная уже в иную историографическую эпоху)¹⁷. В эти же годы территория Франции начинает описываться в монографиях, посвященных восстановлению жизни сельских¹⁸ и городских¹⁹ сообществ.

Всеобщей становится уверенность в том, что полноценное, поистине научное исследование – это исследование по социальной или социально-экономической истории, и что оно должно быть основано на массовом материале фискальных, нотариальных, приходских и иных источников, должно быть снабжено таблицами, графиками, диаграммами, помогающими восстанавливать “подлинные” структуры прошлого общества. Позже американский историограф Ф. Кэрард остроумно заметит, распространяя свое замечание, впрочем, уже и на следующие поколения французских историков, что для них склонность к использованию серий фактов, статистических сводок и диаграмм по сути была своеобразной риторической фигурой, указывающей на приверженность автора к “рациональной” аргументации.

---

¹⁴ *Goubert P.* Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. P., 1960. Vol. 1–2.

¹⁵ *Guenée B.* Tribunaux et gens de justice dans le baillage de Senlis à la fin du Moyen Âge. Srasbourg, 1963.

¹⁶ *Richet D.* Une Famille de Robe: Les Séguier avant le Chancelier: Thèse secondaire pour le doctorat d'Etat. 1964. Эта диссертация долгое время оставалась неопубликованной и так и не была защищена, однако материалы, собранные в исследовании, были достаточно широко известны многочисленным ученикам Д. Рише. Текст был опубликован в посмертном издании: *Richet D.* De la Réforme à la Révolution: Etudes sur la France moderne. P., 1991.

¹⁷ *Bourgeon J.-L.* Les Colbert avant Colbert: Destin d'une famille marchande. P., 1973.

¹⁸ *Le Roy Ladurie E.* Les paysans du Languedoc. P., 1974. Vol. 1–2; *Jacquart J.* Société et vie rurale dans le sud de la région parisienne du milieu de XVIe au milieu du XVIIe siècle. P., 1971; *Bouvet M., Bourdin P.M.* A travers la Normandie des XVIIe et XVIIIe siècles. Caen, 1968.

¹⁹ *Fedou R.* Les Hommes de loi lyonnais à la fin du Moyen Age: Etude sur les origines de la classe de robe. P., 1964; *Deyon P.* Amiens, capital provinciale: Etude sur la société urbaine au XVIIe siècle. Paris; La Haye, 1967.

Это придавало исследованию скорее больше внешней убедительности, чем достоверности²⁰.

Но локальные монографии были лишь частью большой, не вполне отрефлектированной, но подразумеваемой программы. В ту пору никто не отказывался от главной амбиции – охвата всей территории Франции, реконструкции ее реально существовавших социальных структур. В каком-то смысле плодом обобщения стали коллективные труды, опубликованные уже в 70-е годы – “История сельской Франции” и “Социальная история Франции”, но их трудно назвать результатом желаемого синтеза, они были написаны уже в иную историографическую эпоху²¹.

Но тогда, на рубеже 50-х и 60-х годов, речь шла не только о локальных монографиях, но о большем – об открытии тайны “подлинной” социальной иерархии, основанной на объективных критериях. В работах Аделина Домар и Франсуа Фюре, вдохновленных программой Лабрусса, была предпринята попытка описания французского общества на основе социопрофессиональной классификации, разработанной во Франции Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE) в послевоенный период. Так родилась количественная и статистическая социальная история: Домар и Фюре выделили в итоге 23 большие категории населения, определяемые в зависимости от их роли в системе производства, профессиональной принадлежности и юридического положения. Причем основой для классификации послужили парижские нотариальные акты, правда, взятые для более позднего, чем интересующий нас, периода²².

Французская социальная история, позже получившая прозвище “социально-структурной” истории, конечно же, испытывала в ту пору как никогда сильное воздействие марксизма. Существенное его влияние на становление французской школы социальной истории настолько очевидно, что в данном очерке особо оговариваться не

---

²⁰ Carrard Ph. *Poétique de la Nouvelle histoire: Le discours historique français de Braudel à Chartier*. P., 1998. Пользуюсь случаем выразить признательность Н.В. Трубниковой, обратившей мое внимание на исследование Кэррарда.

²¹ *Histoire économique et sociale de la France* / Dir. par F. Braudel et E. Labrousse. P., 1977. Т. 1: De 1450 à 1660. 1. L'Etat et la ville / Par P. Chaunu et R. Gascon. 2. Paysannerie et croissance / Par E. Le Roy Ladurie et M. Morineau; *Histoire de la France rurale* / Sous la dir. de G. Duby et A. Wallon; P., 1975. Т. 2: L'Age classique des paysans: de 1340–1789 / Par H. Neveux, J. Jacquart, E. Le Roy Ladurie.

²² Daumard A., Furet F. *Méthodes de l'histoire sociale: Les archives notariales et mécanographie* // *Annales E.S.C.* 1959. Vol. 14. P. 676–693; *Eidem*. *Structures et relations sociales à Paris au milieu du XVIIIe siècle*. P., 1961; Daumard A. *Structures sociales et classement socio-professionnel: L'apport des archives notariales au XVIIIe et au XIXe siècles: Projet de codes socio-professionnel* // *Revue historique*. 1962. Vol. 227. P. 139–154. Удачный анализ этих демаршей дан Н.Е. Копосовым в уже цитированной монографии “Как думают историки”.

будет, хотя сама по себе история “хождения в марксизм” французских интеллектуалов достойна специального и увлекательного разговора. Равно как оставим мы за скобками и следующее по времени массовое увлечение французских историков – увлечение структурализмом, описанное в целом ряде солидных историографических трудов.

Что же касается марксизма, то следует иметь в виду, что многие историки имели личный опыт пребывания в Компартии, затем, как правило, покинув ее ряды, сохраняли отпечаток тех или иных модификаций марксистских теорий. Но характерно, что даже убежденные противники марксизма и люди, отнюдь не причастные к “левым” движениям и к тому же не разделявшие уверенности Лабрусса и тем более Альбера Собуля в классовой природе общества Старого порядка, также оказались втянуты в орбиту изучения социальных структур.

Историографический пейзаж социальной истории немислим без колоритной фигуры Ролана Мунье. Ученик известного французского правоведа Оливье-Мартена, Мунье снискал известность своей фундаментальной монографией, посвященной проблеме продажи государственных должностей²³. В 50–60-е годы он оказался в числе убежденных противников классового подхода к социальной истории Старого порядка, став одним из самых активных диспутантов на знаменитых коллоквиумах в Сен-Клу – форумах, посвященных проблемам социальной истории²⁴.

С точки зрения Мунье и его учеников, изучаемое ими общество было не классовым, а сословным²⁵. И положение той или иной группы на иерархической лестнице определялось не уровнем дохода, не обладанием наследственным или благоприобретенным имуществом, и уж, конечно, не местом в системе производства, но прежде всего – тем социальным престижем, который отводился обществом данной группе в соответствии с закрепленными за этой группой социальными функциями. В подтверждение своего видения Ролан Мунье ссылался не на авторитет Маркса, Дюркгейма или Вебера, но на труды французских юристов начала XVII в., и в первую очередь на тракта-

---

²³ *Mousnier R. Venalité des offices. Rouen, 1945.*

²⁴ *L'Histoire sociale: Source et méthodes: Colloque de l'Ecole normale supérieure de Saint-Cloud (15–16 mai 1965). P., 1967; L'Histoire sociale: Ordres et classes: Communications: Colloque d'histoire sociale, Saint-Cloud, 24–25 mai 1967. P., 1973.*

²⁵ Необходимо отметить досадную невозможность адекватного перевода. В нашей традиции под сословиями понимают, скорее, не “ordres”, но “états” (например, термин “tiers état” переводят как третье сословие), в этом смысле “сословий” во Франции было три, в крайнем случае, четыре. Число “ordres” было намного большим, и критерии их выделения были более сложными. Так, например, приходские священники и монахи или советники суда и адвокаты принадлежали к разным “ordres”. Можно было бы предложить в качестве эквивалента термин “чин”, но и он в русском языке нагружен особыми коннотациями.

ты Шарля Луазо²⁶. Этот правовед, кстати, стал настолько популярным у французских историков автором, что Мишель Кутюрье посвятил свою локальную монографию именно Шатодену – городу, где родился и практиковал Шарль Луазо. На основе в первую очередь нотариальных источников Кутюрье восстанавливал социальные реалии, которые могли бы вдохновить юриста в его стремлениях выстроить по ранжиру все французское общество²⁷.

Школа Мунье не без основания критиковала последователей Лабрусса за чрезмерное увлечение количественными методами. Роль статистики признавалась, но ей отводилось подчиненное место по сравнению с качественным анализом. Но Мунье в не меньшей, а то и в большей степени, чем Лабруссу, было свойственно желание “ухватить” общество в его эмпирической реальности, восстанавливая “подлинную” социальную структуру. Для этого им был выбран такой важный источник, как нотариальные брачные контракты. Социальный строй покоился на важнейшем, по мнению Мунье, правиле: французы Старого порядка женились на равне. Случаи неравных браков и мезальянсов, конечно, были, более того, они играли роль важнейшего канала социальной мобильности, но брачные контракты чутко реагировали на подобные отклонения от нормы соответствующим изменением состава приданого. Действительно, информативная ценность брачных контрактов огромна – помимо размеров приданого невесты и вклада жениха, позволяющих учесть и даже “взвесить” компоненты этого социального уравнения, в нем содержались ценнейшие сведения о социальных связях – горизонтальных (родственники) и вертикальных (свидетели), в число которых приглашались, как правило, вышестоящие люди. Мунье остроумно доказывал всю искусственность налагаемых на общество внешних рубрикаций. Он вспоминал характерную сцену, когда некий исследователь обнаружил 18 иерархических групп среди лиц наемного труда в Париже. Но на механографической карточке (забытой теперь перфокарте 60-х) для этой цели было предусмотрено лишь 10 мест, и тогда руководитель проекта велел сократить число групп до десяти, прибегнув к их укрупнению. “Бесполезно подчеркивать всю произвольность этого действия, – возмущался Мунье, – если восемнадцать категорий существовали в реальности, то надо было их сохранить и отказаться от использования механографии вплоть до того момента, пока историк не будет обладать соответствующим для его целей оборудованием. То же самое относится и к статистике. Если общество реально фрагментировано на очень

---

²⁶ Loyseau Ch. *Traité des ordres et simples dignités* // *Les œuvres de maistre Charles Loyseau*, parisien. P., 1640.

²⁷ Couturier M. *Recherches sur les structures sociales de Chateaudun, 1525–1789*. P., 1969; *Idem*. *Vers une nouvelle méthodologie mécanographique: La préparation des données*. P., 1966.

большое число слишком мелких категорий, то в этом и может состоять его определяющая черта, сущностный характер этого общества; следовательно, нужно с уважением относиться к этим категориям, даже если они и затрудняют статистическую обработку, и даже если временно придется отказаться от статистики. Статистика и механография должны быть на службе у историка, а не наоборот”²⁸ – в таком духе были выдержаны многочисленные реплики Мунье на коллоквиумах по социальной истории. Он настаивал на том, что подсчетам должны предшествовать кропотливые монографические изыскания в рамках семьи и квартала, с чем, впрочем, всегда соглашались его оппоненты.

Примечательно другое. Вступив в борьбу с теми представителями социальной истории, которые под влиянием марксизма видели общество прошлого поделенным на классы и большие социoproфессиональные группы, Мунье, не скрывавший своего идеалистического мировоззрения (что было в те годы своеобразным вызовом), занялся подсчетами и начал ломать голову над статистическими методами социального анализа. Совместно со своей “командой” он предпринимает глобальный зондаж фонда Центрального хранилища нотариальных актов, чтобы создать свою модель социальной иерархии парижского общества по материалам брачных контрактов²⁹. Анализ выборки за тридцатые годы XVII в. позволяет ему выделить девять “сословий” (*ordres*) парижского общества, дополненных тридцатью пятью “промежуточными стратами”.

Им была написана специальная работа, посвященная социальным иерархиям³⁰. Ролан Мунье выделял в ней различные типы обществ в зависимости от принципа социальной иерархии: кастовые, сословные, “литургические” (к нему он относил Московское государство), “философские” (основанные на принципе личных заслуг и принесенной пользы общему делу). “Школа Мунье” особый акцент делала также на вертикальных связях, отношениях верности, клиентах, дополнявших горизонтальное членение общества Старого порядка.

---

²⁸ *Mousnier R.* La plume, la faucille et le marteau: Institutions et société en France du Moyen Age à la Révolution. P., 1970. P. 15–16.

²⁹ *Mousnier R.* Recherches sur la stratification sociale à Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles: L'échantillon de 1634, 1635, 1636. P., 1975. В этой работе, впрочем, содержится немало оговорок, подчеркивающих относительность этого типа источников.

³⁰ *Mousnier R.* Les hiérarchies sociales de 1480 à nos jours. P., 1969 (характерно, что у нас ее поместили в спецхран, в чем можно увидеть доказательство признания ценности социальной истории и в нашей стране). См. также: *Mousnier R., Labatut J.P., Durand Y.* Deux cahiers de la noblesse pour les Etats Généraux de 1649–1651. P., 1965. P. 9–49; *Mousnier R.* Problèmes de méthode dans l'étude des structures sociales des XVIe, XVIIe, XVIIIe siècles // *Idem.* La plume, la faucille et le marteau. P. 12–26.

Апогеем социальной или социально-структурной истории стали коллоквиумы в Сен-Клу 1965 и 1967 гг.³¹. Споры о путях социальной истории, о сословном и классовом делении общества, начавшиеся на материале французского общества Старого порядка, были распространены географически и хронологически, включив в свою орбиту антиковедов, востоковедов, медиевистов, специалистов по новейшей истории, этнологов.

Главной характерной чертой этого историографического периода является, на мой взгляд, формирование убежденности в том, что вопрос о социальной структуре общества является самостоятельным и самоценным предметом для исторического исследования. И даже, более того, что восстановление социальной структуры и является “волшебной палочкой”, объясняющей всю историю, поскольку главная причина всякого явления лежит в горизонте социальной (как вариант – социально-экономической) истории. И эту убежденность разделяли люди, придерживающиеся диаметрально противоположных взглядов.

Собственно, тогда и окрепла идея, что можно написать монографию или коллективный труд, описывая не события, но структуры, неподвижные кадры истории. А ведь побудительные импульсы к бурному развитию социальных исследований были даны извне. Социальная история изначально рассматривалась не как нечто самодовлеющее, но лишь как средство, как аргумент в споре о важнейших событиях истории. Для Франции таким событием, без сомнения, была прежде всего Великая Французская революция. В какой-то мере событием сопоставимого масштаба могли считаться Фронда и Религиозные войны.

В этом отношении примечательна историографическая судьба работы Б.Ф. Поршнева. Написанная в 1940 г. (в виде докторской диссертации) и опубликованная в 1948 г., его монография была затем издана в ГДР, став, таким образом, доступной для западных коллег, а затем усилиями Робера Мандру вышла в Париже в 1963 г., в самый разгар историографических дебатов на ниве социальной истории³². Будучи подвергнут жесткой критике, Б.Ф. Поршнев защищался, отстаивая идею антифеодальной природы всех крестьянских и городских восстаний, равно как и самой Фронды. С его точки зрения, весь XVII в. был преисполнен многочисленными “Жакериями”, тщательно скрывааемыми буржуазной историографией. Общество XVII в. трактовалось советским историком как глубоко феодальное по своей природе. Буржуазия того периода также “феодализировалась”, совершив предательство по отношению к своей исторической миссии.

---

³¹ L'Histoire sociale: Source et méthodes; L'Histoire sociale: Ordres et classes: Communications.

³² Porchnev B.F. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648. P., 1963.

Иногда говорят, что французские историки разделились тогда на “поршневистов” и “антипоршневистов”³³. Это не совсем так, просто противники Мунье использовали идеи Поршнева как некий таран, нацеленный против школы, отрицающей наличие классовой структуры в обществе Старого порядка. При этом и Робер Мандру и Фернан Бродель (инициировавшие французское издание Поршнева), вовсе не спешили солидаризироваться с утверждениями нашего соотечественника, к тому же их явно шокировал непривычный, слишком уж “советский” стиль полемики. Но примечательно, что хотя Б.Ф. Поршнев все время писал о классах, сословиях и социальных отношениях, его нельзя было отнести к представителям социальной истории в том ее понимании, которое уже сложилось в 60-е годы. И не методология тому причиной, но, прежде всего, характер используемых источников. Донесения провинциальных интендантов, переписка канцлера Сегье ориентировали на событийную, политическую историю, в данном случае – на историю классовой борьбы. Те заявления о природе социальных классов и о социальной структуре общества, которые содержались в данной работе, никак не были подкреплены ставшими уже необходимыми для “шестидесятников” процедурами социального анализа. Впрочем, “вины” Поршнева в данном случае никакой не было – его работа писалась в тот период, когда социальная история еще не конституировалась в особую дисциплину, к тому же в особых историографических условиях и в специфических методологических рамках.

Впоследствии Б.Ф. Поршнев обратился если не к социальной, то к социально-экономической проблематике, написав работу по политэкономии феодализма. По счастью для его французских союзников, она не была переведена на европейские языки. Нетрудно представить себе, что сказал бы такой знаток французского права, каким был Ролан Мунье, прочитав утверждение, что феодальная собственность – это собственность феодала. Ведь Поршнев трактовал максимум французского права, гласившую, что каждая земля должна иметь “*titre de propriété*” (т.е. документ, подтверждающий право собственности), как доказательство того, что при феодализме земельными собственниками могли быть только лица, имеющие дворянский титул³⁴.

---

³³ Вите О. Творческое наследие Б.Ф. Поршнева и его современное значение // Полития. 1998. № 3.

³⁴ Поршнев Б.Ф. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956. С. 35. Эта фраза не была опечаткой, она повторена в издании книги “Феодализм и народные массы” (М., 1964. С. 33), на ней основаны были последующие выкладки (С. 52–54). Трудно не присоединиться к словам И.С. Филиппова о том, что высказывания Поршнева на этот счет вызывают лишь чувство неловкости (см. Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье: Проблема становления феодализма. М., 2001. С. 637).

Следует отметить, что самыми убежденными критиками Б.Ф. Поршнева были его советские коллеги и, особенно, А.Д. Люблинская. Ее возражения были тем ценнее, что основывались на чтении тех же источников, что использовал и Поршнева, постоянно изобличаемый ею за допущенные натяжки³⁵. Она по-иному оценивала социальную сущность французского абсолютизма, иной было и видение ею социальной структуры французского общества, в котором она выделяла семь групп: высшая знать (“гранды”), родовитое дворянство, новое дворянство, чиновничество, буржуазия, городские низы – плебейство и крестьяне³⁶. Публикуемые в ее монографиях социальные экскурсы были достаточно пространны. Но они носили в основном вспомогательный характер – интересы А.Д. Люблинской лежали, главным образом, в сфере истории событийно-политической, а не социальной. В немалой степени это также объяснялось характером имевшихся в ее распоряжении источников, тем более, что она обладала повышенной источниковедческой щепетильностью. Впрочем, в последний период жизни А.Д. Люблинская опубликовала исследование по аграрной истории Франции, опираясь на трактаты XVI–XVII вв. по сельскому хозяйству и на достижения новейшей по тем временам французской историографии, т.е. на труды историков славной эпохи локальных монографий. Ей удалось дать отечественному читателю максимально полное, свободное от схематизма представление не только о проблемах французской аграрной истории, но и о социальном быте французского деревенского общества³⁷. Предпринятое усилие, по-видимому, являлось осторожной попыткой противостоять все еще бытовавшему в советской историографии тезису о феодальной сущности французского абсолютизма и о преимущественно феодальной природе французского общества Старого порядка.

Итак, в 50-е–60-е годы социальная история кристаллизовалась в самостоятельную субдисциплину, со своим научным языком, своими частными методиками, социальными институтами, “табелями о рангах”.

Социальная история приучила к мысли о том, что солидное исследование должно было изобиловать таблицами и графиками, основываться на использовании массового материала, лучшим из которых почитались нотариальные акты, ранее отнюдь не избалован-

---

³⁵ См. любопытный анализ “антипоршнева” полемики в работе: Кондратьева Т.Н. “Абсолютизм”, “Народные массы”, “Буржуазия” и Фронта в трактовке Б.Ф. Поршнева в 30–40-е годы // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2002. С. 126–147.

³⁶ Люблинская А.Д. Франция в начале XVII века: (1610–1620). Л., 1959. С. 44–101; Lublinskaja A.D. French absolutism: The crucial Phase, 1620–1629. Cambridge, 1968.

³⁷ Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978.

ные вниманием историков. История событийная если и не признавалась всеми как история “второго сорта”, то, во всяком случае, в глазах историков была детерминирована социальными причинами, интерпретируемыми в рамках социальной истории.

Всем было ясно, что видение общества сквозь призму социальной истории связано с марксизмом и со структурализмом. Между этими двумя системами отношения были весьма сложными, но, во всяком случае, на французской почве намечались тенденции к их взаимному сближению³⁸. Все участники коллоквиумов в Сен-Клу гораздо чаще говорили о моделях и структурах, чем о событиях.

Характеризуя это историографическое течение мысли, надо отметить, что даже ведя ожесточенные дебаты друг с другом, спорщики подспудно признавали, следуя Лабруссовой идее, автономию социального по отношению как к экономике, так и к политике и культуре, возможность понимания социального “в своих собственных терминах”, при помощи собственных социальных критериев, а не юридических или политических. При этом налицо была некая реанимация стратифицированного образа истории, казалось, отвергнутого Люсьеном Февром и Марком Блоком. Экономическое воздействовало на социальное, социальное воздействовало на политику и культуру. Социальное выступало тормозом по отношению к экономике, идеология, политика и культура тормозили социальные изменения. Эта убежденность вполне соответствовала подзаголовку “Анналов”, которые с 1946 по 1995 г. назывались “Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации” в соответствии со стратифицированным восприятием исторического процесса.

Как остроумно подметил Н.Е. Копосов, если для Блока и Февра речь шла об “эфире социального”, то Лабрусс говорил о “тяжелой материи социального”, используя метафору кубиков, из которых складывается общество. Для этой социально-структурной истории было характерно убеждение в возможности восстановить, наконец, эмпирически наблюдаемую подлинную социальную иерархию, очищенную от идеологических наслоений и предубеждений историков, существующую объективно. Эта надежда, равно как и узкое понимание предмета социальной истории, умирала последней. В нашей стране в силу многих причин обе эти уверенности дожили до последних лет советской эпохи.

«Эта книга по социальной истории.... Это – история, которая имеет предметом социальные группы, их стратификацию и отношения” и главной задачей которой является “выделить и описать разные социальные группы. Под социальной группой в данном случае имеется в виду общность людей, представляющая собой реаль-

---

³⁸ La Nouvelle histoire. P., 1978.

ное единство, “единство существования”. Ее члены не только отвечают определенному набору социологических характеристик, но и составляют среду, то есть общаются между собой больше, чем с представителями других социальных групп»³⁹. Так начиналась первая монография все того же Н.Е. Копосова, посвященная изучению высшей бюрократии периода персонального правления Людовика XIV и бывшая, по моему убеждению, вершиной того, что было достигнуто в нашей стране на ниве “классической” социальной истории. В ту пору я, например, с удовольствием подписался бы под этими словами.

Буквально в то же время Н. Земон Дэвис, принимавшая участие в памятном московском коллоквиуме 1989 г., посвященном “Школе Аналов”, с удивлением делилась своими впечатлениями: «В середине совещания молодой российский историк взял слово: “Мы всегда верили “Анналам”, поскольку они противостояли марксизму. Но теперь нам уже довольно их культурной истории и *ментальностей*”. И затем, постучав кулаком по столу, он сказал: “Мы хотим реальности!”»⁴⁰.

Американская исследовательница была удивлена: ведь аудитория отнюдь не из “мастодонтов”, но из почитателей школы “Анналов”, т.е. издания, к тому времени уже лет двадцать как отошедшего и от социально-структурной парадигмы и от желания непосредственно осязать историческую реальность. Она объяснила это особенностями переживаемой СССР драматической эпохи и естественным “взрывом” историзма. Нет, просто мы еще жили тем же желанием, что и Лабрусс – докопаться до “настоящих” социальных реалий, или Мунье, который надеялся, что социальное уже классифицировало самое себя в брачных контрактах, так что оставалось только непосредственно наблюдать ее, а, следовательно, – восстановить подлинную социальную иерархию, и тем самым понять главное в истории.

Этот великий социально-исторический проект стал испытывать трудности уже на рубеже 60-х и 70-х годов. Локальные монографии вовсе не собирались “склеиваться” в единое целое, но, напротив, делали синтез все более затруднительным. Строгие правила определения наблюдаемых категорий, выкованные за годы дискуссий, приводили к любопытному парадоксу – определения становились все строже, а рассматриваемые группы постепенно “рассасывались”, поскольку при ближайшем рассмотрении выяснялось, что под это строгое определение подпадает все меньшее число ин-

---

³⁹ Копосов Н.Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века. Л., 1990. С. 3. В приводимой цитате автор соединяет вместе дефиниции социальной истории, данные Э. Лабруссом, Р. Мунье, А. Домар, Ф. Фюре, Э. Хобсбоума и Ж.И. Тира.

⁴⁰ Davis N. Zemon. Stories and the Hunger to Know // The Yale Journal of Criticism. 1992. Vol. 5, № 2. P. 159.

дивидов. Невозможность описать, например, дворянство так, как предписывает аристотелевская логика – с соблюдением требований “необходимых и достаточных условий” – приводит к тому, что в правовом статусе дворянства не находят ни одной черты, которую разделяли бы все дворяне и никто кроме них. Следующим шагом будет в таком случае трактовка дворянства как мифа, историографической химеры. Изначальная установка на погоню за эмпирической реальностью и только за ней, приведет к постоянному “бою с тенью” – к борьбе против “реификации” историографических терминов⁴¹.

К тому, что чрезмерное увлечение социальным анализом (особенно тем, что основан на количественных методах) приводит к аннигиляции событий, историки уже привыкли, хотя и не смирились⁴². Но то, что последовательный социальный анализ приводит к аннигиляции макрогрупп, трактуемых как конструкты – это было шокирующим обстоятельством. Так, например, Жан-Пьер Шалин в своем исследовании, посвященном буржуазии города Руана, пришел к выводу, что всякое определение буржуазии бесполезно, поскольку нет ничего общего между буржуазией Гавра и Руана, да и в самом Руане буржуазия распадается на весьма далекие друг от друга в социальном плане группы. Если продолжить эту мысль, сетует Ж. Нуарьель, то более дробные категории будут возводиться уже и в рамках одного квартала, одной профессии, все более затрудняя возможности научной коммуникации⁴³.

Спор о сословиях и классах тихо закончился “вничью”, несколько незаслуженно прославившись как образец методологической бесплодности. Дискуссия стала лишенной смысла, поскольку в конце концов за обществом признали право на множественность иерархий, что лишило дискуссию смысла⁴⁴. Но она выявила, что выдвигаемые “рабочие гипотезы” и модели предопределяют результаты исследования, под которые историк должен лишь подобрать соответствующие данные нотариальных актов. Через много лет Бернар Лепти оценит спорщиков весьма саркастически, так сформулировав рецепт их деятельности: «ради спасения той или иной классификации в качестве простейшего аргумента против конкурирующей исторической интерпретации сослаться на авторитет – прибегая к Марксу как к теоретику классов или же к какому-либо старинному теоретику сословий; классификации, в которых общества того вре-

---

⁴¹ Об этом см.: *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 53, а также: *Уваров П.Ю.* Думают ли историки, а если думают, то зачем? // *Одиссей*, 2003. М., 2003.

⁴² *Данилов А.И.* Историческое событие и историческая наука // *Средние века*. М., 1980. Вып. 43. С. 13–31.

⁴³ *Noiriel G.* Sur la crise de l'histoire. P., 1996.

⁴⁴ *La nouvelle histoire*. P. 519.

мени сами себя мыслили отнести к разряду идеологии и утверждать, что традиционное видение лишь маскирует “глубинные реалии” прошлого; постулировать фундаментальную простоту реального, познание которого прогрессирует посредством сведения к единому принципу; реифицировать аналитические категории, с тем чтобы придать силу самоочевидного закодированному описанию, к которому сводится социальный анализ; наконец, отрицать за социальными актерами их творческую способность»⁴⁵.

В этих словах – приговор всему социально-структурному направлению. Повторим пункты обвинения: погоня за “объективным” при пренебрежении к “субъективному”, т.е. к тому, как общество мыслило себя само; игнорирование творческой способности исторических действующих лиц; реификация категорий, создаваемых историком, казалось бы, в служебных целях; недооценка сложности процесса исторического познания. Приговор этот подкреплен множеством историографических работ, отмечавших смену главенствующего направления с беспокойством, с осуждением, а затем и с сочувствием⁴⁶. Те, кто больше всех считали и высчитывали, осознали, что исторической объективности нет и что историк сам конструирует свои факты⁴⁷. Но примечательно, что сомнения высказывались уже и в Сен-Клу, где звучали призывы восстанавливать историю в терминах эпохи (отметим, что инициативу в этом вопросе перехватили медиевисты)⁴⁸. Уже одно это делает эти дискуссии вовсе не столь бесплодными, как они представляются в историографии.

---

⁴⁵ *Лепти Б.* Общество как единое целое: О трех формах анализа социальной целостности // *Одиссей*, 1996. М., 1996. С. 153.

⁴⁶ *Соколова М.Н.* Современная французская историография. М., 1979; *Далин В.М.* Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981; *Афанасьев Ю.Н.* Историзм против эклектики: Французская историческая школа “Анналов” в современной историографии. М., 1983; *Гуревич А.Я.* О кризисе современной исторической науки // *Вопр. истории*. 1991. № 2/3. С. 21–36; *Репина Л.П.* “Новая историческая наука” и социальная история. М., 1998.

⁴⁷ *Furet F.* L’histoire quantitative et la construction du fait historique // *Annales*. E. S. C. 1971. № 1. P. 63–75.

⁴⁸ Для подобных изысканий особенно удобны “молодые” общества. Например, исследования по французской социальной терминологии XII–XIII вв.: *Battany J.* Le vocabulaire des catégories sociales chez quelques moralistes français vers 1200 // *L’Histoire sociale: Ordres et classes: Communications*. P. 59–79; *Michaud-Quantin P.* Le vocabulaire des catégories sociales chez les canonistes et moralistes du XIIIe siècle // *Ibid.* P. 73–86; *Le Goff J.* Le vocabulaire des catégories sociales chez Saint François d’Assise et ses biographes du XIIIe siècle // *Ibid.* P. 93–123.

**“Новая историческая наука”, “история в осколках”,
новые “вызовы” и “повороты”
(1970-е – начало 1990-х годов)**

“Новая историческая работа и социальная история”. – Когда началась “новая историческая наука”? – Судьбы ментальностей. – Казус Райцеса. – Социальная история в новых условиях. – Тариф капитализации как синтетическая социальная иерархия. – “Французские джентри” Джорджа Ханперта. – “Разочарованные интеллектуалы”. – Микроистория по-итальянски

Новое, то, что пришло на смену, без ложной скромности стало называть себя “новой исторической наукой”. В одноименном словаре, сыгравшем роль манифеста этого направления, к социальной истории относились не без симпатии, но как к чему-то сходящему со сцены. Отмечались зримые черты изменений в русле исторической антропологии, “более чувствительной к истории отношений, чем к истории структур”⁴⁹, более внимательной к символическим значениям, чем к экономическим связям. Интерес к анатомии целостной социальной ткани сменился фрагментированным подходом к отдельным социальным сегментам, выделенным по их функциональной идентичности (семья, возрастные группы, ремесла), либо по их религиозной или идеологической общности, либо на основе специфических связей социальности (например, академии, масонские ложи, клубы, кружки)⁵⁰.

Статью о социальной истории писали два в ту пору молодых историка – Даниель Рош и Роже Шартье, ставшие теперь бесспорными обитателями Олимпа французской, да и международной исторической мысли. Перспектива была определена верно. На смену социально-структурной истории спешила история ментальностей, историческая антропология. Но не только она. Коллектив авторов словаря “Новой исторической науки” предвидел далеко не все. Так, например, в их словнике вообще отсутствовал термин “политическая история”, вероятно, как безнадежно устаревшее понятие. Однако последнее двадцатилетие XX в. будет во Франции периодом торжества политической истории. Не предвидели авторы и последствий “лингвистического поворота”, и сейсмических толчков деконструктивизма и многого другого.

---

⁴⁹ Эта фраза, взятая из размышлений “новых историков” о себе, очевидно, может вызвать существенное возражение. Для французского гуманитарного знания влияние Леви-Стросса, а через него – структурализма было чрезвычайно ощутимым. Поэтому внимание исследователей к истории структур не могло сильно ослабеть. Просто это были уже иные структуры и структурализм активно применялся к истории самых разнообразных отношений.

⁵⁰ La Nouvelle histoire. Paris, 1977. P. 519.

Впрочем, пришла пора вспомнить о сделанных в самом начале данного очерка оговорках. Прав был Лоренс Стоун, защищая свое поколение, поколение 50–60-х годов. “Я полагаю, что за некоторыми примечательными исключениями, мы вовсе не напоминали тех позитивистских троглодитов, которыми нас теперь часто представляют”⁵¹.

И действительно, не историки из третьего поколения “Анналов” выступили пионерами изучения ментальностей, но именно отцы-основатели “социально-структурной истории”. Первым был, по всей видимости, Робер Мандру, с его знаменитой книгой по социальной психологии⁵², а затем и по истории ведовских процессов. Эти опыты, кстати, повлияли на любопытную эволюцию взглядов Б.Ф. Поршнева, обратившегося к проблемам социальной психологии (правда уже не на французском материале)⁵³. Но и многократно упоминавшийся уже участник дискуссии о классах и сословиях, Ролан Мунье, издал в 1964 г. знаменитую книгу “Убийство Генриха IV”, шедевр французской историографии, вполне сопоставимый с “Королями-чудотворцами” Марка Блока⁵⁴. Любопытно, что изыскания по социальным классификациям, предпринимаемые в то время и самим Мунье, и его учениками, остаются почти не востребованными в этой монографии, главное в ней – соединение “истории идей” с восстановлением мира чувств, переживаний, индивидуальных и коллективных мотиваций, с экскурсами в то, что вскоре получит название “истории памяти”. Талантливый историк (а талант Мунье не отрицали и его многочисленные противники) оказывается в некоторые моменты свободен и от собственных стереотипов и от историографической моды, что дает ему возможность обогнать свое время.

Примерно в то же время написал свою кандидатскую диссертацию В.И. Райцес. Его исследование об Аженском восстании 1514 г., защищенное в Ленинграде в 1968 г., было посвящено самому распространенному в советской историографии (и даже уже начинавшему выходить из моды) сюжету – эпизоду из истории классовой борьбы. Защита была успешной, однако эта работа была опубликована лишь четверть века спустя, уже в постсоветское время, в последние годы жизни автора. Кто-то бдительный – может быть, издательское, может быть, академическое руководство, а может быть, чины из “компетентных органов” (не исключено, что это были одни и те

---

⁵¹ Цит. по: *Репина Л.П.* “Новая историческая наука” и социальная история. С. 232.

⁵² *Mandrou R.* Introduction à la France moderne: Essai de psychologie historique (1500–1640). P., 1961; *Idem.* Magistrats et sorciers en France au XVIIe siècle: Une analyse de psychologie historique. P., 1968.

⁵³ *Поршнев Б.Ф.* История и социальная психология. М., 1966.

⁵⁴ *Mousnier R.* L’Assassinat de Henri IV. P., 1964. Работа, самым удивительным образом абсолютно не знакомая отечественной публике.

же люди) – оказался наделен историографическим чутьем: издание, не претендовавшее на обобщение и не содержащее видимых расхождений с господствующим марксизмом, слишком уж выделялось из общей массы стилистически. Опубликовав работу только в постсоветском 1992 г.⁵⁵, автор не сделал в тексте четвертьвековой давности ни одной смысловой правки, но книга, тем не менее, оказалась в высшей степени актуальной в России 90-х годов. В ней было удачное сочетание анализа социальных структур с глубоким знанием реалий французского Юга, с раскрытием социально-психологических пружин восстания, основанным на анализе индивидуальных побудительных мотивов, на внимании к системе знаков и жестов, – все это сопровождалось способностью вписать событие в контекст истории большой длительности и, наконец, было помножено на способность писать умно и доходчиво. Конечно, ему неслыханно повезло с источником – из Аженского архива ему прислали микрофильмы, содержащие материалы расследования этого события (1700 страниц текста, испанногого бастардой), что дало ему возможность стать первым (и последним) советским медиевистом, полностью написавшим свое исследование на зарубежных архивных материалах. Но хотя соответствующие термины пришли в нашу историографию много лет спустя после защиты В.И. Райцеса, его работу вполне можно было квалифицировать и как историко-антропологическое, и как микро-историческое, и как историко-психологическое исследование, и как работу по истории исторической памяти, и как столь чаемое на рубеже XX–XXI вв. исследование в жанре обновленной социальной истории. Причина же такого “прозрения”, по всей видимости, столь же проста, сколь и трудно поддается методологическому анализу – историк хорошо работал с интересным источником, внимательно читал труды своих коллег, обладал исторической интуицией, писал интересно и, главное, был талантлив.

Не хотелось, чтобы создалось впечатление, что социальная история даже в ее узком значении умерла тогда, в начале 70-х годов. Прежде всего, продолжались поиски новых подходов к социальным иерархиям. Любопытную работу опубликовали Франсуа Блюш и Жан-Франсуа Сольнон – “Подлинная социальная иерархия Старой Франции: Тариф первой капитации (1695)”⁵⁶. В ней анализировался тариф первого всеобщего подоходного налога. В ходе этой беспрецедентной (и вызванной экстраординарными военными тяготами) операции королевские финансовые интенданты разбивали французское общество на 22 класса, объединяющих 569 рангов в зависимости от ставки взимаемого налога. Это и была, по мнению авторов, столь искомая участниками дискуссии о классах и сословиях, единая

---

⁵⁵ Райцес В.И. Аженская коммуна. Л., 1992.

⁵⁶ Bluche F., Solnon J.-F. La véritable hiérarchie sociale de l'Ancienne France: Le Tarif de la première capitation (1695). Genève, 1983.

(“синтетическая”) социальная иерархия. Она отражает реальную структуру французского общества, которая и соответствует мнениям современников (по принципу: “современникам виднее”), и носит вполне объективный характер (финансовый документ, все-таки). Вместе с тем, по мнению авторов, данные этого источника можно использовать для вычленения индивидуального ранга практически любого подданного “Короля-Солнце”.

Коллеги встретили открытие “истинной” иерархии весьма настороженно. Главным возражением был сугубо утилитарный и продиктованный конъюнктурой характер этого источника. Но даже если абстрагироваться от того, что данный документ трудно распространить на иные периоды Старого порядка, он представлял собой лишь частный случай социальных классификаций, свойственных той эпохе. Хотя само по себе появление весьма симптоматично – подобный Тариф органически не мог возникнуть в предыдущем, XVI столетии⁵⁷.

При том, что рассуждения о социальной структуре общества в целом постепенно сходили на нет, традиции социально-исторических исследований продолжались, и, несмотря на появление новых “центров притяжения” внимания исследователей, социально-исторические штудии вовсе не были оттеснены на периферию исторического знания.

Так, с большим интересом было встречено появление работы американского историка Джорджа Хапперта⁵⁸. Книга этого чикагского профессора, опубликованная в 1977 и переведенная на французский язык в 1982 г., носила подзаголовок: “Опыт определения элит Ренессансной Франции”. Опираясь на трактаты юристов начала XVII в., Хапперт, ретроспективно распространяя полученные данные на весь XVI в., выделяет особую социальную группу, особую “фракцию” элиты, занимающую промежуточное положение между дворянством (родовитым, традиционным) и буржуазией. По большей части это были судебские и должностные лица, обозначаемые в нотариальных актах как “благородные люди” (*nobles hommes*), но этот титул в XVI в. утратил уже свой дворянский характер. Этот слой невозможно описать, основываясь на юридических, экономических и профессиональных параметрах. Кто-то из них уже получил “настоящий” титул (экюйе, шевалье), кто-то только начинал приобретать сеньории, кто-то был богаче, кто-то беднее, кто-то владел королев-

---

⁵⁷ См. развернутую критику когнитивных механизмов анализа Блюша-Сольнона во все той же кн.: *Копосов Н.Е.* Как думают историки. С. 152, там же рассуждения о рождении социального из пространственных паралогик – С. 157. См. также: *Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю.* Открытие социального (парадокс XVI века) // *Одиссей*, 2001. М., 2001. С. 199–215.

⁵⁸ *Huppert G.* Les bourgeois gentilshommes: An Essay on the Definition of elites in Renaissance France. Chicago; London, 1977.

ской должностью (office), кто-то служил адвокатом, прокурором или секретарем у какого-нибудь влиятельного лица. Но, как показывал Хапперт на основе анализа писем, дневников и свидетельств сторонних наблюдателей, этот слой обладал развитым самосознанием, культурным единством (как правило, они имели университетские степени, были библиофилами, знания для них были важным средством социальной мобильности и самоидентификации), социальной сплоченностью (среди них действовал принцип социальной эндогамии, столь важный для Ролана Мунье). Не без эпатажа Джордж Хапперт обозначил эту группу термином, совершенно чуждым французским реалиям, чтобы избежать нежелательных коннотаций. Он выбрал для них английский термин “джентри” (тем самым произвольно но совпадая с тезисом А.Д. Люблинской о “новом дворянстве”).

Уязвимые места концепции Хапперта вполне очевидны. Данные нотариальных источников он заимствует из вторых рук (основываясь на упомянутой уже работе Мишеля Кутюрье о Шатодене – родине Шарля Луазо, и на изысканиях Ролана Мунье). Выводы о самосознании, о “культе разума” и некотором “чувстве превосходства” по отношению к традиционному дворянству он извлекает из трудов “характерных представителей джентри”, таких как Монтень или Этьен Пакье, полагая французский гуманизм порождением этой социальной группы. Это утверждение само по себе достаточно спорно, и уж, во всяком случае, из него не следует обратный вывод о том, что гуманизм выражает интересы “чиновников”-“джентри”. Кстати, выбор подобного ракурса Хаппертом вполне объясним, ведь он является специалистом по французскому гуманизму⁵⁹. Он настолько увлечен высказанной гипотезой, что, сочтя ее доказанной, строит на ней все остальные выводы. Он, например, причисляет к искомой группе “джентри” нормандского сельского дворянина сира де Губервиля, автора широко известного среди историков “Дневника”, только на том основании, что Губервиль предстает рачительным хозяином, чуждым генеалогическим изысканиям и воинской славе. Но это – мелкие придирки. Гораздо серьезнее другое. Поставив знак равенства между “джентри” и гуманизмом, точнее, сделав “джентри” его социальной базой и носителем, Хапперт и дальше полагает, что именно этот слой стал движущей силой Реформации и движения “политиков” и более позднего янсенизма. Против них была направлена Контрреформация, а позже и политика Людовика XIV, которая осложнила отношения “джентри” с монархией со всеми вытекающими отсюда в следующем столетии последствиями. При этом автор упускает из виду, что лидеры Контрреформации, творцы “века святых”, также были выходцами из того же социального слоя.

---

⁵⁹ См. его монографии: *Huppert G. The Idea of Perfect History*. N. Y., 1970; *Idem. Public Schools in Renaissance France*. Urbana, 1984; *Idem. The Style of Paris: Renaissance Origins of the French Enlightenment*. Bloomington, 1999.

Исследование Хапперта пришлось как нельзя кстати во французской историографии. Оно оставляло впечатление свежей струи, примера удачного соединения историко-культурных и историко-социологических жанров, подкупало масштабностью и смелостью — хотя речь шла не обо всем французском обществе, Хапперт нащупывал “мотор” его социальной и культурной динамики. Показателем популярности этой гипотезы может служить тот факт, что Фернан Бродель, никогда не выступавший в жанре собственно социальной истории, в своем монументальном сочинении опирался на выводы Хапперта как на само собой разумеющиеся очевидные истины, распространяя их и за пределы Франции. «По мнению Жоржа Юппера⁶⁰, это дворянство мантии от своего зарождения в XVI в. и вплоть до Революции находилось в самом центре судеб Франции, “творя ее культуру, управляя ее богатством и создавая одновременно Nation и Просвещение, создавая самое Францию”. ... Книга Жоржа Юппера имеет то преимущество, что примерно очертила французские особенности, подчеркнула самобытность дворянства мантии в его генезисе и в сыгранной им политической роли. Тем самым она не без пользы привлекает внимание к уникальному характеру каждой социальной эволюции. Причины были повсюду очень сходными, но решения различны»⁶¹.

Оставим в стороне вопрос о степени обоснованности гипотезы Хапперта. Видимый успех его работы был вызван, по-видимому, тем, что, оставаясь в рамках столь привычной для французов социальной истории, он отвечал требованиям сближения этой истории с актуальным в ту пору поворотом в сторону истории культуры. Выводы Хапперта были во многом подвергнуты сомнению в исследовании Бернара Килье, посвященном должностным лицам Парижского региона за период между Столетней войной и Религиозными войнами⁶². Правда, исследование самого Бернара Килье было подвергнуто достаточно жесткой критике со стороны коллег, в частности, со стороны Франсуазы Отран, занимающейся историей Парижского Парламента в XV в.

Последняя четверть века вовсе не свидетельствовала о прекращении социально-исторических исследований. Они, как правило, не носили всеобъемлющего характера, но унаследовали лучшие черты из истории предыдущего периода. Прежде всего хочется отметить

---

⁶⁰ Почему-то русские переводчики воспроизводят фамилию чикагского профессора на французский манер.

⁶¹ Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme. XVe–XVIIIe siècles*. P., 1979. Т. 2: *Les Jeux de l'Échange*. В русском переводе: Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV–XVIII вв.* М., 1988. Т. 2: *Игры обмена*. С. 492.

⁶² Quilliet B. *Les corps d'officiers de la Prévôté et Vicomté de Paris et de l'Ile-de-France de la fin de la guerre de Cent Ans au début des guerres de Religion: Etude sociale*. Lille, 1982. 2 vol.

просопографические исследования, посвященные восстановлению социального портрета той или иной группы элиты: королевских нотариусов-секретарей⁶³, клерков королевской канцелярии⁶⁴, докладчиков Палаты прошений королевского дворца⁶⁵, финансистов⁶⁶, высшего духовенства⁶⁷. То же можно сказать и о таком трудном жанре, как история отдельных семей⁶⁸.

Эти и другие работы имеют непреходящую ценность, и прежде всего, по той причине, что, вне зависимости от выводов авторов, они обогащают нас конкретно-историческим знанием, учитывающим не только экономическое положение и социальные связи исследуемых групп, но и добавляя черты к их культурно-психологическому портрету.

В 1980-х годах во французской историографии все чаще использовался образ “истории в осколках”⁶⁹. Это означало, что прежняя парадигма социально-структурной истории ушла в прошлое (но, как мы видим, не исчезла совсем), новая же, несмотря на амбиции сторонников “новой социальной истории”, “исторической антропологии”, “тотальной истории”, так и не сумела завоевать господствующего положения, хотя достигнутые ею успехи не подлежат сомнению. Для нас важно, что, оспаривая постулаты социально-структурной истории, сторонники новых направлений сохранили традицию уважительного отношения к нотариальным актам и иным источникам массового характера. Так, например, Пьер Шоню, считавший, что история должна заняться “основным – то есть эмоциональным, ментальным, психическим”⁷⁰, предпринял исследование отношения к смерти в Париже по материалам нотариальных актов XVI–XVIII вв.⁷¹ Эта работа была призвана “подкорректировать” не-

---

⁶³ *Lapeyre A., Scheurer R. Les notaires et secrétaires du Roi sous les règnes de Louis XI, Charles VIII et Louis XII (1461–1515): Notices personnelles et généalogiques. P., 1978. 2 vol.*

⁶⁴ *Charton-Le Clech S. Chancellerie et Culture au XVIe siècle: (Les notaires et secrétaires du roi de 1515 à 1547). Toulouse, 1993; Michaud H. La grande Chancellerie et les écritures royales au XVIe siècle (1515–1589). P., 1967.*

⁶⁵ *Etchehoury M. Les maîtres des requêtes de l'Hôtel du Roi sous les derniers Valois (1553–1589). P., 1991.*

⁶⁶ *Hamon Ph. L'argent du Roi: Les Finances et gens de finances au temps de François Ier. P., 1994; Idem. Messieurs des finances: Les grands officiers de finance dans la France de la Renaissance. P., 1999.*

⁶⁷ *Peronnet M. Les Evêques de l'ancienne France (1516–1790). Paris; Lille, 1976; Baumgartner F. Change and Continuity in the French Episcopate: The Bishops and the Wars of Religion, 1547–1610. Durham, 1986.*

⁶⁸ *Hervier D. Pierre le Gendre et son inventaire après décès: Une famille parisienne à l'aube de la Renaissance: Etude historique et méthodologique. P., 1977.*

⁶⁹ *Dosse F. L'histoire en miettes: Des “Annales” à la “Nouvelle histoire”. P., 1987.*

⁷⁰ *Далин В.М. Историки Франции XIX – XX веков. С. 256.*

⁷¹ *Chaunu P. La Mort à Paris: XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles / Avec la collaboration d'A. Pardaihé-Galabrun et al. P., 1978.*

которые предположения, высказанные Филиппом Ариесом в его на-
шумевшей книге “Человек перед лицом смерти”⁷². Задача Шоню,
в частности, состояла в том, чтобы придать выводам Ариеса более
обоснованный характер. Замысел Шоню поражал своей масштабно-
стью: ведь обследовались тысячи завещаний парижан. Для решения
этой задачи под руководством Шоню была создана целая группа из
молодых историков-дипломников, каждый из которых обследовал
ту или иную нотариальную контору. На мой взгляд, работа по систе-
матизации этих данных не была доведена Шоню до логического кон-
ца, сохраняя специфически “осколочный” характер сведений боль-
шой конкретно-исторической важности; из эмпирического материа-
ла подчас не следовало необходимых выводов.

Вывод, брошенный Ариесом и Шоню, был принят историками-
марксистами. Так, монография Мишеля Вовеля “Смерть и Запад с
1300 г. до наших дней”⁷³ также в значительной степени основана на
материале нотариальных актов. Парадоксальным образом Вовель
проявляет гораздо большую гибкость, чем Ариес и, в какой-то сте-
пени, Шоню, предупреждая против “утверждений, устанавливающих
механическую зависимость ментальностей от материальной жизни
общества”⁷⁴ и настаивая на более сложном и противоречивом харак-
тере взаимосвязи этих явлений. Столь же чуждым всякому редуци-
онизму было исследование другого историка-марксиста, Алана
Круа: “Бретань в XVI–XVII вв.: Жизнь, смерть, вера”⁷⁵. Эти “корон-
ные” для историко-антропологического направления сюжеты рас-
сматривались автором на материалах нотариальных актов (кото-
рых, впрочем, для Бретани сохранилось не так много, как для Пари-
жа), приходских книг, источников личного происхождения. Акту-
альная для подобного рода исследований проблема репрезентатив-
ности была решена Аланом Круа весьма радикально: год за годом
настойчивый исследователь объезжал на велосипеде все приходские
церкви Бретани, не говоря уж о департаментских и муниципальных
архивах. В результате ему удалось учесть *все* имеющиеся источники
в масштабах всей провинции.

Подобных работ появлялось немало для разных провинций и
разных периодов. Это было повторением “славного десятилетия”
локальных монографий, но уже с учетом влияния антропологиче-
ски-ориентированной истории. Промежуточные итоги этого перио-
да стали известны отечественному читателю благодаря книге
Ю.Л. Бессмертного “Жизнь и смерть в средние века”⁷⁶.

---

⁷² *Ariès Ph.* L’homme devant la mort. P., 1977; *Idem.* Histoire des populations fran-
caises et de leurs attitudes devant la vie depuis le XVIIIe siècle. P., 1971.

⁷³ *Vovelle M.* La Mort et l’Occident: de 1300 à nos jours. P., 1983.

⁷⁴ *Ibid.* P. 24.

⁷⁵ *Croix A.* La Bretagne aux XVIe et XVIIe siècles: La vie, la mort, la foi. P., 1981.

⁷⁶ *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1990.

Нотариальный акт, таким образом, вполне благополучно пережил “смену парадигм”, сохраняя ранг “привилегированного источника”. В 80-е годы множатся исследования, посвященные методике работы с нотариальными актами. Под руководством Жана Лаффона собираются регулярные коллоквиумы на эту тему⁷⁷. Проблематика работы с нотариальными актами волнует и наших соотечественников (Г.М. Тушину⁷⁸ и Е.Н. Радзиховскую⁷⁹, изучающих Прованс, С.П. Карпова и его учеников, концентрирующих внимание на материале итальянских колоний Черноморья⁸⁰). Особую ценность представляют работы Жана-Поля Пуассона⁸¹. Получив историческое образование, он не смог продолжить свою профессиональную карьеру и вынужден был устроиться на службу в нотариальную контору. Долгие годы работы в качестве практикующего нотариуса в Париже поставили его в уникальную для наблюдения позицию: понимая тонкости своего ремесла “изнутри”, он сумел показать историческому сообществу неисчерпаемые возможности нотариальных источников. Среди его этюдов – работы по экономической и социальной истории, по истории права, социальной психологии и даже “смеховой культуры”, данные сквозь призму нотариальных актов.

Чтобы показать, как реально осуществлялось “скольжение” от социально-структурной истории к истории социально-культурной, мы возьмем в качестве примера работу уже упоминавшегося Роже Шартье. Сейчас Шартье является одним из лидеров французской исторической мысли; он достаточно широко известен в нашей стране работами по истории чтения и книжности в период Старого порядка. Менее известны работы этого исследователя по истории образования во Франции. В 1981 г. в “Анналах” им была опубликована статья “Социальное пространство и социальное воображаемое: разочарованные интеллектуалы в XVII в.”⁸². Обобщая работы, оперирую-

---

⁷⁷ Les actes notariés, source de l'histoire sociale (XVe–XIXe siècles): Actes du colloque de Strasbourg / Ed. J.L. Laffont. Strasbourg, 1979; Problèmes et méthodes d'analyse historique de l'activité notariale: XVe–XIXe siècles: Actes du colloque de Toulouse / Ed. J.L. Laffont. Toulouse, 1991; Histoire sociale et actes notariés: Problèmes de méthodologie (Actes de la table ronde du 20 mai à Toulouse). Toulouse, 1989.

⁷⁸ Тушина Г.М. Города в феодальном обществе Южной Франции. М., 1985.

⁷⁹ Radzihovska O. A propos du coût du travail à Aix-en-Provence au XVe siècle: Apprentissage et salariat à travers les actes notariés // 120e Congrès national des soc. Hist. Aix-en-Provence, 1995. P. 21–30.

⁸⁰ Прокофьева Н.Д. Акты венецианского нотариуса в Тане Донато а-Мано (1413–1419) // Причерноморье в Средние века / Отв. ред. С.П. Карпов. М., 2000. Вып. 4; Талызина А.А. Венецианский нотариус в Тане: Кристофоро Риццо (1411–1412) // Там же. С. 19–35.

⁸¹ Poisson J.-P. Notaires et société: Travaux d'histoire et de sociologie notariales. P., 1985–1989. Vol. 1–2.

⁸² Chartier R. Espace social et imaginaire social: Les intellectuels frustrés au XVIIe siècle // Annales. E. S. C. 1981. № 2. P. 389–399.

щие большим цифровым материалом, автор показывает, как университетское образование в Англии, Франции, Голландии, Германии и Испании проходит начиная с XVI в. через одинаковые фазы. Сначала рост числа вакантных мест повышает привлекательность университетского образования, затем наступает диспропорция между все возрастающим числом университетских выпускников и ограниченной емкостью “рынка” церковных и светских должностей. Постепенно в обществе разрастается слой “разочарованных интеллектуалов”, представляющих угрозу для социальной стабильности. Затем, по мере осознания обществом этой проблемы, усиливается социальный отбор и сокращается число университетских выпускников. То, что “разочарованные интеллектуалы” представляли собой взрывоопасную “субстанцию”, давно не было секретом для историков. Об этом, в частности, писал еще Ролан Мунье. Связь этой проблемы с социальными конфликтами, предшествующими Английской революции, подчеркивал в своих нашумевших работах и такой “зубр” социальной истории, как Лоренс Стоун. Новаторство Шартье состояло в том, что он показал многообразие форм осознания обществом остроты этой проблемы: от создания альтернативных образовательных систем в эпоху Кольбера до испанского плутовского романа, главным героем которого является, по большей части, бывший студент. Но Шартье, основываясь на количественных исследованиях голландского историка Вилельма Фрийхоффа, отмечает отсутствие прямой связи между степенью озабоченности общества проблемой “лишних интеллектуалов” и реальной университетской статистикой. Тезис о колоссальном “перепроизводстве” адвокатов (уже полностью не соответствующий действительности) продолжал муссироваться в литературе и публицистике в XVIII и даже в первой половине XIX в., служа аристократизации университетов, утративших свою былую функцию фактора социальной мобильности. Эта концепция Роже Шартье, отнюдь не бесспорная (примечательно, кстати, что сам автор, перепечатав эту статью в нескольких местах, заметно охладел к своему детищу), в данном случае привлекает тем, что на ее примере видна постепенная смена исследовательских приоритетов. Шартье опирается на наработки социально-структурной истории, по-прежнему мыслит в категориях “сериальной” истории и не лишен заинтересованности в социологической интерпретации общественных коллизий. Но при этом социальные явления и их культурное осмысление характеризуются принципиально разными ритмами, причем второе наделяется способностью формировать первые. Это был один из начальных шагов. В дальнейшем Шартье придет к тезису о необходимости перехода от социальной истории культуры к культурной истории социального⁸³.

---

⁸³ Chartier R. Les origines culturelle de la révolution française. P., 1990; *Idem*. Au bord de la falaise: L'histoire entre certitude et inquiétude. P., 1998.

В эти годы на французских историков все большее влияние стали оказывать импульсы извне, прежде всего – и на примере Шартье это видно в наибольшей степени – социологические теории Пьера Бурдьё, в частности, его учение об экономическом капитале и символическом капитале, о “хабитусе”, как о переплетении сознательных и неосознанных, но подразумеваемых практических поведения.

Но, пожалуй, более сильным и менее предсказуемым по своим последствиям было влияние Мишеля Фуко. Отношения Фуко с историками были достаточно противоречивыми, но все свои построения он основывал на историческом материале, преимущественно на материале периода Старого порядка. И постепенно даже не признававшие ценность его выводов историки свыкались с идеями, введенными в оборот этим неординарным философом. Его влияние выражалось в усвоении идей деконструктивизма: важнейшие и, казалось бы, незыблемые дефиниции (например, оппозиции между психическим здоровьем и безумием, между легальным и преступным, между нормой и сексуальным отклонением) не присущи всем обществам изначально, но появляются в определенное время и в определенном месте и, появившись, видоизменяют общество. Фуко поставил под вопрос привычное соотношение между “словами и вещами”, заговорил о растворенном в обществе насилии, выражающемся в языковых практиках. С его легкой руки слова “эпистема”, “дискурс” получили прописку в трудах историков. Для историков старшего поколения, вошедших в науку в 50-е–начале 60-х годов (от адептов “социальной истории”, сторонников “вторых Анналов”, более или менее последовательных марксистов до твердокаменных “шартистов”, убежденных в незыблемости понятия “исторический источник”) Фуко остается экзотической и не слишком авторитетной фигурой, очередным модным философом. Для кого-то же он – любопытный союзник, творец плодотворного, но не всегда приемлемого метода “интерпретирующей аналитики”, для кого-то отец-основатель “фукианской парадигмы” (последних достаточно много в США и в России⁸⁴).

Как бы то ни было, силу воздействия Фуко на последующие поколения историков трудно переоценить. Ему удалось показать, что при наличии способностей к выстраиванию (или даже к “плетению”) всевозможных связей между “словами” и “вещами”, помноженных на эрудицию и богатое воображение, интерпретировать данные источников можно самыми разными способами, а вовсе не столь линейно-рационально, как это виделось социальным историкам 1960-х годов. Но, позволю себе ремарку, за которую рискую подвергнуться яростной атаке со стороны хранителей “фукианской ор-

---

⁸⁴ См., например: Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / Под. ред. О. Хархордина. СПб; М., 2001.

тодоксии”: вдохновение для своих лучших сочинений Фуко черпал непосредственно из архивных материалов XVII–XVIII вв., в особенности, конечно, из криминальных архивов (в частности, архивов Бастилии, часть из которых так впечатлила некогда А.Д. Люблинскую). Менее всего Фуко похож на архивиста-палеографа, да и вообще – на профессионального историка. Но без погружения в источники Фуко не создал бы ни “Истории безумия”, ни других своих полотен (впрочем, весьма уязвимых с точки зрения историков-профессионалов). Более того, работать с источниками он любил, обладая особым вкусом к историческому документу. Не случайно коллега и соратник Фуко, Арлет Фарж, представляет теперь особое направление во французской историографии, воспевая поэтику архивных изысканий⁸⁵.

Прямое или косвенное влияние Мишеля Фуко, а также неослабевающий интерес к психоанализу, введение в оборот многомерного понятия “тела” и “телесности” приводили в восьмидесятые годы к целому ряду неожиданных гипотез, заново интерпретирующих историю того или иного социального института. Сюда можно отнести работы Жана Шифоло⁸⁶ и Билакуа⁸⁷.

Очередным источником вдохновения для французских историков 70-х–80-х годов явились достижения их американских коллег. Прежде всего, конечно же, речь идет о трудах Н. Земон Девис, продолжающей плодотворно работать на ниве антропологически ориентированной истории. Немалую роль сыграли и труды Роберта Дарнтона, сумевшего интегрировать в классическую область изучения французской революции и просвещения исследования народных суеверий, импульсивных действий толпы, функционирование лингвистических механизмов. Его работа о массовом истреблении кошек в Париже в период правления Людовика XV произвела фурор в рядах французских специалистов по XVIII в.⁸⁸ Одним из наиболее последовательных сторонников изучения ментальностей и применения историко-антропологических методов для исследования французского общества Старого порядка, является Робер Мушанбле, автор

---

⁸⁵ См.: *Farge A. Le Goût des archives. P., 1989; Eadem. Des lieux pour l'histoire. P., 1997; Le désordre des familles: Lettres de cachet des archives de la Bastille au XVIIIe siècle / Ed. A. Farge et M. Foucault. P., 1982.* Хочется в этой связи посетовать на молодых отечественных коллег, предпочитающих заниматься Мишелем Фуко или иными французскими “властителями дум”, игнорируя имеющиеся и столь ценимые этими “властителями дум” архивные материалы, хранящиеся в своей же стране.

⁸⁶ *Chiffolleaux J. La comptabilité de l'au-delà: Les hommes, la mort et la religion dans la région d'Avignon à la fin du Moyen Age, vers 1320–1489. Rome, 1980.*

⁸⁷ *Bilacois F. Le duel dans la société française des XVIe–XVIIe siècles: Essai de psychologie historique. P., 1986.*

⁸⁸ *Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. N.Y., 1984.*

многих работ, посвященных охоте на ведьм⁸⁹, культурному портрету французского сельского общества⁹⁰, издатель научного журнала с красноречивым названием “Ментальности”. В конце 80-х–90-х годов XX в. этот историк становится убежденным сторонником применения концепции Норберта Элиаса к истории Франции. С этих пор его внимание сконцентрировано на процессе формирования так называемой “цивилизации нравов”, выражавшейся в расширении контроля над аффектами, что и определило в конечном итоге сущность европейской цивилизации⁹¹.

Вторым каналом воздействия американской историографии явились труды так называемой “церемониалистской” школы. Восходя к авторитету Эрнста Канторовича, эта школа ставила в центр своего внимания всевозможные процессии, ритуалы и церемонии, связанные с королевской особой: похороны короля, коронации, торжественные въезды монарха в город, ложа правосудия (обряды появления короля в Парламенте)⁹². Эта школа склонна была видеть в изучаемых церемониях отражение своеобразной “конституционной идеологии”, а в процессиях ее представители надеялись найти отражение реальной социально-политической структуры.

И хотя американский вызов стимулировал аналогичные исследования со стороны французских коллег, плотность изученности этого периода сейчас такова, что выдвигаемые концепции, в той или иной степени претендующие на генерализацию, сразу же подвергаются существенной критике, основанной не столько на концептуальных соображениях⁹³, сколько на более внимательном прочтении источника. Так, красивая интерпретация “охоты на ведьм”, предложенная Робером Мушанбле, была буквально взорвана критикой со стороны Альфреда Зомана⁹⁴, пожалуй, лучшего специалиста в области судопроизводства во Франции. А концепция Лоуренса Брайана подверглась аргументированной критике со стороны такого знатока истории Парижа, как Робер Десимон, показавшего, что многие ре-

---

⁸⁹ Muchembled R. La sorcière au village: XVe–XVIIIe siècles. P., 1979; *Idem*. Le roi et la sorcière: l'Europe des bûchers, XVe–XVIIIe siècles. P., 1993.

⁹⁰ Muchembled R. La violence au village: Sociabilité et comportements populaires en Artois du XVe au XVIIe siècles. P., 1989.

⁹¹ Muchembled R. L'invention de l'homme moderne: Sensibilités, mœurs et comportements collectifs sous l'Ancien régime. P., 1988; *Idem*. La société pollicée: Politique et politesse en France au XVIe au XXe siècles. P., 1988.

⁹² Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: A study in Medieval Political Theology. Princeton, 1970; Gisy R. The royal funeral ceremony in renaissance France. Genève, 1960; Haneley S. The “Lit de justice” of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual and Discourse. Princeton, 1980.

⁹³ Boureau A. Le Simple corps du roi: L'impossible sacralité des souverains français, XV–XVIII siècles. P., 1988.

⁹⁴ Soman A. Sorcellerie et justice criminelle: Le Parlement de Paris, 16e–18e siècles. Hampshire; Brookfield, 1992.

лии ритуала торжественного въезда короля были неправильно атрибутированы его американским коллегой, от чего, следовательно, вся динамика изменений, приписываемых Брайаном французскому городу, имела, судя по всему, иной вектор⁹⁵.

Стройная концепция “ложи правосудия” как инструмента абсолютистской идеологии, выраженная в трудах Сары Ханли, была развенчана в работах Елизабет Браун⁹⁶. Выяснилось, в частности, что Сара Ханли основывалась не на оригиналах чрезвычайно объемных регистров Парижского Парламента, а на итогах обработки этих источников учеными более позднего периода, в особенности работавшими в XVIII в., в то время как Елизабет Браун предприняла героические усилия по выявлению огромного комплекса указанных архивных документов, т.е. сотен неподъемных томов Регистров. О ней хочется сказать особо. Обладая редким даром критического мышления (еще в 70-е годы она высказывала взгляды деконструктивистского толка о французском феодализме, подхваченные историками 90-х годов⁹⁷), эта исследовательница совмещает его с фанатичной приверженностью работе в архивах. За измену этому призванию историка она критиковала как французских коллег, отдавших предпочтение разговорам о ментальностях, дискурсах и спорам о методе, так и историков российских, игнорирующих богатство отечественных архивов⁹⁸. В отношении наших коллег Елизабет Браун имела полное основание для этих упреков: сама она немалое время посвятила архивным изысканиям в экстремальных условиях постперестроечного Санкт-Петербурга.

Но наиболее важным центром притяжения внимания французской историографии за последние двадцать лет стала сфера политической истории. Именно сюда “эмигрировали” историки, дебютировавшие на ниве социально-структурной истории. Пьер Губер, прославившийся как историк “ста тысяч провинциалов” (так называлось второе издание его работы о Бове и Бовези), в 1990 г. публикует биографию Мазарини⁹⁹, прославляя ловкого кардинала, а в его

---

⁹⁵ Bryant L.M. The King and City in Parisian Royal Entry Ceremony. Genève, 1986; Descimon R. Les fonctions de la métaphore du mariage politique du roi et de la république. France, XVe–XVIIIe siècles // Annales E. S. C. 1992. Vol. 47, № 6. P. 1127–1147.

⁹⁶ Hanley S. The “Lit de Justice” of the King of France; Brown E., Famiglietti R. The Lit de Justice: Semantics, Ceremonial and the Parlement of Paris, 1300–1600. Sigmaringen, 1994.

⁹⁷ Brown E. The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe // American Historical Review. 1975. P. 1063–1085; Reynolds S. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford, 1994.

⁹⁸ Об этом, в частности, Елизабет Браун говорила со мной при личной встрече еще в 1993 и 1996 гг.

⁹⁹ Goubert P. Mazarin. P., 1990. (Рус. пер. – М., 2000).

предисловии к изданию “Мемуаров” Людовика XIV звучат апологетические мотивы в оценке “Короля-Солнце”. А ведь в “Бове и Бове-зи” правление Людовика XIV в какой-то мере приравнивалось к стихийному бедствию, обрушившемуся на головы крестьян.

Франсуа Блюш, в 50-е–60-е годы один из апостолов социальной истории, завершает свою карьеру увесистым панегириком все тому же “Королю-Солнце”¹⁰⁰. Многократно упоминаемый на этих страницах Ле Руа Ладюри занимается теперь не крестьянами Лангедока и не пастухами из Монтайю, а функционированием Версальского двора¹⁰¹. Жан Жакар, несравненный историк-аграрник, пишет биографии Франциска I и Байярда¹⁰², Марк Венар тоже дебютировавший изучением отношений буржуа и крестьян на юге Парижского бассейна, сосредоточил свои усилия на изучении католической реформы. И если 60-е–70-е годы прошли под знаком подготовки к изданию коллективных трудов (таких как “История сельской Франции” и “Экономическая и социальная история Франции”), то подобным символом для эпохи 90-х годов становится монументальный труд “Генезис новоевропейского государства”¹⁰³.

Однако в этом не следует видеть возврата к той самой политической истории, с которой когда-то вели бескомпромиссную борьбу представители школы “Анналов”. Конечно, традиционная история великих личностей, история-событие, история-рассказ остались, никуда они не делись¹⁰⁴. Но в лучших своих проявлениях историография второй половины 80-х–90-х годов представляла собой нечто совсем иное. Выяснилось, что политическая история прекрасно уживается с антропологическим подходом и что с позиций исторической антропологии может быть написана биография короля¹⁰⁵. Кроме того, солидные историки, вошедшие в науку под знаком социальной истории, занимаясь политической историей или выступая в жанре биографического исследования, предваряют их картинами социаль-

---

¹⁰⁰ *Bluche F.* Louis XIV. P., 1986 (в русском переводе: *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998).

¹⁰¹ *Le Roy Ladurie E.* Saint-Simon ou le Système de la cour. P., 1997.

¹⁰² *Jacquart J.* François I. P., 1981; *Idem.* Bayard. P., 1986.

¹⁰³ *Introduction à l'État moderne: Genèse, bilan et perspective.* P., 1990.

¹⁰⁴ Иллюстрацией успешного выживания в наши дни традиционных форм историописания могут служить работы Ф. Эрланже и Ж.П. Баблона, авторов биографических серий, написанных в самой что ни на есть традиционной описательной манере, с вкраплениями собственных морализирующих сентенций. Их труды вот уже много лет переиздаются массовыми тиражами и даже переводятся в нашей стране. См., например: *Баблон Ж.П.* Генрих IV. Ростов-на-Дону, 1999; *Эрланже Ф.* Генрих III. Ростов-на-Дону, 1995 (второй перевод – СПб., 2002); *Он же.* Диана де Пуатье. СПб., 2001.

¹⁰⁵ Характерным примером может служить книга Жака Ле Гоффа – *Le Goff J.* Saint Louis. P., 1996 (в русском переводе: *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001).

ной жизни, описанием всего общества¹⁰⁶. Подобное явление, помимо уже упомянутого Жана Жака, можно проиллюстрировать примером Роберта Кнехта, являющегося на сегодняшний день, пожалуй, лучшим знатоком реалий XVI в.; в отечественной историографии это же можно сказать и о В.Н. Малове применительно к XVII в. Добротная политическая история демонстрировала и демонстрирует явную тенденцию к интеграции с историей социальной или социально-культурной.

Будущее видится в развитии именно этого, весьма плодотворного, синтеза. Благодаря наследию Мишеля Фуко и историко-антропологическому вызову стало очевидно, что исследование механизмов власти неотделимо от исследования “воображаемого”. Не случайно термин “*imaginaire*” часто стал встречаться в подзаголовках монографий. Изучение форм диалога власти и народа ныне занимает историков, пожалуй, больше, чем описание институтов административной монархии. Никого не удивляет теперь, что работы, относящиеся к насилию, девиантному поведению и формам социального контроля проходят по ведомству политической истории. Французские историки, похоже, осознали, что абсолютистское государство, окрепшее после кризиса Религиозных войн, породило новую систему социального устройства. Этому посвящена, в частности, работа Оливье Крестин¹⁰⁷.

К числу “вызовов”, брошенных французской историографии, принадлежит еще и вызов микроистории. Микроистория как более или менее отрефлексированное направление пришло во Францию через группу историков, сконцентрированных вокруг “*Quaderni storici*” – журнала, обычно уподобляемого по своему значению английскому “*Past and Present*” и французским “*Анналам*”.

И хотя направления мысли, аналогичные манифестам итальянских ученых, набирали силу и в Германии¹⁰⁸, и в Англии¹⁰⁹, французские историки ассоциируют микроисторию в первую очередь с итальянской школой. Поэтому на ней следует остановиться подробнее. Изначальный пафос “отцов-основателей” микроистории был сродни интенциям сторонников “новой исторической науки” во

---

¹⁰⁶ См., например: *Knecht R.J. Renaissance Warrior and Patron: The reign of Francis I. Cambridge, 1994; Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер: Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.*

¹⁰⁷ *Cristin O. La Paix de religion: L'autonomisation de la raison politique au XVIe siècle. P., 1997.*

¹⁰⁸ *Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 192–197.*

¹⁰⁹ *Репина Л.П. “Персональная история”: биография как средство исторического познания // Казус, 1999. М., 1999. С. 76–100; Она же. Комбинация микро- и макроподходов в современной британской и американской историографии: Несколько казусов и опыт их прочтения // Историк в поиске: Микро- и макроподходы к изучению прошлого: Доклады и выступления на конференции 5–6 октября 1998. М., 1999. С. 31–64.*

Франции и направлен, главным образом, против традиционной событийной, политической истории, а также против социально-структурной истории, увлекавшейся количественным анализом. Они ратовали за изучение внутреннего мира человека, за исследование самых разнообразных аспектов социального опыта и критиковали предшествующую историографическую традицию за схематизм, погоню за “объективными” процессами и структурами, и как следствие, за высокомерно-пренебрежительное отношение к действующим субъектам истории.

Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что сторонников микроистории не устраивают и модели, базирующиеся на культурно-антропологических методах. Ведь в увлечении ментальностями можно усмотреть характерное для культурной антропологии отрицание автономии социальных актеров. Если человек, следуя метафоре Клиффорда Гирца, постоянно блуждает “в лесу символов”, то задача исследователя – расшифровать эту систему знаков, которая, как говорил Роберт Дарнтон, “разделяется всеми подобно воздуху, которым мы дышим”. Эта установка антропологически ориентированной истории служит мишенью для тех, кто настаивал на том, что человек обладал свободой выбора той или иной интерпретации, что между интерпретациями возникали конфликты. Выбирая тот или иной способ действия, тот или иной вариант “расшифровывания мира”, человек творил историю, которую и следует понимать как совокупность индивидуальных выборов, как сеть отношений, образующих ту базу, без которой немыслимы ни макроскопические процессы, ни их генерализирующие интерпретации исследователями. Этот вызов микроистории был воспринят, мягко говоря, неоднозначно (подробности полемики между микроисторией и антропологически ориентированной историей на российской почве можно проследить по материалам сборника “Историк в поиске” (М., 1999) и на страницах изданий “Казус” и “Одиссей”). Так, ставится под сомнение способность микроистории предложить новую парадигму: ведь генерализировать на основе микроистории чрезвычайно трудно, если не невозможно, а обходиться без генерализации мышление историков, как и всякое научное мышление, не в состоянии. Разговор на эту тему обычно ходит по кругу утверждений “второй свежести”, как то: микроистория есть описание микрообъектов, микроистория не может обойтись без макроистории и наоборот и т. д.

С микроисторией произошли характерные метаморфозы; ее “отцы-основатели”, действуя во многом интуитивно, старались уйти от бесплодных академических споров, от абстрактных рассуждений о методе, желая предложить новую версию истории, сделать ее более человеческой, эмпирически насыщенной, интересной для чтения. Постепенно к ним пришло признание, они “обросли” учениками, эпигонами, кафедрами, их самих стали изучать, они стали вести академические споры, стали вести рассуждения о методе. В этом воз-

вращении “на круги своя” трудно не увидеть действия объективных механизмов функционирования исторического сообщества. Тот же самый альманах “Казус”, который рассматривает себя в том числе и в качестве версии микроисторического направления на отечественной почве, в кратчайший срок, всего за три выпуска, прошел путь от сборника микроисторических этюдов к сборнику, большая часть которого посвящена рассуждениям о судьбах микроистории и о возможных методах исследования..

На мой взгляд, если микроистория как объект историографического изучения и отличается чем-нибудь от других направлений, то только тем, что разговор об этих трудах может быть только конкретным. В противном случае он сведется все к тому же “порочному кругу” банальных утверждений. Поэтому, чтобы оценить масштабы микроисторического вызова, хорошо было бы остановиться на некоторых примерах. Достаточно характерны в этой связи работы Симоны Черутти о ремесленниках Турина¹¹⁰. Автор отказывается от традиционного рассмотрения ремесленной среды в категориях принадлежности к тому или иному цеху, несмотря на то, что в Турине цеховая система представлялась весьма развитой. Ее рабочая гипотеза состоит в том, что тезис об имманентности цеховой структуры следует вынести за скобки как функционалистский. В центре внимания оказываются индивидуальные и семейные (что не одно и то же) стратегии социального поведения. Выясняется, что профессиональные и социальные идентичности не дарованы “ad hoc”, но каждый раз являются результатом взаимодействия различных причин: индивидуального выбора, семейных традиций и амбиций, поддержки и противодействия окружающей социальной среды, поступков людей. При этом объективные структуры не игнорируются автором, они определяют границы возможного в действиях человека, присутствуют в исследовании в виде потенциалов. Источниковую базу Симоны Черутти составляют при этом, что особенно отрадно, нотариальные акты.

Значение методологического вызова подобных работ не стоит недооценивать – ведь их авторы стараются уйти от функционалистского объяснения, при котором все поступки людей квалифицировались исходя из представлений о социальной иерархии. Так, например, стратегии социального возвышения отдельных, особо преуспевавших семей (см. характерные заголовки трудов: “Кольберы до Кольбера”, “Сегье до Сегье”), изучались и ранее, причем изучались очень хорошо. В данном же случае речь идет о том, чтобы учесть многообразие индивидуального. Но все-таки – не индивидуального

---

¹¹⁰ Этот выбор продиктован тем, что при нашей ориентации в первую очередь на французский материал для нас может быть важным то, что Симона Черутти является сотрудником Высшей школы социальных исследований в Париже. *Cerutti S. La ville et les métiers: Naissance d'un langage corporatif* (Turin, XVIIe–XVIIIe siècle). P., 1990.

самого по себе (в чем обычно упрекают микроисторию), а “частного индивидуального”, необходимого для реконструкции пространства существовавших возможностей¹¹¹. Таков примерно смысл работы Джованни Леви “Нематериальное наследство”, посвященной исследованию биографии жителей одной из пьемонтских деревень за 50 лет, Маурицио Грибауди – о формировании рабочего класса в Турине или Анджело Делла Торре – об эволюции местной судебной системы все в том же Пьемонте¹¹².

Вопреки распространенному убеждению, писать микроисторическое исследование намного сложнее, чем всякое иное, поскольку предполагает доскональное знание контекста реалий в сочетании со способностью на основании “улик” увидеть общее. Речь не обязательно должна идти об исследовании какого-либо мелкого объекта: одной деревни, одной семьи или одного судебного процесса; город, церковь, государство также вполне могут быть объектами микроисторического исследования. Но это уже будет другой ракурс, это будет история “снизу” (не случайно многие немецкие историки предпочитают термин “Geschichte von unten”), когда в историческом исследовании описывается не столько единый вектор эволюции социальных систем, но нагромождение различных, зачастую конкурирующих между собой институтов, каждый из которых наделен собственной логикой. Между этими институтами приходится лавировать людям, преследующим свои собственные цели и оценивающим ситуацию в своих собственных категориях. По словам Жака Ревеля, в этих работах присутствуют “великие перемены века”, но “лишь сквозь пыль ничтожных событий. Но именно в этих ничтожных событиях обнаруживаются и совершенно другие очертания”¹¹³.

Микроистория никоим образом не отрицает включенности человека в исторический контекст. Но дело в том, что она видит, что этих контекстов много. Поэтому каждый индивидуальный случай может по-разному прочитываться в зависимости от ракурса исследования¹¹⁴.

---

¹¹¹ Отсюда новое звучание обретает вопрос о сослагательности в истории (См.: История в сослагательном наклонении // Одиссей, 2000. М., 2000.).

¹¹² *Levi G. L'eredità immateriale: Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento. Torino, 1985; Gribaudi M. Mondo operaio e mito operaio: Spazi e percorsi sociale a Torino nel primo novecento. Torino, 1987; Torre A. Il consumo di devozioni: Religione e comunità nelle campagne dell'Ancien regime. Venezia, 1995.*

¹¹³ *Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей, 1996. М., 1996. С. 120.*

¹¹⁴ Доступным примером подобного прочтения могут быть два разных толкования одного и того же уголовного процесса Парижского Шатле в работах Клод Говар и Ольги Тогоевой (см.: *Говар К. Прослывшие ведьмами: четыре женщины, осужденные прево Парижа в 1390–1391 годы; Тогоева О.И. Брошенная любовница, старая сводня, секретарь суда и его уголовный регистр (Интерпретация текста или интерпретация интерпретации); Она же. О казусах и судебных прецедентах (Вместо заключения)// Казус, 2000. М., 2000. С. 221–271.*

Но, конечно, требование “плотного описания” предполагает некое ограничение масштаба исследования. В связи с этим очевидной становится “ахиллесова пята” микроисторического метода — проблема репрезентативности. Сторонники микроистории научились выходить из положения тем или иным способом. Для этого, например, могут использовать термин Эдоардо Гренди “исключительное нормальное”. Не столь важно, в какой степени та или иная модель подтверждена статистически (статистика по большей части будет неполной в силу фрагментарности данных), а как она ведет себя в экстремальных условиях, когда один из параметров подвергается деформации. Так, например, случай с мельником Меноккио из книги Карло Гинзбурга “Сыр и черви” абсолютно нетипичен, но он дает нам очень богатую информацию о различных пластах культуры, о “возможном и невозможном”, об особенностях судопроизводства и т.д. Таков метод, заявленный инициаторами отечественного издания “Казус”, его так и называют “казуальным” методом.

Кстати говоря, все споры между исторической антропологией и микроисторией достаточно условны и, возможно, являются историографической химерой. Разве не могут служить образцами микроисторических исследований труды, которые обычно ассоциируются с историко-антропологическими изысканиями, такие как “Возвращение Мартена Герра” Н. Земон Дэвис, “Монтайю, окситанская деревня” Э. Ле Руа Ладюри или “Аженская коммуна” В.И. Райцеса?

Как отмечалось выше, французская историография относится к микроистории с интересом, выдающим некоторую остроту. Однако если не в результате прямого влияния итальянской (а также английской и немецкой) микроисторической традиции на французскую историческую мысль, то в результате ее структурного соответствия исканиям французских социологов, происходит приближение основных исследовательских принципов французской историографии к вызовам микроистории.

В отличие от отечественной ситуации, французские социологи склонны порой к диалогу с историками, которые, в свою очередь, подводя теоретическую базу под свои построения, прибегают не только к авторитетам прошлого (во Франции таким непререкаемым авторитетом является Эмиль Дюркгейм), но и знакомятся с работами своих современников. Мы уже говорили о “связке” Пьер Бурдьё–Роже Шартье. С середины 80-х годов все более цитируемым социологом становится Люк Болтански, к которому позже добавился его соавтор Лоран Тевено¹¹⁵. Характерно, что оба этих социолога являются постоянными участниками общественного семинара по

---

¹¹⁵ Boltanski L. *L'Amour et la justice comme compétences: Trois essais de sociologie de l'action*. P., 1990; Boltanski L., Thevenot L. *Les économies de la grandeur*. P., 1987; Boltanski L. *L'esprit du capitalisme*. P., 1999.

истории социальных иерархий, действующего в Высшей школе социальных исследований вот уже десять лет. Эти социологи много работали над системой социальных классификаций, и их интересуют те принципы, по которым люди относят друг друга или себя самих к определенным категориям в обществе или создают новые социальные группы. С их точки зрения такие социальные группы сугубо ситуационны и напрямую зависят как от лингвистического опыта самого человека, так и от опыта людей, выражающих свое мнение о нем. Оказываясь в определенной ситуации, человек производит мобилизацию лингвистических и логических возможностей для оправдания своей позиции. Именно это, по их мнению, и является определяющим фактором для социальной структуры современного общества, хотя, конечно, слово “структура” не вполне подходит для того, чтобы передать впечатление об этой текучей, постоянно меняющейся “материи социального”. Позже они разработали определенную классификацию таких не зависящих друг от друга моделей оправдания (“шесть моделей справедливости”), для того чтобы показать самодостаточность каждой из них, эти социологи применяют термин “*cités*” (города-государства, грады). Такая социология “градов” разработана на эмпирическом материале современности, с привлечением результатов экспериментов, но они с большим вниманием относятся и к опыту иных эпох. Трудно не обратить внимание на некоторое родство этих подходов с подходами микроистории. В обоих случаях во главу угла ставятся не априорно существующие социальные группы, но индивидуальный опыт действующих лиц; социальная реальность формируется и постоянно поддерживается “здесь-и-сейчас”. Кстати, в социологии достаточно популярен теперь и так называемый биографический метод, уже напрямую связанный с микроисторией¹¹⁶.

При этом не хотелось бы настаивать на прямом влиянии этих двух явлений друг на друга – скорее речь идет об изменении некоторых условий функционирования гуманитарного знания. Возможно, современное постиндустриальное общество вступило в некую новую фазу, которую условно можно назвать “постмодерном”. Но чтобы не вдаваться в дискуссии по этому поводу, мы можем указать на другие, более специальные факторы. Это, прежде всего, приоритет, отдаваемый этнологами и социологами конструктивизму по сравнению с примордиальностью. Это значит, что все большее число социальных институтов объявляется не “врожденными”, существующими если не от века, то очень давно, а “приобретенными”, сконструированными, договорными (сюда относится не только социальная идентичность, но и такие категории как этнос, семья и даже пол). Оговоримся при этом, что речь идет лишь о тенденции гуманитар-

---

¹¹⁶ См.: Биографический метод в социологии: История, методология и практика. М., 1994.

ного знания, об акцентах и ракурсах. Насколько они справедливы – это другой вопрос.

Еще одним, очень важным фактором и очередным вызовом является лингвистический поворот (и связанный с ним деконструктивизм). К этому явлению историки относятся по-разному, от восторгов до бескомпромиссного неприятия, однако теперь уже для всех стала очевидной активнейшая роль языка, не только отражающего, но и формирующего социальное пространство. Появился даже устойчивый термин “перформативность дискурса” и условность (но не нейтральность) социальных дефиниций.

В поисках “новой парадигмы” (1990-е годы)

От “истории в осколках” к “возвращению субъекта”. – Примеры обновления: история дворянства. – “Культурная история”. – “История жизненных стилей”. – Контуры рождающегося направления. – Идеал и реальность. – “Искать решение проблем или указывать на трудности их решения?” – Угроза “депопуляции”. – Консерватизм сообщества историков как повод для сдержанного оптимизма

В 80-е годы в сознании историков постепенно утверждалось ощущение кризиса, лучше всего сформулированное в книге Франсуа Досса с характерным названием “История в осколках”¹¹⁷. История, лишь недавно сформулировавшая желание быть “тотальной историей”, ускорила свое раздробление на отдельные субдисциплины, а те, в свою очередь, быстро распадались на отдельные сюжеты, причем разговоры о единой методологической основе становились беспредметными. Были, конечно, историки, которые не соглашались с такими утверждениями, но они выглядели скорее консерваторами, видевшими лучшие образцы историографии минувшей эпохи. В 90-х годах ситуация, похоже, начала меняться. Тот же Франсуа Досс высказывает теперь осторожный оптимизм, считая, что годы поисков увенчались, наконец, обретением новой парадигмы исторического знания. Конечно, есть историки, которые с этим не согласны и считают, что время обобщений и глобальных теорий безраздельно прошло, что история утратила статус науки и речь может идти лишь о перебирании отдельных, никак не связанных друг с другом фрагментов мозаики. Но теперь уже эти историки выглядят, скорее, традиционалистами, сохраняя приверженность старым истинам.

В этой, заключительной, части нашего обзора мы попытаемся наметить контуры этой, не вполне отрефлектированной, “новой

---

¹¹⁷ Dosse F. L'Histoire en miettes: des “Annales” à la “Nouvelle histoire”.

парадигмы” и определить некоторые перспективы социальной истории.

Франсуа Досс определяет сущность перемен в историографии как “возвращение субъекта”¹¹⁸. Речь, по-видимому, идет как об осознании активной роли историка, так и об осознании необходимости учета роли субъектов в истории: системы их представлений, их способов мыслить и действовать. Очевидно, что на этой основе возможен достаточно плодотворный методологический диалог, а то и синтез различных направлений. Таков, например, весьма оптимистический вывод исследования Л.П. Репиной¹¹⁹. Для Бернара Лепти общество прежде всего становится привилегированным объектом истории. Оно не определяется более как одно из частных измерений производственных отношений или представлений о мире, но как продукт взаимодействия, как категория социальной практики. Чтобы организовать свои структуры или регулировать свою динамику, общество не располагает ни одной фиксированной точкой (экономической или культурной природы), которая являлась бы по отношению к нему внешней или трансцендентной. Только в игре между составляющими его актерами и институтами общество находит свои собственные референции, звучит призыв возврата к нестратифицированному образу социального.

Попробуем, как всегда, показать некоторые конкретные примеры подобного синтеза. Традиционным сюжетом социальной истории является история элит вообще и история дворянства, в частности. Вопросы определения природы французского дворянства, его социального состава, были, как мы поняли, одним из самых разрабатываемых сюжетов во французской социально-структурной истории 50-х–70-х годов. Важно подчеркнуть еще раз: в историографической моде. От этого периода сохранилась, и неплохо развивается сейчас, традиция просопографических исследований¹²⁰.

Вместе с тем в 70-х–80-х годах независимо друг от друга появляются две монографии, нарушающие каноны социальных исследова-

---

¹¹⁸ *Dosse F.* L'Empire du sens: L'Humanisation des sciences humaines. P., 1995.

¹¹⁹ *Репина Л.П.* “Новая историческая наука” и социальная история. С. 224–247.

¹²⁰ *Boisnard L.* Dictionnaire des anciennes familles de Touraine. Mayenne, 1992; *Descimon R.* Élités parisiennes entre XVe et XVIIe siècles: Du bon usage du Cabinet des titres // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. 1997. Vol. 155, part. 2. P. 607–644; *Bourquin L.* Noblesse seconde et pouvoir en Champagne aux XVIe et XVIIe siècles. P., 1994. P. 9, 37–44; *Contamine Ph.* La noblesse au royaume de France de Philippe le Bel à Louis XII. P., 1997; *Nassiet M.* Noblesse et pauvreté: La petite noblesse en Bretagne XVe–XVIIIe siècles. [S. l.], 1993; *Neuschel K.B.* Word of Honor: Interpreting Noble Culture in Sixteenth Century France. Ithaca, 1989. См. также многочисленные труды Шерон Кейтерин, синтез которых дан в кн.: *Keiterring Sh.* Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. Oxford, 1986.

ний, поскольку они были основаны не на статистических материалах и даже не на нотариальных актах, а на мемуарах, трактатах, свидетельствах современников. Речь идет о работах Арлет Жуанна “Идея расы во Франции XVI – начала XVII в.”¹²¹ и Эллери Шалка “От добродетели к родословной: идеи дворянства во Франции XVI–XVII вв.”¹²².

Они констатировали резкое изменение в определении дворянского статуса: переход от понимания дворянства как социальной функции (воинской) к представлениям о дворянстве как о наследственном статусе, не зависящем от конкретного рода занятий. Следующая работа Арлет Жуанна с характерным названием “Обязанность бунта”¹²³ вскрывает достаточно сложную систему взаимодействия между монархией и дворянством, в основе которой лежали различного рода этические максимы, поведенческие стереотипы и представления о власти. В 90-е годы стало очевидным, что полноценное изучение проблемы дворянства может быть только стереоскопическим, совмещающим изучение дискурсивных практик, герменевтики социальных терминов с многомерным эмпирическим исследованием практики отдельных дворянских линий или дворянства в масштабах той или иной провинции, государства и т.д. Именно так ставится проблема в работе представительницы школы А.В. Адо Л.А. Пименовой¹²⁴. Этой же точки зрения придерживается в своей программной статье Робер Десимон¹²⁵. “Без того мистического ореола, который окружал дворянство, оно было бы лишено своей социальной специфики, превратившись просто в одну из элитных групп”, – считает Робер Десимон, настаивающий на том, что дворянство можно изучать лишь в контексте его отношений с королевской властью (таким образом, грань между политической и социальной историей стирается) и только лишь проводя компаративистские исследования, поскольку дворянство изначально мыслилось вне государственных границ.

Реализацией одного из проектов обновления социальной истории стало солидное четырехтомное издание “Культурной истории Франции” под общей редакцией Жана Франсуа Сиринелли и Жана

---

¹²¹ Jouanna A. L'idée de race en France au XVIe siècle et au début du XVIIe siècle. Lille; Paris, 1976. Vol. 1–3.

¹²² Schalk E. From Valor to Pedigree: Ideas of Nobility in France in the XVIth and XVIIth Centuries. Princeton, 1986.

¹²³ Jouanna A. Le devoir de révolte: La noblesse française et la gestation de l'État moderne (1559–1661). P., 1989.

¹²⁴ Пименова Л.А. Дворянство Франции в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство: Границы сословия. М., 1997. С. 50–80.

¹²⁵ Десимон Р. Дворянство, “порода” или социальная категория? Поиски новых путей объяснения феномена дворянства во Франции нового времени // Французский ежегодник, 2001. М., 2001.

Поля Риу¹²⁶. Это название пока еще режет ухо русского человека. Обычно задают вопрос: “Значит, остальная история бескультурная?”. Но ни в коем случае нельзя менять порядок слов; это не история культуры в привычном значении этого слова. Все это подвигнуло Ю.Л. Бессмертного предложить термин “культуральная история”, но легче от этого не становится. Думаю, что можно сохранить термин “культурная история” и подождать, пока мы просто привыкнем к нему, точно так же, как мы привыкли к термину “интеллектуальная история”, который еще несколько лет назад вызывал точно такие же возражения. По сути дела, речь идет об “истории через культуру”. Это достаточно гибкое понятие. В центре такой истории находится человек, его способ восприятия мира, осмысление своего места в нем. Она изучает не только то, почему и как человек действовал в истории, но и что он при этом думал и чувствовал. Отсюда – интерес к феноменам передачи культурных норм и ценностей, верований и идей, необходимых для восприятия реальности. Особо перспективным Ж.Ф. Сиринелли считает симбиоз этого направления с некогда презируемой, но теперь вновь завоевавшей всеобщее внимание политической историей, результатом чего, по его мнению, должна стать “культурная история политического”. Ее уже трудно будет обвинить в том, что это лишь история великих людей, событий и идеологий, т.е. то, что обычно называют “историей сверху”. Она включает также механизмы выражения, передачи и восприятия политических идей, разлитых в обществе, их бытования на инфраполитическом уровне. Возможно, что культурная история эволюционирует также и в сторону “культурной истории социального”: ведь к этому призывал в свое время Роже Шартье. Как бы то ни было, “культурная история” – это уже не просто декларации и программные статьи, а свершившийся факт, воплощенный и в упомянутом четырехтомном издании, и в целом ряде монографий¹²⁷, словом, – это один из осуществленных и долгожданных вариантов синтеза социально-структурной истории с историей ментальностей и исторической антропологией. Но, как и в случае с микроисторией, в этом жанре существовало немало работ “avant la lettre”, собственно говоря, и в 60-е, и в 80-е годы любой хороший историк, чьи работы переживают свою эпоху, будь то Робер Мандру, Жорж Дюби, Лоренс Стоун или Алан Круа, стихийно совмещал оба подхода.

Еще одним вариантом чаемого синтеза является путь, предложенный Мартином Дингесом¹²⁸. Пройдя в своих рассуждениях уже

---

¹²⁶ Histoire culturelle de la France / Sous la dir. de J.P. Rioux et J.-F. Sirinelli. P., 1997–1998. Vol. 1–4.

¹²⁷ См. например: Roche D. Histoire des choses banales: Naissance de la consommation dans les sociétés traditionnelles (XVIIe–XIXe siècles). P., 1997.

¹²⁸ Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию “стиля жизни” к “культурной истории повседневности” // Одиссей, 2000. М., 2000. С. 96–124.

ставший нам привычным путь критики традиционной политической и социально-структурной (в немецком варианте – “билефельдской”) истории, он переходит к исторической антропологии и микроистории, нащупывая уязвимые места и в этих, относительно новых, направлениях. Конечно, культурная герменевтика, осознание и реконструкция “эмических” (т.е. присущих самим действующим лицам) категорий необходимы, равно как плодотворно и восприятие общества в качестве внешних рамок для переговоров действующих лиц истории по поводу политического господства и распределения экономических, социальных и культурных благ. Но, как отмечает автор, ни историческая антропология, ни микроистория не могут перейти от толкования локальных контекстов к целостному описанию исторической эволюции культуры. Решения и выборы исторических субъектов сами по себе еще недостаточны для того, чтобы обойтись без системного уровня. Пытаясь найти путь включения результатов микроисторических исследований в описание исторических изменений, Мартин Дингес прибегает к понятию “стиль жизни”, под которым понимается “сравнительно устоявшийся тип решений, принимаемых индивидами или группами, делающими выбор из предлагаемых им обществом вариантов поведения”. В этом смысле люди менее похожи на автоматы, запрограммированные социализацией, но и не представляют собой автономных индивидов, полностью свободных в своем выборе. Выбор стиля жизни, т.е. предлагаемой модели, зависит от ресурсов, типа семьи и хозяйства, ценностных установок. Признание изначального неравенства жизненных шансов уравнивает опасность переоценки “рационального выбора” и опасность “культурализма”.

По пути, предложенному Мартином Дингесом, в известной мере следует в своей монографии К.А. Левинсон¹²⁹. Ему удалось, на мой взгляд, очень удачно соединить историко-социологический и культурно-исторический аспекты в изучении истории административного персонала городов Юго-Западной Германии. Используя подход Макса Вебера, автор восстанавливает контуры социальной группы чиновников как корпуса профессиональных управленческих служащих, связанных с властью договорными отношениями верности. И он успешно справляется с этой задачей. Но не менее важная цель его работы состоит в раскрытии ментальных представлений, символических систем, обычаев и ценностей, психологических установок и моделей поведения. Для этой цели он использует понятие дискурса (т.е. системы представлений, которая для говорящего или пишущего лица сама собой разумеется и показывает, что является для него важным и правильным). К.А. Левинсон выявляет наличие особого дискурса у людей, связанных с институтом службы, но при этом

---

¹²⁹ Левинсон К.А. Чиновники в городах Южной Германии XVI-XVII вв.: Опыт исторической антропологии бюрократии. М., 2000.

выявляет некоторые различия в дискурсах в зависимости от положения этих людей в системе власти. Главный метод, используемый для выявления дискурсов, состоит в герменевтическом анализе документов, в реконструкции риторических стратегий, апеллирующих к общепринятым ценностям и понятиям. Это не мешает ему прибегать и к количественным методам, и к анализу социально-экономических параметров описываемых групп.

Таким образом, некоторые общие черты современного синтеза социальной истории и более молодых направлений исторических исследований представляются следующими:

- внимание к субъекту;
- скрупулезный учет всяческих “экранов”, стоящих между историком и объектом его изучения: дискурсивные практики и нарративные стратегии самого историка, различного рода “принуждения” текстов и контекста, образ мышления людей, особенности жанра источника, лингвистический аппарат;
- анализ взаимного влияния практики действия человека, обусловленной распределением ресурсов, и культурных моделей, стереотипов мышления, все тех же дискурсивных практик.
- достаточно свободное использование различных интерпретационных моделей и свобода выбора различных методологических подходов или свободное их комбинирование: помимо прочих выгод это даст исследователю возможность противостоять “вирусу деконструктивизма”, смертельно опасному для любых монокаузальных и “монометодологических” построений.

В идеале социальная история должна, как Феникс, возродить все лучшие достижения социально-структурной истории, обогатив их и по-новому осмысленными количественными методами, и подходами исторической антропологии, и богатствами микроисторического анализа, и опытом лингвистического поворота. Но это лишь в идеале. Историографическая реальность от этого пока далека. И трудностей на пути у этого синтеза немало. Они носят далеко не только эпистемологический характер, но имеют еще и институциональную природу.

“Критический поворот”, знаменовавший вступление “Анналов” в новую фазу (1988–1989 гг.), привел к обновлению вопросов, стоящих перед историками. Однако число подписчиков этого ведущего журнала существенно сократилось. Перенос внимания на проблемы исторической памяти (фундаментальный труд под редакцией Пьера Нора “Места памяти”) открыл перед исследователями новые манящие перспективы. Но этот подход, равно как и другие аспекты субъективизации истории, убеждает в релятивизме исторического знания. Слово “объективность” становится немодным. Да иначе и не может быть, ведь у каждой общины своя “правда истории”: в Соединенных Штатах, например, существует “женская история”, “негри-

тянская (или афроамериканская, если быть политически корректным) история”. Во Франции в последнее время возникает такое явление как “конфессионизация истории”. То есть убежденный католик или ревностный протестант, описывая события Религиозных войн, не скрывает своих убеждений. Это не значит, что они пишут плохие книги, но, во всяком случае, раньше во французской историографии подобная откровенность была немыслима.

И вообще, как показал Хейден Уайт, а на французской почве – Поль Вейн, исторический дискурс является фикцией, одной среди прочих. Это признание также интересно и является отправной точкой для исследований представителей “герменевтического поворота” – Мишеля де Серто, Поля Рикера, Жака Рансьера. В России также становится все больше представителей указанного направления. Все чаще вспоминают о том, что история утратила свою прогностическую функцию, что она ничего не доказывает, не может претендовать на выведение объективных законов.

В этих условиях остается лишь удивляться сетованиям коллег на систематическое сокращение ассигнований на проведение исследований. Только очень богатая страна, такая как США, может позволить себе финансировать “ненаучную” историю, да и то за счет частных фондов и частных университетов. Во Франции такое финансирование гораздо более проблематично. Что же говорить тогда о нашей стране? Во всяком случае, объединение истории в системе Академии наук не с общественными науками, а с филологией весьма симптоматично. Общество же нуждается в такой устаревшей категории как объективность и задает истории вполне конкретные вопросы: был ли Холокост, был ли геноцид армян в Турции, были ли депортации народов в СССР? И требует от нее вполне конкретных ответов. В нашей стране в связи с массовым изобретением или срочным переписыванием национальных историй эта проблема стоит, может быть, острее, чем где бы то ни было.

Но если история распалась на осколки и в каждом таком осколке – свой язык, своя среда, свои приоритеты, если у каждого – свой дискурс и всяк “сам себе историк”, то о какой объективности может идти речь, если у профессионального сообщества нет коммуникативной системы и становится все меньше норм, принимаемых всеми? То, что историков становится все больше, то, что все больше становится полей исследования и, соответственно, все больше защищается разнообразных диссертаций – хорошо. Плохо то, что все сложнее становится, во всяком случае, формально, уличить автора в ошибках, во лжи или в халтуре. На все есть универсальный ответ: “Я так вижу”, “У меня такая нарративная стратегия”, “У меня такое субъективное отношение к материалу”.

Жерар Нуарьель, критикуя современную ситуацию во Франции, говорит о необходимости защищать принцип объективности. Он пишет: “Проявлять бдительность по поводу используемых категорий –

это одно, а считать, что можно обойтись без всяких категорий – это другое”¹³⁰. Он вспоминает то, как Лабрусс в свое время, отвечая Мунье, сказал: “Есть два рода умов, в равной степени достойных уважения: те, которые ищут решения проблем, и те, которые ищут дополнительные трудности на пути их решения. Я принадлежу к первой”¹³¹. Ситуация сейчас складывается таким образом, что вторые, по мнению Ж. Нуарьеля, оказываются всегда в выигрыше. Во всяком случае, существующая во Франции система написания дипломов и диссертаций стимулирует, главным образом, свободу авторского выражения. Те же, кто тратит свое время на коллективные исследования, на публикацию источников, заведомо находятся в невыгодном положении, хотя бы с точки зрения карьерного роста. Это затрудняет перспективы научной коммуникации и приводит к выпадению целых областей знания. Так, например, почти нет работ по истории финансов (за исключением, правда, исследования Филиппа Амона), что и понятно: разобраться в системе метафор какого-нибудь современного историка намного легче, чем в тонкостях и хитростях мастерства королевских финансистов.

Но если во Франции угроза “депопуляции” некоторых важных областей знания существует лишь в качестве тревожной тенденции, то в нашей стране это стало давно свершившимся фактом. Хотя бы потому, что плотность исторического сообщества у нас неизмеримо ниже, чем во Франции¹³².

И здесь самое время перейти к факторам, внушающим некоторый оптимизм по поводу судеб социальной истории. Во Франции историков много. И разобщенность исторического сообщества, отсутствие единой господствующей парадигмы имеют и оборотную сторону. Вопреки моде историки могут работать так, как их учили, оставаясь погруженными в эмпирический материал. Собственно, об этом мы говорили в начале очерка, указывая на здоровый консерва-

---

¹³⁰ *Noiriel G.* Sur la crise de l'histoire. P. 215.

¹³¹ *Noiriel G.* Qu'est-ce que l'histoire contemporain? P., 1996. P. 163.

¹³² Приведу один новейший пример. В русском издании “Монтайю”, являющемся своего рода публикаторским подвигом, автор послесловия пишет, характеризуя творческий путь автора: «Э. Ле Руа Ладюри успешно прошел через рогатки классического доктората. Соединяя неприятное с бесполезным и затратив добрый десяток лет, будущий автор “Монтайю” сумел в 35-летнем возрасте завершить докторский “кирпич” (так на университетском жаргоне и во Франции и в России именуют диссертацию), посвященный крестьянству Страны Ок, а затем опубликовать его в виде книги “Крестьяне Лангедока”...» (*Бабинцев В.А.* Волшебник из страны Ок // Ле Руа Ладюри Э. Монтайю... С. 505). В этой фразе звучат столь характерные нотки небрежения аграрной историей – неприятной и бесполезной. Но хочется спросить, откуда бы взялся Ле Руа Ладюри без его богатейшего опыта историка-аграрника, развившего в нем недюжинную исследовательскую интуицию? Откуда бы взялась историческая антропология А.Я. Гуревича без его многолетней работы над историей крестьянства в средневековой Англии и средневековой Норвегии?

тизм исторического сообщества: пока до него дойдет призыв сжечь то, чему оно привыкло поклоняться, следует новый приказ поклониться тому, что сожжено. Понятно, что в выигрыше в данном случае оказывается тот, кто несколько запоздал с выполнением первой команды. Безусловно положительным является и кумулятивный характер исторической дисциплины: лучшие образцы, созданные той или иной историографической эпохой, остаются в копилке исторического знания, их судьба не окончена, они продолжают волновать читателей. Мы не раз приводили примеры подобных работ, то ли опередивших, то ли переживших свое время. При всей их несхожести, у них есть некий общий знаменатель: они написаны эрудированными авторами, обладающими широким историографическим кругозором, но обязательно погруженными в свои источники.

Но предпринятый нами беглый историографический обзор может привести и к другому, куда более определенному выводу. Мы убедились, что в некотором смысле все трансформации послевоенной историографии французского общества Старого Порядка можно представить как историю открытия исследователями ценности нотариальных источников, открытия все новых, подчас самых неожиданных, подходов к этому типу документов.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Следует сразу же оговорить, что наша цель в данном случае — дать лишь общее представление об используемых источниках. Более детально об основных их типах, о мотивах их выбора и о методах использования будет говориться по ходу исследования.

Основные источники

Общая характеристика нотариальных актов. — Достоинства и недостатки массовых источников. — Регистры инсинуаций Шатле: оригиналы и опубликованные инвентари. — Особенности поисков в Центральном хранилище нотариальных минут. — Публикации нотариальных актов и их описей. — Источниковедческие основы споров о Лиге. — Пособия по нотариату

Итак, основным источником, на основе которого мы попытаемся реконструировать французское общество, являются нотариальные акты. Как мы убедились, в XX в. историки по достоинству оценили этот тип документов, и каждое новое поколение исследователей открывает для себя новые грани в этих поистине неисчерпаемых источниках.

Достоинства нотариальных актов для написания социальной истории общеизвестны: с одной стороны, нотариус описывал богатст-

во реальной жизни, что отличает его от автора нормативного источника, с другой – он стремился к формализации этого разнообразия индивидуальных случаев, что значительно облегчает обработку нотариальных актов. В то же время нотариальная практика свидетельствует об изначальном, идущем “изнутри” источника (а не только от намерений пытливого историка) стремлении определенным образом упорядочить действительность, присваивая отдельным индивидам имена нарицательные, точнее социальные имена, кого-то именую “благородным”, а кого-то “почтенным человеком”, кого-то “мэтром-колпачником, парижским буржуа”, а кого-то “колпачником, проживающим в Париже на улице Сент-Оноре в доме под знаком Восходящего солнца”.

Акты могут сопоставляться между собой по разным параметрам, сразу отвечая на многие вопросы, казалось бы, не входившие в основную задачу составителей документа, т.е. давая “объективную” картину, не зависящую от субъективных намерений нотариуса и участников сделки. Но главное, что этих актов много.

Общеизвестно, что для периода XIV–XV вв. только одна нотариальная контора города Пизы оставила после себя больше документов, чем их сохранилось для всей Древней Руси за тот же период.

В Западной Европе нотариальные конторы появляются изначально в Италии и на Юге Франции (XII–XIII вв.); в XIV–XV вв. нотариальные акты уже во множестве составлялись в Париже. Правда, сохранность парижских актов для этого периода невысока – речь идет лишь о десятках или, в лучшем случае, о сотнях дошедших до нас нотариальных документов, причем чаще мы имеем дело с их косвенным воспроизведением, например, с регистрацией некоторых завещаний в Парижском парламенте¹³³.

Лишь конец XV в. представлен уже изрядным числом сохранившихся парижских нотариальных минут. Как известно, помимо самих актов, выдававшихся на руки участникам сделки (т.е. “гроссы” – полной формы), у нотариуса оставались их копии или черновики, которые и назывались “минутами”. Королевские ордонансы издавна предписывали нотариусам обеспечивать сохранность минут своей конторы: соответствующие распоряжения издавались Филиппом IV в 1304 г., Карлом V в 1370 г., Карлом VI в 1433 г., Карлом VII в 1437 г., Франциском I в 1535 г., а в 1539 г. это требование было включено в знаменитый ордонанс в Виллер-Коттре¹³⁴.

---

¹³³ См., например: *Testaments enregistrés au Parlement de Paris sous le règne de Charles VI* / Publ. par A. Tuetey // *Mélanges historiques: Choix de documents*. P., 1880. T. 3. (Collection de documents inédits sur l'histoire de France).

¹³⁴ “Item, quod diligenter custodient cartularia sua...” (Recueil général des anciennes lois français / Ed. F.-A. Isambert et al. Vol. 1–29. P., 1821–1833. Vol. 2. P. 822, Vol. 5. P. 347, Vol. 8. P. 793, 855, Vol. 12. P. 483, 636).

В отличие от самого акта, минута составлялась не на пергамене, а на бумаге и представляла собой своеобразный “контрольный экземпляр”, хранившийся у нотариуса и могущий в любое время быть затребован правосудием. Оригиналов нотариальных актов дошло до нашего времени не так много, и, что самое главное, они представляют собой разрозненные документы, лишь в редких случаях образующие однородную коллекцию¹³⁵, тогда как минут сохранилось достаточно много. Начиная с определенного периода они превращаются в массовый источник.

В отечественном источниковедении определение массового источника носит характер системы, включающей в себя следующие взаимосвязанные параметры: “ординарность обстоятельств происхождения; однородность, аналогичность или повторяемость содержания; однотипность формы, тяготеющая к стандартизации; наличие законодательно установленного, а также обычаем сложившегося или складывающегося формуляра”¹³⁶. С некоего момента минуты парижских нотариальных актов вполне соответствуют этому определению. Ниже мы специально будем рассматривать обстоятельства происхождения, степень однородности и однотипности, а также особенности складывания формуляра как самих нотариальных актов, так и их минут (см. с. 259–280). Остановимся пока лишь на количественных показателях. По всей видимости, в Париже ордонансы королей о хранении нотариальных минут возымели свою эффективность лишь в конце XV в.

Недавняя публикация инвентаря парижских нотариальных минут, составленных до XVI в., включила в себя более пяти тысяч единиц описания, подавляющее большинство которых относится к самому концу XV в.¹³⁷ Это оказалось значительно больше, чем предполагалось ранее. Но для следующего, XVI столетия, сохранность парижских нотариальных архивов поистине удивительна. Прежде всего, росло число самих нотариусов. Речь идет о королевских нотариусах Парижского Шатле, приносивших присягу представителю короля – парижскому прево, уплачивавших определенную сумму и приобретавших тем самым права на отправление своей “должности” (office). Если за весь период, предшествовавший XVI в., нам известно о 19 парижских нотариусах, действовавших в разное время, то в XVI в. их число возрастает до 392 человек. В следующем столетии эта цифра составляет 570, а в XVIII в. – 670 нотариусов¹³⁸. Мы видим, что число нотариусов неуклонно возрастало, но что качественный скачок произошел именно в XVI столетии, непосредственно во времена

¹³⁵ Такими коллекциями могут быть подборки документов, относящихся к одной сеньории, одному монастырю, в редких случаях – к одной семье.

¹³⁶ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. С. 7.

¹³⁷ Béchu C. et al. Minutes du XVe siècle de l'étude XIX: Inventaire analytique. P., 1993.

¹³⁸ Etat des notaiers parisiens (des origines a nos jours) / Par M. Bonnot. P., 1993.

Франциска I. В начале его правления в Париже действовало единовременно 13 контор, после ордонанса в Виллер-Коттре (1539 г.) – уже 42 конторы, а начиная с 1567 г. – 100. Речь идет именно о конторах (*études*), но зная их количество, не так просто установить, сколько же в Париже действовало нотариусов в течение всего века: в какой-то конторе владелец мог работать на протяжении десятилетий, в других нотариусы могли меняться чуть ли не каждый год. Весьма вероятно, что для XVI в. можно говорить не о 392, а об еще большем числе парижских нотариусов – мы вернемся к этому сюжету.

Вполне логичным будет вопрос о том, почему в городе, насчитывающем в самые хорошие годы от 250 до 350 тысяч жителей, находилось столько нотариусов? Отвечая на него, можно сослаться на особую роль столичного города как судебной столицы королевства, но это будет не главное. Дело в том, что в сферу компетенции нотариусов входили многие сделки, которые позже будут заключаться в приватном порядке. Нотариусы составляли не только завещания, брачные контракты или договоры купли-продажи. В конторах парижских мэтров составлялись акты о найме прислуги, договоры об отдаче в ученичество, купчие на приобретение муниципальных рент, полюбовные соглашения об отказе от возбуждения процесса, договоры о возмещении ущерба за выбитый в драке зуб и т.д. Самое важное, что в силу особенностей фискальной политики французских королей, любое создание новой должности приносило столь необходимые “быстрые деньги” в казну: должности продавались. Учреждая все новые конторы (как, впрочем, и все новые судебные и иные должности), король продавал их новым нотариусам, а затем получал деньги с каждой перемены их владельца. Гипертрофированное развитие судебной системы влекло за собой увеличение потребностей в нотариально заверенных актах, подтверждающих любые права королевских подданных.

Насколько мне известно, никто никогда не подсчитывал, сколько актов *могли бы* составить все эти нотариусы, в случае 100% сохранности этих документов. По самым грубым подсчетам, гипотетическое число всех нотариальных актов в Париже должно было составлять немногим более одного миллиона. Я исходил из того, что весь XVI в. условно можно поделить на три части (по 33 года в каждой), предположив, что в первой его трети в Париже единовременно действовало 13 контор, во второй – 42, а в третьей – 100. Допустим, что в каждой конторе составлялся как минимум один акт в день, тогда за вычетом воскресных и праздничных дней, в год контора могла составлять 261 акт, причем это число, скорее всего, занижено¹³⁹. Произведя теперь несложные вычисления¹⁴⁰, мы получим в итоге 1 335 015 актов.

¹³⁹ На самом деле, как показывает анализ нотариальных минут, конторы достаточно часто работали по воскресеньям.

¹⁴⁰ $13 \times (33 \times 261) + 42 \times (33 \times 261) + 100 \times 33 \times 261 = 1\,335\,015$

Конечно, сам по себе “личный состав” коллегии парижских нотариусов для нас в данном случае не так важен, большее значение имеет численность дошедших до нас нотариальных минут. Документы же, как известно, подвергались всем испытаниям времени, становясь жертвами пожаров, воды, грызунов и переездов. Оставаясь до 1928 г. в собственности владельцев нотариальных контор, собрания древних минут как документация, отнюдь не нужная для текущей работы, хранились в каких-нибудь наиболее удаленных местах, например, на чердаках и в подвалах. Иногда эти архивы воспринимались если не самими нотариусами, то их многочисленными клерками как досадная обуза, занимающая вечно дефицитное место. Все это не могло не сказываться на сохранности документов. Впрочем, как знать, если бы нотариальные минуты были национализированы в тот период, когда об этом заговорили впервые, т.е. в эпоху Реставрации, то они погибли бы во время Парижской Коммуны, когда сгорела большая часть парижских архивов. Децентрализация хранения иногда может играть и позитивную роль.

Следует учесть, что хранилище минут, организованное при какой-нибудь конторе, вовсе не обязательно оставалось “привязанным” к ней навсегда. Достаточно частыми были случаи, когда наследники нотариуса производили раздел таким образом, что одному доставалась должность и сама контора, а другому – “практика”, т.е. хранилище минут. Он приобретал новую контору и объединял старый фонд с новым. Этих и других примеров “мобильности” хранилища минут было так много, что уже к началу XVII столетия фонд минут любой конторы имел сложную структуру, включая в себя несколько комплексов “*minutiers*” разных предшествующих контор. И лишь самоотверженные усилия архивариусов конца XIX и XX вв. помогли затем установить их происхождение¹⁴¹.

На сегодняшний день в Центральном хранилище нотариальных минут Национального архива (*Minutier Central* – MC), хранятся 124 таких комплекса минут (*Minutiers*), из них 69 содержат фонды, предшествующие 1601 г. Каждый из таких комплексов включает в себя то, что архивисты условно называют “связками” (*liasses*) минут, и этих связок насчитывается от нескольких штук до нескольких сотен в различных комплексах. Собственно говоря, “*liasses*” и являются единицами хранения Центрального хранилища. Иногда речь идет действительно о связках: нотариус или его клерки “насаживали” минуту каждого нового акта на нитку или ремешок. Но иногда нотари-

---

¹⁴¹ Энтузиастом исследования хранилищ нотариальных минут был Эрнст Куайак, долгие годы он добивался принятия закона о нотариальных архивах, обязывающего нотариусов сдать свои древние фонды в единый депозитарий – Центральное хранилище нотариальных актов. Закон этот вышел уже после смерти Куайака, в 1924 г., и с тех пор в Национальном архиве кипела работа по классификации и систематизации разрозненных коллекций минут.

усы вели регистр или журнал, переписывая в него содержание каждого акта. Случалось, разрозненные листы переплетались в виде кодекса или же складывались один за другим в коробку. Единственное, что объединяет эти столь разные по форме “связки” – хронологический принцип их ведения. Впрочем, были и “тематические” связки – некоторые типы документов, например, посмертные описи, могли подшиваться отдельно.

Никто даже приблизительно не брался подсчитать, сколько отдельных минут в среднем заключено в каждой такой связке: число “подшитых” минут может колебаться от одного–двух десятков до двух–трех сотен. Поэтому неизвестно, сколько же актов содержат в себе фонды Центрального хранилища нотариальных минут. По моим оценкам (о том, на чем они основаны, будет сказано чуть ниже), их число вряд ли составляет менее 40% от гипотетического числа всех актов, составленных в Париже в XVI в. Поэтому, если принять на веру мою, в свою очередь, очень грубую оценку возможной численности таких актов в 1 335 тысяч, то будет не совсем невероятным предположить, что указанные 69 комплексов могут содержать не менее полумиллиона нотариальных минут XVI в. С этим можно не соглашаться. Но трудно оспорить тот факт, что их число очень велико и измеряется сотнями тысяч.

Надо отметить, что в реальности парижские архивы хранят значительно большее число нотариальных актов для того же XVI в., как, впрочем, и для любого другого. Дело в том, что многочисленные материалы гражданских процессов, так называемые “*instruments de procès*” помимо выписок из процессуальных документов содержали копии (а иногда и оригиналы) нотариальных актов, имевших отношение к оспариваемым правам. Такие подборки документов чаще можно встретить среди личных фондов (документы серии “АА” по номенклатуре французских архивов). Правда, кажется, еще никто не задавался целью сопоставить эти судебно-нотариальные источники с материалами нотариальных минут для того же Парижа.

Но и при существующем положении дел число парижских нотариальных актов буквально подавляет историков. Поэтому исследователь чаще всего работает с выборками. Как мы отмечали, иногда исследователи (действовавшие в одиночку или целой “командой”) анализируют фонды одной или нескольких контор, иногда пытаются сделать хронологический “срез” – просмотреть все минуты за определенный год. Достаточно удобны тематические подборки документов, сделанные архивистами по определенной проблематике. В качестве своеобразной выборки можно рассматривать и документы Парижского суда первой инстанции – знаменитого Шатле. С 1539 г. в особых книгах Шатле велась обязательная регистрация дарений недвижимости. Эти книги Регистров Шатле и легли в основу моих исследований. Далее я подробнее остановлюсь на причинах

своего выбора, пока же ограничимся общей характеристикой этого источника.

Согласно ордонансу Франциска I, принятому в Виллер-Коттре в 1539 г., дарственные нотариальные акты, относящиеся к недвижимому имуществу, должны были быть “инсинуированы” (*insinué*), т.е. внесены в регистры судов первой инстанции. В провинции это были суды сенешальств, а в Париже таким судом был Шатле, возглавляемый Парижским королевским прево и рассматривавший дела превотства и виконтства Парижа (т.е. самого города и его округа). Таких регистров, восходящих к XVI в., в провинции сохранилось немного (в частности, в Бордо и в Орлеанне), но Парижские серии регистров Шатле сохранились полностью за период с 1539 г. и до самой Французской революции (“Регистры инсинуаций” Парижского Шатле, серии Y 89–Y 370 Национального архива).

По сути это были регистры нотариальных актов, но если в нотариальных минутах мы имеем дело лишь с черновиками или сокращенными версиями подлинных актов, то в регистрах акты переписывались слово в слово, или, как тогда говорили, “гроссировались” (от глагола “*grossoyer*”), т.е. воспроизводились все формулы, обычно опускаемые в минутах, но необходимые для того, чтобы нотариальный акт возымел юридическую силу в случае судебного разбирательства. Регистры велись на бумаге и представляли собой кодексы ин-фолио, каждый из которых обычно соответствовал определенному году. Их сохранность намного лучше сохранности нотариальных минут. Они писались хорошим почерком, как правило, имя составителя акта выносилось на поля, что облегчало поиск.

К сожалению, доступ к оригиналам ограничен – в настоящее время микрофильмированы лишь первые 12 томов регистров. Впрочем, копии сделаны недавно и отличаются прекрасным качеством, читать можно практически без проблем.

Инвентарь первых 15 томов регистров (серии Y 89–Y 100), соответствующих периоду с 1539 по 1559 гг. (правление Франциска I и Генриха II) был опубликован Эмилем Кампардоном и Александром Тюетеем в 1906 г. в знаменитой серии “История Парижа”¹⁴². Инвентарь регистров снабжен полными индексами, содержит аналитическое описание всех 5382 актов, некоторые из этих описаний включают в себя цитаты, порой довольно пространственные.

С содержательной точки зрения дарения, включенные в регистры, представляют собой несколько типов актов, причем распределение актов по этим типам весьма неравномерно. Из 5382 актов 1337 представляют дарения, адресованные студентам Парижского университета (впрочем, попадаются и единичные дарения студентам иных французских университетов), 327 дарений составлены по пово-

---

¹⁴² *Inventaire des registres des insinuations du Châtelet de Paris: Règnes de François I et de Henri II* / Ed. par E. Campardon et A. Tuetey. P., 1906.

ду заключения брака, 96 дарений представляют собой фрагменты завещаний, 65 актов являются взаимными дарениями супругов и др. Иногда акт регистрировался два раза: в случае, когда каждая из сторон сделки хотела “подстраховаться” и иметь свою собственную копию свидетельства о регистрации.

В количественном отношении акты расположены по разным регистрам весьма неравномерно. До 1552 г. их число все возрастает (регистр Y 89 содержит 287 актов, регистр Y 94 – 350, Y 98 – 400 актов). Но затем наступает пауза и регистр Y 99 охватывает период с 1553 по 1558 г., включая в себя лишь 200 актов. Затем регистр Y 100 вновь возвращается к прежним показателям и включает в себя 320 актов за 1558–1559 гг. После определенных поисков мне удалось установить причины такого “перерыва постепенности”, но речь об этом пойдет ниже (см. с. 244–255).

Эта публикация, хранящаяся в некоторых московских библиотеках, и послужила отправной точкой для моего исследования. В дальнейшем мне удалось получить возможность работы в Национальном архиве, в частности, с тем, чтобы сопоставить публикацию инвентаря с оригиналами регистров.

Насколько полно опубликованный инвентарь дает представление об источнике? В целом труд Э. Кампардона и А. Тюетея можно смело оценить как весьма удачный. Эпоха III Республики во Франции вообще была наиболее благоприятной для публикаций документов, нам остается лишь изумляться упорному труду архивистов-публикаторов, к лучшим из которых принадлежат и авторы инвентаря регистров Шатле. Есть однако позиции, намеренно опущенные Тюетеем и Кампардоном. Это вполне естественно, ведь речь шла о том, что французские издатели источников называют “analyse”, целью которого является краткое знакомство читателя с основным содержанием акта, и лишь вкус к историческим деталям, являвшийся неотъемлемым свойством этих современников Сильвестра Боннара, побуждал их иногда включать определенные пассажи источника в свое описание полностью.

Знакомство с оригиналом показало, что схема регистрируемого акта была следующей:

- преамбула;
- информация об участниках дарения, стороны сделки с перечислением их должностей, титулов, иногда с указанием места жительства и иных данных;
- информация об объекте дарения;
- информация об обязательствах сторон и о мотивах дарения;
- информация о дате составления акта;
- информация о регистрации его в Шатле (дата и личность того, кто осуществлял регистрацию).

Вполне обоснованно опуская преамбулу, как чисто формальный элемент, авторы публикации инвентаря, к сожалению, опускали и

содержащееся в нем упоминание о нотариусах, составивших акт. А ведь имя нотариуса является главной “зацепкой” для дальнейших разысканий дополнительных сведений об участниках сделки.

Кампардон и Тюетей насколько возможно полно воспроизводили сведения об участниках сделки и об объектах дарения, особенно в том случае, если их описание могло бы быть полезным для истории города (учитывая направленность серии, затевавшейся в первую очередь для освещения истории Парижа). Однако они опускали сведения о наличии или отсутствии различных “почетных эпитетов” (“почтенный человек”, “благородный человек и ученый магистр” и проч.). Издателям начала XX в. они казались самоочевидными и не имеющими особого значения, в то время как для грядущих энтузиастов социальной истории эта информация станет наиболее важной.

Обязательства сторон воспроизводились издателями, если они содержали некоторое отступление от нормы; еще с большей полнотой этот принцип был воплощен при указании на мотивацию дарений: они воспроизводились произвольно, лишь те из них, что показались авторам “забавными”. Издатели эпохи антиклерикальных законов, только что принятых III Республикой, полностью игнорировали различного рода благочестивые формулировки, столь важные для современных историко-антропологических исследований.

Воспроизводя дату составления акта, публикаторы не упоминали о том, когда и кем он был зарегистрирован в Шатле. Но эта информация, как будет показано, может быть весьма существенной.

Таким образом, публикация может стимулировать лишь первые шаги исследователя, способна дать некоторое суммарное “валовое” представление об источнике, но не снимает необходимости знакомства с оригиналами регистров Шатле. И все же следует повторить: это была одна из лучших публикаций такого рода.

Вполне естественно, что наблюдение над некоторыми процессами на материале анализируемых регистров побуждали обратиться к аналогичным сериям, относящимся к более позднему времени. Интересно было посмотреть, изменялся ли состав дарителей и соотношение между различными категориями актов.

Однако регистры Шатле последующих серий на момент моей работы в Париже не выдавались читателям и не были микрофильмованы. Отсутствовали и их опубликованные инвентари, подобные изданиям Э. Кампардона и А. Тюетей. Инвентари регистров, составленных после 1559 г., были доступны лишь в виде микрофиш рукописных карточек, составленных архивистами межвоенного периода. Помимо проблем палеографического характера, обостренных тем, что микрофиши представляют собой негативы, этот картотечный инвентарь обладает рядом недостатков: отсутствуют именные и предметные указатели, опущены имена нотариусов, описание содержания дарений дано в сверхкраткой форме. Поэтому картотека да-

ет лишь самое общее представление об актах и может служить лишь ориентиром для поисков, которые, увы, оказались невозможны.

Тем не менее я использовал картотеку для осуществления зондажа серий регистров за 10 лет, с 1560 по 1571 г. (Серии Y 101–Y 111), что позволило судить о некоторой динамике регистрации нотариальных актов.

Конечно, далеко не все дарения недвижимости, свершаемые в Париже в этот период, непременно регистрировались в Шатле. В этом несложно убедиться, сопоставив данные других публикаций парижских нотариальных актов за тот же период. Но мы можем быть уверены, что для всех актов, занесенных в эти регистры, когда-то имелись соответствующие нотариальные минуты. На втором этапе исследования я обратился к поискам минут этих зарегистрированных актов в *Minutier central*. Конечно, эта работа была проведена лишь для некоторых серий актов, и найти такие минуты-“прототипы” мне удавалось не более, чем в половине всех случаев. На этом, собственно, и основана моя приблизительная оценка степени сохранности фондов парижских нотариальных минут. Но кроме проверки информации, содержащейся в регистрах, я обращался к фондам Центрального хранилища также и для поиска дополнительных сведений о тех или иных заинтересовавших меня участниках сделок.

Как мы уже поняли, эти фонды состоят из “связок” минут. В отличие от “гроссы”, минута чаще всего опускала преамбулу, изобиловала сокращениями, из нее часто выкидывались стандартные формулы, лишь обозначаясь словами “Et cetera” или просто “etc.”, либо особыми значками. Почерк, которым написаны минуты, как правило, неудобочитаем. Зачастую минуты подпорчены сыростью (вспомним, что условия хранения были не слишком благоприятными). Все это создало нотариальным минутам XVI в. отчасти заслуженную репутацию “гиблого” источника. И все же черновики актов обладают некоторыми преимуществами, иногда они хранят следы совместной работы над текстом нотариуса, с одной стороны, и его клиентов – с другой, содержат важные пометки на полях, позволяют лучше понять, что для нотариуса и участников сделки было главным, а что второстепенным.

Нотариальный акт подписывали два нотариуса: авторитет парижских мэтров был столь высок, что акт, под которым стояли имена двух нотариусов Шатле, не требовал дополнительных свидетельских подписей. Как правило, минута акта хранилась в конторе того из нотариусов, чья подпись стояла второй. Во всяком случае, знание имен нотариусов, составивших данный акт, – это та “зацепка”, с которой обычно начинают поиски в Центральном хранилище нотариальных минут (вот почему пропуск имени нотариусов в публикации Кампардона и Тюетея делает ее непригодной для непосредственных изысканий в фондах нотариальных минут – недостающую информа-

цию можно установить только после консультации с оригиналами Регистров серии Y).

Для того чтобы отыскать акт, составленный таким-то нотариусом в таком-то году (например, нотариусом Луи Россиньолем 15 мая 1549 г.), нужно обратиться к общему списку парижских нотариальных контор и, если искомый нотариус там обозначен, то найти, каким шифром помечены минуты его конторы (в нашем случае это будет шифр LXXIV). Затем надо обратиться собственно к каталогу хранилища минут и посмотреть, есть ли в серии минут, помеченных данным шифром, те из них, что относятся к искомой нами дате. Например, акты, составленные Луи Россиньолем с марта 1549 по март 1550 г., имеют № 89. Следовательно, надо оформлять электронный заказ под шифром: MC/LXXIV/89 и затем, получив связку или кодекс, содержащие десятки или сотни актов, пытаться отыскать нужный документ по дате, помечаемой обычно перед подписью нотариуса¹⁴³. Внутри связки страницы, как правило, не нумеровались (иногда номера проставлял карандашом какой-нибудь сердобольный архивист). Ориентироваться в поисках приходится лишь на основании даты, стоявшей в конце документа. Нет нужды говорить, что сама дата, как правило, записывалась в сокращенном виде и также была неудобочитаема.

По большей части “связка” соединяла акты, составлявшиеся в данной конторе в течение одного года (от Пасхи до Пасхи). Однако, как отмечалось выше, могли быть и исключения.

Индекс нотариусов и каталог “связок” нотариальных контор – этим и ограничивается информационно-поисковая система Центрального хранилища нотариальных минут. Историки, задающиеся целью найти сведения о каком-то человеке, должны изначально иметь хотя бы один составленный им нотариальный акт. Как правило, клиентура нотариусов была устойчивая, поэтому, если методично просматривать связку за связкой все дела данной конторы, то есть шанс обнаружить новые акты, относящиеся к искомому персонажу. Если “отправного” акта нет, то полезным может оказаться знание места проживания данного человека, так как нотариусы, как правило, “распределяли” между собой территорию города и его ближайшей округи.

Сказанное здесь является не столько жалобой на тяжелый хлеб исследователя, сколько необходимым дополнением к замечаниям об

---

¹⁴³ Иногда приходится просматривать все же несколько связок, поскольку то ли сам нотариус, то ли последующие архивисты выносили часть актов отдельно, например группируя несколько брачных контрактов или завещаний. Иногда отдельные документы по тем или иным причинам отъединялись от своей связки, и из таких отдельных листков составлялись особые единицы хранения. Поэтому искомый акт Россиньоля может храниться и в связке с № 89, и 89 bis, и, например, 116).

эволюции современной историографии. Помимо всех прочих соображений и эпистемологических “вызовов”, необходимо учитывать и некоторые материальные аспекты работы с нотариальными источниками. Тогда становится понятно, почему обращение к ним произошло относительно поздно и почему сегодня многие историки предпочитают анализировать литературные памятники, изучая “нарративные стратегии” и “дискурсивные практики” Монтеня, Брантома или Маргариты Наваррской, а что еще привлекательнее, Люсьена Февра, Фернана Броделя или Мишеля Фуко. Помимо увлеченности идеями “лингвистического поворота”, порой историком движет и элементарное опасение за свое здоровье. Дени Крузе, в свое время участвовавший в семинаре Дени Рише (вспомним, что этот семинар был ориентирован на работу с нотариальными источниками), на вопрос о том, почему он основывает свои монографии исключительно на опубликованных источниках, отвечает примерно так: “В свое время я усиленно работал с архивами нотариальных минут. Но я заметил, что каждый семестр мое зрение ухудшалось на одну диоптрию. В конце концов, я понял, что могу стать приличным палеографом, лишь став совершенно слепым. С тех пор предпочитаю работать с печатными текстами”. В этом ответе, конечно, есть немалая доля эпатажа, однако этот эффект достигается как раз тем, что историк озвучивает соображения, которые принято обычно скрывать в академических кругах. Но с учетом этого, более значимым представляется энтузиазм историков 50–60-х годов, с головой погружившихся в безбрежное море нотариальных актов в поисках “подлинной” социальной истории. В чем-то эти “лирики” были подобны “физикам” того же времени, воспетым в фильме “Девять дней одного года”.

И все же отыскать сведения о конкретном человеке, повторяю, хоть и трудно, но принципиально возможно, несмотря на рудиментарное состояние информационно-поисковой системы.

Если же исследователь ставит перед собой иную задачу, например, проанализировать документы определенного типа или охватить в своем исследовании какой-нибудь городской квартал, а то и весь город за определенный отрезок времени, то его задача становится еще сложнее. Она требует фронтального просмотра всех связей. Очевидно, что такое под силу либо коллективу исследователей, либо ученому, посвятившего нотариальным минутам десятки лет своей жизни.

Картотека, имеющаяся в справочном зале читательской зоны Национального архива (CARAN) сугубо фрагментарна и носит характер случайной выборки. Но в распоряжении архивистов есть несколько специальных картотек (*borderaux*), в основном, относящихся к нотариальным актам видных политических деятелей и гуманистов, художников, религиозных лидеров, что помогает выполнять читательский заказ, и, порой, давать полезные справки. Но как по-

казал мой опыт¹⁴⁴, эти указания также поневоле фрагментарны, и даже о претензиях на исчерпывающий характер речь не идет. Время от времени возникают масштабные начинания, например создание индекса “*Минотавр*”, который соединил бы все акты за 1551 г., но до конца они редко доводятся. А особенность французских научных институтов заключается в том, что подобные проекты слишком связаны со своими создателями, и предсказать, какая судьба ждет их и накопленные в процессе работы данные после того, как данный историк прекращает свою научную деятельность, практически невозможно.

Иногда собранные карточки остаются в семье их создателя и передаются по наследству. Порой это приносит свои плоды, учитывая, что во Франции часто ремесло историка становится наследственным. Так, например, коллекция нотариальных актов, относящихся к парижским типографам и книгопродавцам XVI в., была собрана в XIX в. парижским эрудитом и издателем Огюстом Ренуаром, но лишь его внук Филипп Ренуар опубликовал инвентарь этой коллекции в 1966 г. Коллекции Пьера Баблона, одного из участников масштабного издания памятников по истории города, предпринятого в конце XIX – начале XX в., была использована его потомком, известным историком Жаном-Пьером Баблоном, знатоком XVI в., издавшим соответствующий том “*Новой истории Парижа*” в 1974 г.

Иногда собранные данные передаются ученикам и коллегам. Такова была судьба картотеки Дени Рише, отражавшей беспрецедентный по полноте анализ всех связей минут, современных Варфоломеевской ночи (1572). Она была передана его коллеге Роберу Десимону и хранится ныне в Центре исторических исследований Института Высших социальных исследований (E.H.E.S.S.). Но грандиозная коллекция карточек, охватывающих описание завещаний XVI–XVII вв., которую составляла команда молодых историков под руководством Пьера Шоню в начале 1970-х годов, была впоследствии уничтожена, поскольку занимала слишком много места.

Если говорить о сплошном изучении всех актов по хронологическому или по какому-то иному принципу, либо же актов, объединенных в связках одной или нескольких контор, то таких работ буквально единицы: помимо упомянутых исследований под руководством

---

¹⁴⁴ Я обратился за справкой об актах, относящихся к парижскому адвокату Шарлю Дюмулену. Мне была любезно предоставлена информация о восьми нотариальных актах, имеющих отношение к принадлежащей ему сеньории (надо отметить, что один из этих актов оказался “заставлен” и был в конце концов обнаружен мной не под тем шифром, который был указан в справке). Но помимо этого мной были найдены еще четыре акта Шарля Дюмулена. Кроме того, из юридических трактатов самого Дюмулена мы узнаем, что он достаточно часто посещал нотариальные конторы и заключал различные сделки, на которые затем ссылался в качестве примеров в своих комментариях к парижской кутюме.

Дени Рише и Пьера Шоню, нечто подобное предпринимал для несколько более позднего периода Ролан Мунье.

Понятно, что большим подспорьем для любого исследователя (а не только для тех, кто по разным причинам оторван от французских архивов) могут стать публикации нотариальных актов, точнее издание их аналитических инвентарей.

Первопроходцем и горячим энтузиастом публикации таких инвентарей был Эрнест Куайак, также участвовавший в работе по изданию коллекции документов по истории Парижа. Много лет он вел переговоры с нотариусами, обследуя коллекции древних минут, хранившиеся в архивах их контор. С 1893 г. он начал публиковать свои описания нотариальных фондов в выпусках “Бюллетеней общества по изучению истории Парижа и Иль-де-Франса”. Именно его усилия привели в конце концов к перелому в общественном мнении и в настроениях самих нотариусов, что помогло претворить, наконец, в жизнь давнюю идею о национализации древних нотариальных архивов. Правда, закон этот вышел уже после смерти Куайака. В 1905 г. он издает первый том своего “Сборника нотариальных актов, относящихся к истории Парижа и его окрестностей в XVI в.”, второй том вышел уже посмертно, в 1923 г. в той же серии “Всеобщей истории Парижа”¹⁴⁵. Он издал свой “анализ” архивов четырех нотариальных контор Левого берега Жана и Пьера Крозонов, Ива Буржуа и Катрин Фардо за период с 1498 по 1560 г. Как и публикация Кампардона и Тюетея, это издание является аннотированным указателем, включившим в себя некоторые цитаты. Задача Куайака была благородной – построить “анализ” так, “чтобы эрудит будущего смог бы уже не прибегать к оригиналу... на тот случай, если документ будет утерян, или доступ к нему станет невозможен”¹⁴⁶. В общей сложности он “проанализировал” 6610 актов, поэтому два тома публикации Куайака могут служить вполне достойной базой для исследований по социальной истории, по истории культуры, истории города. Ни одно серьезное исследование, так или иначе анализирующее парижское чиновничество или иные вопросы социально-политической истории, не обходится без использования этого издания. Они могут стать и самостоятельной основой для исследования, например, для наших студентов, особенно если соединить акты, опубликованные Куайаком, с публикацией Кампардона и Тюетея. В последнем случае мы располагаем выборкой, насчитывающей почти 12 тысяч актов, относящихся к первой половине XVI в. Это не столь уж и малое число, составляющее от 5 до 10% всех сохранившихся к этому периоду документов, или от 2,5% до 5% всех актов, которые могли составляться в этот пе-

---

¹⁴⁵ *Coyecque E. Recueil d'actes notariés relatifs à l'histoire de Paris et de ses environs au XVIe siècle. P., 1905. Vol. 1: 1498–1545. № 1–3608; P., 1923. Vol. 2: 1532–1555. № 3609–6610.*

¹⁴⁶ *Ibid. Vol. 1. P. XVII.*

риод в Париже, что позволяет производить подсчеты статистического характера. Надо отметить, однако, существенное различие между двумя публикациями – акты, собранные Куайаком, относятся к достаточно компактному району Парижа, его университетскому кварталу. Если учесть консервативность клиентуры парижских нотариусов, предпочитавших иметь дело с одной и той же конторой, то на основе этого издания можно проследить историю отдельных семей, некоторую динамику социальных процессов, происходивших в городе. Но это будет весьма специфический район, населенный интеллектуалами, мастерами книжного дела, мелким чиновным людом, обслуживающим персоналом, в то время как акты контор торгово-ремесленного Правого берега дали бы совсем иную картину. В связи с этим позволю себе некое историографическое отступление.

Израильский историк Э. Барнави, ученик Ролана Мунье, в 1980 г. опубликовал монографию “Партия Бога”¹⁴⁷, посвященную “Совету 16-ти”, самой активной части Парижской Католической лиги 1585–1594 гг. Историк увидел ядро движения состоявшим из “социальных аутсайдеров”, обделенных привилегиями. Наименее обеспеченные, по мнению Барнави, составляли ядро самых последовательных лигеров, костяк будущей партии 16-ти, в то время как более состоятельные проявляли колебания. Э. Барнави отводит купечеству скромную роль в движении, отмечая, что оно ограничивалось главным образом финансовой помощью. Главное же место принадлежало прокурорам, секретарям, нотариусам, адвокатам и духовенству. Принципиальная новизна концепции Барнави состояла в том, что он увидел в “Совете 16-ти” политическую партию принципиально нового типа, которая скреплялась “горизонтальной солидарностью” своих членов, обладала устойчивой организационной структурой, формальным членством, программой, идеологией и пропагандистским аппаратом. Захватив власть в городе и удерживая ее, “Шестнадцать” представляли, по мнению Барнави, первую в истории массовую партию с “зачатками тоталитаризма”. Спаянная железной дисциплиной, тщательно заботясь об отборе своих новых членов и об их безграничной преданности, партия при этом постоянно апеллировала к массовости как важнейшему доказательству своей правоты. Беспощадная к своим врагам, она объявляла всякого политического противника еретиком, себя же считая безгрешной хранительницей истины в последней инстанции.

Эта концепция Барнави встретила серьезные возражения со стороны ученика Дени Рише Робера Десимона¹⁴⁸. Он считал Лигу поро-

---

¹⁴⁷ Barnavi E. Le Parti de Dieu: Etude sociale et politique des chefs de la Ligue parisienne, 1585–1594. Leuven; Brussels, 1980.

¹⁴⁸ Полемика Десимона и Барнави развернулась на страницах “Анналов” в 1982 г. (Descimon R. La Ligue à Paris (1585–1594): Une Révision; Barnavi E. Réponse à R. Descimon; Descimon R. La Ligue: Des divergences fondamentales // Annales: E.S.C. 1982 (janvier–février). P. 72–128).

ждением особой ситуации второй половины XVI в.: когда вся система старого, еще средневекового города под воздействием абсолютизма столкнулась с угрозой утраты и социально-политического равновесия, и культурно-религиозного единства, произошло возрождение старых традиционных связей в среде буржуазии, активизация старых религиозно-этических форм городской социальности (конфрерии, секретные союзы, заговоры, лиги и пр.). Парижская Лига была не политической партией, а, скорее, религиозным братством мирян. Отличительной чертой движения, по мнению Робера Десимона, был ярко выраженный городской патриотизм, “гражданственность”, обостренное чувство законности. Он ставит под вопрос не только авторитарный характер “Партии 16-ти”, но и само существование такой партии. Действия “Шестнадцати” не направлялись из единого центра и не являлись запланированными акциями. Поиному видится Роберу Десимону и социальная характеристика движения. Предпринимая полное просопографическое исследование состава активистов движения “16-ти”, Десимон использовал материал нотариальных минут: копии сделок, завещаний, брачных контрактов, посмертных описей, относящихся к активистам Лиги, членам их семей, к их предкам и их потомкам¹⁴⁹. Знание нотариальных актов предполагало доскональное знакомство с исторической топографией города, и оно позволило уточнить вопрос о социальной сущности движения. Выяснилось, что свидетельства нарративных источников о борьбе адвокатов против магистратов как о главном социальном содержании Лиги, о полной смене руководства на уровне кварталов и капитанов буржуазной милиции и о самоустранении купечества справедливы лишь для кварталов Левого берега. Этот район (так называемый Университет), где жили сами авторы свидетельств о Лиге, отличался высокой концентрацией судебных, клерков, духовенства, университетского люда. Элие Барнави, конечно, использовал нотариальные акты (как использовала их вся “школа Мунье”) для подкрепления своих выводов. Но все дело в том, что он, как оказалось, работал с материалами контор, расположенных именно на Левом берегу. На Правом же берегу влияние купечества было гораздо более сильным, и полной смены военно-политического руководства там не произошло. Знакомство с материалами нотариальных контор всего Парижа позволило Десимону установить зависимость лигерского “активизма” от родственных уз. Так, изначально среди лигеров было много как представителей старых парижских семей, так и лиц, не имевших разветвленной системы родства в городе. Характерно, что последние явно преобладали среди тех лигеров, которые переметнулись на сторону короля. Именно в рамках семьи обеспечивался единый фронт группировок буржуазии,

---

¹⁴⁹ Descimon R. Qui étaient les Seize? Mythes et réalités de la Ligue parisienne, 1585–1594. P., 1983.

когда старший сын купца был адвокатом, зять – советником Парламента, младшие сыновья – прокурорами и купцами¹⁵⁰. Как видим, материалы разных нотариальных контор дают разное видение социальных процессов¹⁵¹.

Серьезным недостатком публикации Куайака для нас является то, что он затронул в своей публикации далеко не все документы “связок”: “это не представлялось технически возможным, да и не все контракты заслуживают внимания”¹⁵². Публикатор оставлял лишь документы, содержавшие ту информацию, которую было бы трудно или вообще невозможно найти в другом месте, а также те акты, которые представляют интерес из-за объекта сделки или из-за личностей, заключавших сделку.

Поскольку это издание осуществлялось в рамках грандиозной программы публикации источников по истории Парижа, первостепенное внимание уделялось сохранению информации о парижских домах, о работах по украшению улиц, церковей, о выдающихся людях или забавных сторонах повседневной жизни парижан. Все это понятно, но делает публикацию Куайака мало пригодной для исследования соотношений между отдельными типами сделок, для изучения “удельного веса” тех или иных форм деятельности в ритме повседневной жизни. Как показал мой беглый просмотр некоторых связок, “анализируемых” Куайаком, он считал “не представляющими ценности” до 60% актов: договоры купли-продажи сельской недвижимости, долговые обязательства, покупку муниципальных рент, договоры о найме жилья, если в них не описывалось здание.

Многую были использованы и другие публикации нотариальных актов. Выше уже говорилось о публикации Филиппа Ренуара, собравшего коллекцию документов, относящихся к миру парижских мастеров книжного дела¹⁵³. Большим подспорьем оказались осуществляемые сотрудниками Национального Архива публикации ана-

---

¹⁵⁰ Впрочем, почти полное теоретическое размежевание и бескомпромиссные дебаты не помешали тому, что уже через три года непримиримые оппоненты выпустили совместную монографию, посвященную одной из кульминационных точек Парижской Лиги – убийству Президента Парламента Бриссона в 1591 г. Разногласия оставались, но они помогли дать стереоскопический взгляд на проблему. К сожалению, подобное разрешение историографических споров не характерно для нашей традиции историописания.

¹⁵¹ О путях и перспективах использования историками Франции нотариальных архивов см.: *Sarazin J.-Y. L'historien et le notaire: Acquis et perspectives de l'étude des actes privés de la France moderne // Bibliothèques de l'École des chartes. 2002. T. 160, P. 229–270.*

¹⁵² *Coyecque E. Recueil d'actes... Vol. 1. P. XVII.*

¹⁵³ *Renouard Ph. Documents sur les imprimeurs, libraires, cartiers, graveurs, fondeurs de lettres. P., 1901; Idem. Répertoire des imprimeurs parisiens: Libraires, fondeur de caractères et correcteurs d'imprimerie. P., 1965.*

литических указателей по определенным темам¹⁵⁴. Особенно полезной для меня оказалось издание Мадлен Юржанс “Ронсар и его друзья”¹⁵⁵. В нем были собраны аналитические описания актов, относящихся к среде парижских гуманистов XVI в.

Итак, обработав сперва данные, содержащиеся в публикации “Регистров инсинуаций Парижского Шатле” за 1539–1559 гг. (точнее, данные, относящиеся к некоторым типам актов), я обратился затем к оригиналам этих регистров. В случае необходимости я искал минуты зарегистрированных актов в Центральном хранилище нотариальных минут, а также иногда пытался разыскать в них сведения, относящиеся к заинтересовавшим меня участникам сделок. В этом случае мне помогали публикации нотариальных актов, точнее их аналитических инвентарей.

Для работы с нотариальными источниками мне потребовались сведения о правовых и “технических” аспектах нотариальной практики того времени. С этой целью я привлек учебники по нотариату, составленные в XVI в. Это анонимный трактат “Протокол: искусство и стиль письмоводителей (и) нотариусов”, опубликованный в 1550 г.¹⁵⁶, а также учебник лионского юриста Парду де Пра¹⁵⁷. Оба этих памятника восходят к старым итальянским образцам и содержат рассуждения о требованиях к нотариальному акту и правилам его составления, приводят образцы формул. В моем распоряжении оказался и весьма любопытный памятник – пародийный учебник для молодых нотариусов, принадлежащий к жанру так называемой “рекреативной литературы”. Речь идет о шуточном трактате лионского юриста, близкого к гуманистическим кругам, Бенуа де Тронси, выбравшего себе характерный псевдоним Рогатый Бормотун (Bredin le Cocu): “Весьма развлекательный формулярный всех контрактов, дарений, завещаний, завещательных распоряжений и прочих актов, свершенных перед нотариусами и свидетелями”¹⁵⁸.

Но наиболее полезным оказался труд Жана Папона “Инструменты или секреты нотариусов”¹⁵⁹. Среди историков права Жан Па-

---

¹⁵⁴ *Jurgens M.* Documents du minutier central des notaires de Paris: Inventaires après décès (1483–1547). P., 1982.

¹⁵⁵ *Jurgens M.* Documents du Minutier Central des notaires de Paris: Ronsard et ses amis. P., 1986.

¹⁵⁶ Le protocole: L’art et stille des tabellions notaries. P., 1550.

¹⁵⁷ Theorique de l’art des notaires: Pour cognoistre la nature de tous contrats... / Trad. de Latin en François et succinctement adaptée aux ordonnances royaux par Pardoux de Prat, docteur ès droict, et reveu et augmentee de nouveau. Lyon: Basile Bouquet, 1582.

¹⁵⁸ *Troncy Benoit de (Bredin le Cocu)*. Formulaire fort récréatif de tous contracts, donations, testaments, codicilles et autres actes qui sont fait et passés pardevant notaires et tesmoins. Lyon, 1590.

¹⁵⁹ *Papon J.* Instrument de premier notaire. Lyon, 1576; *Idem*. Second notaire. Lyon, 1576; *Idem*. Secrètes du troisième et dernière notaire. Lyon, 1578.

пон заслужил репутацию весьма посредственного юрисконсульта, далекого от той глубины проникновения в дух законов, которая отличала лучших представителей французской правоведческой школы (Дюмулена, Тирако, де Ту, Бодена). Это, однако, не только не мешало, а, пожалуй, и способствовало популярности трактатов Папона у нотариусов и практикующих юристов своего времени. Он в достаточно доступной форме вооружал ценной информацией о важнейших сторонах судебной процедуры, о спорных моментах обычного права, приводил примеры правовых трудностей, с которыми может столкнуться нотариус при составлении акта.

Также мной были использованы более поздние пособия по нотариальной практике, поскольку сама практика менялась очень медленно¹⁶⁰.

Дополнительные источники

Расширяя круг поисков: фонды суверенных курий. – Регистры Парламента. – Документы Монетной курии. – Каталоги королевских актов и иные памятники законодательства и административного права. – Нарративные источники

Проанализировав данные регистров Шатле с целью выявить некоторые социальные структуры и корректируя полученные результаты при помощи нотариальных минут, чтобы получить лучшее представление о нотариальной практике, о возможных целях составителей актов, о взаимоотношении “свободы выбора” индивида с принуждением формуляра, я обратил затем внимание на нескольких дарителей (их было немногим более десятка), чье “нотариальное поведение” явно выбивалось из общего ряда (насколько я мог об этом судить, уже обогатившись некоторым опытом работы с нотариальными источниками). Мной была поставлена задача отыскать дополнительную информацию об этих людях. Кое-что удалось обнаружить в связках нотариальных минут. Но этого было недостаточно, поэтому круг поисков пришлось расширить, и на последнем этапе работы в поисках дополнительных сведений биографического характера я обратился к дополнительным источникам.

Расширяя круг поисков данных при сборе дополнительного материала о тех или иных лицах, упомянутых в нотариальных актах, я обращался к иным источникам, в частности, к актам королевской юстиции, королевских суверенных курий.

Документы Парижского Парламента (серия X) пользуются у исследователей столь же мрачной репутацией, что и нотариальные

---

¹⁶⁰ Ferriere Cl. La science parfaite des notaires ou le moyen de faire un parfait notaire. P., 1682; Cothereau Ph. La théorie et pratique des notaires. P., 1620; Cassan J. Le nouveau et parfait notaire François. P., 1684.

минуты. Бесконечные ряды архивных стеллажей, уставленных сотнями фолиантов, в каждом из которых убористым почерком записывались решения, выносимые судьями, протоколировались судебные прения, способны поддерживать исследовательский интерес не одного поколения историков.

Я обращался к регистрам Совета по гражданским делам Парижского Парламента (серия X 1a). В них ежедневно записывался состав судей, которые вели данное заседание, кратко излагалось содержание дел и записывались выносимые решения. Объемные фолианты, исписанные мелким почерком, вмещали дела за один семестр. На руки они не выдаются и доступны лишь в форме микрофильмов, причем сделаны они были, по-видимому, в начале 1960-х годов, и поэтому их качество оставляет желать лучшего. Понятно, что сплошной просмотр всех томов хотя бы за десять лет потребовал бы самостоятельного исследования, вряд ли осуществимого в одиночку. Историки, как правило, прибегают к работе со сборниками парламентских судебных постановлений, составленными юристами времен Старого порядка, или с указателями, содержащимися в объемных монографиях историков прошлого века¹⁶¹, а также с каталогами актов французских королей. По этому пути пошел и я, стараясь отыскать в этих публикациях указания на соответствующий том парламентских регистров, а затем уже прибегая к фронтальному поиску нужной мне информации по всему тому. В некоторых случаях это имело успех.

Я использовал также документы “подсерии” (sous-série) X 1c, где содержались тексты полюбовных соглашений, заключенных под эгидой Парламента. Некоторые из судебных постановлений Парламента можно найти в печатных сборниках юристов эпохи Старого порядка, так называемых “арестографов” – специалистов по изучению и классификации судебных постановлений (arrêts)¹⁶².

Один из авторов нотариального акта, привлечших мое внимание, обвинялся в фальшивомонетничестве, поэтому помимо документов парижского парламента я использовал источники, относящиеся к другому суверенному суду – Монетной курии (серия Z 1b). В ее ведении находились дела, связанные с изготовлением и оборотом монет и драгоценных металлов. Основанная в середине XIV в., Палата монет была в 1552 г. возведена в ранг суверенного суда. В ведении новообразованной Монетной курии находились как гражданские (споры о компетенциях чиновников монетного двора, о полномочиях генералов монет и т.д.), так и уголовные дела (изготовление

---

¹⁶¹ Например: *Maugis E. Histoire du Parlement de Paris de l'avènement des rois Valois à la mort d'Henri IV. Vol. 1–3. P., 1913–1916.*

¹⁶² *Le Vest B. Arrêts celebres et memorables du Parlement de Paris. P., 1612; Louet G. Recueil d'aucuns notables arrests donnez en la cour de Parlement de Paris. P., 1633; Brillon J.P. Dictionnaire des arrêts ou jurisprudence universelle. P., 1727. T. 3.*

и обращение фальшивой монеты, контрабанда драгоценных металлов). В отличие от парламентских регистров, документы монетной курии представляли собой не столько запись судебных постановлений, сколько досье, содержащие различные материалы судебной процедуры – иски, заявления, жалобы, протоколы и т.д.

Большим подспорьем в работе оказались каталоги актов французских королей: 10 томов каталога актов Франциска I¹⁶³, 6 томов актов Генриха II¹⁶⁴, и два тома, относящиеся к короткому правлению Франциска II¹⁶⁵. Ценность этих изданий заключается не столько в том, что они содержат сведения о королевском законодательстве (такие данные есть и в других публикациях), сколько в том, что указывают все письма, составленные “от имени короля”, даже в том случае, если сохранились не они сами, но лишь упоминания о них, содержащиеся, например, в постановлениях Парижского парламента.

Материалы королевского законодательства привлекались мной для освещения правового регулирования отдельных аспектов нотариальной практики и охраны привилегий подданных парижского университета¹⁶⁶.

Мной были использованы также первые тома “регистров постановлений городского бюро” Парижа¹⁶⁷. Именной указатель к этому изданию муниципальных документов позволил в некоторых случаях найти дополнительные сведения об интересующих меня деятелях.

Поскольку рассматриваемые нотариальные акты были по большей части составлены на территории, находящейся в зоне действия парижского обычного права, то в ряде случаев я обращался как к изданиям самой кутюмы, так и некоторым комментариям к ней¹⁶⁸. Это оказалось необходимо для прояснения некоторых аспектов семейного права, определявшего поведение составителей нотариальных актов.

Некоторые из разыскиваемых мной авторов нотариальных актов сами оказались людьми образованными и оставили после

---

¹⁶³ Catalogue des Actes de François I. Vol. 1–10. P., 1887–1908.

¹⁶⁴ Catalogue des Actes de Henri II (1547–1552). Vol. 1–6. P., 1979–2001.

¹⁶⁵ Catalogue des Actes de François II. Vol. 1–2. P., 1991. К данному изданию отсутствует именной указатель, что значительно затрудняет работу с ним.

¹⁶⁶ Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique. P., 1723–1849. 22 vol.; Recueil général des anciens lois françaises; Ordonnances des rois de France, règne de François I (1515–1539). 8 vol + 3 fasc. P., 1902–1972; Fontanon A. Les édicts et ordonnances des rois de France. Vol. 1–3. P., 1611.

¹⁶⁷ Registres des délibérations du Bureau de la Ville de Paris (1499–1628) / Publ. par F. Bonnardot et al. Vol. 1–19. P., 1883–1958.

¹⁶⁸ Coutume de la prévosté et vicomté de Paris. P., 1580; Coutume de la ville, prévosté et vicomté de Paris ou droit civil parisien: Avec les commentaires de L. Charondas le Caron. Vol. 1–2. P., 1603. Choppin R. Commentaires sur les coutumes de la prévosté et vicomté de Paris // Choppin R. Œuvres. P., 1662. Т. 3.

себя литературное наследие. Разумеется, их труды также были использованы мной для пополнения их “досье”. Таких людей в моей выборке оказалось трое: адвокаты Шарль Дюмулен и Рауль Спифам, а также королевский лектор латинского красноречия в Парижском университете и принципал коллегии Бонкур, Пьер Галланд. Перу этого гуманиста принадлежит объемный комментарий к Квинтилиану, принесший ему заслуженную славу¹⁶⁹. В дальнейшем он был более известен как умелый администратор, но дошли до нас и некоторые образцы его ораторского искусства¹⁷⁰. Большой резонанс в университетских кругах имел ответ Пьера Галланда Пьеру де Ла Раме (Рамусу), выступившему против авторитета Аристотеля¹⁷¹.

Шарль Дюмулен принадлежал к числу наиболее авторитетных юрисконсультов XVI в., оставивший большое творческое наследие¹⁷². Наиболее известны его комментарии к Парижской кутюме¹⁷³, мной были использованы также его малоизвестные юридические сочинения, имеющие непосредственное отношение к обстоятельствам его жизни, отраженным в его нотариальных актах¹⁷⁴, а также его трактаты политического характера¹⁷⁵.

Творчество его коллеги и современника адвоката Парижского парламента Рауля Спифама не получило столь широкого резонанса, но трактат, написанный им, представляет собой огромный интерес и продолжает служить объектом споров. Речь идет о проекте преобразования правосудия и церковного устройства всего королевства, изложенном Спифамом в виде 312 указов, якобы составленных Генрихом II. Рауль Спифам издал это сочинение подпольно, у себя в поместье. Произошел крупный скандал – Парламент конфисковал ти-

---

¹⁶⁹ *Galland P. Quintilliani de institutione oratoria libri XII, argumentis Petri Gallandi, eiusdem declamationum liber. P., 1542.*

¹⁷⁰ *Galland P. Oratio in funere Francisco Francorum regi a professoribus regiis facto. P., 1547; Idem. Oraison sur le trespas du Roy Francois, faicte par m. Galland, son lecteur en lettres latines, et par luy prononcée en l'Université de Paris VII jour de may 1547 / Trad. de latin en français par J. Martin. P., 1547; Idem. De caletto recepta et rebus a Francisco Lotharingo duce Guiso auspiciis Henrici II gestis carmen elegiacum. P., 1558; Idem. Petri Casteani, magni Franciae elemosynarii vita... P., 1674.*

¹⁷¹ *Petri Galandii literarum latinarum pofessoris regii, contra nouam academiam Petri Rami oratio. P., 1551.*

¹⁷² *Caroli Molinaei Opera qui extant omnia... Lutetia, 1612; 2-e ed. P., 1681.*

¹⁷³ *Du Moulin Ch. Opera. P., 1681. T. 1–7; Idem. Consuetudines sive constitutiones almae Parisorum Urbis, atque ad ei totius Regni Franciae principales: Commentariis amplissimis... par. D. Carolum Molinaum iureconsultum. Parisii, 1539; Francfurt, 1575; Idem. Les notes de maistre Charles Dumoulin sur les coustumes de France. P., 1715.*

¹⁷⁴ *Du Moulin Ch. Tractatus dua analytici: Prior de donationibus, vel confirmatis in contractu matrimonii, posterior de inoficiosis testamentis... P., 1578; Idem. Annotationes super consultationes Alexandro [Tartagni] libri 7. P., 1551.*

¹⁷⁵ *Traicté de l'origine, progrès et excellence du Royaume des Francoys et couronne de France... Lyon, 1561.*

раж, однако несколько экземпляров сохранились¹⁷⁶. Об этом адвокате было известно, что он сочинял эпиграммы и сатирические стихи, но мои поиски не увенчались в данном случае успехом – единственная басня, приписываемая Спифаму, оказалась написанной о нем, а не им¹⁷⁷.

Разумеется, в поисках биографических сведений об этих людях мной привлекались нарративные материалы, я искал упоминания о них самих (об их близких или о событиях, в которых они принимали участие) в свидетельствах современников.

Достаточно информативен в этом отношении оказался “Диалог об адвокатах”, составленный юристом второй половины XVI в. Антуаном Луазелем, в котором он, помимо общих рассуждений о достоинстве звания адвоката, приводит любопытные сведения о своих предшественниках – Дюмулене и Спифаме¹⁷⁸. К этой же категории источников можно отнести трактат Луи Бродо, посвященный жизни Шарля Дюмулена. Луи Бродо писал свой труд в начале XVII в. и был знаком с зятем Шарля Дюмулена, Симоном Бобе, который и передал биографу семейные документы для увековечения памяти своего тестя¹⁷⁹.

В процессе поисков биографических сведений о Рауле Спифаме я обнаружил несколько сочинений его брата и основного оппонента Жака-Поля Спифама, епископа Неверрского, оказавшиеся весьма любопытными и способными пролить свет на некоторые стороны конфликта, вспыхнувшего в лоне семьи Спифамов. В их числе неопубликованное письмо, адресованное епископом Неверрским Генриху II (его ошибочно приписывали Жилью Спифаму, племяннику Жака-Поля и Рауля Спифамов). Копия этого письма хранится в Библиотеке Святой Женевиевы в Париже, в сборнике документов, составленном, по-видимому, в середине XVIII столетия¹⁸⁰. Сохранились также анонимные политические трактаты Жака-Поля Спифама¹⁸¹ и материалы судебных процессов его самого и его старшего брата Гайара Спифама¹⁸².

¹⁷⁶ *Spifame R. Dicaearchiae Henrici Christianissimi regis progymnasmata*. P., 1556.

¹⁷⁷ BN MS 736 f/227 fable attribué à Raoul Spifame.

¹⁷⁸ *Loysel A. Le dialogue des avocats du Parlement de Paris // Divers traités tirés des mémoires de m. A. Loysel*. P., 1651.

¹⁷⁹ *Brodeau L. La vie de maistre Charles du Moulin*. P., 1654.

¹⁸⁰ *Epître envoyé au roy Henri Second par l'évesque de Nevers // Bibliothèque de Sainte Gèneviève*. MS № 793. P. 177.

¹⁸¹ *Spifame J.P. Discours sur le congé obtenu par le cardinal de Lorraine pour porter armes à ses gens pour la défense et tuituion de sa personne...* [S. l.], 1565; *Idem. Lettre adressé de Rome à la reine mère du Roi contenant utile admonition pour pouvoir aux affaires qui se present...* [S. l.], 1563.

¹⁸² Bibliothèque nationale. Département des manuscrits. Fonds français 3943 (65). Arrêt rendu contre Gaillard Spifame (3 mai 1535); Collection Dupuy 137 (119–129). Arrêt contre Jacques Spifame (1566); 500 (76) Sentence contre Jacques Spifame; Collection Moreau 788 (133). Procès criminel de Gaillard Spifame (1532).

Круг общения Пьера Галланда включал в себя поэтическую среду. Поэтому его смерть была отмечена сразу несколькими эпитафиями¹⁸³. Пьер де Ла Раме оставил свою версию студенческих волнений 1557 г. (так называемое “побоище на Пре-о-Клерк”); участником этих событий был интересующий нас Пьер Галланд¹⁸⁴. В то же время сама полемика Галланда и “Рамуса” нашла свое отражение в бессмертных книгах Франсуа Рабле¹⁸⁵. Его книга “Гаргантюа и Пантагрюэль” содержала некоторые намеки и на другого университетского деятеля, оказавшегося в числе лиц, о которых я собирал биографические сведения. Речь идет о Николе Леклерке, докторе, а в конце своей жизни – декане факультета теологии. Он же неожиданно оказался в числе корреспондентов Эразма Роттердамского¹⁸⁶. Определенную пользу в качестве ориентиров в попытках реконструкции тех или иных сторон жизни французского общества XVI в. мне принесли и иные нарративные источники – дневники современников¹⁸⁷, хроники¹⁸⁸, литературные произведения¹⁸⁹.

Но напомним, что речь идет лишь о вспомогательных источниках. Ведь главным смыслом нашей работы была попытка реконструкции французского общества, предпринятой преимущественно по нотариальным актам.

---

¹⁸³ *Jamot F.* De Obitu Petri Gallandi. P., 1560; *Roiller Cl.* Ode ad Guill. Gallanum gymnasiarchum ecodianum. Cui accessit eiusdem de obitu Petri Gallandii elegia. P., 1559; *Salis panagius.* Im Ronsardum epicedion, ad pias Gallandii lachrymas. P., 1586.

¹⁸⁴ *Ramus P.* Harangue de Pierre de la Rammé touchant ce qu'ont fait les députés de l'Université de Paris. P., 1557.

¹⁸⁵ *Rabelais F.* Gargantua. Pantagruel. P., 1972.

¹⁸⁶ *Erasmus D.* Opus epistolarum / Ed. P.S. Allen, H.N. Allen. Vol. 1–8. Oxford, 1906–1934.

¹⁸⁷ *Driart P.* Chroniques parisiennes, 1522–1535 / Publ. par F. Bourmon // *Memoires de la société de l'Histoire de Paris et de l'Ile-de-France.* P., 1895. T. XXII; *Gouberville G.de.* Journal Briquebosq. P., 1993. 4 vol.; *Journal d'un bourgeois de Paris* / Publ. par L. Lalanne. P., 1854; *Versoris N.* Livre de raison / Pub. par G. Fagniez // *Mémoires de la Société de l'Histoire de Paris et de l'Ile-de-France.* P., 1885. Vol. 12; *Haton Cl.* Mémoires, contenant le récit des événements accomplis de 1553 à 1582, principalement dans La Champagne et La Brie / Ed. par F. Bourquelot. Vol. 1–2. P., 1857. Vol. 1: 1553–1565.

¹⁸⁸ *Chronique du roy François premier de ce nom* / Ed. par G. Guiffrey. P., 1860; *La Popelinière L.* L'histoire de France enrichie des plus notables occurrences survenues ez provinces de l'Europe et pays voisins... depuis l'an 1550. Paris, 1581; *Cormier T.* Rerum gestarum Henrici II regis Galliae libri unique. P., 1584; *Du Boulaeus C.-E.* Historia universitatis Parisiensis. Vol. 1–6. P., 1666–1673.

¹⁸⁹ *Montaigne M. de.* Essais. P., 1991; *Du Fail N.* Les propos Rustiques. Genève, 1970; *Sorel Ch.* La vraie histoire comique de Francion. P., 1996.

ОБЩЕСТВО. ОБЪЕКТИВИРУЮЩИЙ ПОДХОД. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ПУБЛИКАЦИИ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ СОВОКУПНОСТЬ И УНИВЕРСИТЕТСКАЯ МОДЕЛЬ. АНАЛИЗ НА “МАКРОСОЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ”

ГЕНЕРАЛЬНАЯ СОВОКУПНОСТЬ И УНИВЕРСИТЕТСКАЯ МОДЕЛЬ

План изложения: преимущества регистров нотариальных актов и выгоды университетских дарений. План исследования: от социальной истории университета к университетской истории социального. Размышления о репрезентативности выборки

Эксперимент, положенный в основу данной главы, состоит в попытке на время абстрагироваться от наших априорных знаний (“предзаданных сведений”) о французском обществе XVI в. и воссоздать его на основании определенной серии нотариальных актов. Ранее я попытался обосновать правомерность этой попытки в контексте современной историографической ситуации. Напомню, что Н.Е. Копосов, с которым я в данном случае полностью согласен, называет эпоху расцвета французской социальной истории “нотариальной эрой”, полагая, что “если бы не архивы нотариусов, то не было бы и спора о классах и сословиях”... “Общий интеллектуальный климат 1960-х гг. как нельзя более способствовал валоризации статистических методов, сопровождавшейся предостережением против “лжи слов”, слишком связанных с идеологиями, чтобы отражать социальную реальность. Классификации социального, закрепленные в языке, вызывали подозрение. Считалось необходимым абстрагироваться от слов, чтобы лучше установить факты. Социальная реальность, которая должна была стать подлинным предметом истории, как бы противопоставлялась словам”¹. С тех пор ситуация изменялась неоднократно, но эта амбициозная задача, поставленная

---

¹ Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001. С. 72–73.

историками-шестидесятниками, не снята с повестки дня. Напротив, с тех пор мы узнали много нового, заставляющего нас еще более усомниться в том, что термины и понятия, некогда без особых раздумий употребляемые историками, отражают загадочную вещь, именуемую “исторической реальностью”. Весьма вероятно, что и попытки избавиться от “лжи слов” при помощи нотариальных актов также обречены на неудачу, но убедиться в этом лучше на собственном опыте.

Предложенная во Введении метафора двустороннего плаща может объяснить причину совмещения двух обычно не совмещаемых, но, будем надеяться, отнюдь не несовместимых вещей: плана *изложения* и плана *исследования*.

Исходя из логики *изложения*, обосновать выбор источникового материала, послужившего основой для данной главы, довольно просто:

1. Реконструировать общество удобно, опираясь на достаточно представительный однотипный материал, который должен, однако, не только сводиться к цифрам, но и содержать информацию качественного характера. Вместе с тем, такой материал должен быть сравнительно легко доступен, во-первых, с тем чтобы на его добывание и перекодирование тратилось меньше времени, чем на обработку и интерпретацию полученных данных, а во-вторых, чтобы коллеги обладали возможностью легко перепроверить полученные выводы. Иными словами, речь идет именно об опубликованном источнике, достаточно полном, представительном и не являющемся библиографической редкостью.

2. Обсуждаемая реконструкция была предпринята на основе публикации регистров Парижского Шатле, осуществленной Э. Кампардоном и А. Туетеем в 1906 г.² Публикация этого редкого источника, вводящая в оборот 5382 акта, содержит определенную информацию качественного характера, которую допустимо назвать самодостаточной. Опубликованные акты можно считать выборкой для большой генеральной совокупности – всех жителей города Парижа и префектуры Иль-де-Франс, как постоянно, так и временно там проживающих, а также лиц, имеющих определенные имущественные интересы в этом обширном судебном округе. Численность этих потенциальных клиентов Парижского Шатле можно определить как минимум в один миллион человек. Есть, конечно, и более представительные публикации, в которых речь идет об источниках XVI в., например, каталоги королевских актов, упоминающие десятки тысяч документов, относящихся, как минимум, ко всем жителям королевства. Это издание могло бы предоставить куда более репрезентативный материал, но описания даны там в крайне сжатой форме,

---

² Inventaire des registres des insinuations du Châtelet de Paris: Règnes de François I et de Henri II / Ed. par E. Campardon et A. Tuetey. P., 1906.

лишь в некоторых случаях они содержат сведения, позволяющие понять сущность вопроса или что-либо узнать об упомянутых в них персонажах. Основное предназначение каталогов королевских актов – указать на соответствующий архивный фонд, откуда можно почерпнуть нужную информацию.

3. Очевидно, что реконструкцию французского общества целесообразно основывать на однотипных актах, чтобы не сопоставлять несопоставимое (например, брачные контракты с договорами об отдаче в ученичество и с полюбовными соглашениями о компенсации физического ущерба, причиненного в драке). В регистрах Шатле наиболее представительный ряд образуют дарения, адресованные студентам университета, главным образом, Парижского университета. Это самый распространенный тип актов, составляющий четвертую часть всех зарегистрированных документов (таких актов 1337, составленных в адрес 1092 студентов, причем участвовали в их составлении 1224 человека (см. табл. 1). Следующий по численности тип – дарения в виде брачных контрактов – не превышает 8% от общего числа (327 актов).

Оставим пока вопрос о причинах подобного изобилия дарений студентам. Итак, перед нами комплекс достаточно однородных источников, которые можно считать выборкой, заслуживающей внимания. Не так много подобных серий данных, годных для сопоставления между собой по разным параметрам, имеется в нашем распоряжении для этого периода. На данной основе мы можем попытаться составить представление о структуре французского общества. А если эта попытка покажется слишком смелой, ограничим наши выводы лишь теми французами, которые так или иначе оказались связаны с университетом.

Но возможны и иные обоснования подобного выбора.

Мы имеем дело с социологией образования, т.е. с весьма привлекательным объектом исследования. Ведь в этой теме фокусируются такие ключевые сюжеты, как воспроизводство элит и проблемы социальной мобильности. Данный сюжет манит как социологизирующих историков (вспомним, например, Лоренса Стоуна³, Джорджа Хапперта⁴, можно назвать также обобщающие труды Жака Ревеля, Доменика Жюлиа и Роже Шартье⁵), так и социологов, склонных к диалогу с историками (Пьер Бурдьё и его ставшие классическими работы “Noblesse d’Etat” и “Homo Academicus”⁶). Поэто-

---

³ Stone L. The Size and Composition of the Oxford Student Body, 1580–1910 // The university in Society / Ed. L. Stone. Princeton, 1974. Vol. 1. P. 3–110; *Idem*. The Educational Revolution in England, 1560–1640 // Past and Present. 1964. P. 41–80.

⁴ Huppert G. Public Schools in Renaissance France. Urbana, 1984.

⁵ Chartier R., Compère M.-M., Julia D. L’éducation en France du XV au XVIII siècle. P., 1982.

⁶ Bourdieu P. Homo academicus. P., 1982; *Idem*. Noblesse d’Etat. P., 1989.

му наш интерес к актам, освещающим социологию образования, вполне понятен.

Таковы вкратце обоснования выбора источника, основанные на логике *изложения*. Если исходить из логики *исследования* и реконструировать историю моих скромных изысканий, то аргументы будут совсем иными.

Знакомство с неисчерпаемыми кладовыми нотариальных актов началось для меня с исследования истории Парижского университета. Интерес к вопросу о социальном происхождении и социальных связях студентов наталкивался на дефицит источников. Университетские матрикулы (или за неимением оных “книги наций” – студенческие землячества⁷) были в данном случае бесполезны. Университетские корпорации интересовались географическим происхождением студентов, но отнюдь не социальным⁸.

Поэтому, обнаружив опубликованный источник, содержащий представительный материал, проливающий свет на социальный состав студентов, годный для статистической обработки, я не мог обойти его вниманием. Тем более, что происходило это в ту эпоху, когда о поездках в зарубежные архивы для сколь-нибудь серьезных изысканий не приходилось и мечтать. Кстати, не я один понял важность этого источника. Когда мое исследование было уже завершено, выяснилось, что аналогичную работу на том же материале проделал Доминик Жюлия⁹.

После того как были заведены карточки на действующих лиц “университетских” дарений, мне оставалось лишь разнести данные о них по разным категориям, чтобы свести данные в таблицу. Но на этом этапе и начались трудности.

Дело, поначалу казавшееся столь простым, чисто техническим вопросом, вдруг разрослось до масштабов чуть ли не эпистемологической проблемы. Какую классификацию избрать? Д. Жюлия, например, избрал социально-профессиональный принцип, разделив дарителей, в частности, на купцов и ремесленников. Но тогда в группе купцов оказывались и суконщик-оптовик из привилегированной корпорации, и зеленщик с парижской окраины, а в “ремесленники” зачислялись и придворный ювелир, и уличный сапожник. Если исходить из отношений собственности на средства производства, то всех владельцев сеньорий необходимо было отнести к одной группе

---

⁷ Образцом блестящего использования подобного рода источников могут служить исследования Х. Ридер-Сименс – *Ridder-Symoens H. et al. Biographies des étudiants // Premier livre des procureurs de la nation germanique de l'ancienne Université d'Orléans (1444–1546). Vol. 1–3. Leiden, 1978–1985.*

⁸ Подробнее см.: *Уваров П.Ю. Парижский университет: Европейский универсализм, местные интересы и идея представительства // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 4: Extra muros: Город, общество, государство. С. 51–65.*

⁹ *Julia D. Histoire des universités en France. Toulouse, 1986.*

“феодалов”. Но в этом качестве выступали не только титулованная знать и дворяне, безвылазно живущие в своих сельских поместьях, но также и судейский люд – от президента Парламента до скромного стряпчего, немало было сеньоров также среди парижских буржуа и провинциальных купцов. Коль скоро не подходили ни узко-профессиональный, ни классовый критерии, то, казалось бы, наиболее органичным мог оказаться критерий сословный – ведь всем известно, что общества Средневековья и Раннего Нового времени были обществами сословными, т.е. разделенными на определенные группы лиц, различавшихся между собой особым юридическим положением. Этот критерий “работал”, однако, лишь при выделении в особую группу лиц, принадлежащих к духовенству. Уже по поводу “дворянского сословия” существовала и существует разногласия мнений. Что же касается “третьего сословия”, то эвфемизм этого понятия был ясен уже современникам. Иных операционных юридических классификаций, универсально и автоматически применяемых для всего королевства, я так и не обнаружил, как ни удивителен показался мне негативный результат поисков.

Таким образом, движимый чисто прагматическими соображениями, я подошел к вопросу, казавшемуся весьма тривиальным: как все-таки структурировалось французское общество XVI в.?

Поиски прямого ответа на этот вопрос в сочинениях историков оказались непростыми, как следует из историографического очерка. Результатом поисков явилась еретическая мысль: а обладало ли французское общество некоей оторефлектированной, более или менее жесткой иерархической структурой? Задолго до Шарля Луазо мы можем найти указания на определенную структурированность французского общества у Клода де Сейселя, а еще раньше у Кристины Пизанской (кстати, оба автора основывали свои построения на опыте общественного устройства знакомых им итальянских городов¹⁰). В конце концов, вопросы социальной структурированности поднимались на Генеральных Штатах, во всяком случае, при обсуждении механизма их созыва (например, на Штатах в Туре 1484 г.). Но стояла ли какая-то социальная реальность за этими группами?

Может быть, признать существующими лишь заведомо “реальные” общности – те, члены которых общались между собой больше, чем с представителями других социальных групп, исходить из *круга общения*? Примером может служить “Дневник” адвоката Никола Версориса. На основании его записей с 1519 по 1531 г. можно выявить его круг общения, к которому, в первую очередь, относятся адвокаты и прокуроры Парижского Парламента и Шатле, во вторую – президенты и советники судебных курий, в третью – универ-

---

¹⁰ *Pisan Christine de. Le livre du corps du policie / Ed. H. Lucas. Genève, 1967; Seyssel C. de. De la monarchie de France / Ed. par J. Poujol. P., 1961.*

ситетские круги, некоторые соседи по кварталу из числа состоятельных буржуа. Все остальные, достаточно многочисленные лица, упомянутые Версорисом, никак не являются для него “своими”¹¹.

Можно исходить не из системы абстрактных юридических определений, отыскать которую для данной эпохи пока не удастся, а из реального опыта обладания вполне конкретными привилегиями, общими для данного коллектива, реализуемыми, оспариваемыми и защищаемыми в повседневной жизни. Такой путь декларирован в работах итальянских историков так называемой Туринской школы и в частности – Симонны Черутти¹². Логично также требовать, чтобы объективное существование групп подкреплялось лингвистическим опытом, совпадая в общих чертах с решеткой представлений, существующих в массовом сознании.

Но тогда Франция рискует под взглядом историка распасться на множество мелких локальных мирков, и социальная история может быть только микросоциальной.

Эти сомнения совпали по времени с обвальными изменениями в нашем российском обществе. Рушились как традиционные представления о социальной структуре, так и сама эта структура. Очевидная некогда истина, гласившая, что общество четко разделено на большие группы людей помимо воли этих людей, т.е. объективные, и обладающие реальным бытием¹³, стала не столь самоочевидной. Суффикс “-ство” выходил из употребления – крестьянство, дворянство, бюргерство как нечто объективное все чаще бралось под сомнение в работах историков, занимавшихся социальными проблемами истории Средних веков и Раннего нового времени¹⁴.

Но тезис о неминуемом скорейшем исчезновении социальной истории, хотя и не казался теперь абсурдным, все же вызывал определенные возражения. В первую очередь они основывались все на том же, одиозном для многих историографических направлений, здравом смысле. Прежде всего, именно современность убеждает в существовании социальных общностей. Они мыслятся теперь несравненно более сложными, более подвижными, теперь уже очевидно, что большую роль наряду с объективными факторами их бытия играет язык, ментальность, культурный код, воздействие средств коммуникации. И все же они существуют, иначе, на чем основываются многочисленные прогнозы социологов, политологов и полит-

---

¹¹ Подробнее см.: Уваров П.Ю. Дневник Николя Версориса (1519–1530): Круг общения и степень информированности средневекового горожанина // Общности и человек в Средневековом мире. Москва; Саратов, 1992. С. 53–59.

¹² Cerutti S. La ville et les métiers: Naissance d'un langage corporatif (Turin, XVIIe–XVIIIe siècle). P., 1990.

¹³ Godelier M. L'Occident, miroir brisé: Une évaluation partielle de l'anthropologie sociale assortie de quelques perspectives // Annales: E.S.C. 1993. № 4. P. 1183–1207.

¹⁴ См.: Левинсон К.А. Чиновники в городах Южной Германии XVI–XVII вв.: Опыт исторической антропологии бюрократии. М., 2000.

технологов? И хотя эти прогнозы по большей части весьма ущербны, но на них есть немалый спрос. Кроме того, на прикладном социологическом знании основываются куда более эффективные прогнозы специалистов по маркетингу. В данном случае практика может считаться критерием истины – раз более или менее действенны умственные конструкции, основанные на предположении о наличии в обществе некоей социальной структуры и достаточно больших социальных групп, значит, есть определенная доля вероятности того, что эти или какие-то иные социальные группы могут обладать объективным существованием. Хотя трудно не признать, что наиболее действенными являются именно те модели, которые не опираются на постулаты о существовании незыблемых общественных групп, а проявляя значительную гибкость, признавая ситуационный характер существования многих социальных общностей.

Разумеется, подобные рассуждения весьма банальны и могут показаться неуместными, но в данном случае воспроизводится ход рассуждений, побудивших меня предпринять попытку построить особую, специфическую для данного источника, модель французского общества середины XVI в. Представляется, что такая попытка не является на сегодняшний день бесполезной. Почему бы не использовать предоставленную источником возможность и, опираясь на сугубо конкретный материал, не ответить на многочисленные историографические вызовы, задавшись вопросом о правомерности разговора об объективном существовании социальных групп? Можно следовать принципу микроистории и по возможности для “чистоты эксперимента” абстрагироваться на время от внеисточникового (“предзаданного”) знания, руководствуясь в своей классификационной деятельности только одним показателем – тем, как протагонист в акте определяет свой статус при помощи нотариуса.

И чем громче звучат вызовы постмодернизма, чем абстрактнее становятся споры об эпистемологических основаниях социальных классификаций или об отсутствии оных¹⁵, тем сильнее защитная реакция “практикующего историка”, стремящегося укрыться в эмпирической реальности. Полагаю, что если не все, то многие из наших коллег, вкусивших от работы с конкретными источниками, тем более имеющих опыт архивных изысканий, поддержат тезис о том, что настоящее знание возможно только на “кончиках пальцев”, только после того, как через руки историка пройдет большой массив эмпирических данных. Поэтому перспектива “ручной переборки” всего корпуса дарений, адресованных студентам университета, сулящая посещение усадьбы дворянина, конторы адвоката и мастерской ремесленника, казалась весьма заманчивой, хотя и трудоемкой работой.

Конечно, добытые данные вызывали куда больше вопросов, чем давали ответов, и полученная картина оставалась удаленной от

---

¹⁵ Коппосов Н.Е. Как думают историки. Гл. 3.

реальности целой системой ширм. Но это стало ясно потом, и на первых порах не могло сильно ослабить исследовательский энтузиазм. Песочные часы были перевернуты, и вместо социальной истории университета я стал изучать университетскую историю социального.

Соединив в этой точке *логику изложения с логикой исследования*, определим предмет исследования. Для того чтобы определить, что же мы пытаемся изучать, выделим концентрические круги, основываясь на таком критерии, как степень репрезентативности источника.

Во-первых, мы рассматриваем лабораторную модель, построенную на базе нотариальных актов, зарегистрированных в Шатле, эдакое “общество в пробирке”. Ни на минуту не стоит при этом забывать, что наблюдаемые явления, прежде всего, относятся к этой искусственной модели и всякое перенесение фиксируемых регулярностей на реальную действительность будет условностью. “Настоящая” Франция может организовываться по каким-то иным признакам, а реальные родственники студентов на деле могут вести себя совсем иначе, чем дарители из нашего корпуса актов (да так оно и было, как показали дальнейшие изыскания).

Во-вторых, мы все-таки задаемся целью постичь некую онтологическую реальность, стоящую за моделью под названием “Университетская Франция”. Речь идет о французах, так или иначе связанных со студентами Парижского университета. Вопрос о репрезентативности этой модели будет рассмотрен чуть ниже.

В-третьих, почему бы не рассматривать источник как основу для “case-studies”, как проблемно-ориентированную выборку всего французского общества? Определенные основания для этого есть. Ведь еще в XV в. знаменитый теолог и канцлер Парижского университета Жан Жерсон вопрошал: “Разве университет не представляет всего королевства Франции?”¹⁶

По отношению к “генеральной совокупности”, к “королевству Франции” искажения будут заведомо весьма значительными. Но они вполне прогнозируемы. Понятно, что город представлен значительно полнее, чем деревня, офисы и судейские – полнее, чем ремесленники, а адвокаты – полнее, чем сержанты городской патрульной службы. Но нас ведь интересует не то, сколько во Франции было крестьян и сколько священников, а то, какие вообще можно выделить группы, и в какой степени они являются эфемерными?

Университетская ситуация может быть рассмотрена в качестве общего знаменателя, который позволяет сравнивать поведение столь непохожих друг на друга французов, столкнувшихся с одной и той же проблемой.

---

¹⁶ Gerson J. Vivat rex // Œuvres français. P., 1968. T. 7, pt. 2. P. 1146.

С самого начала возникло подозрение, которое затем перешло в твердую убежденность в том, что данный источник не очень полезен для изучения собственно университетской истории. Во всяком случае, он не отвечает на вопрос о том, каково было материальное обеспечение студентов Парижского университета. Если на словах во многих дарениях провозглашалась их цель “помочь студенту в учении”, “помочь содержать себя, достойно одеваться и иметь книги”, то на деле цели дарителей были совсем иными. К тому, что это были за цели, мы вернемся в самом конце данной главы.

Более того, ответ на вопрос о репрезентативности выборки предполагает хотя бы примерное представление о численности генеральной совокупности. Если под последней понимать всех студентов Парижского университета, то, кажется, чего же проще – взять общую численность имеющих в нашем распоряжении актов, поделить их на количество лет, на протяжении которых велись имевшиеся в нашем распоряжении регистры. Затем полученные данные соотнести с известным числом студентов Парижского университета. Собственно, по этому пути и пошел Доменик Жюлия, определив репрезентативность выборки в 3%. Эта цифра получена следующим образом. В исследовании Л. Броклисс анализируются фрагменты регистров университетских наций и “книг ректора”, содержащие присяги новоприбывших студентов. Экстраполируя эти данные, Л. Броклисс определяет ежегодное число поступающих в 1500–1700 человек¹⁷. Соглашаясь с этими выкладками, Д. Жюлия оценивает репрезентативность выборки, состоящей из дарений студентам, зарегистрированных в Шатле, в 3% (при общем числе 1092 студентов, которым были адресованы дарения за 20 лет в среднем выходит по 53 регистрации в год, что составляет чуть более 3% от среднего числа студентов, приносивших ежегодную присягу).

Эти выкладки вызывают сомнения двоякого рода. Во-первых, оценки Л. Броклисс и Д. Жюлия реальной численности студентов представляются изначально завышенными. Даже если и согласиться с их экстраполяциями, надо помнить, что значительное число молодых людей приписывались к университету, вовсе не собираясь в нем учиться. Это могли быть путешественники, на краткий срок посетившие Париж, совершая свой образовательный вояж (“*peregrinatio academica*”), или лица, вступившие в университет фиктивно, в надежде хотя бы некоторое время попользоваться университетскими привилегиями. Широко было распространено приписывание к университету людей буквально накануне получения степени. Эта практика решительно порицалась Парламентом, но искоренить ее было тем сложнее, что нарушителями были в первую очередь сами офицье и

---

¹⁷ *Broklyss L.W. Patterns of Attendance at the University of Paris, 1400–1800 // Les universités européennes du XVIe au XVIIIe siècle: Histoire sociale des populations étudiantes. P., 1989. T. 2. P. 488–492.*

судейские, пользовавшиеся связями и знакомствами, для того чтобы обойти суровые требования университетских уставов. Во-вторых, уж если и делить нашу выборку на количество лет, в течение которых велись опубликованные регистры, то делить следует никак не на 20, а на 14. Ведь, как уже отмечалось, регистры практически не велись с 1553 по 1558 г., да и в последние два года ведения регистров число дарений студентам катастрофически сокращается (см. табл. 20, 22). Таким образом, даже если исходить из оценок Д. Жюлиа и Л. Броклисс, то репрезентативность выборки повышается до 4,9%.

Но сама погоня за нормой представительства кажется излишней — у нас достаточно репрезентативный объем, пригодный для того, чтобы на его основе производить некие обобщения. Ведь в свое время Роллану Мунье хватило тысячи брачных контрактов, чтобы воссоздать картину социальной иерархии парижского общества XVII в.

Главное, что внимание и участников сделки, и регистрирующих органов было отвлечено от проблемы социального статуса. Им было важнее доказать, что адресат дарений действительно является студентом и что между ним и дарителями существует родственная или какая-нибудь иная связь, служащая достаточным основанием для регистрируемого акта. Если стороны и шли на сознательный обман, то как раз в этом вопросе, а не в указании своего реального социального статуса. В то время как, например, брачные контракты достаточно часто были склонны завышать реальный статус сторон (в свидетели приглашались, как правило, либо самые состоятельные родственники, либо высокопоставленные крестники, но отнюдь не малоимущие родные дядюшки или кузены, а суммы приданого иногда завышались по тем или иным соображениям)¹⁸.

АНАЛИЗ НА “МАКРОСОЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ”

Отбор актов и агрегирование групп дарителей. — Распределение объективных признаков. — “Валовые показатели” и “индексы престижности”

Приступая к анализу достаточно солидного массива актов, трудно было догадаться, что для этого понадобятся элементарные статистические подходы. Но они предполагают некоторую унификацию данных. Поэтому я вынужден был в данном случае отказаться от тех актов, которые выбивались из типологического ряда дарений, адресованных студентам. В анализируемый корпус не вошло

---

¹⁸ Помимо чисто престижных соображений могли сказываться и иные причины. Финансисты и купцы, желавшие получить на откуп какие-нибудь королевские, городские, церковные или сеньориальные доходы, часто старались таким образом создать впечатление своей полной кредитоспособности.

около сорока актов, представляющих собой “обратную” ситуацию, когда студент адресует дарение своему родственнику, а также те пятнадцать грамот, в которых и даритель и одариваемый являлись членами университетской корпорации. Я старался отказаться и от тех актов, которые, несмотря на упоминание о студентах, на самом деле относились к иным типам дарственных. Например, если акт представлял собой раздел имущества между наследниками, среди которых был студент университета. В некоторых случаях речь шла о своеобразном брачном контракте – это касалось бакалавров медицинского факультета, где еще в XV в. был отменен целибат. Подобные акты не подвергались статистической обработке, но и не были полностью отброшены и по мере надобности служили иллюстрацией к данному исследованию.

Итак, анализируемый корпус представлял собой 1337 актов, которые адресовали студентам 1224 дарителя. При работе с ним надо постоянно помнить о том, что мы имеем дело с игрой случая и что все наблюдаемые явления и закономерности носят лишь вероятностный характер. Из того, что некто А одаривает своего племянника-студента щедрее, чем некто Б – своего сына, вовсе не следует, что социальная группа дарителя А была в реальности более престижной или состоятельной. Мы даже не можем утверждать, что А был богаче Б. Но поскольку перед нами массовые данные, мы можем попытаться выявить корреляции и подвергнуть их взаимной проверке. Именно поэтому, во-первых, нам надо учесть как можно большее число переменных, а во-вторых, для сравнения дарителей между собой их все же надо объединить в какие-то более или менее крупные категории. Если мы будем сравнивать акты, составленные, например, семью “сержантами с жезлами” (*sergents à verge*) Парижского Шатле и пятью парижскими нотариусами, то можем быть уверены, что имеем дело с представителями реально существовавших общностей, и даже можем сделать вывод о том, что одни демонстрируют тенденцию быть богаче других. Но какова будет степень обоснованности такого вывода и его ценность?

Избранный нами принцип агрегирования действующих лиц в категории основан на той форме, в которой даритель при помощи нотариуса обозначил себя в актах. Иными словами, в основу положена гипотеза об отражении в лексическом опыте реалий социальной жизни. Ключевой поэтому оказывается первая зона документа. Если даритель, как следует из публикации, именован в акте адвокатом Парламента (на самом же деле в акте еще стояло – *noble homme et sage maître*, но публикаторы, к сожалению, предпочли опускать информацию об этих “почетных эпитетах”), а среди передаваемых объектов указывает несколько сеньорий или даже фьефов, я все равно причислю его к категории чиновников и судейских, даже если он и принадлежал к старому дворянскому роду.

Таких категорий получилось десять. К первой отнесены дворяне (бароны, шевалье, экюйе), не указавшие при этом никакой иной своей социальной роли. Во вторую категорию вошли дарители, обозначенные лишь как сеньоры. Третья категория – клирики и монахи. Четвертая категория – “офисье”¹⁹ (владельцы должностей) и судейские”. Может показаться, что в данном случае используется профессиональный или функциональный критерий. На это можно было бы возразить, что в глазах современников причастность к королевской службе и к судопроизводству была в первую очередь именно социальным качеством. Но как же тогда с обещанием не прибегать к внеисточниковому знанию? Помощь нам в данном случае могут оказать сами дарения. Иногда даритель мог составлять и несколько актов. Так вот, в том случае, если он был владельцем должности (а также адвокатом или прокурором) и при этом обладал дворянским достоинством, владел сеньорией или / и был парижским буржуа, то в одном из своих актов он мог и не упомянуть какое-нибудь из своих социальных качеств. Но практически ни один из них не забыл упомянуть, что он советник, адвокат или прокурор. Это уже достаточно надежный критерий.

В пятую категорию я включил горожан, обозначивших себя как “буржуа” вне зависимости от указания на их профессию. При этом они могли указывать на свои занятия каким-либо видом торговли или ремесленной деятельности или вообще обходиться без подобных указаний. Шестая категория – “торговцы” (*marchand*) и седьмая – ремесленники – включают тех, кто по каким-то причинам упомянут в актах без “звания” буржуа. Между собой эти категории различаются также не только по профессиональному признаку. Термин “*marchand*”, возможно, мог указывать на некий социальный ранг, поэтому “торговец-пекарь”, “торговец-типограф” включены мной в шестую категорию, а просто “пекарь” или “типограф” – в седьмую.

Восьмая категория – “крестьяне”, объединяет дарителей, обозначенных такими характерными терминами как “землепашец” (*laboureur*), “виноградарь”, “огородник”. Для меня это указание оказалось важнее, чем сведения об иных занятиях или социальных свойствах. Так, в эту категорию входят и те “землепашцы”, что жили в Париже (точнее, в его предместьях), и “землепашцы-тоговцы”.

Девятая и десятая категории выделены мной по “остаточному принципу”. К “низшим слоям” причислены подмастерья, слуги, по-

---

¹⁹ Первое побуждение – назвать этих дарителей “чиновниками” пришлось оставить из-за нежелательных ассоциаций с современной бюрократией, скрывающих тот факт, что офисье был по сути антиподом чиновника-бюрократа в веберовском смысле этого слова. См.: *Малов В.Н.* Ж.Б. Кольбер: Абсолютная бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 11–12. *Цатурова С.К.* Офицеры власти: Парижский парламент в первой трети XV века. М., 2002.

денщики. И, наконец, в последнюю категорию вошли те дарители, чей статус вообще никак не указан.

Итак, за основу был взят тот способ, каким в нотариальном акте обозначался статус протагониста.

Женщин я учитывал отдельно лишь в том случае, если они выступали в дарении самостоятельно, действуя от своего лица, а не совместно с мужем. Последнее относится главным образом к вдовам, но иногда – к “оставленным” (*femme délaissée*) или к женщинам, живущим раздельно от мужа (*femme séparé et autorisé par justice*). Но и в этом случае статус дарительницы определяется мной по мужу, что соответствовало юридическим нормам того времени²⁰; надеюсь, это не будет истолковано как характерное для мужчин небрежение ролью женщин в истории.

Итак, категории были составлены по формальному критерию – по именованию в акте. Внутри категорий возможны группировки по иным признакам, в частности, по месту жительства (парижане или провинциалы), по сфере деятельности, принадлежности к тем или иным корпорациям. Если категории были выделены мной априорно, то группы внутри их формировались под воздействием фактов, накопленных в результате анализа.

Разумеется, эта классификация полна внутренних противоречий. Мало того, что она поневоле субъективна, но и не решает целого ряда проблем. Куда, например, следует относить советника Парламента, являющегося при этом духовным лицом? Но она не претендует на универсальность, ее можно подвергнуть перекрестным проверкам.

Выделив категории, я распределил по ним дарителей – см. таблицу 1.

Эта таблица станет нашим **главным рабочим документом**. Но сама по себе она может свидетельствовать лишь о немногом. На основании представленных в ней данных мы не можем, например, сказать, что детей (или иных родственников) крестьян в университете было 9%, дворян – 5,3%, а ремесленников – 14,2%. Мы даже не можем утверждать, что среди тех, кто дарил что-либо студентам университета, крестьяне составляли 9%. Единственное, что демонстрирует таблица 1 – это состав корпуса дарителей, пожелавших зарегистрировать свои акты в Парижском Шатле. Напомню еще раз, что далеко не все студенты получали какие-либо дарения, да еще оформленные в виде нотариальных сделок, и далеко не все нотариальные дарения “инсинуировались” в регистрах Шатле. Последнее требовало немалых затрат времени и денег, и, следовательно, для регистрации акта в Шатле у дарителя должны были быть какие-то веские причины.

---

²⁰ См.: *Incapacité des femmes mariée* // Olivier-Martin F. *Histoire du Droit français*. P., 1938. P. 385.

Таблица 1

Категории дарителей

Категория дарителей	Всего		% от общего числа дарителей	Парижане		Провинциалы	
	дарителей	актов		число дари- телей	число актов	число дари- телей	число актов
1. Дворяне	65	86	5,3	10	10	55	76
2. Сеньоры	25	27	2,1	4	4	21	23
3. Священники	48	54	3,9	20	22	28	32
4. Офицье и судейские	234	281	19,1	159	192	75	89
5. "Буржуа"	252	296	20,6	235	265	17	31
6. "Торговцы"	193	208	15,8	85	86	108	122
7. Ремесленники	174	167	14,2	138	132	36	35
8. Крестьяне	110	110	9	9	9	101	101
9. Низшие слои	47	48	3,8	37	39	10	9
10. Не установлена	76	60	6,2	5	5	71	55
Итого	1224	1337	100	702	764	522	573

Это означает, что таблица 1 отражает результат некоторых действий, являвшихся результатом волеизъявления, основанного на свободном выборе. Это отличает наш источник от метрических книг и иных записей гражданского состояния, от кадастров или даже от протокола проведения праздничной встречи короля горожанами. Мы имеем дело с сугубо произвольной практикой, и все наблюдаемые при этом регулярности носят заведомо стохастический характер. Мало ли кто мог захотеть воспользоваться университетскими привилегиями! Да для этого можно было вспомнить о троюродном племяннике-студенте, можно было и своего родного сына ради такого случая записать в студенты (благо, что особых расходов это за собой не влекло), наконец, можно было договориться с совсем посторонним человеком, лишь бы он был студентом.

Поэтому было множество солидных богатых рантье, крупных земельных собственников, которые передавали студенту вовсе не свою недвижимость, а, например, права в судебном процессе по поводу недоимок по арендной плате за небольшой участок земли или комнату в доме. Зато какой-нибудь бедняк мог передать сыну или племяннику ренту или ферму, которая на самом деле принадлежала вовсе не ему, а его дальнему родственнику, причем, права на часть этого наследства как раз и предстояло отсуживать одариваемому студенту. И такие примеры совсем не единичны.

Итак, перед нами *tabula rasa*, и мы вправе ожидать от нее любых сюрпризов. Во всяком случае, у нас нет *никаких* оснований утверждать, что, категория “дворян” *должна* в нашем корпусе выглядеть богаче и “престижнее” категории “крестьян” или “ремесленников”. Не исключена возможность относительно равномерного распределения тех или иных признаков в нашем корпусе. У нас даже есть контрольная, десятая, группа, заведомо лишенная социальной определенности.

Впрочем, уже таблица 1 отражает характерную игру переменных. Нетрудно заметить, что число актов не соответствует числу дарителей. Одни дарители могли адресовать студенту или студентам по несколько актов, зато другие, напротив, действовали не в одиночку, а объединяясь для составления акта с кем-нибудь еще, как правило, с родственниками. Так, например, дворянин (экюйе, т.е. “однощитный”, нетитулованный дворянин, более знакомый нам по английским памятникам как “эсквайр”) Луи де Призи адресовал своему сыну-студенту целых девять дарений с 1541 по 1543 г. Зато другой экюйе, Николь де Трео, фигурирует в акте вместе с Ришаром Дювалем, сержантом Тальи и Эд парижского элексьона (действующим от имени Габриэлы Жоссе-старшей, своей жены), Гийомом Дювалем, мэтром-портным, и его женой Марией де Сент-Йон, с Юбером Брюне – перевозчиком соли (действующим от имени Мари Жоссе-старшей, своей жены), Гильомом Тассеном, мэтром-вязальщиком, действовавшим от имени Мари Жоссе-младшей. И все

Таблица 2

**Частота составления повторных актов
и частота участия в коллективных дарениях**

Категория дарителей	Дари- тели	Акты	Δ числа актов и численности груп- пы, "вес признака" (%)	Коллек- тивные дарения	"Вес призна- ка" (%)
1. Дворяне	65	86	21 (32,3)	3	4,6
2. Сеньоры	25	27	2 (8)	1	6,2
3. Священники	48	54	6 (12,5)	3	6,2
4. Офисье и судейские	234	281	47 (20)	11	4,7
5. "Буржуа"	252	296	44 (17,5)	11	4,4
6. "Торговцы"	193	208	15 (7,7)	18	9,4
7. Ремесленники	174	167	-7 (-4,1)	24	13,8
8. Крестьяне	110	110	—	14	12,7
9. Низшие слои	47	48	1 (2,1)	15	31,9
10. Не установлена	76	60	-16 (-21)	16	21,1
Итого, в среднем	1224	1337	9,2	116	9,5

вместе они дарят студенту Жану Гиньяру, их племяннику, права на наследство Ги де Трео, экуюе, проживавшего в Шато-д'Оссон, их троюродного брата²¹.

И составление повторных актов, и участие в коллективных дарениях было сугубо произвольной практикой, не имевшей самой по себе никакой социальной окраски. В таких дарениях мог участвовать представитель любой категории, на которые мы по формальным признакам разделили весь корпус дарителей. Но уже из таблицы 1 видно, что одни оказываются к этому более склонны, чем другие. Попробуем свести данные о практиках составления повторных актов и участия в коллективных дарениях в одну таблицу (табл. 2). "Весом признака" мы назовем отношение данного показателя (в таблице 2 это дарители, участвующие в коллективных актах) к общей численности группы. Приведенный в последней строке итоговый средний показатель может быть принят как среднестатистический, средневероятностный индекс.

Мы видим, что данные демонстрируют вполне выраженную социально окрашенную тенденцию: практика составления повторных актов более свойственна категориям, расположенным в верхней части таблицы, а участие в коллективных дарениях концентрируется в нижней ее половине. Определим склонность составлять повторные дарения как "индекс А", а склонность к участию в коллективных дарениях как "индекс В". Индекс А имеет положительное значение

²¹ IRI. 4885

(т.е. значение, превышающее средний показатель) в пяти первых категориях, а индекс В – в пяти последних. Таким образом, средний показатель в обоих случаях делит таблицу пополам, занимая место между пятой и шестой категориями, т.е. между дарителями, названными в актах “буржуа”, и купцами или “торговцами” (*marchands*), так себя не обозначившими.

Создается впечатление, что мы сразу же столкнулись с маркерами социального статуса. Попробуем перепроверить себя.

Некоторые категории априорно структурируются по иерархическому принципу. Понятно, что каноник занимал более высокое положение в церковной и в социальной иерархии, чем, например, пономарь или клирик, не имевший бенефиция и попросту приписанный к одной из церквей. То же мы можем сказать и о чиновниках и судейских. Президент, советник парламента даже по вполне формальному критерию – размеру выплачиваемого жалования – многократно превосходил, например, сержанта Шатле или судебного пристава. Что касается группы парижских буржуа, то общеизвестно, что важнейшую роль в городском самоуправлении играли члены шести привилегированных корпораций, которых мы также можем априорно зачислить в разряд муниципальной “элиты”. Наконец, в шестой категории “купцов” или “торговцев” (*marchands*), не обозначивших себя в актах как “буржуа”, достаточно четко выделены группа провинциалов и группа парижан. Последние при ближайшем рассмотрении оказались не в пример беднее первых (в данном случае отступим от последовательности в воспроизведении *логики исследования* и забежим немного вперед ради *логики изложения*). Таблица 3, таким образом, призвана продемонстрировать, как ведут себя оба индекса, А и В, в иерархически определенных группах.

Итак, индекс А (разница между числом дарителей и числом актов, выражающая склонность составлять повторные дарения) для всех “элитных” групп явно превышает “средний” показатель. Это особенно заметно при сопоставлении с контрольной группой “парижских торговцев”. Напротив, индекс В (участие в коллективных дарениях) в этих “элитных” группах намного ниже среднего показателя, тогда как парижские торговцы и здесь резко отличаются от остальных групп данной таблицы. Таким образом, мы получили отправную точку для построения гипотез. *Индекс А*, тенденция к составлению повторных актов, может считаться показателем “престижности” категории, тогда как повышенная склонность к составлению коллективных дарений может трактоваться как признак “приниженности” (*Индекс В*).

Кажется, что может быть естественнее – богатые и знатные могли чаще составлять дарения своим студентам, чем бедные и убогие, которые чаще всего объединялись для этого с другими родственниками. Но мы же исходили из принципиального *изначального равенства* стартовых возможностей. И в действительности были

Таблица 3

Частота составления повторных актов и участия в коллективных дарениях в иерархически-определенных группах

Группа	Число дарений	Разница между числом дарителей и числом актов (%)	Коллективные дарения ("вес признака", %)
		Индекс А	Индекс В
"Высшее" духовенство	14	21; +	0
"Высшие" парижские офисы	48	24; +	1 (2,1) –
"Высшие" провинциальные офисы	50	20; +	1 (2); –
Буржуа "Шести корпораций"	47	15; +	2 (4,2); –
Провинциальные торговцы	108	11,5; +	6 (5,5); –
Парижские торговцы	85	1,2; –	12 (14,1); +
Средний показатель по всему корпусу дарений		9,2	9,5

дворяне или состоятельные буржуа, участвовавшие в коллективных дарениях (наподобие Николя де Трео), были также простые крестьяне и подмастерья, составлявшие по два дарения своим родственникам-студентам. К тому же сама по себе регистрация дарения в Шатле могла свидетельствовать отнюдь не о благополучии, а о возникающих проблемах, например о судебном процессе по поводу передаваемого имущества и о стремлении дарителей заручиться юридической защитой университетских привилегий. И все же мы сразу же сталкиваемся с действием статистической тенденции, прокладывающей себе дорогу сквозь хаос отдельных случаев. Причем зависимость обоих индексов от социального статуса (вернее, от наших априорных представлений об этом статусе) носит характер, напоминающий линейную зависимость. И уже поэтому выглядит весьма подозрительно, особенно с учетом того, что речь идет лишь о сравнительно небольшом числе актов, поскольку нормальной ситуацией в нашем источнике является ситуация "один человек – одно дарение". Наблюдаемые при помощи индексов А и В регулярности выглядят не слишком убедительно.

Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть наши умозаключения, хорошо было бы сравнить между собой все акты по какому-нибудь общему для всех параметру. Такая универсальная переменная у нас есть. Ведь во всех без исключения актах содержится указание на характер отношений дарителя и студента. Сведем данные о

Таблица 4
Родство дарителей со студентами

Категория дарителей	Число дарителей	Доля от общей численности группы						
		I	II	III	IIIa	IIIb	IV	V
		Отец, мать, отчим, дед	Брат, сестра, кузен, свояк		Дядя (та же "фамилия")	(иная "фамилия")		
1. Дворяне	65	65%	1,6%	16,4%	(4,8%)	(11,6%)	0	17%
2. Сеньоры	25	61%	0	26,6%	(7,7%)	(19%)	0	12%
3. Священники	48	0	18,6%	62,7%	(43,7%)	(19%)	0	18, 6%
4. Офицеры и судейские	234	65,4%	7,7%	21,7%	(4,7%)	(17%)	3,4%	1,6%
5. Буржуа	252	70%	7,5%	21%	(8%)	(13%)	0	1,5%
6. Торговцы	193	52%	14,5%	28,4%	(9,8%)	(18,6%)	2%	3,6%
7. Ремесленники	174	50%	12%	28,1%	(8,6%)	(19,5%)	2,3%	7,4%
8. Крестьяне	110	47,3%	13,6%	28,1%	(2,7%)	(25,4%)	5,5%	5,5%
9. Низшие слои	47	40%	15%	40,5%	(10,5%)	(30%)	0	4%
10. Не установленна	76	42,4%	29%	22%	(5%)	(17%)	2,7%	4%
Итого	1224							
В среднем		55%*	11%*	26%*	7%*	19%	1,59%	7,52%

* Без учета священников.

родственных связях дарителей со студентами (или об отсутствии оных) в таблицу (см. табл. 4).

Дарения **по прямой линии** (столбец I) представляют собой вполне ясный случай. В среднем по всему корпусу доля дарений сыновьям (или пасынкам) и внукам составляла чуть более половины актов. Естественно, что священники-целибатари не могли быть представлены в этой графе. Дарители, объединенные в категории дворян, сеньоров, чиновников и буржуа, составляли подобные дарения немного чаще, прочие немного реже этой средней величины. И опять демаркационная линия проходит между пятой и шестой категориями, отделяя буржуа от торговцев и ремесленников. У нас есть основания заключить, что мы имеем дело с социально значимым критерием.

Таким образом, повышенную (выше среднего) склонность к составлению дарений по прямой линии мы можем назвать “Индексом С” и отнести его к “индексам престижности”. Несмотря на то, что разброс значений в первом столбце таблицы 4 невелик, он достаточно ясно подтверждает наблюдения, сделанные при помощи индексов А и В.

Практика дарений, адресованных “по боковой линии” – братьям, своякам, кузенам (столбец II), демонстрирует ту же тенденцию. Если вновь не считать священников, то очевидно, что число таких дарений несколько повышается в нижних строках таблицы (мы можем назвать это свойство *индексом D*). Это, видимо, связано с практикой составления коллективных дарений, более распространенной для дарителей тех же категорий (Индекс В). Причем “водораздел”, т.е. граница, начиная с которой наблюдается превышение данного индекса над средним уровнем, разделяет все те же категории дарителей – “буржуа”, с одной стороны, и “торговцев” – с другой.

Зато дарения студентам-племянникам лишены такой выраженной социальной окраски (столбцы III, IIIa, IIIb). Доля таких актов в общей численности каждой группы колеблется в интервале от 20 до 30%. Исключение составляют лишь категории, представленные в таблице небольшим числом дарителей и потому более других подверженные случайностям.

Достаточно интересным представляется соотношение между племянниками, носящими одну фамилию с дарителем (дети брата) и носящими иную фамилию (дети сестры или племянники жены, а если даритель – женщина, то племянники мужа). Среднее по всему корпусу соотношение двух “типов” племянников (назовем их условно племянниками по “мужской” и по “женской” линиям) близко к возможным естественным значениям (7% и 19%). Чисто статистически племянников второй группы и должно быть как минимум вдвое больше, чем первой. В этом отношении категория священников по идее должна быть контрольной. Племянников жены у них по определению быть не могло, следовательно, речь могла идти лишь о да-

рениях детям сестер. Следовательно, можно было ожидать, что число племянников обеих групп (столбцы IIIa и IIIb) для священников должно было оказаться примерно равным. Но вопреки ожиданиям, священники одаривают детей братьев более чем в два раза чаще, чем детей сестер. Может ли это служить косвенным указанием на то, что в актах других категорий дарителей племянниками “по женской линии” являлись в первую очередь племянники супруги (супруга), а не сыновья сестры? К сожалению, священников слишком мало в нашем корпусе дарителей, чтобы делать такие выводы, подобная диспропорция вполне может носить случайный характер.

Любопытно, однако, что эта диспропорция между двумя “типами” племянников демонстрирует иерархический характер. У “высшего” духовенства она составляет 9 : 3, у “низшего” же – 12 : 8. Это, конечно, смехотворно малые числовые ряды для каких-либо выводов. Но мы вправе задаться вопросом: не служит ли преобладание племянников “по женской линии” еще одним признаком “приниженности” той или иной группы дарителей?

В большинстве категорий соотношение между двумя “типами” племянников варьирует вокруг “естественного” значения. Но весьма примечательное исключение составляют крестьяне. Всего трое племянников-студентов носят одну фамилию с дарителем, в то время как целых 26 актов адресованы племянникам “по женской линии”. В отличие от священников, категория крестьян достаточно представительна, и тут списать все на простую игру случая нельзя. Перед нами некая закономерность, и ее нельзя истолковать с ходу, без дополнительного знакомства с крестьянскими дарениями.

При анализе данных последнего столбца таблицы 4 мы также можем наблюдать некую тенденцию, трактовка которой вызывает трудности. По каким-то причинам дворяне и сеньоры оказываются более других склонны одаривать студентов, не состоящих с ними в родстве. Если бы не они, то можно было бы усмотреть слабую тенденцию к повышению доли таких дарений в категориях, расположенных в нашей таблице ниже уровня “буржуа”. Это особенно заметно, если сопоставить категории “чиновников” и “буржуа” с “торговцами” и “ремесленниками”, ведь это самые многочисленные группы. Но дарения дворян-сеньоров помешали нам истолковать данный признак как дополнительный “индекс приниженности”. Если и искать некую закономерность в распределении дарений посторонним студентам, то она носит не столько социально-иерархический, сколько территориальный характер: они в большей степени характерны для провинциальных дарителей. Если у парижан доля дарений посторонним студентам составляет лишь 3,7%, то у провинциалов она вдвое больше – 7,3%. И вновь мы ограничимся пока лишь констатацией этого наблюдения, отложив попытки его интерпретации.

В столбце IV представлены и те случаи, когда патроним студента совпадает с патронимом дарителя или его жены, но степень род-

ства не указана, и дарения крестникам, и просто дарения “другу”. В девяти случаях дарителем оказывается племянник, а студентом – дядя. В принципе такая ситуация была возможной для любой семьи. Но состав группы дарителей-племянников весьма примечателен – четверо крестьян, два ремесленника, сельский священник и двое судебных, относящихся в большей степени к “крапивному семени”, нежели к респектабельным чиновникам.

Попытаемся теперь сложить векторы всех тенденций, отраженных в таблице 4. Несмотря на все отклонения и неожиданности, направление результирующей будет, по всей видимости, следующим: чаще других дарения в пользу более отдаленных родственников (*индекс D*) свершают категории, склонные к участию в коллективных дарениях (*индекс B*), а те группы, которые были склонны составлять повторные дарения (*индекс A*), большую часть своих актов адресовали своим сыновьям или внукам (*индекс C*). Таким образом, мы можем пополнить наш список признаков “престижности / приниженности” возрастанием / убыванием доли дарений по прямой линии.

Обратимся теперь к поиску закономерностей в распределении объектов дарения. Казалось бы, наиболее удобны для этого такие критерии сравнения, как наличие в актах указаний о рентах и долговых обязательствах, особенно если издатели упоминают их конкретные суммы. Но фактор случайности здесь чрезвычайно велик. Богатый вовсе не обязан дарить большую по размерам ренту, чем бедный. Можно возразить, что прежде чем дарить ренту студенту, надо было ее иметь самому, и, следовательно, перед нами вполне объективный критерий материального благополучия дарителя. Но, как уже отмечалось, сплошь и рядом студенту передавались спорные права на кредиты или на ренты из наследства троюродной тетушки, тяжба о котором велась уже не одно десятилетие. Кроме того, мы не знаем, с какими именно рентами и расписками мы имеем дело. В одном случае речь шла о конституированной ренте (что являлось формой коммерческого кредита²²), в другом – о ренте с недвижимости (своего рода арендной плате), в третьем – формой государственного долга (ренты на город). Долговое обязательство также могло быть векселем, средством платежа при крупной торговой операции, могло быть и распиской клиента, данной своему лавочнику. Словом, у нас нет изначальных положений, подтверждения которых мы вправе ожидать от таблицы 5, сводящей вместе факты упоминания рент и расписок в актах.

Несмотря на всю случайность отраженных в публикации данных, никаких особых сюрпризов нас здесь не ждет. Доля дарителей, указавших ренты в своих актах, превышает средний уровень (*индекс E*) именно в тех группах, которые, судя по данным предыдущих таб-

---

²² Schnapper B. Les rentes au XVIe siècle. P., 1957.

Таблица 5

Доля владельцев рент и долговых обязательств

Категория дарителей	Число дарителей	Ренты		Долговые обязательства	
		число указаний	"вес признака" (%)	число указаний	"вес признака" (%)
1. Дворяне	65	29	44,6	16	24,6
2. Сеньоры	25	7	28	4	16
3. Священники	48	10	20,8	14	29,2
4. Офисье и судейские	234	71	30,3	43	18,4
5. Буржуа	252	81	32,1	47	18,6
6. Торговцы	193	39	20,2	37	19,2
7. Ремесленники	174	13	7,5	12	6,9
8. Крестьяне	110	17	15,5	8	7,3
9. Низшие слои	47	1	2,1	1	2,1
10. Не установлена	76	12	15,8	9	12
Итого в среднем	1224	280	22,9	191	15,6

лиц, обладают признаками "престижности", т.е. у дворян, сеньоров, чиновников и буржуа. Как и прежде, показатель среднего числа упоминаний вновь дает основание провести разграничительную линию между буржуа и торговцами, между пятой и шестой категориями. Правда, в случае с долговыми расписками ситуация будет несколько иной: в шестой категории торговцев число упоминаний о них несколько выше "средней нормы". Но, как мы уже поняли, шестая категория вполне органично распадается на провинциалов и парижан. Мы можем еще раз перепроверить полученные данные, рассмотрев иерархически-определенные группы, которые мы вправе считать контрольными (см. табл. 6).

В том, что касается рент, эта таблица ставит все на свои места — провинциальные купцы оказываются весьма близки к парижским буржуа, а парижские торговцы "отброшены" далеко за среднюю линию, приближаясь к ремесленникам. Частота упоминания рент в дарственных актах приобретает, таким образом, характер некоей "Табели о рангах", определяющей место группы если не в иерархии престижа, то в имущественной иерархии. Примечательно, что прокуроры Шатле, стряпчие, клерки оказываются "беднее" провинциальных купцов, советники парламента, адвокаты, финансовые служащие уравниваются в этом отношении с дворянами и с верхушкой парижских буржуа.

Что же касается частоты упоминаний о долговых обязательствах, то она не обладает столь жесткой иерархической убедительностью. Лишь в самом общем виде можно сказать, что те, кто чаще

Таблица 6

**Доля владельцев рент и долговых обязательств
в иерархически-определенных группах**

Дарители		Ренты		Долговые обязательства	
Группа	Число дарителей	Число указаний	"Вес признака" (%)	Число указаний	"Вес признака" (%)
"Высшие" офисье	98	41	41,8	13	13,2
"Низшие" офисье	136	39	28,7	32	23,5
Буржуа "шести корпораций"	47	16	34	8	17
Провинциальные торговцы	108	30	27,7	28	26
Парижские торговцы	85	8	9,4	9	10,6
Парижские ремесленники	138	10	7,2	8	5,8
Средний показатель по всему корпусу дарений			22,9		15,6

других упоминают ренты, имеют тенденцию чаще других говорить и о расписках, хотя сразу же в глаза бросятся исключения, например группа "высших" чиновников (табл. 6). Но заслуживает особого внимания соотношение между двумя признаками. В первых пяти категориях (за исключением все тех же священников) дарителей-"рантье" ощутимо (чуть ли не вдвое) больше, чем дарителей-"кредиторов". И вновь между пятой и шестой категориями проходит граница, за которой соотношение меняется – "кредиторов" становится столько же, сколько "рантье".

Впрочем, исключение из этого правила составляют крестьяне. Если мы вернемся к таблице 5, то увидим, что число крестьян, упоминавших о рентах, вдвое больше числа тех, кто упоминал о расписках. Похоже, что перед нами новая закономерность – применительно к городским слоям равное соотношение упоминаний о рентах и о кредитах, и тем более превышение числа вторых над числом первых, может служить косвенным указанием на некую "приниженность" социальной группы. Это еще одно явление, требующее дополнительного осмысления.

Наши наблюдения основывались пока лишь на частоте упоминаний о рентах и долговых обязательствах, точнее, на "весе" этого признака в каждой из групп дарителей. Но у нас есть помимо этого и иной показатель – конкретные суммы рент и расписок, указанные издателями для некоторых из актов. Правда, в данном случае мы

оказываемся всецело во власти издательского произвола. В оригиналах нотариальных актов всегда уточнялся размер упомянутого долгового или рентного обязательства и непременно оговаривался порядок их погашения. Издатели же отмечали конкретные суммы крайне редко, руководствуясь какими-то своими соображениями, так и оставшимися мне непонятными. К тому же вовсе не следует, что у нас есть уточнения размеров 166 рент из числа тех 280 случаев упоминаний о рентах, что проанализированы в таблице 5. Нередко один даритель перечислял несколько обязательств, уточняя размеры каждого из них, и эти данные воспроизведены издателями; о другом дарителе говорится лишь то, что в его акте упомянуты некие расписки или ренты. Таким образом, соотношение между числом упоминаний и размерами рент и расписок столь же произвольно и случайно, как и сами эти величины.

Перейдем же к анализу рент и долговых обязательств, выраженных в конкретных суммах, данные о которых представлены в таблицах 7–10.

Эти таблицы содержат ряд допущений. В них отброшено различие между турецкими и парижскими ливрами. При суммарных подсчетах это не существенно: в парижских ливрах измерялись лишь некоторые из самых мелких рент, не превышающие 1 ливра. Вторым допущением является соотношение экю и ливра. Достаточно часто размеры рент и долговых обязательств измерялись в экю, чаще всего “*ecu d’or soleil*”. Курс золотого экю к счетной единице — ливру на протяжении рассматриваемого двадцатилетия был подвержен изменениям. Но огрубленно я переводил экю в ливры по курсу 2,5 ливра за 1 экю.

Опыт показал нам, насколько значимы могут быть различия между группами в рамках одной категории. Попытаемся вновь отразить их с использованием данных об иерархически-определенных группах.

Обратим внимание, насколько чаще размеры рент отмечаются парижанами, чем провинциалами. Если бы мы изначально отбросили все данные о числе упоминаний рент и ограничились бы лишь теми, размер которых точно указан в нашей публикации, у нас создалось бы впечатление, что, например, мелкие парижские судейские обеспечены рентами лучше, чем их респектабельные провинциальные коллеги, или что провинциальные купцы не отличаются от купцов парижских, но это опровергается данными таблицы 6. Думается, что одна из причин такой аберрации заключается в характере издания источника. Напомню, что издание предпринималось в рамках амбициозного проекта публикации источников по истории Парижа. И в первую очередь Э. Кампардон и А. Тюетей интересовались именно краеведческой информацией. Указания о рентах с недвижимости предполагали описание этой самой недвижимости. Если она находилась на территории Парижа и его ближайшей округи, то

Таблица 7
Распределение указаний на ренты, выраженные в конкретных суммах (в ливрах)

Категория дарителей	До 1	1-5	5-10	10-50	50-100	Свыше 100	Всего указаний	Сумма рент в ливрах	% от всей суммы
1. Дворяне	2	7	2	2	1	2	16	721	19,5
2. Сеньоры	0	1	1	1	0	0	3	43,5	1,2
3. Священники	1	2	0	2	0	0	5	34,5	0,9
4. Офисье и судейские	7	16	7	11	3	2	46	1562	42,2
5. Буржуа	9	20	10	10	3	2	54	928	25,1
6. Торговцы	2	7	4	2	0	0	15	70	1,9
7. Ремесленники	3	2	1	4	0	0	10	130	3,5
8. Крестьяне	2	3	1	3	1	0	10	156	4,2
9. Низшие слои	0	1	0	0	0	0	1	1,5	0,1
10. Не установлена	0	2	3	1	0	0	6	50	1,4
Итого	26	61	29	36	8	6	166	3696,5	100

Таблица 8

**Распределение указаний на ренты, выраженные в конкретных суммах
в иерархически-определенных группах (в ливрах)**

Группа	Число да- вателей	До 1	1-5	5-19	10-50	50-100	Свыше 100	Всего ука- заний
"Высшие" офисы (париж- ские)	48	2	2	3	7	3	2	19
"Низшие" офисы (парижские)	111	5	9	4	2	0	0	20
"Высшие" офисы (провин- циальные)	50	0	3	0	2	0	0	5
"Низшие" офисы (провин- циальные)	25	0	2	0	0	0	0	2
Буржуа "шести корпораций"	47	2	6	2	1	0	1	12
Парижские торговцы	85	1	4	1	1	0	0	7
Провинциальные торговцы	108	1	3	3	1	0	0	8

издатели старались дать более подробное описание. Аналогичные свидетельства о рентах с провинциальной недвижимости зачастую либо вообще опускались в публикации, либо отражались в самой краткой форме.

Обладая данными для перекрестного анализа, мы можем в данном случае “уличить таблицу во лжи”, но сколько таких флуктуаций нам приходится брать на веру!

Вернемся к таблице 7. Большая доля от всей суммы рент оказывается в руках парижских чиновников и адвокатов. На втором месте (но со значительным отрывом) парижские буржуа, дворяне отстают от них на шесть процентов, но ведь дворянских рент в таблице всего 16, тогда как “буржуазных” – 54. В целом, на долю этих трех категорий приходится 86% от общей суммы рент, всем прочим категориям дарителей достаются лишь крохи.

Итак, подтверждается тезис о том, что упоминание о рентах – сугубо элитарный показатель, относящийся к “индексам престижности”, причем цифровые показатели лишь усиливают наше представление о “монопольном” владении рентами теми, кого мы традиционно привыкли относить к социальной элите.

Распределение суммы долговых обязательств иное (см. табл. 9).

Внутри “элитной тройки” произошла перегруппировка. Дворяне по “валовому” показателю суммы всех своих долговых обязательств неожиданно занимают первое место (“неожиданно” – потому что по аналогичному показателю для рент их положение было более скромным). За ними следуют буржуа, затем, на значительном удалении – офисье и судейские, которые, как мы помним из таблицы 7, значительно превосходили все остальные категории по сумме своих рент. Любопытно перепроверить эти наблюдения на примере иерархически-определенных групп (см. табл. 10).

Эта таблица дает любопытные уточнения. Как мы помним из таблицы 6, низшие “парижские” офисье и судейские – стряпчие, прокуроры Шатле, приставы, сержанты – часто упоминают в своих дарениях о различного рода долговых обязательствах и по этому показателю могли бы быть зачислены в разряд самых активных “кредиторов”. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что они передают студентам расписки на весьма скромные суммы. То же можно сказать и о торговцах, как парижских, так и провинциальных. Последние достаточно часто упоминали о долговых обязательствах, но насколько можно судить по публикации, речь шла о не-больших суммах.

В тех группах и категориях, где число указаний на точные суммы рент и расписок не превышало десятка, возможны любые неожиданности. Крестьяне и ремесленники указывают ренты на большие суммы, чем священники, и обладают расписками на более крупные суммы, чем сеньоры. Поэтому выработать очередной “индекс престижности” или “приниженности” нам не удастся. Но было бы

Таблица 9
Долговые обязательства, выраженные в конкретных суммах (в ливрах)

Категория дарителей	До 2,5	2,5–10	10–50	50–100	100–500	Свыше 500	Всего указаний	Общая сумма (£)	% от общей суммы
1. Дворяне	0	0	3	3	2	6	14	9568	32,6
2. Сеньоры	1	0	1	2	1	0	5	388	1,3
3. Священники	2	1	2	0	4	2	11	2642	9,1
4. Офицье и судейские	4	4	18	6	9	2	43	5125	17,5
5. Буржуа	1	4	20	7	19	4	55	8188	28
6. Торговцы	1	5	4	4	3	0	17	1088	3,7
7. Ремесленники	0	0	4	1	1	0	6	576	2
8. Крестьяне	1	1	3	0	1	1	7	1155	4
9. Низшие слои	0	0	0	1	0	0	1	43	0,1
10. Не установлена	0	3	3	0	2	0	8	504	1,7
Итого	10	18	58	24	42	15	167	29 277	100

Таблица 10

**Распределение указаний на долговые обязательства,
выраженные в конкретных суммах, в иерархически-определенных группах (в ливрах)**

Группа	Число да- вателей	До 2,5	2,5-10	10-50	50-100	100-500	Свыше 500	Всего указаний
"Высшие" офисы (парижские)	48	0	0	2	2	1	0	5
"Низшие" офисы (парижские)	111	0	2	11	2	2	0	17
"Высшие" офисы (провинциальные)	50	4	1	2	1	5	2	16
"Низшие" офисы (провинциальные)	25	0	1	3	1	1	0	0
Буржуа "шести корпораций"	48	0	0	2	1	7	1	11
Парижские торговцы	85	0	0	2	1	1	0	4
Провинциальные торговцы	108	1	5	2	3	2	0	13

странно, если бы железные закономерности социальной иерархии сказывались и в таких незначительных числовых рядах. Они и так уже достаточно часто проявлялись у нас из россыпи случайных цифр.

Ясно, что сравнивать стоит лишь относительно многочисленные группы и что для этого важно выявить средние размеры рент и расписок. Но не менее очевидно, что средние величины – вещь весьма случайная, даже если речь идет о довольно представительных группах. Достаточно встретиться одному–двум крупным дарениям при целой серии мелких рент и расписок, и сразу же средние показатели будут давать завышенную картину. Так, например, как следует из таблиц 7 и 9, для всего корпуса дарителей средними величинами будет рента в 22,26 ливра ($3696,5 \text{ £} : 166 = 22,26 \text{ £}$) и долговое обязательство на сумму в 175,3 ливра ($29277 \text{ £} : 167 = 175,3 \text{ £}$). Но из тех же таблиц видно, что наиболее **типичными** являются ренты, лежащие в пределах от 1 до 5 ливров и долговое обязательство на сумму до 50 ливров – для этого достаточно бросить взгляд на нижнюю строку. Для того, чтобы снизить элемент случайности, неизбежный при среднеарифметических показателях, можно использовать показатель **медианы распределения**. Насколько это доступно пониманию историка, абсолютно неискушенного в количественных методах исследования, к числу которых я, увы, принадлежу, медианой распределения является точка, лежащая в центре всего ряда числовых значений²³. В нашем случае – в центре рядов числовых значений рент или долговых обязательств как всего корпуса, так и какой-нибудь определенной категории группы дарителей. Медиана призвана сглаживать контрасты в распределении средних числовых значений и дает более “реалистичную” картину, приводя, порой, к неожиданным результатам.

Определяя я ее очень просто: для этого выстраивался ряд числовых значений того или иного интересующего меня показателя (например, размеров рент) последовательно для каждой из категорий или групп дарителей, затем находилось числовое значение, расположенное в центре указанного ряда. Данная процедура может небезосновательно показаться “варварской” знатокам количественных методов, но в наглядности ей не откажешь (см. табл. 11).

Дворяне обладали значительной долей всех рент (таблица 7), и средняя величина рент, упоминаемых дворянами, превышает аналогичный показатель всех прочих групп. Но обратим внимание на то, что медиана распределения в этой категории уступает по своему значению аналогичному показателю рент чиновников (особенно “высших”) и буржуа. Это может указывать на внутреннюю гетерогенность группы дворян. Кто-то из них упомянул две–три очень

---

²³ Корн Г., Корн Т. Справочник по математике для научных работников и инженеров. М., 1977. С. 545.

Таблица 11

**Средняя величина и медиана распределения значений рент
и долговых обязательств**

Категория дарителей	Ренты		Долговые обязательства	
	средняя величина	медиана	средняя величина	медиана
Дворяне	45 ливров	4 ливра	683 ливра	120 ливров
Священники*	—	—	240 ливров	130 ливров
Офисы и судейские	34 ливра	6 ливров	119 ливров	30 ливров
"Высшие" парижские	(44,5 ливра)	(13 ливров)	—	—
"Низшие" парижские	(5,5 ливра)	(2,5 ливра)	(115 ливров)	(27 ливров)
"Буржуа"	17,5 ливра	5 ливров	182 ливра	120 ливров
"Шесть корпораций"	(10,8 ливра)	(2 ливра)	(242 ливра)	(150 ливров)
Торговцы	4,6 ливра	3 ливра	64 ливра	18 ливров
В среднем по корпусу	22,26 ливра	4 ливра	175,3 ливра	52 ливра

* Здесь и далее прочерк означает не отсутствие данных, но их недостаточность для выделения средних величин и медиан.

крупные ренты, но большинство составляли обладатели мелких или даже мельчайших рент. Таким образом, “благополучная” средняя величина скрывает контрасты.

Зато по размерам упоминаемых долговых обязательств дворяне являются бесспорными лидерами – необычайно высокая средняя сумма подкреплена в данной категории солидным показателем медианы распределения.

Священники, обладавшие рентами скромных размеров, неожиданно оказываются довольно солидными кредиторами. Впрочем, эта группа слишком мала, и потому в большей степени подвержена произволу случайностей. А вот офисье и судебские уступают по размерам своих расписок не только дворянам, но и буржуа. В этом наши прежние наблюдения подтверждаются – кредиторами в этой категории по большей части оказываются мелкие офисье и судебские, упоминавшие долговые обязательства на незначительные суммы. Ренты, которые упоминали дарители этой группы, были также весьма скромны, тогда как “высшие” офисье и адвокаты упоминали почти о столь же крупных рентах, что и дворяне. Но показатель медианы распределения свидетельствует о том, что в отличие от дворян, группа “высших” чиновников была относительно однородной – наиболее типичной для них была рента в 13 ливров, что в три раза выше, чем аналогичный показатель для всего корпуса.

Таблица 11 вносит существенные коррективы в наши представления и о “буржуа”. Еще при составлении таблицы 3 мы исходили из предположения о том, что “буржуа шести корпораций” являются своего рода элитой внутри категории “парижских буржуа”. До поры до времени эта гипотеза “работала”. Однако теперь очевидно, что, если исходить из соотношения средних величин и медиан распределения, то “буржуа шести корпораций” могут считаться “лидерами” среди прочих буржуа лишь по такому показателю, как размеры упоминаемых долговых обязательств. Но они отнюдь не были самыми состоятельными “рантье” в своей категории дарителей. Среди парижских буржуа были некие отдельные лица или целые группы лиц, упоминавшие о довольно крупных рентах (что дает высокий средний показатель для всей категории, превосходящий уровень “буржуа шести корпораций”) и причем делавшие это довольно часто (о чем свидетельствует сравнительно высокий показатель медианы распределения рент парижских буржуа).

Не прибегая к качественному анализу актов, невозможно понять, кем были эти состоятельные рантье из числа парижских буржуа. Мы пока лишь диагностируем наличие в рамках данной категории некоторой группы, способной оспорить лидерство “буржуа шести корпораций” в сфере обладания рентами.

В целом же “буржуа” предстают более однородной категорией, чем офисье и судебские. Если судить по последним таблицам, и особенно по таблице 11, то разница между этими двумя фракциями го-

родской элиты видится в том, что богатство чиновников в большей степени было вложено в ренты, в то время как капиталы дарителей-буржуа чаще упоминаются в актах в форме кредитов, долговых обязательств. Если предположить, что за регулярностями наших таблиц и скрывается какая-то реальность, то эта тенденция вполне может указывать на различие в положении этих групп. В одном случае деньги в первую очередь вкладывались в недвижимость²⁴. В другом — находились в обращении.

В случае с провинциальными торговцами мы впервые сталкиваемся с серьезными расхождениями между собой данных разных таблиц. До сих пор они все, в том числе и частота упоминаний рент и долговых расписок, указывали на типологическую близость парижских буржуа и провинциальных торговцев (в отличие от торговцев парижских). Но выясняется, что провинциалы крайне редко уточняют конкретные суммы. Те же, кто делает это, указывают на весьма мелкие суммы. Это один из немногих показателей, подчеркивающий известную близость парижских и провинциальных торговцев. Но выше уже высказывалось предположение о том, что причина кроется в особых установках издателей источника.

Завершая анализ упоминаний о рентах и долговых обязательствах, можно добавить к *индексу E* (повышенная частота упоминаний о рентах), *индекс F* (склонность к обладанию рентами, превышающими по своим размерам средние и “медианные” показатели по всему корпусу). Но как в случае с частотой упоминания о долговых расписках, так и со сведениями об их точных размерах, мы не обладаем устойчивыми показателями, достаточными для того, чтобы говорить об очередном индексе.

Порой в публикации без всякой конкретизации говорится лишь о передаче прав на наследство какого-нибудь умершего родственника (назовем эту практику “дарениями неразделенных прав на наследство”). Как следует из таблицы 12, такую практику вполне можно назвать массовой. Одного взгляда на левую половину таблицы достаточно, чтобы увидеть тесную связь этого признака со статусом группы и с уже выделенными нами индексами, например, с *индексами A и B*, т.е. со склонностью составлять повторные акты и с участием в коллективных дарениях. В последнем случае связь будет положительной, а в первом отрицательной. Таким образом, перед нами еще один индекс приниженности, обозначим его как “*индекс G*”.

---

²⁴ Внеисточниковое знание подсказывает, что деньги вкладывались также в покупку должностей для себя или для своих детей. Косвенное подтверждение этому мы можем найти и в наших источниках. Кроме того, офисье и судейские — единственная категория дарителей, упоминавшая в своих актах о муниципальных рентах: своего рода облигациях королевского займа. Формально он был открыт для всех желающих, но, по-видимому, в первую очередь распространялся среди королевского “служилого люда”.

Таблица 12

**Дарения "неразделенных прав на наследство"
и прав на ведение судебных процессов**

Категория дарителей	Неразделенные права на наследство			Права на ведение процессов		
	число упоми- наний	"вес признака" (%)	доля от об- щего числа (%)	число упоми- наний	"вес признака" (%)	доля от об- щего числа (%)
1. Дворяне	1	1,5	0,5	8	12,3	17,8
2. Сенаторы	2	8	0,9	3	12	6,7
3. Священники	5	10,4	2,3	1	2,1	2,2
4. Офицье и судебские	14	6	6,5	12	5	26,7
5. Буржуа	35	13,9	16,3	3	1,2	6,6
6. Торговцы	42	22	19,4	8	4,1	17,8
<i>парижане</i>	25	29,4		3	3,5	
<i>провинциалы</i>	17	15,7		5	4,6	
7. Ремесленники	66	38	30,5	5	2,9	11,1
8. Крестьяне	23	21	10,6	3	2,7	6,7
9. Низшие слои	14	29,7	6,5	1	2,1	2,2
10. Не установлена	14	18,4	6,5	1	1,3	2,2
Итого,	216		100	45		100
в среднем		17,6			3,7	

В таблицу 12 включена и иная переменная – дарения прав на ведение судебных процессов. В данном случае никакой выраженной тенденции проследить невозможно. Во-первых, налицо действие издательского произвола. Ведь, как показало знакомство с оригиналами актов, значительно чаще, если не в большинстве случаев, речь так или иначе шла о судебных процессах. Во-вторых, мы имеем дело со слишком малым числовым рядом.

Есть, однако, переменные, чья социальная обусловленность не вызывает никаких сомнений, несмотря на незначительное число упоминаний. Это дарения собственности, имеющей “феодалную” природу – фьефы, “земли в благородном держании”, сеньории, право взимать сеньориальные поборы (например, *lods et ventes*). Причем в эту таблицу не включены те случаи, когда даритель обозначает себя дворянином или сеньором, но сеньориальных объектов не упоминает. Данные левой части таблицы 13 создают впечатление, что “феодализм” вопреки мнению С. Рейнольдс²⁵, не был чистым конструктом юристов, выдумкой предреволюционных публицистов или миражом историков-марксистов, но продолжал существовать вполне осязаемо. Если не во Франции XVI в., то, во всяком случае, в нашей модели. Феодалные права передают те, кому и положено их иметь: феодалы, т.е. в первую очередь дворяне и сеньоры. Во всяком случае, этот “вес признака” в их категориях выше, чем в прочих. Но в абсолютных цифрах больше всего такого рода упоминаний в дарениях “крупных” чиновников, как парижских, так и провинциальных. Это весьма важно, коль скоро по установившейся историографической традиции принято рассматривать французское общество “Старого порядка” в “дворянском” ракурсе, с точки зрения стратегии аноблирования, в которой обладание сеньориями было важнейшей компонентой.

Таблица опять подтверждает разрыв между парижскими и провинциальными торговцами, но на сей раз демонстрирует и новое явление. Все предыдущие показатели указывали на относительную близость категорий “чиновников” и “буржуа”. Здесь же “буржуа” существенно уступают всем чиновникам, а не только “высшим”. В какой-то мере эта закономерность совпадает с ситуацией, которую мы только что наблюдали при соотношении рент и долговых обязательств.

Дарения **мельниц** распределяются примерно так же как и указания на сеньориальные объекты дарения. Зато указания на **лес, метерии и фермы** распределены более равномерно между представителями пяти первых категорий, к которым можно прибавить и провин-

---

²⁵ Reynolds S. *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. Oxford, 1994; См. также: Ourliac P. *La feodalite et son histoire* // *Revue historique du droit français et etranger*. 1995. Vol. 73. P. 1–24; Magnou-Notier E. *Feodalité en crise? Propos sur “Fiefs and Vassals” de Susan Reynolds* // *Revue historique*. 1996. № 600. P. 253–248.

Таблица 13
Сеньории, фермы, мельницы и лес

Категория дарителей	Сеньории, фьефы, сеньориальные права и др.			Фермы и мельницы	Лес
	число указаний	"вес признака" (%)	доля от общего числа (%)		
1. Дворяне	16	24,6	21,6	2	2
2. Сеньоры	4	16	5,4	0	1
3. Священники	5	10	6,7	1	0
4. Офисье и судебские	37	15,8	50	5	5
"высшие"	31	31,6		5	4
"низшие"	6	4		0	1
5. Буржуа	6	2,4	8,1	4	2
6. Торговцы	3	1,6	4	3	1
провинциальные	3	2,7		3	1
парижские	0	0		0	0
7. Ремесленники	0	0	0	0	0
8. Крестьяне	1	0,9	1,4	1	1
9. Низшие слои	0	0	0	0	0
10. Не установлена	2	2,6	2,7	1	1
Итого в среднем	74	6	100	17	13

циальных торговцев. Впрочем, все эти указания слишком редки, чтобы выводить на их основе специальный индекс. Но вот первая графа такую возможность предоставляет – склонность к упоминанию в актах различного рода сеньориальных объектов мы обозначим как индекс *Н*.

Распределение прочих объектов недвижимости лишено столь выраженной социальной определенности (см. табл. 14).

Указания на передачу участков, обозначенных в публикации просто как “**земли**” (*terres*), можно назвать социально-нейтральной переменной. Распределение этих данных примерно соответствует доле той или иной категории в общем корпусе дарений. Дарения **виноградников** также распределены относительно равномерно между всеми категориями. Только в категории чиновников за счет “низших”, главным образом парижских, групп число упоминаний о виноградниках заметно превышает долю этой категории в общем корпусе дарений: если доля чиновников составляет 19% от всех дарителей, то среди лиц, упомянувших виноградники, офисье и судейские составляют уже 28%.

Такой же социально-нейтральной можно назвать практику указаний на передачу **лугов** (*prés*). Но есть немаловажное обстоятельство, которое трудно отразить в данной таблице: из 39 подаренных лугов 26 принадлежат провинциалам. В то же время, как мы помним из таблицы 1, общая доля провинциалов составляла лишь 42,6% от всех дарителей. Таким образом, дарение лугов мы могли бы с некоторой долей вероятности считать признаком “провинциализма”. А вот дарения “**огородов**” (или садов – *jardins*) носят достаточно выраженный “плебейский” характер, их нет в актах дворян, сеньоров и высших чиновников. Мы можем назвать упоминания об огородах *индексом I* и считать его если не автоматически признаком “приниженности”, то свойством неблагородных (ротюрных) слоев городского населения.

В 25 случаях упоминалось различного рода движимое имущество, данные о котором представлены в таблице 15.

При том, что таких дарений очень мало, они указывают на вполне явную тенденцию или даже на две тенденции. Прежде всего, такая практика свойственна по большей части группам, расположенным в нижней части таблицы. И в этом отношении мы вполне можем вводить еще один признак приниженности – *индекс К*. Вторая тенденция указывает на провинциальный характер практики подобных дарений. К тому же если “буржуа” и “низшие” офисье и судейские и упоминают изредка о движимом имуществе, то лишь совместно с иными объектами дарений и используют при этом абстрактную формулу – *mobilier* – “движимость” (если, конечно, мы не имеем дела с очередным произволом издателей). Провинциальные торговцы выглядят в своих актах более обстоятельными, описывая объекты дарения: зерно, скот, часть урожая. Крестьяне, наряду с

Таблица 14

Дарения "земель", лугов, виноградников, огородов

Категория дарителей	Доля от общего числа дарителей (%)	Земли		Виноградники		Луга		Огороды	
		число указанных	доля от общего числа (%)	число указанных	доля от общего числа (%)	число указанных	доля от общего числа (%)	число указанных	доля от общего числа (%)
1. Дворяне	5,2	16	9,8	4	4,5	3	7,7	0	0
2. Сенаторы	2,1	1	0,6	1	1,1	0	0	0	0
3. Священники	4	13	8	0	0	0	0	2	4,8
4. Чиновники	19	35	21,5	28	31,5	6	15,4	5	12
"высшие"		9		9		2		0	
"низшие"		26		19		4		5	
5. Буржуа	20,5	25	15,3	19	21,3	13	33,3	12	28,5
6. Торговцы	15,8	26	15,9	11	12,3	6	15,4	6	14,3
парижане		8		2		0		1	
провинциалы		18		9		6		5	
7. Ремесленники	14,2	17	10,4	12	13,4	5	12,8	10	23,7
8. Крестьяне	9	21	13	11	12,3	1	2,6	3	7,1
9. Низшие	3,9	4	2,5	2	2,4	3	7,7	2	4,8
10. Не установленная	6,2	5	3	1	1,2	2	5,1	2	4,8
Итого	100 (1224)	163	100	89	100	39	100	42	100

Таблица 15
Дарения движимого имущества

Категория дарителей	Доля от общего числа дарителей (%)	Движимое имущество	
		число указаний	доля от общего числа (%)
1. Дворяне	5,2	0	0
2. Сеньоры	2,1	0	0
3. Священники	4	1	4
4. Офисье и судейские	19	4	16
"высшие"		0	
"низшие"		4	
5. Буржуа	20,5	2	8
6. Торговцы	15,8	7	28
<i>парижане</i>		1	
<i>провинциалы</i>		6	
7. Ремесленники	14,2	2	8
8. Крестьяне	9	7	28
9. Низшие	3,9	2	8
10. Не установлена	6,2	0	0
Итого	100 (1224)	25	100

продуктами земледелия, говорят об утвари, причем только они упоминают среди объектов дарения белье и посуду. Возможно, для крестьянского быта они представляли ценность гораздо большую, чем для горожан.

Подведем итоги.

Несмотря на то, что мы имеем дело со стохастическими процессами, распределение признаков между категориями дарителей не является равномерным. Наблюдаемые неравномерности, как правило, весьма тенденциозны.

Тенденциозное распределение свойств позволяет выделить ряд индексов, помогающих расположить категории дарителей (выделенные, как мы помним, почти исключительно по формальным признакам) на импровизированной шкале социальной иерархии (см. табл. 16). Перечислим добытые индексы:

Индекс А – склонность составлять повторные дарения (под склонностью здесь и далее имеется в виду упоминание данного признака с частотой выше среднего показателя).

Индекс В – склонность к участию в коллективных дарениях.

Индекс С – склонность адресовать дарения по прямой линии.

Таблица 16

Индексы

Категория дарителей	Число дарителей	ИНДЕКСЫ
1. Дворяне	65	ACEFH
2. Сеньоры	25	CEFH
3. Священники	48	AFH
4. Офисы и судейские	234	ACEFH
"высшие"		ACEFH
"низшие"		ACFIK
5. Буржуа	252	ACEKI
6. Торговцы	193	BDGKI
провинциальные		AEK
парижские		BDG
7. Ремесленники	174	BDGKI
8. Крестьяне	110	BDGK
9. Низшие слои	47	BDGK
10. Не установлена	76	BDG
Итого	1224	

Индекс D – склонность адресовать дарения по “боковой” линии.

Индекс E – склонность упоминать о рентах.

Индекс F – склонность к обладанию рентами, превышающими по своим размерам средние и “медианные” показатели по всему корпусу.

Индекс G – склонность к дарению прав на наследство без более детальной спецификации.

Индекс H – склонность к упоминанию в актах различного рода сеньориальных объектов.

Индекс I – склонность упоминать об огородах.

Индекс K – склонность упоминать о движимом имуществе.

Трудно не увидеть определенной логики в распределении индексов. Обладание рентами, как правило, сочетается с преобладанием дарений по прямой линии, с составлением повторных актов, с указанием на “сеньориальные” объекты дарения и т.д. У нас есть все основания полагать, что индексы ACEFH свидетельствуют в пользу *престижности* группы, а индексы BDGKI, напротив, о ее *приниженности*.

Есть, конечно, и “социально-нейтральные” признаки, например, дарения “земель”, есть признаки, не поддающиеся линейному истолкованию, например, соотношение между племянниками “по женской” и по “мужской линиям”, соотношение упоминаний о рентах с упоминаниями о долговых обязательствах, дарения посторонним студентам, дарения прав на ведение судебной тяжбы.

И все же полученных индексов уже вполне достаточно, чтобы предположить за категориями, сконструированными по чисто формальному признаку, наличие социального содержания.

Конечно, вывод о том, что под “дворянами” в актах понимались в первую очередь дворяне, которые были несколько богаче других и чаще других упоминали среди объектов дарения сеньории, может показаться, мягко говоря, излишне тривиальным. Но это если забыть о нашей изначальной посылке. Ведь мы реконструируем общество с “чистого листа” и делаем в этом направлении лишь первый шаг. Мы пока ничего конкретно не можем сказать о том, кто такие эти “дворяне” (т.е. “экюйе”, “шевалье”, “бароны”), что подвигнуло их составлять нотариальные дарения студентам и регистрировать их в Шатле. Термин “bourgeois de Paris” мог относиться как к шевалье, чье дворянство уходило в глубь веков, так и к торговцу, продающему вафельные трубочки с лотка. Все представления о социальной иерархии вполне могли бы оказаться конструктами, игрой ума кабинетных ученых. Но, как мы убедились, на статистическом уровне уже при первом приближении, при анализе “валовых” показателей, проявлялись именно те тенденции, к которым мы были заранее готовы. Дворяне оказывались в целом богаче и выглядели более респектабельно, чем буржуа, адвокаты – “респектабельнее” стряпчих, буржуа – явно состоятельнее крестьян.

Таким образом, **случайная по своей природе выборка (во всяком случае – случайная по отношению к проблеме социальной иерархии) демонстрирует определенную иерархическую структурированность социального пространства.** На общем фоне современной историографии эта банальность звучит достаточно свежо. Поскольку в гуманитарном знании уже прочно утвердился медийный принцип: “если собака кусает полицейского – это не новость, новость – это, когда полицейский кусает собаку”, то чрезвычайно важно, что в нашем случае укушенным оказывается именно полицейский: социальная иерархия скорее существует, чем отсутствует, и некогда банальный вывод звучит теперь скорее новостью, чем трюизмом.

И все-таки “валовые показатели” свидетельствуют иногда и не в пользу формального выделения категорий. Так, ясно, что категория “торговцев” распадается на парижскую и провинциальную группы, и сходства между ними меньше, чем различий. Из таблицы 16, видно, что у них нет ни одного общего индекса. Как отмечалось, ряд признаков не поддается линейному истолкованию, хотя некоторая закономерность в их распределении угадывается. Определенные флуктуации зависят, например, от места жительства дарителя. Все это побуждает нас предпринять следующий шаг в реконструкции французского общества: перейти к качественному анализу дарений, чтобы посмотреть реальное наполнение сконструированных нами категорий. Для этого придется прибегнуть к ручной переборке актов.

КАТЕГОРИИ ДАРИТЕЛЕЙ

КАТЕГОРИИ 1 И 2: ДВОРЯНЕ И СЕНЬОРЫ

Кто входил в категорию “дворян”? – Социальные связи. – Дворяне как рантье и кредиторы. – Побудительные мотивы дарений. – Обладала ли спецификой вторая категория? – Социальное лидерство и симптомы возможного неблагополучия

65 дарителей указали в актах на свое дворянское достоинство, еще 25 назвались сеньорами. Большинство из дворян обладали низким дворянским званием – “экюйе”. 14 человек относятся к более высоким слоям дворянства: 5 шевалье, 4 барона, 4 шевалье-барона, графиня. Еще две дарительницы именуются “дамами”, что позволяет говорить об их принадлежности к дворянству. Кстати, женщины в этой группе проявляют несколько большую, чем в других группах, активность. Они не только фигурируют в актах совместно с мужьями или в качестве вдов, но в трех случаях действуют и самостоятельно. Об одной из них – Мари Гримон – известно, что она “разъехавшая жена”, *femme separ  * (т.е. ее имущество юридически отделено от власти мужа, и она действует по своей воле).

Как мы уже знаем, целый набор признаков указывает на благоприятное положение дворян. Прежде всего, склонность составлять повторные дарения (*индекс А*). Но выяснилось, что на статистический подход повлиял казус Луи де Призи, экюйе, адресовавшего девять дарений своему сыну-студенту. Начиная с 30 марта 1540 г., он в течение трех лет перевел на его имя земли, права на взимание оброков зерном и каплунами, сеньориальные права, цензы, ренты, долговые расписки, права на взыскание недоимок со своих сборщиков.

Вторым важным признаком является преобладание дарений по прямой линии – сыновьям и внукам (*индекс С*) и почти полное игнорирование практики составления коллективных актов (*индекс В отрицательный*). Исключение представляет уже упоминавшееся нами дарение на имя студента Жака Гийара, где среди других дарителей упомянут и экюйе Николя де Трео²⁶. Но в силу таких значений индексов С и В мы имеем очень мало сведений о родственниках дарителей этих категорий. Среди них указаны сеньоры, экюйе, бароны и даже рыцарь ордена святого Михаила²⁷, а также ординарный мэтр счетной палаты, советник Парламента, элю (финансовый чиновник элексьена – окружного ведомства по сбору прямых налогов) и адвокат Шатле²⁸. Если судить по родственным связям, явных парвеню

---

²⁶ IRI. 4885.

²⁷ IRI. 280, 469, 515, 3218, 3099, 4232.

²⁸ IRI. 1705, 720, 1906, 3260.

среди наших дарителей-дворян (не считая экстравагантного акта с участием Николя де Трео) нет.

Как мы поняли, дворяне чаще других выступают в актах в качестве владельцев рент (*Индекс E*), они упоминаются почти в половине актов. Ренты эти часто носят натуральный характер, выплачиваются зерном, курами, каплунами, и только в 16 случаях есть сведения об их денежном выражении. Амплитуда разброса значений этих рент очень велика: от 8 су до 500 ливров (см. табл. 11). Самая крупная рента упомянута в акте Жаклин Польмар, жены шевалье Луи Баратона, сеньора де Риварен, подарившей своему племяннику 500 ливров ренты, которую должен был платить Николя д'Анжу, граф Сен-Фарж²⁹. Самая мелкая, составляющая всего 8 парижских су, была подарена экюйе Жаном де Тюмери, сеньором де Менилдон, своему внуку³⁰. Солидные ренты приносили дворянам парижские дома – от 18 до 50 ливров.

Реже, чем о рентах, дворяне упоминали о различных долговых расписках и письменных обязательствах (*créances, cédules, obligations*), свидетельствующих о разнообразии форм деятельности дарителей. Упоминаются суммы в 10 ливров и 5 су (остаток платы за лов рыбы в пруду), 30 экю за продажу иноходца, расписка на получение 36 экю с некоего пекаря, а также деньги за поставку 250 фунтов пеньки (*chanvre*). Есть и крупные суммы – парижский экюйе Луи де Буагарнье передавал своему племяннику-студенту 2000 ливров на имя капитана Жана Анго, виконта Дьеппа, а также расписку торговца пером (*plumassier*) на сумму 824 ливра³¹. Самая крупная сумма упомянута бароном де Курсон, передающим племяннику право получить в общей сложности 5 тысяч ливров, что по решению Парламента должен был выплатить принц Ларош-Сюр-Йонн за поставку шелковой ткани³².

Крупным кредитором может считаться и Гильом де Ламот, сеньор Блеквен-Боссар, проживающий в Боссаре со своей женой Анной де Монморанси. Они передают своему племяннику Франсуа де Монморанси, “студенту и экюйе”³³, лошадь, право на получение 80 ливров за аренду земли и сеньории и крупную сумму в 600 экю, которую надлежит взыскать с наследников Жака де Бюеля, графа Сансерра, по поводу чего в суде бальяжа Турени ведется тяжба еще с 1518 г. Дарительница приходилась двоюродной племянницей коннетаблю Анн де Монморанси³⁴. Обратим внимание на время соста-

²⁹ IRI. 3782.

³⁰ IRI. 1913.

³¹ IRI. 1181.

³² IRI. 4232.

³³ Упоминание дворянского “титула” применительно к студенту – достаточно редкий случай в нашем корпусе дарений (IRI, 2027, 2028).

³⁴ Дарительница – дочь Ролана Монморанси и Луизы д'Оржемон, студент – сын старшего брата Анны, Пьера Монморанси маркиза де Тюри (*Europäische Stammtafeln*. Marburg, 1964. Bd. 3. Taf. 119).

вления актов – 1541–1542 гг., именно в это время коннетабль попал в опалу³⁵.

Как мы уже поняли из таблиц 13 и 14, дворяне и сеньоры совсем не упоминали в своих актах об огородах, довольно редко – о лугах и виноградниках, но часто передавали фермы и метерии (т.е. комплексы земель, сдаваемых в аренду исполу)³⁶. И, что неудивительно, эти дарители чаще прочих упоминали сеньориальные права и иные “престижные” объекты дарения – мельницы, рыбные пруды, лес. Так, Иоланда де Ленферан, вдова Жана д’Аветона, сеньора Дюмениль и Сакле, передает племяннику-студенту права на цензиву, на “*lodes et ventes*” (т.е. регулярные сеньориальные платежи и сборы за отчуждение недвижимости) и на взимание штрафов с земель и сеньорий де Виллер, Сакле и Дюмениль, а также ренты зерном и пшеницей с земель в “Адовом логу” (*vallée d’enfer*) и другие ренты пшеницей и овсом³⁷.

Как видно из этого акта, дарения сеньоров типологически не отличались от актов дворян. Ясно, что среди тех 25 сеньоров, из которых и состоит вторая категория дарителей, есть дворяне – экюйе и шевалье, просто не упомянувшие об этих своих социальных качествах (так, например, Луи де Призи в трех из девяти своих дарений фигурирует лишь как “сеньор”).

И все же категория “сеньоров” в целом уступает “дворянам”. Все “индексы престижности” нарастают при движении от сеньоров к экюйе, а от них – к шевалье и баронам.

В целом же акты дворян и сеньоров подтверждают мнение современников и историков о социальном приоритете дворян³⁸. По мнению Жака Верже, специалиста по университетской истории, роль дворян в университетах была гораздо большей, чем их численное представительство среди студентов³⁹. Действительно, даже из нашей выборки явствует, что студенты из дворян были единственными, кто мог сохранять черты своего наследственного статуса и порой продолжать именоваться “экюйе”. Достаточно ли у нас данных, чтобы закрепить за дарителями наших первых двух категорий место на вершине иерархической лестницы в анализируемом корпусе дарителей?

---

³⁵ *Knecht R.J. Renaissance Warrior and Patron: The Reign of Francis I. Cambridge, 1994. P. 395.*

³⁶ *Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978. С. 111.*

³⁷ *IRI. 3929.*

³⁸ Недаром Клод де Сейсель в начале XVI в. писал, что лучшим доказательством превосходства дворян являются мечты остальных сословий о приобретении дворянства: *Seyssel Cl. de. De la monarchie de France / Ed. par J. Poujol. P., 1961. P. 124.*

³⁹ *Verger J. Noblesse et savoir: Etudiants nobles aux universités d’Avignon, Chaors, Montpellier et Toulouse // Le noblesse au Moyen Âge. P., 1976.*

Тогда какие соображения заставили целую дюжину дворян и трех сеньоров отчуждать часть своего имущества в пользу студентов, не находящихся с ними в родстве (таблица 4)? К счастью, дарители сами иногда повествуют об этом, вернее – издатели иногда доносят до нас их мотивации.

Две благородные вдовы одаривают студентов-медиков, причем одна из них, графиня Франсуаза де Лонгви, вдова адмирала Шабо⁴⁰, указывает, что вознаграждает таким образом медика Ле Вигорё за услуги, оказанные ей и ее ближним в силу его занятий и положения (*de son estat et vassation*). Услуги юридического характера оплачивались чаще, сопровождаемая типовой формулой: “за услуги и хлопоты по ведению процессов в Парламенте, Шатле и в других местах”⁴¹. Причем, в пользу постороннего студента могла отчуждаться часть того имущества, вокруг которого и велась многолетняя тяжба⁴². Ясно, что дарителями двигала не благотворительность, а стремление использовать то ли профессиональные знания студентов, то ли их судебные привилегии. Последнее – более вероятно, поскольку дарений всевозможных спорных прав и прав на ведение судебных процессов много и в дарениях, адресованных родным детям и племянникам дворян. В одних случаях об этом говорится прямо⁴³, в других возможность возбуждения иска подразумевается: сплошь и рядом упоминаются недоимки по рентам и долги, которые трудно востребовать. Видимо, простому экуюе было трудно получить 2 тысячи ливров с могущественного виконта Дьеппа, а родственники опального коннетабля также прибегают в трудную минуту к этому оружию, отсудив крупную сумму в 600 экую. Но и мелкие и мельчайшие ренты и цензы (традиционные феодальные платежи) также упоминаются в контексте возможных судебных исков по недоимкам⁴⁴.

Собственно, картина “дворянского благополучия”, представленная в таблицах 1–16, основывается на таких достаточно спорных дарениях.

В дарениях дворян посторонним студентам можно увидеть и то, как их имущество уходит в чужие руки. Луи де Шассонаж, барон д'Юнсак задолжал 1276 ливров лионскому купцу. Шевалье Фелибер, барон де Шассонаж, и де Монтелье (судя по всему, брат должника) уплатил кредитору требуемую сумму. Но расписку Луи де Шассонажа он дарит некоему студенту Огюстену Дюгро в погашение своих собственных обязательств (*qui leur reclamait le montant de deux*

---

⁴⁰ Адмирал был главным противником коннетабля Монморанси, претерпел опалу, был реабилитирован, но через неделю умер и был похоронен с величайшей помпой.

⁴¹ IRI. 1421, 1697.

⁴² См., например: IRI. 1728.

⁴³ IRI. 2025, 2253, 4232.

⁴⁴ IRI. 1913, 2662, 2691, 2692, 3324, 4122, 4591, 4594.

cédules) на суммы в 800 и 500 ливров⁴⁵. Таким образом, барон де Шассонаж и рассчитался со своими долгами, и спас родственника от разорения, при этом он избегает неприятной перспективы взыскивать с него деньги по суду, уступив это право постороннему студенту. В данном случае одним из кредиторов выступает купец-ротюрье, а социального происхождения студента Дюгро мы не знаем. Но в других актах есть и более точные указания⁴⁶. В 1542 г. Франсуа де Лалуэтту, студенту Парижского университета, передал расписку на 30 ливров отец – прокурор Парижского Шатле. Через шесть лет Франсуа де Лалуэтт, уже именованный студентом “университета Тулузы и Кагора”, получает от экюйе Элие де Виледье из Перигора права на наследство тещи и тестя в обмен на 120 золотых экю, из которых 50 выплачены сразу⁴⁷. Так университет совершенно неожиданно предстает в качестве одного из каналов широко известного процесса перехода дворянских земель в руки горожан.

Возможно, положение дворянства во Франции в целом было блестящим, но те из дворян, кто составлял дарения студентам, были не самой преуспевающей его частью. Но ведь образованность, да еще образованность университетская не входила в этос дворянина. Конечно, занятие науками не влекло за собой потерю дворянского статуса: “Быть доктором или учителем – ясно, что это не противоречит дворянскому состоянию”, говорилось в судебных бумагах одного бургундского дворянина⁴⁸. Но ощущение дискомфорта, необычности ситуации не покидали ученых дворян; ведь говорят, что маршал Бирон тщательно скрывал свое знание греческого.

КАТЕГОРИЯ 3: СВЯЩЕННИКИ

Специфика группы, ее внутренняя иерархия и принципы агрегирования. – Провинциалы: “низшие” и “высшие”. – Семья нотаблей из Санлиса. – Церковные доходы как объекты дарения. – Парижане. – Казус каноника Муассана. – Двойственный облик “низшего” парижского духовенства

В дарениях, адресованных студентам, часто дарителями выступают клирики, сами являющиеся членами университетской корпорации: в своих актах они улаживают имущественные дела со студентами, принципами и докторами коллегий. Как уже оговарива-

⁴⁵ IRI. 3686.

⁴⁶ Так, экюйе Пьер де Брод дарит студенту Гильому Бержо, сыну парижского золотых дел мастера Адриана Бержо “за добрые и любезные услуги, оказанные Адрианом”, виноградники близ Шарентона, которые были присуждены Пьеру де Броду постановлением Парламента в результате судебного процесса против его золовки (IRI. 1728).

⁴⁷ IRI. 637, 3255.

⁴⁸ Carron V.-T. La noblesse dans le duché de Bourgogne. Lille, 1987.

лось, такие акты остаются “за бортом” нашего исследования. Без них группа дарителей, обладавших духовным саном, останется весьма скромной – 48 человек.

Как уже отмечалось, эта категория заведомо иерархична – ее члены находились на разных ступенях церковной иерархии. Но незначительное число актов не позволяет выделить особенности каждой из этих мелких групп. При этом священники-дарители в целом обладают общими специфическими чертами, заметными уже в первом приближении. Если данные о коллежах, к которым принадлежат студенты, о наличии у них степеней или духовного сана приводятся в среднем каждым десятым дарителем, то у священников они встречаются вдвое чаще. Создается впечатление, что клирики лучше других осведомлены о внутриуниверситетских градациях. К тому же все они были celibатариями и, естественно, не могли составлять дарений по прямой линии.

Впрочем, различий в рамках этой небольшой категории можно найти больше, чем сходства. Если кроме места в церковной иерархии искать иные формальные признаки, позволяющие объединить священников в более крупные группы, то таким критерием может служить их проживание в Париже. При этом многие “парижане” (*demeurant à Paris*) на самом деле владели бенефициями провинциальных каноников или кюре. Что касается “провинциалов”, то они вполне органично разделяются на “низших” и “высших”. Понятно, что “высшими” последних можно назвать лишь в масштабах нашего корпуса – ни епископов, ни кардиналов в дарениях студентам не обнаружено.

Среди провинциалов к “низшему” слою я отнес десять человек, обозначенных лишь как священники (*prestre*), без каких-либо уточнений, а также двух капелланов и викария. Ни один из этих людей не составлял повторных дарений. Трое передают имущество посторонним студентам. Трое принимают участие в составлении коллективных дарений. Упоминания о родственниках демонстрируют невысокий уровень социальных связей дарителей этой группы. Среди них – парижские и провинциальные ремесленники, торговцы, и лишь один из священников говорит о дяде – принципе одного из парижских коллежей (должность хлопотная, но сама по себе не слишком престижная).

В трех случаях речь идет о передаче прав на наследство без дальнейшей спецификации⁴⁹, что, как мы поняли, является критерием “приниженности” группы (*индекс G*). Показательно также отсутствие каких-либо указаний на ренты, из объектов дарения упомянуты в основном участки земли. Так, например, Мартен Болери, священник из Маконского диоцеза, дарит студенту два участка земли, по-

---

⁴⁹ IRI. 651, 2754, 2960.

хозяйски обстоятельно разъясняя, что один из них уже засеян, а другой вспахан и подготовлен к севу⁵⁰.

К “высшему” слою провинциальных священников относятся семь каноников (один из которых также является архидьяконом, а другой – приором) и три приора, не без сомнения я отнес сюда кантора Орлеанского собора и трех кюре. Первоначально церковный певчий и сельские кюре включены были мной в “низшую” группу, однако анализ их дарственных убедил меня в том, что они выделяются из этого слоя.

Сразу же можно отметить, что этих священников от предыдущей группы отличают такие признаки, как наличие повторных актов (14 дарителей составили 18 актов) и отсутствие коллективных дарений. Вспомним также данные таблицы 4 (столбцы IIIa и IIIb): в этой группе 9 дарений адресованы племянникам по мужской линии и только 3 – по женской.

Круг упомянутых родственников оказывается достаточно престижным: канцлер герцогства Бурбонэ (отец шартрского каноника), советник Парижского парламента (брат каноника из Клермона), сеньор (отец каноника из Санса). Об Адаме Пуле, канонике коллегиальной церкви Сен-Риоль в Санлисе, мы осведомлены более подробно благодаря исследованию Бернара Гене⁵¹. Отец каноника, Туссен Пуле, был богатым купцом-бакалейщиком, влиятельным человеком в Санлисе. Адам Пуле учился в 1504 г. в парижском коллеже Сен-Барб, тогда ему было 20 лет (и он, по-видимому, был старшим сыном в семье). В 1539 г. в инвентаре регистров отмечается его дарение ренты племяннику – студенту Жану Пуле, а в 1545 г. он составляет дарственный акт “взамен утерянного в 1543 г.” на имя другого племянника – Клода Пуле. Как выясняется из других актов, отец Клода – парижский буржуа-суконщик⁵². По всей видимости, к этому же клану принадлежит и хранитель королевских соляных амбаров из Сезанна Абзалон Пуле, одаривавший своего сына-студента Никола Пуле совместно со своим свояком, муниципальным финансовым служащим из Сезана⁵³. Семья выходцев из Санлиса имеет хорошие шансы на успех: прочное положение, давно захваченное на провинциальном уровне, проникновение в среду привилегированных парижских буржуа (а суконщики, как известно, возглавляли иерархию “шести корпораций”), устойчивые связи с миром церкви – все это давало второму поколению обладателей университетской степени из семьи Пуле почти гарантированную возможность занять относительно престижные церковные или королевские должности.

---

⁵⁰ IRI. 3421.

⁵¹ *Guenée B.* Tribunaux et gens de justice dans le baillage de Senlis à la fin du Moyen Âge. Strasbourg, 1963. P. 191.

⁵² IRI. 11, 12, 413, 662, 1564.

⁵³ IRI. 640–643, 859.

Священники из этой группы используют привилегии университета для подкрепления уже завоеванных в церкви позиций, облегчая своей семье получение доходов с принадлежащих им церковных должностей. Так, кюре Леон Ле Сирье передает в дар племяннику – студенту Орлеанского университета, являвшемуся одновременно и казначеем собора в Нуайоне, права на наследство некоего Доменика Ле Сирье, казначея и каноника Нуайона. Причем среди объектов дарения названы и доходы с казначейской должности⁵⁴. Один из приоров⁵⁵ также передает остаток доходов с приората своему племяннику-студенту⁵⁶.

Дарители этой группы упоминают о рентах, однако их размеры не уточняются. Сумма расписок составляет в среднем 70 ливров, что может соответствовать размерам расписок сельских экуйе и сеньоров. Из объектов дарения недвижимости священники этой группы, помимо упоминаний о передаче “земель”, называют сеньории⁵⁷ и мельницу (*Индекс Н*).

Таким образом, “высший слой” провинциального духовенства – рантье и кредиторы, владельцы сеньорий, одаривавшие по преимуществу сыновей своих братьев. “Низший” слой склонен к составлению коллективных дарений, к передаче неразделенных прав на наследство, демонстрирует невысокий уровень социальных связей. Существенного преобладания дарений племянникам по мужской линии здесь не прослеживается.

Сохраняется ли это противопоставление двух групп у парижских священников?

22 священника, отмеченных как проживающие в Париже, зарегистрировали 25 актов. Среди них: приор провинциального монастыря (*prieur commendataire*), три каноника провинциальных соборов, трое парижан, владевших должностями кюре провинциальных церквей, капеллан, викарий, семь священников (без уточнения статуса) и семь священников, прикрепленных к парижским церквям (например, *prêtre, habitué en l'Eglise de Saint-Pierre-aux-Beufs en la Cité*). Их дарения адресованы девяти племянникам по мужской линии и шести по женской, двум кузенам, крестнику и трем посторонним студентам. Из всех парижан к “высшему” слою данной категории можно отнести лишь каноников и приора. Один из них передает имущество кузену, прочие – племянникам по мужской линии. Они демонстрируют сравнительно высокий уровень социальных связей:

⁵⁴ IRI. 1217.

⁵⁵ IRI. 1747.

⁵⁶ Можно привести еще один пример, уже из числа внутриуниверситетских актов: декан коллегиальной церкви, бывший ранее принципалом Бургундского коллежа в университете, передает племяннику, сменившему его на посту принципала, право на взыскание долгов на сумму 2722 ливра 2 су 6 денье, образованную из задолженностей пансионеров коллежа (IRI. 901).

⁵⁷ IRI. 310, 1439, 4240.

шурином приору приходится сеньор, канонику амьенского собора – парижский купец-буржуа, такой же статус имел и отец другого каноника.

Дарения каноника Франсуа Муассана могут иллюстрировать уже наблюдавшуюся практику использования университетских привилегий на благо семьи в борьбе как за светские, так и за церковные доходы. В 1545 г. Франсуа Муассан, каноник Клермона, что в Оверни, обучавшийся в Парижском университете, получает дарение от другого студента-священника, Мишеля Фавье. Последний “дарит” Муассану половину своих прав на наследство своего дяди – скототорговца и парижского буржуа. Муассан обязуется взять на себя все судебные расходы по тяжбе, ведущейся в Шатле по поводу этого наследства. В следующем году тот же клермонский каноник, Франсуа Муассан, проживающий в парижском коллеже д’Отен, дарит натуральные ренты с земель, расположенных близ г. Ганна, своему племяннику Пьеру Грану, прозываемому Муассан, студенту университета. В 1551 г. все тот же Франсуа Муассан, названный на сей раз капелланом Клермона, дарит другому своему племяннику-студенту, Антуану Леграну, “прозываемому Муассан”, ренту в 25 ливров на дом в Ганна, с тем, чтобы тот “мог бы лучше содержать себя в учении и достичь духовного сана (*parvenir a promotion de prestrise*)”⁵⁸.

Неустоявшаяся форма патронима Легран-Муассан указывает на сравнительно недавнее приобретение Легранами сеньории Муассан. Эта гипотеза придает им черты энергичных ротюрье, скупающих дворянские земли и активно продвигающих своих родственников на церковные должности.

Кроме того, каноники и приор, проживающие в Париже, упоминают и различные сеньориальные права, и долговую расписку на 700 ливров, подписанную сестрой дарителя-каноника⁵⁹. Таким образом, они вполне соответствуют “высшему” слою провинциальных священников.

Что же касается остальных священников, обитавших в Париже, то уровень их социальных связей оказывается еще скромнее, чем у “низших” провинциальных священников. Викарий составляет совместное дарение со своими родственниками-крестьянами⁶⁰. Родственниками Жилья де Бордо, священника при соборе Нотр-Дам, были виноградарь из окрестностей Понтуаза, бондарь из Сен-При и еще некий Жиль де Бордо, эконоом в одном из парижских домов призрения (*dépensier en l’hôtel du Saint-Esprit de Paris*)⁶¹. Крестьянином был и отец проживавшего в Париже кюре из Трамблея. Последний пере-

---

⁵⁸ IRI. 1801, 1731, 4767.

⁵⁹ IRI. 4693.

⁶⁰ IRI. 855.

⁶¹ IRI. 481.

дал племяннику по женской линии неразделенные права на наследство⁶².

Однако объекты дарения парижских священников отличают их от “низших” провинциалов. Один из парижан указывает долговое обязательство на 130 ливров, подписанное каноником⁶³. Капеллан передает расписку на 200 ливров⁶⁴, в шести случаях упоминаются ренты. Половина дарителей передает дома в Париже или в провинции. А священник, проживающий при церкви Сент-Оноре, дарит внучатому племяннику право на мельницу и луг⁶⁵.

Итак, акты парижского “низшего” духовенства совмещают признаки приниженного статуса с довольно престижными объектами дарения. И если среди провинциалов низший слой уступает по численности высшему, то в Париже соотношение обратное. “Высшие” слои парижан и провинциалов соответствуют друг другу, но о “низших” слоях духовенства этого сказать нельзя. Эту тенденцию следует проверить на материале других категорий. Отметим, что и “высшие” слои духовенства являются таковыми лишь по отношению к остальной массе дарителей: очевидно, что высокопоставленное духовенство, как, впрочем, и настоящие аристократы, в дарениях студентам не представлены. Справедливо ли это утверждение еще для одной группы, которую можно назвать элитарной – для офицье?

КАТЕГОРИЯ 4: “ЛЮДИ ЗНАНИЯ”: ОФИСЬЕ И СУДЕЙСКИЕ

Предварительные рассуждения о принципах агрегирования групп

До сих пор выделение категорий не вызывало особых сомнений. У нас были термины, указывающие на определенное социальное качество. С “чиновниками” сложнее: пришлось прибегнуть к профессиональному критерию, объединяя всех дарителей, занятых в судопроизводстве и управлении. Впрочем, современники прекрасно осознавали общность этих людей. Для доказательства можно привлечь труды юристов, многочисленные литературные памятники – от Рабле до Монтеня. Но все это – внеисточниковое знание. В нотариальных актах имена людей, отнесенных мной к этой категории, сопровождалось четырьмя модификациями “почетных эпитетов” (*titres d'honneur*): “благородный человек, мудрый мэтр” (*noble homme et sage maistre*), “благородный человек, мэтр” (*noble homme maistre*), “почтенный человек, мэтр” (*honnorable homme maistre*). Таким образом, общим можно считать наличие определенного “величания”

---

⁶² IRI. 2333.

⁶³ IRI. 4288.

⁶⁴ IRI. 3306.

⁶⁵ IRI. 128.

(в следующих категориях оно будет уже необязательным) и употребление термина “мэтр” (магистр), подчеркивающее образование и искушенность в своем деле⁶⁶.

Пока мы ограничимся гипотезой, что между дарениями президента Счетной палаты и скромного провинциального писаря существует некое единство. Надо проверить эту гипотезу эмпирическим материалом и быть готовым к тому, что четвертая категория может распасться на мелкие группы, не имеющие между собой ничего общего.

В работе над актами дарителей этой категории угнетает избыточная множественность подразделений: ведь основным критерием служит указание на должностной или профессиональный статус. Но получаемые подгруппы зачастую столь малы, что сопоставление их лишается смысла. Невозможно и распределить их по иерархическому принципу – “Табеля о рангах” еще не изобрели. Как же выделять группы и подгруппы?

Прежде всего, как и в случае с духовенством, этих дарителей можно разделить на парижан и “провинциалов”. Последних, хотя и значительно меньше, чем парижан, но все же достаточно для анализа.

Парижане

Университетская степень как социальный водораздел. – Офисье. – Адвокаты; Шарль Гюедон, адвокат-откупщик. – Нотариусы. – Прокуроры Парламента; загадка Жанны Алегран. – Прокуроры Шатле. – Стряпчие; Жан Месмен и его земляки. – Сержанты Шатле; заключенный Пуссепен. – Иерархия Килье. – Вспомогательный персонал. – Лиценциаты, финансовые и городские чиновники

Среди парижан (161 даритель), как нетрудно догадаться, можно выделить “высший” и “низшие” слои. Поскольку мы имеем дело с одариванием студентов, логично исходить из отношения дарителей к университетской степени. Ряд должностей и занятий не требовал обязательного обладания этими степенями: нотариусы, прокуроры, судебные приставы, сержанты и др. Конечно, и среди таких дарителей были те, кто с гордостью именовался бакалавром или магистром искусств. Однако по давно установившейся традиции, подтвержденной королевским эдиктом в Мулене 1544 г., не только президентом или советником судебной курии, но и адвокатом мог стать лишь обладатель университетской степени. Это относилось к прези-

---

⁶⁶ Напомню еще раз, что авторы публикации, к сожалению, опустили сведения об этих “почетных эпитетах”, лишив возможности использовать их в нашей классификационной деятельности.

дентам и советникам судебных курий и адвокатам. Косвенным доказательством формальной необходимости университетского образования может служить усиление внимания парламентов к борьбе с практикой “торговли степенями” начиная с 30-х годов XVI в. Этот бич французских университетов омрачал их историю на протяжении всего Старого порядка: образовательный ценз при покупке престижных должностей рождал спрос на фиктивные дипломы.

Таким образом, если для одних университетское образование служило целям социального воспроизводства – новоиспеченный лицензиат начинал карьеру с позиций, хорошо подготовленных предшествующим поколением, и программой-минимум для него было сохранение достигнутого статуса, то для других степень, полученная сыном или племянником, означала изменение положения семьи, прорыв к новым возможностям.

Избранная “образовательная” линия водораздела, как оказалось, совпадает с другим важным признаком: все должности, расположенные ниже ее, были тупиковыми. Как показало просопографическое исследование Бернара Килье, ни один нотариус, например, не сменил своего статуса на какой-нибудь иной, более высокий, и только его сын мог стать адвокатом. Напротив, адвокаты, не говоря уже о советниках суверенных курий, имели неплохие перспективы продвижения по службе⁶⁷.

Разумеется, от детей адвокатов и магистратов получение университетской степени также требовало немалых усилий и издержек. К тому же, сам факт ее обретения еще не гарантировал ни вступления в должность, ни даже обладания знаниями и умениями, необходимыми для ее отправления. Мы еще вернемся к этой проблеме.

В “высшей” группе можно в свою очередь выделить владельцев должностей – офисье и адвокатов, не обладавших должностями и, следовательно, получающих не королевское жалование, но гонорары с клиентов.

16 офисье владели разными должностями: президент Счетной палаты⁶⁸, докладчик Палаты прошений королевского Дворца (*maître de requêtes de l’Hôtel du roi*⁶⁹), генерал финансов и советник короля (*général des finances et conseiller du roi*⁷⁰), генерал Палаты косвенных сборов (*général de Chambre des aides*⁷¹), мэтр-казначей Дворца королевы (*maître du chambre aux Denier de la reyne*), жена советни-

---

⁶⁷ *Quilliet B.* Les corps d’officiers de la Prévôté et Vicomté de Paris et de l’Ile-de-France. Lille, 1982. И здесь были исключения: почему-то тупиковой, например, была должность мэтра счетов.

⁶⁸ IRI. 300, 3062.

⁶⁹ IRI. 1659.

⁷⁰ IRI. 970.

⁷¹ IRI. 1313.

ка Большого королевского совета⁷², ординарный мэтр счетов⁷³, советник короля, генерал монет⁷⁴, контролер экстраординарных военных расходов⁷⁵, королевский нотариус-секретарь⁷⁶. Парижский Парламент представлен актами президента апелляционной Палаты и двух советников. Парижский Шатле – актами двух советников и вдова аудитора.

Доля дарений, адресованных по прямой линии, составляет в этой подгруппе свыше двух третей от общего числа (11 актов). Лишь вдова аудитора Шатле адресует свой акт “постороннему” студенту – бакалавру теологии. Среди актов “офисье” отсутствуют как коллективные дарения, так и случаи передачи неразделенных прав на наследство. Поэтому мы почти ничего и не можем сказать о социальных связях этих дарителей.

Семеро указывают среди объектов дарения ренты, средний размер которых весьма значителен – 56 ливров. Специфической чертой этой подгруппы является обладание муниципальными рентами (*rentes sur l'Hôtel de ville*), облигациями королевского займа, платежи по которому гарантировались парижским муниципалитетом⁷⁷. Самая крупная из таких рент принадлежит Жану де Гуа, президенту Палаты расследований Парламента: он передает студентам Исааку и Жану де Гуа муниципальную ренту в 331 ливр 9 су 2 денье, а также ренту в 50 ливров на имущество некоего купца⁷⁸.

В остальном эта подгруппа сопоставима с категорией дворян. Размер средней ренты немного превышает дворянский уровень (как

---

⁷² IRI. 2750.

⁷³ IRI. 808.

⁷⁴ IRI. 950.

⁷⁵ IRI. 4879.

⁷⁶ IRI. 87, 88. Собственно, речь идет о двух должностных лицах: в первом акте, датированном еще 1535 г. Жан Лепикар-старший, священник и королевский нотариус-секретарь, дарит имущество бакалавру Жану Лепикару, студенту Орлеанского университета. В акте 1539 г. содержится подтверждение этого дарения, но стороны именуются уже так: “Жан Лепикар, каноник церкви Сен-Бенуа в Париже”, и “Жан Лепикар-младший, королевский нотариус-секретарь”. Должность королевского нотариуса-секретаря давала дворянство, но считалась “стартовой”, служившей обычно лишь начальным этапом в карьере (см.: *Michaud H. La Grande Chancellerie et les écritures royales au XVIe siècle. 1515–1589. P., 1962*). В данном случае мы видим, что должность остается в семье и переходит от дяди к племяннику.

⁷⁷ Сама идея распространения муниципальных рент была порождена острой нехваткой денег для продолжения Итальянских войн. Королевское правительство, стремясь распространить эти ренты, рассчитывало в первую очередь на лояльность королевских чиновников, применяя к ним нечто вроде знакомых отечественному читателю “добровольно-принудительных” методов. См.: *Schnapper B. Les rentes au XVIe siècle: Histoire d'un instrument de crédit. P., 1957. P. 160.*

⁷⁸ IRI. 3295.

раз за счет крупных муниципальных рент), у тех и у других схожее соотношение упоминаний о рентах и о долговых расписках (правда, у офисье лишь в одном случае известна точная сумма такого обязательства – 39 золотых экю)⁷⁹. Упоминание в дарениях фьефов, сеньорий и сеньориальной усадьбы (maipoire) сближает офисье с дворянами, но чиновники передают также и мелкие виноградники в окрестностях Парижа.

Мотивируя свои акты, офисье большее внимание уделяли условиям дарений. Так, Жан де Гуа, даровавший помимо рент, движимого и недвижимого имущества еще и “свои книги из библиотеки и кабинета (“estude”); кстати, он единственный из всего корпуса дарителей, кто упомянул книги как объект дарения), вменяет студентам в обязанность выплачивать пожизненную пенсию монахине Жаклин де Гуа. Президент Счетной палаты Жан Бриссоне дарует 30 ливров муниципальной ренты своему крестнику и слуге Жану Беле, магистру искусств парижского университета, с пожеланием достичь “священных духовных чинов” и с условием, что после смерти крестника рента должна будет отойти в сиротский приют Божьих детей на вечный помин души президента⁸⁰.

При изучении дарений дворян, сеньоров и священников могло возникнуть подозрение, что, несмотря на “индексы престижности”, сама по себе регистрация таких актов может свидетельствовать о неких затруднениях. Во всяком случае, обнаружить среди дарителей представителей высшего духовенства не удалось, да и благородные дарители представлены в основном мелкопоместными экюйе. Но парижских офисье вполне можно причислить к социальной элите, и при этом при чтении указанных актов остается ощущение их уверенности в себе и социального преуспеяния.

Парижские адвокаты составляют довольно большую подгруппу (26 адвокатов Парламента, зарегистрировавших 35 актов, и 6 адвокатов Шатле, зарегистрировавших 10 актов). Это не удивительно, ведь число адвокатов Парижского Парламента к началу Религиозных войн доходило до четырех сотен⁸¹. Адвокатский стаж был необ-

---

⁷⁹ Это дарение королевского советника и генерала монет Габриеля Шико расписано весьма детально: он передает студенту расписку на 39 золотых экю, которые ему должен некий Антуан Дестерж, из коих 2,5 экю были авансированы Дестержу в Лионе и 3 экю составили расходы на содержание лошади в течение 30 дней из расчета 4 су 6 денье в день. Таким образом, мы даже курс экю можем рассчитать по нашему источнику: в 1543 г. он составлял 2 ливра 5 су (IRI, 950).

⁸⁰ IRI. 3000, 3062.

⁸¹ Когда в связи с началом Религиозных войн от адвокатов Парламента потребовали принесения присяги на верность католическому Символу веры, то 10 июня 1562 г. к присяге были приведены 367 адвокатов, но очевидно, что в парламентских матрикулах их было записано еще больше: помимо не явившихся адвокатов-протестантов, многие не пришли по болезни или отсутствовали в тот момент в городе (AN, X 1a 1602 f. 382).

ходим для большинства должностей в системе юстиции, поэтому среди адвокатов были как те, кто лишь выжидал случая приобрести должность, так и те, для кого адвокатская практика была главным занятием на протяжении всей жизни. По мнению Б. Килье, за вычетом “стажеров”, оставшихся адвокатами не более трех лет, начиная с середины XVI в. адвокатура приобретала все более тупиковый характер с точки зрения дальнейшей карьеры⁸². Поскольку большая часть адвокатов адресует дарения своим детям-студентам, то очевидно, что в нашем корпусе представлен именно этот тип “вечных” адвокатов. Однако на основании наших данных говорить о приниженности адвокатов по сравнению с офисье не приходится. Подгруппа адвокатов Парламента обладает полным набором “индексов престижности”, указанных в таблице 16.

Более половины из них (17 человек) упоминают в дарениях ренты, чья средняя величина составляет 11,5 ливров, что соответствует “дворянскому” уровню⁸³. Долговые расписки упоминают лишь трое (на суммы в 18 ливров 15 су, 50 ливров и 60 золотых экю). Девять адвокатов дарят различные сеньориальные права, добиваются уплаты феодальных сборов и штрафов. Среди объектов недвижимости кроме фьефов и сеньорий встречаются метерия⁸⁴, ферма⁸⁵, участки леса⁸⁶.

Отсутствуют коллективные дарения, передача неразделенных прав на наследство. 22 человека (69%) передают имущество по прямой линии, причем делают это неоднократно.

Адвокаты демонстрируют сравнительно высокий социальный уровень родственных связей. Дарители упоминают о своих братьях: казначее, королевском советнике, советнике Парламента, занимавшем также пост канцлера Парижского университета, королевском прокуроре, бальи города Мелена, сеньоре. Но упоминаемые представители старшего поколения, а также родственники жен адвокатов занимают более низкую социальную ступень. Дядя – прокурор Парламента⁸⁷, отец – купец из города Невера⁸⁸, свояк – парижский суконщик-“драпье”⁸⁹, тесть – прокурор⁹⁰.

---

⁸² *Quilliet B.* Op. cit. P. 510-520.

⁸³ Средняя величина ренты могла бы быть существенно большей, поскольку адвокат Шатле Жан Леместайе упоминал ренты на общую сумму в 300 ливров. Но это крайнее значение я решил не учитывать, поскольку оно даст искаженную картину. К тому же весьма похоже, что и в этом случае мы имеем дело не столько с дарением студенту, сколько с предварительным разделом прав на наследство между детьми, одним из которых был студент университета.

⁸⁴ IRI. 1804.

⁸⁵ IRI. 516.

⁸⁶ IRI. 516, 1165.

⁸⁷ IRI. 3807.

⁸⁸ IRI. 4041.

⁸⁹ IRI. 1555.

⁹⁰ IRI. 5016.

Акты парижских адвокатов весьма информативны и зачастую отражают их многоплановую активность. Характерным примером могут служить документы адвоката Шарля Гюедона. В мае 1544 г. он дарит сыну-студенту ренту в 12,5 ливров, в июне – “некоторые суммы, причитающиеся ему по сборам в превостве Понтуаза” (*sommes à recouvir en raison de la recette de la prévôté de Pontoise*)⁹¹. В акте от 20 декабря того же года он проясняет происхождение этих сумм, передавая сыну ренту в 4 ливра и долговое обязательство в 50 ливров, подписанное королевским сержантом из Понтуаза, а также все оставшиеся суммы, причитающиеся ему в бальяже Понтуаза в качестве штрафов и судебных постановлений (*éxploits et amendes*)⁹². Таким образом, адвокат совмещает свою практику с откупом судебных сборов, и, чтобы обеспечить поступление недостающих сумм, он прибегает к университетским привилегиям сына. В тот же день на имя Жака Гюедона была составлена другая дарственная – его дядя, парижский буржуа и купец-суконщик, Николя Фуко (вероятно, свояк адвоката) передал студенту долговые расписки виконта Аваллона на 211 и 140 ливров. Видимо, без помощи суда парижского прево получить деньги со столь могущественного должника купец не рассчитывал. Похоже, что университетские привилегии оказались эффективным оружием. Через два года Шарль Гюедон дарит сыну, “чтобы он смог оплатить расходы по своему обучению, сумму в 18 ливров 15 су, которую следовало получить к прошедшему Рождеству за наем половины дома на улице Сент-Антуан” (*pour ung fermage esheu au jour de Noel dernier passé*)⁹³. Акт составлен 31 декабря, всего через неделю после истечения срока платежа – адвокат был неуступчивым кредитором. В 1549 г. он именуется уже не только адвокатом, но сеньором Баньоле, переводя на имя сына права на сбор недоимок по цензам и рентам с деревень Баньоле и Шарон, упоминая, что по поводу этих прав ведется тяжба в Парламенте⁹⁴.

Пример Гюедона проясняет, как могло одновременно сосуществовать так много адвокатов Парламента. Помимо гонораров за ведение процессов, источником их дохода становился откуп должностей, не говоря уже об извлечении доходов из обладания городской и сельской недвижимостью. При этом и для адвокатов университетское образование сына было не только средством социального воспроизводства, но и способом снискания определенных юридических привилегий.

Подгруппа **нотариусов Шатле** слишком мала, чтобы говорить об “индексах престижности / приниженности”: 7 нотариусов составили 9 дарений, адресуя их только детям. В одном случае речь идет

---

⁹¹ IRI. 1365, 1356.

⁹² IRI. 1557.

⁹³ IRI. 2289.

⁹⁴ IRI. 3195.

о передаче неразделенных прав на наследство тестя, прокурора Шатле. Нотариусы передают землю, виноградники, деревенские дома. Жан де Муши, именуемый также сеньором, упоминает о сеньориальных правах и натуральных платежах, возложенных на жителей и взятых на откуп местными купцами (*coup de grain dus par les habitants et affermé à deux marchands dudict lieu*)⁹⁵. В одном дарении упомянуто долговое обязательство на сумму 4 ливра, в другом — на целых 400 ливров. В последнем случае речь идет об обязательстве выплатить дуэр (вдовью долю) вдовы нотариуса⁹⁶. Но лишь в одном дарении упоминается небольшая рента в 40 су, выплачиваемая дарителю провинциальным стряпчим. Это, пожалуй, первое серьезное отличие нотариусов от офисье и адвокатов, которые дарили ренты не менее, чем в половине всех своих актов⁹⁷.

Прокуроры Парламента (9 человек, составивших 12 актов) дарят дарения сыновьям в пяти случаях. Сведения о социальных связях практически отсутствуют, лишь в одном случае говорится, что первым мужем вдовы одного из прокуроров был помощник королевского цирюльника⁹⁸.

По числу рент, упомянутых в четырех дарениях, прокуроры Парламента лишь немногим уступают адвокатам. Но речь идет о весьма скромных рентах — 22 парижских су за виноградник и 7 турских су за огород⁹⁹, 20 и 30 су за дома в Сансе, и лишь однажды речь идет о более солидной ренте в 40 ливров, переданной внуку-студенту вдовой прокурора¹⁰⁰. В половине случаев упоминается недвижимость: земли, луг, виноградники, а в двух дарениях говорится о сеньориях.

Особенно престижным выглядит дарение Жанны Алегран, вдовы прокурора Парламента Дени Жирара, дамы де Фонтане Лебри, дю Кудре, Форже и Байоле. Она передает своим племянникам, студенту Клоду и адвокату Гильому Алеграну, права на перечисленные сеньории, ставшие объектом тяжбы между Жанной и ее мачехой¹⁰¹. Впрочем, сеньории в данном случае принадлежали явно не самому покойному прокурору, но его вдове, а точнее его тестю. Кстати, имя матери Жанны Алегран было Мария Дюпра, не имела ли она отношение к знаменитому клану Дюпра, из которого вышли канцлер Жан Дюпра и парижский прево Антуан Дюпра? Возможно, в данном

---

⁹⁵ IRI. 490.

⁹⁶ IRI. 814.

⁹⁷ Напомню еще раз, что это никоим образом не означает, что нотариусы непременно владели меньшим числом рент, чем адвокаты. Наша выборка может свидетельствовать лишь о том, что они оказываются менее склонными указывать ренты в своих дарениях студентам.

⁹⁸ IRI. 2064.

⁹⁹ IRI. 2320.

¹⁰⁰ IRI. 1256.

¹⁰¹ IRI. 3182, 3437.

случае мы имеем дело с мезальянсом, с браком, где статус жены был выше статуса мужа.

Итак, в подгруппах нотариусов Шатле и прокуроров Парламента можно отметить некоторое снижение доли рент и их размеров и уменьшение числа повторных дарений. Но обе подгруппы слишком малы, и поэтому говорить о резком переходе от “высших подгрупп” к “низшим” наши акты не позволяют – образовательный критерий “водораздела” остается условным.

Акты **прокуроров Шатле** дают уже иную картину. 28 дарителей составили 31 акт (к этой подгруппе я причислил и дарение вдовы комиссара парижского Шатле)¹⁰². В 23 случаях речь идет о дарениях по прямой линии.

Родственные связи демонстрируют тенденцию к “эндогамии” – к заключению браков в своей среде. У вдовы одного из прокуроров оба зятя также были прокурорами¹⁰³, как и два шурина другого прокурора¹⁰⁴, а прокурор Гильом Бюрон был женат на вдове своего коллеги¹⁰⁵. Из других родственников в актах упомянуты парижский купец-буржуа¹⁰⁶ и мясник¹⁰⁷. Одно дарение адресовано прокурором Шатле своему дяде-студенту, а как мы помним (см. табл. 4, столбец IV), подобная практика встречается у более “приниженных” групп. Трое передают “неразделенные” права на наследство, а один составляет дарение совместно со своим пасынком-стряпчим. Напомню, что эти признаки определены как индексы приниженности (B и G) и прежде не встречались в дарениях чиновников.

Прокуроры Шатле гораздо реже адвокатов говорят в своих актах о рентах: их упоминает лишь четверть дарителей (7 человек), причем средний размер ренты не превышает 5 ливров. Зато довольно часто в актах встречаются долговые расписки, при этом, порой, природа долгового обязательства проявлялась: “расписка на 61 ливр 1 су и денье, подписанная купцом из Пуасси, а также иные суммы, присужденные к взысканию с него парижским Шатле”¹⁰⁸. Происхо-

---

¹⁰² IRI. 1241. К сожалению, мы не располагаем данными о реальном соотношении численности прокуроров Парламента и прокуроров Шатле. Троекратное преобладание последних в нашем корпусе может объясняться тем, что они лучше всех освоили “технику регистрирования” дарений в книгах своего родного суда. Как показывает знакомство с оригиналами книг регистров, “инсинуирование” акта в эти книги поручалось обычно прокурорам Шатле. Прекрасно владея этой практикой, они, возможно, несколько в большей степени, чем все остальные судебские, склонны были решать свои личные проблемы при помощи регистрации дарений в своем суде.

¹⁰³ IRI. 1900.

¹⁰⁴ IRI. 2763, 2951.

¹⁰⁵ IRI. 2982.

¹⁰⁶ IRI. 4727.

¹⁰⁷ IRI. 3043.

¹⁰⁸ IRI. 2743.

ждение прочих сумм иллюстрирует любопытную сферу деятельности прокуроров. Николя Нивуазен передает права на 90 ливров, которые ему осталась должна вдова шартрского прево за содержание ее сына в доме прокурора с февраля 1546 по март 1548 г., из расчета 30 золотых экю в год¹⁰⁹. Другой прокурор передает сыну-студенту расписку прокурора Счетной палаты Мерри Донона на сумму, оставшуюся от того времени, когда Донон жил в доме дарителя с ноября 1541 по июнь 1543 г., уплачивая по 12 экю в год¹¹⁰. Вполне возможно, речь шла не только о пансионе, но еще и об обучении.

Почти половина прокуроров упоминает в актах различного рода недвижимость: земли, виноградники, дома в деревне и в одном случае – метерию¹¹¹.

Таким образом, если адвокаты Шатле по своему положению не отличаются от адвокатов Парламента, то прокуроры Шатле уже явно беднее своих парламентских собратьев.

Интересна подгруппа **стряпчих** (“практиков”, “praticiens”), включающая в себя 22 человека. Некоторые из них именуются просто “стряпчими”, другие “стряпчими Парламента”, третьи “стряпчими светской курии”.

Так же, как и в актах прокуроров Шатле, в дарениях этой подгруппы встречаются коллективные дарения и дарения неразделенных прав на наследство (соответственно в трех и в двух случаях). Дарения детям составляют у стряпчих лишь половину от общего числа, что ниже, чем в тех подгруппах, с которыми мы имели дело. Сведения о социальных связях стряпчих лишь один раз уведоют нас за пределы мира судейских: отец одного из дарителей – купец из Вандома¹¹². В остальных случаях речь идет все о том же круге: жены двух “стряпчих Парламента” первым браком были замужем одна за прокурором, другая за стряпчим¹¹³. Отчим стряпчего светской курии был прокурором Шатле¹¹⁴, отец другого стряпчего сам был стряпчим¹¹⁵, двоюродные братья – стряпчий светской курии и стряпчий Парламента передают имущество третьему кузену – студенту, отцом одного из дарителей был прокурор в Лионе¹¹⁶.

Любопытно, что два дарителя этой группы именуют себя “парижскими буржуа”. Офисье, адвокаты и прокуроры, безусловно, обладавшие правами буржуа, не считали нужным упоминать о них. Впервые мы сталкиваемся и с тем, что за короткий отрезок време-

---

¹⁰⁹ IRI. 2738.

¹¹⁰ IRI. 2539.

¹¹¹ IRI. 2982.

¹¹² IRI. 1696.

¹¹³ IRI. 2454.

¹¹⁴ IRI. 3138.

¹¹⁵ IRI. 532.

¹¹⁶ IRI. 2729.

ни дарители меняют место жительства и свои занятия. В 1541 г. один из стряпчих регистрирует дарение как “проживающий в Мо”, а через год уже как парижанин¹¹⁷. Николя Пуссен, “прозываемый Пари”, фигурирует сначала как бакалавр прав и буржуа, затем как стряпчий¹¹⁸. Жак Месмен назван клерком светской курии, а вскоре – стряпчим Дворца правосудия¹¹⁹.

Остановимся на последнем случае более подробно. В 1543 г. Жак Месмен дарит своему брату-студенту Франсуа Месмену права на часть наследственного имущества. В 1545 г. тот же студент получает от своего троюродного брата – стряпчего светской курии в Париже – долговое обязательство в 4 экю, подписанное неким приором из Пуату “за расходы и хлопоты, понесенные по его делам”¹²⁰. Через год тот же Жак Месмен (уже именуемый стряпчим) дарит Франсуа расписку на 10 ливров некоего Фука Месмена, живущего в Сиврее в Пуату, а также долг указанному мэтру Жаку мэтра Клемана Маруссо, прокурора города Сиврея, за то, что онный мэтр Жак кормил и содержал Матье Маруссо, сына вышеназванного мэтра Клемана в городе Париже в течение восьми или девяти месяцев, снабжая его одеждой, оплачивая его пансион студенту (?) (*payé sa pension à ung escolier*), и за то, что ухаживал за покойным мэтром Гуго Маруссо, также сыном указанного мэтра Клемана, в течение всей болезни, от которой тот и скончался, а после похоронил его; все это делалось в соответствии с письмами и поручениями означенного мэтра Клемана”¹²¹.

Итак, Жак Месмен оказывает услуги своим землякам в качестве ходатая, а также следит за их детьми, отправленными учиться в Париж.

Мы видим, что расписки, упоминаемые стряпчими, могут быть гонорарами за оказанные услуги. Семеро стряпчих (т. е. меньше трети) упоминают в актах о рентах, из которых три зерновые и три мелкие ренты, взимаемые с виноградников и с дома в деревне. В целом, судя по дарениям, стряпчие обеспечены недвижимостью слабее прочих судебных, во всяком случае они упоминают о ней лишь в четырех случаях. В целом дарения этой подгруппы еще нагляднее, чем акты прокуроров Шатле, демонстрируют наличие “признаков приниженности”.

Следующую подгруппу образуют **сержанты Шатле**. В нее входят пятеро *конных сержантов* (*sergent à cheval*) и семеро “*сержантов с жезлами*” (*sergent à verge*). Они считались офицерами, владельцами должностей, причем должность конного сержанта стоила в середине XVI в. до 400 ливров.

---

¹¹⁷ IRI. 532, 1012.

¹¹⁸ IRI. 658, 659, 905, 1405.

¹¹⁹ IRI. 1161, 1964.

¹²⁰ IRI. 1825.

¹²¹ IRI. 1964.

Как явствует из актов, среди сержантов часты были случаи совмещения как должностей, так и социальных качеств. Один из конных сержантов также был одним из четырех сержантов-комиссаров в парижском ведомстве речной торговли (*l'un des quatre sergents et commissaire de la ville de Paris sur le fait de la marchandise de l'eau*)¹²², другой его коллега в акте именуется также “буржуа Сен-Дени”¹²³. Рене Гарнье в 1542 г. назван “сержантом с жезлом”, но через 2 года он уже парижский купец-буржуа¹²⁴. Здесь мы вновь сталкиваемся с быстрым изменением статуса дарителя.

Этот Гарнье – единственный из сержантов, кто составил повторное дарение. Остальные фигурируют в качестве дарителей однократно. Детям адресована лишь половина их актов. В одном случае это дарение неразделенных прав на наследство. Характер социальных связей сержантов отличает их от других чиновников и судебных. У одного из “сержантов с жезлом” отец – купец в Пуасси, а племянник – портной в Бри¹²⁵, свояк другого – буржуа, торгующий подержанными вещами (*fripier*)¹²⁶, отец третьего – прокурор Шатле¹²⁷.

Сержанты передают виноградники, землю, части домов в Париже и в пригородах. “Сержант с жезлом” Этьен Пигу помимо дома в Бовэ передает сыну движимое имущество (*mobilier*). Лишь один даритель упоминает ренту в 1 экю¹²⁸. Только одна вдова конного сержанта выступает в дарении как кредитор: она упоминает сумму в 13 ливров 15 су, которую ей должны студент Франсуа Валдази и его кузен “некий” (*nommé*) Пьер Кутюрье, снимавшие у нее комнату и спальню с кроватями (*gites et chambre*) в течение 11 месяцев¹²⁹.

“Сержант с жезлом” Жан Пусепен, “будучи в настоящее время заключенным в тюрьме Пти-Шатле, выведен из нее, чтобы составить дарение”. Он перевел на имя брата-студента часть двух домов на улице Трюандери, а также дома на улице Сен-Жермен-л’Оксеруа и на углу улицы Монмартр, часть фермы и все прочее имущество, приходящееся на его долю после кончины их отца, прокурора Шатле. Дарение адресовано студенту “с тем, чтобы завершить образование в области канонического права, которым он сейчас занимается, по его словам”¹³⁰. Обучение на факультете канонического права уже свидетельствовало о значительном продвижении брата злополучного сержанта, ведь это был “высший” факультет. Концентра-

---

¹²² IRI. 995.

¹²³ IRI. 2703.

¹²⁴ IRI. 748, 1238.

¹²⁵ IRI. 2332.

¹²⁶ IRI. 2305.

¹²⁷ IRI. 1351.

¹²⁸ IRI. 230.

¹²⁹ IRI. 4461.

¹³⁰ IRI. 1351.

ция упоминаний о городской и сельской недвижимости в данном случае выпадает из общего ряда весьма скромных дарений сержантов. Возможно, покойный прокурор Шатле был для своего круга довольно состоятельным человеком, но все же мог обеспечить университетское образование лишь для одного из сыновей, другой же вынужден довольствоваться скромной должностью сержанта. Видимо, положение Жана Пусепена было непростым, и он поспешил передать все имущество брату, выведя его из-под угрозы конфискации. Потому-то и перечисляемые объекты столь выделяются среди прочих сержантских дарений студентам.

Впрочем, арест одного из парижских сержантов не был чем-то экстраординарным. Их репутация была невысокой, они нередко были замешаны в различного рода преступлениях, обвинялись в вымогательстве.

На основании обзора дарений части парижских должностных лиц и судейских мы выстроили некую иерархию подгрупп – от президентов и советников суверенных курий до сержантов Шатле. Это в принципе совпадает с наблюдениями Б. Килье¹³¹, утверждавшего что прокуроры и, особенно, сержанты Шатле влачили жалкое существование¹³². Впрочем, у меня не возникло представления о бедственном положении прокуроров Шатле и сержантов, видимо, дарения студентам дают более сглаженную картину, и само наличие родственника-студента было свидетельством определенного социального успеха, дополнительным шансом семьи.

Таким образом, нам впервые удалось на конкретном материале проверить продуктивность применения ряда “индексов престижности / приниженности”, выделенных ранее (с. 133–134) на основе “валовых” показателей. Значимыми оказываются и, казалось бы, “нейтральные” данные. Так, упоминания о долговых расписках встречаются у всех судейских, но у “низших” они представляют собой либо гонорары, либо плату за сдачу комнат или содержание учеников на пансионе. Таким образом, мы смогли выявить специфическую форму приработка парижского “крапивного семени”. Более того, акты дали нам возможность установить “прейскурант услуг”: пансион, сочетавшийся, по всей видимости, с обучением делопроизводству, стоил сыну шартрского прево 30 экю в год; буду-

---

¹³¹ Опираясь на сохранившиеся посмертные описи, Килье оценивает имущество прокуроров Шатле в “вилке” от 255 до 836 ливров, у сержантов эта оценка в среднем составляла 153–175 ливров, и эти люди влачили жалкое существование. У прокуроров Парламента и у нотариусов Шатле средняя стоимость имущества доходила до 1,5 тысяч ливров, а у адвокатов она колебалась от 3839 до 275 000 ливров. Надо отметить, что вне поля зрения Килье остались парижские стряпчие и иные категории судейских.

¹³² *Quilliet B. Op. cit. Vol. 1. P. 561.*

щему прокурору Счетной палаты проживание обходилось лишь в 9 эю, а студент снимал со своим кузеном комнату у вдовы сержанта за 6 эю в год.

Не все индексы действуют в среде чиновников автоматически: доля дарений по прямой линии (*индекс С*) остается высокой и у “низших” подгрупп: судейская мелкота, по-видимому, не расставалась с надеждой увидеть своих сыновей или внуков среди людей со степенью. “Посторонних студентов” они почти совсем не одаривали (в отличие, например, от дворян). Возможно, они не нуждались ни в посторонней помощи в судебных тяжбах (в залах Дворца правосудия и Шатле они чувствовали себя как рыба в воде), ни в защите своего скромного имущества за счет привилегий “посторонних студентов” (для этой цели они предпочитали обращаться к своим родственникам-студентам, или, быть может, записывать в университет своих собственных детей фиктивно). Их родственные связи по большей части замыкались в судейской среде (ни разу пока не встречалось их упоминание о родственнике из крестьян).

До сих пор мы имели дело с подгруппами, иерархическое положение которых не вызывало сомнений. То, что президент курии превосходил богатством и престижем сержанта, было очевидно изначально как без наших подсчетов, так и без изысканий Килье. Но есть немало лиц, чей статус для меня заранее был неизвестен. Так, я попытался объединить в одну группу вспомогательный персонал и представителей “технического” звена администрации: различного рода приставов, секретарей, клерков и королевских сержантов (не путать с сержантами Шатле); в эту группу вошли:

– **судебные приставы** (*huissiers*): королевский пристав Парламента¹³³, ординарный королевский пристав Большого совета¹³⁴, пристав Шатле, бывший также конным сержантом¹³⁵; королевский инспектор (*audencier*) в Шатле¹³⁶;

– **секретари**: парламентский секретарь по представлениям (*greffier des presentations de Parlement*)¹³⁷, секретарь епископского суда (*greffier des officialités de Paris*)¹³⁸; нотариус и прокурор церковного суда (*notaire et procureur ès cour d'Eglise*)¹³⁹;

– **клерки и помощники** (*clercs et commis*): клерк гражданского секретариата Парламента (*clerc du greffe civil*)¹⁴⁰, клерк секретариата

---

¹³³ IRI. 3346.

¹³⁴ IRI. 795.

¹³⁵ IRI. 1829, 4094.

¹³⁶ IRI. 4713.

¹³⁷ IRI. 1752.

¹³⁸ IRI. 2117.

¹³⁹ IRI. 2010.

¹⁴⁰ IRI. 809.

Шатле¹⁴¹, клерк-помощник секретаря Казначейства¹⁴², помощник секретаря Палаты монет¹⁴³, и, наконец, просто парижский клерк¹⁴⁴;

– **королевские сержанты**: королевский фьефный сержант в Шатле (*sergent fieffé*)¹⁴⁵, королевский сержант в Шатле¹⁴⁶, сержант королевской юстиции из предместий Нотр-Дам-де-Шан и Сен-Жак¹⁴⁷.

Группа, состоящая из этих 16 дарителей, заведомо фиктивна. Одни получали королевское жалование, другим платил их патрон, кто-то мог всю жизнь просидеть над переписыванием бумаг, для другого техническая работа по сверке финансовых отчетов явилась лишь первой ступенькой блестящей карьеры. Они принадлежали к разным судебным куриям, и ничего, кроме некоего созвучия в названиях должностей, не объединяло их.

Анализ родственных связей дает, как и следовало ожидать, весьма пеструю картину. Отец клерка гражданского секретариата Шатле – “купец-землепашец”. Братья другого клерка и прокурора-нотариуса церковного суда – купцы-буржуа; кумом сержанта королевской юстиции и его дальним родственником был провинциальный экюйе. Королевский пристав Парламента щедро одаривает племянника-студента: дом в окрестностях Дрё, огород на территории Парижа, на месте которого ныне строится дом, и сумму в 150 ливров, которая была обещана жене дарителя ее дядей, экюйе, дворянином псовой охоты короля (*l'un de gentilshommes de la vénerie du Roi*)¹⁴⁸. И хотя дядюшка не торопился с выплатой обещанного, по своим социальным связям пристав Парламента выделялся из среды “крапивного семени”.

Число дарений по прямой линии в этой подгруппе достаточно велико – 12 актов (70%). Четверо дарителей упоминают ренты – клерк секретариата Шатле и все три сержанта. Королевский сержант Шатле упоминает ренту в 10 ливров за дом в Париже и передает сыну расписку на 11 золотых экю, подписанную неким стряпчим. Фьефный сержант упоминает три расписки и ренту, не уточняя их размеров. Вот пример действия “объективных” признаков и индексов: формальные критерии побудили меня сперва присоединить этих сержантов к сержантам Шатле. Однако объекты дарения буквально “разорвали” эту подгруппу. “Королевские” сержанты оказываются гораздо богаче “простых” сержантов Шатле и активнее их. Точно также “объективные” данные не позволили мне объединить

---

¹⁴¹ IRI. 466.

¹⁴² IRI. 2999.

¹⁴³ IRI. 1734

¹⁴⁴ IRI. 5272.

¹⁴⁵ IRI. 3276.

¹⁴⁶ IRI. 4403.

¹⁴⁷ IRI. 2480.

¹⁴⁸ IRI. 3346.

в одну группу приставов и сержантов Шатле, вопреки указаниям авторитетного “Словаря Старого порядка”¹⁴⁹.

Эти немногочисленные данные склоняют нас к тому, чтобы расположить подгруппу, при всей ее гетерогенности, все же выше уровня сержантов Шатле и, возможно, даже чуть выше стряпчих и прокуроров Шатле.

Следующие несколько десятков парижских служащих, отнесенных мной к данной категории дарителей, составляют люди, объединить которых в одну группу позволяет лишь одно – в отличие от предшествующих групп, все они не были связаны ни с одной из судебных корпораций.

Небольшую подгруппу составляют дарители, упомянувшие лишь свою **степень**. Это магистр искусств¹⁵⁰, бакалавр и два лиценциата канонического права¹⁵¹, лицензиат римского права¹⁵².

Одно дарение адресовано сыну, три – племянникам, одно – “постороннему студенту”. Пьер Остье, лицензиат канонического права, адресовавший дарение сыну, производит впечатление респектабельного дарителя “адвокатского” уровня. Его сын – студент в Бурже, а это само по себе было весьма престижно. Он дарит фьеф, ренты, имущество в Монтаржи, расписку на 180 ливров, оговаривая, что все это досталось ему в наследство от братьев и сестер (чей статус, к сожалению, не указан). Другой лицензиат канонического права дарит племяннику приобретенные права на наследство некоего булочника. Лицензиат римского права передает земли постороннему студенту “в вознаграждение за оказанные услуги”, что нетипично для судебных.

Бакалавр канонического права передает своему племяннику права на возмещение ущерба, нанесенного каменщиками, которых наняли соседи бакалавра: Франсуа де Сент-Андре, президент Парламента, Робер Дуде – президент Счетной палаты и вдова Гильома Люилье, докладчика прошений королевского дворца¹⁵³. Очевидно, что только надежда на защиту университетских привилегий придавала скромному бакалавру смелости выступить против противников, входивших в судебскую элиту Парижа.

Итак, лиценциаты и бакалавры не образуют группы с устойчивыми специфическими признаками.

Девять **финансовых чиновников**¹⁵⁴: казначеи отрядов конне-

---

¹⁴⁹ Dictionnaire de l’Ancien Régime/ Sous la dir. de Lucien Bély. P., 2002. P. 645–646.

¹⁵⁰ IRI. 2526.

¹⁵¹ IRI. 2272, 2892, 3721.

¹⁵² IRI. 1011.

¹⁵³ IRI. 2272.

¹⁵⁴ То есть люди, занятые сбором или выдачей денег. Их следует отличать от представителей финансовой юстиции, например, того же Брисонне, президента Счетной палаты.

табля Монморанси¹⁵⁵ и господина де Сен-Валье¹⁵⁶; контролер сборов с домена Бретани (*controleur de mortes-payes de Bretagne*), названный в акте также парижским буржуа¹⁵⁷, и еще один обладатель должности контролера королевской лотереи (*controleur de la blanche de Paris*)¹⁵⁸; бывший сборщик и инспектор города, превотства и округа Парижа (*reseveur et voyeur de Paris*), вдова сборщика штрафов и судебных пошлин Парламента¹⁵⁹, чиновник, связанный с откупам солианных налогов (*mesureur de sel*)¹⁶⁰, “Porteur de sel” (доставщик соли, служащий соляного налогового ведомства?), а также “сержант Тальи и Эд парижского элексьона”, два последних дарителя являются участниками уже известного нам дарения студенту Жану Гийяру¹⁶¹.

В этой подгруппе только контролеры и вдова сборщика судебных штрафов одаривают детей. Акты полковых казначеев и бывшего муниципального инспектора¹⁶² адресованы племянникам. Чиновник соляного ведомства одаривает своего дядю-студента, что является “признаком приниженности”.

Пожалуй, только Жан Сежурна, “*controleur de la blanche*” может претендовать на сравнительно высокое место в чиновной иерархии. Он единственный, кто составляет повторное дарение на имя сына, который также получает дарение от своего дяди, владевшего частью сеньории Дампьер¹⁶³. Помимо прав на сеньорию Дампьер, студент Жорж Сежурна получает от отца долговое обязательство, подписанное Робертом Стюартом, маршалом Франции, на 365 ливров и 4 мюида зерна. Похоже, это был не частный заем, а оплата военных поставок, оформленных, как тогда часто бывало, в виде сделки между чиновником и маршалом¹⁶⁴. Кроме того, Жан Сежурна перевел на имя сына права на возбуждение тяжбы против парижских купцов по поводу соглашения о строевом лесе, купленном год назад у аббатства Св. Троицы в Вандоме.

Характерно, что состоятельный, но не связанный с чиновными корпорациями контролер, указывает на то, что он – парижский буржуа, полноправный член городской общины, тогда как для скромно-

---

¹⁵⁵ IRI. 3429.

¹⁵⁶ IRI. 3027.

¹⁵⁷ IRI. 2492.

¹⁵⁸ IRI. 484 . В 1539 г. король впервые ввел в Париже игру “*blanche*”, вроде лото, приносящую казне две тысячи ливров ежегодно (*Guyot P. Répertoire universel et raisonné de jurisprudence civile. P., 1784–1785 . Т. 11. P. 42–46.*

¹⁵⁹ IRI. 821.

¹⁶⁰ IRI. 293.

¹⁶¹ IRI. 4885.

¹⁶² Он составляет свой акт, будучи заключенным в тюрьму Консьержери.

¹⁶³ IRI. 3361.

¹⁶⁴ *Hamon Ph. L'argent du Roi: Les Finances et gens de finances au temps de François Ier. P., 1994.*

го прокурора Шатле достаточным казалось подчеркнуть принадлежность к прославленной курии.

Еще меньше мы можем сказать об оставшихся пяти служащих **“муниципального уровня”**. “Cribleur de blé” (контролер качества зерна)¹⁶⁵, парижский буржуа совместно со свояком, провинциальным мэтром-ремесленником, переводит на имя сына-студента деревенский дом и пахотные земли. “Porteur de grains aux Halles de Paris” (чиновник Парижского рынка?)¹⁶⁶ передает сыну права на получение дуэра своей первой жены, а также расписку некоего булочника на 60 су. Вдова “balancier” (весовщика)¹⁶⁷ дарит постороннему студенту права на движимое имущество в своем доме, а также виноградики на территории Шарентона и ренты из наследства своего дяди, присяжного виноторговца (т.е. одновременно и купца, и сборщика косвенного налога на вино). Стрелок Парижского прево переводит на имя брата-студента права на дуэр своей жены, вдовы мясника¹⁶⁸. Бывший лейтенант городской ночной стражи (lieutenant de guet), парижский буржуа, дарит дом в Париже постороннему студенту¹⁶⁹.

Чиновники этого ранга демонстрируют одновременно и свою отчужденность от судейской среды, и набор признаков социальной приниженности (дарений “посторонним студентам”, участие в коллективных дарениях); вместе с тем они хорошо интегрированы в среду парижских буржуа. Впрочем, для построения каких-либо выводов у нас очень мало данных¹⁷⁰.

Таким образом, особенностью группы этих “чиновников – маргиналов” является сокращение числа дарений по прямой линии. Если даже прокуроры Шатле, стряпчие и сержанты чаще всего одаривают своих детей, то финансовые чиновники, люди, отнюдь не бедные, более склонны одаривать своих племянников, а то и вовсе “посторонних” студентов.

---

¹⁶⁵ IRI. 767.

¹⁶⁶ IRI. 5366.

¹⁶⁷ IRI. 8.

¹⁶⁸ IRI. 4951.

¹⁶⁹ IRI. 3736.

¹⁷⁰ И уж совсем сиротливо выглядят дарения, присчитанные мной к этой категории “по остаточному” признаку. Это – кавалерист королевской ординарской роты под началом герцога Вандомского, который переводит вместе с женой на имя племянника имущество в окрестностях Санлиса, причем патроним студента не совпадает с патронимами дарителей (IRI. 1151); ординарный королевский хирург (IRI. 2636) и некий поставщик (fourier) господина де Сенсак (IRI. 1884), которые передают своим племянникам неразделенные права на наследство.

Провинциалы

Офисье. – Финансовые чиновники. – Адвокаты и лиценциаты. – Прокуроры и нотариусы. – Стряпчие. – Сержанты, почтмейстеры и прочие

Реалии жизни провинциальных офисье и судебных изучать сложнее: в провинции не было таких крупных курий, как Парламент или Шатле, и если выделять группы по формальному признаку, они будут состоять из двух–трех дарителей, что затруднит их анализ. Поэтому я вынужден был вводить некие дополнительные критерии для их объединения в группы.

В первую подгруппу по аналогии с Парижем я объединил **офисье** – владельцев судебно-административных должностей. В нее вошли акты тринадцати дарителей: первого президента Руанской счетной палаты¹⁷¹; руанского королевского нотариуса-секретаря¹⁷²; бальи Мелена, королевского советника¹⁷³; королевского прево города Реймса, также бывшего генеральным казначеем герцогини де Гиз¹⁷⁴; прево г. Ланьи¹⁷⁵; прево Бриенон л'Аривьер¹⁷⁶; капитана крепости Лак-ан-Барб, что в Бургундии¹⁷⁷; вдовы капитана и шатлена крепости Фер, что в графстве Форе¹⁷⁸; вдовы генерального лейтенанта бальяжа Санса¹⁷⁹; генерального лейтенанта бальяжа Манта и Мелена¹⁸⁰; вдовы лейтенанта по уголовным делам (“криминального лейтенанта”) бальяжа Витри де Шато-Тьерри¹⁸¹; “криминального лейтенанта” суда в Монморильоне¹⁸²; вдовы генерального лейтенанта в Виль-дю Руа¹⁸³.

Как видим, должности представлены самые разные, и я не взялся бы ни выстраивать их иерархию, ни судить на этом основании о статусе дарителей. Понятно, что Первый президент суверенной курии Нормандии относится к бюрократической элите, он и сыну передает долговое обязательство на огромную сумму в 1359 ливров. Но и у капитана бургундской крепости, должность которого я бы отнес к разряду малозначимых, братом оказывается могущественный

---

¹⁷¹ IRI. 1236.

¹⁷² IRI. 858.

¹⁷³ IRI. 1017.

¹⁷⁴ IRI. 4480.

¹⁷⁵ IRI. 4850.

¹⁷⁶ IRI. 1416.

¹⁷⁷ IRI. 4222.

¹⁷⁸ IRI. 3386.

¹⁷⁹ IRI. 1125.

¹⁸⁰ IRI. 120.

¹⁸¹ IRI. 1915.

¹⁸² IRI. 645, 738.

¹⁸³ IRI. 3549.

Пьер дю Шатель, епископ Орлеанский – “grand aumônier du Roi” (буквально – раздатчик королевской милостыни, бывший практически руководителем церковной политики короля)”¹⁸⁴.

Все акты, кроме одного, адресуются по прямой линии, видимо, социальное воспроизводство и дальнейшее продвижение связывалось дарителями с университетским образованием сыновей. Это относилось не только к чиновникам юстиции, но и к так называемым “чиновникам короткой робы” – капитанам, королевским прево. Покойный капитан из графства Форэ и его сын фигурируют в актах как лицензиаты права, что, кстати, не мешает сыну оставаться студентом университета.

Бургундский капитан, а также вдова капитана из Форэ упоминают в актах цензивы и феодальные платежи. “Криминальный лейтенант” перечисляет среди объектов дарения дворянскую усадьбу и феодальные ренты. А бальи Мелена передает сыну целый остров, входящий в цензиву аббатства Сен-Дени. Но в отличие от дворян, парижских офицее и адвокатов, они упоминают ренты лишь в трех случаях. Столько же упоминаний и о долговых обязательствах.

Если не считать брата-епископа, приближенного к королю, остальные родственные связи не отличаются высоким уровнем. Купцами были: брат “криминального лейтенанта”, дядя королевского нотариуса-секретаря, свояк генерального лейтенанта города Вильде-Руа. Только у бальи Мелена брат был адвокатом Парижского Парламента. Это, а также наличие двух случаев передачи неразделенных прав на наследство¹⁸⁵, несколько отличает эту группу от их парижских коллег-офицее.

Характерную подгруппу составляют **провинциальные финансовые чиновники**. В нее входят 16 дарителей, т.е. свыше пятой части всего корпуса провинциальных чиновников, тогда как в Париже их доля не превышала 5 процентов. В ее состав включены: пятеро элю (возглавлявших сбор налогов в фискальных округах-элексьонах); восемь различных сборщиков доходов (один из них, Флорен Ленуар, был сборщиком некоего сеньора, остальные королевскими сборщиками); трое контролеров.

Эти дарители выглядят даже щедрее провинциальных офицее. 16 финансовых чиновников составили 24 акта, не уступая дворянам по числу повторных дарений. Один из элю назван экюйе, четверо других дарителей – сеньорами. Кроме того, указание на обладание сеньориальными правами и правами на получение феодальных платежей есть еще в пяти актах. Девять человек (60%) передают ренты,

---

¹⁸⁴ Из других источников мы знаем, что Пьер дю Шатель был покровителем гуманистов и энтузиастом создания “королевского коллежа”, королевской академии, мыслимой как альтернатива Парижскому университету. (См.: *Lefranc A. Histoire du Collège de France*. P., 1893).

¹⁸⁵ IRI. 120, 858.

что превышает даже дворянские показатели благополучия. Правда, средний размер ренты невысок – 4,5 ливра, но это если отказаться от учета акта одного из контролеров, упоминавшего ренту в 333 ливра¹⁸⁶. Кроме того, в акте одного из элю передается рента в 40 су с недоимками за 24 года. Один из сборщиков дарит парижскую муниципальную ренту на сумму в 10 ливров, вспомним, что упоминание таких рент было характерным свойством парижских офисье. Четверо дарителей упоминают долговые расписки на суммы от 25 до 500 ливров, причем их должниками были солидные люди: генерал финансов, вдова королевского гвардейца, сеньор.

Поскольку среди родственников провинциальных офисье было довольно много купцов, то я ожидал, что финансовые чиновники и подавно должны быть связаны с купцами. Два сборщика, действительно, происходили из купеческих семей¹⁸⁷. Но даже они упоминают о других своих родственниках – судейских. Еще один сборщик Санлиссского бальяжа, Жан Лепрево, оказывается втянутым в затяжной процесс со своими родственниками, один из которых был секретарем Палаты вод и лесов¹⁸⁸, свояком Пьера Каде, контролера из Сезанна, был Абзалон Пуле, чиновник королевского соляного амбара в том же Сезанне (*grenetier pour le Roi*)¹⁸⁹. Мы уже сталкивались с этим любопытным кланом выходцев из Санлиса, когда рассматривали акты каноника Адама Пуле. Тот же Пьер Каде упоминает и долговые обязательства на различные суммы. В частности – на 500 ливров “за заботы, труды и расходы”, понесенные дарителем в период пятилетнего опекуинства над нынешней женой некоего Рауля Алельма¹⁹⁰. Через десять лет, в 1552 г., этот же Рауль Алельм встречается в нашем источнике уже как самостоятельный даритель, переводящий на имя племянника-студента большую ренту в 333 ливра¹⁹¹. Он именован в акте контролером королевских складов в Мо (*controleur de magasin du Roi*). Воистину, тесен был мир финансовых чиновников!¹⁹²

Но неожиданно оказалось, что эти вполне процветающие дарители составляют дарения по прямой линии менее, чем в половине случаев – значительно реже, чем большинство парижских судейских. Провинциальные финансисты одаривают своих племянников не реже, чем сыновей. Это может быть и простой случайностью: 16 человек не слишком большая группа. Вспомним, однако, что в дарениях восьми парижских финансовых чиновников сыновья одари-

---

¹⁸⁶ IRI. 4473.

¹⁸⁷ IRI. 2405; 1430, 4503, 3100.

¹⁸⁸ IRI. 4806.

¹⁸⁹ IRI. 640–643.

¹⁹⁰ IRI. 859.

¹⁹¹ IRI. 4473.

¹⁹² См. об этом: *Hamon Ph. Messieurs des finances*. P., 1998.

вались всего в трех случаях. Может быть, это связано с иным типом социального воспроизводства, ведь карьера этих чиновников не была связана напрямую с университетским образованием?¹⁹³

Отметим, что финансовые чиновники чаще, чем прочие, демонстрировали склонность использовать судебные привилегии студентов. Так, например, сеньор де Гильевиль, бывший сборщик ординарных доходов Орлеанского домена, в 1548 г. дарит сыну-студенту остаток долга (*reliquant*) наследников своего помощника (*commis*) по сбору ординарных доходов в период с 1517 по 1523 г.¹⁹⁴ Сборщик Николя Лепрево в 1553 г. переводит на имя сына свои права, отстаиваемые в судебных процессах о разделе имущества и по делу о несправедливой продаже (*vente à vil prix*), начатых еще в 1524 и 1525 гг.¹⁹⁵

Обратимся теперь вновь к группам, предопределявшим обязательное обладание степенью. Это шесть **провинциальных адвокатов**. Половина из них названы также лиценциатами. Вспомним, что из трех десятков парижских адвокатов о наличии степени упомянул лишь один. В провинции, вероятно, ученая степень еще не стала рутиной.

Четверо адвокатов адресуют дарения сыновьям. О родственных связях сведений мало. Лишь о королевском адвокате шатленства Грей известно, что его отец – чиновник соляного ведомства (*grenetier*) в том же городе¹⁹⁶. Два адвоката обладают рентами, одна из которых зерновая. Еще двое упоминают расписки, в том числе на сумму в 100 экю, подписанную Фелибером де Боже, епископом Вифлеемским. Тот же адвокат шатленства Грей назван также экюйе, однако “дворянских”, “престижных” объектов дарения не упоминается.

Следующую подгруппу составляют **провинциальные лиценциаты прав**. Как мы помним, в Париже подгруппа дарителей, не указавших иного статуса, кроме обладания степенью, была ничтожно мала и весьма разнородна. Провинциалы же демонстрируют совсем иную картину.

Восемь дарителей составили десять актов, шесть из которых адресованы детям. У нас нет упоминаний об их родственниках, но ряд признаков указывает на высокий социальный статус дарителей. Один из них – Франсуа Биго из Амьена – экюйе¹⁹⁷, в другом дарении передается сеньория¹⁹⁸. Три дарителя владеют рентами. В одном акте указываются долговые обязательства на суммы в 172 ливра и в 7 ливров¹⁹⁹.

---

¹⁹³ Хотя Эташ Гримон, элю Манта, упомянул в акте о своей степени лиценциата прав.

¹⁹⁴ IRI. 2667.

¹⁹⁵ IRI. 4360, 4806; см. также: IRI. 2555.

¹⁹⁶ IRI. 936.

¹⁹⁷ IRI. 2581, 3275.

¹⁹⁸ IRI. 670.

¹⁹⁹ IRI. 1433.

Лицензиат Рауль Шаль указывает на цель своего дарения: “чтобы помочь сыну содержать себя в парижских школах, ради любви к нему, а также чтобы сын стал порядочным человеком (*homme de bien*)”²⁰⁰. Лицензиат Жорж Трувтер дарит сыну две расписки некоего сеньора, недоимки по зерновой ренте, составляющей крупную сумму 654 ливра, и ренту в 25 ливров. Все это должно служить сыну так долго, “сколько тот будет учиться и посещать школы этого королевства”²⁰¹.

Создается впечатление, что подгруппа провинциальных лицензиатов отличается от аналогичной парижской подгруппы большей однородностью и более высоким престижем.

Если наш парижский опыт можно распространить на провинцию, то мы вправе перейти теперь к тем чиновникам, чье социальное воспроизводство не предполагало обязательного владения степенью, а университетское образование являлось средством социальной мобильности.

Таковы **прокуроры и нотариусы**. Они образуют группу из 12 дарителей, составивших 14 актов. Шестеро были прокурорами в провинциальных судах, кроме того, один из прокуроров назван также сборщиком, другой стряпчим, а один был также нотариусом. К этой группе я отнес и секретаря суда, королевского нотариуса, бывшего также стряпчим, и “просто” нотариуса.

Дарители этой подгруппы уже не именуют себя лицензиатами, нет среди них и дворян. Но двое названы сеньорами²⁰², один указал в качестве объекта дарения ценз²⁰³, другой – часть фьефа²⁰⁴. Об их родственных связях известно немного – брат прокурора, сеньора де Муши был советником Шатле²⁰⁵, братом амьенского прокурора Жана Биго назван парижский купец-буржуа²⁰⁶. Более половины (семеро из двенадцати) дарителей адресуют дарения детям, трое – племянникам, двое – кузенам.

Ренты упоминаются только в двух случаях²⁰⁷. Зато кредиторами выступает половина дарителей. Среди обязательств названы разные суммы, от расписки мельника на 77 су до обязательства на 144 ливра, подписанного дворянкой, явно просроченного, так как оно датировано еще 1519 г.

Антуан де Маршан, сеньор де Берго, нотариус и шатлен Ампельной в Божоле, дарит все свое движимое и недвижимое имуще-

---

²⁰⁰ IRI. 524.

²⁰¹ IRI. 1433.

²⁰² IRI. 1324, 3921.

²⁰³ IRI. 3110.

²⁰⁴ IRI. 2606.

²⁰⁵ IRI. 1314.

²⁰⁶ IRI. 2608.

²⁰⁷ IRI. 949, 1314.

ство сыну “за добрые и любезные услуги... чтобы тот смог лучше содержать себя в университете, продолжить обучение в нем и извлечь плод знания (*fruit de science*)”²⁰⁸. Королевский нотариус и прокурор из Бур-Аржентея передает своему племяннику ценз, земли, луга, виноградники, дом, навозохранилище (*fumier*) и права на различные держания. Этот дар совершен “по доброй любви к своему племяннику и крестнику”, “чтобы тот мог лучше содержать себя в школах, достичь мудрости и попасть в число людей знания (*parvenir au faict de science et au nombre des gens de savoir*) ...иметь книги, деньги и другие необходимые вещи”²⁰⁹.

В дарениях девяти **провинциальных стряпчих** большинство (7 актов) адресованы детям. Среди стряпчих нет ни дворян, ни сенюров, ни упоминаний о сенюриальных правах. Чаще всего они передают деревенские дома и участки земли. Так, Фримен Гэнэ, стряпчий в светской курии Марли-сюр-Марн передает сыну земли, огород и часть дома, крытого соломой²¹⁰. Ренты не упоминаются ни разу; есть данные о двух расписках, причем известна сумма лишь одного обязательства в 20 золотых экю, подписанного сельским священником²¹¹.

В этой группе мы встречаем и коллективные дарения, и передачи неразделенных прав на наследство. Уровень социальных связей был достаточно скромнен – брат одного из стряпчих также был стряпчим в Париже, свояк другого – прокурор Парижского Парламента²¹². Отец стряпчего из Лангра был виноградарем²¹³, братом стряпчего из Пюиссо – мясник из того же города²¹⁴. Стряпчий Жан Баре из города Лупа (Шартрского диоцеза) вместе с шурином, слесарем из того же города, передает пасынку-студенту, покойный отец которого был мясником, права на наследство тещи и тестя. Но удивительно, что в состав этого наследства входили земли, расположенные в Бургундии, Иль-де Франсе, Перше и Нормандии²¹⁵. Непонятно, откуда у этой скромной семьи владения, разбросанные от Луары до Ла-Манша?

Еще более странным выглядит и другое коллективное дарение. Антуан Гюерино, стряпчий светской курии и купец (!), проживавший в Кокэни, что в приходе Морепа, а также Жан Сюре, купец-“землепашец”, проживающий близ Монфор-Амори, от своего имени и от имени Катрин Гюерино, своей жены, передают брату и сво-

---

²⁰⁸ IRI. 3921.

²⁰⁹ IRI. 3528.

²¹⁰ IRI. 2216, см. также № 497, 2857, 4028, 4251.

²¹¹ IRI. 75.

²¹² IRI. 2382.

²¹³ IRI. 496.

²¹⁴ IRI. 137.

²¹⁵ IRI. 2430.

яку-студенту Гильому Гюерино права на наследство Жака Гюерино, их отца и тестя, прево Шевреза. Через два года “землепашец” Робер Фоше из прихода Мольер и его жена Мари Оже, бывшая прежде вдовой Жилия Симеона, дарят права Мари Оже на дуэр от первого мужа тому же Гильому Гюерино, их брату и свояку²¹⁶. Видимо, Мари Оже была единоутробная сестра Гийома Гюерино, только так можно объяснить различие фамилий. Она уже успела овдоветь и выйти замуж вторично, видимо, она была старше студента и родилась от первого брака ее матери. Странно, что дети прево, которого я бы, не задумываясь, отнес к подгруппе офицье, занимают столь скромное положение: дочь замужем за купцом-“землепашцем”, муж падчерицы и вовсе простой крестьянин, а сын – стряпчий в местечке сельского типа (иначе оно не обозначалось бы по имени ближайшего к территории прихода). Причем название это само по себе комично (“Кокэнь” – страна лентяев); трудно представить себе, что за “светская курия” там располагалась (может быть, речь шла о сеньориальном суде?). Возможно, мы, наконец, столкнулись с редким в нашем корпусе отражением процесса нисходящей социальной мобильности – статус детей был явно ниже родительского. Тогда университетская карьера Гильома оставалась последней надеждой семьи²¹⁷.

В целом число провинциальных прокуроров, нотариусов и стряпчих оказывается значительно меньшим, чем в Париже, но в их актах отражены те же тенденции, что мы наблюдали на парижском материале: в этих подгруппах все реже встречаются престижные объекты дарения и ренты, но происходит некоторое увеличение числа упоминаний о долговых обязательствах, часть из которых могли составлять различного рода гонорары за оказанные услуги. Провинциалы, как и парижане, объединенные в эти подгруппы, большую часть своих актов адресуют детям.

Если эти подгруппы судебных в провинции и в Париже вполне сопоставимы друг с другом, то **провинциальные сержанты** ничего общего с парижскими сержантами Шатле не имеют. В эту подгруппу входят акты: сержанта лесной стражи, экюйе (*sergent et garde en la forêt de Laye*)²¹⁸; королевского сержанта-смотрителя заказника (*garde de la garenne du Petit-Galandais*)²¹⁹; королевского сержанта,

---

²¹⁶ IRI. 2922, 3771.

²¹⁷ Возможен, хотя и менее вероятен, и иной вариант: Гильом – старший сын, надолго застрявший в университете или попросту не желавший расставаться с университетскими привилегиями. Ведь в университет, действительно, чаще отдавали старшего сына. Тогда Антуан – совсем юный, начинающий “практик”, набирающийся опыта в захолустном суде, а Мари – дочь от второго и менее удачного брака их матери. Мари очень рано успела выйти замуж, овдоветь и снова выйти за “пахаря”.

²¹⁸ IRI. 1507.

²¹⁹ IRI. 1691, 2098.

сеньора²²⁰; жены сержанта из Дюнуа²²¹; королевского сержанта из Боса²²².

Сюда я отнес также акты: вдовы смотрителя королевской почты в Божоле²²³; смотрителя королевской почты в Бовэ-ан-Гатинэ, “королевского конюшего из числа ста двадцати” (*chevaucher d’ecurie du Roi du nombre des six-vingts, tenant la poste pour le Roi*)²²⁴; королевского квартирера, сеньора (*maréchal des logis du Roi*)²²⁵.

Все девять дарителей этой группы производят впечатление людей респектабельных, что подтверждается сведениями об их родственном связях. Сеньором был дядя жены сержанта лесной стражи, зятем Мишеля Раффона, хранителя королевского заказчика, оказывается егерь из Сен-Жермен-ан-Лэ. Последний был женат на сестре студента, которому и передавал права на часть наследства своих родителей. В 1545 г. Мишель Раффон передал сыну небольшую ренту в 30 парижских су за фруктовый сад “с тем, чтобы он мог лучше и достойнее содержать себя в обучении каноническому праву в Париже”. А через год дарение составляла уже его вдова, передавшая сеньорию, земли, посадки ивняка (*saulseyes*), дома, усадьбу, виноградники при условии погашения ее долгов и выделения сыном необходимых средств для ее содержания. Семья Раффон еще раз встречается в регистрах Шатле: в 1549 г. Жан Раффон, уже обозначенный не как студент, а как кюре Сен-Вандриль (г. Пек), передал брату, сержанту лесного суда (*gruegie*), права на фьефы из наследства Мишеля Раффона за 150 ливров. Акты Раффонов свидетельствуют о довольно высоком социальном уровне: здесь и престижные объекты дарения, и обучение сына на высшем факультете. Но, похоже, что семья напрягает последние ресурсы: хозяйство обременено долгами, мать не оставляет за собой никакого имущества, в ход пошло наследство свояка.

Шестеро дарителей (т.е. две трети) адресуют акты своим детям, трое упоминают ренты: одну натуральную и две денежные (в 20 турских и в 30 парижских су). Долговое обязательство фигурирует лишь однажды – вдова смотрителя почтовой станции передает своему брату-студенту долговые расписки, связанные с деятельностью покойного мужа. Некий буржуа присужден уплатить 114 золотых экю за 12 снаряженных почтовых лошадей и 30 возов сена; другой буржуа должен 21 золотой экю в качестве рентной платы за 10 лошадей с упряжью и 6 возов сена. Видно, без помощи столичного брата, защищенного университетскими привилегиями, вдова не надеялась на погашение этих долгов.

---

²²⁰ IRI. 3113.

²²¹ IRI. 3573.

²²² IRI. 2639.

²²³ IRI. 3758.

²²⁴ IRI. 3706.

²²⁵ IRI. 330.

О судебной тяжбе речь идет в дарении королевского квартирера, сеньора дю Вилье, который передает сыну-студенту право на взыскание денег по суду с некоего Луи де Бастене, убившего свиноматку.

Как и после анализа парижских подгрупп чиновников, у меня осталось несколько дарителей, причисленных к этой категории лишь потому, что они находились на королевской службе: экуюе сеньор Пьер де Саль из ордонансовой роты под началом сеньора д'Агюйера передает племяннику право вести судебную тяжбу против неких лиц, захвативших его земли и разрушивших дом²²⁶. Ролан Юре, проживавший в Нуайоне стрелок ордонансовой роты под командованием принца Ларош-сюр-Ионн, дарит племяннику ренту пшеницей и овсом, дом в Ферте и движимое имущество, причем в публикации воспроизводился его длинный список: начиная с товаров, оставшихся в лавке его покойного отца, и серебряной дарохранильницы, до покрывал и подушек с указанием стоимости каждого предмета²²⁷. Подобные перечни весьма характерны для посмертных описей, брачных контрактов, завещаний²²⁸. В нашем источнике они встречаются крайне редко, поскольку регистрировать предписывалось лишь дарения недвижимого имущества. Этот акт был составлен в 1550 г., накануне новой кампании против императора. Возможно, что, отправляясь на войну, Ролан Юре регистрирует комбинированный документ, скорее похожий на завещание.

Подведем итоги нашего поневоле затянувшегося анализа актов этой, четвертой по счету категории дарителей.

Офисье и судейские, хотя и не являются самой многочисленной категорией нашего корпуса, все же представлены гораздо полнее всех прочих слоев пропорционально своей реальной численности. При всей своей заведомой разнородности эта категория обладает общими признаками: относительной редкостью актов, адресованных посторонним студентам, и случаев передачи прав на ведение судебных процессов. Для большинства из них, включая и “крапивное семя”, характерен высокий процент дарений по прямой линии. Это позволяет предположить, что в их актах отражено чувство уверенности и в необходимости образования, и в своей возможности дать его сыновьям.

И в Париже, и в провинции существовал водораздел, проходивший где-то между адвокатами и прокурорами. По мере продвижения

---

²²⁶ IRI. 2040.

²²⁷ IRI. 3425.

²²⁸ О возможностях подобного рода актов для изучения социальных структур и повседневной жизни общества см.: *Bourquin L. Les objets de la vie dans la première moitié du XVIe siècle à travers cent inventaires après décès parisiennes // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1989. № 3. P. 484.*

ниже этой “образовательной ватерлинии” индексы свидетельствуют об убывании “признаков престижности” и нарастании “признаков приниженности”.

Но мир чиновников можно делить не только на высший и низший слои, иерархически, но и по иным параметрам. Например, на тех, кто связан с чиновными корпорациями, и на “одиночек”. Материальное положение последних может быть вполне солидным, но они менее склонны одаривать своих детей. Возможно, это связано с тем, что ни их собственное положение, ни дальнейшее продвижение в избранной ими сфере деятельности (финансах, администрации) не было напрямую связано с обладанием степенью.

Очевидны различия между парижанами и провинциалами. Последние значительно реже составляют повторные дарения. Кроме того, вновь проявляется тенденция, которую мы наблюдали уже на примере дарений священников. В Париже можно было встретить больше дарителей из низших слоев данной категории. Но если дарители, занимающие высшие места в иерархии парижского и провинциального мира чиновников, походят друг на друга, то провинциальные представители “крапивного семени”, уступая парижским собратьям в численности, выглядят менее стесненными в средствах. Отметим пока эти явления и вернемся к ним, когда будем сравнивать дарения иных категорий провинциалов и парижан.

ГОРОЖАНЕ: БУРЖУА, ТОРГОВЦЫ, РЕМЕСЛЕННИКИ. КАТЕГОРИИ 5, 6, 7

Первые три категории мы выделяли, руководствуясь формальными признаками – терминами, указывавшими на определенное социальное качество. Трудно отрицать, что у нас все же были основания заранее предполагать положение дворян и священников отличным от других групп населения. Анализ дарений этих категорий лишь подкрепил изначальную гипотезу. Офисье и судейские не обладали единым формальным признаком. Но внеисточниковое знание подталкивало к сведению их в одну категорию, и, как показало знакомство с их актами, категория эта обладала единством в не меньшей степени, чем категории дворян, сеньоров и священников. С теми же, кто обозначил себя в актах как “буржуа”, дело обстоит иначе. Мы имеем формальный критерий выделения пятой категории дарителей. Но чем отличались горожане, обозначенные термином “буржуа”, от прочих своих соседей? Для ответа на этот вопрос надо сопоставить разные категории горожан, представленных в нашем источнике.

Доля провинциалов среди дарителей, обозначенных в актах как “буржуа”, ничтожно мала (17 из 252). Мы вернемся к ней тогда, когда речь будет идти о прочих провинциальных торговцах и ремесленниках, а начнем с актов, составленных парижанами.

Парижане

Категория 5а: “Парижские буржуа”

О термине “парижский буржуа”. – Просто “буржуа”, или буржуа-рантье. – Шесть корпораций, их внутренняя иерархия. – “Купцы-буржуа”. – “Специализированные купцы-буржуа”. – Буржуа-ремесленники; четыре поколения Роберов

Термин “буржуа” мог иметь самое широкое значение, относясь ко всем горожанам или даже ко всем ротюрье²²⁹. Но в городской административной лексике так обозначали горожан, достаточно долго живущих в городе, владевших недвижимостью, пользующихся городскими привилегиями и выполнявших свои гражданские обязанности. Буржуа участвовал в муниципальной жизни, если не на уровне городского совета, то на уровне квартала и иных территориальных формирований, вплоть до компаний по вывозу нечистот (*compagnie pour boux*)²³⁰. В этом смысле определение “буржуа” в общепарижском масштабе вообще малопродуктивно для XVI в., поскольку набор муниципальных привилегий и, следовательно, юридический статус буржуа был в каждом городе свой²³¹.

У термина “буржуа” существовало и более узкое значение. Так называли состоятельных горожан, отошедших от коммерции. Еще в XV в. Кристина Пизанская писала: “Буржуа – суть те, кто происходят из старых городских родов, имеют древние фамилии и гербы, являются главнейшими жителями города, владеют родовыми поместьями, домами и рентами, что позволяет им жить на свои средства”²³². В этом смысле термин иногда употреблялся в Париже и в XVI в. В постановлении городского совета 1554 г. говорилось, что он должен состоять из десяти чиновников, шести купцов и шести достойных буржуа, не занимающихся ни трудом, ни продажей товаров, живущих своими рентами и доходами²³³.

---

²²⁹ О расплывчатости этого термина даже в XVIII в., т.е. в эпоху четких социальных дефиниций, закрепленных помимо прочего в “Энциклопедии” Д. Дидро, см.: *Кожокин Е.М.* Французская буржуазия на исходе старого порядка // *Буржуазия и Великая французская революция*. М., 1989. С. 132–136.

²³⁰ *Registres des délibérations de Bureau de la Ville de Paris*. Vol. 2. P. 357; Vol. 12. P. 79; *Recueil général des anciennes lois françaises* / Ed. F.-A. Isambert et al. (Далее – Isambert). P., 1821. Т. 2. P. 675; *Le Roy de Lincy P.* Histoire de l'Hôtel de Ville de Paris. P., 1846. P. 295–353; *Croix A.* L'homme et son entourage // *Histoire culturelle de la France*. P., 1997. Vol. 2: De la Renaissance à l'aube des Lumières; также см.: Город в средневековой цивилизации Западной Европы. В 4 т. М., 1999–2000.

²³¹ *Corcia J. di.* Bourg, Bourgeois: Bourgeois de Paris from the Eleventh to the Eighteenth century // *Journal of Modern history*. 1978. № 50. P. 207–233.

²³² *Pisan Cristine de.* Le livre du corps du policie / Ed. H. Lucas. Genève, 1967. P. 176.

²³³ *Registres des délibérations de Bureau...* Vol. 4. P. 341–342.

В нашем корпусе дарений можно встретить различные значения слова “буржуа”. Так называются многие дарители из числа купцов и ремесленников. Может быть, они и есть полноправные члены городской общины, в отличие от тех, кто не обозначил себя в актах как “буржуа”? Но пока это лишь гипотеза.

Мы уже выяснили, что лишь семеро дарителей из судебных, причем весьма невысокого уровня по своему положению, “вспомнили” в актах о том, что они – буржуа. Хотя все их коллеги обладали правами парижских буржуа, они не отражали этого в своих актах: чувство принадлежности к городской общине отступало перед гордостью осознания себя королевским чиновником, адвокатом или прокурором королевского суда²³⁴.

В актах можно обнаружить и более узкое значение этого термина. Если большинство “буржуа” указывает также сферу своей деятельности (например, “купец-буржуа” или “парижский буржуа-ювелир”), то какая-то часть парижан названа просто “буржуа” без каких-либо уточнений.

Таких **“просто буржуа”** 33 человека, составивших 40 актов.

Используем выработанные нами индексы “престижности/приниженности” (см. табл. 17).

Лишь один из них, Гиљом д’О, фигурирует в двух актах по-разному (в 1540 г. он назван “купцом-буржуа”, а в 1542 г. просто “парижским буржуа”). Трое буржуа названы также сеньорами²³⁵ или экюйе²³⁶; “парижской буржуазкой” (*bourgeoise de Paris*) названа также Катрин Сегвин, вдова Жака де Вилье, виконта д’Арк²³⁷. В этой подгруппе девять женщин-дарительниц. Помимо четырех вдов парижских буржуа, пятеро именовались, подобно Катрин Сегвин, “буржуазками”²³⁸. В актах других подгрупп мы не найдем этого термина, так же как и того, чтобы дарительница выступала в акте самостоятельно, без упоминания о том, что она чья-то жена или вдова²³⁹ (это встречается лишь у дворян).

Указания на родственные связи встречаются редко. Единоутробным братом вдовы виконта был нотариус Шатле²⁴⁰, братом²⁴¹ и отцом “буржуа” названы сеньоры, зятем²⁴² – парижский буржуа-хи-

---

²³⁴ Политическая история Парижа XVI в. свидетельствовала о противоборстве чувства городской солидарности с привлекательностью королевской службы. Напомню, что по оценке Робера Десимона Парижская лига 1585–1594 гг. была попыткой восстановить прежний приоритет городских ценностей. См.: *Descimon R. Qui étaient les Seize? P.*, 1983.

²³⁵ IRI. 430, 978, 2465.

²³⁶ IRI. 1184.

²³⁷ IRI. 1190.

²³⁸ IRI. 1190, 1538, 1861, 3232, 3543.

²³⁹ IRI. 1538.

²⁴⁰ IRI. 2185.

²⁴¹ IRI. 3232.

²⁴² IRI. 4262.

Таблица 17
Парижские буржуа-ранте

Численный состав	33
<i>Индекс А</i> : повторные дарения (вес признака)	21%
<i>Индекс В</i> : коллективные дарения	–
<i>Индекс Е</i> : упоминания о рентах (вес признака)	16 (49%)
Упоминания о долговых обязательствах	7
<i>Индекс G</i> : неразделенные права на наследство	1
<i>Индекс Н</i> : сеньориальные объекты	4
<i>Индекс I</i> : огороды	–

руг. Подавляющее большинство дарений адресовано по прямой линии, но три из них передают имущество внукам.

Кредиторы этой группы указывают крупные суммы от 250 до 450 ливров. А среднее значение для их 16 рент составляет примерно 25 ливров, что даже превосходит “дворянский” уровень. Как и дворяне, эти буржуа часто дарят натуральные ренты, в основном зерновые. Один из них дарит сыну ренту “деньгами и курами на земли, которые надо будет превратить в виноградники”²⁴³.

Парижские дома названы лишь в трех актах. Зато помимо сеньории наши буржуа дарят еще и такие престижные объекты дарения, как лес, фермы, метерии, рыбный пруд, мельницу.

Итак, по объективным показателям эта подгруппа “буржуа” весьма близка к дворянам: высокая доля рент, их солидные размеры, крупные суммы упомянутых долговых обязательств, наличие “престижных” объектов недвижимости. Похоже, что если не все, то многие в этой подгруппе соответствовали представлению Кристины Пизанской и муниципальных документов XVI в. о “буржуа-ранте”. Отойдя от дел в конце жизни, такие горожане именовали себя просто “буржуа”. В эту подгруппу входили и вдовы купцов, свернувшие дела и жившие за счет доходов от недвижимости и рент. Возможно, что какую-то часть в ней составляли и дворяне, считавшие для себя выгодным пользоваться правами парижских буржуа²⁴⁴.

Буржуа “шести корпораций” (см. табл. 18). Мы уже знаем, что большой вес в Париже имели представители шести привилегированных корпораций: суконщиков, бакалейщиков, объединенных с

²⁴³ IRI. 4529.

²⁴⁴ Такими выгодами были юридические и экономические привилегии, в частности, право продажи вина со своих участков без обложения.

Таблица 18
Буржуа "Шести корпораций"

Численный состав	47
<i>Индекс А:</i> повторные дарения (вес признака)	17%
<i>Индекс В:</i> коллективные дарения	1
<i>Индекс Е:</i> упоминания о рентах (вес признака)	16 (34%)
Упоминания о долговых обязательствах	8
<i>Индекс G:</i> неразделенные права на наследство	7
<i>Индекс Н:</i> сеньориальные объекты	1
<i>Индекс I:</i> огороды	—

1484 г. с аптекарями²⁴⁵, галантерейщиков, меховщиков, колпачников (сменивших в 1541 г. менял) и ювелиров. Из их числа избирались эшеваны, во время торжественных процессий они открывали шествие парижских буржуа²⁴⁶ и имели право нести королевский балдахин. В своих актах буржуа из числа "шести корпораций" могут иногда обходиться и без термина "купец" (*marchand*). "Благородство" их занятий объяснялось как спецификой объектов торговли (предметы роскоши), так и тем, что они не занимаются ручным трудом. Исключение составляли лишь ювелиры, но они издавна находились под личным покровительством короля.

Случалось, что в повторных актах менялся термин, характеризующий дарителя. Например, Фурри Песм в 1542 г. назван просто "парижским буржуа", а в 1543 г. — "купцом-суконщиком, парижским буржуа"²⁴⁷. Забегая вперед, отмечу, что некоторые суконщики, галантерейщики, ювелиры фигурируют в актах и без указания на то, что они буржуа. Следуя все тому же формальному подходу, я не включил их в данную группу, а рассматривал в рамках категорий 5 и 7. Но как бы то ни было, те дарители из числа "шести корпораций", что хотя бы один раз назвались "буржуа", именовались так и при повторных дарениях.

²⁴⁵ Несмотря на объединение, старые корпорации сохраняли элементы автономии. Так, например, статуты аптекарей оговаривали особую процедуру принятия шедевра, на которой присутствовали доктора медицинского факультета университета (*Felibien M. Histoire de la ville de Paris. P., 1725. Vol. 2. P. 928*). Кстати, и представленные в нашем источнике акты свидетельствуют об особых связях аптекарей с университетом. Аптекарь Жан Пенеше в дарении назван также "университетским присяжным посланником" (*messenger-juré de l'Université. IRI. 4370, 4372*). Возможно, он выполнял также функции университетского банкира.

²⁴⁶ Десимон Р. Варфоломеевская ночь и парижская "ритуальная революция" // Варфоломеевская ночь: Событие и споры. М., 2001. С. 138–189.

²⁴⁷ IRI. 28, 1197.

Большинство указанных в их актах родственников составляли провинциальные купцы и ремесленники. Свояк одного из ювелиров – прокурор Шатле²⁴⁸, другого – парижский мэтр-стеклодув, с которым он и составляет коллективное дарение²⁴⁹. Брат суконщика Жана Пуле – уже знакомый нам санлисский каноник Адам Пуле²⁵⁰; свояк суконщика Николая Фуру²⁵¹ также хорошо нам известен – это предприимчивый адвокат Шарль Гюедон.

Они указывают довольно много рент, но их размеры невелики. Зато суммы расписок впечатляют: суконщик упомянул расписки вконта Аваллона на сумму в 241 и в 140 ливров, вдова ювелира – расписку некоей дамы на 711 ливров²⁵². Мы не знаем, шла ли речь о долгах клиентов, зато в одном случае известно, что переданное суконщиком обязательство на сумму 210 ливров 10 су 10 денье является платой за поставку сукна другим купцам²⁵³. Кроме одной сеньории, других указаний на “престижные” объекты нет: они передают дома в Париже и провинции, земли, виноградники, луга, огороды, “сарай с прессом”, “домик с низкой кухней”. В семи актах передаются права на наследство без уточнения.

Буржуа “шести корпораций” производят странное впечатление: крупные кредиторы и мелкие рантье. Это может отражать специфику деятельности “буржуа”, имевших дело с предметами роскоши. Дарения студентам долговых обязательств призваны принудить могущественных клиентов платить по счетам. Но, возможно, подобное соотношение кредитов и рент отражает и общее положение купцов, для которых движимое имущество составляло основу богатства, оно еще не успело воплотиться в сеньориях, фермах и рентах.

Внутри этой подгруппы буржуа объекты дарения распределены неравномерно, что отражает таблица 19.

На долю ювелиров приходится больше всего дарений неразделенных прав на наследство, они реже упоминают ренты и расписки. Зато только суконщики имели таких уважаемых родственников, как адвокат и каноник, суконщику же принадлежит единственная в этой группе рента сеньориального происхождения.

Интересно, что имущественная иерархия внутри этой подгруппы, выстроенная на основании случайной выборки статистически нерепрезентативных данных, совпадает с порядком следования па-

---

²⁴⁸ IRI. 4725.

²⁴⁹ IRI. 4010.

²⁵⁰ IRI. 413, 662, 1564.

²⁵¹ IRI. 1555.

²⁵² IRI. 4725.

²⁵³ IRI. 1438. Того же происхождения все расписки, упоминаемые суконщиком, поставляющим шелковую ткань; их размеры – 373, 127 и 91 ливр (IRI. 1955).

Таблица 19
Буржуа "шести корпораций"

Группа	Сукон- щики	Юве- лиры	Аптека- ри-бака- лейщики	Галан- терей- щики	Мехов- щики	Колпач- ники
Численный состав	17	14	9	4	2	1
<i>Индекс А: повторные дарения</i>	4	2			1	1
<i>Индекс Е: ренты</i>	7	2	6	1		
Расписки	5	2			1	
<i>Индекс G: права на наследство</i>		5	1			1
<i>Индекс Н: сеньориаль- ные объекты</i>	1					

рижан во время торжественных процессий. В середине XVI в. первыми шествовали суконщики, за ними аптекари-бакалейщики, а замыкали процессию ювелиры²⁵⁴.

“Купцы-буржуа” (*marchand et bourgeois de Paris*). Рене Гаскон полагал, что так называли тех, кто специализировался на кредитных операциях, так как термин “банкир”, общеупотребительный в Лионе, в Париже не был распространен²⁵⁵. Они составляют большинство в нашей пятой категории “буржуа” (см. табл. 20).

При достаточно большом числе актов, адресованных сыновьям и внукам (63 акта – 60%), возрастает доля дарений братьям и кузенам. Среди их родственников – парижские и провинциальные купцы (14 актов), у двоих родственниками оказываются ремесленники, и еще у двоих – крестьяне. Есть среди их родни и судейские: брат одного из дарителей – клерк секретариата Шатле²⁵⁶, а свояк другого – сборщик²⁵⁷. Зять четы парижских “купцов-буржуа” – бывший королевский комиссар в Мелене²⁵⁸. Но сеньоров среди их родственников нет²⁵⁹.

В пользу гипотезы Гаскона говорит то, что “купцы-буржуа” выступают кредиторами провинциальных купцов. Так, один передает

²⁵⁴ Bryant L.M. The King and City in Parisian Royal Entry Ceremony. Genève, 1986.

²⁵⁵ Histoire économique et sociale de la France. P., 1977. Т. 1. P. 304.

²⁵⁶ IRI. 147, 466.

²⁵⁷ IRI. 2405.

²⁵⁸ IRI. 2904.

²⁵⁹ Исключением может служить лишь Николя Ленорман, “купец-буржуа”, чей сын Жан де Юре назван в другом акте племянником уже известной нам Катрин Сегвин, вдовы виконта. Но у нас нет твердой уверенности в том, что речь идет об одном и том же студенте (см.: IRI. 1107–1108).

Таблица 20
Парижские "купцы-буржуа"

Численный состав	103
<i>Индекс А:</i> повторные дарения ("вес признака")	9,7%
<i>Индекс В:</i> коллективные дарения	6
<i>Индекс Е:</i> упоминания о рентах ("вес признака")	27 (26%)
Упоминания о долговых обязательствах	17
<i>Индекс G:</i> неразделенные права на наследство	13
<i>Индекс Н:</i> сеньориальные объекты	1
<i>Индекс I:</i> огороды	4

сыну обязательство купца из Оверни на сумму в 1076 ливров 8 су 6 денье, другой упоминает расписки купцов из Мондидье и Компьеня на общую сумму в 618 ливров 16 су²⁶⁰.

Трудно определить, являются ли эти расписки результатом кредитных операций "купцов-буржуа", или остались от каких-то торговых сделок. Но ясно, что дарители и сами активно занимались торговлей. Так, в одном дарении речь идет о расписке на сумму в 25 ливров за продажу 10 тыс. яиц²⁶¹. Пьер Тюрпен, "купец-буржуа", составляет три дарения сыну-студенту, переводя на его имя расписки за поставки леса и дров, а также некоторые партии этого товара в портах на Йонне²⁶². Похоже, что "купцы-буржуа" были не столько банкирами, сколько оптовиками, способными выступать и в качестве кредиторов.

Что касается рент, то их средний размер невелик, около 5 ливров. Только в одном дарении речь шла о платежах сеньориального происхождения²⁶³. В другом дарении указывается своеобразная комбинированная рента: "6 ливров, 2 курицы и 6 цыплят, а также ценз в 6 денье за метерию близ Бримона"²⁶⁴. Но чаще всего среди объектов недвижимости называются виноградники, просто земли и огороды.

В целом купцы-буржуа явно уступают подгруппе "просто буржуа" ("буржуа-рантье"), но по многим показателям близки к "буржуа шести корпораций".

²⁶⁰ IRI. 2179, 2360. Размеры остальных обязательств скромнее – расписка в 40 ливров некоего купца-бакалейщика из Сен-Дени (IRI. 4322), обязательство в 20 ливров, подписанное "перевозчиком по воде" (voiturier par eau) (IRI. 1250), обязательства на сумму в 18 ливров 12 су и в 60 су, подписанные купцами из Мелена (IRI. 2556).

²⁶¹ IRI. 839.

²⁶² Столько же актов составил и его отец Антуан Тюрпен-старший, "мэтр мостов и парижский буржуа", передавший внуку ренты и права на ведение судебной тяжбы (IRI. 429, 669, 702, 955, 1139, 2058).

²⁶³ IRI. 4747.

²⁶⁴ IRI. 4031.

Таблица 21
Купцы-буржуа с указанной специализацией

Численный состав	29
<i>Индекс А:</i> повторные дарения ("вес признака")	7%
<i>Индекс В:</i> коллективные дарения	3
<i>Индекс Е:</i> упоминания о рентах ("вес признака")	12 (41%)
Упоминания о долговых обязательствах	4
<i>Индекс G:</i> неразделенные права на наследство	6
<i>Индекс Н:</i> сеньориальные объекты	—
<i>Индекс I:</i> огороды	3

Купцы-буржуа с указанной специализацией. Некоторые "купцы-буржуа" отмечали в актах характер своей торговли. Это относится, например, к четверым торговцам подержанным платьем (*fripiers*), четверым виноторговцам, трем содержателям гостиниц (*marchands-hôteliers*), трем рыбникам и т.д. (см. табл. 21).

Среди родственников дарителей преобладают купцы и ремесленники из провинции. В одном случае родственником "купца-фрипье" (кстати, именованного в другом своем акте просто "купцом-буржуа") оказывается сержант Шатле. Этот же купец-фрипье передает расписку на сумму в 227 ливров; другие расписки гораздо скромнее: виноторговец упоминает расписку на 12 ливров, а торговец свечами и светильниками передает права на взыскание денег за поставку свечей и масла на сумму 9 ливров²⁶⁵. Но почему-то рент они указывают довольно много, правда размер их невелик, в среднем около 5 ливров. В качестве объектов недвижимости названы луга и огороды, земли и виноградники.

Здесь же упомянут и самый юный студент нашего корпуса. Жан Клере, купец-отелье (владелец гостиницы), парижский буржуа, передавал "права на дом близ Сен-Кантена своему сыну Жану Клере, девяти лет отроду"²⁶⁶.

"Мэтры-буржуа". Последнюю подгруппу парижских буржуа составляют мэтры-ремесленники (табл. 22). Среди них было двое портных (*tailleur des robes*), двое каменщиков, один из которых гордо именовался "мэтр, каменных дел бакалавр" (*bachelier ès ouvrages de maçonnerie*)²⁶⁷, два столяра, два хирурга и др.

Их родственниками были, судя по актам, в основном парижские и провинциальные ремесленники. Мы уже знаем, что сыном "мэтра

²⁶⁵ IRI. 688.

²⁶⁶ IRI. 2756.

²⁶⁷ IRI. 1521.

Таблица 22
Мэтры-буржуа

Численный состав	24
<i>Индекс А:</i> повторные дарения ("вес признака")	12,5%
<i>Индекс В:</i> коллективные дарения	2
<i>Индекс Е:</i> упоминания о рентах ("вес признака")	4 (16%)
Упоминания о долговых обязательствах	4
<i>Индекс G:</i> неразделенные права на наследство	7
<i>Индекс Н:</i> сеньориальные объекты	—
<i>Индекс I:</i> огороды	3

мостов" (подрядчика?), Антуана Тюрпена, был парижский "купец-буржуа", торгующий лесом.

Буржуа Жан Барб, мэтр-портной и стригальщик (*tondeur*), его жена Мишель Робер от своего имени и от имени Жака Робера, купца-мясника, проживающего в Фай-о-Лож, что в Орлеанском лесу, их шурина и брата, дарят студенту Филиппу Барбу, их сыну, право на наследство их деда Матюрена Робера, сапожника из Шиль-о-Буа, что близ Орлеана. Через два года тот же Жан Барб, названный уже "парижским буржуа, мэтром-стригальщиком" (*maître tondeur de grande force*²⁶⁸), перевел свои права на наследство тещи, жены крестьянина из Шиль-о-Буа, Жана Робера. Четыре поколения семьи Роберов из Орлеаннэ являют пример социальной мобильности: у сапожника из Шиль-о-Буа сын-землепашец, внук – мясник из соседнего городка, внучка – жена парижского буржуа, владельца мастерской по выделке сукон, и, наконец, правнук – студент²⁶⁹.

Долговые обязательства этой группы, очевидно, являются счетами за оказанные услуги: портной передает расписку графа Даммартена на сумму 139 ливров "за покупку четырех суконных платьев"²⁷⁰, один из хирургов отмечает расписку на 15 экю²⁷¹, другой – обязательство в 8 экю²⁷². 10 ливров 10 су должен выплатить мэтру-каменщику купец из Морти²⁷³. Получить по этим счетам мэтры надеялись лишь при помощи университетских привилегий.

²⁶⁸ Один из словарей в качестве одного из устаревших значений этого слова дает термин "ножницы" (*Darmsteter A., Thomas H. Dictionnaire générale de la langue française. P., 1890–1930*). Эти сведения мне любезно подсказала Е.Н. Кириллова. Но данный термин может относиться как к производственному процессу, так и к объему производства.

²⁶⁹ IRI. 2260, 2803.

²⁷⁰ IRI. 31.

²⁷¹ IRI. 3279.

²⁷² IRI. 400.

²⁷³ IRI. 1521.

Недвижимое имущество упоминается реже, чем у предшествующих подгрупп буржуа. Семеро дарителей (почти треть) передают студентам неразделенные права на наследство. Можно предположить, что “мэтры-буржуа” занимали низшую ступень в иерархии парижских буржуа.

Анализ 235 дарений парижских буржуа показал, что за различиями в терминологии скрывались вполне реальные различия в положении дарителей. Наиболее состоятельными оказываются парижане, обозначившие себя просто как “буржуа” (буржуа-рантье), далее идут “купцы-буржуа” и “буржуа шести корпораций”, причем последняя группа предстает иерархичной: суконщики явно занимают в ней наилучшее положение, а следом за ними идут бакалейщики-аптекари. Буржуа-купцы с указанной специализацией неплохо обеспечены рентами, но демонстрируют и признаки приниженности. Относительная приниженность подгруппы “мэтров-буржуа” уже вполне очевидна.

В нашем корпусе численность первых трех подгрупп буржуа значительно больше, чем двух последних, тогда как в действительности соотношение между ними, скорее всего, было иным. Но границы между подгруппами не были слишком жесткими и значения индексов “престижности и приниженности” изменяются плавно от одной подгруппы к другой. Характерно, что высокая доля дарений по прямой линии (60–70%) остается стабильной для всех групп парижских “буржуа”. В целом парижские буржуа выглядят более однородной категорией, чем все прочие.

Категория ба: “Парижские торговцы”, не назвавшие себя “буржуа”

Терминологическая случайность или объективная реальность? – Адрес как социальный индикатор. – Казус книгопродавца Пассе. – Скорее лавочники, чем негоцианты

85 парижан обозначают себя в дарениях как “marchand” (купцы или торговцы), обходясь при этом без термина “буржуа” (табл. 23). Среди них есть представители специальностей, еще не встречавшихся нам: например, мясники, пекари²⁷⁴, лошадиные барышники (courtiers des chevaux), кошельники, шорники, зеленщики. Но есть и дарители, не отличавшиеся от “буржуа” по своим занятиям – вино-торговцы, книгопродавцы, рыбники, просто “парижские купцы” и даже те, кто мог бы входить в число “шести корпораций”: семь кол-

---

²⁷⁴ К этой группе я отнес тех мясников и пекарей, которые обозначены как “торгующие” – marchands. При отсутствии этого определения мясники и пекари относились мной к категории ремесленников.

Таблица 23

Парижские торговцы – не буржуа

Численный состав	85
<i>Индекс А</i> : повторные дарения ("вес признака")	2,3%
<i>Индекс В</i> : коллективные дарения	15
<i>Индекс Е</i> : упоминания о рентах ("вес признака")	9(10)
Упоминания о долговых обязательствах	6
<i>Индекс G</i> : неразделенные права на наследство	19
<i>Индекс Н</i> : сеньориальные объекты	—
<i>Индекс I</i> : огороды	18

пачников, галантерейщик, ювелир и суконщик, занятый в производстве (drapier drappant)²⁷⁵.

Мы предположили, что употребление термина "буржуа" было знаковым. Но, как мы уже убедились, для чиновников и судебных оно было фактом личного выбора, как и указание на обладание университетской степенью. Может быть, и для прочих горожан именование "буржуа" зависело от прихоти составителя акта или нотариуса, а потому было случайным? Ведь по убеждению большинства историков, статус парижского буржуа был максимально открыт. Поэтому велика вероятность того, что отсутствие термина "буржуа" было вызвано случайными причинами, и выделенная по чисто формальному критерию эта категория не имела никакого реального содержания, была фиктивной.

Существенное отличие этой категории от "буржуа" видно прежде всего в отсутствии повторных дарений. Еще одно различие заключалось в обилии актов с уточнением адреса дарителя. Например, "Валентин Робэ, парижский торговец-зеленщик (fruitier), проживающий на улице Сен-Мартен, прямо против церкви Сен-Николя-де-Шан"²⁷⁶. Доля таких актов у парижских буржуа составляла 12%, а у судебных – 9%. Но в данной группе адреса указывает большинство (67%) дарителей. Вспоминаются слова Барбары Дифендорф: «Ремесленники и небогатые купцы указывали в нотариальных контрактах свою улицу или приход, тогда как королевские чиновники чаще ограничивались формулой: "в Париже", что делает этот источник малопродуктивным для изучения расселения городской элиты»²⁷⁷.

Офисье или буржуа, передавая студенту дом, старательно описывали его местонахождение, указывая улицу, близлежащую цер-

²⁷⁵ IRI. 2538.

²⁷⁶ IRI. 2422.

²⁷⁷ Diefendorf B. Paris City Councilors in the Sixteenth Century: The Politics of Patrimony. Princeton, 1983.

ковь, а иногда еще и вывеску на доме. Но уточнять свой собственный адрес он не считал необходимым: он был человеком известным и уважаемым в городе или, по крайней мере, в квартале, не то, что простой зеленщик! Похоже, что мы получили еще один *индекс приниженности* парижан – рост числа актов с уточнением адреса дарителя.

Дарений по прямой линии чуть больше половины, в этом они уступают судейским и “буржуа”. Социальные связи этих дарителей весьма неоднородны – 17 из них указывали в актах родственников одного с ними круга: парижских и провинциальных торговцев и ремесленников. Восемь человек оказались связаны с крестьянами, подмастерьями, слугами. Но попадались среди родственников и более солидные персоны – священник²⁷⁸, а брат одного из виноторговцев держал школу письма в Орлеане²⁷⁹.

Есть и указания на родство с судейскими, но примечательно, что их мы можем найти лишь в актах тех, кто мог бы претендовать на место среди членов “шести корпораций”, если бы именовался “буржуа”: свояком суконщика-шоссетье был уже известный нам элю Антуан де Валь²⁸⁰, тетка другого суконщика-шоссетье была замужем за стряпчим-прокурором из Буржа²⁸¹, сестра еще одного суконщика (*drapier drappant*) была женой провинциального стряпчего, тетка колпачника была замужем за мэром городка Марвиль²⁸².

Особый интерес представляют акты книгопродавца (*marchand-libraire*) Гильома Пассе, единственного, кто составил более одного акта. В 1541 г. Гильом Пассе, проживающий на холме Сент-Илэр, совместно с сестрой Мартой дарят права на наследство отца, Жана Пассе, студенту Франсуа Беро, их брату с материнской стороны. Через год Гийом Пассе, проживающий на улице д’Экокс, дарит ему же ренту в 25 су на виноградники близ Орлеана. И, наконец, в 1545 г. все тот же Беро получает дарственную от Гильома Пассе, Жана Бланшара, подмастерья портного, проживающего на улице Омер, и Марты Пассе, его жены. Они передают студенту свои права на наследство Жана Пассе по прозвищу Барбье, проживающего в Неви, их деда, и Жана Пассе по прозвищу Барбье, книгопродавца и типографа, их отца, включая дома, земли и виноградники в Неви и Булей²⁸³.

Можно рассмотреть эти акты как процесс социальной деградации: брак дочери книгопродавца-типографа с подмастерьем похож на мезальянс. Оказавшиеся в тяжелых материальных условиях Гильом и Марта связывали с университетской карьерой своего еди-

---

²⁷⁸ IRI. 114, 3659.

²⁷⁹ IRI. 601 (*tenant l’école à l’écriture d’Orléans*).

²⁸⁰ IRI. 2555.

²⁸¹ IRI. 709.

²⁸² IRI. 1623.

²⁸³ IRI. 402, 638, 2030.

ноутробного брата все надежды, ради которых наследственные земли семьи Пассе переходили в руки Беро. Ведь несмотря на то, что в отличие от прочих парижских торговцев, Пассе составил целых три акта, его дарения не свидетельствуют о процветании семьи. Однако возможно и другое прочтение: брак Марты Пассе мог быть и не таким уж мезальянсом. Ведь ни Жан, ни Гильом Пассе, ни его отец Жан Пассе по прозвищу Барбье, ни разу не фигурировали в выходных данных парижских изданий²⁸⁴. Это означает, что они не принимали изданий за свой счет, оставаясь либо ремесленниками, выполнявшими заказы, либо торговцами розничного типа, в то время как подмастерье Бланшар, видимо, был молод и еще вполне мог стать мэтром-портным, сровнявшись, а то и превзойдя в статусе свояка и покойного тестя²⁸⁵. Стремясь защитить свое имущество от претензий прочих наследников, Гильом Пассе, его сестра и ее муж обращаются к своему родственнику-студенту.

Редкие ренты, которые упоминают эти парижские торговцы, весьма невелики²⁸⁶. Самой крупной является рента в 10 ливров, которую даритель должен взыскать с дуэра своей тещи²⁸⁷. Суммы расписок также скромны: от 10 до 20 ливров, или без уточнения: “некие суммы, как по распискам, так и без оных”²⁸⁸.

Среди объектов недвижимости преобладают дома и виноградники²⁸⁹. Книготорговец Мишель Лефе, женатый на вдове возчика (*voiturier par tette*), передает пасынку дом в предместье Сен-Виктор с залом для игры в мяч²⁹⁰. Устройство площадок для этой игры, вошедшей в моду в XVI в., давало доход сотням парижан. Но в том же акте указывается движимое имущество и утварь (*ustansile*), что, как мы помним, служит показателем приниженности (*Индекс К*). Другим таким индексом приниженности этой группы служит большое число дарений неразделенных прав на наследство.

Таким образом, целый ряд объективных показателей свидетельствует о том, что отсутствие в актах термина “буржуа” рядом с име-

---

²⁸⁴ *Renouard Ph. Documents sur les imprimeurs, libraires, cartiers, graveurs, fondeurs de lettres ayant exercé à Paris de 1450 à 1600. P., 1901; Idem. Répertoire des imprimeurs parisiens: Libraires, fondeurs de caractères et corecteurs d'imprimerie. P., 1965.*

²⁸⁵ В публикации Куайака упомянут некий Жан Бланшар, портной с улицы Муфтар (*Soyecque E. Recueil d'actes notariés relatifs à l'histoire de Paris et de ses environs au XVIe siècle. P., 1905. Vol. 1).*

²⁸⁶ 8 су на дом в Этампе (IRI. 1085), 25 су на виноградники (IRI. 638).

²⁸⁷ IRI. 3987.

²⁸⁸ IRI. 1057. Лишь один кожевник упоминает об обязательстве на относительно крупную сумму в 90 ливров, но оно досталось ему в наследство от родственника – священника.

²⁸⁹ Лишь один из “купцов-стригальщиков” передает сыну мельницу в бальеже Перш (IRI. 4367).

²⁹⁰ IRI. 41.

нем дарителя не было случайным. Группа парижских торговцев разительно отличается от категории “буржуа”: исчезают повторные дарения, возрастает число коллективных дарений и дарений неразделенных прав на наследство, сокращается доля упоминаний о рентах и расписках. Кроме того, мы обнаружили еще один показатель – склонность к упоминанию своего точного парижского адреса. Кстати, подгруппа торговцев, не указавших свой адрес (28 человек), выглядит несколько состоятельнее – у них чуть выше доля дарений рент и долговых обязательств и меньше дарений неразделенных прав на наследство.

В целом торговцы, не упомянувшие о том, что они “буржуа”, даже те из них, кто по своим занятиям вполне мог бы принадлежать к представителям “шести корпораций”, более походят на лавочников, чем на оптовиков-негоциантов.

Категория 7а: Парижские ремесленники

Мэтры и прочие. – Нарастание индексов приниженности. – Счета за поставки. – Пекари из предместий. – Дом близ сточной канавы

Напомню еще раз, что к этой категории дарители причислялись мной не по профессиональному признаку (табл. 24). Определяющим было отсутствие термина “marchand”, понимаемого в качестве социального маркера. На самом деле, многие из этих “ремесленников” занимались торговлей, равно как “купцы” могли заниматься непосредственно ремеслом.

Ремесленники, так же как и торговцы, часто указывали свой адрес (79 человек из 138). При том, что индекс *индекс А* у них отрицателен, индекс *В* (участие в коллективных дарениях) велик.

47 ремесленников названы “мэтрами”. Если среди “мэтров” доля тех, кто указал свой адрес, составляет 46%, то среди остальных ремесленников этот показатель существенно выше (71%).

Дарения, адресованные детям и внукам, составляют, как и у других парижан, примерно половину всех актов. Есть и довольно редкий случай: дарение, адресованное племянником дяде-студенту. Особого упоминания заслуживает акт Паскье де Лада, седельщика, живущего близ ворот Сен-Жак. Он дарит права на имущество тестя и тещи студенту Антуану де Лассаль и его жене Жошен Брейе, которые приходится ему свояком и свояченицей²⁹¹. Это единственный случай упоминания о женатом студенте. Антуан де Лассаль мог быть бакалавром медицинского факультета, где к тому времени целибат для преподавателей был уже не обязателен. Но, возможно, он был каким-нибудь “подданным” университета: педелем, писарем, присяжным книгопродавцом и т.д.

---

²⁹¹ IRI. 4608.

Таблица 24

Парижские ремесленники – не буржуа

Численный состав	138
<i>Индекс А:</i> повторные дарения ("вес признака")	(–3%)
<i>Индекс В:</i> коллективные дарения	19
<i>Индекс Е:</i> упоминания о рентах ("вес признака")	7
Упоминания о долговых обязательствах	8
<i>Индекс G:</i> неразделенные права на наследство	43
<i>Индекс Н:</i> сеньориальные объекты	–
<i>Индекс I:</i> огороды	8

Многие исследователи отмечают свойственную ремесленникам XVI в. склонность к эндогамии²⁹². Это хорошо подтверждают наши акты: возчик составляет акт совместно с братом-каретником²⁹³, лодочник (*voiturier par eau*) объединился со свояком – мэтром-рыбаком (*maitre pecheur à verge*)²⁹⁴.

Отец типографа, т.е. представителя сравнительно новой отрасли, был крестьянином²⁹⁵, что заставляет вспомнить акты книгопродавца Гильома Пассе. Кстати, все семеро других ремесленников, упомянувших о своих родственниках-крестьянах, указали в дарениях свой точный парижский адрес.

Ремесленники оказываются также связаны со слугами, чего прежде мы не встречали. Парижский мэтр, изготовлявший пояса, составляет дарение совместно с братьями – торговцем бумагой и слугой какого-то дворянина²⁹⁶; дядя портного был садовником господина де Ля Пойе²⁹⁷. Сваяком пекаря из предместья Сен-Лоран был парижский поденщик (*manœuvrier*)²⁹⁸. Реже речь шла о родственниках в мире чиновников: у мэтра-шоссетье братом был "сержант с жезлом"²⁹⁹, свояком мэтра-футлярщика был тот самый "cribleur de blé", которого я отнес к муниципальным чиновникам³⁰⁰. Но в целом

²⁹² См., например, исследования, посвященные Дижону: *Farr J.R. Hands of Honor: Artisans and their World in Dijon, 1550–1650. Itaca; London, 1988. P. 262; Holt M. Popular political culture and mayoral elections in sixteenth-century Dijon // Society and Institution in Early Modern France: Essays presented to J. Russel Major. Georgetown, 1991; Idem. Wine, community and Reformation in sixteenth-century Burgundy // Past and Present. 1993. № 138 (fév.). P. 58–93.*

²⁹³ IRI. 2855.

²⁹⁴ IRI. 3594. См. также: IRI. 1087; 2502, 3049.

²⁹⁵ IRI. 4681.

²⁹⁶ IRI. 4211.

²⁹⁷ IRI. 2587.

²⁹⁸ IRI. 1835.

²⁹⁹ IRI. 1366.

³⁰⁰ IRI. 67.

доля родственных связей с представителями слоев, расположенных по своему статусу ниже уровня самих дарителей, явно превышает процент указаний о наличии родственников в более высоком социальном слое.

Расписки ремесленников, как и у мэтров-буржуа, часто являются неоплаченными счетами клиентов. Мэтр-слесарь Гильом де Фуа отражает в своем дарении довольно крупную сделку: он передает сыну расписку на сумму в 25 экю, выданных на транспортные расходы слесарю из Бомон-сюр-Уаз, которому даритель поручил доставить в Англию 500 заготовок для арбалетов (*arbiers d'arbaléte*) и партию "шляп" (*chapeaux*), возможно, так назывались и какие-нибудь детали вооружения³⁰¹. Расписку на 70 ливров упоминает мэтр-позументщик среди прочих объектов дарения, призванного рассчитаться с посторонним студентом. Кровельщик переводит сыну помимо прочего 350 ливров, которые ему должны выплатить за кровельные работы³⁰², счета за свою работу передает и каретник из предместья Сен-Марсель³⁰³.

Дени Алабарб, пекарь из предместья Сен-Марсель, дарит сыну ренту в 8 ливров, выплачиваемую его братом-землепашцем из Нормандии, который задолжал дарителю также сумму в 8 ливров и 72 локтя полотна³⁰⁴.

При том, что и расписок, и рент ремесленники упоминают мало, мэтры-ремесленники (независимо от того, указали они свой адрес или нет), указывают их чаще других. Так, 4 парижских ливра должен выплачивать мэтру-пекарю некий шевалье³⁰⁵. Уже знакомый нам мэтр-позументщик в дарении постороннему студенту упоминает ренту в 25 ливров, конституированную на своего родственника³⁰⁶. Однако самую крупную ренту упоминает ломовой извозчик: 421 ливр 10 су "ренты на частных лиц" (*sur les particuliers*)³⁰⁷.

Но очевидно, что среди прочих дарителей-ремесленников своей активностью выделяются пекари. Пекарь-булочник в Париже всегда был заметной фигурой, он пользовался в народе репутацией немолчаливого кредитора и подозревался в незаконных махинациях³⁰⁸, служил мишенью для расправы во время народных волнений. Кстати, среди парижских ремесленников, зарегистрировавших дарения

---

³⁰¹ IRI. 962.

³⁰² IRI. 4889.

³⁰³ IRI. 1698.

³⁰⁴ IRI. 4609.

³⁰⁵ IRI. 4779.

³⁰⁶ IRI. 5126.

³⁰⁷ IRI. 5306.

³⁰⁸ *Versoris N.* Livre de raison de Me Nicolas Versoris, avocat au Parlement de Paris, 1519–1530 / Publ. par G. Fagniez // *Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de-France*. 1885. P., 1885. T. 12. P. 99–222.

студентам, пекари составляли самый большой отряд – 10 человек; кроме того, еще трое *marchand-boulangers* были причислены мной к предыдущей категории. На втором месте по числу упоминаний идут портные: семеро мужских (*tailleur de robes*), пятеро дамских (*couturier*), далее идут шестеро возчиков (*voiturier par terre*), к которым можно прибавить также ломового извозчика (*hacquetier*), пятеро плотников, пятеро чесальщиков шерсти, четверо каменотесов и три каменщика, четверо типографов.

Передаваемые дома по большей части были расположены в провинции – в селах и городках. На парижские дома указывают шестеро дарителей, но это именно те дома, в которых живут сами ремесленники. И только один из них упоминает сразу два дома. Ломовой извозчик, перевозчик гипса, проживал на улице Круа, близ Понт-о-Биш (“моста с ланями”). Он передает сыну-студенту дом из двух корпусов с садом на улице Круа, примыкающий к стенам приорства Сен-Мартен-де-Шан, и дом напротив городских стен между воротами Тампль и Сен-Мартен, примыкающий к сточной канаве (*egout*)³⁰⁹. Видимо, “мост с ланями”, близ которого жил сам даритель, был мостом через сточную канаву.

Но самым распространенным видом дарения среди ремесленников была передача неразделенных прав на наследство. Ее осуществило свыше трети ремесленников, что намного больше, чем у прочих горожан. Выше у них была и доля дарений посторонним студентам. Порой ремесленники заявляют о своем желании “расквитаться” с ними за некие услуги. В одном из таких актов мотивы дарения прояснены с подкупающей откровенностью. Портной Пьер Перше дарит студенту Тома Лемуану права на возбуждение иска (*des droits et actions à exercer*) против отца, Рене Перше, поскольку “указанный Пьер Перше считает, что не к его чести было бы возбуждать иск против собственного отца”³¹⁰.

В целом группа ремесленников демонстрирует полный набор признаков приниженности.

Как и следовало ожидать, в более выгодном положении по отношению ко всей группе оказываются дарители, названные “мэтрами”. Дарители, указавшие свой точный адрес, кажутся чуть беднее тех, кто свой адрес опустил. Но как и в предыдущей группе, это различие представлено в виде слабой тенденции.

Теперь, наконец, оставим Париж и обратимся к провинциальным дарителям.

---

³⁰⁹ IRI. 5306.

³¹⁰ IRI. 2587.

Провинциалы

Географический ареал

В Шатле зарегистрировали свои дарения 161 провинциал из числа буржуа, купцов и ремесленников. По числу дарителей лидирует город Санс – 6 человек (в ту пору это была церковная митрополия). Далее идут Амьен и Мо (по 5 дарителей). По 4 – в Орлеане, Труа и в Сен-Дени – “спутнике” Парижа (вспомним того сержанта Шатле, который также был буржуа Сен-Дени). По три дарителя отмечено в Санлисе, Этампе, Монтаржи; по два – в городах Невер, Бове, Мант, Эперне, Шартр, Мулен-Энгельберт, Монтро-Фот-Йонн. По одному в таких крупных центрах, как Руан, Суассон, Реймс, Оссер, Бурж, Тур, Блуа. Остальные (свыше 100 человек) были уроженцами мелких и средних городов и сел.

Дарителями могли выступать и жители таких отдаленных от Парижа провинций, как Маконнэ, Форэ, Лангедок, есть даже купец из далекого Лиссабона³¹¹. Но большую часть дарений составили жители Иль-де-Франса (39,5%). Следом идут выходцы из Шампани, проживавшие в основном по берегам Йонны, Сены и Марны (18%). 15% составляют жители Орлеаннэ (за счет жителей Шартрского диоцеза и плато Бос). 9% приходится на обитателей прочих Луарских областей – Турени, Берри, Нивернэ, Форэ. Выходцы из Пикардии составляют 5% и 2,5% – из Бургундии. По одному дарению приходится на Нормандию и Мэн. Зона происхождения дарителей совпадает в основных чертах с зоной юрисдикции Парижского парламента. Конечно, сфера юрисдикции Шатле была гораздо уже, ограничиваясь частью современного Иль-де-Франса. Но может быть, мы имеем дело с особой юридической зоной, в которой дарители уже выработали привычку апеллировать в парламент Парижа? Внутри этой зоны явное преобладание имеют районы, связанные с Парижем речной сетью – города по Уазе, Йонне, Марне, Сене. Области Востока и Северо-Востока по своим экономическим связям с Парижем и по роли в иммиграционном потоке в столицу издавна превосходили влияние прочих областей Франции³¹².

---

³¹¹ Он дарит студенту, сыну брата, права на наследство сестры – жены парижского мэтра-каменщика (IRI. 2967).

³¹² Любой купец, привозящий товары в Париж по Сене, обязан был взять себе в компаньоны кого-нибудь из парижских буржуа и зарегистрировать эту “компанию” в муниципалитете. Сохранившийся регистр этих сделок дает представление о характере торговых связей Парижа. См.: *Le Registre des compagnies françaises (1449–1467)* / Ed. J. Favier. P., 1977.

Категория 5б: провинциальные буржуа

Респектабельные дарители. – Щедрый Антуан Куртуаэ. – Лесной заказник с изгородью из боярышника. – Яблони сорта “Бонди”

Провинциалов, обозначивших себя как “буржуа”, мало – всего 17 дарителей. Это семеро “просто” буржуа, составивших в общей сложности 12 актов, и десять “купцов-буржуа”, составивших 19 актов. Столь высокое число повторных дарений обеспечено этой группе за счет Антуана Куртуаэ, купца-буржуа из Мулен-Энгельберта, который составил в один день – 28 декабря 1547 г. – сразу семь дарений³¹³, лишь немного уступив “рекорду” эжюйе Луи де Призи. Но в любом случае, дарения провинциальных “буржуа” демонстрируют ряд “индексов престижности”, в их числе много дарений по прямой линии (75% – 14 случаев), отсутствие коллективных дарений, сравнительно высокий статус упомянутых родственников. Дядя купца-буржуа из Жьена – каноник того же города, свояк купца-буржуа из Монтаржи – кантор собора в Сансе, а дед жены буржуа из Санса – королевский прокурор в Эрви-Ле-Шатель.

В десяти актах упоминаются долговые расписки на суммы, чей средний размер составляет 70 ливров, что примерно соответствовало уровню парижских “купцов-буржуа”. Шестеро передают ренты.

Среди многочисленных дарений Антуана Куртуаэ, передающего сыну луга и виноградники, упоминается также некая рента, которую местный кюре должен выплачивать пшеницей со своей десятины, и расписка на 30 ливров каноника собора Сен-Мартен в Кламси за аренду дома, огорода и виноградника в этом городе. Среди объектов дарения можно встретить и такие престижные виды недвижимости, как фьеф³¹⁴ и лес³¹⁵. Буржуа из Орлеана упоминает лес с заказником (gareppe), он же передает права на ведение процесса против Жана и Жака Гольше, разрушивших насыпь и уничтоживших кусты боярышника, закупленные для того, “чтобы оградить указанный лес и заказник”³¹⁶.

В прочих дарениях указываются деревенские дома, луга, земли, сад, виноградники. Обстоятельно, как человек, близкий к земле, перечисляет объекты дарения Жак Кэн, санлисский буржуа: зерновая и денежная ренты, долговые расписки, а также виноградники и земля с “некоторыми специальными фруктовыми деревьями (arbres fruitiers spécifiés), такими как яблони сорта “Бонди”, персик, вишни, груша сорта “Кузен”³¹⁷.

---

³¹³ IRI. 1634–1640.

³¹⁴ IRI. 1693.

³¹⁵ Portion d'une coupe de bois de haute futaille (IRI. 315).

³¹⁶ IRI. 1745.

³¹⁷ IRI. 3212, 313.

Если не считать обстоятельства в описании земель и связанных с ними тяжб, то провинциалы этой группы сопоставимы с парижскими “буржуа” и даже “буржуа-рантье”. Тем более, что одно из дарений³¹⁸ составлено “буржуазкой” (bourgeoise) Шартра. Вспомним, что в женском роде употребление этого термина отмечалось только в высшей подгруппе парижских “буржуа”.

Категория 6б: провинциальные купцы

Престижные родственники и богатые дарения. – Лошадь под муаровой попоной Пьера Клемана. – Дело о ереси. – Скорее негоцианты, чем лавочники

По сравнению с “буржуа”, купцов, обошедшихся при составлении актов без этого термина, среди провинциалов было несопоставимо больше – 108 человек, составивших 122 дарения (см. табл. 25).

Они обозначены просто как “купцы”, и только 19 дарителей указывают специализацию своей деятельности. Среди них суконщики, один из которых назван “drapier drappant”³¹⁹, шоссетье, купец-сайетье (sayetier)³²⁰, бакалейщик, галантерейщик, колпачник, т.е. те, кого в Париже отнесли бы к числу представителей “шести корпораций”. Но есть также мясники, пекари, купцы-бондари, содержатель гостиницы, купец-кузнец, купец-котельщик.

Один из купцов, Пьер Депре из Невера, именуется также сеньором³²¹, в других дарениях передаются фьефы в благородном держании³²², сеньории и фермы, земли и сеньория³²³. Это безусловно свидетельствует о высоком социальном престиже данной группы. Доля дарений по прямой линии здесь, однако, была меньшей, чем в респектабельных группах парижан – 55 актов (51%). Но провинциальные купцы “не буржуа” отличаются от аналогичной парижской группы уровнем социальных связей: лишь однажды говорится о представителе “низшей” категории³²⁴, в четырех случаях родственниками были судейские, а в десяти актах братьями, кузенами и свояками провинциальных купцов названы представители мира церк-

---

³¹⁸ IRI. 2079.

³¹⁹ IRI. 1160.

³²⁰ Сайета – род ткани из смеси шерсти и шелка. В анализируемом акте (IRI. 5255) купец-сайетье из Амьена передает сыну ренту в 25 ливров, составляющую часть наследства его брата – бакалавра теологии. Производство сайеты действительно было распространено исключительно в Пикардии. Правда, это явление относят к XVII в. См.: Histoire de la France urbaine. P., 1981. Т. 3. Р. 325.

³²¹ IRI. 5044.

³²² IRI. 1430, 3420.

³²³ IRI. 245, 2672.

³²⁴ Купец из Шони Бодо Беранже составил дарение племяннику совместно с сестрой и ее мужем-поденщиком из Бомон-ан-Бьена (IRI. 534).

Таблица 25
Провинциальные торговцы

Численный состав	108
<i>Индекс А:</i> повторные дарения ("вес признака")	(13%)
<i>Индекс В:</i> коллективные дарения	3
<i>Индекс Е:</i> упоминания о рентах ("вес признака")	30 (27%)
Упоминания о долговых обязательствах	29
<i>Индекс G:</i> неразделенные права на наследство	17
<i>Индекс Н:</i> сеньориальные объекты	5
<i>Индекс I:</i> огороды	5

ви – от простых священников, викария и капеллана до каноников и декана одной из парижских церквей.

Провинциальные купцы нередко выступают как кредиторы. Наиболее типичной для этой группы следует признать расписку на сумму 18 ливров³²⁵. Эта величина достаточно скромная, но провинциальные купцы все же производят впечатление активных кредиторов. Часть расписок является результатом различных торговых сделок. Так, например, Жан Пассаже, купец из Брийерра, что близ Мена-на-Луаре, передает сыну долговые обязательства “как в деньгах, так и натурой, в частности, на дюжину грабов, два дуба и 26 фунтов конопли – наполовину из мужских, наполовину из женских растений”³²⁶. В другой расписке речь идет о 64 су за продажу упряжи³²⁷. Симон Беранже передает племяннику четверть суммы, которую ему должны купцы, вошедшие с ним в компанию для рубки леса у сеньора де Вьемезон³²⁸. Еще одну расписку за поставку партии леса передает купец из Пуату³²⁹. В другом дарении говорится об улаживании расчетов между купцами из Манта, объединившимися для торговли вином³³⁰.

Купцы могут выступать в актах и как ростовщики. Один из них передает расписки за продажу вина и за займы денег³³¹. Пьер Фагот, купец из Тоннера, упоминает расписки различных жителей окрестных городков и деревень на мелкие суммы: в частности, 4 ливра,

³²⁵ Самое крупное обязательство на сумму 435 ливров образовано из задолженностей по рентам, выплачиваемым архидьяконом Мелена, а самое мелкое исчисляется всего одним экю.

³²⁶ 26 livres de chanvre moitié mâle moitié femelle (IRI. 2728).

³²⁷ IRI. 3420.

³²⁸ IRI. 2300.

³²⁹ IRI. 542.

³³⁰ IRI. 337.

³³¹ “Pour vente de vin et prêt d’argent” (IRI. 1960).

7 су и 6 денье ему должен иконописец (imagier) Филипп Жермен³³². Их должниками выступают также дьякон, каноник, сеньор, купцы и ремесленники³³³.

В группе провинциальных купцов, так же как и у провинциальных “буржуа”, упоминаний о расписках примерно столько же, сколько упоминаний о рентах. В основном речь идет о рентах, выплачиваемых пшеницей, рожью, ячменем, овсом. Санлиссский купец уточняет, что речь идет о пшенице “хорошего качества, годной к продаже, сухой и чистой, измеренной мерой Санлиса”³³⁴. Денежное выражение указано лишь в восьми актах, поэтому средняя величина – 33 ливра – может оказаться чистой случайностью. Но очевидно, что в этой группе доля упоминаний о рентах в три раза выше, чем среди парижских торговцев.

Среди объектов недвижимости часто указываются дома, как деревенские, так и городские, как правило, расположенные в том же городе, где жил сам даритель. В 15 случаях упомянуты “земли”, но “виноградники” названы лишь в пяти актах, что отличает этих дарителей от парижан, которые часто одаривали студентов именно виноградниками, расположенными вблизи столицы. Помимо сеньорий среди престижных объектов недвижимости упомянуты ферма, метерии, мельница, лес, хлев при скотобойне³³⁵ и “место, на котором должна будет разместиться дубильная или сукновальная мельница” (auquel y a place pour faire moulin à fouller draps ou battre tan)³³⁶. Еще одно отличие от парижан состоит в том, что провинциальные купцы часто передают движимое имущество – мюиды вина, сетье зерна, урожай, пару быков с ярмом и повозкой³³⁷ и др.

Акты купца из Мо Пьера Клемана могут служить любопытной иллюстрацией многообразной деятельности этих дарителей. С 1542 по 1544 г. он адресует пять дарений своему сыну Клоду. Ему передаются права на взыскание различных долгов, как записанных в расходную книгу, так и по обязательствам³³⁸; сто мюи вина, хранящихся в парижских погребах³³⁹; просроченные долговые обязательства³⁴⁰; ренты пшеницей, строевой лес, прозываемый “Буа Миньо”, что между Бевалем и Нёфшателем; два дома в Мо, на улице Сен-Николя, из коих один под знаком креста; дом в Дам-мартен-ан-Гоеле, право сбора пошлин в том же городе, именуемое

³³² IRI. 1485.

³³³ IRI. 2672; 865; 544; 946, 2300, 2070, 1485, 2082.

³³⁴ IRI. 4420.

³³⁵ IRI. 4664; 893, 3365; 4764, 4420; 1499; 1489.

³³⁶ IRI. 2245.

³³⁷ IRI. 629; 946; 4430, 4202; 2065.

³³⁸ “Divers crèances tant inscrits sur son papier journal que par obligation” (IRI. 606).

³³⁹ IRI. 629.

³⁴⁰ IRI. 1123.

“прилавочным правом” (*droit, appelé le droict d'estelagée*), ренты с виноградников в Вилленуа и другие ренты из наследства матери, а также лошадь под муаровой попоной вкупе со сбруей для верховой езды³⁴¹.

Из мотиваций дарений мы узнаем, что Клод Клеман, единственный сын Пьера Клемана и Женевьевы Фуль, отличается скромностью и хорошим поведением. А составляя последнее дарение, родители выражали желание “всеми силами помочь сыну и пособить ему своим имуществом, надеясь, что он сможет столь хорошо и мудро распорядиться этим, что достигнет степени и мудрости так, чтобы суметь стать порядочным человеком”³⁴².

Пьер Клеман кому-то отпускает товары и дает ссуды, ограничиваясь лишь записью в своей конторской книге, с кого-то требуя расписок. Как и многие купцы из Шампани, он доставляет в Париж большие партии вина. Он оценил выгоды привилегий университета: одно дело переводить на имя студента права на получение ренты с недвижимости или даже права в судебном процессе, другое – оформить большую партию вина как имущество для личного потребления скромного студента и вывести его из-под обложения косвенными налогами.

Провинциальные купцы чаще парижан оказываются втянутыми в судебные тяжбы. Здесь и иск по поводу продажи земель неким стряпчим, совершенный в то время, когда их владелец находился в тюрьме Консьержери, дело об опеке и процесс против компаньонов, и другие тяжбы³⁴³. Клод Байар, тот самый купец, упомянувший недоимки по ренте, конституированной на архидьякона г. Мо, передает свои права в тяжбе с наследниками лейтенанта Санлисского бальяжа по поводу откупов с земель на Йонне³⁴⁴. Очевидно, купец был “денежным человеком”, способным давать крупные ссуды и заниматься откупами налогов.

В Орлеане в 1549 г. купец Жак Кампиньи и его сын Адам дарят студенту Полю де Кампиньи, их сыну и брату, права на взыскание убытков “по причине ложного обвинения и заведомой клеветы”, возведенной на Адама де Кампиньи в том, что он якобы провозглашал, распространял и распевал содержание листка или памфлета (*cartel ou libelle*), в силу чего он был причислен к тем, кого в Орлеане в 1546 г. объявили еретиками. Адам был заключен в тюрьму и содержался в орлеанском Шатле, парижском Консьержери и тюрьме орлеанского официала.

Трудно избавиться от ощущения, что акты провинциальных купцов “интереснее” актов парижан, им в большей степени свойственен

---

³⁴¹ IRI. 1500.

³⁴² “Qu’il pourra parvenir à estre homme de bien” (IRI. 1499).

³⁴³ IRI. 2679; 4698; 938, 377; 1971.

³⁴⁴ IRI. 2672.

личностный характер. Это впечатление усиливают характерные мотивации дарений. Далее мы поговорим о возможных причинах такого явления.

Итак, если в Париже “marchand”, не обозначивший себя как “буржуа”, походит скорее на лавочника, то его провинциальный собрат – скорее негоциант, ничуть не ниже парижских “купцов-буржуа”. На это указывают и индексы, и сравнительно высокий уровень социальных связей. Отличие от парижских “буржуа” лишь в том, что у провинциалов число упоминаний о расписках примерно равно числу упоминаний о рентах, они указывают чаще движимое имущество среди объектов дарения и реже, чем парижане, передают виноградники.

Вопрос, почему они не обозначили себя как буржуа, остается открытым. Группа из 17 провинциальных буржуа выглядит в целом немного “престижнее” остальных провинциальных купцов, но между ними не существовало никакого качественного разрыва, подобного тому, что мы наблюдали в парижской ситуации. То, что провинциалы выглядят более “престижно”, чем аналогичные им группы парижан, мы уже встречали в дарениях священников и судейских из “низших” подгрупп. Но почему провинциальные буржуа так слабо представлены в корпусе дарителей? По-видимому, различия между “буржуа” и “не буржуа” были существенны лишь для парижан³⁴⁵.

Категория 7б: провинциальные ремесленники

Нарастание “признаков приниженности”. – Появление специфически “сельских” признаков

Эта группа состоит из 36 дарителей, составивших 35 актов (см. табл. 26). “Мэтрами” названы лишь двое – Тьерри Фурнэ и Жан Судлен (maîtres des forges d’acier); оба они владели чем-то вроде плавильных печей в Сен-Мартен д’Аблуа в бальяже Эперне³⁴⁶.

Группа демонстрирует полный набор признаков приниженности: *индексов В и G* при отрицательном значении *индекса А*. Дарения по прямой линии составляют менее трети (11 актов), и в двух случаях дарителями выступают племянники студентов³⁴⁷. Среди родственников упомянуты в основном ремесленники, землепашцы, а тестем ткача из окрестностей Суассона был пастух (berger)³⁴⁸.

---

³⁴⁵ Обладание статусом буржуа помимо различных налоговых льгот давало право на *garde bourgeoise* – особый порядок наследования, что было весьма существенно при составлении нотариального акта. См.: *Olivier-Martin F. Histoire de la Coutume de la Prevôté et Vicomté de Paris. P., 1931. T. 2.*

³⁴⁶ IRI. 707, 1258.

³⁴⁷ IRI. 3148, 3937.

³⁴⁸ IRI. 13.

Таблица 26
Провинциальные ремесленники

Численный состав	36
<i>Индекс А:</i> повторные дарения ("вес признака")	-3%
<i>Индекс В:</i> коллективные дарения	5
<i>Индекс Е:</i> упоминания о рентах ("вес признака")	3
Упоминания о долговых обязательствах	6
<i>Индекс G:</i> неразделенные права на наследство	7
<i>Индекс Н:</i> сеньориальные объекты	—
<i>Индекс I:</i> огороды	2

Лишь у одного из кузнецов дядя был сельским кюре³⁴⁹, а свояком столяра из Лупа был стряпчий из того же города³⁵⁰.

Только два мэтра-“металлурга” производят впечатление респектабельных дарителей, более близких к предыдущей группе. Оба адресуют свои акты сыновьям, один дарит все расписки, “которые у него есть”, другой – сумму, которую надлежит получить за продажу строевого леса. В остальных случаях упомянутые расписки принадлежат не самим ремесленникам, но являются частью оспариваемого наследства их родственников³⁵¹. Упоминаемые ренты конституированы на недвижимость. Так, например, две ренты – в 32 су и в 16 су на два дома – упоминает сельский портной³⁵². Любопытно, что этот даритель “из села Ган” (de village de Gan) упоминает также хозяйственную утварь (ustensille), что, как мы увидим ниже, роднит акт с дарениями крестьян.

В семи случаях ремесленники упоминают различные дома, а Габриэль Винье, кузнец из Маконэ, передает постороннему студенту дом в Париже, доставшийся дарителю по наследству от дяди-священника. В шести случаях ремесленники передают участки земли, в четырех – виноградники, есть также упоминание о луге и о саде. Сапожник из Корби, помимо дома в деревне близ Брей-сюр-Сомм, передает сыну права на возбуждение процесса против “трех жителей этой деревни, которые разломали указанный дом и растащили его на свои надобности”³⁵³.

³⁴⁹ IRI. 2829.

³⁵⁰ IRI. 2430.

³⁵¹ И только шорник из Берри передает своему дяде-студенту право на получение суммы в 53 ливра, присужденной ему судебным постановлением Парижского Парламента (IRI. 3184).

³⁵² IRI. 4435.

³⁵³ IRI. 1642.

В мотивации своего дарения кузнец из Марли желает сыну “достичь святого духовного сана” (estat de prebstrise)³⁵⁴. Духовной карьеры желает также своему племяннику ткач из прихода Сен-Реми, “чтобы он лучше мог содержать себя в школах и достичь святого церковного чина (parvenir aux saintes ordres d’église) и затем молить Бога за него”³⁵⁵. Отметим, что в данном случае, как и в дарении портного, передающего кухонную утварь, мы имеем дело с дарениями сельских жителей.

Таким образом, если провинциальные купцы (скорее – негоцианты) превосходили аналогичную группу парижан (скорее – лавочников), то провинциальные ремесленники, напротив, парижанам уступали.

КАТЕГОРИЯ 8: КРЕСТЬЯНЕ

Черты гипергамии. – Из крестьян в гуманисты. – Загадка клана Ланселенов. – Ренты, кредиты и оловянная посуда. – Сакральность знания. – Ожидание любезных услуг. – Локализация дарителей. – Влияние большого города

В работах, дающих общий взгляд на социологию образования в XVI в., крестьяне, как правило, не берутся в расчет³⁵⁶. В нашем источнике, однако, они играли заметную роль – их 110 человек, на чью долю приходится 110 актов³⁵⁷.

Чаще всего они именовались “землепашцами” (laboureur), но также “купцами и землепашцами” (marchand et laboureur), виноградарями (laboureur de vignes, vigneron); я отнес сюда также нескольких “огородников” (jardinier) и крестьян, занимавшихся ремеслом: бондаря, портного и могильщика (?)³⁵⁸.

Крестьяне адресуют свои дарения по прямой линии менее, чем в половине случаев (в 47% от общего числа). Выше, в отношении подгруппы финансовых чиновников, я предположил, что это может свидетельствовать о меньшей ориентации группы на университетское образование. Очевидно, что крестьянские семьи имели меньше шансов увидеть своих детей в университете, чем семьи горожан. Тогда же, когда кто-нибудь из родственников, пусть даже и из тех ветвей рода, что давно жили в городе, оказывался студентом, он получал дарения от довольно широкого круга родни.

---

³⁵⁴ IRI. 941.

³⁵⁵ IRI. 4082.

³⁵⁶ Histoire mondiale de l’éducation. P., 1981. Vol. 2. P. 263; Huppert G. Public schools in Renaissance France. Urbana, 1984.

³⁵⁷ Это не значит, что каждый крестьянин составил по одному акту. Трое выступали с повторными дарениями, но в одном случае свои акты составили двое, а в другом – трое крестьян.

³⁵⁸ Laboureur de vigne et tombier (IRI. 782).

Мы уже поняли что дополнительным “индексом приниженности” мог бы стать факт появления в группе дарений, адресованных племянником своему дяде – студенту. Крестьяне составляют такие акты в четырех случаях. Много дарений адресовано племянникам. Вспомним наши рассуждения о некотором естественном преобладании дарений племянникам по “женской линии” (табл. 4, столбец III). Но у крестьян диспропорция вопиющая, только трое из 28 студентов-племянников имеют с дарителем общий патроним. Вряд ли это может быть лишь случайностью. Не имеем ли мы дело с “женской гипергамией”? Дочери крестьян имели больше шансов выйти замуж за купцов, ремесленников, мелких чиновников, чем крестьянский сын жениться на горожанке. В актах горожан мы не раз сталкивались с упоминанием имущества тестя-крестьянина. Часто путь крестьянской семьи к университетскому образованию мог идти по следующей схеме: дочь крестьянина выходила замуж за горожанина, ее сын, становясь студентом, получал дарения от своего деревенского дяди – брата матери. Обычно речь шла о правах на наследство деда и бабки.

Но анализ указаний на родственные связи в крестьянских дарениях демонстрирует и иной, более быстрый способ социального возвышения. При наличии способностей, упорства, везения и самоотверженной помощи семьи, крестьянский отпрыск мог получить сан священника и, в свою очередь, облегчить доступ к университетскому образованию младшим родственникам.

Наиболее ярко этот путь реконструируется по акту Перетты Туза, вдовы крестьянина из Шампани Пьера Бельманье. Она заключает сделку со студентами Медаром Бельманье и Медаром Туза, своим сыном и своим племянником. Вдова дарит студентам свою часть наследства покойного брата – Жака Туза, “публичного лектора греческого языка нашего господина короля в Парижском университете” (*lecteur publique du Roy nostre sire en la langue greque en l'Université de Paris*), “принимая во внимание то, что они были племянниками покойного Жака Туза и оказывали ему различные услуги, и чтобы содержать их в учении”³⁵⁹. Жак Туза или Туссен – фигура, достаточно известная знатокам французского гуманизма. Он входил в круг Гийома Бюде, был одним из лучших эллинистов Европы, первым став профессором греческого языка в корпорации королевских лекторов: учебного заведения, основанного Франциском I, от которого принято (пусть и не слишком обоснованно) отсчитывать историю Коллеж де Франс. Племянники в этом дарении получают права на части наследства ученого – дом в Сен-Жермен-де-Пре, движимое имущество и доходы, которые он получал со своих должностей приора, каноника и кюре, при условии выполнить условия завещания и выделить 200 ливров в “ящик для бедных”.

---

³⁵⁹ IRI. 2464.

Братья Лэне из далекого диоцеза Авранш передают своему кузену, обучающемуся в Наваррском коллеже, дом в предместье Сен-Марсель и иные владения в Париже и в Бри из наследства своего брата-священника³⁶⁰. “Купец-землепашец” Ноэль Роз дарит сыну владения, полученные от Гильома Роза, священника в Оссере³⁶¹. Есть еще несколько подобных дарений³⁶², отличающихся от прочих крестьянских актов характером передаваемых объектов³⁶³. Уже одни эти акты показывают, что роль выходцев из крестьян в университете была в ту эпоху гораздо большей, чем это принято считать.

Еще одно исключение, но характеризующее, скорее, первый путь возвышения крестьянской семьи, представляет собой комплекс дарений магистру искусств, студенту коллежа Монтэгу Пьеру Венсану (или Венжану). С 1543 и по 1549 г. на имя этого студента было составлено 8 актов³⁶⁴, в которых упоминалось свыше двух десятков родственников. Речь шла, судя по всему, о тяжбе по поводу сеньории, ценза и фермы Борепер в приходе Шарли-сюр-Марн, близ Шато-Тьерри. Многочисленные родственники передавали Венсану свои права на наследство Мартена Ланселена, статус которого неизвестен, но ясно, что он приходился дедом студенту. Большинство из сыновей, зятьев и внуков Мартена Ланселена названы “землепашцами”. Но один из сыновей, Робер Ланселен, назван адвокатом Парламента, а, в свою очередь, его сын – бакалавром канонического права (кстати, только он в своем акте уточняет степень Пьера Венсана и его коллеж). Другой сын Мартена Ланселена назван купцом в Фонтен-ле-Флери, а его дети – купцом в Шеврезе, “купцом-землепашцем” в Фонтен-ле-Флери и “землепашцем” в Лувенсьене. Еще один кузен студента, Гильом де Ваше, сын Перетты Ланселен, назван парижским “купцом-буржуа”. Родственником отца студента был Жан Венсан – парижский священник, а свойственником матери – некий Батист Бушар, прокурор Санлисского бальяжа.

Трудно сказать, кем был Ланселен-старший; возможно, он принадлежал к тому слою сельского населения, который занимал промежуточное положение между крестьянами и феодалами³⁶⁵. Возможно, это был крупный арендатор. Но примечательно, что термин “купец-землепашец” появляется лишь в третьем поколении этой

---

³⁶⁰ IRI. 4882.

³⁶¹ IRI. 1097.

³⁶² IRI. 481, 855, 1110, 2324, 4025.

³⁶³ Я не мог включить в корпус источников любопытное “обратное” дарение Жофруа Гранже, преподавателя (docteur regent), своему брату – землепашцу из Бурбоннэ (IRI. 5140).

³⁶⁴ Первые шесть дарений, составленных с 1543 по 1546 г., были зарегистрированы в Шатле одним актом (в публикации № 2489 – см.: IRI. 2489, 2956, 2988).

³⁶⁵ *Червоная Т.М.* Французская деревня по юридическим источникам XVI в. Саратов, 1992. С. 21–42.

семьи, члены которой предпочитали именоваться просто “землепашцами”. Этот клан оказывается связанным и с миром провинциальных и парижских буржуа, и с миром церкви, и с судейскими, причем довольно высокого уровня. Прежде в дарениях адвокатов нам не попадалось упоминаний о крестьянах. Считается, что чиновников от их крестьянских предков отделяло несколько поколений. Возвышение Ланселенов не может не удивлять своей скоростью. Но ведь сама специфика источника предполагает знакомство с не совсем обычными семьями.

В восьми случаях указаны родственники – крестьяне и виноградары. В остальных речь идет о купцах и ремесленниках, в основном, зятях и свояках. Среди девяти упоминаний о долговых обязательствах, самое крупное принадлежит Жану Эмери – землепашцу из Санлиса. Он передает племяннику обязательство на 1000 ливров, подписанное Мишелем Кастром, экуюе из Санлисского бальяжа³⁶⁶. Это очень много: во всем нашем корпусе актов более крупную сумму упоминают лишь один “купец-буржуа” и дворянская семья, находящаяся в родстве с самим коннетаблем Монморанси. Конечно, перед нами исключение, предупреждающее об опасности использования среднеарифметических данных. Ведь следующая по величине долговая расписка, упомянутая в крестьянских дарениях, называет сумму всего 10 экю (оно принадлежит тем самым Ланселенам и представляет собой стоимость проданного луга). У крестьян, как и у провинциальных купцов и ремесленников, в актах можно найти упоминания о натуральных займах. Например, обязательство в деньгах и зерне³⁶⁷ или обязательство на 100 фунтов пеньки, подписанное неким крестьянином³⁶⁸.

Крестьяне вдвое чаще упоминают ренты, чем расписки. Средний размер ренты в этой группе достаточно высок и составляет 8,5 ливров, что выше уровня рент столичных ремесленников, торговцев и мелких чиновников. Впрочем, это может быть случайностью, поскольку суммы указаны лишь для десятка рент.

В 13 актах крестьяне передают городские дома. В трех случаях это дома в Париже³⁶⁹, их упоминают те, кто передает права на наследство своих родственников-священников. В 15 актах речь идет о домах в деревне.

Не удивительно, что в большинстве дарений речь идет о передаче недвижимости. Наиболее часто используется термин “земля” – в 20 актах. Лишь в одном акте передаются права на часть метерии³⁷⁰.

---

³⁶⁶ IRI. 1968.

³⁶⁷ IRI. 586.

³⁶⁸ Это дарение составил огородник из парижского предместья, Жан Мас (IRI. 4131).

³⁶⁹ IRI. 481, 2464, 4882.

³⁷⁰ IRI. 927.

В 11 случаях речь идет о виноградниках, в трех – об огородах и в четырех – о “недвижимости”.

Специфика крестьянских актов проявляется в дарениях движимого имущества. Жак Грель, два сына которого были студентами (что уж совсем необычно для крестьян), дарит им “земли и виноградники в Кормей близ Парижа, дом, восемь ульев, отару в 50 голов, а также все движимое имущество, домашнюю утварь, оловянную посуду”³⁷¹. Движимое имущество упомянуто и в других актах: “движимое имущество, две коровы и два поросенка”³⁷², “движимость, белье, оловянная посуда”³⁷³.

Дарения неразделенных прав на наследство составляют в этой группе пятую часть, а в 13 случаях речь идет о коллективных дарениях. Четыре акта адресованы посторонним студентам, причем дважды указаны мотивы: Гийеметта Бютт, вдова землепашца, землепашец Гийом Гарнье и его жена Марион Бютт, землекоп (pionnier) Дени Фуа и его жена Луиза Бонай, вдова Оноре Бютта, передают студенту Пьеру Бунье свои права в тяжбе, которую они ведут в Парламенте против монахов Сен-Дени по поводу заключения в тюрьму покойного Преже Бютта³⁷⁴. В другом акте Жюльен Перен, виноградарь из Шатевилье и его жена дарят студенту Симону Сакле права на дом, доставшийся им по наследству от тестя. Причина дарения – “услуги, оказанные Жаном Сакле, парижским купцом-буржуа, проживающим в предместье Нотр-Дам-де-Шан, отцом указанного Симона”³⁷⁵.

Специфически крестьянской чертой в мотивациях дарений было пожелание церковной карьеры. Таких актов шесть, и это больше, чем у всех остальных категорий дарителей, вместе взятых. Видеть сына или племянника священником было вековой мечтой крестьян, надеждой на быстрое изменение социального статуса семьи. Чаяния родителей-крестьян и те трудности, которые возникали перед студентом, не имеющим родственников в мире церкви, откровенно изложил Жан по фамилии Жан из деревни Пюто в приходе Сюрезн. Он и его жена “заявили, что Дени Жан, студент в Парижском университете, их сын, указал им на степень и достоинство священства (leur a fait remontrer le degré et le dignité de prebstrise), для достижения коих он обрел первые и скромные чины (premiere et intimes ordres), но все же опасается получить отказ, так как он был и остается лишенным всякого имущества. По этой причине он покорнейше просил... отца и мать выделить ему что-нибудь в аванс наследства”³⁷⁶.

---

³⁷¹ IRI. 2641.

³⁷² IRI. 5326.

³⁷³ IRI. 3681, 1297.

³⁷⁴ IRI. 318.

³⁷⁵ IRI. 2218.

³⁷⁶ IRI. 3646.

Университетская карьера в глазах крестьян оставалась одним из видов церковной деятельности и поэтому окружалась ореолом сакральности. Крестьянская чета составляет дарение, “учитывая склонность к Антуану де Вальеру, крестнику указанной пары, а ныне студенту Парижского университета, каковой возымел намерение с Божьей помощью достичь сана священства”³⁷⁷. Это единственный случай, когда в наших актах воспроизводится упование на Божью помощь³⁷⁸. Возможно, крестьяне полагали, что студент ближе к Богу, дарение студенту было не только частью стратегического плана социального возвышения семьи, но и благочестивым поступком. Пьер Белиар, землепашец-портной из Булони, и его жена желают сыну достичь священных духовных чинов, достойнее содержащих себя в этом звании, “посвятить себя божественной службе (*vasquier au service devyn*) и молить Бога за своих родителей”³⁷⁹. Еще один акт составляется, дабы “помочь студенту достичь наивысшей мудрости (*parvenir à plus grande science*) и святых духовных чинов, а также молиться за дарителей”³⁸⁰.

Можно усмотреть в этом дань некоему архаизму сознания крестьян. Но это не исключало и вполне утилитарного подхода к дарениям. Так, в 1549 г. целый клан родственников, один из которых назван виноградарем из Шабли, адресует дарение Этьену Миттесу, их сыну и племяннику³⁸¹, “с тем, чтобы он имел после этого лучшую возможность достичь мудрости и образованности (*affin qu’il ayt mieux sy après de pouvoir parvenir aux sciences et lettres humaines*) и чтобы он мог сохранить признательность в будущем, и как напоминание о благодеяниях и любезных услугах, которые они надеются получить от указанного Этьенна Миттеса, когда он войдет в возраст (*luy devenu en age*)”. Кстати, студенту передавались всего-навсего права на часть комнаты в доме, расположенном в предместьи Шабли, на улице Сент-Экспан³⁸².

Попытаемся разделить эту категорию на какие-нибудь подгруппы, выделить внутреннюю иерархию – ведь среди землепашцев могли быть и крупные арендаторы-фермеры, и крестьяне-середняки, и разоряющиеся бедняки³⁸³. Наряду с формально-терминологи-

---

³⁷⁷ IRI. 4677.

³⁷⁸ Я проверил в архиве не все акты, анализируемые мной по публикации (см. С. 280–281) но, похоже, что такая формулировка действительно нетипична для дарений студентам университета. Но она была стереотипной в брачных контрактах и во взаимных дарениях супругов.

³⁷⁹ IRI. 931.

³⁸⁰ IRI. 1573; см. также: IRI. 3683.

³⁸¹ Поскольку термин “виноградарь” употреблен по отношению лишь к Пьеру Гарнье, то при подсчете общего числа дарителей-крестьян я учел лишь его, хотя скорее всего остальные участники дарения также были крестьянами.

³⁸² IRI. 3162, 3163.

³⁸³ Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI–XVII вв. Л., 1978. С. 46–49.

Таблица 27

Распределение крестьянских актов по степени удаленности от Парижа

№ п/п		Расстояние от Парижа в километрах				
		0–10	10–30	Свыше 30	Не установленно	Всего
1	Всего дарений	15	33	58	4	110
2	"Виноградари"	1	3	7	0	11
3	"Огородники" и ремесленники	5	0	0	1	6
4	"Купцы-землепашцы"	1	2	8	0	11
5	Упоминание расписок	1	2	8	0	11
6	Упоминание рент	4	6	7	1	18
7	Неразделенные права на наследство	8	7	7	2	24
8	"Земля"	3	3	12	0	18
9	"Виноградники"	2	6	3	1	12
10	Дом в городе	0	11	3	1	15
11	Дом в деревне	1	3	11	0	15
12	Родственники – священники и чиновники	0	4	6	1	11
13	Родственники – купцы и ремесленники	3	5	3	0	11
14	Родственники – крестьяне	1	1	3	0	5

ческим критерием, я попробовал сгруппировать крестьян по их месту жительства. Ареал их локализации в общих чертах напоминает картину, характерную для всех наших провинциалов, разве что чуть более полно представлена житница Парижского бассейна – плато Бос. Но региональные группы оказались слишком малы: что может дать анализ четырех актов из Бовези, даже если их сопоставить с тремя актами из Юрпуа? Тогда я распределил крестьян на группы в зависимости от их удаленности от Парижа (см. табл. 27).

Вся грубость такого агрегирования очевидна уже потому, что крестьянин, живший на берегу Сены в 80 км выше Парижа, оказывался связан с мегаполисом теснее, чем тот, кто был отделен от него пятью лье сухопутного пути. Но все же данные, сведенные в таблицу 27, представляют определенный интерес.

По-настоящему далеко от Парижа (на расстоянии свыше 100 км) локализуются лишь 14 крестьян. Это именно они регистрируют в Шатле акты, связанные с наследством их родственников-священников.

В ближней к Парижу зоне, в его предместьях и селах, удаленных на расстояние не свыше 10 км, проживают все имеющиеся в нашем корпусе “огородники” и “землепашцы-ремесленники”, что вполне естественно. Но интересно, что доля “купцов-землепашцев” уменьшается с приближением к Парижу, всего один из них живет в первой зоне. Примерно такая же закономерность прослеживается и в тех крестьянских актах, где упоминаются долговые обязательства (хотя, как мы поняли, кредиторы вовсе не тождественны “купцам-землепашцам”). Единственный кредитор из пригородной зоны похож, скорее, на горожанина: это тот огородник, которому некий крестьянин помимо денег задолжал еще и 100 фунтов пеньки.

Распределение рент несколько иное, упоминания о них встречаются и в окрестностях Парижа. Но в пригородной зоне “крестьянские ренты” не были результатами коммерческого кредита, они выплачивались за мелкие участки земли (кстати, именно землепашец из окрестностей Парижа упоминает самую маленькую ренту из всего корпуса дарений – 2 су 1 денье).

Процент дарений неразделенных прав на наследство у крестьян достаточно высок, хотя и ниже, чем у провинциальных ремесленников. Но заметим, что доля таких актов возрастает по мере приближения к Парижу. Распределение упоминаний о дарениях недвижимости создает впечатление, что крестьяне, живущие вдали от Парижа, чаще упоминают пахотные земли, а крестьяне из пригородов – виноградники. Крестьяне из пригородной зоны упоминают не парижскую недвижимость, а сельские дома или дома, расположенные в небольших городках Парижского бассейна – Аржентей, Корбей, Сен-Жермен-ан-Лэ и др. Упоминания о парижских домах принадлежат актам крестьян из отдаленных районов. Круг родственных связей также указывает на большую престижность крестьян из периферийной зоны.

Разумеется, для столь малых числовых рядов все эти “тенденции” не более, чем игра случая, но взятые в комплексе, они определенно указывают на нарастание “признаков приниженности” в актах крестьян по мере приближения к столице. Если в отдаленных районах даритель чаще выступает как хозяин, сохранивший свои земельные владения и способный быть кредитором, взять в аренду ферму или метерию и порой уважительно именуемый “купцом-землепашцем”, то даритель из окрестностей Парижа чаще владеет лишь клочком виноградника, получает мелкие ренты за свои отчужденные наследственные дома или земли. Общеизвестно, что вблизи крупных городов под воздействием активной скупки земли горожанами все быстрее размывалась группа крестьян, именуемых “землепашцами”³⁸⁴.

---

³⁸⁴ История крестьянства в Европе / Под ред. З.В. Удальцовой. М., 1986. Т. 3. С. 74–86 (текст написан А.Д. Люблинской); *Червонная Т.М.* Крестьянство юга Парижского бассейна в 16–17 вв. // *Средние века*. М., 1971. Вып. 33/34. С. 154–168; *Jacquart J.* La crise rurale en Ile-de-France, 1550–1670. P., 1974.

Но подождем с выводами о роковом воздействии большого города на судьбы крестьянства и еще раз вспомним специфику нашего источника. Из того, что вблизи Парижа встречалось больше дарений студентам, сделанных малоземельными крестьянами, еще не следует, что в других местах крестьяне были более зажиточными. Просто в окрестностях столицы даже *такие* крестьяне могли иметь детей или близких родственников в Парижском университете. В данном случае наши данные можно интерпретировать и как свидетельство ускорения социальной мобильности по соседству с гигантской агломерацией и гигантским университетом. Крестьяне, огородники, виноградары и ремесленники-землепашцы дополнительно получали здесь небольшой, но вполне реальный шанс социального возвышения.

НИЗШИЕ СЛОИ. ДАРИТЕЛИ, ЧЕЙ СТАТУС НЕ УСТАНОВЛЕН: КАТЕГОРИИ 9, 10

Подмастерья. – Парижские поденщики и слуги. – Провинциалы. – “Низшие”, как ни странно, беднее прочих. – Незнакомцы как контрольная группа. – Жители приходов и цензив. – “Demeurant”. – Парижанки. – Те, о ком не известно ничего

Девятая категория выделена в достаточной мере умозрительно. Сюда отнесены дарители, которые не вписались в предыдущие группы и чей социальный статус, по моим представлениям, был самым низким – подмастерья, поденщики, слуги (см. табл. 28).

Разнородность этой категории бросается в глаза. Подмастерья все-таки входили в корпорацию, хоть и занимая в ней подчиненное место. Ролан Мунье относит их вместе с мэтрами-ремесленниками и низшими купцами-буржуа к нижнему ярусу среднего слоя парижан³⁸⁵. Но из его же исследования ясно, что подмастерья по своему имущественному положению и по статусу из этого среднего слоя выпадали³⁸⁶.

Из двадцати парижских **подмастерьев** в нашем корпусе пятеро являются подмастерьями стригальщиков или ворсовщиков (*tondeur de draps*). Только у них мы встречаем случаи повторных дарений³⁸⁷ и единственное упоминание о расписке. Никто не указывает своего

---

³⁸⁵ Mousnier R. Recherches sur la stratification sociale à Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles: L'échantillon de 1634, 1635, 1636. P., 1975.

³⁸⁶ Для XVI в. аналогичный вывод можно сделать, оценивая довольно хорошо изученное положение типографских подмастерьев. См.: Parent A. Les métiers du livre à Paris au XVIe siècle (1535–1569). Genève, 1974. P. 185–204; Pallier D. Recherches sur l'imprimerie à Paris pendant la Ligue, 1585–1594. Genève, 1975. P. 21–34.

³⁸⁷ IRI. 2257, 3673, 4728, 4824.

Таблица 28

Группа	Под- мастерья	Поден- щики	Слуги	Провин- циалы
Численный состав	20	12	5	10
<i>Индекс А</i> : повторные дарения	2	–	–	5
<i>Индекс В</i> : коллективные дарения	6	2	2	–
<i>Индекс Е</i> : ренты	1	–	–	–
Расписки	1	–	–	–
<i>Индекс G</i> : неразделенные права на наследство	11	9	5	2

адреса, в то время как такие указания есть у большинства всех прочих подмастерьев, а мы помним, что для Парижа это явление служит дополнительным индексом приниженности. Похоже, что стригальщики составляли среди подмастерьев своего рода элиту.

Подмастерья склонны к участию в коллективных дарениях вместе с братьями и свояками: портным и слесарем, сукновалом, гончаром³⁸⁸. Подмастерье мельника вместе с братом-купцом одаривает своего племянника³⁸⁹, а подмастерье ювелира составляет дарение племяннику вместе со своей матерью, вдовой ювелира³⁹⁰. В этом случае не известно, обозначался ли покойный как “буржуа”, но дарение выпадает из общего ряда, поскольку в нем упоминается рента. Очевидно, что речь здесь идет скорее об ученике, чем о “вечном подмастерье”.

В половине случаев среди родственников упомянуты сельские жители: свояком подмастерья ковровщика был батрак (*gagnedenier*)³⁹¹, отцом подмастерья бондаря и тестем подмастерья скорняка были крестьяне³⁹². Но были связи и с более высокими социальными слоями: родственником подмастерья мельника был священник³⁹³, а у подмастерья *cartier* (мастера, изготавливающего игральные карты?) родственником был экспедитор королевской аптеки³⁹⁴. Правда, в обоих случаях степень родства не уточняется, несмотря на совпадение патронимов.

По прямой линии адресуют свои дарения только 8 подмастерьев (40%). В двух актах фигурируют деревенские дома, в одном – город-

³⁸⁸ IRI. 3049; 2257; 3508, 3673.

³⁸⁹ IRI. 114.

³⁹⁰ IRI. 4236.

³⁹¹ IRI. 3911.

³⁹² IRI. 3673, 1814.

³⁹³ IRI. 114.

³⁹⁴ *Voiturier de l'apothèque de roi* (IRI. 1864).

ской, а также земли, огороды и просто имущество (*bien*). В 11 случаях речь идет о дарениях неразделенных прав на наследство. Доля таких актов, как мы видим, здесь выше, чем во всех изученных ранее группах и категориях дарителей.

Следующую подгруппу составляют **парижские поденщики** (*manœuvrier*), неквалифицированные рабочие. Их – дюжина, из которых восемь указали свой точный адрес. Поденщики участвуют в коллективных дарениях вместе со свояками: пекарем и сапожником³⁹⁵. Кроме того в актах упомянуты еще двое родственников-крестьян, а также мэтр-цирюльник из Санса³⁹⁶.

По прямой линии они адресовали 7 дарений. Правда, в двух из них речь идет о дарениях пасынкам. Ни рент, ни долговых обязательств в их актах не встречается. Лишь один раз упомянут виноградник³⁹⁷, еще в одном дарении речь идет о судебной тяжбе по поводу права выкупа какого-то наследственного имущества³⁹⁸. Во всех остальных случаях, т.е. в 9 актах, говорится о передаче неразделенных прав на наследство.

Еще одну подгруппу составляют **слуги**: слуга в бане³⁹⁹, повар с улицы Бьевр, повар кардинала Медонского⁴⁰⁰, портье в доме Гизов⁴⁰¹, церковный служака⁴⁰².

Родственники известны только у поваров. Братом кардинальского повара был купец, братом второго – *hotelier*. Банщик адресует свое дарение постороннему студенту, остальные – родственникам: трое – сыновьям и один – племяннику. Все эти акты представляют собой передачу неразделенных прав на наследство.

Если представителей низших дарителей парижан 37 человек, то провинциалов лишь десять. Опять мы видим ту же тенденцию – уменьшение среди актов провинциалов числа дарений, содержащих признаки приниженности.

Дарения в **провинции** составили: слуга экуюе из Боса⁴⁰³; лакей лионского губернатора⁴⁰⁴; некий лакей из Говиля (от его имени составляет акт его брат – торговец бумагой)⁴⁰⁵; четверо поденщиков, двое пастухов, один из которых также назван поденщиком, батрак⁴⁰⁶.

---

³⁹⁵ IRI. 1835; 3291.

³⁹⁶ IRI. 813, 2440; 4569.

³⁹⁷ IRI. 1835.

³⁹⁸ IRI. 3291.

³⁹⁹ IRI. 4062.

⁴⁰⁰ IRI. 2021, 710.

⁴⁰¹ IRI. 2508.

⁴⁰² IRI. 2275.

⁴⁰³ IRI. 1601.

⁴⁰⁴ “*Valet de chambre*” (IRI. 1989).

⁴⁰⁵ IRI. 4211.

⁴⁰⁶ “*Homme de bras*” (IRI. 5084).

Конечно, такое объединение произвольно. Пропасть между лакеем губернатора и батраком была не меньшей, чем между президентом Парламента и стряпчим. В основном дарители этой подгруппы участвуют в составлении коллективных актов, объединяясь с поденщиками и батраками же⁴⁰⁷, а слуга экуюе составляет акт со своим братом-купцом⁴⁰⁸. Только одно дарение адресовано сыну⁴⁰⁹. В трех актах речь идет о передаче прав на ведение судебных тяжб.

Поденщик желает своему племяннику “достичь святых духовных чинов”, уподобляясь в этом крестьянам.

Итак, статус этих дарителей явно ниже статуса представителей прочих категорий, вот то некое, что может объединить между собой эти разнородные подгруппы. Но удивительно, что несмотря на свои мизерные размеры, они подтверждают действие подмеченных ранее тенденций. “Низшие слои” демонстрируют полный набор признаков приниженности. Отчетливо видна концентрация “бедных” в Париже, которую мы наблюдали в предыдущих категориях. В этой “низшей” категории преобладание парижан во много раз выше среднего соотношения по всему источнику.

Впрочем, в том, что дарители из числа “низших” слоев выглядят беднее прочих, мало удивительного. Любопытнее сам факт их родственных связей со студентами. Неожиданностью является то, что не только племянники, но порой и сыновья поденщиков и подмастерьев становились студентами.

76 человек вообще не упомянули в актах своего статуса. К сожалению, публикаторы, как уже говорилось, опустили *titres d'honneur* – наличие или отсутствие слов “почтенный человек”, “честный человек”, “благородный человек” могло бы несколько прояснить ситуацию. Но поскольку этими данными мы не располагаем, то такие дарения можно было бы исключить из анализируемого корпуса актов. Но я не стал этого делать и решил использовать данную категорию как контрольную. Ведь при ее анализе нельзя подпасть под действие априорных утверждений типа: “купцы богаче крестьян”.

По формальным признакам эту **десятую** категорию можно разделить на несколько подгрупп. Часть дарителей составили свои акты с указанием места своего проживания. 16 человек указали при этом *свой приход* или *цензиву*, что явно указывает на их принадлежность к сельским жителям. На долю этих 16 дарителей приходится всего 12 актов за счет того, что некоторые из них объединялись в коллективных дарениях, в том числе и друг с другом. Так, Мишель Астид, вдова Мишеля Мале, и Жак Мале, ее сын, живущие в Римодей, что в приходе Тува Клермонского диоцеза, и Луиза Астид,

---

⁴⁰⁷ IRI. 273; 534.

⁴⁰⁸ IRI. 1601.

⁴⁰⁹ IRI. 441.

вдова Анн Мале, адресуют дарение Жану Мале, учителю школы и студенту, их сыну, брату и племяннику⁴¹⁰.

Понятно, что особый интерес представляют сведения о родственных связях. В одном из актов упомянут брат-крестьянин⁴¹¹, в том же акте говорится о наследстве парижского капеллана, приходящегося дядей дарителю. Родственниками двух дарителей были парижские братья – возчики⁴¹². В двух случаях братом и дядей дарителей названы principals парижских коллежей⁴¹³. Еще в одном акте упомянут родственник-священник⁴¹⁴.

Детям адресуют свои акты шестеро, т.е. менее 40%. Впрочем, ясно, что в коллективных актах студентом по определению мог быть сын только одного из составителей. Долговое обязательство упомянуто лишь в одном акте: Андре Пунье из Пюиреля (приход Сен-Морис) передает сыну какие-то обязательства, связанные со сбором денег⁴¹⁵. Еще в одном дарении упомянуты ренты⁴¹⁶. Дарений недвижимости также немного: тот же Андре Пунье передает выгон, Антуан Могуин из прихода Сен-Мартен, “находящийся в настоящее время в Париже по своим делам”, дарит кузену свои права на парижскую недвижимость из наследства своего дяди-принципала⁴¹⁷. Жак де Гюерус, житель прихода Первенше, дарит сыну Жану де Гюерусу земли, а также недоимки по цензам, которые нужно получить “за земли в указанном приходе”⁴¹⁸.

Чаще всего (в 8 случаях) в этой группе передаются неразделенные права на наследство.

Можно ли описать собирательный облик дарителя из этой подгруппы? Это сельский житель. Ряд признаков сближает его с “землепашцами” – невысокая доля дарений по прямой линии, преобладание дарений неразделенных прав на наследство, склонность к составлению коллективных актов, малое число упоминаний о рентах и кредитах. Но от крестьян их отличает не только упоминание о доходах, получаемых с цензов, но и участие в финансовых операциях.

---

⁴¹⁰ IRI. 4342.

⁴¹¹ IRI. 448.

⁴¹² IRI. 1701.

⁴¹³ IRI. 3728, 4979.

⁴¹⁴ IRI. 4862.

⁴¹⁵ “Créances sur la recette de chabannes” (IRI. 1064).

⁴¹⁶ IRI. 963.

⁴¹⁷ IRI. 4979.

⁴¹⁸ IRI. 1320. Этот акт был составлен в 1544 г., а в 1552 г. трое парижских купцов передавали свои права на дом, крытый соломой, и огород некоему Жану Гюерусу, студенту, проживающему в коллеже де Лизье, никак при этом не оговаривая своего родства с ним (IRI. 4136). Не идет ли речь о том же студенте? Это вполне вероятно, несмотря на то, что между составлением актов прошло восемь лет. Ведь коллеж де Лизье был предназначен для выходцев именно из той части Нормандии, где и находился приход Первенше (близ городка Мортань).

Большей детализацией отличаются условия дарений. Так Жанна Жосс, вдова Амбруаза Могуина, проживающая в приходе Иге, передает сыну, студенту и священнику, права на наследство своего дяди-священника, принципала коллежа де Сэз Парижского университета. Она делает это “в дар за добрые и любезные услуги, которые означенный мэтр Могуин оказывал и оказывает своей матери, и чтобы содержать его в школах Парижа или в иных местах, а также чтобы молить Бога за нее, а именно: читать и отмечать каждую пятницу в течение всего года мессу во имя Христово, в конце которой указанный мэтр Жан Могуин будет читать страстную проповедь, а если не сможет служить указанную мессу в пятницу, пусть прочтет ее на другой день”⁴¹⁹. Если требование молитв за дарителя встречалось в крестьянских актах, то расписывать подробный порядок месс им не приходило в голову (во всяком случае это не отражено в публикации).

Следующую группу составляют 35 дарителей, для обозначения своего адреса использовавших только один термин “*demeurant*” (проживающий) в том или ином месте. На их долю приходится лишь 23 акта. О некоторых из них сообщаются также дополнительные сведения, например: “Жан Миль, слепец, проживающий в Совиньи”⁴²⁰, “Пьер де Ласкаль, проживающий обычно в Вандоме и находящийся ныне в Париже по своим делам”⁴²¹. К этой группе я отнес и жителей Шабли, родственников виноградаря, тех самых, которые так красноречиво мотивировали дарение студенту прав на комнату⁴²².

Помимо этой семьи, составляют коллективные дарения и другие “*demeurant*”. Родственниками членов этой подгруппы оказываются также возчик, батрак, кюре и каноник⁴²³. По прямой линии адресуют свои акты 16 дарителей (45%) – большей цифры трудно ожидать при таком количестве коллективных дарений. В четырех случаях акты составляются в пользу посторонних студентов, причем об одном из них сказано, что он – друг дарителей.

В четырех актах упоминаются расписки на небольшие суммы, самой крупной из которых является обязательство в 64 экю, подписанное неким каноником церкви в Вандоме⁴²⁴. Столько же упоминаний и о рентах; в одном акте речь идет о двух рентах на сумму в 4 экю и в 5 парижских су⁴²⁵. В двух других случаях упомянута рента пшеницей, ренты зерном и деньгами⁴²⁶. Из недвижимого имущества,

---

⁴¹⁹ IRI. 3728. Речь идет о родственниках из клана Могуин.

⁴²⁰ IRI. 3430.

⁴²¹ IRI. 1349.

⁴²² IRI. 3116.

⁴²³ IRI. 2854; 5084; 3018; 684.

⁴²⁴ IRI. 1349.

⁴²⁵ IRI. 825.

⁴²⁶ IRI. 570; 883.

помимо пресловутой комнаты близ Шабли, передается дом в Париже⁴²⁷, дом с землей и виноградником, дом, огород и земли, амбар и стояла и просто “biens”⁴²⁸. Дарения неразделенных прав на наследство встречаются у четверти из этих дарителей.

Судя по всему, дарители этой подгруппы были горожанами, хотя одни жили в мельчайших бургах, другие в городах типа Санса и Вандома.

В пяти актах дарители обозначены просто как *парижане* (demeurant à Paris), точнее, как парижанки, поскольку четыре из пяти актов составлены женщинами, а один супружеской парой, так что отсутствие социальных характеристик могло быть специфически женским свойством нотариального поведения.

Разброс социальных признаков довольно велик. Жанна Буше⁴²⁹, вдова некоего Жака Фурнье, проживающая на улице Бар-дю-Бек, адресует дарения сыну-студенту. Ее акт перегружен престижными объектами – здесь и сеньориальная усадьба, и даже замок, окруженный водой (donjon et édifices, clos de fossés à l’eau), и фьеф, и мельница, и ренты. К тому же живет она в аристократическом квартале Парижа, в Тампле. Возможно, покойный Жан Фурнье был дворянином. Столь престижный набор объектов дарения возможен и для солидного парижского офисье, но, думается, что в этом случае вдова все же указала бы должность покойного мужа.

Но в другом акте этой маленькой подгруппы Изабо Годен передает племяннику права на наследство своего отца – гончара из провинции, а также один экю, который должна ей тетка⁴³⁰. Жанна Массон переводит племяннику права на наследство родителей, расположенное “как в Пикардии, так и в Нормандии”, а через четыре года права на это же наследство переводит ее сестра – мать студента и жена парижского виноторговца⁴³¹. Изабо Лешевалье передает своему сводному брату (son frère de père) имущество и доходы, причитающиеся ей по смерти матери, а также 200 ливров, оставшиеся от продажи наследственных земель ее отцом, 11 ливров арендной платы, которую нужно получить с некоего “землепашца” в Гатинэ⁴³².

Таким образом, подгруппа дарителей, о которых ничего не известно, кроме того, что они парижане, при всей своей гетерогенности по объектам своих дарений производят впечатление вполне состоятельных людей.

О дарителях *следующей подгруппы* вообще нет никаких данных.

---

⁴²⁷ IRI. 3018.

⁴²⁸ IRI. 3845; 9; 3916; 273, 2466.

⁴²⁹ IRI. 2120.

⁴³⁰ “Par elle prêté à sa tante” (IRI. 4353).

⁴³¹ IRI. 2532, 3775.

⁴³² IRI. 4772.

На 19 таких человек приходится 19 актов, что выше, чем в предыдущих подгруппах.

Среди них шестеро женщин, выступающих в актах самостоятельно. Из них три вдовы, сестры Мари и Катрин Лезгуйе⁴³³ и Шарлотта Ле Руай, жена Бена Оливье, живущая от него отдельно и дееспособная по закону⁴³⁴. Напомню, что такие акты встречались у дворян. Свояками дарителей были парижский купец, слесарь⁴³⁵ и адвокат Парламента. Это весьма престижное родство, но из того же акта выясняется, что отцом или дедом дарителя был крестьянин⁴³⁶. Робер Ларсонье участвует в дарении совместно с братом, привратником дома Гизов, и свояком, подмастерьем, а Симон д'Орзуак – с парижским буржуа-фриппье⁴³⁷. Дважды указываются расписки. Так, одна вдова передает среди прочего своему внуку различные суммы, причитавшиеся ее покойному мужу за продажу шелковых тканей⁴³⁸. Восемь человек передают различные ренты. С такой долей упоминаний о рентах мы сталкивались в весьма престижных группах. Среди прочих упомянута рента в 30 ливров, которую должен выплачивать некий купец⁴³⁹. В одном из дарений помимо ренты указаны и иные объекты: пять сетей ячменя и три фунта воска, которые должен выплачивать какой-то “сборщик с земель шатленства”⁴⁴⁰. Встречаются престижные объекты дарения: “ренты на различные метерии и домены”⁴⁴¹, “цензы, ренты и сеньориальные права”⁴⁴². Но трое дарителей передают неразделенные права на наследство.

Эта подгруппа в целом выглядела бы “престижнее” прочих, если бы не была столь неоднородной. Наверное, следует различать одиночек и тех, кто указан в коллективном дарении. Если в первом случае дарители могли полагать, что их особа известна и не нуждается в иных характеристиках, то во втором – статус дарителей не уточнен (возможно, в силу издательского произвола) из-за их второстепенной роли в дарении.

Анализируя дарителей этой десятой категории, трудно не заметить, что мы имеем дело скорее с антигруппами. Без опыта работы с прочими категориями мы ничего не смогли бы сказать о них. Только имея в своем распоряжении заранее припасенный набор признаков, мы можем строить какие-то гипотезы о дарителях. Мы не знаем, кем были мужья Жанны Жосс и Жанны Буше, но берем на себя

---

⁴³³ IRI. 1544.

⁴³⁴ “Autorisé par justice, au refus de son mari” (IRI. 5381).

⁴³⁵ IRI. 259; 2388, 2389.

⁴³⁶ IRI. 4478.

⁴³⁷ IRI. 3508; 4454.

⁴³⁸ IRI. 997.

⁴³⁹ IRI. 4478.

⁴⁴⁰ IRI. 1013.

⁴⁴¹ IRI. 1420.

⁴⁴² IRI. 973.

смелость утверждать, что в первом случае речь шла скорее о сельской жительнице, но не о простой крестьянке и вряд ли о дворянке, а во втором – об очень богатой парижанке, но, скорее всего, не о вдове чиновника. Практика постепенно развивает интуицию.

Мы закончили, наконец, обзор всех категорий дарителей. Работа по инвентаризации оказалась весьма утомительной – обобщения сплошь и рядом тонули в массе отдельных казусов. Дарителей удавалось, и порой достаточно органично, “сбивать” в группы и подгруппы. Но при этом нам все время что-то мешало абстрагироваться в изложении от индивидуальности их актов. Мы то и дело наталкивались на исключения, на оригинальность, на “особость” дарителей и их актов. Это “что-то”, безусловно, заслуживает особого внимания. Но пока мы воспринимаем несхожесть дарителей в рамках одной группы лишь как “шум”, досадную помеху, затрудняющую обобщения.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Какое общество мы получили, или стоит ли бояться трюизмов? – Размышления об “университетской модели” французского общества. – Три группы вопросов на будущее

1224 человека, оформлявшие в течение 20 лет дарения студентам, как правило, не были связаны друг с другом и не сознавали своей общности. И хотя некоторые из них были лично знакомы друг с другом, мы можем рассматривать наш корпус дарителей как выборку. Итак, мы получили некую лабораторную модель, “общество в пробирке”, как говорилось в самом начале данной главы. Каковы же итоги столь затянувшегося эксперимента?

Оказалось, что “слова” в принципе соответствовали “вещам”. Разница в формальном способе обозначения людей в актах, как правило, отражала обладание ими различными специфическими социальными свойствами. За категориями или группами дарителей, состоящими из носителей однотипных социальных качеств, как правило, стояла объективная социальная реальность, во всяком случае, наш источник создает такое *впечатление*. Причем эта социальная реальность нашего источника не лишена внутренней согласованности и не находится в кричащем противоречии с общепринятыми представлениями о социальном устройстве французского общества. Иными словами, “богаче” и “престижнее” в нашей модели выглядят именно те слои, которым и *положено* быть богаче и престижнее. Причем те, кто обозначен в нотариальном акте как “экюйе”, “шевалье”, “барон”, проявляют тенденцию являться именно дворянами, “землепашцы” производят впечатление крестьян, а “парижские буржуа”, судя по всему, в основном и были парижски-

ми буржуа, занимаясь торговлей, предпринимательской деятельностью, владея городскими домами. Результаты трудно назвать обескураживающими. Волга на сей раз впадает именно в Каспийское море. Но это, если вдуматься, не так уж и мало. Ведь волжская вода имеет немало шансов попасть как минимум в Азовское море. К тому же впадение Волги в Каспий бесспорно только в современных атласах и на снимках из космоса. По пачке “Беломора” доказать эту истину уже сложнее, а по некоторым древним картам вообще невозможно. И то, что социальная реальность, реконструируемая по нашей выборке, в целом соответствует априорным представлениям о ней – не так уж банально, как может показаться. Приведу несколько аргументов в пользу этого.

Первое. Вспомним, что согласно многим современным теориям социологов, среди которых уже цитированная мной концепция Люка Больтански и Лорана Тевено, существуют не жесткие “объективные” социальные структуры, но временные конвенции, “договоренности”, системы соглашений по данному конкретному поводу, так называемые “*грады*”. И, действительно, в нашем случае мы имеем дело с исключительной ситуацией. Что бы мы ни говорили, но детей и племянников в университет отдавала лишь незначительно малая доля французов XVI в. И ясно, что крестьянин, сын которого учится в университете, уже этим фактом своей биографии разительно отличается от односельчан. Да и дворянину более пристало держать в руках шпагу или присматривать за сбором своего урожая, чем штудировать “Пандекты”. Равно как редкий ремесленник или купец мог похвастать ученой степенью своего сына. Для большинства “университетская ситуация” была чем-то более или менее исключительным. И оказавшись в этой необычной ситуации, они вовсе не были *обязаны* воспроизводить “объективную” социальную структуру, даже если таковая и существовала. И все же, как показали индексы, социальная структура *в общих чертах* воспроизводится, что само по себе удивительно.

Второе. Поневоле получившийся длиннейшим обзор категорий, показывает, что эти общие тенденции проступают лишь в *конечном счете*, пробиваясь через разногласия индивидуальных казусов, производящих впечатление хаоса.

Мы пытались как-то классифицировать дарителей, подобрать критерии стратификации. Но они сплошь и рядом играли не по правилам. Мы встречали богатых крестьян и бедных дворян. Братом крестьянки оказывался рафинированный гуманист. Некий ремесленник одаривал студента с супругой, что невозможно по определению. Экуюе почему-то оказывается родственником купца-шоссетье, адвокаты Парламента – кузенами и племянниками крестьян. Любой из дарителей мог составить экстравагантный акт, “выламывающийся” из общей тенденции. Многие, как мы видели и как еще увидим, так и поступали.

И все же. Один адвокат мог быть бесконечно оригинален, но не тридцать адвокатов. И в этом одна из тайн социальной истории. Чтобы экстравагантность стала тенденцией, нужна группа. И чем она больше, тем тенденция выглядит убедительнее. Это еще один трюизм, но трюизм, в котором убеждаешься на собственном опыте, стоит не так уж и мало. Одно дело заучить слова о том, что “люди вступают в определенные, необходимые, и от воли не зависящие отношения” и совсем другое – самому наблюдать, как из хаотического нагромождения конкретных фактов кристаллизуются надличностные структуры и как категории, выделенные по “фиктивным” критериям, неожиданно обретают черты объективного существования.

В нашей модели, если мы говорим о социальной структуре и даже о социальной иерархии, речь не идет о строго определенных уровнях, разделенных перегородками. В источнике общности походят, скорее, на звездные скопления: вокруг одной точки, ядра всей совокупности, группируются дарители, в разной мере обладавшие характерными для данной группы признаками. Края этих скоплений находили друг на друга, и мы постоянно сталкивались с дарителями, которых трудно было отнести к той или иной группе. Возможно, в этом и заключена специфика данного “града” – “университетской Франции”.

Третье. Наша работа не была бесполезной уже только потому, что в ходе ее удалось выработать некую систему критериев, косвенных показателей, позволяющих отыскивать место данной группы в обществе. По отдельности ни один из этих критериев ненадежен, и даже взятые вместе, они оказываются бесполезными на индивидуальном уровне и начинают “работать” только в общностях, насчитывающих не менее 15–20 человек. Вероятность наших наблюдений пропорциональна численности группы. Наблюдения, сделанные нами о парижских пекарях или о финансовых чиновниках – не более чем шаткие гипотезы, но заключения, относящиеся ко всему низшему чиновничеству, претендуют уже на большее. Это естественно, раз мы имеем дело с вероятностными процессами. Этот самодельный инструментарий позволял нам открывать не только уже открытые двери, но и восполнять лакуны. Источник постоянно преподносил нам сюрпризы. Оказалось, что купцы-землепашцы не были единственными богачами среди крестьян, что если сержанты Парижского Шатле были париями судейского мира, то провинциальные сержанты – весьма уважаемыми людьми, что капелланы относились не к низшему, а к среднему духовенству, что среди парижских подмастерьев почему-то элитой были подмастерья-стригальщики. Но были и более существенные открытия.

Наша модель противоречит расхожему мнению о том, что правом именовать себя “буржуа” обладали все постоянно живущие

в Париже жители. Она указывает на вполне ощутимый разрыв между теми, кто в актах назвал себя “буржуа”, и теми, кто хоть и давно жил с ними рядом и, порой, даже занимался тем же делом, но этим “титолом” не пользовался. Есть немало оснований полагать, что за этой разницей в нотариальных актах стояла некая реальность. Не могут обманывать столько показателей применительно к группе почти в сто человек.

И здесь мы подходим к щекотливому вопросу о соотношении нашей лабораторной модели с реальностью. В моей монографии предпринимались попытки такого сопоставления. Я предположил, что основываясь на численности некоторых групп, можно путем экстраполяции сделать выводы о численности как всего Парижа, так и отдельных категорий населения⁴⁴³. Предложенные мной выводы не были затем ни подтверждены, ни опровергнуты, хотя с тех пор А.Л. Пономарев применил свой хитроумный метод экстраполяции нотариальных данных на все общество⁴⁴⁴. Возможно, в дальнейшем этот метод можно будет опробовать и на парижском материале. Но в предлагаемой работе я опускаю эти размышления, прежде всего потому, что на данный момент пока никак не могу объяснить природу этой количественной связи модели и общества.

Кроме того, при анализе “университетской” модели я отметил напряженности и даже противоречия, существующие как между отдельными категориями, так и внутри них, и предположил, что грядущий социальный кризис Религиозных войн можно было бы предсказать, основываясь на интерпретации наших данных⁴⁴⁵. Я и сейчас не отказываюсь от своих гипотез, но и этот пассаж я предпочел опустить. Рассуждения на данную тему неизбежно вызвали бы споры о том, имеет ли историк право “предсказывать назад”. Думается, что обсуждать эти проблемы можно и должно⁴⁴⁶, однако это увело бы нас далеко в сторону.

Размышления над полученными данными порождают три группы вопросов.

1. Насколько специфична наша модель? Уместно ли будет разделение корпуса дарителей на те же категории, если мы возьмем не дарения студентам, а какой-нибудь другой тип актов? Умозрительно можно предположить, что университетская ситуация может высвечивать французское общество в уникальном ракурсе. Для проверки наших наблюдений нужен некий контрольный материал.

---

⁴⁴³ Уваров П.Ю. Французы XVI века: Взгляд из Латинского квартала. М., 1994. С. 203–208. Глава называлась “Игра в цифры”.

⁴⁴⁴ Пономарев А.Л. Кого нет, того не сосчитать? Или сколько в Византии было знати и купцов // Математические модели исторических процессов. М., 1996. С. 236–244.

⁴⁴⁵ Уваров П.Ю. Французы XVI века. С. 225–237.

⁴⁴⁶ Уваров П.Ю. Развилки и игральные кости, альтернативы и случайности (Попытка инвентаризации) // Одиссей, 2000. М., 2000. С. 78–85.

2. Очевидно, что дарители составляли свои акты не для того, чтобы дать историкам представление о Франции XVI в., но решая какие-то свои жизненные задачи. Мы моделировали эти задачи, исходя из наших представлений о социальных процессах и опираясь на “здравый смысл”. Для одних мы говорили о целях социального воспроизводства, для других о социальном продвижении семьи, для третьих о желании использовать университетские привилегии. Но каковы были реальные устремления самих дарителей? Это один вопрос, но он предполагает и вопрос другой: а надо ли это нам? Может ли проникновение в мир чувств, эта попытка интериоризации исторического объяснения существенно повлиять на наши выводы? Ведь мы основывались на показателях, не зависящих от воли людей, на индексах, имеющих статистическую природу. И, наконец, если все же необходимо проникать во внутренний мир действующих субъектов (назовем их так, чтобы избежать слова *актеры* или еще того хуже – *акторы*), то возможно ли это на основании нотариальных актов?⁴⁴⁷

3. Руководствуясь объективирующим подходом, перейдя от анализа “валовых” показателей к “ручной переборке” актов, мы постоянно сталкивались с несводимостью отдельных случаев друг к другу, с уникальностью индивидуальных ситуаций. Практически в каждой группе нам попадались казусы, требующие их полного пересказа. Они явно выпадали из общего ряда и вообще затрудняли типологизацию, но вместе с тем обладали особой информативной ценностью. Как уже отмечалось, для избранного метода исследования эта неизбежная индивидуальность является “информационным шумом”. Может ли она сама по себе стать предметом исследования, давая информацию как об индивидууме, так и об обществе в целом? Если – да, то какой следует избрать ракурс исследования, какие вопросы следует задать источнику в этом случае? И, главное, как будет соотноситься этот “индивидуализирующий” подход с подходом “объективирующим”? Поискам ответов на вопросы двух последних групп посвящена вторая половина предлагаемого исследования. Но перепроверку университетской модели мы предпримем незамедлительно.

---

⁴⁴⁷ Мы можем найти в документах (но уже в оригиналах, а не в публикации) немало эксплицитных выражений чувств, мотивирующих действия дарителя. Некоторые говорят о доброй склонности к студенту, о стремлении обеспечить его всем необходимым, или же о необходимости расплатиться с ним за оказанные услуги. Одни желают ему скорейшего получения степени, другие – достижения “священных духовных чинов”, но насколько можно верить этим пожеланиям? Ведь мы имеем дело с нотариальными актами, со стереотипными формулами.

КОНТРОЛЬНЫЕ ЗАМЕРЫ

БРАЧНЫЕ КОНТРАКТЫ

Методика работы и соотнесение с предыдущими данными. – Дворяне и сеньоры: два типа поведения. – Судейские и чиновники – эндогамия, гипергамия и “женихи на вырост”. – Буржуа: невест больше, чем женихов. – Отличаются ли торговцы от буржуа на сей раз? – Замкнутый мир ремесленников. – Крестьянские контракты. – Подмастерья, поденщики и служанки. – Подведение итогов. – Странная регулярность

Если нам нужно произвести “контрольный замер” корпуса дарителей, то сделать это имеет смысл на более или менее представительном материале. Как отмечалось, после дарений студентам, вторым по величине рядом однотипных документов являются дарения в форме брачных контрактов. Странно было бы не воспользоваться возможностью проверки, предоставляемой самим источником.

Брачные контракты традиционно считаются привилегированными источниками для социальной истории. Как отмечал Ролан Мунье, “с небольшим преувеличением можно сказать: социальная группа – это люди, которые заключают между собой браки”. Брачный выбор составляет основу всей системы общения (социальности). Причем если эндогамия (т.е. тенденция к заключению браков в своей среде) является необходимым признаком социальной группы, в то же время характер экзогамных связей (браков, заключенных вне своей среды) указывает на место группы в обществе⁴⁴⁸. Напомним, что именно на анализе брачных контрактов основывался амбициозный проект реконструкции социальной иерархии парижского общества⁴⁴⁹. Помимо указания на то, с кем заключают браки представители той или иной социальной группы, брачные контракты содержат не менее ценную информацию, оговаривая размеры приданого, “вдовой доли” (*douaire*), права на получение части имущества до раздела (*presciput*), размеры совместного имущества (*communauté*).

В не раз уже цитированном исследовании Робера Десимона о парижских лигерах содержится прекрасный биографический индекс, где для большинства из участников указываются суммы, оговоренные в брачных контрактах, что придает всем социальным выкладкам и обобщениям автора достоинство верифицируемости⁴⁵⁰. На

---

⁴⁴⁸ Mousnier R. Problèmes de la méthode dans l'étude des structures sociales des XVIe, XVIIe, XVIIIe siècles // Idem. La plume, la faucille et le marteau. P., 1970. P. 14.

⁴⁴⁹ Mousnier R. Recherches sur la stratification sociale à Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles: L'échantillon de 1634, 1635, 1636. P., 1975.

⁴⁵⁰ Descimon R. Qui étaient les Seize?... Указания на ливры и экю сопровождались в этой работе переводом их на килограммы золота для большей наглядности.

суммах, упомянутых в брачных контрактах, во многом основана иерархия чиновников, выстраиваемая Бернаром Килье. Это – исключительно информативный источник, дающий представление о том, в какой правовой традиции действуют семьи (разные кутюмы предполагали разные модели брачного договора), об уровне социальных связей (упоминания родственников и друзей, улаживающих свои отношения с молодоженами путем подарков), о властных отношениях (часто в качестве свидетеля приглашался сеньор, патрон или иной уважаемый человек). Конечно, брачные контракты могут так или иначе искажать реальное положение дел, например, завышать размеры приданого, чтобы создать завышенное представление о своей кредитоспособности⁴⁵¹. Но это, конечно, не снижает ценности данного типа источников для социальной истории.

В нашем корпусе брачных контрактов значительно меньше, чем дарений студентам, но все же в публикации указывается немалое их число – 327 актов. И все же я отказался от использования этого источника в качестве базы для предпринятой реконструкции. И тому есть немало оснований.

При всей своей информационной насыщенности, брачные контракты являются чрезвычайно сложным источником, состоящим из многих элементов. Причем в историографии уже сложились жесткие требования, порожденные накоплением большого материала. Для полноценного исследования надо знать все условия контракта (соотношение “вдовьей доли и “утреннего дара” жениха, оговоренный порядок наследования и др.)⁴⁵².

В нашем источнике данные представлены в значительно искаженном виде. Прежде всего потому, что регистрировались не просто нотариально оформленные брачные контракты, но лишь те из них, которые содержали элементы, представленные в виде дарений недвижимости. И если мы можем говорить о зарегистрированных дарениях студентам как о пятипроцентной выборке, то репрезентативность зарегистрированных в Шатле дарений в виде брачных контрактов оценивается по отношению к реальным контрактам лишь долями процента.

Но дело даже не в этом. Произвол издателей оказался в данном случае на порядок выше, чем по отношению к университетским дарениям, более простым по своей структуре. В публикации отсутствуют упоминания о свидетелях; о приданом или о других имущественных аспектах говорится лишь в том случае, когда они содержат что-либо, показавшееся издателям “забавным” или важным с точки

---

⁴⁵¹ Dessert D. *Argent, pouvoir et société au Grand siècle*. P., 1984.

⁴⁵² Например, если представители первой группы систематически заключают браки с представительницами второй и при этом суммы приданого неизменно и существенно превышают вклад жениха, то мы можем поставить первую группу выше второй на иерархической лестнице.

зрения парижского краеведения. Начисто исключены разнообразные благочестивые формулировки, редко воспроизводятся прочие условия и оговорки. Все это, в сочетании со значительно меньшим по сравнению с университетскими дарениями числом зарегистрированных брачных контрактов, делает этот ряд документов менее пригодными для реконструкции социальной реальности. Конечно, проводить подобную работу на основе публикации можно и, может быть, даже нужно (например, в учебных целях⁴⁵³). Но при этом надо помнить, что модель “Франции брачных контрактов” отделена от гипотетической “реальности” большим числом всевозможных экранов по сравнению с моделью “университетской Франции”, для которой, впрочем, своих экранов тоже хватает.

Но для сопоставления, в качестве вспомогательного средства контроля эту модель все же можно использовать, ведь главный интересующий нас аспект – то, с кем заключались браки, все же отмечен публикаторами.

Итак, сколько же брачных контрактов имеется в нашем распоряжении? Цифра, названная в издании, как выяснилось, завышена, поскольку основана на предметном указателе. Один и тот же акт мог регистрироваться дважды, например, женихом отдельно, родственниками невесты отдельно, но в указателе он фигурирует как два разных документа. Иногда брачный контракт мог только упоминаться: мы сами сталкивались с такой ситуацией, когда в дарении студенту упоминалась тяжба, ведущаяся по поводу прав, отошедших дарителю согласно давнему брачному контракту. Несмотря на то, что это совершенно иной тип дарения, номер этого акта указывается среди “брачных контрактов”. Кроме того, я отсеял немало актов, в которых статус хотя бы одной из сторон не оговорен, а также акты, где одной из сторон является священник, одаривавший, например, свою племянницу, выходящую замуж.

Таким образом, в нашем распоряжении осталось 266 пар.

Разнося указания по соответствующим категориям, определяющим я считал указание на статус жениха (в подавляющем большинстве случаев в публикации указывался его собственный статус, но иногда, видимо, в случае особой молодости жениха, указывался статус его отца или иного родственника) и на статус первого из упомянутых родственников невесты. Обычно это был ее отец или отчим, реже дядя, опекун и др. Если речь шла о вдове, то важным для меня был статус ее последнего мужа. В некоторых, очень редких случаях невеста обладала самостоятельным статусом (дворянки, несколько

---

⁴⁵³ Так, анализу брачных контрактов была посвящена дипломная работа А.В. Луковенковой, защищенная в Санкт-Петербургском университете в 1991 г., на эту же тему был подготовлен доклад Е.Е. Савицкого в 1998 г. в семинаре “Происхождение Старого порядка во Франции” (Центр им. Марка Блока, Российский государственный гуманитарный университет).

парижских “буржуазок” и несколько служанок), и тогда я отдавал предпочтение этой информации.

Не прорабатывая детально содержание контрактов, я лишь фиксировал суммы, так или иначе упоминаемые в качестве приданого или дара новобрачным. Такие сведения содержались далеко не во всех актах нашей публикации и зачастую были лишь “довеском” к дарению недвижимости (ради которого, собственно и предпринималась регистрация всего контракта или его части в Парижском Шатле). Поэтому, если я и буду говорить о цифрах, то надо помнить, что речь идет о данных, потребных лишь для того, чтобы дать общие ориентиры.

Попробуем сопоставить уже давно знакомый нам из таблицы 1 состав дарителей студентам со сведениями о женихах и невестах, заключавших брачные контракты (см. табл. 29).

Расхождение между двумя частями таблицы сразу же обращает на себя внимание и, признаюсь, несколько обескураживает.

Можно было предположить, что офисье и судейские, чье профессиональное становление и карьерный рост были особым образом связаны с университетским образованием, должны быть *избыточно представлены* в дарениях студентам, по сравнению с другими группами. И эта избыточность должна была выявиться при анализе актов, никак с университетским образованием не связанных. Действительно, если адвокаты или советники парламента имели больше шансов видеть своего сына в университете, чем дворяне, купцы или крестьяне, то женились они уж никак не чаще других.

Но получается, что чаще. Во всяком случае, они гораздо чаще других групп регистрировали свои брачные контракты в Шатле. Почему это происходило, трудно сказать. Пока единственное, что приходит на ум – большая, чем у других законопослушность, или, скорее, лучшее знание законов.

Как мы видим, доля чиновников и судейских среди женихов и родственников невест увеличилась по сравнению с университетскими дарениями главным образом за счет как городских элементов – буржуа, торговцев, ремесленников, так и крестьян (а также исчезнувших из списка третьей и десятой категорий). Доля дворян и сеньоров не уменьшилась, а даже немного увеличилась. Таким образом, университетские дарения оказываются более “демократичным” источником по сравнению с брачными контрактами.

Это, пожалуй все, что мы можем сказать на основе “валового” сопоставления двух рядов актов. Гораздо любопытнее оказывается сопоставление конкретных категорий и подгрупп, причем отдельно – женихов и отдельно – “невест”.

Дворяне, как женихи, так и невесты чаще других групп указывают суммы приданого и даров новобрачным. Типовой (медианной) величиной может служить сумма в шесть тысяч ливров. По сравнению с другими группами дворяне достаточно редко женятся

Таблица 29

Распределение дарений студентам и дарений в виде брачных контрактов по категориям дарителей

Категория дарителей	Дарения студентам			Дарения в виде брачных контрактов			
	Дарители	Акты	% от общей численности	Женихи	Невесты	ВСЕГО	% от общей численности
1. Дворяне	65	86	5,3%	22	18	40	7,5%
2. Сеньоры	25	27	2,1%	6	11	17	3,2%
3. Священники	48	54	3,9%				
4. Офицье и судейские	234	281	19%	124	99	223	42%
5. "Буржуа"	252	296	20,5%	25	56	81	15,2%
6. "Торговцы"	193	208	15,8%	31	32	63	11,8%
7. Ремесленники	174	167	14,2%	35	30	65	12,2%
8. Крестьяне	110	110	9%	7	13	20	3,8%
9. Низшие слои	47	48	3,9%	16	7	23	4,3%
10. Не установлена	76	60	6,2%				
ИТОГО	1224	1337	100%	266	266	532	100%

на вдовах (в 4 случаях из 22), и из 18 невест только две дворянки, вступающие в брак, оказались вдовами. В других группах, как мы увидим, их доля могла быть гораздо большей. В основном, дворяне и дворянки вступают в брак с ровней (15 случаев для женихов и 13 случаев для невест). Эту группу с известной натяжкой можно назвать эндогамной. Среди прочих брачных партий дворян встречаются придворные, военные, владельцы судебных должностей, сеньоры. По сравнению с тем, как дворяне фигурировали в университетских дарениях, в брачных контрактах они чувствуют себя словно бы увереннее и никаких сомнений в их социальном лидерстве не возникает.

Группа **сеньоров** демонстрирует совсем иное брачное поведение. Они женятся на ком угодно, только не на невестах из своей группы. Среди брачных пар – семьи дворян, адвокатов, мелких клерков, провинциальных купцов, королевских секретарей. Разброс немногочисленных сведений о приданом весьма велик – от 600 ливров до 12 тысяч ливров⁴⁵⁴. Таким образом, брачное поведение сеньоров подтверждает то, о чем мы догадывались уже и раньше – в реальности такой социальной группы не существовало.

Группа **“офисье”**, владельцев должностей, в отличие от сеньоров, склонна к эндогамии. Так, женихи вступают в брак с дочерьми и вдовами владельцев должностей в Париже (в 9 случаях из 17), провинциальных офисье и дворян. Размеры упоминаемых сумм приданого ненамного отличаются от “дворянских” параметров и составляют в среднем четыре тысячи ливров.

Специфичным является упоминание должности в качестве свадебного подарка. Так, в 1551 г. ординарный королевский докладчик Андре Гийар, сеньор д'Исль, и Мари Роберте заключают брачный контракт, по которому мать невесты, вдова Жана Роберте, шевалье и секретаря финансов, обещает дать будущему супругу своей дочери 18 тысяч ливров наличными и 800 ливров ренты. Со своей стороны, отец жениха, советник Королевского совета (Conseil privé) Андре Гийар передает (“резигнирует”) свою должность сыну в качестве свадебного дара молодым, отмечая, что сын ничего ему за это не должен⁴⁵⁵.

Родственники невест из числа офисье также производят впечатление весьма однородной и престижной группы. Впрочем, в четырех случаях (из 21) невесты из этой группы выходят замуж за дворян, обладатели должностями не упоминавших. И еще в трех контрактах речь идет о браках с адвокатами. Любопытно, что женихи из числа офисье на дочках адвокатов не женились. Это вполне объяснимо. Адвокаты, как мы уже поняли, были весьма активной, но не слишком однородной группой. Среди них были профессиональные, “веч-

---

⁴⁵⁴ IRI. 4189 и IRI. 3766.

⁴⁵⁵ IRI. 3956.

ные” адвокаты и “стажеры”, проходившие адвокатуру перед стартом к королевским судебным должностям. С последними и заключали браки дочери офисье: среди избранников был, например, адвокат Франсуа Брисонне, один из отпрысков уже известной нам прославленной фамилии чиновников и людей церкви. Упомянутое в этом акте приданое весьма солидно – 8 тысяч ливров⁴⁵⁶. Что касается дочерей адвокатов, то они, по определению, могли принадлежать лишь к семьям “вечных” адвокатов, навсегда застрявших на этом поприще, и не представляли собой выгодных партий для амбициозных офисье.

Анализ группы брачных контрактов, составленных **адвокатами**, подтверждает гипотезу о них, как о “женихах на вырост”. Начнем с того, что если в предыдущих группах соотношение женихов и невест было примерно равным (с незначительным преобладанием невест), то среди адвокатов наблюдается явная диспропорция: 28 женихов-адвокатов и только семеро невест.

Адвокатов-женихов больше, чем адвокатов – участников университетских дарений. И эта группа оказывается мало расположенной заключать браки с дочерьми или вдовами своих коллег. Лишь один адвокат Парламента женился на дочери адвоката Шатле. Но в отличие от сеньоров, эта группа демонстрирует некоторые общие черты брачного выбора. По-видимому, “классической моделью” можно считать брак адвоката и дочери прокурора, в нашей выборке это относится к десяти адвокатам из 28 (шестеро женились на дочерях прокуроров Парламента и четверо на дочерях прокуроров Шатле) с приданным от 2 до 8 тысяч ливров. Сюда же можно отнести браки с дочерьми нотариуса и парламентского грефье (секретаря). Таким образом обеспечивалась социальная мобильность прокурорских семей: если не их зятья, то хотя бы внуки имели неплохие шансы занять искомые должности. Удачным можно назвать брак одного из адвокатов с богатой вдовой парижского гренетье (чиновника соляного ведомства) с приданным в 10 тысяч ливров. Адвокаты порой женились на вдовах парижских буржуа и парижских медиков (соответственно в трех и двух случаях).

Эти сведения о матримониальных обычаях парижских адвокатов хорошо иллюстрируют биографию Николя Версориса, парижского адвоката, чьим “дневником” мне доводилось заниматься⁴⁵⁷. Первой его женой была Дениз Базанье, дочь прокурора Шатле (причем одна из двоюродных сестер Версориса, дочь прокурора Парламента, в свою очередь вышла замуж за адвоката Шатле из рода Базанье), а второй – вдова университетского медика.

---

⁴⁵⁶ IRI. 276.

⁴⁵⁷ Уваров П.Ю. Дневник Николя Версориса (1519–1530): Круг общения и степень информированности средневекового горожанина // Общности и человек в средневековом мире. М.; Саратов, 1992. С. 53–59.

Исключением выглядит брак адвоката Большого королевского совета с вдовой королевского типографа⁴⁵⁸. Несмотря на пышный титул первого мужа, женитьба на вдове ремесленника для адвоката Парламента, да и адвоката Шатле была бы скандальным мезальянсом. Для нас этот брак важен в качестве косвенного свидетельства приниженности Большого королевского совета как судебной курии. Персонал Большого совета не имел постоянной резиденции, следуя за двором, да и объем компетенции этой курии был крайне ограничен⁴⁵⁹.

Помимо уже упоминавшихся адвокатских невест из мира судебных, следует отметить и двух дочерей сеньоров, одна из которых упоминает крупную ренту в 200 ливров. Кстати, и среди адвокатов многие именовались экюйе, и большинство были сеньорами.

Отметим также, что в 11 случаях речь шла о браках с вдовами (как мы помним, в предыдущих группах упоминаний о вдовах было существенно меньше).

Дочери и вдовы адвокатов регистрировали брачные контракты в Шатле значительно реже. Среди их женихов – адвокат и прокуроры Шатле, парижский буржуа, мелкие финансовые чиновники. В этой группе невест в двух случаях из семи речь шла о вдовах адвокатов, а еще в четырех – о дочерях покойных адвокатов. Рассчитывать на блестящую партию дочерям адвокатов не приходилось. Наиболее удачным может считаться брак вдовы адвоката с мажордомом графини Валентинуа⁴⁶⁰, т.е. со слугой всемогущей в ту пору Дианы де Пуатье.

Группа **прокуроров** как Парламента, так и Шатле демонстрирует зеркальное отражение брачной стратегии адвокатов. На сей раз прокуроры значительно реже выступают в качестве женихов, чем в роли родственников невесты (в случае прокуроров Парламента соотношение 6:14, прокуроров Шатле 5:12). Прокуроры женятся по большей части на вдовах (в шести случаях из 11), на вдовах буржуа и прокуроров, мелких провинциальных чиновников. Характерно, что о первом муже невесты одного из прокуроров Шатле известно, что он был парижским буржуа и владел лавками во дворце Правосудия, точнее арендовал их у короля. Брачный выбор, таким образом, не выходит за рамки одной среды. Другой прокурор Шатле вступил в брак с вдовой адвоката из Санса (с относительно крупным приданым в 1200 ливров). Чаще в актах прокуроров упоминается приданое от 300 до 700 ливров. В целом среди женихов-прокуроров не наблюдается ни стремления вступить в брак с представительницами более престижной группы (гипергами), ни явных мезальянсов.

---

⁴⁵⁸ IRI. 4709.

⁴⁵⁹ *Doucet R. Les Institutions de la France au XVIe siècle. P., 1948. Vol. 1; Knecht R.J. Renaissance Warrior and Patron The Reign of Francis I. Cambridge, 1994.*

⁴⁶⁰ IRI. 2996.

Можно говорить о некоей однородной скромности их брачных контрактов.

Невесты, чьими родственниками были прокуроры, ведут себя иначе. Прежде всего, велик разброс значений упоминаемых ими сумм приданого, есть упоминания о 5 и даже о 8 тысячах ливров и о скромном приданом в 200–300 ливров. В последнем случае речь идет о браках со стряпчими (“практиками”) и с парижскими буржуа. Но, как мы уже поняли, чаще всего (в 6 случаях из 14) женихами дочерей и вдов прокуроров выступали адвокаты. И только в двух случаях прокуроры Парламента. Одна из прокурорш вышла замуж за стольника (*sommelier*) королевы. Но о невесте известно, что она уже к тому времени овдовела дважды и оба раза была замужем за прокурорами Парламента⁴⁶¹.

Схожим образом подбирались брачные партнеры для невест из семей прокуроров Шатле – пять адвокатов и два прокурора. Среди женихов есть и парижский торговец, но также и еще один королевский стольник. Этот жених Жанны де Витри, вдовы прокурора Шатле, титуловался пышнее, чем жених вдовы парламентского прокурора: “Диметрий Пайелаго, экюйе, ординарный стольник короля, хлебодар, капитан и консьерж Отеля и парка в Турнеле”⁴⁶².

Прокуроры и прокурорши Шатле в качестве женихов и невест несколько отличаются от того, что мы о них узнали по дарениям студентам. Тогда мы констатировали, что прокуроры Шатле были заметно беднее и “приниженнее”, чем прокуроры Парламента. В данном случае столь резкой грани проследить не удастся. Прокурорши и особенно прокуроры Шатле во многом близки к своим парламентским коллегам. Это достаточно цельная группа, с медианой приданого где-то порядка 400 ливров. Разве что у их дочерей и вдов несколько больше было женихов из числа парижских торговцев.

Парижские **стряпчие** были достаточно большой группой среди составителей брачных контрактов. Опыт анализа университетских дарений показал нам, что они были людьми не слишком уважаемыми и во многом уступали прокурорам Шатле. Многие из стряпчих обучались у прокуроров, и, вероятно, пределом их мечтаний было проникновение в ряды прокурорской коллегии. Мы еще не сталкивались со столь сильным дисбалансом, какой наблюдается в соотношении стряпчих-женихов и невест из семей стряпчих (22 жениха и всего 5 невест). Стряпчих, вероятно, также можно рассматривать как группу “женихов на вырост”, но от адвокатов их отличало очень многое, и прежде всего уровень брачных притязаний.

---

⁴⁶¹ IRI. 4971.

⁴⁶² Вспоминается сразу Портос и прокурорша мадам Кокнар, но реальная жизнь оказывалась куда интереснее литературы. Об удивительных матримониальных приключениях вдовы одного из скромных прокуроров Шатле мы расскажем в последней главе.

Стряпчие гораздо чаще прочих судебных роднились с буржуазной средой. Стряпчие-женихи заключают контракты с дочерьми и вдовами пяти парижских буржуа и еще двух парижских торговцев, не упомянувших об этом “титуле”. Один из стряпчих женился на вдове столяра из предместья Сен-Марсель, другой на дочери крестьянина из Иври, селения неподалеку от Парижа. Как мы помним, и в случае с университетскими дарениями, именно на уровне “стряпчих”, среди упомянутых родственников начали преобладать купцы и ремесленники.

Некоторым из стряпчих все же удавалось породниться с судебскими. Среди их невест дочь прокурора парламента и вдова прокурора Шатле (в этих контрактах упомянуты самые крупные суммы приданого – 600 ливров наличными и 40 ливров ренты в первом случае и 1500 ливров – во втором), дочь провинциального стряпчего (за нее дают 100 экю приданого), вдова и дочь судебных приставов, дочь сержанта Парлер-о-Буржуа (муниципального ведомства речной торговли). Ко времени составления контракта отец невесты уже умер, но его брат, пристав Счетной палаты, выделил племяннице неплохое приданое в 330 ливров наличными и 20 ливров ренты (надо отметить, что там, где основным родственником невесты выступали дядья, размеры приданого и выбор брачной партии обычно были скромнее, чем у других невест той же группы).

Немногочисленные невесты из семей стряпчих вступали в брак с буржуа, медиком, в двух случаях с парижскими стряпчими и в одном – со стряпчим провинциальным. В последнем случае вдова стряпчего, совмещавшего свою деятельность с обязанностями университетского служащего – педеля нормандской нации, выдала свою дочь за уроженца города Базаса, “ходатая по делам города Бордо”⁴⁶³. В целом, стряпчие-”практики” выполняли роль своеобразной социальной мембраны между мирами судебных и буржуа.

Мы почти ничего не можем сказать определенного о группе **провинциальных чиновников и судебных**. Как и в случае с прокурорами, число невест вдвое превышает число женихов (10 : 5), что, впрочем, объясняется не столько каким-то специфическим их положением, сколько особенностями регистрации, которая чаще всего происходила по месту жительства жениха.

Эта группа изначально образована исключительно по формальному принципу, потому и не обладает характерными признаками. Среди женихов есть и скромный грефье секретаря президиального суда в далеком Ажене, женившийся на дочери парижского буржуа, и влиятельный лейтенант бальяжа, берущего в жены дочь советника Парламента с приданым в 3 тысячи ливров.

Столь же мало определенного мы можем сказать и о невестах. На вершине в этой группе следует, видимо, расположить контракт

---

⁴⁶³ IRI. 1711.

дочери первого президента счетной палаты Дижона, выходящей за советника Парижского Парламента с приданым в пять тысяч ливров. Собственно, речь идет об изменении брачного контракта, согласно одной из статей которого четыре тысячи из пяти, выделенных в приданое невесте ее отцом, должны оставаться в собственности новобрачной. Последняя же, после первого года совместной жизни, переводит эти деньги в разряд совместного имущества, “принимая во внимание крепкие и совершенные дружеские чувства, которые к ней питает указанный сьер де Дорми, ее муж, с тем чтобы дать ему лучший повод для продолжения этого”⁴⁶⁴.

Наиболее типичные суммы, упоминаемые в контрактах невест этой группы, находятся в пределах от 1200 до 1500 ливров. Невесты довольно богаты, но их семьи остаются от этого не менее загадочными для нас. Какие возможности открывала должность грёфье – секретаря суда? Был ли это технический исполнитель, сродни нотариусу, или же должностное лицо, наделенное влиянием? Так, вдова грёфье превоства Аржентей выходит замуж за купца из соседнего Понтуаза⁴⁶⁵ – вряд ли это можно назвать блестящей партией. Но дочь грёфье из города Тура приносит солидное приданое в четыре тысячи ливров адвокату парламента Пьеру Папийону, обладавшему также должностью советника Палаты Вод и Лесов, сыну советника Парламента. Последнее указание свидетельствует о том, что мы имеем дело с типичным адвокатом-стажером. Ему уже купили должность, правда, пока не очень престижную, но в недалеком будущем он сменит отца в Парламенте, а может, двинется и еще дальше.

Финансовые чиновники, напротив, проявляют удивительную однородность как группа. Она состоит из 8 женихов и 8 невест. В половине случаев они вступают в брак со своими коллегами или с офицес судебных курий. Мы уже сталкивались с контрактом дочери покойного секретаря финансов Жана Роберте⁴⁶⁶. Ее контракт вовсе не производит впечатления “сиротского” – 18 тысяч приданого и брак со старейшей парижской чиновничьей династией Люилье⁴⁶⁷. Столь же крупная сумма упомянута в контракте Клода Пинара, королевского нотариуса-секретаря, экстраординарного казначея артиллерии, и Марии Обепин, дочери покойного Жюля Д’Обепина, казначея и генерального сборщика бюро случайных доходов (так называлось ведомство, занимавшееся столь важным и щекотливым для монархии делом, как продажей королевских должностей). В данном слу-

---

⁴⁶⁴ “En consideration de la grande et parfaite amytie que luy porte ledit sieur Dormy son mari, affin de luy donner meilleur occasion de y continuer” (IRI. 2265).

⁴⁶⁵ IRI. 5043.

⁴⁶⁶ См.: *Meyer C.A., Bently-Cranch D.* Florimond Robertet, homme d’état français. P., 1994.

⁴⁶⁷ IRI. 3956.

чае 18 тысяч ливров дает жениху дядя невесты – епископ Лиможский Себастьян де л'Обепин, докладчик прошений Дворца.

16 тысяч ливров дарит Мари Ривьер, вдова гренетье, своему будущему супругу, адвокату, но не простому адвокату, а, судя по всему, “мужу на вырост” – Франсуа Алеграну из известного рода адвокатов и финансистов. Из другого акта мы узнаем, что он – сын генерала курии косвенных сборов⁴⁶⁸.

Примечательно, что это единственная группа, в которой суммы приданого указываются во всех контрактах (финансисты привыкли к точности). Средняя величина приданого составляла около четырех тысяч ливров.

Самым скромным и, по-видимому, маргинальным в этой группе следует назвать контракт вдовы контролера сокровищницы королевы, вышедшей замуж за парижского буржуа, имевшего, правда, степень лиценциата. Вдова принесла ему приданое в 40 ливров ренты (что соответствует 320 ливрам капитала) и ряд земель. Но в акте содержалась характерная оговорка, что все это вернется к дарительнице, если она на свои средства купит будущему супругу должность королевского секретаря или должность аудитора Счетной палаты в Париже до истечения восьмилетнего срока со дня свадьбы.

Если в качестве составителей дарений студентам финансовые чиновники производили впечатление некоей чужеродности в среде прочих чиновников и судейских, то в своих брачных контрактах они предстают как вполне деятельная, компактная и весьма уважаемая группа с высокой степенью эндогамности.

В целом же анализ брачных контрактов подтверждает сконструированное нами представление об иерархии чиновного мира.

Сохраняется ли подобная иерархичность в мире парижских буржуа?

Как мы помним, парижане и парижанки, назвавшие себя в университетских актах просто “буржуа”, без уточнения своего рода занятий, расценивались нами в качестве своеобразной городской элиты. Чаще всего это были уже немолодые люди, отошедшие от коммерческой деятельности и живущие за счет своих рент и иных доходов с недвижимости.

В случае брачных контрактов в пользу этой гипотезы говорит одно обстоятельство: мы не знаем возраста вступающих в брак женихов-“буржуа”, но они женятся на вдовах в шести случаях из семи. Среди их партий – вдовы судейских: адвоката Шатле, прокурора Шатле и стряпчего⁴⁶⁹, в двух последних случаях упоминаются достаточно взрослые дети невест.

Но и невесты из этой группы в семи случаях из девяти оказываются вдовами парижских буржуа. Кстати, как и в случае с универси-

---

⁴⁶⁸ IRI. 5328.

⁴⁶⁹ IRI. 5266, 692, 4464.

тетскими дарениями, именно в этой группе появляется термин “bourgeoise” – “буржуазка”, и женщины выступают в качестве полностью самостоятельных субъектов сделки.

В пользу привилегированности положения этой группы женихов и невест говорят и брачные союзы с семьями адвокатов⁴⁷⁰, а особый ходатай короля⁴⁷¹ дарит невесте – вдове парижского буржуа – целых шесть тысяч ливров.

Но остальные партии были не столь блестящи – прокуроры Шатле⁴⁷², главный клерк прокурора Парламента, но также повар, содержатель гостиницы (hotelier), подмастерье хирурга-цирюльника. В том случае, если брачный выбор не выходил за пределы среды купцов и ремесленников, размер приданого был гораздо скромнее – 500–600 ливров.

Скорее всего, в группу “просто буржуа” входили как и удалившиеся на покой рантье, так и вдовы, не стремившиеся к детализации в описании точного рода занятий покойного мужа. Для них важнее было указать статус буржуа. Впрочем, одна гипотеза не противоречит второй.

Более сложный случай представляют “буржуа шести корпораций”. Как и у прокуроров, невест в этой группе вдвое больше, чем женихов (11 : 5). Среди женихов преобладает эндогамия, а доминирование суконщиков (драпье) ощущается еще сильнее, чем в случае с университетскими дарениями – женихи из других корпораций попросту отсутствуют. Суконщики упоминают в актах солидные суммы (до 5 тысяч ливров), все пятеро женятся на дочерях или вдовах буржуа, причем в трех случаях из пяти – на вдовах суконщиков.

Невесты этой группы также демонстрируют тенденцию к эндогамии. Три вдовы суконщиков, как мы поняли, выходят за суконщиков же. Но все же дочь аптекаря выходит за мерщика дров (муниципального чиновника), дочь бакалейщика – за прокурора Парламента, принося ему 700 ливров ренты (5600 ливров капитала), вдова ювелира, собирающаяся замуж за другого прокурора Парламента, указывает более скромную, но также довольно солидную сумму в тысячу ливров. Еще одна вдова ювелира выходит замуж за графье Аженского президиального суда.

Таким образом, наш источник свидетельствует о наличии некоторой женской гипергамии в среде парижских буржуа привилегированных корпораций. Если, конечно, принять на веру, что статус прокурора был в глазах современников более высоким, чем статус ювелира или аптекаря.

---

⁴⁷⁰ IRI. 4695, 5266.

⁴⁷¹ “Soliciteur general des affaires du Roi” (IRI. 4588).

⁴⁷² IRI. 4892.

В многочисленной группе парижских **купцов-буржуа** доля женихов еще меньше, они чуть ли не втрое уступают невестам по своей численности (их соотношение – 12 : 33).

В половине случаев из дюжины они женятся на вдовах. Их брачный выбор ограничивается кругом парижских буржуа. Из этого есть лишь два исключения. Купец-буржуа женится на вдове доктора медицины, но жених обозначен как “*capitaine des cent vingt archers de la ville de Paris*”: речь идет либо о выборном капитане городского ополчения, либо о купце, сочетавшем свои занятия с отправлением муниципальной должности⁴⁷³. Во втором случае Жан Одри-младший, купец и парижский буржуа, заключает брак с дочерью экойе Антуана де Вильнева, прокурора Парижского Парламента, сеньора де Бомарше. О родителях жениха ничего не известно, но с его стороны молодым жалуют 200 ливров наличными и 12 арпанов земли дядя и тетя жениха – Николя Бутен, адвокат Парижского парламента, и его жена Женевьева Ами, дама де Люпланте, что близ Шартра⁴⁷⁴. Речь, таким образом, идет об уже знакомом нам симбиозе прокурорских и адвокатских семей, захватывающем в свою орбиту и тех отпрысков, которые связали себя с торговлей.

Невест, чьими родственниками были бы парижские купцы-буржуа, намного больше. Половину из них составляют вдовы (17 из 33). Они чаще, чем женихи из их группы, склонны к заключению браков вне своей среды. За буржуа выходят только шесть невест, причем, все – вдовы, которые приносят приличное приданое, наиболее типичным из которых является приданое в 600 ливров.

Вдвое чаще дочери и вдовы парижских буржуа-купцов выходят замуж за судейских, от адвокатов до стряпчих. В одном случае женихом оказывается даже не сам стряпчий, а клерк. Впрочем, речь идет не о вдове или дочери, а о племяннице, находящейся под опекой своего дяди. По-видимому, она еще и прислуживала то ли в семье своего опекуна, то ли в его лавке. Как бы то ни было, жених, получив 200 ливров приданого, со своей стороны выдал дяде невесты обязательство не требовать с него никаких сумм, ни в качестве вознаграждения, причитающегося невесте за время, проведенное со своим дядей, ни за арендную плату за сдачу прилавка для торговли сливочным маслом на Крытом рынке⁴⁷⁵. Продолжит ли жених свою деятельность (что маловероятно, поскольку клерки должны быть холостяками), станет ли самостоятельным стряпчим, или начнет торговать за указанным в контракте прилавком, неизвестно.

Но это не единичное свидетельство коммерческих контактов судейских с буржуа. Гильом Морен, парижский купец-буржуа, обяза-

---

⁴⁷³ IRI. 1152.

⁴⁷⁴ IRI. 3997.

⁴⁷⁵ IRI. 4273.

ется выделить своему будущему зятю, королевскому приставу Счетной палаты, в день свадьбы сумму в полторы тысячи ливров “своим галантерейным товаром” (*en marchandise de mercerie de son estat*), а также передать ему права на половину лавки в большом зале Дворца правосудия с обещанием сдать им вторую ее половину, когда истечет срок найма ее нынешним съемщиком⁴⁷⁶.

Правда, как следует из приписки, сделанной через три месяца, стоимость галантерейного товара оказалась ниже обещанной суммы. Поэтому бабушка невесты – Жанна Годар, вдова землепашца Жана Морена, и ее сын Гильом Морен, отец невесты, обязуются передать молодым движимое имущество, находящееся в задней комнате дома на улице Вьей Пеллетри, под знаком Китового ребра (*à l'enseigne de la Cotte de Balayne*)⁴⁷⁷. Среди этой группы актов мы находим также брачный договор Жанны д'Аррас, вдовы парижского купца-буржуа с уже знакомым нам экюйе Антуаном де Вильневом, прокурором Парламента, сеньором Бомарше. Как видим, брачные контакты с миром купцов стали частью социальной стратегии этой семьи⁴⁷⁸.

Дважды браки заключались с подмастерьями. В одном контракте речь идет о подмастерье в таверне. Но речь шла о странном браке между кузенами или свойственниками – парижский купец-буржуа и его жена приходились дядей и тетей одновременно и жениху и невесте, проживавшей у них в услужении. Во втором случае женихом дочери парижского купца-буржуа оказывался подмастерье суконщика, но служил он у своего отца, буржуа-суконщика, и вряд ли принадлежал к категории “вечных подмастерьев”, о чем свидетельствует и неплохое приданое для брака подмастерья – 200 ливров.

В остальных 13 случаях браки заключались с торговцами и ремесленниками, по каким-то причинам не обозначенными как буржуа. Подтверждается ли наш тезис о том, что отсутствие этого “титла” скрывало за собой какое-то качественное различие в имущественном и социальном статусе? На первый взгляд, данные нашего контрольного замера свидетельствуют об обратном. Ведь то, что значительная часть невест из группы парижских буржуа выходила за торговцев и ремесленников, не обозначенных как “буржуа”, указывает или на родство этих групп, или на иррелевантность термина “буржуа”.

Но обращает на себя внимание одно обстоятельство. Если невесты этой группы выходят за тех, кто по роду своих занятий мог бы принадлежать к числу “буржуа шести корпораций” (“купец-ювелир”, два суконщика, галантерейщик), но как буржуа не обозначен,

---

⁴⁷⁶ IRI. 3989.

⁴⁷⁷ IRI. 3989.

⁴⁷⁸ IRI. 1632.

то в брачных контрактах упомянуты суммы, по меркам этой группы немалые, от 300 до 1125 ливров, а среди невест нет ни одной вдовы. Если это не случайное стечение обстоятельств, то можно предположить, что, как в случае с браком с подмастерье суконщика, речь идет о довольно богатых, но сравнительно молодых людях, еще не получивших полной самостоятельности и поэтому не ставших полноправными буржуа. Парижский купец-буржуа, выдававший свою дочь за такого жениха, мог быть уверен, что и его внуки будут расти в семье парижских буржуа.

Шесть из остальных восьми невест этой подгруппы – вдовы. В их контрактах размер приданого не указывается, точнее, публикаторы не воспроизводят таких данных. Так, например, вдова буржуа-книгопродавца выходила замуж за книгопродавца-переплетчика, а вдова купца-буржуа – за мэтра-кожевника (отдельщика кожи – *soigneur de cuirs*), причем оговаривалось, что последний обязуется обходиться с ней хорошо и любезно, как подобает порядочному человеку, любить и обходиться со своей женой, а никак не иначе⁴⁷⁹. Являются ли такие акты свидетельством отрицательной социальной динамики – вдова, стесненная в средствах, лишена возможности подыскивать “приличную” партию? Или же речь идет, как в первом случае, о продолжении дела – вдова, сменившая мужа в лавке, выходит за компаньона или младшего партнера?

В двух оставшихся случаях, когда контракт заключают не вдовы, а дочери буржуа этой группы, размер приданого указан – 200 экю получает парижский торговец, вступивший в брак с дочерью буржуа-виноторговца⁴⁸⁰, и почти столько же – 500 ливров – получает мэтр-камзолщик, женившийся на дочери торговца свечами, парижского буржуа⁴⁸¹. Собственно, только эти два акта размывают границу между “буржуа” и “не буржуа”, поэтому, если изначальный наш тезис и не был подтвержден брачными контрактами, то пока нельзя сказать, что он ими опровергнут.

Таким образом, брачные контракты буржуа-купцов, как и буржуа “шести корпораций” демонстрируют схожие тенденции: подгруппа женихов значительно уступает подгруппе невест, женихи регистрируют главным образом свои брачные контракты с вдовами, демонстрируя тенденцию к эндогамии. Невесты, напротив, в большей степени “экзогамны” – браки со “своими” регистрируют в Шатле почему-то, в основном, вдовы. Дочери буржуа достаточно часто вступают в брак с судейскими и мелкими чиновниками, но иногда можно наблюдать нечто вроде “мезальянсов”. В целом, обращает на себя внимание большее число регистрирующих свои браки вдов

---

⁴⁷⁹ “Ainsi que ung homme de bien doibt traicter et aymer sa femme, et non autrement” (IRI. 3067).

⁴⁸⁰ IRI. 2996.

⁴⁸¹ IRI. 4424.

(по сравнению, например, с группами дворян или офисье). Суммы приданого примерно соответствуют тем суммам, которые указывают в своих актах стряпчие, сержанты и прочий мелкий чиновный люд (300–500 ливров).

Анализ контрактов **парижских торговцев**, не обозначенных как буржуа, призван проверить все тот же тезис о наличии качественного разрыва между “буржуазными” и “не буржуазными” слоями. Одно различие между этими группами заметно уже из предварительного просмотра таблицы 29: если для пятой категории “буржуа” характерно значительное преобладание невест над женихами, то для шестой категории такой диспропорции не наблюдается.

В группе парижских торговцев соотношение женихов и невест практически равное (22 к 21). Половина торговцев женятся на вдовах, и 11 вдов торговцев выходят замуж: возможно мы близки к естественной доле вдов среди тех, кто вступал в брак в городской среде. Женихи этой группы, как мы уже поняли, порой вступали в брак с дочерьми (но не вдовами!) парижских купцов-буржуа или иных привилегированных парижан. Таких случаев восемь, но речь шла, скорее всего, о младших членах семей парижских буржуа.

Так, например, Жан Гере, сын покойного Пьера Гере, торговца сукном, вступает в брак с Жанной Робен, дочерью меховщика, видимо, покойного, поскольку в акте выступают опекун невесты Пьер Рауль, суконщик-буржуа Парижа, и его жена Маргарита Верар, тетка Жанны Робен, а также Николя Александр, суконщик-буржуа. Они обещают передать супругам тысячу ливров⁴⁸². Через год суконщик-шоссетье (продавец или производитель вязаных вещей) Пьер Лекур заключает брачный контракт с Жерменой Верар, дочерью Бартелеми Верара, королевского книгопродавца. Бабушка невесты, вдова Антуана Верара, купца-книгопродавца и парижского буржуа, дает молодым среди прочего 50 ливров звонкой монетой, а сверх того, Маргарита Верар, вдова Пьера Рауля, купца-суконщика, тетка невесты, жалует 200 ливров, и, наконец, Николя Александр, суконщик, парижский буржуа и патрон жениха (*maitre de Pierre de la Cour*), дарит супругам еще 50 ливров⁴⁸³. В первом случае жених, по-видимому, весьма молод, раз его статус определяется через статус его отца, что бывает нечасто. Во втором, он то ли подмастерье, то ли приказчик, то ли каким-либо иным образом зависимый от суконщика человек, но явно принадлежащий к числу “своих”. Семья Вераров–Раулей, с которыми породнен и Николя Александр, включает в себя парижских буржуа-суконщиков и книгопродавцов, принадлежащих к весьма престижному слоям. В отличие от большинства прочих парижских мастеров книжного дела, уже Верар-старший был

---

⁴⁸² IRI. 76.

⁴⁸³ IRI. 252.

парижским буржуа, а его сын не упоминает об этом своем статусе, видимо, потому, что считает звание королевского типографа более почетным⁴⁸⁴.

Еще один брак с племянницей парижского купца-буржуа заключает Жан Канье, торговец сукном в Париже. Сумма приданого велика – 1150 ливров. Но и жених вносит приличную долю. Его дядя – бакалавр, преподающий на факультете теологии, дарит племяннику тысячу ливров, которыми он располагал на паях в “торговом товариществе” (*en societe de marchandise*) со своим дядей – Симоном Канье⁴⁸⁵. Жених, таким образом, не соответствует образу мелкого торговца, он купец, по-видимому, в третьем поколении, принадлежавшее его родственникам дело имело неплохой оборот, не говоря уже о некотором дополнительном престиже, проистекавшем из родства с теологом прославленной Сорбонны.

В пользу гипотезы о сравнительной молодости тех “торговцев”, которые вступают в брак с дочками парижских буржуа, свидетельствует и контракт Себастьяна Нивель, книгопродавца с улицы Сен-Жак, проживавшего в доме Шарлоты Гийар, вдовы книгопродавца. Он вступает в брак с дочерью мэтра-торговца свечами, парижского буржуа. Шарлота Гийар, оказавшаяся теткой невесты, дарит молодым 300 ливров и четвертую часть всего своего имущества (в его состав, скорее всего, входили и книги из лавки ее покойного супруга), еще 300 ливров обещает им и отец жениха, Жан Нивель, торговец бумагой из Шампани. Перед нами один из начальных эпизодов саги о социальном возвышении. Сын провинциального предпринимателя, владельца бумажных мельниц из Шампани (региона, откуда долгое время поступал основной поток бумаги для многочисленных парижских типографов), был отправлен в столицу, скорее всего под присмотр семьи делового партнера – парижского книгопродавца. С помощью своей квартирохозяйки Нивель-младший проникает в мир парижских буржуа, получив скромный “стартовый капитал”, который, однако, оказался достаточным для успешного ведения собственного дела. Так было положено начало процветания знаменитой семьи парижских издателей Нивель-Крамуази. Их династия оказалась тесно связанной с французской Контрреформацией, сам Себастьян на склоне своих лет станет главным издателем Католической Лиги, его потомки возглавят знаменитую “Компанию Корабля”, предпринявшую титанический труд переиздания Житий святых,

---

⁴⁸⁴ Впрочем, не следует особо обольщаться этим пышным званием, речь не шла о придворной должности. Король мог так и не купить или не напечатать ни одной книги у этих своих “королевских” типографов или книгопродавцов. Эти звания продавались в пользу королевской казны и освобождали из-под контроля исторического патрона парижских мастеров книжного дела – университетской корпорации.

⁴⁸⁵ IRI. 4314.

патристики и решений Соборов, и в XVII в. они станут некоронованными королями парижского книжного дела⁴⁸⁶.

Именно такие браки с дочерьми или племянницами парижских буржуа и дают сравнительно высокий уровень приданого в этой группе: от 300 до 1150 ливров.

В остальных случаях о денежных суммах в контрактах чаще всего не упоминается (во всяком случае публикаторы не воспроизводят этих сведений), в тех редких случаях, когда размеры сумм все же уточняются, они намного скромнее.

Так, торговец-пекарь из предместья Сент-Оноре женится на дочери землепашца из того же предместья, упоминая о приданом в 40 ливров⁴⁸⁷.

Как видим, в этой подгруппе появляются родственники – крестьяне, а один из торговцев женится на вдове поденщика⁴⁸⁸. Часто эти торговцы вступают в брак со вдовами своих партнеров: торговец камзолами женится на вдове мэтра-камзолщика, продавец кондитерских изделий – на вдове мэтра-вафельщика, пекарь из предместья Сен-Лоран – на вдове парижского пекаря, виноторговец – на вдове торговца уксусом⁴⁸⁹.

Невесты из семей парижских торговцев, в отличие от невест из семей буржуа, редко находят женихов в судейской среде. Таких случаев всего два, но и они не похожи на то, что мы наблюдали в среде невест из семей “буржуа”. Так, стряпчий светской курии, вдовец с двумя детьми восьми и четырех лет, женится на вдове парижского торговца, причем публикаторы воспроизводят уникальное обязательство новобрачной обучить детей ремеслу и достойно содержать их вплоть до пятнадцатилетнего возраста⁴⁹⁰. Возможно, практик был не вполне здоровым человеком или возраст его был преклонный. Во всяком случае, этот брак никак нельзя отнести к разряду гипергамных: надежд, что жених сможет занять достойное место в судейской среде, уже не было.

Второй случай иной: практик светской курии женится на дочери покойного парижского торговца. В контракте фигурирует опекун невесты, ее кузен – советник Шатле, сеньор. В знак признательности за услуги, оказанные невестой в то время, пока она проживала у него в услужении, а также в погашение возможных недоимок по опеке, советник обещает жениху 500 ливров, которые будут использованы для какой-либо должности⁴⁹¹. В данном случае карьерный

---

⁴⁸⁶ *Martin H.-J.* Livre, Pouvoir et Société à Paris au XVII siècle (1598–1701). Vol. 1–2. P., 1977.

⁴⁸⁷ IRI. 3514.

⁴⁸⁸ IRI. 4504.

⁴⁸⁹ IRI. 3961, 4099, 4606, 4774.

⁴⁹⁰ IRI. 4312.

⁴⁹¹ IRI. 660.

рост жениха будет продолжен, но сама невеста принадлежит скорее к миру судейских, чем торговцев.

Нет сведений о браках невест этой группы с буржуа “шести корпораций”, да и упоминания о парижских купцах-буржуа также редки. В одном случае парижский купец-буржуа женится на дочери покойного пекаря из предместья Сен-Марсель, но опекуном ее выступает парижский буржуа, мэтр-каллиграф (*maitre escrivain*)⁴⁹². Другой парижский буржуа вступает в брак с вдовой некоего Гильома Фессара, суконщика-посредника (*courtier de draps*)⁴⁹³. Возможно, речь идет о среде, как-то связанной с привилегированной корпорацией парижских суконщиков, хотя размер приданого, если верить публикации, весьма скромнен: речь идет о дарении половины дома, в котором проживает сама вдова. Но единственное приданое, в котором упоминается крупная сумма денег, упомянуто также в связи со средой суконщиков: Робер Депре, парижский красильщик – торговец шерстяными тканями, выдает свою дочь за подмастерья торговца шерстяными тканями и передает ему тысячу ливров. Жених также получает дар от своей хозяйки, вдовы торговца шерстяными тканями Николя Леклерка, мотивируя свой дар тем, что “на протяжении 11 или 12 лет тот добросовестно вел у нее торговлю и всегда был на хорошем счету”. Она передает молодым квартиру, расположенную при лавке⁴⁹⁴.

Достаточно часто невесты этой подгруппы выходят замуж за представителей родственных профессий, о чем мы уже говорили. О денежных суммах в составе приданого сведений либо вовсе нет, либо же размер их очень мал, как в случае брака дочери торговца из предместья Сен-Жак с изготовителем войлочных колпаков из предместья Сен-Марсель, где жених получает 30 ливров.

Анализ брачных контрактов парижских торговцев в целом подтверждает вывод о наличии социального барьера, отделяющего их от парижских буржуа. Правда, барьер этот не был абсолютно непроницаемым. Собственно, нам удалось установить, что парижанин, занимавшийся коммерцией, мог не иметь титула “буржуа” в трех случаях. Во-первых, если он происходил из семьи буржуа или даже привилегированных буржуа, но был молод, только начинал свою карьеру (и, возможно, жил в родительском доме) или же так и не смог завести своего дела. Во-вторых, если он принадлежал к какой-либо сильной корпорации, стоящей в городе на особом положении, владел муниципальной или своеобразной королевской “должностью”. Например, был королевским типографом, присяжным виноторговцем, присяжным книгопродавцом Парижского универ-

---

⁴⁹² IRI. 4871.

⁴⁹³ IRI. 4338.

⁴⁹⁴ IRI. 158.

ситета⁴⁹⁵ или же принадлежал к древней, но замкнутой и обделенной престижем корпорации (как в случае с парижскими мясниками). В этих случаях, парижанин мог и не упомянуть о своем статусе буржуа, даже если он им и обладал.

В-третьих, в подавляющем большинстве случаев речь все же шла о парижанах, занимавшихся мелкой розничной торговлей, совмещающая ее с ремеслом или промыслом, и значительно уступавших “буржуа” по своим доходам и своему престижу. Я бы сравнил разницу между ними и “буржуа” с разницей между мещанами и гильдейским купечеством России XIX в. Браки с парижскими буржуа, их дочерьми или вдовами были явлением нормальным (хотя и сравнительно редким) в первом и втором случаях, в третьем же случае они были бы мезальянсом или отражением какой-либо исключительной семейной коллизии.

В этом третьем случае для женихов и невест характерно появление такого парижского “индекса приниженности”, как упоминание о своем точном адресе.

Этот же признак свойственен и группе **парижских ремесленников**, половина из которых уточняет свой адрес. Женихов в этой группе несколько больше, чем невест (соотношение 31 : 26). Для ремесленников характерна высокая степень эндогамии: в группе женихов 17 браков заключается в ремесленной среде, причем из них в одиннадцати случаях брачная партия подбирается в рамках одного или того же ремесла или среди представителей смежных профессий (наподобие уже известного нам брака переплетчика и вдовы книгопродавца).

Приведу два примера. Пьер Редде, мэтр-банщик (*maitre faiseur d'estifz*), проживающий на улице Кенканпуа, и Мари Ле Брюн, чей дядя Маргери Лебрюн, мэтр-банщик с той же улицы, дарит им площадку для игры в мяч с раздевалкой (*avec un despouille*) с обязательством поддерживать ее в порядке и освободить, если Маргери и его жена перестанут содержать весь дом для игры в мяч⁴⁹⁶.

Достаточно характерен и договор Жерве дю Буа, оружейника (*fourbisseur de harnois et armures* – представители этого ремесла занимались починкой доспехов и конских лат, “подгонкой” их по меркам заказчика). Вступая в брак с Изабо Плонжон он заключает брачный контракт, по которому Пьер Плонжон, также – *fourbisseur de harnois et armures*, проживающий в Париже на Шлемной улице (*rue de la Heaumerie*), близ церкви Сен-Жак-де-ля-Бушри, отец невесты, дает

---

⁴⁹⁵ См.: IRI. 5027. Брачный контракт вдовы присяжного купца-книгопродавца, упоминавшего о приданом в 600 ливров, что являлось немалой суммой для группы купцов-“не буржуа”. Но, поскольку статус ее жениха не установлен, дело лишь, что он родом из Шампани, но в настоящий момент имеет какое-то дело в Париже, то я не включил этот акт в анализируемую группу.

⁴⁹⁶ IRI. 4160.

молодым различное движимое имущество и утварь из своего дома, в частности, точильный камень для полировки доспехов и прочий инструмент, и обязуется селить их у себя, разделять их расходы, в том числе расходы за наем дома, и разделяя пополам доходы, получаемые со своего ремесла... “каковому указанный Плонжон обещает обучить указанного Жерве дю Буа, и раскрыть ему свое мастерство, а оный обязуется учиться и подчиняться указанному Плонжону во всех разумных и законных вещах и жить в дружбе и согласии с отцом и матерью Изабо, оказывая им уважение, каковое должно оказывать отцу и матери”⁴⁹⁷.

О наличных деньгах в составе приданого ремесленники упоминают редко. Дважды речь идет о довольно крупных суммах – в 500 и 600 ливров. В первом случае мэтр-ковровщик женится на дочери парижского буржуа, торгующего свечами (*marchand chandelier de suif*)⁴⁹⁸, а во втором некий Жан де Монсо, сын покойного ювелира, женится на дочери парижского буржуа, мэтра-сапожника⁴⁹⁹. Конечно, оба тестя никак не относились к сливкам парижской буржуазии. Но в подтверждение тезиса о важности “титула” “буржуа” – эти суммы намного превосходят аналогичные показатели, упоминаемые другими ремесленниками, в чьих контрактах говорится о куда более скромных суммах 40–50 ливров. Но большинство как женихов, так и невест из этой группы вообще не упоминают о конкретных суммах.

Там, где брачные связи выходят за рамки ремесленной среды, речь идет о крестьянах: так, дочь колпачника выходит замуж за огородника из предместья Сент-Оноре⁵⁰⁰.

Мэтр-сукновал (*maitre-tondeur de grand force*) женится на дочери крестьянина, которая, впрочем, была племянницей его коллеги-сукновала⁵⁰¹.

---

⁴⁹⁷ IRI. 1516.

⁴⁹⁸ IRI. 4424.

⁴⁹⁹ IRI. 4328.

⁵⁰⁰ IRI. 5297. Этот брак может показаться мезальянсом, ведь колпачники вошли в XVI в. в состав “шести корпораций”. Но колпачники были представлены там скорее символически, их имущественное положение не шло ни в какое сравнение не только с суконщиками, но также с галантерейщиками и аптекарями. В данном случае речь шла о некоей нестандартной семейной ситуации – отец невесты в акте присутствует и дает молодым 10 ливров. Но 50 ливров дарит опекун невесты, парижский землепашец-огородник. Из публикации выясняется, что невеста с двухлетнего возраста воспитывалась в доме крестного (возможно, отец рано овдовел, ведь в акте мать невесты не указана), причем крестный, как водится, оговаривает, что дарение сделано, дабы быть в расчете за *salaires* (оплату трудов), которое могла бы потребовать невеста за время проживания в их доме. Помимо денег и обычного гардероба невесты, крестный дарит молодым участок огорода в квартале Марэ, на Болоте – ведь застройка этого района аристократическими кварталами тогда только началась.

⁵⁰¹ IRI. 3907.

Итак, ремесленники – удивительно цельная группа, судя по всему, почти не склонная к гипергамии (в отличие от парижских буржуа). Даже странно, что нам почти совсем не попадались сведения о связи ремесленников с судебскими и клириками⁵⁰², ведь, как мы помним, среди ремесленников было немало тех, чьи родственники учились в университете.

О группе **провинциальных торговцев** (купцов) мы мало что можем сказать определенного. Вполне очевидно, что контракты 8 женихов и 12 невест этой группы не демонстрируют тенденции к эндогамии, иначе они регистрировались бы по месту жительства, а не в парижском Шатле. Есть, впрочем, одно исключение – брак Жака Вайана, сына Пьера Вайана, купца в Ферте-Ануль, и Ализон Руссен, дочери покойного Жана Руссена, торговца мебелью из того же города⁵⁰³.

Невесты выходят за стряпчих, провинциального сборщика, сеньора, пристава королевской канцелярии, придворного портного. Женихи вступают в брак с вдовой буржуа, вдовой партикулярного лейтенанта, провинциального гrefье, но также с дочерью крестьянина, вдовой пекаря, вдовой мэтра-перчаточника.

Крестьяне представляют собой небольшую группу, намного меньшую, чем в случае с университетскими дарениями. Ее образуют семеро женихов и 13 невест. Крестьяне-женихи лишь в двух случаях заключали брак с дочерьми ремесленников: один землепашец берет в жены дочь мэтра-шорника (с приданым в 80 ливров), другой был уже известным нам огородником из предместья Сент-Оноре, который женился на дочери колпачника. Но, как мы помним, он породнился скорее с семьей парижского огородника – крестного невесты и ее воспитателя. В остальных случаях речь идет о “внутрикрестьянских” браках. Причем, как и в дарениях студентам, крестьянские акты отличались особым колоритом. Так, отец жениха Мишель Прево – купец-землепашец из Гурне, что в Иль-де-Франсе, обещает одеть своего сына “в достойную одежду, платье, штаны, туфли, как подобает сыну землепашца (*ainsi que ung fils de laboureur a aprins d'estre*) и подарить невесте достойный серебряный пояс, каковой обычно выдают дочери землепашца (*ainsi que l'on a acoustume de bailler a une fille de laboureur*)”⁵⁰⁴. Характерно, что мать жениха приходится теткой невестке. Брак становится эндогамным уже не в переносном, а в прямом смысле.

Невесты из семей крестьян иногда выходили замуж в другую среду. Стряпчий из небольшого городка Иври-на-Сене заключает

---

⁵⁰² Лишь в одном акте колпачник из предместья Сен-Марсель, вступивший в брак с дочерью булавочника из соседнего предместья Нотр-Дам-де-Шан, получает 10 ливров от дяди невесты – священника.

⁵⁰³ IRI. 5280.

⁵⁰⁴ IRI. 2171.

брачный контракт с землепашцем из предместья Сен-Марсель, который был, правда, не отцом, а опекуном невесты⁵⁰⁵. В двух случаях вдовы крестьян выходили замуж за слуг. Дочери землепашцев из парижских предместий выходили за своих соседей-ремесленников.

Как мы помним, количество вдов среди новобрачных было невелико в группах дворян и офицее, затем несколько увеличилось в группе адвокатов и составляло не менее, а то и более половины в группах буржуа, торговцев и ремесленников. Что касается крестьян, то ни один из них не женится на вдове, да и среди невест есть лишь две вдовы. Не свидетельствовало ли это о раннем брачном возрасте крестьян?

Небольшая группа слуг и представителей **низших слоев** настолько разнородна, что с неизбежностью распадается на мельчайшие подгруппы.

Прежде всего, слуги знатных лиц (4 жениха и 2 невесты). Это достаточно солидные люди. Так, камердинер епископа Санлисского женится на дочери королевского сержанта с приданым в 100 экю. Камердинер кардинала Лотарингского вступает в брак с вдовой парижского купца-буржуа, а слуга некоего Бертрана де Керкефинема, сеньора Ардивилье, женится на вдове торговца колбасами (*charcutier*), причем в его контракте упоминается приличная сумма в 400 ливров.

Но самая крупная сумма упомянута в контракте Мари де Луве, служанки некоей Мадлены де Сюз, вступившей в брак с внебрачным сыном сеньера Жана де Коленкура, воином (*homme d'arme*) королевской ордонансовой роты под началом коннетабля Монморанси. За добрые и любезные услуги, оказываемые служанкой, молодые получают от хозяйки тысячу ливров⁵⁰⁶.

Прочие представители низших слоев, конечно, не могут похвастаться таким приданым. Но и здесь подмастерья стоят особняком. Подмастерье бондаря женится на дочери крестьянина, которая также была племянницей мэтра бондаря, парижского буржуа. Дядя обещает заплатить молодым 10 экю и предоставить им жилье сроком на шесть лет в Сен-Жермен-де-Пре, на улице Голубятни, но с условием, что они будут там проживать сами, а не сдавать другим. Более того, бондарь разрешает жениху работать бондарем под его именем, опять же сроком на шесть лет, причем прибыль вся будет поступать молодым супругам⁵⁰⁷.

Как мы отмечали, анализируя университетские дарения, своеобразной элитой среди подмастерьев были подмастерья-стригольщики. В брачных контрактах ничего подобного обнаружить не удалось. На роль "элиты" могут претендовать подмастерья суконщи-

---

⁵⁰⁵ IRI. 3832.

⁵⁰⁶ IRI. 5350.

⁵⁰⁷ IRI. 2146.

ков или красильщиков⁵⁰⁸, в их контрактах упоминаются немалые суммы.

В целом же подмастерья – тоже своего рода группа “женихов на вырост”, на семерых женихов приходится только две вдовы подмастерьев и ни одной дочери. Несмотря на наличие “вечных” подмастерьев в целом в эту группу входили люди в основном молодого возраста. Об одном из подмастерьев так прямо и говорится – Пьер Тибо, “юный подмастерье брачного возраста” (*jeune compagnon à marier*)⁵⁰⁹. От своего будущего тестя, провинциального купца, он получил 100 экю звонкой монетой.

Одному из подмастерьев хирурга-цирюльника удалось вступить в брак с вдовой парижского буржуа. Другому, судя по всему, невесту подыскали его коллеги-аптекари. Этьен Картье, купец-аптекарь, парижский буржуа, и его мать, вдова парижского буржуа, выдали за подмастерья хирурга-цирюльника свою служанку, обещав передать молодым в день свадьбы 50 ливров, “учитывая вознаграждение за труды и услуги невесты”⁵¹⁰.

Что касается слуг простых парижан – парижского буржуа, секретаря суда, то они женятся на дочерях крестьян. Слуга, прислуживающий у ювелиров (но не подмастерье!), женится на вдове разнорабочего (*manœuvre*). Парижский поденщик (*gagne-denier*) женится на вдове подмастерья портного, своей соседке, как явствует из того, что и жених и невеста указывают свои адреса. Вдова другого парижского поденщика выходит замуж за некоего торговца, но во всех этих актах ничего не говорится о размерах приданого. Совершенно очевидно, что представители этих слоев, если и были склонны составлять брачные контракты, то крайне редко регистрировали их в Шатле.

Подводя итоги анализа брачных контрактов, можно сделать вывод, что социальная иерархия, выстроенная нами на основе университетских дарений, в целом нашла свое подтверждение в результате произведенного “контрольного замера”. Обратим внимание на найденные отличия – буржуа, торговцы, ремесленники и крестьяне почему-то представлены в числе составителей брачных контрактов реже, чем в числе дарителей студентам.

Более благоприятным, чем в университетских дарениях, видится положение дворян. Не столь резкой оказалась разница между прокурорами Парламента и прокурорами Шатле. Водораздел в данном случае проходил скорее между прокурорами и стряпчими. Не столь непроницаемым (но все же существующим) оказался барьер между парижскими буржуа, с одной стороны, и торговцами “не буржуа” – с другой. Выяснилось, что последняя группа была достаточно дифференцированной. Кроме того, было добыто некое новое опытное

---

⁵⁰⁸ IRI. 158, 4313, 2146.

⁵⁰⁹ IRI. 2244.

⁵¹⁰ IRI. 4632.

знание – выяснилось, что в регистрах существуют “группы женихов” (адвокаты, практики, подмастерья) и “группы невест” (дочери прокуроров, парижских буржуа). Можно говорить о случаях брачного симбиоза (адвокаты и прокуроры). Некоторые группы демонстрировали тенденцию к эндогамии, женились преимущественно на своих (дворяне, финансовые чиновники, ремесленники), другие предпочитали браки с представителями чужих групп (так вели себя сеньоры, адвокаты и прокуроры, дочери парижских буржуа). Выяснилось также, что разным оказался уровень “вдовности” среди регистрируемых в Шатле контрактов, чаще всего это могло служить указанием на разницу в брачном возрасте группы.

Но и при анализе университетских дарений, и в “контрольном замере” нам попадались исключения из правила, в каждой группе находился кто-нибудь, кто вел себя “не по правилам”, выделяясь из общего ряда, причем именно эти акты обладали особым колоритом и так и просились быть приведенными в качестве примера. Но об этой особенности наших документов мы будем говорить в последней главе. А пока же отметим, пожалуй, главный сюрприз. До того, как я предпринял анализ брачных контрактов, я полагал, что это только “Франция университетских дарений” демонстрирует возможность неожиданных межгрупповых связей, ситуации, когда какой-нибудь торговец-шоссете оказывается родственником дворянина, а крестьянин – родственником адвоката. Но выяснилось, что и “Франция брачных контрактов”, которая априорно должна обладать более жесткой социальной структурой, способна демонстрировать подобного рода исключения.

Но составляя рабочие таблицы для анализа брачных контрактов, я обнаружил, что их число стремительно увеличивается в регистрах, относящихся ко второй половине правления Генриха II, а обратившись к университетским актам, – что они демонстрируют противоположную тенденцию. И я понял, что необходимо попытаться ввести фактор времени в наш анализ, носящий, в сущности, сугубо статичный характер.

ФАКТОР ВРЕМЕНИ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АКТОВ ПО ТОМАМ РЕГИСТРОВ ШАТЛЕ ЗА 20 ЛЕТ

Ритмы регистраций: наставание, “кризисное пятилетие”, восстановление. – Брачные контракты и университетские дарения: crescendo и diminuendo. – Проверка завещаниями. – Загадка трех кривых

Как мы помним, дарения, записываемые в пятнадцати первых книгах регистров Шатле, распределены по годам не вполне равномерно, о чем свидетельствует таблица 30.

Мы видим, что ритм регистраций неравномерен. Если в первое из указанных в таблице десятилетий в месяц в среднем регистрировалось по 26–28 актов, то в первые три года следующего десятилетия это чис-

Таблица 30

Распределение актов по книгам регистров Парижского Шатле

№ серии в Национальном архиве	Дата начала и конца Книги регистров	Число листов в Книге регистров	Число актов в книге	Номера в публикации Е. Campardon, A. Tuetey
1. Y 86	09.1539–12.1540	384	239	1–239
2. Y 87	12.1540–03.1542	388	341	240–581
3. Y 88	03.1542–05.1543	381	432	582–1014
4. Y 89	05.1543–08.1544	391	424	1015–1439
5. Y 90	08.1544–05.1545	360	296	1440–1736
6. Y 91	05.1545–06.1546	395	361	1737–2098
7. Y 92	06.1546–06.1547	386	339	2099–2438
8. Y 93	06.1547–08.1548	436	356	2439–2795
9. Y 94	08.1548–08.1549	385	340	2796–3136
10. Y 95	08.1549–09.1550	439	378	3137–3515
11. Y 96	09.1550–08.1551	466	409	3516–3925
12. Y 97	09.1551–08.1552	478	388	3926–4314
13. Y 98	08.1552–07.1553	484	438	4315–4753
14. Y 99	06.1553–05.1558	376	308 (т.е. по 61 акту в год)	4754–5062
15. Y 100	05.1558–11.1559	331	319	5063–5382*

* Только составив данную таблицу, я обнаружил, что публикаторы, вероятно, где-то допустили сбой в нумерации актов. Сумма актов, зарегистрированных во всех 15 книгах, составляет не 5382, а 5368.

ло возросло в среднем до 36–37 актов. Затем наступает сбой. Мы видим, что том книги регистров, серии Y 99 охватывает пятилетний срок, в отличие от всех остальных томов, каждый из которых велся в течение года или от силы полутора лет. И за эти пять лет ежегодно регистрировалось в семь раз меньше актов, чем за предыдущий год.

Напомню, что причина этого крылась в изменении режима “инсинуации”. В мае 1553 г. в Сен-Жермен-ан-Лэ король подписывает эдикт, согласно которому каждый контракт, заключенный на сумму, превышающую 50 ливров, подлежит регистрации в секретариатах, специально создаваемых при каждом королевском суде⁵¹¹. Но введение этой системы, как это часто бывает, не аннулировало старый институт, и регистрации в Книге регистров Парижского Шатле продолжались. Судя по всему, в Парижском Шатле была создана новая структура – greffe des insinuations, но это не ликвидировало практику ведения регистров старого типа, просто записей стало намного меньше. Новая система, предписывавшая регистрацию достаточно

⁵¹¹ Fontanon A. Les édicts et ordonnances des Rois de France. P., 1611. Vol. 1. P. 496.

мелких сделок, быстро “утопила” исполнителей в бумажном потоке⁵¹² и вызывала множество нареканий, в первую очередь со стороны купцов, жалующихся на то, что принудительная регистрация всех контрактов крайне негативно сказывается на коммерции. В конце концов, в июне 1558 г. в Виллер-Котре королем было подписано распоряжение, аннулирующее “секретариат инсинуаций” города Парижа. Вскоре, как мы видим по последнему тому (серия Y 100), нормальный ритм регистраций в книгах Парижского Шатле в целом был восстановлен: за период ведения данного регистра (с мая 1558 г. по ноябрь 1559 г.) число актов увеличилось настолько, что превысило среднюю ежегодную величину регистраций “кризисного пятилетия” в 5,2 раза.

Таким образом, перебой в ритмах регистрации актов в Шатле имеет вполне ясную внешнюю причину. Но насколько эта неравномерность совпадает с неравномерностью распределения регистраций брачных контрактов в тех же томах?

Как показывают таблица 31 и диаграмма (рис. 1), число регистраций брачных контрактов возрастает куда быстрее, чем возрастает общее число регистраций.

Начиная с 1550 г. (серия Y 96) доля брачных контрактов в общем числе регистраций стала резко повышаться. В томе, относящемся к периоду “кризисного пятилетия” (серия Y 99), доля брачных контрактов не сильно сократилась (хотя, конечно, ежегодное число таких регистраций упало в семь раз), но в последнем томе она не только возвращается к “рекордному” показателю регистра Y 98, но и перекрывает его.

В то же время университетские дарения, как следует из таблицы 32, демонстрируют совершенно иной ритм регистрации. “Кризисное пятилетие” обернулось для практики дарений студентам настоящей катастрофой, после которой доля таких дарений продолжала сокращаться и в регистре Y 100 (см. рис. 2).

Я был удивлен, обнаружив столь вопиющее несоответствие между ритмами регистраций этих двух типов актов, во всяком случае, в том, что относится к двум последним томам. Оба ряда данных плохо соотносились не только между собой, но еще и с распределением во времени общего числа регистраций (данные табл. 30). Для того, чтобы выяснить, какой из ритмов регистрации более “типичен”, я попытался отыскать еще один тип дарений, который мог бы послужить контрольной величиной.

Таковыми актами стали дарения в форме завещаний. Их число значительно уступает не только университетским дарениям, но и дарениям в форме брачных контрактов: в регистрах Шатле с 1539 по 1559 г. было зарегистрировано всего 68 актов. Их распределение во времени отражает таблица 33 (см. также рис. 3).

---

⁵¹² Уже через год, в 1554 г. парижский “грефье инсинуаций” жаловался на нехватку места для хранения документов.

Таблица 31

Распределение брачных контрактов по сериям регистров Шатле

Серия	Число брачных контрактов	% от общего числа	Начало и конец регистра	Число актов в книге	Номера в публикации
Y 86	10	4,2%	09.1539–12.1540	239	1–239
Y 87	15	4,4%	12.1540–03.1542	341	240–581
Y 88	12	2,8%	03.1542–05.1543	432	582–1014
Y 89	13	3,1%	05.1543–08.1544	424	1015–1439
Y 90	8	2,7%	08.1544–05.1545	296	1440–1736
Y 91	16	4,4%	05.1545–06.1546	361	1737–2098
Y 92	12	3,5%	06.1546–06.1547	339	1099–2438
Y 93	7	2%	06.1547–08.1548	356	2439–2795
Y 94	13	3,8%	08.1548–08.1549	340	2796–3136
Y 95	12	3,2%	08.1549–09.1550	378	3137–3515
Y 96	29	7,1%	09.1550–08.1551	409	3516–3925
Y 97	28	7,2%	09.1551–08.1552	388	3926–4314
Y 98	54	12,3%	08.1552–07.1553	438	4315–4753
Y 99	36	11,7%	21.1553–06.1558	308	4754–5062
Y 100	48	15%	05.1558–11.1559	319	5063–5382

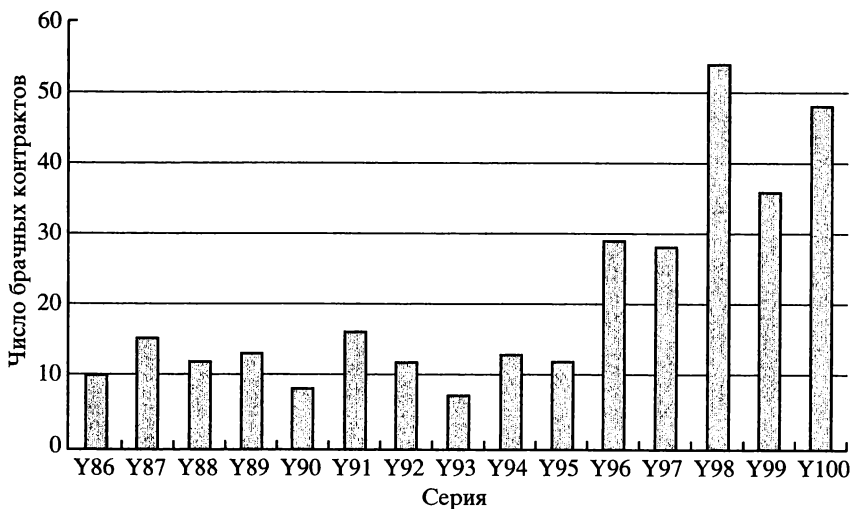
Рис. 1. Распределение брачных контрактов по сериям регистров Шатле

Таблица 32

Распределение дарений студентам по сериям регистров Шатле

Серия	Число дарений студентам	% от общего числа	Начало и конец регистра	Число актов в книге	Номера в публикации
Y 86	77	32,2%	09.1539–12.1540	239	1–384
Y 87	46	13,5%	12.1540–03.1542	341	385–581
Y 88	98	22,7%	03.1542–05.1543	432	582–1014
Y 89	105	24,8%	05.1543–08.1544	424	1015–1439
Y 90	73	24,7%	08.1544–05.1545	296	1440–1736
Y 91	87	24,1%	05.1545–06.1546	361	1737–2098
Y 92	72	21,2%	06.1546–06.1547	339	2099–2438
Y 93	80	22,5%	06.1547–08.1548	356	2439–2795
Y 94	80	23,5%	08.1548–08.1549	340	2796–3136
Y 95	69	18,3%	08.1549–09.1550	378	3137–3515
Y 96	80	19,6%	09.1550–08.1551	409	3516–3925
Y 97	61	15,7%	09.1551–08.1552	388	3926–4314
Y 98	74	16,9%	08.1552–07.1553	438	4315–4753
Y 99	29	9,4%	21.1553–06.1558	308	4754–5062
Y 100	23	7,2%	05.1558–11.1559	319	5063–5382

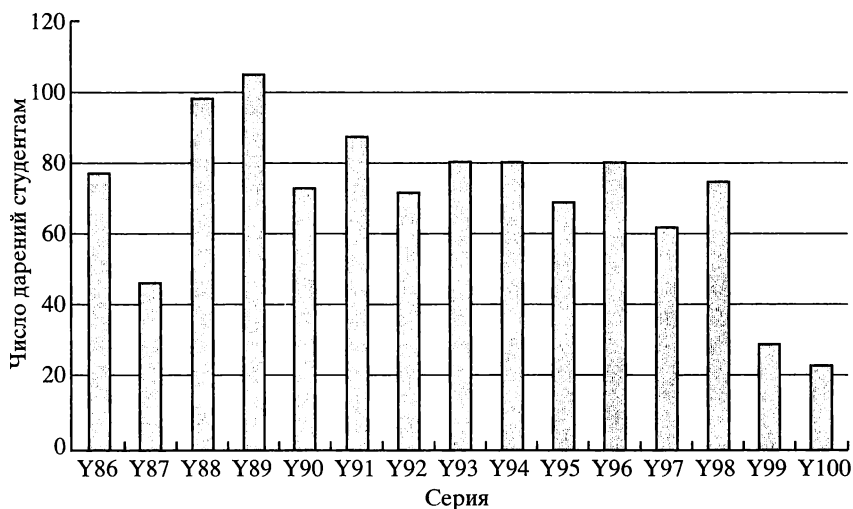
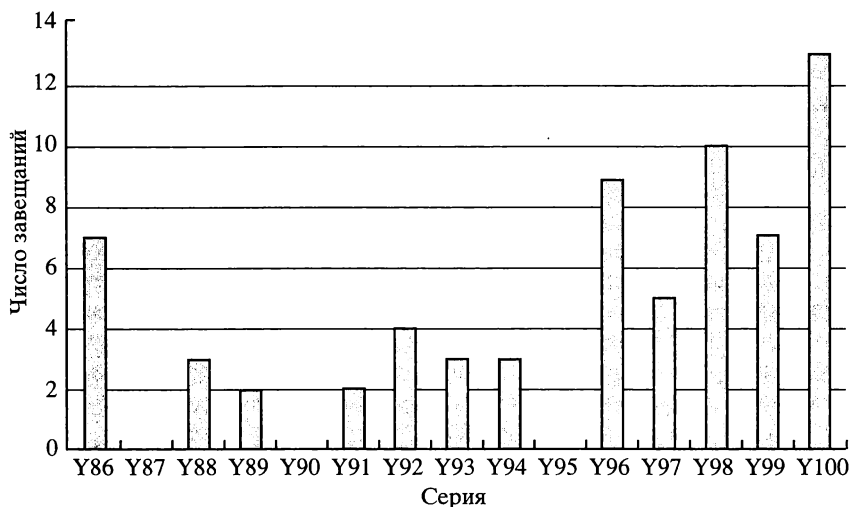
Рис. 2. Распределение дарений студентам по сериям регистров Шатле

Таблица 33

Распределение дарений в форме завещаний по книгам регистров Шатле

Серия	Число завещаний	% от общего числа	Начало и конец регистра	Число актов в книге	Номера в публикации
Y 86	7	3%	09.1539–12.1540	239	1–239
Y 87	0	–	12.1540–03.1542	341	240–581
Y 88	3	0,7%	03.1542–05.1543	432	582–1014
Y 89	2	0,47%	05.1543–08.1544	424	1015–1439
Y 90	0	–	08.1544–05.1545	296	1440–1736
Y 91	2	0,54%	05.1545–06.1546	361	1737–2098
Y 92	4	1,2%	06.1546–06.1547	339	1099–2438
Y 93	3	0,84%	06.1547–08.1548	356	2439–2795
Y 94	3	0,88%	08.1548–08.1549	340	2796–3136
Y 95	0	–	08.1549–09.1550	378	3137–3515
Y 96	9	2,2%	09.1550–08.1551	409	3516–3925
Y 97	5	1,3%	09.1551–08.1552	388	3926–4314
Y 98	10	2,3%	08.1552–07.1553	438	4315–4753
Y 99	7	2,3%	21.1553–06.1558	308	4754–5062
Y 100	13	4%	05.1558–11.1559	319	5063–5382

Рис. 3. Распределение дарений в форме завещаний

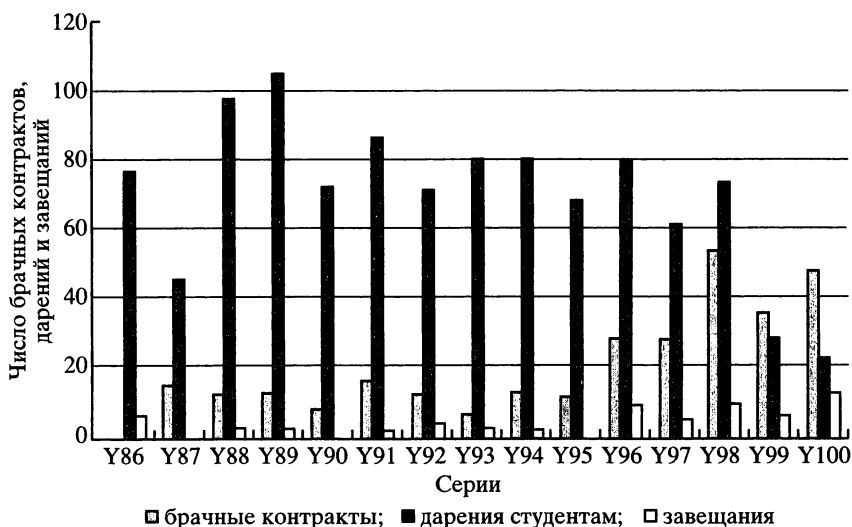

Рис. 4. Распределение брачных контрактов, дарений студентам и завещаний

Конечно, число таких актов оказалось слишком скромным для сколь-нибудь определенных выводов, но ритм регистрации в данном случае оказывается в общих чертах схожим с ритмом регистрации брачных контрактов – после 1550 г. (серия Y 96) число регистраций ощутимо увеличивается, оставаясь достаточно высоким и в “кризисное пятилетие”, оно быстро восстанавливается в последней книге регистров.

Для большей наглядности попробуем объединить данные трех последних таблиц в диаграмму (см. рис. 4).

Итак, дарители почему-то с 1550 г. начинают регистрировать дарения в форме завещаний и, особенно, в форме брачных контрактов гораздо чаще, чем раньше. Что касается брачных контрактов, то, в конце концов, у меня родилась некая гипотеза, которая могла бы объяснить столь явное усиление внимания к их регистрации, начиная с 1550 г. Мы вернемся к ней впоследствии (см. с. 411–426).

Но ситуация с университетскими дарениями представляется более серьезной – ведь именно на этом типе документов основывался наш опыт социальной реконструкции. И то, что эта основная серия источников оказалась столь подвержена конъюнктурным колебаниям, не может не настораживать. Без привлечения внеисточникового знания, оставаясь в рамках объективирующего метода, найти решение этой загадки оказалось для меня невозможным. И я попытался выйти за рамки данных серий регистров Шатле.

ЕЩЕ ОДНА ПРОВЕРКА: ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ И ДРУГИЕ ВРЕМЕНА

Регистры Шатле и нотариальные минуты: существенное расхождение. – Ритмы регистрации после 1559 г.: кривая идет вниз. – Законодательство вносит ясность. – Все – жулики, или репрезентативность под вопросом. – Необходимость нового ракурса

Дарения, адресованные студентам университета, значительно отличаются от всех остальных типов нотариальных актов, зарегистрированных в Шатле, в этом я убедился, сопоставив данные публикации “Инвентаря регистров” с публикацией аналитического инвентаря нотариальных актов, предпринятой Эрнестом Куайаком. В первом томе своего труда он публикует и анализирует нотариальные минуты конторы нотариусов Жана Крозона (до 1498–1518 гг.), его сына Пьера Крозона (1518–1532), второго мужа вдовы Пьера Крозона, Ива Буржуа (1539–1549), а также конторы нотариуса Катрин Фардо (1539–1545). Эти нотариусы действовали на Левом берегу, в университетском квартале: контора Крозонов находилась на улице Сен-Жак, а Катрин Фардо работал на площади Мобер. Вполне понятно, что 6474 акта, приведенные в этой публикации, типологически отнюдь не тождественны актам, зарегистрированным в Парижском Шатле. В последнем случае, как мы помним, речь шла только о дарениях недвижимости, поэтому акты, составлявшие большинство в связках нотариальных минут (договоры о найме жилья, о строительных работах, контракты об отдаче в ученичество, конституирование рент и др.), по определению не должны были регистрироваться в Шатле (за исключением краткого периода “кризисного пятилетия”). И все же сопоставление двух столь внушительных серий документов не лишено оснований, ведь публикацию Э. Куайака мы можем рассматривать как более приближенный к реальной практике срез действительности. В конце концов, все акты, зарегистрированные в Шатле, прежде были составлены нотариусами, и их минуты должны были храниться в конторах, подобных конторам Крозонов или Фарждо. Весь вопрос в том, какую долю они там составляли?

Попробуем соотнести между собой данные двух публикаций, относящиеся к уже известным нам сериям актов – завещаниям, брачным контрактам и дарениям студентам (см. табл. 34).

В нотариальных минутах контор Левого берега упоминается существенно больше завещаний и существенно меньше брачных контрактов, чем в Регистрах Шатле. Но все же эти данные вполне сопоставимы и даже могут быть как-то объяснены. Например, тем, что Левый берег был населен большим числом клириков, которые часто составляли завещания, но определенно не могли составлять брачных контрактов. К тому же, население Левого берега, в особенности

Таблица 34

**Данные о завещаниях, брачных контрактах и дарениях студентам
в публикациях Куайака и Кампардона-Тюетея**

	Регистры Шатле. Публикация Э. Кампа- рдона и А. Тюетея	Нотариальные минуты. Публикация Куайака
Общее число актов	5382	6474
Завещания	68	242
<i>Доля от общего числа</i>	<i>1,26%</i>	<i>3,74%</i>
Брачные контракты	266	95
<i>Доля от общего числа</i>	<i>4,95%</i>	<i>1,47%</i>
Дарения студентам	1224	26
<i>Доля от общего числа</i>	<i>22,74%</i>	<i>0,4%</i>

тех улиц, на которых проживал основной контингент клиентов нотариусов Фардо и Буржуа, состояло по большей части из плебейских элементов, здесь жили также студенты и многочисленные клерки судебных курий, т.е. слои, менее других склонные к составлению брачных контрактов. Возможны, конечно, и иные объяснения. Но мы можем обойтись и вообще без них: сведения о брачных контрактах и завещаниях, содержащиеся в публикации нотариальных минут и регистров “инсинуаций” Шатле, не настолько расходятся друг с другом, чтобы исключить возможность простой случайности.

Другое дело – сведения о дарениях студентам. Данные одного источника превышают данные другого источника уже не в 3–3,5 раза, как в первых двух случаях, а в 55 раз. Это уж никак не может быть случайностью. Тем более что в кварталах, где действовали данные нотариусы, студентов проживало больше, чем где-либо в Париже, и, казалось бы, здесь-то и должно было быть составлено много университетских дарений⁵¹³.

Итак, с регистрацией университетских дарений дело обстоит совсем иначе, чем с регистрацией других актов. Трудно избавиться от впечатления, что их число было искусственно раздуто в регистрах Шатле. Да и динамика их регистрации, как мы убедились, совсем иная. После “кризисного пятилетия” их число резко сокращается.

Интересно проследить ситуацию с университетскими дарениями в более поздний период, после 1559 г. Как отмечалось в первой главе, “регистры инсинуаций”, составленные позднее 1559 г., не выдавались читателям. Но мне удалось воспользоваться микрофишами рукописных карточек, составленных архивистами, по-видимому, в 20-х–30-х годах XX в. По сути, эта картотека была продолжением

⁵¹³ Кстати, в публикации Куайака фигурируют сотни связанных с университетом людей: студентов, преподавателей и обслуживающего персонала.

труда Э. Кампардона – краткие аннотации дарений, зарегистрированных в Шатле. Как отмечалось, использовать этот источник наравне с публикацией Кампардона–Тюетея не представлялось возможным, ведь помимо его труднодоступности, не слишком разборчивых почерков, которыми эти сведения записывались в карточки (с трудом читаемые на негативных микрофишах), эта картотека значительно уступала изданию Кампардона: она содержала информацию об актах в самом сжатом виде.

Я просмотрел картотеки, относящиеся к регистрам Y 101–Y 113, охватывающим период с конца 1559 по 1573 г., т.е. практически за весь период правления Карла IX. Среднегодовое число регистраций в них соответствовало аналогичным показателям за предыдущий период, о чем можно судить по количеству страниц в каждом из томов регистров. Следовательно, перипетии Религиозных войн не повлияли на частоту регистраций нотариальных актов – эта практика продолжалась в полном объеме.

К сожалению, когда я бегло просматривал эти карточки, мне не приходила в голову идея “контрольных замеров”, и я не обратил внимания на брачные контракты и на завещания, но университетские дарения я отмечал по возможности тщательно. Поэтому мы можем продолжить соответствующую кривую, иллюстрирующую частоту регистраций лишь университетских дарений.

Эти данные представлены в таблице 35 и диаграмме (рис. 5).

Итак, никаких сомнений не осталось, катастрофическое сокращение доли университетских дарений в книгах регистров после “кризисного пятилетия” было не конъюнктурным спадом, но началом нового периода – периода резкого (практически восьмикратного) сокращения числа таких регистраций. И никакими видимыми причинами это явление не объяснить, общая практика регистраций дарений не изменилась: как мы видим, тома регистров не становились тоньше, начавшиеся Религиозные войны не привели еще к демографическому коллапсу, а Парижский университет по-прежнему пользовался авторитетом и был привлекательным для студентов.

Найти ответ оказалось очень просто. Генрих II, год от года усиливавший свой контроль над судопроизводством и, в особенности, над судебной процедурой, самым решительным образом стремился к ограничению множественности юстиций: сеньориальные и церковные судебные привилегии подвергались все более жесткому контролю. Видимо, такая судьба постигла и университетский суд. Тем более, что растущие фискальные затруднения заставляли правительство по возможности увеличивать, как мы сейчас бы сказали, “налогооблагаемую базу”.

Надеюсь, мы уже достаточно наглядно убедились, что дарители очень часто преследовали совсем иные цели, нежели оказание помощи студентам в учении. Иногда они вполне откровенно об этом заявляли в своих актах. Не было это секретом и для современников, в

Таблица 35
Дарения студентам с 1539 по 1573 г.

Серия	Число дарений студентам	Начало и конец регистра	Число актов в книге	Номера в публикации
Y 86	77	09.1539–12.1540	239	1–239
Y 87	46	12.1540–03.1542	341	240–581
Y 88	98	03.1542–05.1543	432	582–1014
Y 89	105	05.1543–08.1544	424	1015–1439
Y 90	73	08.1544–05.1545	296	1440–1736
Y 91	87	05.1545–06.1546	361	1737–2098
Y 92	72	06.1546–06.1547	339	1099–2438
Y 93	80	06.1547–08.1548	356	2439–2795
Y 94	80	08.1548–08.1549	340	2796–3136
Y 95	69	08.1549–09.1550	378	3137–3515
Y 96	80	09.1550–08.1551	409	3516–3925
Y 97	61	09.1551–08.1552	388	3926–4314
Y 98	74	08.1552–07.1553	438	4315–4753
Y 99	29	21.1553–06.1558	308	4754–5062
Y 100	23	05.1558–11.1559	319	5063–5382
Y 101	18	11.1559–09.1560	385	
Y 102	20	09.1560–03.1562	475	
Y 103	8	03.1562–04.1563	380	
Y 104	6	04.1563–03.1564	320	
Y 105	12	03.1564–05.1565	451	
Y 106	11	05.1565–04.1566	470	
Y 107	12	04.1566–03.1567	486	
Y 108	9	03.1567–08.1568	390	
Y 109	8	08.1568–09.1569	471	
Y 110	10	09.1569–09.1570	474	
Y 111	12	09.1570–08.1571	460	
Y 112	3	08.1571–06.1572	478	
Y 113	6	06.1572–03.1573	340	

особенности, для откупщиков налогов, с горечью наблюдавших за тем, как мимо их сборщиков проходят, например, целые баржи, груженные товарами, оформленными “для нужд студентов”. Поняли мы и то, что главной выгодой дарителей была возможность перенести судебную тяжбу (реальную или потенциальную) в суд хранителя университетских привилегий.

Я уверен, что Генрих II в последние годы своего правления принял какие-то вполне эффективные меры против этих злоупотреблений. Это лежало в русле его широкомасштабного плана по наведению порядка в стране, для чего и был заключен столь поспеш-

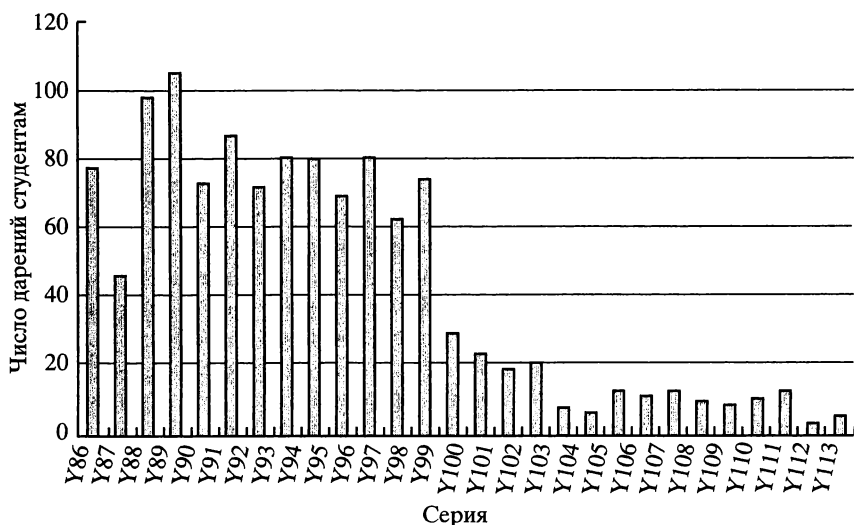

Рис. 5. Дарения студентам с 1539 по 1573 год

ный мир в Като-Камбрези. Во всяком случае, депутаты Генеральных штатов 1561 г. в ремонстрации требовали положить конец злоупотреблениям университетскими привилегиями. И в 35-й статье знаменитого Орлеанского ордонанса Карла IX (1561 г.) строго ограничивались возможности распространения действия университетских привилегий на имущество, подаренное студенту⁵¹⁴.

Совершенно очевидно, что законодательное ограничение практики использования университетских привилегий, и, что бывает не часто, меры по исполнению этого законодательства и вызвали снижение интереса к составлению дарений студентам. Их число приблизилось, судя по всему, к своей естественной величине (2–2,5% от общего числа регистраций⁵¹⁵), сопоставимой с аналогичными величинами для регистраций дарений в виде брачных контрактов и завещаний. Иными словами, дарения регистрировали те, кто действительно передавали имущество в пользование своих родственников-студентов. Число таких актов оказалось в восемь-девять раз меньшим по сравнению с предыдущим двадцатилетием.

⁵¹⁴ Papon J. Instrument de second notaire. Lyon, 1575. P. 74–75; Brisson B. Code Henry III. P., 1587. P. 131; Picot G. Histoire des États Généraux. P., 1872. Vol. 2. P. 135.

⁵¹⁵ Вспомним, что по данным Куайака (табл. 28) такие акты составляли в первой половине XVI в. лишь 0,4% от всех составляемых актов. Но львиная доля документов, вошедших в эту публикацию, никак не могла быть зарегистрирована в Шатле (договоры о найме жилья, различного рода контракты на производство строительных работ, расчеты за причиненный ущерб и т.д.).

Но из этого следует крайне невыгодное для нас заключение:

Из 1224 дарителей, которые составили в 1539–1559 гг. акты, почти девять десятых были “жуликами”.

Поистине, эта констатация – сущий клад для любителей исторической деконструкции.

Мы строили модель общества, пытались достучаться до исторической реальности, были уверены, что уж одной объективной очевидностью мы располагаем точно: речь шла о процессах социального воспроизводства и социальной мобильности посредством университетского образования. Перед нашим взором проходили драматические картины того, как семьи напрягали последние силы, задействовали все резервы, стремясь, чтобы их сын или племянник “достиг ученой степени и стал порядочным человеком”. Не сомневаясь в главном направлении описываемых социальных процессов, мы подозревали, что при этом дарители могли лукавить, идти на какие-то махинации. Но кто же мог предположить масштабы этого самого настоящего жульничества, этого fraude, как тогда говорили? Чего же стоит наша реконструкция, все наши проверки и контрольные замеры? Не лучше ли будет в духе нашего времени признать, что мы имеем дело лишь с текстом и что все наши ухищрения прорваться к породившему его контексту заранее обречены на провал, мы так и не выйдем из замкнутого круга собственных интерпретаций, априори заданных параметрами нашего дискурса?

Прежде чем окончательно перейти под знамена постмодернизма, мы попробуем все же сопоставить данные о социальном составе дарителей за оба периода. То есть сопоставить “жуликов” с “честными людьми” (см. табл. 36).

Конечно, данные, относящиеся к “честным дарителям”, особой убедительностью не отличаются – последних слишком мало. Важно, что они не находятся в вопиющем противоречии с данными о “жуликах”. В 60-е годы среди дарителей немного увеличилась доля чиновников и судейских (не достигнув, впрочем, той величины, которая отличала их долю в дарениях в виде брачных контрактов, см. таблицу 29). Несколько уменьшилась доля буржуа, но зато среди дарителей увеличилось число парижских ремесленников, а также, несколько неожиданно – доля парижских подмастерьев и поденщиков. Впрочем, в последнем случае абсолютная величина слишком мала, чтобы строить по этому поводу какие-то гипотезы, равно как и гипотезы, относящиеся к уменьшению доли дворян и сеньоров.

Так, может быть, нам рано впадать в крайний пессимизм, раз обе выборки документов, возникших, как мы поняли, в разных условиях и составляемых с разными целями, вполне сопоставимы друг с другом? Да и вообще, разве отсутствие должной искренности в намерениях дарителей автоматически ведет к отрицанию их принадлежности к определенным социальным группам? Просто “университетское измерение” социальной действительности Франции оказалось

Таблица 36

**Распределение дарений студентам по категориям дарителей
в 1539–1555 и 1559–1573 гг.**

Категория дарителей	1539–1559		1559–1573	
	Число дарителей	% от общей численности	Число дарителей	% от общей численности
1. Дворяне	65	5,2	4	2,7
2. Сеньоры	25	2,1	2	1,4
3. Священники	48	4	8	5,4
4. Чиновники и судебские	234	19	35	24
5. "Буржуа"	252	20,5	22	15,7
6. "Торговцы"	85	15,8	14	9,7
7. Ремесленники	174	14,2	31	21,3
8. Крестьяне	110	9	9	6,2
9. Низшие слои	47	3,9	13	8,9
10. Не установлена	76	6,2	7	4,7
Итого	1224	100	145	100

еще более сложным, чем предполагалось вначале. Но, во всяком случае, уроки анализа как основной серии актов, так и различные контрольные замеры показывают границы применимости объективирующего метода.

Представляется, что мы достигли предела в своем анализе, за которым нам неизбежно требуется предпринять усилие по *интерпретации исторического объяснения*. Это отнюдь не погоня за историографической модой и не просто дань уважения исторической антропологии. Надеюсь, нам удалось на практике убедиться в том, что все наши дальнейшие реконструкции будут неполными, а то и вовсе неверными, если мы не обратимся к поискам внутренних мотиваций действий дарителей. Для этого нужны новые методы работы с источниками, нужно ставить им совсем иные вопросы и искать иные ракурсы исследования.

ПРАКТИКА. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО СЕРИЯМ РЕГИСТРОВ И НОТАРИАЛЬНЫМ МИНУТАМ

Сквозь практику к человеку

Одним из итогов предшествующего анализа был вывод о необходимости интериоризации в историческом объяснении. Для того, чтобы продолжить наши реконструкции, настала пора взглянуть на ситуацию с точки зрения самих французов XVI в., которые составляли свои нотариальные акты, а затем регистрировали их в Шатле. Как все это осуществлялось ими на практике? Какие реальные цели при этом преследовались? Какие чувства испытывались и как они выражались?

Эти три вопроса связаны между собой самым тесным образом. Мы уже сталкивались с некоторыми мотивациями актов, воспроизведенными издателями, например, *“чтобы помочь сыну содержать себя в парижских школах, ради любви к нему, а также чтобы сын стал порядочным человеком (homme de bien)”*, как объясняет свое дарение лицензиат Рауль Шаль¹; или *“принимая во внимание крепкие и совершенные дружеские чувства, которые к ней питает указанный сьер де Дорми, ее муж, с тем, чтобы дать ему лучший повод для продолжения этого”*, как объясняет изменение брачного контракта в пользу супруга Клод Серр, дочь первого президента Дижонского парламента². Если от публикации перейти к оригиналам, то мы увидим, что в актах очень часто речь идет о выражениях чувств, о “доброй склонности”, “сыновней любви”, о надеждах и расчетах, а то и об угрозах составителей актов. Эти формулировки производят сильное впечатление. До сих пор вспоминаю то потрясение, которое мне довелось испытать, когда я впервые столкнулся с оригиналом нотариальной минуты. Вдова парижского буржуа Маса Ле Пелетье *“считает, что нет ничего, в чем можно быть более уверенным, чем*

---

¹ IRI. 524.

² IRI. 2265.

смерть, и нет ничего, в чем можно быть менее уверенным, чем ее час; не желая уходить из мира сего без завещания и имея мысль выразить свою последнюю волю во имя Отца, Сына и Святого Духа, как добрая католичка, она вверяет свою душу Богу и преславной Деве Марии и господину Михаилу Архангелу и всем святым рая. Далее желает указанная завещательница, чтобы ее долги были оплачены, ее ошибки исправлены и искуплены, далее желает указанная завещательница, чтобы ее могила была на кладбище Невинноубиенных по левой стороне от Девы Марии..."³ Разобрать за закорючками скорописи взволнованный голос парижанки XVI в. – в этом выделось прикосновение к чему-то чрезвычайно важному.

Но вскоре стало ясно, что я столкнулся тогда с одной из весьма распространенных нотариальных формул, повторяемой из документа в документ без особых изменений.

Кому же принадлежал голос, услышанный мной в читальном зале Национального архива? Нотариусу (в данном случае хозяином конторы, расположенной вблизи Крытого рынка, был Франсуа Имбер (Ymbert)), какому-нибудь из его клерков или же анонимному автору того печатного или рукописного свода нотариальных формул, что оказался под рукой при составлении акта? А сама Маре Ле Пелетье, влияла ли она хоть как-то на этот процесс, можно ли усмотреть в данном акте какие-то ее личностные черты? Можем ли мы пробиться если не к тайнам женской души этой почтенной особы, то хотя бы к прагматической стороне ее поступков?

Для этого, прежде всего, нам надо хотя бы в общих чертах обрисовать практику составления нотариального акта. Проследуем за средним парижанином в нотариальную контору.

КАК СОСТАВЛЯЛСЯ НОТАРИАЛЬНЫЙ АКТ В ПАРИЖЕ XVI века

Выбор нотариуса. – Работа над текстом акта. – Откуда брались формуляры. – Оплата услуг нотариуса. – Подтверждение прав участников сделки. – Пример университетских дарений. – Регистрация документа в Шатле. – Волеизъявление дарителя: принуждение формы или диктат нотариуса?

Нотариусов в Париже было много. За период с 1500 по 1561 г. в Париже было открыто 129 контор. Речь идет только о тех из них, чьи архивы сохранились, а по моим оценкам, в состав центрального хранилища нотариальных минут не включены сведения еще примерно о 30–40 конторах⁴. Это, конечно, не означает, что все 129, а тем более 180 нотариусов действовали одновременно, одни конторы за-

³ МС. XX.41 (16.04.1548).

⁴ Об этом мы будем говорить в дальнейшем (см. с. 280–282).

крывались, другие приходили им на смену. Но о 70–80 нотариусах Шатле, действовавших в Париже одновременно, мы можем говорить вполне определенно. Во всяком случае, просматривая дарения, адресованные студентам и зарегистрированные в Шатле с 1548 по 1559 г. (время правления Генриха II, серии Y 93–Y 100), я выяснил, что эти 426 актов были составлены в 119 различных конторах.

Какого нотариуса мог выбрать наш средний парижанин? К счастью для историков, парижане часто оказывались достаточно консервативны в своем выборе, предпочитая из года в год посещать одну и ту же контору. Нотариусы времен Старого порядка, да и современные их коллеги, передавая или продавая контору своему преемнику, продают, собственно говоря, три вещи – должность (за которую надо было платить королю в лице гражданского лейтенанта Шатле), “инструменты” (в данном случае не только обстановку конторы и необходимое оборудование и книги, но, главное, связи хранимых в ней нотариальных минут и книги регистров) и, наконец, “практику”, т.е. постоянный круг клиентов. Последнее считалось и считается самым ценным⁵. Поэтому, если мы знаем, у какого нотариуса был составлен хотя бы один акт, то мы смело можем предположить, что и другие акты интересующий нас парижанин составил у него же или у его преемников. Иногда все же фактор территориальной близости оказывался важнее, парижанин перебирался в другой квартал и вел дела уже у другого нотариуса. Могли быть и иные мотивы – профессиональные привычки, например. Так, каноники Нотр-Дам и советники Парламента предпочитали контору Шарля Баро. Возможно, между нотариусами была и некая специализация: одни могли лучше разбираться в завещаниях, другие в брачных контрактах, третьи лучше других знали, как составить акт о продаже должности, поэтому в особо запутанных делах обращались именно к таким “специалистам”. Впрочем, это остается пока лишь гипотезой.

Итак, человек, желавший составить свой акт, приходил в контору. Нотариус не имел права отказать в приеме кому бы то ни было. Правда, никто не мог принудить нотариуса придти на дом, нотариус мог согласиться на это “лишь в силу своей любезности”. Исключение делалось лишь в случае необходимости спешить к умирающему, чтобы зафиксировать выражение его последней воли – в этом случае нотариус не мог отказать без уважительной причины⁶.

Если бы дело происходило в провинции, то, чтобы составить какой-нибудь важный документ, клиенту потребовалось бы привести с собой свидетелей. Но парижские нотариусы пользовались таким

---

⁵ Напомню, что, к сожалению, не всегда все три элемента передавались в одни и те же руки, это необычайно осложняет жизнь архивистам и историкам.

⁶ Ими являлись угроза заразиться, угроза для жизни или чести нотариуса или болезнь его самого (Le Protocole: L'art et style des tabellions notaires. P., 1550. F. 17v.

авторитетом, что две их подписи под актом заменяли все свидетельские показания⁷. Поэтому на актах, зарегистрированных в Шатле, стоят две подписи нотариусов. Очевидно, владелец конторы приглашал своего второго коллегу, делясь с ним частью гонорара. Как правило, нотариусы образовывали довольно устойчивые пары⁸. Весь вопрос в том, у кого из них хранилась минута (контрольная копия акта). Как показал опыт, в большинстве случаев хозяин конторы, оставлявший минуту у себя, ставил свою подпись вторым, хотя иногда и бывали редкие исключения⁹.

Если смотреть только нотариальные минуты, то может создаться впечатление близости нотариальной практики XVI в. и современности, минуты обычно сразу начинаются с имени составителя акта. Но полные тексты – гроссы, а именно они выдавались на руки сторонам и именно их копии предоставлялись в суд или в Регистры Шатле, дают иную картину. Подразумевалось, что акты составляются от имени главы местной королевской юстиции. Так, изученные мной парижские акты часто начинались с преамбулы: *“Всем, кто увидит настоящую грамоту, Антуан Дюпра, шевалье, барон Тье и де Вито, сеньор де Нантулье и де Преси, советник Короля, господина нашего, ординарный дворянин его покоев и хранитель королевского превоства города Парижа¹⁰, привет! Настоящим даем знать, что перед Пьером Де Преслем и Клодом Беро, нотариусами, утвержденными Королем, господином нашим, в его Шатле города Парижа, явились собственной персоной...”* и далее следовало перечисление участников сделки.

Разумеется, ни могущественный Антуан Дюпра (тезка и племянник знаменитого канцлера Франциска I, одного из выдающихся теоретиков и практиков французского абсолютизма), ни какой-нибудь лейтенант бальяжа или сенешальства, если речь шла о провинциальных актах, в действительности и не подозревали о том, что кто-то составил данный акт, речь шла о чистой формальности. Однако формальность эта соблюдалась и означала, что данная сделка освящена авторитетом королевской власти, делегированной главе королевской юстиции в Париже или в провинции.

В заключительной части акта содержались многочисленные закрепительные формулы, в которых монотонно повторялись обеща-

---

⁷ Ibid. P. 11.

⁸ См. более подробно с. 282.

⁹ Поэтому коллеги, собирающие данные о том или ином персонаже, имея на руках лишь один из его нотариальных актов, просматривают затем сохранившиеся связи минут контор обоих нотариусов, заверивших акт.

¹⁰ Мы переводим его должность, как “королевский прево Парижа”, однако слова “хранитель превоства” указывали на то, что Дюпра не был собственником должности, а был назначен на нее королем (и, соответственно, королем мог быть снят в любой момент, в отличие от офисье, заплативших за свою должность и практически несменяемых).

ния сторон отказаться от взаимных притязаний (в данном случае – от притязаний на передаваемое имущество), обещание не оспаривать своего зафиксированного в акте волеизъявления в суде, “гарантировать” законность сделки. Все эти фразы также были формальностью (в минутах они опускались полностью, а в регистрах Шатле, которые вообще-то велись хорошим почерком, они абсолютно неудобочитаемы, изобилуя титлами и аббревиатурами), но тем не менее, они придавали акту должную торжественность и публичный характер, призывая в свидетели и гаранты в конечном счете самого короля (а, быть может, коль скоро речь шла о клятве¹¹, то и небесные силы).

Таким образом, нотариальный акт, по определению, был делом сугубо публичным, даже если составитель акта оставался один на один с нотариусами.

Впрочем, раз речь шла о дарениях, то являться надо было вдвоем: закон требовал присутствия не только традента (*donateur*), но и реципиента (*donataire*), которого могло заместить его доверенное лицо – прокурор или опекун (если речь шла о несовершеннолетней персоне)¹². Передавая то или иное имущество, нужно было предъявить документы (“*instruments*” или “*lettres et tiltres*”), подтверждающие наличие соответствующих прав.

Вероятно, из этой практики были и исключения, но нотариусы должны были проявлять бдительность, ведь в случае заведомого обмана на них могло пасть обвинение в составлении незаконной сделки¹³. Поэтому достаточно часто нотариусы вставляли оговорку: “*по словам дарителя*”, стараясь тем самым снять с себя ответственность, или прямо указывали на отсутствие документов.

Так, например, в 1544 г. некий Пьер Буссар, экюйе, сеньор де Сет-Фонтен, что в Гатинэ, “*в настоящее время находящийся в постели больной... но все же в здравом уме и понимании, как показалось нижеподписавшимся нотариусам по его словам и поведению, заявляет о дарении... почтенному человеку Николя Филону, королевскому сержанту юстиции Нотр-Дам-де-Шамп, при сем присутствующему... 5 арпанов земли в держании Фруассан,... обязанные обычными по местной кутюме феодальными правами*”. На полях

---

¹¹ Клятва могла обозначаться словами – *foy, serment, foy et serment* или даже *foy et serment de son corps* (Y 100, f. 77v).

¹² Право признавало два типа дарений – по случаю смерти (завещательные), чья регистрация в Шатле была обязательной, и дарения между живыми, где требовалась не только регистрация, но и присутствие двух сторон. *Ferriere C. La science parfaite des notaires ou le moyen de faire un parfait notaire. P., 1682. P. 285.*

¹³ Как пишет Пуассон, совмещавший исследования истории нотариата с собственной нотариальной практикой, при составлении сделки нотариус всегда прикидывает в уме, какой срок он может получить за нее (см.: *Poisson J.-P. Notaires et société: Travaux d'histoire et de sociologie notariales. P., 1985. Vol. 1.*

имеется вставка, уточняющая принадлежность и местонахождение передаваемого участка, который является частью *“из куска в сорок с половиной арпанов, ему принадлежащих, по его словам”*. Нотариус подчеркивает некоторое свое сомнение, которое вскоре разъясняется: даритель просит сержанта, *“чтобы тот поверил лишь его простой клятве без прочих доказательств”*. Пьер Буссар, приведенный к постели, разъясняет, что *“по поводу этого имущества вероверный должен передать указанному Филону”*¹⁴.

Эта история, имевшая немало любопытных подробностей, позже будет рассмотрена более детально. В данном случае нам важно, что документальные подтверждения – instruments – обычно должны были предоставляться составителями актов. Поэтому, если в искренности намерений дарителей мы вправе сомневаться, то возможности для прямого обмана, например, составления фиктивного дарения, были ограничены. Это повышает достоверность источника.

Но для нас в настоящий момент важнее установить, как шла работа над документом, кто же в конечном счете был автором текстов.

Теоретически нотариус или его клерк должны были записывать слова клиента, придавая им форму в соответствии с действующими юридическими нормами. На деле же речь, скорее всего, шла о выборе готовых формуляров, предлагаемых на выбор клиенту. Впрочем, некоторые дарители приходили в контору с уже готовыми актами. Их составляли либо они сами (если они были достаточно образованы) или кто-нибудь из тех, к кому они обратились за помощью. Так, например, нормандский сельский дворянин, сир де Губервиль, автор знаменитого *“Дневника”*, повествует о том, как он составлял прошение. Это заняло у него целых четыре дня, он обсуждал с живущим по соседству королевским секретарем его форму, набрасывал черновики, платил клерку за чистовые варианты¹⁵.

Среди нотариальных минут порой попадаются свидетельства о таких заранее заготовленных *“болванках”*, нотариусы использовали этот текст в качестве черновика и затем из экономии (чтобы не писать нового черновика, коль скоро эту обязанность нотариус, согласно королевским ординамсам, исполнял бесплатно¹⁶), подшивали к связкам минут, хранящимся в конторе.

---

¹⁴ Et veullt que iceluy donateur en soit creu a son simple serment sans un autre preuve faire et aussi que tel est son plaisir .... Et en ce faisant led. donateur consenti et accorde consent et accord par ce present que toutes et chacunes les proces et procediures soient baillies et delivres par son procureur en proces et autres qu'il apartients aud. Filon donataire (Y 90, f. 9v.; MC. LXXIII. 5 (2.09.1544)).

¹⁵ Gouberville G. de. Le journal du sire de Gouberville / Ed. E. de Robillard de Beaupaire. Caen, 1893. P. 248.

¹⁶ Le treize reigle est que tous tabelions et notaires facent fidellement registres et prothocolles de tous les instruments et contracts qu'ilz passeront sans prendre le plus grande salaire (Le Potocolle: L'art et science des notaires... P. 15).

Так, например, мэтр Пьер де Шатель, доктор медицины, и его супруга предъявили нотариусу Франсуа Карто первоначальный вариант акта, составленный, надо отметить, весьма профессионально, возможно, им помогал кто-нибудь из стряпчих. В их варианте есть обычное для grossы обращение от лица королевского прево Антуана Дюпра (что отличает этот документ от всех остальных минут в данной связке), но имелся пробел для имен нотариусов, которые были вставлены в текст другим почерком, причем места для их имен не хватило. И далее текст демонстрирует следы работы Франсуа Карто или клерка из его конторы. Так, в изначальном варианте значилось: *“Мари де Орк, его жена, им уполномоченная (Marie de Horques sa femme de luy actorisé)”*, нотариус исправил на *“его жена, им в достаточной мере уполномоченная в этой части во всем, что касается использования его прав в данной области, сроком на 25 лет (sa femme de luy suffisamment auctorisé en ceste partie en tout que il peult usant et joissant desd. droict et aussi de XXV ans)”*¹⁷.

Такие примеры “самодельных” актов попадают в во многих связках и представляют особый интерес. Просматривая их, можно наглядно убедиться, как “нотариальное принуждение”, “принуждение формы” вступает в конфликт с прямым волеизъявлением клиента (также, впрочем, руководствующегося какими-то своими представлениями о необходимой нотариальной форме). Порой это рождало любопытные казусы, к которым мы еще вернемся.

Иногда, как, например, в случае с больным сеньором де Сетфонтен и сержантом Филоном, нотариальная минута показывает, как нотариус или его клерк составляли акт под диктовку. В данном случае перо нотариуса как бы само торопится вписать привычный текст. Но поскольку ситуация была далеко не ординарной, то писцу то и дело приходится возвращаться назад, зачеркивать написанное, меняя его на правильный вариант. Вернемся к прерванной цитате: *“Пьер Буссар, экуюе, сеньор де Сет-Фонтен, что в Гатинэ, в настоящее время находящийся в постели больной (зачеркнуто: в Отель-Дье этого города Парижа) в предместьях Парижа за воротами Сен-Жак в (зачеркнуто: доме, где висит в качестве знака) доме Жеоль”*. Ситуация, когда бедный больной человек доставляется к нотариусу из Отель-Дье (больницы для бедных, “Божедомки”, как сказали бы в старой России), чтобы составить скромное завещание, была достаточно типичной для нотариуса Жана Крюсе или его клерка, чья рука автоматически вывела стандартную фразу, которую пришлось затем зачеркивать. Ведь в данном случае выяснилось, что Филон доставил больного дарителя из предместья, в котором сам сержант исполнял свои обязанности. Создается впечатление, что мы слышим, как сержант или больной сеньор произносят адрес: *“Hôtel Geole”*, и нотариус понимает, что согласно парижскому обычаю обо-

---

¹⁷ МС. СХ. 38 (17.07.1549).

значать дома, речь идет о знаке, украшающем фасад дома (это могла быть фигурка святого, изображение какой-нибудь аллегорической фигуры, мифического персонажа или вывеска ремесленника), зачастую дом назывался не по имени владельца, а согласно этой эмблеме: “дом святой Анны”, “дом медведя”, “дом Ролланда” и т.д. И опять торопливо сделанную запись пришлось вымарывать, поскольку сержант тут же уточнил, что речь идет не о доме под знаком “темницы” или “засова” (Geol), а о самой настоящей темнице, расположенной на участке, контролируемом Николя Филоном. Ведь далее выясняется, что даритель долгое время содержался в тюрьме парижского Шатле и только затем был переведен в эту небольшую пригородную тюрьму. Сержант, судя по всему, помог сеньору в его судебном противостоянии и занялся его лечением, потребовав в благодарность свершить дарение себе и своему сыну-студенту. Причем, во фразе: “указанный Буссар дарит ... Пьеру Филону, сыну сержанта юстиции Николя Филона”, писарь также вынужден был делать вставку на полях: “своему крестнику”. Являлись или нет в действительности сержант и больной подследственный связанными узами духовного родства, или же они были выдуманы позднее, чтобы лучше мотивировать эту странную сделку, останется для нас тайной. Но ясно, что ситуация казалась неординарной не только нам, но и сотрудникам нотариальной конторы.

Гораздо чаще клерк сразу же брал готовую формулу и почти механически вставлял в нее имена участников сделки и описание передаваемого объекта. Под рукой нотариуса обязательно находился какой-нибудь сборник формул. Помимо коллекции образцов, естественным путем накапливаемых в каждой конторе, прикупались все новые учебники по нотариальной практике, как французские¹⁸, так и латинские, хранились старинные сборники Роландина, Спекулятора, Морцилетуса, Формуляры Рима и Флоренции (Rolandin, Speculator, Morcilettus: aussi des plus exauis Formulaires de la Rote de Rome et de Florence)¹⁹. Итальянцы имели в теории и практике нотариата неоспоримый приоритет, их традиции восходили к седой древности²⁰, к учебникам по “Ars dictaminis”, бывшим в ходу уже в XI–XII вв. Сами же авторы трактатов по нотариату, издаваемых в XVI столетии, претендовали на его прямую преемственность с Римской империей. Существовали также и пародийные сборники, вроде юмори-

---

¹⁸ Theorique de l'art des notaires: Pour cognoistre la nature de tous contrats... / Trad. de Latin en François et succinctement adaptée aux ordonnances royaux par Pardoux de Prat, docteur ès droict, et reveu et augmentée de nouveau. Lyon, 1582.

¹⁹ Le Protocole: L'art et stille des tabelions notaires... P. 1–2.

²⁰ См.: Абрамсон М.Л. Супруги, их родные и близкие в южноитальянском городе высокого средневековья (X–XIII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 103–135.

стического (“рекреативного”) учебника Бенуа де Тронси²¹. В своем обращении к читателю он отмечает, что этот труд составлен, дабы наставлять юных нотариев в написании различного рода контрактов.

Многочисленные сборники предлагали различные формы тех или иных контрактов, в которых с легкостью распознается большинство из разобранных нами в предыдущей главе актов.

Вот один из примеров, приводимый в учебнике Парду де Пра как образец бреве (т.е. документа, передающего лишь существо дела, без формул зачина и концовки):

“Дар одной или нескольких денежных сумм, свершенный студенту.

Такой-то, такого-то звания, проживающий в таком-то месте, заявляет о том, что он даровал, уступил и передал в форме чистого дара такому-то своему племяннику или своему кузену – студенту, обучающемуся в Парижском университете, сумму, каковую ему на законном основании, как он утверждает, должен такой-то, такого-то звания, проживающий в таком-то месте, как остаток от продажи такого-то товара, каковой ему принадлежал и он является его подлинным распорядителем и т.д. Этот перевод свершен из-за доброй и подлинной родственной любви, каковую онный первый поименованный питает по отношению к указанному студенту, своему кузену или племяннику и с тем, чтобы он имел чем содержать себя в обучении и в оном достичь степени. Обещает и т.д. Обязуется и т.д. Отказывается и т.д.²²

Свершено и записано²³ такого-то дня такого-то числа”.

---

²¹ Bredin le Cocu (Du Troncy B.). Formulaire fort récréatif de tous contracts, donations, testament, codicilles et autres actes qui sont faicts et passés pardevant notaires et tesmoins. Lyon, 1590.

²² “Promect etc. Obligé etc. Renoncé etc.”. Хотя выше все тот же Парду де Пра и сетовал, что есть немало невежественных нотариусов, которые злоупотребляют словами “et cetera”, он, как мы видим, сам активно его использует. В данном случае речь идет о пресловутых закрепительных формулах, они обязательно воспроизводились в полном виде в “гроссе”, но опускались или сокращались в “бреве” и “минуте”. Пропущенные фразы в данном случае означали: “Обещает честно передать указанное имущество. Обязуется отстаивать и защищать права реципиента в суде в случае необходимости. Отказывается от своих прав на это имущество”. Даны лишь начальные фразы, по которым в случае необходимости “гроссирования” – составления полного документа – клерк легко восполнял пропущенные слова. Ведь речь шла о клише.

²³ Точнее “сделано и прошло” (“fait et passé”). Обычно в акте ставилось “passé double” – “прошло двойным”. Это значит, что такого-то числа составлены две копии одного документа, если участников сделки двое, или “passé triple”, “passé quadruple”, “passé multiple” (“прошло тройным”, “прошло четверным”, “прошло множественным”), если участников сделки соответственно было трое, четверо, или “много”. Наиболее распространенным случаем было все же “passé double”.

Весь вопрос в том, насколько обязательной была такая форма, насколько мог или хотел составитель акта добавлять что-либо от себя? Прежде всего надо отметить, что если такая возможность и имела, то она представляла собой весьма дорогое удовольствие. Услуги нотариуса вообще были (да остаются и по сей день) достаточно дорогими.

В середине XVI в. королевское законодательство предписывало нотариусам брать по 11 парижских су за большой лист (“*шкуру*”) пергамена, но нотариусы Парижского Шатле имели право брать больше – по 16 парижских су за целый лист и по 10 су за половинку, и по 6 су за четвертушку листа. Иногда нотариусов нанимали временно, на день, в случае, например, их выезда за город – парижанам платили по 45 су в день (а провинциальным нотариусам по 20 су в день) сверх стоимости минуты и grosсы.

Таким образом, вызов нотариусов на дом обходился как минимум в 5 ливров. На эти деньги какой-нибудь студент мог снимать скромную комнату (без пансиона) в течение целого квартала. А ведь рассмотрение дела могло растянуться на несколько дней, о чем предупреждал Парду де Пра²⁴, особенно если требовалось согласие всех участников сделки.

Это было дорого, но на эти расходы шли, ведь своевременное юридически грамотное оформление акта помогало избежать последующего разорительного судебного процесса. Нотариусы не только гарантировали, как сейчас говорят, “юридическую чистоту сделки”, они охотно выступали и в качестве арбитров, улаживая конфликты²⁵. Неудивительно, что между судейскими и нотариусами существовала известная напряженность в отношениях, первые не без оснований подозревали последних в том, что они отбивают у них хлеб²⁶.

Но ясно, что дарителю следовало хорошо подумать, прежде чем вставлять в акт что-нибудь от себя. Задерживаться у нотариуса, вставляя в акт свои комментарии, а еще того хуже лишний раз переписывая весь текст, значило платить лишние деньги, причем немалые.

Со своей стороны, нотариусы призваны были также соблюдать определенную сухость изложения, отбрасывать все излишнее. *“Нотариусы и письмоводители должны быть по возможности наиболее краткими, без длинных отступлений и смещения тем.*

---

²⁴ “...à quoy faire il convient aucunesfoys vacquer par plusieurs journées” (Theorique de l’art des notaires... P. 12).

²⁵ В регистрах Шатле по вполне понятным причинам таких актов было немного, но в нотариальных минутах они встречались довольно часто. Я столкнулся с одним из них (речь шла об улаживании конфликта между доктором теологии и строителями). Среди 3608 актов первого тома публикации Куайака содержатся 60 различного рода полюбовных соглашений о телесных повреждениях и оскорблениях.

²⁶ Poisson J.-P. La justice devant le notaire et sa clientèle // Idem. Notaire et société. P., 1985. Vol. 1. P. 12.

Они должны стараться осветить в своих писаниях то, как в действительности обстоит дело, и согласовать это со всеми участниками сделки” – гласило седьмое правило нотариата, приводимое в учебнике²⁷. И далее автор поясняет: “все нотариусы должны остерегаться того, чтобы помещать в свои писания и документы какие бы то ни было амфибологии, иначе говоря, неясные сентенции, которые можно было бы поворачивать в разных смыслах и разумеаниях: в эту ошибку и в этот порок часто впадают юные нотариусы, которые только что обучились свободным искусствам, и только выйдя из школ полагают, что могут рукой дотянуться до звезд. Но они еще не подготовлены к вещам, от которых происходит молоко и мед, то есть к практике”²⁸. Впрочем, Парду де Пра уточнял, что его книга предназначена для молодых и неопытных нотариусов, работающих в малых городах, местечках и слободах²⁹.

В Париже, конечно, эти советы были излишними: неопытный нотариус просто не мог получить здесь места. Многочисленные парижские мэтры контролировали друг друга (хотя бы тем, что второй коллега всегда присутствовал при составлении акта), а также регулярно инспектировались бдительными чиновниками Шатле. Так, королевский прокурор Шатле регулярно должен был проверять ведение архивов нотариальных минут.

Таким образом, клиент нотариуса испытывал сразу несколько видов принуждения – юридические предписания (требования “Парижской кутюмы”, “Стиля Парижского Шатле”), давление стереотипов, предлагаемых формулярами, и советы нотариуса, помноженные на вполне естественное желание клиента избежать излишних трат времени и денег. Все это поневоле диктовало нотариальному акту определенную сухость, и, казалось, должно было придавать этому источнику обезличенный характер. Так это или нет, мы рассмотрим на примерах некоторых случаев из нотариальной практики, а сейчас продолжим освещение формальной стороны дела.

Если клиент желал составить дарение в адрес студента, то помимо документов (instruments), подтверждающих его владельческие права, нужно было разъяснить нотариусу статус участников сделки. В том случае, когда в составлении акта участвовала жена дарителя

²⁷ Le Protocole: L’art et stille des tabelions notaires ... P. 20.

²⁸ Tous notaires se doyvent aussi donner garde de mettre en leur escritures et instruments aucunes amphibologies: c’est à dire sentences douteuses, qui peuvent estre situées à divers sens et intelligence: et en cest erreur et vice tombent souvent les jeunes notaires qui ont esté artistes, et qui viennent nouvellement des escholes, et leur semble que de leurs doigts ils toucheront les estoilles: lesquels ne sont point encore appliqués aux choses, desquelles viennent laict et miel, c’est à sçavoir de la pratique (Le Protocole: L’art et stille des tabelions notaires ... P. 20).

²⁹ ... qui sont es petites villes. chasteaux et borgades (Ibid. P. 16).

или же женщина выступала вообще независимо, она должна была предъявить документ о своем утверждении в самостоятельных правах (*autorisation*) – подтверждение того, что она в достаточной мере уполномочена мужем на распоряжение данной частью своего имущества. Если к нотариусу приходили оба супруга, то вопрос решался, по-видимому, довольно просто, но сложнее было, если женщина приходила одна, или муж вообще отсутствовал. Мы уже упоминали о встречающихся изредка терминах *“femme de soi”*, *“femme delaissé”*, *“femme, séparée par justice en l’absence de son mari”*. Женщина по суду могла добиться права распоряжаться своим имуществом самостоятельно, но в этом случае предъявление соответствующих документов нотариусу было обязательным.

Нотариус также обязан был знать возраст участников сделки, он должен быть уверен, что речь идет о совершеннолетних людях (для мужчин возраст совершеннолетия составлял 25 лет, согласно парижской кутюме). Впрочем, и более молодой человек мог жить своим домом и самостоятельно вести хозяйство, но для этого он юридически должен был быть выведен из-под власти отца (*“эмансипирован”*). Знать возраст было необходимо, ибо хотя несовершеннолетние имели право составлять акты сами или же акты могли составляться от их имени, но ни в коем случае не должен был причиняться ущерб несовершеннолетним. В частности, они могли получать дарения, но не могли выступать в качестве дарителей.

Для определения возраста нотариусу предписывалось самому обращать внимание на внешность клиента (наличие бороды, например), а если возникали сомнения, запросить свидетельство (*lettres de leurs puissances*) у приходского священника, церковного старосты или соседей.

Кстати, такое же ограничение распространялось и на заключенных. Они достаточно часто составляли нотариальные акты, но по закону не имели права действовать в них себе во вред. Конечно, практика была иной, но, как показывает пример сержанта Филлона, заключенный не мог без достаточно веских оснований отчуждать свое имущество. Отсюда и красноречие в описании сеньором де Сет-Фонтэн услуг, оказанных ему сержантом, и оговорка о духовном родстве (возможно, вымышленном) с его сыном-студентом.

Поскольку чаще всего мы до сих пор имели дело с университетскими дарениями, то рассмотрим этот случай более подробно. Итак, когда участники сделки являлись в контору, нотариус должен был потребовать документального подтверждения студенческого статуса. Возможно, что он делал это далеко не всегда, но подобные документы были необходимы, чтобы студент или его поверенный могли теперь на законном основании пользоваться университетскими привилегиями для охраны своего имущества.

Но подтвердить свой статус учащийся *“прославленного универ-*

cumeta)” (*université fameuse*)³⁰ мог только в том случае, если он предварительно обратился к ректору, приведя двух–трех свидетелей из числа однокашников. Свидетели подтверждали, что он действительно обучался вместе с ними уже не менее шести месяцев и поэтому может быть внесен в книгу ректора, пользоваться всеми университетскими привилегиями и именоваться в нотариальных актах как “*escolier étudiant juré*”. Королевское законодательство настаивало на этом полугодичном предварительном сроке, но в действительности, срок этот мог и не соблюдаться.

Разумеется, университетские привилегии не были пожизненными. Для студентов факультета “свободных искусств” они были действительны в течение четырех лет, семи лет – для изучающих право, восьми – для студентов-медиков, студент теологического факультета мог пользоваться университетскими привилегиями на протяжении целых четырнадцать лет³¹. Для преподавателей (регентов, т.е. читающих курс)³² срок их действия распространялся на все время преподавания, и только после 20-летнего стажа привилегии становились “вечными”, при условии, что доктор или магистр продолжает свое пребывание в университете.

Секретарь университета (*scribe* или *greffier*) выдавал документ: “письмо-свидетельство” (*lettre testimonielle*). Студент предъявлял его затем по мере надобности, например, тому же нотариусу. Но чаще всего оно требовалось для представления чиновникам Парижского прево как хранителя королевских привилегий университета (точнее – привилегий, дарованных королем университету), или же его особому заместителю, “лейтенанту-хранителю”. Хранитель, в свою очередь, выдавал студенту охранную грамоту (*lettre de protection*) от имени короля.

Понятно, что получение всех этих документов требовало известных затрат, но дело того стоило. Охранная грамота давала основание для того, чтобы потребовать от Первого сержанта Парижского Шатле вызвать на суд хранителя университетских привилегий всех, кого данный студент будет считать ответчиком, или вмешаться в любой судебный процесс в любом уголке королевства, чтобы перенести дело в суд Парижского Шатле.

Такой порядок был закреплен ордонасами Людовика XII и Франциска I. Последующие правители пытались ввести некоторые

---

³⁰ Не все университеты Франции в XVI в. пользовались этим звучным эпитетом. Существовали некоторые эфемерные образования, например, университет в Оранже или университет в Редоне (Бретань), которые так и не успели получить этот титул, хотя и обладали папской буллой, подтверждавшей их основание.

³¹ *Papon J. Le second notaire. Lyon, 1576. P. 75.*

³² Наряду с регентами членами университетских корпораций (факультетов, наций) считались магистры, бакалавры и доктора, не читавшие регулярных курсов. Получив степень, они могли продолжать посещать университетские ассамблеи, участвовать в диспутах и в жизни коллегий.

ограничения на использование этих привилегий. Оговаривалось, что если процесс начался, а студент прервал свое обучение более, чем на полгода, то дело из суда хранителя можно отзывать. Комментаторы настаивали на необходимости проводить различие – является ли указанный студент непосредственно истцом, действуя от своего имени, или же выступает как цессионарий, т.е. как лицо, в пользу которого совершается уступка имущественных прав. В первом случае студент свободно может пользоваться университетскими привилегиями в данной тяжбе³³, во втором – следовало более тщательно разобраться в существе дела. Власти Шатле (или иные хранители университетских привилегий, если речь шла не о Парижском университете) должны были убедиться, что речь идет именно о кровном родстве по нисходящей линии. Законными считались дарения от отца к сыну, от дяди к племяннику и от брата к брату (действительность, как мы убедились, была иной). Такая степень родства была достаточной, чтобы не вызвать подозрений в законности дарения. Но главное, чтобы дарение было совершено не во время тяжбы, а предварительно. Как мы убедились, и в этом случае реальная практика демонстрировала совсем иную картину. Мнения комментаторов оставались лишь благим пожеланием.

Ситуация радикально изменилась в начале 1560-х годов, когда право передавать дело на суд хранителя привилегий было резко ограничено. Теперь, если речь шла не об имуществе, ранее принадлежавшем студенту, но о том, что было ему передано родственниками незадолго перед тяжбой, то перенос дела в Шатле мог быть опротестован, помимо королевского прокурора, еще и ординарным судьей, т.е. представителем той инстанции, в которой изначально было возбуждено дело. Понятно, что ординарные судьи не горели желанием расстаться с подобными процессами, и число дарений студентам стало стремительно сокращаться, что и нашло отражение в диаграммах (см. рис. 2, 5).

Уже ордонанс в Виллер-Коттре (1539 г.) грозил строгим наказанием виновным, если выяснялось, что в судебной тяжбе, перенесенной в Шатле, студент не являлся реально заинтересованной стороной, это считалось подлогом и каралось как клятвопреступление, ведь студент в начале процесса сам или через своего прокурора обязан был присягать в отсутствии ложных намерений. Но совершенно очевидно, что тогда это требование не возымело должного эффекта, в противном случае наблюдаемый нами резкий спад числа студенческих дарений начался бы не на рубеже 50-х и 60-х годов, а значительно раньше.

---

³³ Впрочем, и в этом случае действовало два ограничения – дело нельзя было перенести в суд Шатле, если противной студенту стороной являлись, во-первых, местный королевский прокурор, а во-вторых, непосредственный сеньор студента (если тяжба велась по поводу земельного держания студента).

Поэтому и угрозы строгого наказания за подложные студенческие документы или за ложные свидетельские показания (например, в случае, если выяснялось, что студент отсутствовал в университете более шести месяцев)³⁴ также были не слишком эффективны.

О том, что до конца правления Генриха II режим использования университетских привилегий был весьма либеральным, у нас имеются не только косвенные доказательства. Вспомним хотя бы дарение парижского портного Пьера Перше, который подарил “постороннему студенту” права на возбуждение иска о претензиях по поводу несправедливо поделенного наследства. Он мотивировал это тем, что “не к его чести затевать процесс против своего отца”³⁵.

Но есть и более откровенные высказывания. Так, 8 мая 1545 г. “почтенный человек Рене Лестель, купец-суконщик и парижский буржуа” совместно со своей женой Переттой Малост подарил студенту Жану Лестелю, их сыну, дом и земли в деревне Верней, оформил это дарение у нотариуса Пьера Тюре (Thuret) и вскоре зарегистрировал этот акт в Шатле³⁶.

Через восемь лет, 24 декабря 1552 г., “почтенный человек мэтр Жан Лестель, доктор медицины, совершает дарение и перевод прав своим родителям, почтенным персонам, Рене Лестелю, купцу-суконщику, парижскому буржуа, и Перетте Малост, его жене, на свои части наследства, которые ранее были переданы в виде дарения между живыми (*donnation entre les vifs*) указанному Жану Лестелю вышеназванными его родителями”. Речь шла о доме, риге, хлеве, дворе, огороде, хозяйственных постройках и двух участках земли в 8,5 и в 3 арпана. Это дарение свершено “по доброй и подлинной любви, которую он питает к своим указанным отцу и матери”.

Присутствует при сем и жена Жана Лестеля – Жанна Саломон (“достаточно им на то уполномоченная”), которая в свою очередь отказывается от своих прав на это имущество, включенное в ее дукат, но оговаривает условие, что Рене Лестель и его супруга должны выплатить Жану и ей сумму в тысячу ливров, “чтобы помочь им содержать себя и чтобы мэтр Жан Лестель смог бы стать доктором на медицинском факультете”³⁷ или распорядиться деньгами

---

³⁴ Папон приводит в качестве примера ситуацию, когда студент претендует на пользование университетскими привилегиями, но выясняется, что еще за четыре месяца до начала тяжбы он пребывал не в университете, а дома (*Rapon J. Op. cit.*).

³⁵ IRI. 2587.

³⁶ Y 90, f. 337.

³⁷ Это свидетельство того, что быть доктором медицины и доктором на факультете медицины (*docteur régent*) вещи совсем разные. Быть “регентом”, значило пользоваться всей полнотой привилегий, и, возможно, получать средства от преподавания, не расставаясь при этом со своей медицинской практикой. Очевидно, что существовала “продажность” (*venalité*) не только королевских, но и университетских должностей.

как-нибудь иначе по своему усмотрению”. Нотариусы отмечают, что, по словам Жана Лестеля и его супруги, “эта сумма составляет остаток от суммы в 1200 ливров, которую родители обещали выдать ему в аванс наследства по случаю свадьбы. И указанный Рене Лестель, и его жена подтвердили, что они признают этот долг и что выплатили молодым пока лишь 200 ливров как звонкой монетой, так и в виде одежды и мебели”³⁸.

Не вполне понятно, почему чувство “доброй и подлинной любви” к родителям обострилось настолько, что медику потребовалось возвращать подаренное ими как раз в тот момент, когда ему так нужны были деньги на получение заветной должности, а сумма, обещанная по брачному контракту, так и оставалась невыплаченной³⁹.

Но через две недели, 7 января, Жан Лестель оформил у нотариуса Франсуа Труве любопытное заявление. Он повторил вкратце содержание предыдущего акта от 24 декабря 1552 г. о передаче им своих прав на ферму и метерию в Вернее, но подтвердил честным словом (*de bonne foy*), что не имел никаких видов на эту ферму. Дарение 1545 г. было сделано, “дабы заимствовать его имя (*emprunter son nom*) для того, чтобы недоимки, которые задолжал арендатор этой фермы⁴⁰, могли бы под его именем быть востребованы через суд господина парижского прево или его лейтенанта-хранителя, как якобы взыскиваемые в его пользу, учитывая, что он был в ту пору студентом, обучавшимся в Парижском университете (*soubz umbre et faveur luy reconnaissant qu’il estoit lors d’icelle donation escolier estudiant en l’Université de Paris*). Но что отец и мать не хотели ему ничего дарить ни в ущерб [его доле наследства], ни сокращая доли его братьев и сестер”. Поэтому он обещает предварительно внести сумму 1200 ливров и хочет, чтобы это заявление также было зарегистрировано вместе с предшествующим актом⁴¹. И, действительно, оба акта были зарегистрированы 14 января 1552 г. (или 1553 г. по новому стилю).

Ситуация представляется следующей. Фермера, скорее всего, усмирили (наверное, одной угрозы оказалось достаточно), но акт надо было отменять, поскольку возникли проблемы с определением дуэра жены медика. Братья и сестры забеспокоились, ведь вернув (а юридически – подарив) свою ферму родителям, Жан Лестель мог

---

³⁸ Y 97, f. 204v.

³⁹ Это, кстати, неплохо иллюстрирует всю относительность данных, с которыми мы оперировали, рассматривая брачные контракты. В брачных контрактах могли фигурировать любые суммы, но это не означало, что они в реальности доставались молодым.

⁴⁰ Мне, кажется, удалось даже установить имя этого злосчастного фермера: сохранился контракт об аренде, подписанный с одной стороны неким Жаном Бертело, а с другой – Рене Лестелем и его женой. MC. III. 57 (29.10.1544).

⁴¹ Y 97, f. 206v.

теперь потребовать увеличить свою долю наследства родителей. Чтобы избежать процесса, пришлось раскрывать карты и объявлять об истинных причинах фиктивного студенческого дарения. Вполне возможно, что не братья и сестры, а нотариус Жан Труве указал Жану Лестелю на юридические шероховатости составленного им первого акта. Но для нас в данном случае очевидно и очень важно, что тогда, в начале 1550-х годов, подобное откровенное признание в фиктивном характере студенческого дарения ничем не грозило его автору. В противном случае тот же Жан Труве отсоветовал бы ему это делать.

Жан Лестель не нажил богатства, так и не став преподавателем на факультете. Однако никаких санкций на него не обрушилось, он спокойно продолжал свою практику в Париже как минимум до 1583 г.⁴²

Есть и еще один подобный акт, принадлежащий Дени Ле Ру, сеньору Конде⁴³, проживавшему в предместье Сен-Жермен-де-Пре. Он также составил заявление, в котором отказывался от претензий на наследство Луи и Катрин Шабо, сеньора и дамы де Монконтур, поскольку перевод прав на это наследство, сделанный на его имя Жаком Ле Ру, бальи Бри-Конт-Робера, его отцом, был фиктивным с целью единственно *“позаимствовать имя (emprunter le nom)* указанного Дени, который в то время был студентом, обучавшимся в Парижском университете. Цель заключалась в том, чтобы тяжба по поводу этого наследства подпала бы под юрисдикцию господина Парижского прево и его лейтенанта-хранителя королевских привилегий указанному университету, с тем чтобы противная сторона, проживающая вне границ нашего превоства, не смогла бы уклониться от юрисдикции указанного Парижского прево. Но поскольку дарение было сделано с иным намерением [т.е. не имело цели реально подарить данные имущественные права студенту], да будет оно не имеющим силы, потому что, согласно парижской кутюме, отец не может выделять одному из своих детей больше, чем другому”. Дени Ле Ру не претендует на эти подаренные вещи и передает свои права сестре, Жанне Ле Ру, и ее мужу – адвокату Парижского Парламента Жану Версорису⁴⁴.

Возможно, Ле Ру-старший хотел перевести тяжбу в Шатле не только в надежде, что этот суд будет более снисходителен к студенту, но и для того, чтобы обеспечить рассмотрение дела на террито-

---

⁴² Le Houx F. Le cadre de vie des médecins parisiens aux XVI et XVII siècles. P., 1976. P. 312.

⁴³ Маловероятно, что он имел отношение к принцу Конде, хотя указания на род Шабо (возможно, родственники адмирала Франции), позволяет выдвинуть гипотезу, что мы имеем дело с какой-то младшей ветвью знатного рода.

⁴⁴ Это был один из племянников упоминавшегося мной выше Николя Версориса, автора любопытного “Дневника”.

рии превоства, где действовала парижская кутюма, предполагавшая равномерный раздел имущества между наследниками (к сожалению, мы не знаем сути дела, так как акта, на который ссылается Дени Ле Ру, разыскать не удалось, скорее всего он был составлен до 1539 г.).

Итак, одни хотели припугнуть своего арендатора судом Парижского прево, другие перенести дело в более подходящий для них суд Шатле. В стиле “нотариального поведения” трудно не увидеть общей логики – составить университетское дарение, а затем открыто его аннулировать за ненадобностью. И хотя в ту пору это не вызвало прямых санкций, все же с подобной практикой, точнее, с подобной степенью откровенности, мне больше не приходилось сталкиваться. Найти какие-то точки соприкосновения между семьями Лестелей и Ле Ру не удалось, однако выяснилось, что дела семьи Ле Ру в 40-х годах вел нотариус Пьер Тюре⁴⁵, тот самый, который в 1545 г. составлял дарение студенту Жану Лестелю, отмененное им восьмью годами позже. Есть и еще одно совпадение – нотариус Франсуа Труве, в конторе которого делал свое заявление Жан Лестель в 1552 г., в том же 1552 г. обслуживал родственников Дени Ле Ру⁴⁶. Скорее всего, перед нами проявление стилистических особенностей кого-то из парижских нотариусов⁴⁷.

Помимо материалов дарения акт должен был содержать еще и формулу принятия дара (acceptation). Для того и требовалось присутствие “реципиента” или его поверенного. Если же дарение делалось в одностороннем порядке, то приходилось составлять позже еще один акт приема дара. Так, например, 23 декабря 1552 г. парижские нотариусы Анри Бержерон и Шарль Майе (Maeut) скрепили своими подписями такой акт приема (acceptation) студентом Дени Рошро дарения земель в окрестностях Гиза, сделанного 7 декабря того же года его отцом, Дени Рошро-старшим, экюйе, сеньором фьефа Гран-Пьер близ Эперне, королевским прево в Реймсе, генеральным казначеем вдовствующей герцогини де Гиз⁴⁸. Видимо, дела службы не позволили ему прибыть в Париж, поэтому Рошро-старший вызвал сына и двух нотариусов в Реймс, чтобы составить этот акт. Зная размер подъемных, выплачиваемых нотариусам Шатле⁴⁹, можно заключить, что совмещение должностей позволяло королевскому

---

⁴⁵ См., например: МС. III. 59 (18.10.1544), МС. III. 169 (16.06.1546).

⁴⁶ МС. XIX. 186 (15.04.1552).

⁴⁷ Нельзя исключать и возможности передачи опыта одной нотариальной конторы другой, в данном случае – влияние опыта Пьера Тюре на Франсуа Труве. Возможности такого влияния были многообразны: ученичество, долговременное партнерство, покупка или наследование “инструментов”, и, наконец, переход клерка, имеющего опыт работы в одной конторе, к новому хозяину.

⁴⁸ Y 98, f. 191v.

⁴⁹ Напомню, что им полагалось платить по 45 су на человека в день, не считая транспортных расходов, а поездка в Реймс отняла у них не менее трех суток.

прево жить на широкую ногу: вся эта процедура обошлась ему не менее, чем 20 ливров, а вернее в 25–30 ливров, гораздо дешевле было бы составить акт у местного нотариуса⁵⁰, а затем зарегистрировать его в Шатле.

Вернемся к нашему “среднему парижанину”, составившему, наконец, свой нотариальный акт. Коль скоро речь шла о дарении недвижимости, то по закону его надо было “инсинуировать” в регистрах Шатле.

Это делалось, конечно, далеко не всегда. Даже университетские дарения (которые, как мы убедились, и оформлялись с тайным или явным умыслом использовать его в судебной тяжбе) сплошь и рядом оставались незарегистрированными. Так, в первом томе публикации Э. Куайака я обнаружил шесть дарений недвижимости, адресованных студентам в период после 1539 г. Из них в регистрах Шатле были найдены лишь два. Выборочно просматривая связки минут конторы Крюсе, я пытался отыскать следы регистрации встречающихся там университетских дарений в Шатле, но безуспешно⁵¹. Наверное вопрос о регистрации вставал лишь в случае передачи каких-то уж очень важных объектов дарения.

Регистрация должна была производиться в секретариате королевских судов не позднее четырех месяцев со дня заключения сделки или же в шестимесячный срок в случае отсутствия на месте одной из сторон сделки – об этом говорил 132 параграф ордонанса 1539 г. в Виллер-Коттре, на этом же настаивало и законодательство Карла IX (параграф 58 ордонанса в Мулене 1566 г., где оговаривалось, что дарение сохраняло силу только в том случае, если оно было инсинуировано при жизни дарителя). Что и понятно, в противном случае оно не могло уже считаться “дарением между живыми” (*donation entre les vifs*). На этих сроках регистрации настаивали и юристы более позднего периода⁵². Но не трудно догадаться, что сроки эти соблюдались далеко не всегда. Иногда дарения ждали годами и регист-

---

⁵⁰ Похоже, впрочем, что Дени Рошро что-то мешало обращаться к местным нотариусам, возможно то, что они приходились ему родней или находились в прямом от него подчинении и тогда не имели права составлять его акты. Но, во всяком случае, поездка в Париж обошлась бы ему не в пример дешевле.

⁵¹ МС. LXXIII. 17 (20.06.1552) – дарение типографа Жана Нуаяна своему сыну, “присяжному студенту”, права на наследство отца, Тома Нуаяна, плотника из Турени, заключавшееся в недвижимости и долговых обязательствах. Или “достойный человек” Мишель Можье, мэтр-портной в Париже, проживающий близ Коллежа Камбре, заявляет о своем дарении Жану Можье, своему сыну, студенту, суммы “в 4 ливра ренты ежегодно, которую ему должен Жак Промье, крестьянин из Бенкура, по причине отдачи в ренту дома, в котором тот проживает”. И еще он дарит те 70 ливров, которые ему должен Жан Дантуа, купец-аптекарь из Понтуаза. МС. LXXIII. 6 (02.05.1545).

⁵² *Ferriere C. La science parfaite des notaires ou le moyen de faire un parfait notaire. P. 285.*

рировались тогда, когда становилось ясно, что надо собирать документы к предстоящему судебному разбирательству.

Сама по себе регистрация была делом непростым и достаточно затратным. Мы, к сожалению, не знаем точной суммы необходимых расходов, но можем попытаться хотя бы перечислить некоторые из необходимых операций.

Первый шаг заключался в выборе того, кто будет осуществлять регистрацию. Чаще всего для этого нанимались поверенные – прокурор Шатле либо один из многочисленных парижских стряпчих, а порой в этой роли мог выступать какой-нибудь клирик. Поверенных должно было быть двое – со стороны “традента” (donateur) и со стороны “реципиента” (donataire). Таким образом, помимо основного акта, надо было представить специальный документ о поручительстве – доверенность (lettre de procuration).

Порой один из участников сделки чувствовал себя достаточно опытным, чтобы взять всю ответственность за регистрацию на себя и обойтись без услуг прокурора. Но и в этом случае требовалось составление доверенности от лица второго участника сделки. За доверенность приходилось платить намного меньше, чем за сам акт, но все же это требовало расходов, не говоря уже об оплате услуг поверенного.

При всей видимой рутинности формула регистрации могла содержать немаловажную дополнительную информацию. Так, 8 сентября 1553 г. Жан де Тюмерей, сеньор де Роканкур, составил дарение своему крестнику, Мишелю Биньону, сыну сержанта Шатле, желая ему *“лучше содержать себя в учении и в духовном звании”*. Поскольку Мишель Биньон в публикации, да и в оригинале не назван студентом университета, я и не стал причислять этот акт к корпусу анализируемых университетских дарений. В конце документа содержалась формула поручительства, где даритель доверял школяру (escolier) Биньону зарегистрировать акт (школяр был несовершеннолетним, но, как следует из оригинала документа, уже эмансипированным из-под власти своего отца). Но в записи о регистрации, состоявшейся 11 ноября 1553 г., клерк секретариата Инсинуаций уточняет: “Биньон, школяр в Парижском университете”⁵³. Все это может указывать на то, что сеньор де Роканкур, одаривая своего крестника, не собирался использовать университетские привилегии, или же на то, что нотариус не подсказал ему такой возможности (акт составлялся в провинции). Но то ли сын сержанта Шатле сам решил подправить это упущение, то ли ему подсказал это клерк Шатле, как бы то ни было, наш корпус можно пополнить еще одним актом.

Второй шаг требовал уплаты пошлины за “инсинуацию” в регистре королевского суда. Эта сумма не была чисто символической,

---

⁵³ Y 99, f. 130v–131v.

ведь вспомним, что переход к тотальной регистрации всех нотариальных актов в 1554 г. единодушно рассматривается историками как мера фискального характера, призванная пополнить стремительно истощавшуюся казну⁵⁴. И раз регистрация в этот период сдавалась на откуп, то надо полагать, откупщик брал за это немалую сумму. Сокращение числа инсинуаций в Шатле в этот период (с 1553 по 1558 г.) указывает на то, что в Шатле эта процедура стоила еще дороже.

Третьим шагом была оплата секретаря Шатле и его клерка, которые вписывали данный акт в регистр инсинуаций. Известно, что клерки Шатле дорого брали за свою работу – дороже их оплачивались услуги лишь клерков Парламента. Надо признаться, работали они на совесть – почерк был очень хороший (как правило, вся книга регистров велась одним–двумя почерками), описки были сравнительно редки, исправления и зачеркивания в регистрах Шатле также были делом нечастым. Кстати, сами эти исправления весьма показательны. Бывало, что клерк начинал переписывать акт второй раз подряд, или же несколько страниц оставались пропущены. Поскольку следующий после пропуска акт начинался уже другим почерком, то можно предположить, что один клерк должен был довести регистрацию до конца, а в это время к работе приступал его сменщик, который начинал новый акт, оставив несколько страниц пустыми, не зная точно, сколько листов еще понадобится его коллеге для завершения своей работы⁵⁵. Достаточно часто, особенно начиная с регистра Y 97, акт начинали вписывать до завершения процедуры регистрации, оставляя место для формулы, упоминающей прокуроров, осуществивших регистрацию. И порой забывали их вписать⁵⁶.

Очевидно, что оплата переписчика была повременная или аккордная⁵⁷: определенная сумма взималась за всю процедуру, иначе текст не был бы таким убогим. Те документы, которые оплачивались клиентом постранично, например, копии судебных постанов-

---

⁵⁴ Vilar-Berrogain E. Guide de recherches dans les fondes d'enregistrement sous l'Ancien Régime. P., 1958; Olivier-Martin F. Histoire de la Coutume de la Prevôté et Vicomté de Paris. P., 1929. Vol. 1. P. 71, 215; Doucet R. Les Institutions de la France au XVIe siècle. P., 1948. Vol. 1. P. 261.

⁵⁵ Так, например, в регистре Y 94 листы 158v–160 оставлены чистыми. Судя по всему, этот разрыв по времени совпадает с рождественскими праздниками 1548 г. Еще одна лакуна приходится на конец марта 1553 г. (Y 98, f. 319).

⁵⁶ Так произошло на странице 193v регистра Y 97, где формула была оборвана, и оставлено место, а начиная со страницы 101v. регистра Y 98, почерк становится все мельче и мельче вплоть до следующей страницы, начатой уже другим писцом, очевидно, что первый клерк немного не рассчитал места, а его коллега уже приступил к работе, и текст пришлось “ужимать” до подходящих размеров.

⁵⁷ В отличие от нотариуса или судебного писаря, “клерк секретариата инсинуаций” мог заранее определить размер своего труда, ведь перед ним лежали акты, которые ему надлежало переписывать для регистрации.

лений, были совсем иными – писец не жалел места на бумаге или на пергамене, расстояния между строчками были такие, что туда можно было вписать еще несколько предложений. Там же, где рассчитывать на получение денег с клиента не приходилось, так называемые “королевские” или, как сказали бы в России, казенные дела (протоколы допросов по уголовным делам, регистры Парламента), текст был чрезвычайно убогист и изобилдовал аббревиатурами. В регистрах Шатле мы наблюдаем нечто среднее – достаточно убогистый, но вполне удобочитаемый почерк, клерк не стремился “разогнать” документ, но и не стремился максимально сэкономить свое время, тщательно воспроизводя большую часть стереотипных фраз (за исключением закрепительных формул), иногда вписывая некоторые подробности.

Любопытно, что иногда один и тот же акт инсинуировался дважды, а то и трижды – каждая сторона сделки несла свою копию в Шатле, то ли не договорившись со своими партнерами о совместной инсинуации, а может быть, просто не зная о том, что такая операция уже проделана. Разумеется, клерк не отказывал им в этом.

Достаточно важным был режим соблюдения сроков инсинуации. Некоторые дарители спешили нести документы в Шатле буквально на следующий день после составления акта. Другие тянули с этим не только 4 или 6 месяцев, но и годы, и вспоминали о необходимости регистрации по случаю. Рекордный срок, прошедший между составлением акта и его регистрацией составляет 125 лет. Дарение, свершенное экойе Гильомом Сангвином по случаю свадьбы своего сына, состоявшейся 15 сентября 1425 г., было “принесено в Шатле 14 июля 1550 г. Жаном Мартеном, королевским прокурором Шатле, на правах опекуна малолетнего внука Гильома Сангвина”. Вполне очевидно, что эта регистрация является курьезом, порожденным намерением королевского прокурора Шатле, с одной стороны, максимально защитить права своего подопечного, а с другой – приумножить славу родного Шатле, распространив его компетенцию в глубь времен⁵⁸.

Неравномерность в сроках регистрации, на которую, насколько мне известно, не обращал внимания никто из исследователей, сама по себе может нести определенную информацию. Если один и тот же человек не регистрировал свой акт годами, а затем нес его в Шатле вместе с только что составленным другим своим актом, то можно предположить, что он попал в ситуацию, когда судебная тяжба уже началась или может начаться, и ему спешно потребовалось привести свои документы в порядок. С другой стороны, регулярная ре-

---

⁵⁸ На удивление, сама форма акта совершенно не изменилась за все эти годы. В регистре присутствует запись, сделанная другим почерком: *apporté au Châtelet le 14 juillet 1550 par Jean Martin procureur du roi au Châtelet, comme tuteur ...du petit fils de Guillaume Sanguin* (Y 95, f. 369).

гистрация актов в кратчайшие сроки может свидетельствовать об определенном складе характера не менее, чем аккуратность в одежде или причёске.

Обрисовав основные элементы процедуры составления и регистрации университетского дарения, мы убедились, что роли различных участников этого процесса были заранее распределены. Теперь мы вправе вернуться к изначальному вопросу о том, где кончается изъявление воли и чувств дарителя и начинается принуждение нотариальной формы или стиля нотариуса.

ФОРМУЛЫ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ДАРЕНИЙ

Расплата за ошибки. – Свод мотиваций университетских дарений. – Вновь о парижских нотариусах. – “Личное клеймо”. – Стереотипы и их элементы. – Формулировки провинциальных актов, их характерные черты. – Три концепции университетского образования. – Экскурс в историю университетов. – Обнадеживающие итоги

В моей монографии, основанной, как мы помним, только на работе с публикацией нашего источника, одна из глав называлась “Слово – дарителям” и содержала анализ формул мотиваций университетских актов. Я старался выделить социальную типологию формул и строил гипотезы относительно того, почему одни группы дарителей оказались гораздо “разговорчивее” других. Наименьшее число мотивировок содержалось в актах парижских буржуа, торговцев и ремесленников. Несколько чаще свои акты мотивировали чиновники. Но в целом акты провинциалов были гораздо “красноречивее” актов парижан, в особенности это относилось к крестьянам. Затем я постарался выделить формулы, наиболее типичные для определенных социальных групп и даже построил на этом некоторые гипотезы⁵⁹.

Как уже отмечалось, знакомство с оригиналом источника заставило пересмотреть некоторые положения моей книги, а для данной главы оно оказалось и вовсе разрушительным. Выяснилось, что мотивации содержатся практически в каждом акте и их печатное воспроизведение определялось исключительно прихотью публикаторов. Они приводили или чем-то им приглянувшиеся оригинальные формулы, или же изредка те, которые представлялись им “типичными”.

Получив доступ к оригиналам регистров, я попытался хоть как-то исправить свой конфуз. И, хотя тематика моей работы была в ту пору совсем иной, мной была предпринята попытка выписывать все

---

⁵⁹ Уваров П.Ю. Французы XVI в.: Взгляд из Латинского квартала. М., 1994. С. 208–219.

формулы мотиваций дарений, адресованных студентам, и имена составивших их нотариусов. Относительно сжатые сроки моего пребывания в Национальном Архиве вынудили меня ограничиться только документами, относящимися к правлению Генриха II (1547–1559 гг., серии Y 92–Y 100). Как мы помним, в этот период, начиная с 1553 г., акты стали составляться значительно реже. Поэтому неудивительно, что число актов в моей выборке оказалось несколько меньшим половины от общего корпуса – 546. Из них лишь 89 (примерно одна шестая) составлены провинциальными нотариусами. Как мы помним из предыдущей главы, доля провинциалов среди дарителей была не столь малой. Дело в том, что очень многие из них не составляли акты “по месту жительства”, но приезжали для этого в Париж.

Среди 457 парижских актов мне удалось выявить подписи 154 нотариусов (как мы помним, каждый акт в столице подписывали два нотариуса). Сразу следует оговориться, что все по тем же внешним причинам, в этом блиц-исследовании не удалось обойтись без погрешностей: в ряде случаев я, вероятно, неправильно транскрибировал имена. Так, например, “Augerard” и “Angeran” могут в действительности вполне оказаться одним и тем же человеком.

И все же возможная погрешность не должна быть слишком серьезной, ведь свыше ста нотариусов в данной выборке встречаются более одного раза, а из пятидесяти “одиночек” не менее дюжины упоминаются в других, более надежных, источниках⁶⁰.

Таким образом, мы располагаем сведениями как минимум о 118 нотариальных конторах, функционировавших в Париже в течение двенадцатилетнего правления Генриха II. А ведь население города вряд ли сильно превышало в ту пору 250 тысяч жителей⁶¹!

Трудно определить, чем руководствовались нотариусы, выбирая себе партнера для скрепления акта. Узами родства или свойства, дружбой, опытом совместного обучения? Объяснений может быть много, и одни не исключают другие. Скорее всего, важна была территориальная близость контор. Во всяком случае, для тех из них, чья локализация известна, данное объяснение вполне подходит.

Насколько позволяют судить наши данные, такие пары не были непременно постоянными, но все же о некоторых предпочтениях говорить можно. Так, например, Анри Бержерон (Bergeron Henry) предпочитал действовать совместно с Шарлем Майе (Maheut Charles): их подписи стоят на пяти актах, и только в одном случае Бержерон выбрал в напарники Рене Контецца (Contesse Rene). Рене Контецц, в свою очередь, часто составлял акты с Марком Руссо (Rousseau Marc) и Антуаном Леалем (Leal Antoine).

---

⁶⁰ Etat des notaires parisiens (des origines à nos jours) / Par M. Bonnot. P., 1993.

⁶¹ Лозинский А.А. О росте населения Парижа в XVI в. // Средние века. М., 1973. Вып. 37. С. 146–173.

Наиболее устойчивые пары составляют Депрель (Depresle) – Баро (Bareau), Фелисак (Felissac) – Обер (Aubert), Франклен (Franquelin) – Ожирар (Augirard), Ленорман (Lenormant) – Роже (Roger), Мопу (Maureau) – Бастонно (Bastonneau).

Бывают и более сложные конфигурации, например, “триады”: Кузен (Cousin) – Сорет (Soret)–Понтрен (Pontrain), Буржуа (Bourgeois) – Крозон (Crozon) – Контесс (Comtesse). Другие, например, Дюпон (Dupont) или Жаклен (Jaquelin) почти всякий раз выступают с новым партнером.

Однако выявление сетей социальных связей между нотариусами – цель интересная и небесполезная, но не входит сейчас в нашу задачу.

Вернемся к формулам университетских дарений. Перспективы выявления социальных корреляций в выборе формул весьма туманны. В подавляющем большинстве случаев вне зависимости от своего социального статуса даритель или его нотариус выбирали одну из стереотипных формул. При трех основных смысловых блоках (*“жить и содержать себя в учении, иметь книги и все необходимое”*, *“содержать себя в учении, достичь степени и мудрости”*, *“вознаградить за любезные услуги”*) я насчитал полтора десятка основных комбинаций, отдельные из которых встречаются относительно редко. Но что определяло выбор той или иной формулы – индивидуальное волеизъявление клиента, “мода”, присущая той или иной социальной группе, или же стиль конкретной нотариальной конторы? Ранее, анализируя публикацию, я отдал предпочтение второму варианту. Но теперь очевидна большая правдоподобность последнего объяснения. Это явствует из анализа наименее употребляемых формул. Как всегда, нам поможет демонстрирующая функция случаев отклонения от нормы.

Так, в общей массе пожеланий и мотиваций дарений, используемых в парижских актах, почему-то весьма редко упоминается желание помочь студенту покрыть свои расходы (издержки) на обучение (*supporter les fraiz de son estude*, вариант – *payer ses fraiz*). Однако нотариус Жак Юиселен (Huisselin) использует в четырех случаях из пяти термин “*fraiz*” – издержки: *“помочь оплатить издержки на его обучение”* (*ayder à payer les fraiz de ses estudes*).

Другой нотариус, Клод Деферкуа (Defercoy), предпочитал развернутую формулу *“чтобы помочь ему жить, содержать себя в учении и достичь в нем степени и мудрости”* (*pour luy aider vivre, s’entretenir aux estudes et y acquerir degré et science*). Каждый из элементов этой фразы встречается часто, но их соединение было явлением относительно редким. Однако Деферкуа использует его в пяти случаях из семи.

Нотариус Д’Орлеан (D’Orleans) предпочитает более краткую формулу *“в пользу учения”* (*en faveur d’estude*), он пользуется этой формулой как клеймом, и даже у нотариуса Дюпре (Dupré),

отноудь не склонного к этой формулировке, словечко “en faveur” иногда проскальзывает в его актах, составленных совместно с Луи Д’Орлеаном.

Пара Понтрен – Сорет отличается тем, что в мотивации указывает помимо необходимости содержать себя и иметь книги еще и иметь одежду (habillement). А Этьен Дюмениль (Dumesniles) вообще не любил лишних слов и предпочитал указывать на одну только любовь, питаемую дарителем к студенту. Причем это выбор именно его, а не его основного партнера Ле Шарона (Le Charron). Ведь Ле Шарон ни разу не воспользовался этой усеченной формулировкой в тех актах, минуты которых сохранялись в его конторе (т. е. тех, на которых его подпись стоит на втором месте).

Таким образом, предпочтение, оказываемое той или иной формулировке, могло быть чем-то вроде личного клейма нотариуса (или, возможно, его клерка). Порой, это “клеймо” помогало мне компенсировать неразборчивость написания имени нотариуса. В сомнительных случаях употребление одной и той же (не вполне стандартной) мотивации дарения, да еще совместно с одним и тем же партнером, являлось достаточным основанием полагать, что мы имеем дело с разными вариантами обозначения одного и того же нотариуса. Но можно ли на этой основе строить какие-нибудь гипотезы историко-психологического характера?

Пока мне удалось это лишь в одном случае. Речь идет об актах, составленных Жаном Крюсе. Он использует разные формулы, не отдавая предпочтения какому-нибудь из стереотипов. В одном случае он вообще обходится без всякой мотивации, единственный из всех своих парижских коллег (речь идет о дарении уже знакомому нам женатому студенту)⁶², в другом говорит просто лишь о любви, в третьем – о необходимости содержать себя и иметь книги и получить степень. Однако в оставшихся шести случаях речь идет о подчеркивании временной продолжительности обучения и, соответственно, оказываемого благодеяния. Для этого он использует слова “в будущем” (à l’advenir) и “продолжение”, “чтобы продолжить” (continuation, continuer). Такие термины использовались и другими парижанами, но значительно реже. Можно ли предположить, что этот нотариус обладал неким особым чувством времени, отличавшим его от прочих коллег? Как мы увидим, именно он принадлежал к редкому числу тех нотариусов, которые предпочитали указывать точный возраст дарителя, даже если речь шла о дарениях по причине старости. Но случай с Жаном Крюсе уникален.

Итак, мотивации дарений в подавляющем своем большинстве были стереотипны, хотя определенная свобода выбора того или иного клише существовала. То, что она в значительной степени за-

---

⁶² Y 98, f. 338.

висела от выбора нотариуса или, быть может, от традиций его контор⁶³ – вполне очевидно, но гораздо сложнее ответить на вопрос о роли клиента в этом процессе.

Обратимся теперь к анализу основных элементов стереотипных мотиваций. Чаще всего говорится о любви, питаемой дарителем по отношению к студенту. Это необходимый элемент всякого, а отнюдь не только университетского дарения. Ведь в противном случае акт мог бы быть истолкован как сделка: скрытая купля-продажа, аренда, рентный договор. Понятно, что корыстные побуждения могли присутствовать и в акте, украшенном фразой о “доброй любви”, но с формальной точки зрения его уже можно было считать именно дарственной. Иногда следовало уточнение – любовь могла именоваться “отеческой”, “материнской”, “братской”, “сестринской”, или же обобщенно – “природной” (*naturel*), в значении “родственной”. В некоторых случаях (здесь вероятно инициатива дарителя) любовь также характеризовалась как “искренняя” (*vray*), “добрая” (*bon*), “законная” (*loyal*), “пламенная” (*fervent*), а в одном случае говорится о “доброй родительской дружбе” (*bon amitye paternelle*⁶⁴ – дарение сеньора Жана Ле Прево, ординарного сборщика Санлисского бальяжа).

Одной из общеупотребительных формул было указание на необходимость “содержать себя” (*soy entretenir*), “содержаться в дальнейшем” (*s’entretenir à l’advenir*). Это также не было специфически-университетской чертой. Подобным образом желали “содержать себя в браке”, да и многие простые дарения предназначались для того, чтобы одариваемый мог “содержать себя в будущем”. Университетский характер дарений проявлялся в уточнениях: “содержать себя в школах”, “в коллежах”, “в университете” и т.д. Возможны были некоторые варианты, глагол “entretenir” либо заменялся глаголами “subvenir”, “soustenir”, “se maintenir” (споспешествовать, поддержать, продержаться), либо соседствовал с ними. Одна из формул несколько проясняет различие между смысловыми оттенками – шотландский студент помогает двум другим своим братьям-студентам, “чтобы помочь им содержать себя в их учении и споспешествовать им

---

⁶³ Посещение одной из московских контор позволило мне предположить существование еще одного фактора, влиявшего на выбор формулировки. У нотариуса могла быть своя, “коронная” формулировка (в Москве она есть у сотрудников со стажем, даже не столько у самих старших нотариусов, сколько у опытных машинисток), но если речь идет о составлении нового акта на основании старого, то нотариус мог охотнее воспроизводить имевшийся перед глазами текст (в нашем случае – либо “болванку”, заготовленную клиентом или его доверенным лицом, либо старую дарственную, если речь шла о ее продлении или переоформлении). Этим может объясняться отсутствие “монополии” той или иной формулы в актах, составленных даже теми нотариусами, кто был больше других склонен прибегать к “личному клейму”.

⁶⁴ У 98, f. 54.

в других их делах (pour ayder à les entretenir à leurs études et subvenir aux autres affaires)”⁶⁵.

Как мы уже поняли, порой возможна была несколько иная формулировка – “*выдержать расходы на обучение*” (fraiz d’estude), которая употреблялась гораздо реже. К числу сравнительно редких относится также фраза: “*оплачивать свои надобности для обучения*” (payer ses necessités pour estudier). Иногда упоминаются составляющие этих “расходов” и забот о “собственном содержании” – на необходимость приобретать одежду (habillement) указывается в двух актах, составленных нотариусом Понтреном (Ponttrain), еще дважды говорится о пожелании “*содержать себя достойно*” (honnestement). Достаточно часто (41 акт) речь идет о необходимости покупать книги, рассматриваемые как атрибут университетской жизни. Только в трех конторах нотариусов Перье (Perrier), Понтрена (Ponttrain) и Вале (Valet) упоминание о книгах может рассматриваться как “личное клеймо”, в остальных случаях пожелания иметь книги распределены достаточно равномерно как между нотариусами, так и между категориями дарителей.

Формула “*в честь обучения*” (en faveur d’estude) употребляется всего лишь в 17 парижских актах, из которых шесть составлены парой Д’Орлеан–Дюпре. Похоже, что это реликтовая, архаичная формула – именно она в виде примера встречается в переводных итальянских учебниках и она же употребляется в акте парижского буржуа Жана Бернара, единственном документе из всей нашей выборки, почему-то составленном целиком по латыни (нотариусы Дюваль (Duval) и Роже (Roger))⁶⁶.

В том случае, когда в формулировках присутствуют глаголы “*достичь*” или “*снискать*” (acquérir, parvenir), университетская специфика проявляется в употребляемых с ними существительных косвенного падежа. И в подавляющем большинстве случаев дарители желают студенту достичь степени (degré). Это слово в том или ином виде встречается более чем в двух третях всех случаев (347 актов). Причем, наиболее употребимой является формула, совмещающая указание на испытываемое чувство любви с пожеланием содержать себя в учении и достичь степени в оном (172 акта). Таким образом, в ней соединены три самых частотных термина, что делает эту формулу наиболее типичной для университетских дарений.

Еще в 42 случаях к этой триаде добавляется также и глагол “*vivre*” (жить). Он, в отличие от многих других, не отражает специфику какой-либо конторы, но распределен равномерно по всему списку. Исключение, пожалуй, составляет нотариус Жан Фелиссак, для которого именно это слово может рассматриваться в виде “фирменного клейма”.

---

⁶⁵ Y 97, f. 298.

⁶⁶ Y 95, f. 35v.

Помимо университетской степени объектом достижения в формулировках выступает “знание” или “мудрость” (science). Этот термин использован в 38 случаях. Он может считаться “излюбленным” термином нотариуса Рене Контесса, который использует его в 9 своих актах из 12, для Клода Деферкуа (5 актов из 8), правда, в последнем случае к глаголу “entretenir” добавлен глагол “vivre”, а также для нотариуса Россиньоля (Rossignol) (5 из 8 актов).

А вот пожелание достичь “образованности” (lettres) встречается в данной выборке лишь у нотариуса Тьеро (Thierot) в трех из семи его актов. “Содержать себя в [постижении] образованности” желает своему малолетнему сыну землепашец (s’entretenir aux lettres)⁶⁷. С другим предлогом употребляется это слово в акте торговца готовым платьем (s’entretenir ès lettres)⁶⁸. В более развернутом виде это пожелание высказано вдовой парижского ювелира: “s’entretenir en l’estude des bonnes lettres et en icelles acquerrir degré”⁶⁹. Похоже, что в данном случае, мы имеем дело не с социальной корреляцией и не с выражением чувств дарителя, но с обычаями нотариуса.

Иначе обстоит дело с пожеланием духовной карьеры – достичь “святых духовных чинов” (saintes ordres de prebstrise) или снискать “священническое достоинство” (dignité de prebstrise). В парижской части нашей выборки такие формулировки встречаются в шести актах, причем, все они составлены разными нотариусами. В трех случаях их авторами являются крестьяне, в одном священник, в другом стряпчий из маленького городка в Бовези, и наконец, уже известный нам президент Счетной палаты, адресующий дарение своему “слуге и крестнику”. Некая “крестьянская”, а точнее, “провинциальная” специфика данных формулировок вполне вероятна, но нуждается в проверке на более представительном материале.

Анализируя формулы мотивировок университетских дарений, составленных парижскими нотариусами, мы без особого труда выделили несколько стереотипных вариантов. Но проделать аналогичную работу с актами, составленными в провинции, оказалось намного сложнее.

Актов, составленных провинциальными нотариусами, в регистрах Шатле, как мы поняли, немного – всего 89 (против 457 парижских актов). Первое, что бросается в глаза при сопоставлении парижских дарений с провинциальными, – гораздо меньшая степень унификации последних. Сама мотивация вместо привычного в Париже расположения в конце документа, может, порой, оказаться в самом его начале (в восьми случаях), а один раз в середине документа, в двух актах мотивации вообще нет⁷⁰. Указание на любовь, питае-

---

⁶⁷ Y 93, f. 107.

⁶⁸ Y 94, f. 270.

⁶⁹ Y 97, f. 38.

⁷⁰ Y 97, f. 95v.; Y 97, f. 362.

мую дарителем к студенту, отсутствует здесь гораздо чаще, чем в парижских актах. Словосочетания, казавшиеся у парижских нотариусов неотделимыми друг от друга, в провинции могут спокойно расчленяться. Так, например, если в Париже употреблялся термин “мудрость” (science) как объект достижения, то непременно в сочетании с термином “степень” (science et degré), в то же время акты, составленные нотариусами из Этампа и Монбрисона⁷¹, содержат пожелания достичь лишь мудрости. Впрочем, формализовать отличия провинциальных актов от парижских не имеет особого смысла — слишком различались обстоятельства их составления. В Париже мы можем констатировать одинаковые для всех условия составления актов, высокую степень унификации, подкрепленную разнообразием форм контроля. В провинции ничего подобного не было. Одни акты составлялись нотариусами, находившимися в крупных судебных центрах с относительно развитой административно-правовой традицией, где существовали даже коллегии нотариусов (таких, например, как нотариусы Орлеанского Шатле), другие — присяжными письмоводителями провинциальных баляжей и кастелланств, адвокатами местного суда или муниципальными службами (например, мэром и эшевенами Амьена⁷²). Трудно ожидать от парижских актов формулировок, наподобие пожелания, зафиксированного присяжным письмоводителем города Шабли. Он составил знакомый нам акт для коллектива виноградарей, с тем, чтобы студент *“мог бы иметь впредь лучшую возможность достичь мудрости и светской образованности, за что признательность к ним он смог бы лучше сохранить в будущем, а также как напоминание о добрых и любезных услугах, которые они надеются получить от указанного Этьенна Митеца”* (mieux cy apres de pouvoir parvenir aux sciences & lettres humaines, dont iceulx recognaissans puissent estre supportez a ladevenir et aussi en commemoration des plaisirs et agréables services qu’ilz espèront recevoir dudict Estienne Mitais)⁷³.

Это дарение уже приводилось нами (см. с. 203), но только теперь, получив представление о высокой степени унификации нотариальных актов, мы можем оценить всю степень оригинальности данной формулировки.

И все же некоторые общие наблюдения можно сделать и относительно группы провинциальных актов в целом.

На примере только что процитированного акта, мы видим, что в мотивировках провинциальных дарений могут быть ярче выражены “меркантильные” мотивы, или, что вероятнее, они просто хуже скрыты, чем в столичных актах. Часто сообщается, что со студентом хотят *“быть квиты”* (demeurer quitte). Так, в одном слу-

---

⁷¹ Y 93, f. 314v.; Y 93, f. 387.

⁷² Y 98 f. 191v.

⁷³ Y 95, f. 32.

чае речь идет о расчете за долг в сумме 100 ливров⁷⁴, в другом – о сумме в 30 экю⁷⁵, характерно, что в этих актах отсутствуют упоминания о “доброй любви” дарителя. Студента вознаграждают за “добрые и любезные услуги”, ожидая, как в случае с Этьеном Миттесом, ответной признательности, возмещения понесенных расходов⁷⁶ или же рассчитывают избежать в будущем судебных процессов. В целом, доля таких “меркантильных” актов в провинции в четыре раза выше, чем в Париже (11 : 89 в первом случае и 13 : 457 – во втором).

Доля актов, в которых отмечается необходимость несения расходов на обучение, также несколько большая у провинциалов, нежели у парижан. В шести случаях в той или иной форме говорится о необходимости несения расходов на содержание (*supporter les fraiz, subvenir les fraiz, fournir aux fraiz*) или в более развернутом виде – “*вынести издержки и оплатить расходы на существование*” (*subvenir aux fraiz et payer ses depences à l'existence*). Чаще, чем в Париже, провинциалы конкретизируют эти расходы, в четырех случаях говорится о расходах на еду (*aliments*), на оплату питания и пансиона. Наряду с общим и, как мы помним, весьма распространенным в Париже пожеланием “*содержать себя*”, встречается указание на необходимость достойного поддержания своего статуса (*entretenir honnestement*), также в четырех случаях. И еще в четырех актах отмечается необходимость приобретения книг, в то время как в Париже эта формула встречалась чаще.

В двух актах говорится о достижении “*образованности*” (*lettres*), вспомним, что в Париже эту формулу использовал лишь один нотариус. В четырех актах говорится о достижении мудрости или, как в акте, составленном в Монбриссоне, о “*почтенной мудрости*” или “*почтенных науках*” (*sciences honorables*)⁷⁷. Так же как в Париже, хотя и не с таким колоссальным преобладанием, наиболее распространенным является пожелание достичь степени (в восьми случаях). Причем в одном акте, составленном в Вермандуа, употреблена странная формула: “*достичь каких-нибудь степеней*” (*parvenir aux quelques degrés*)⁷⁸.

Если мы говорили о своеобразном “меркантилизме” провинциальных актов, то это в некотором роде проявляется и в пожелании молить Бога за дарителя. Если в Париже эта фраза встречается лишь однажды⁷⁹, то в провинции – у четырех дарителей. Еще в четырех случаях речь идет о пожелании церковной карьеры. Вспом-

---

⁷⁴ Y 95, f. 299.

⁷⁵ Y 95, f. 303.

⁷⁶ Y 96, f. 126.

⁷⁷ Y 93, f. 314 v.

⁷⁸ Y 99, f. 137.

⁷⁹ Y 92, f. 183.

нив, что в Париже таких актов было шесть, но что пять из них были составлены провинциалами, мы впервые получим социально-окрашенную характеристику – стремление видеть одариваемого студента священником и надежды на то, что студент будет возносить молитвы за дарителя, является признаком провинциализма. Большинство из авторов таких дарений не просто провинциалы, но сельские жители. Так, ткач Жан де Фэ, желавший студенту “лучше содержать себя в школах и достичь святых церковных чинов, а после молить Бога за дарителя”⁸⁰, проживал в приходе Сен-Реми близ Шевреза, т.е. был сельским жителем.

Но кого характеризует этот провинциализм – местных нотариусов или их клиентов? На сей раз справедливым кажется последнее предположение. Вот, например, крестьянская чета из Эрбле-сюр-Сенн, что близ Кормея, составила дарение, “*учитывая свое расположение к Антуану де Вальеру, крестнику указанной пары, а ныне студенту Парижского университета, каковой возымел с Божьей помощью намеренье достичь сана священства, а также с тем, чтобы он смог легче содержать себя в учении и достичь указанного сана*”⁸¹. Это дарение, очень похожее на другие крестьянские акты, составлено не каким-нибудь местным стряпчим, а опытным парижским нотариусом Этьеном Брюле, отнюдь не склонным к выбору пышных мотивировок. Очевидно, что в этом, как и в других случаях, сельские жители, даже оказавшись в Париже, могли сохранить свое представление о целях университетского образования. И то, что провинциалам это удавалось даже в условиях сильнейших унификаторских тенденций, характерных для парижского нотариата, лишь подчеркивает крепость их убежденности в церковном предназначении университетской карьеры.

Если же мы выйдем за пределы нашей выборки и привлечем те, пусть даже фрагментарные данные, которые содержатся в материалах публикации, то эта тенденция будет выражена еще более отчетливо. Так, например, Пьер Белиар, землепашец-портной из окрестностей Сен-Клу, и его жена желали сыну “*достичь священных духовных чинов и достойно содержать себя в этом звании (plus honnestement gouverner et entretenir audit estat), посвятить себя Божественной службе (vaquer au service devyn) и молить Бога за своих родителей*”⁸². Аналогичная формула встречается и в акте крестьянской четы из Шампсене, что близ городка Ножан-сюр-Сен⁸³.

Тюетей и Кампардон донесли до нас сведения о 14 дарителях, общивших о своем желании видеть студента священником (на деле их могло быть и больше). Среди них были президент Жан Брисонне,

---

⁸⁰ Y 97, f. 194.

⁸¹ Y 98, f. 413v.

⁸² IRI. 931.

⁸³ IRI. 1573.

скромная вдова прокурора парижского Шатле, парижский каноник, сельский священник, поденщик (*maçonvieg*) и его родственник – провинциальный купец, сельский ремесленник и шестеро крестьян (землепашцев и виноградарей). “Белой вороной” в этой компании смотрятся лишь президент Счетной палаты, адресовавший акт своему слуге и крестнику, да университетский деятель, каноник Франсуа Муассан⁸⁴. В остальных случаях гипотеза о “сельском”, по преимуществу, крестьянском, характере подобных установок подтверждается.

Вспомним красноречивое дарение землепашца Жана по имени Жан и признание его сына, “указавшего на степень и достоинство священника”. Видеть сына священником было вековой мечтой крестьян, практически единственной надеждой на быстрое изменение социального статуса семьи⁸⁵. Но речь идет не столько о прагматическом подходе, указывающем на наиболее реальный путь социального продвижения, сколько о концепции, рассматривающей образование как частный случай снискания божественной мудрости, а знание ценившей как нечто сакральное.

В уже многократно упоминавшемся акте, адресованном Этьену Миттесу, виноградаря при помощи местного присяжного письмоводителя желают студенту “достичь мудрости (знаний) и светской (людской) образованности” (*parvenir aux sciences & lettres humaines*). С точки зрения нотариальных форм, эта фраза выглядит своеобразной “оговоркой”, но нельзя ли, уподобясь психоаналитикам, предположить в таких оговорках информацию о глубинных пластах культуры? “Мудрость” (*science*) понимается, как нечто божественное, “образованность” (*lettres*) – как человеческое⁸⁶. Два термина, если не противопоставляются по смыслу, то, во всяком случае, разделяются. В таком случае неудивительно, что студентам гораздо чаще желают “достичь” или “снискать мудрости”, нежели

---

⁸⁴ Забегая вперед, можно предположить, что подобная роль “белой вороны” уже служит достаточным основанием для того, чтобы предпринять разыскания биографического характера, наверняка выплывет что-нибудь или необычное, или весьма поучительное. Казус Мауссана был рассмотрен нами ранее (см. с. 144), а к Жану Брисонне мы еще вернемся.

⁸⁵ Достаточно красноречиво об этом пишет в своей замечательной автобиографии швейцарский гуманист крестьянского происхождения Фома Платтер. Поскольку в момент его рождения звучал благовест, родственники решили, что ему повезет стать священником. Когда же он, движимый реформационными убеждениями, вступил в брак и вместе с молодой женой открыл школу в родной деревне, то вызвал недовольство односельчан: “уж лучше бы ты привез с собой девку, ведь теперь не бывать тебе священником”. (См.: Платтер Ф. Жизнеописание Фомы Платтера // Сперанский Н.В. Очерки по истории народной школы в Западной Европе. М., 1898.

⁸⁶ На божественный источник мудрости указывает старая максима “знание – дар Божий и продаваться не может” (*scientia donum dei est unde vendi non posset*).

достичь “образованности”. Как бы то ни было, предписание молить Бога за дарителя встречается только в актах, составленных провинциалами. Не потому ли, что студент, достигший либо “мудрости” вообще, либо “*святых духовных чинов*”, в частности, должен быть ближе к Богу?

Мы вправе теперь сделать два вывода. Первый относится к существованию особой концепции образованности, которую условно можно назвать “сакральной”; в нашей выборке она характерна по большей части для деревенских жителей. Второй вывод претендует на большее: вопреки нотариальному принуждению, в выборе формулировок дарители могли быть вполне самостоятельны и активны, если считали нужным. Ведь удавалось крестьянам сохранять свои формулировки в унифицированных парижских актах.

Но тогда в новом свете предстает весь набор стереотипных мотиваций университетских дарений. Конечно, на выбор той или иной формулы большое влияние оказывали и привычки нотариуса, и примеры, взятые из какого-нибудь учебника по нотариальной практике, но при этом роль клиента не была пассивной, он оставлял за собой возможность самостоятельного участия. Если даритель не вмешивался, то это означало, что он с большей или меньшей степенью сознательности одобрял предложенную формулировку. Таким образом, собранные нами формулы университетских дарений являются своеобразным отражением общественного консенсуса по поводу ценности университетского образования. Следовательно, основные “кусты” нотариальных мотиваций университетских дарений соответствуют основным комплексам массовых представлений о ценности университетского образования.

Один из таких комплексов мы можем назвать “сакральной концепцией”, которая, по всей видимости, была наиболее древней. Но разумеется, сакральная концепция не была ни единственной, ни преобладающей. За образованием признавали несомненную ценность, способную принести пользу в земной жизни. Здесь, как и ранее, особо ценны акты провинциалов, более склонных к “оговоркам”, прорывавшимся сквозь жесткие формы стереотипов. Закончить, довершить, “продолжить” образование нужно в первую очередь потому, что это принесет выгоду: “*содержать себя [в учении], если ему будет угодно, и извлечь свою выгоду*” (*s’entretenir, si bon luy semble, et faire son prouffict*)⁸⁷, как отмечается в акте одного из провинциальных купцов. Другой провинциал выражается более поэтично: нотариус-шатлен из Божоле (впрочем, свой акт он составил не у себя, а в парижской конторе нотариуса Тома Карто) желает сыну содержать себя в учении и “*снискать плод мудрости*” (*acquérir le fruit de science*)⁸⁸. Тот факт, что дарителем является человек, отнюдь не

⁸⁷ Y 98, f. 279v.

⁸⁸ Y 97, f. 461.

чуждый нотариальной культуре, свидетельствует в пользу сознательности выбора именно этой, несколько необычной, но, по-видимому, искренней мотивации. Но в чем мыслилась сладость этого плода? Другой юрист-профессионал, Франсуа Дюпюи, бездетный адвокат Парламента, передал один из своих парижских домов тем из племянников, которые захотят учиться в университете, *“с тем, чтобы они сумели достичь степени и мудрости и смогли бы принести пользу родным и друзьям”*⁸⁹. Мотив пользы звучит и в акте его коллеги – парижского адвоката Рауля Спифама. Совместно с женой им составлено дарение сыну, *“какового они хотят отправить учиться в прославленные университеты королевства, чтобы он был образованным и воспитанным в наилучших науках (institué et endoctriné en bonnes lettres), чтобы придать ему желание к продолжению занятий и побудить его наилучшим образом извлекать из них пользу (mieux proffiter d’icelles)”*⁹⁰.

Эта формула служит лучшей иллюстрацией к тому, что мы можем назвать **“прагматической концепцией”**. Она является вполне утилитарной и вполне светской: хорошее образование (причем именно *“образование”*, а не *“мудрость”*, памятуя о дихотомии sciences/lettres) дает стимул к продолжению обучения в прославленных университетах, а это в свою очередь ведет к получению выгоды. Но сформулированная, по-видимому, самим Спифамом⁹¹ на редкость ясно, и, казалось, должна отражать чаяния многих дарителей, эта мотивация остается очередной *“белой вороной”*, чем-то уникальным и неповторимым.

В любом случае, никто из дарителей не конкретизирует этой выгоды, только лишь намекая на нее. Быть может, она виделась в обретении определенного социального качества: *“чтобы он смог стать порядочным человеком”* (qu’il pourra parvenir à estre homme de bien), как гласила одна из формулировок⁹². Наиболее красноречивым в этом отношении мне показалось дарение прокурора-нотариуса из Бур-Арженталя, который пожелал своему племяннику *“достичь состояния мудрости и попасть в число людей знания”* (parvenir au faict de science et au nombre des gens de scavoir), так значилось в Регистре Шатле⁹³. К сожалению, при сверке этой записи с подлинником нотариальной минуты (контора Дюпре) выяснилось, что мы имеем дело с редким случаем ошибки клерка Шатле. Переписывая акт, он выпустил часть фразы, которая в оригинале звучала следую-

---

⁸⁹ Y 93, f. 17v.

⁹⁰ Y 87, f. 314.

⁹¹ Спифам составлял этот акт у нотариуса Венсана Мопу, а вовсе не у Тьеро, единственного из парижских мэтров, имевшего склонность употреблять термин *celtre*.

⁹² IRI. 1050.

⁹³ Y 94, f. 357.

щим образом: “*достичь состояния мудрости, попасть в число порядочных людей и снискать знания*” (“parvenir au fait de science et au nombre des gens de biens et acquerir scavoir”). Впрочем, эта ошибка, по-видимому, и была порождена нестандартностью формулировки – термин “scavoir” встречается в нашей выборке лишь в этом акте. Он, как и предыдущие, остается исключением, в подавляющем большинстве случаев объект “*достижения*” и “*снискания*” указан более конкретно, это университетская степень. Собственно, даже если речь в акте идет о достижении “*мудрости*”, все равно этот термин употребляется в обязательной связке с указанием на получение степени (degré)⁹⁴.

Характер искомой степени уточнен в актах лишь однажды – в акте провинциального судебного секретаря (greffier), пожелавшего студенту-медику “*достичь докторской степени на этом факультете медицины Парижского университета*”⁹⁵. В остальных случаях всегда говорилось о степени вообще, а один раз, опять же в провинциальном акте, составленном в Вермандуа, говорится даже о “*каких-нибудь степенях*” (parvenir aux quelques degrés)⁹⁶.

Если **сакральная** концепция была выражена слабо и носила периферийный характер, а **прагматическая** концепция вообще лишь угадывается в легких намеках, то концепцию **статусную**, видевшую обретение степени, обретение особого социального качества главной целью университетского образования, трудно не признать доминирующей. Ведь термин “степень” в Париже присутствует более, чем в двух третях актов, да и в провинции преобладание его было хоть и не столь подавляющим, но все же несомненным. Поистине, как гласит отечественный академический фольклор – “ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан”.

Какое же значение имеет то, что подавляющее число французов XVI в., составлявших дарения в адрес студентов, соглашались с тем, что главным смыслом университетского образования является обретение степени?

Как ни странно, мы получили в руки весьма весомый аргумент в споре о природе университета, в споре, который велся издавна и ведется поныне. Позволим себе небольшой историко-историографический экскурс.

Для чего существует университет? Чтобы готовить специалистов того профиля, который на данный момент нужен обществу, чтобы добывать новые знания, или чтобы формировать людей, на-

---

⁹⁴ Наша выборка для актов парижских нотариусов знает лишь одно исключение – тот самый акт, где речь идет о “*плоде мудрости*”, в провинции, как отмечалось, в трех актах присутствовало такое разведение терминов “degré” и “science”.

⁹⁵ Y 94, f. 361v.

⁹⁶ Y 99, f. 137.

деленных некими особыми качествами? Понятно, что эти три задачи могут быть разделены лишь в теории, но от расстановки акцентов зависят и оценка роли университетов в обществе, и определение стратегии образования. Утилитарный подход делает упор на первой и, частично, на второй задачах. Противоположный ему подход, назовем его “антиутилитарный”, – на последней. В XVIII и, особенно, в XIX столетии спор между этими подходами был ожесточенным и плодотворным. Особую интенсивность он имел в Германии, Англии, а несколько позже и в России⁹⁷.

Считается, что эпоха Просвещения и питаемые ее импульсами более поздние рационалистические доктрины настаивали, в соответствии с парадигмой Джона Локка, на прагматическом подходе к университетам с позиции пользы и “общественного интереса”, где университетам отводилась роль важного элемента государственной машины. В свою очередь университетские реформаторы эпохи романтизма (в том числе Вильгельм фон Гумбольдт в Берлине и Джон Ньюмен в Дублине) старались придать (или вернуть) университету независимость, порой даже используя метафору “башни из слоновой кости”. Основная цель университета, по Джону Ньюмену, – воспитывать настоящих джентльменов. По Гумбольдту же – “государство... вообще ничего не должно требовать от университетов непосредственно для себя, а должно проникнуться тем внутренним убеждением, что достигая своих конечных целей, университеты тем самым отвечают и его конечным целям, и отвечают с высшей точки зрения, откуда открывается гораздо более широкий горизонт, причем в их распоряжении находятся такие рычаги и силы, какими не располагает само государство”⁹⁸. Совпадение целей государства и университета видится в подготовке личностей, наделенных особыми качествами – способностями к самостоятельному мышлению и саморазвитию, наделенных, по выражению немцев, “мужественной верой в себя и в идею правды и свободы”⁹⁹. Пруссия, разбитая Наполеоном I, не пошла по пути своего победителя, ведь во Франции революция уничтожила все университеты, а в наполеоновскую эпоху была создана рациональная система Высших школ, где под строгим государственным контролем и по государственным программам готовили необходимых для общества специалистов. В Берлине же был открыт в 1809 г. университет, получивший максимальную академическую свободу как в выборе программ, так и в подборе преподавателей. Будущее показало, что в эти годы закладывалось превосходство немецкой

---

⁹⁷ Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994; Уваров П.Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту “идола истоков”) // Диалог со временем. М., 2001. Вып. 7. С. 207–223.

⁹⁸ Цит. по: Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии / Пер. с нем. под ред. Н.В. Сперанского. М., 1908. С. 205–206.

⁹⁹ Там же. С. 207.

академической системы: профессора, вышедшие из немецких университетов эпохи “романтизма”, воспитали того самого немецкого учителя, который, как известно, сперва победил австрийцев при Садовой, а затем и Наполеона III под Седаном и заставил-таки французов перенимать германский опыт академической свободы.

Но так ли уж противоположны были просветительская и романтическая (т.е. утилитарная и антиутилитарная) концепции университетского образования? Плоть от плоти философии Просвещения, М.В. Ломоносов в середине 1750-х годов выделил главные условия для полнокровной жизни университета в России:

- по возможности полное самоуправление, подкрепленное надежными привилегиями;

- право корпорации присуждать ученые степени (“ученые градусы”);

- включение обладателей университетских степеней в систему Табели о рангах, признание равенства университетского статуса и степени дворянскому состоянию¹⁰⁰.

Ломоносов очень хорошо, “изнутри”, изучил европейскую университетскую систему и благодаря своим недюжинным аналитическим способностям сумел вычленить три самых главных и взаимозависимых элемента этой системы. Университет должен представлять собой независимую корпорацию, пользующуюся от государства привилегиями, но свободную от его мелочной регламентации. Только такая корпорация сможет присваивать полноценные “ученые градусы”, свидетельствующие о достижении их обладателем особых достоинств, способных придавать новое социальное качество. Из какого бы сословия не происходил студент, по достижении степени он становится равен дворянину и не менее важен для общества.

Тогда, в середине XVIII в., ни один из пунктов программы Ломоносова не был реализован. Но с течением времени стихийно, зачастую вопреки намерениям властей, указанные тенденции начинали так или иначе пробивать себе дорогу в повседневной жизни Московского университета¹⁰¹. Полностью “ломоносовская” программа была претворена в жизнь при Александре I. Весьма любопытны аргументы, выдвигавшиеся в николаевскую эпоху сторонниками свертывания университетских свобод и пересмотра “Александровских” уставов. Так, Д. Рунич видел “корень зла в копировании уставами неприемлемых готических форм”¹⁰². И этот гонитель Санкт-Петербургского университета был по-своему прав. “Идея универси-

---

¹⁰⁰ Ломоносов М.В. Полное собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 538–539; см. также: Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи, XVIII в. –1917 г. М., 1994.

¹⁰¹ Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия / Ред. В.В. Пономорева, Л.Б. Хорошилова. М., 1997. С. 101.

¹⁰² Рунич Д.П. Из записок // Русская старина. СПб, 1901. Т. 106. С. 382.

тета” имела средневековое происхождение и системообразующие элементы этого любопытнейшего института в принципе мало изменились.

Уже в XIII в. важнейшим постулатом университетской культуры был тезис о том, что ее носители обладают некими особыми качествами, ставящими их выше прочих смертных, и уж никак не ниже традиционной феодальной элиты – *“мирян, простых и невежественных, не имеющих письменных добродетелей”*¹⁰³. Клирик имеет больше оснований быть *“благородным, куртуазным и мудрым / В силу того, скажу я вам, / Что ни князь, ни король / Не используют книги, / Поскольку клирик видит в книгах / При помощи знаний доказуемых, / Умозрительных и демонстрируемых / Все зло, которого надо там остерегаться / И все блага, которые оттуда можно извлечь”*¹⁰⁴, – пояснял автор монументальной второй части “Романа о Розе”, магистр парижского университета Жан де Мен. Кроме того, университет, согласно тому же автору, *“хранит ключи от всего христианского мира”*, или, по Жану Жерсону (начало XV в.), является *“стражем на башне христианского мира”*¹⁰⁵. То есть выполняет чрезвычайно важные социальные функции, и потому университетские магистры могут претендовать на равное положение с *“теми, кто рыщет с псами средь полей”*¹⁰⁶.

Где-то на рубеже XII–XIII вв. этос “университетский” начал отделяться от более древнего “священнического” этоса мудреца. Отделение это шло долго и осуществилось далеко не полностью (отсюда элементы “сакральной” концепции, наблюдаемые на нашем материале). Новая самоидентификация университетских интеллектуалов основывалась на том, что в результате ученых занятий они становятся обладателями новых качеств, *“письменных добродетелей”*, и главное свойство университетской корпорации – осуществлять эту важнейшую функцию: фиксировать моменты перехода в новое качество. Этой задаче и служила университетская степень, ставшая краеугольным камнем всей университетской системы.

Собственно говоря, и в Средние века, и в Новое, да и в Новейшее время существовало немало альтернативных университетам образовательных структур и институтов, многие из которых давали образование, более приближенное к потребностям общества, были гораздо эффективнее университетов (коллегиумы нищенствующих

---

¹⁰³ “Les gens lais, simples et nices, qui n’ont pas les vertus escrites” // (*Guillaume de Lorris et Jean de Meung. Le Roman de la Rose* / Ed. D. Poirion. P., 1974. № 18670).

¹⁰⁴ “D’estre gentil, courtois et saige / Et la raison vous en dirai / Que n’ont le prince ni le roi / Qui ne servent de letreure / Car li clers vont en secripture / Avec les sciences provees / Raisonable et demontrees / Touz maus dont l’ent se doit retrain / Et touz les biens que l’en peut faire” (Ibid. № 18640).

¹⁰⁵ Ibid. № 11793–11796; *Gerson J. Œuvres complètes* / Ed. par P. Glorieux. P., 1968. T. 7. P. 767, 1010, 1145.

¹⁰⁶ *Guillaume de Lorris et Jean de Meung. Le Roman de la Rose*. № 18752.

орденов, городские и частные школы, соборные школы, институт ученичества, домашнее образование и др.). Но конкуренты и критики университетов, которых всегда было немало (в рассматриваемый нами период XVI столетия это были гуманисты, а чуть позже протестанты и иезуиты), стремились так или иначе интегрироваться в университеты, подчинить их себе или, в крайнем случае, основать свои собственные университеты.

Притязательность университетов заключалась в том, что только они имели право присуждать степени; причем, имея статус “*Studium generale*”, в силу привилегий, выданных универсальной властью, университеты могли присуждать “*licentia ubique docendi*” – свидетельство, признаваемое повсюду в христианском мире. Ни одно другое, пусть даже самое передовое учебное заведение не обладало таким правом. И это прекрасно осознавали современники. “*Одни школы являются законными (autentica), другие же незаконными (lenipota). Та школа является законной, чьи занятия были похвальным образом утверждены апостольскими привилегиями и императорскими свободами; среди них, например, школы Парижская, Болонская, Падуанская и Оксфордская. Школа меньшего достоинства – незаконная, не имеющая привилегий глав мира.... И большие различия в них происходят от того, что в законных школах готовятся воины [научных баталий] и господа наук увенчиваются ... чтобы радоваться как одеждам, так и особым свободам; они пользуются также особым уважением как светских, так и духовных глав не менее, чем [уважением] народа, и такие магистры и господа наук титулуются похвальным образом. В незаконных школах сколько бы магистры ни кормились своей деятельностью, она не связана с привилегированным титулом...*”¹⁰⁷.

В этом анонимном трактате XIV в. “О похвале клиру” как о само собой разумеющихся говорится об основных отличительных чертах университета: наличие особых свобод и привилегий, способность присуждать академические степени (привилегированные титулы), признаваемые во всем христианском мире, притязания на равенство обладателей таких степеней благородным воинам. Нетрудно узнать здесь черты, знакомые нам по “ломоносовской” программе.

Но и в современном обществе, по мнению столь известного социолога, как Пьер Бурдьё, главная функция ученой степени заключается в “социальной магии”, т.е. в способности придавать человеку новое, относительно высокое социальное качество, наделяя его социально признанным символическим капиталом¹⁰⁸.

---

¹⁰⁷ De commendatione cleri // University records and life in the Middle Ages / Ed. L. Thorndike. N.Y., 1944. Цит. по: Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994. Т. 2. С. 216.

¹⁰⁸ Bourdieu P. Homo Academicus. P., 1974; *Idem*. La noblesse d'Etat. P., 1989.

Принципиально важно при этом, что полноценность университета и выдаваемых им степеней гарантировалась академической свободой корпорации. Как бы далеко ни заходил контроль со стороны властей, они не могли, да и не хотели отменять принципы выборности университетских должностей, свободы дискуссий и не должны были вмешиваться в процесс присуждения степеней. Значение этого “дара христианского Средневековья Новой Европе”¹⁰⁹ полезно осознать и в современной России при обсуждении университетских реформ.

Если же мы вернемся в XVI в., то мы поймем, что, несмотря на убийственную сатиру Эразма и Рабле, университет продолжал манить французов прежде всего возможностью получить степень. Понятно, что у каждого студента могли быть свои собственные мотивы – спасение души, любознательность, семейная традиция или стремление воспользоваться университетскими привилегиями, но фоном служила доминирующая “статусная” установка.

Подведем итоги. Мы сделали шаг на пути интериоризации исторического объяснения, предприняв попытку взглянуть на вещи глазами людей XVI в. Попытка эта была весьма трудоемкой и не самой эффективной, гораздо больше нам могли бы сказать дневники самих интеллектуалов того времени. Но нам трудно было бы оценивать степень соответствия полученных данных массовым представлениям (если избегать термина “ментальности”). В результате анализа выяснилось, что фиксируемые в стереотипных формулах нотариальных актов основные концепции университетского образования (вероятно, наиболее архаичная, “сакральная”, слабо выраженная “прагматическая” и доминирующая “статусная”) в общих чертах совпадают с тем, что нам известно об университетском образовании в Средние века и Новое время.

Получив подтверждение гипотезе о соответствии чувств и настроений, выраженных в нотариальных актах, неким “ментальным” установкам, мы получаем возможность попытаться проанализировать какую-нибудь иную, уже не связанную с университетскими дарениями, область социальной практики. Восстанавливая не только объективные условия, но и пытаясь проникнуть во внутренний мир людей, мы можем теперь не бояться стереотипов, поскольку они не только не мешают, но, в какой-то мере даже способствуют решению этой задачи.

---

¹⁰⁹ *Hoye W.J.* The religious roots of Academic freedom // *Theological Studies*. 1997. Vol. 58. Issue 3. P. 409.

“БУДУЧИ СТАР И СЛАБ”: АКТЫ ПОЖИЛЫХ И НЕМОЩНЫХ ЛЮДЕЙ

Причины выбора: не слишком много, не слишком мало. – Старость глазами историков. – Казус Жана Окока. – Две группы актов. – Описание состояния дарителей, их мотивации. – Круг доверенных лиц. – Идеальный уход: вино, белый хлеб и “карманные деньги”. – Помин души. – Кристоф Креспин и Мартын Харлов. – Забывчивость престарелого теолога. – Штампы уместные и неуместные. – Общественный идеал, социальные нюансы и индивидуальные особенности

Для того, чтобы проверить в действии полученную методику работы с актами и нотариальными стереотипами, выберем какой-нибудь особый тип нотариальных актов. На этой основе можно попытаться в сокращенном виде пройти весь путь, проделанный нами в предыдущих главах при анализе университетских дарений. Иными словами, требуется восстановить некое объективное положение участников сделок и получить представление как о реальной практике, так и о ее ценностном содержании в глазах современников. Для этой цели мной была выбрана такая специфическая форма актов, как дарения “по причине старости и (или) немощности”. В более поздних учебниках по нотариальной практике такой тип актов будет обозначен как “дарения с условием кормить дарителя”¹¹⁰.

Постараюсь объяснить причины моего выбора. Прежде всего, таких актов не слишком много, но и не слишком мало. Если бы их было столько, сколько, скажем, университетских дарений, то одна лишь работа с данными регистров Шатле, не говоря уже о сверке их с нотариальными минутами, намного превысила бы отведенные сроки моего пребывания в Национальном Архиве. Если бы я обратился к весьма ярким и информационно-насыщенным актам, таким как отмены дарений (“ревокации”), то добытого десятка подобных актов явно не хватило бы для построения типологических рядов и работы со стереотипами, а ведь именно эту задачу мы и ставим. Вторая причина заключается в том, что тема старости при известной популярности у современных исследователей не влечет за собой столь громадного историографического шлейфа, наподобие таких тем, как история детства, история женщин, отношение к смерти. Поэтому я отказался от дальнейшей работы с брачными контрактами, завещаниями, дарениями в адрес несовершеннолетних детей. В этом отношении Регистры Шатле содержат достаточно интересный материал, но он, вне всякого сомнения, требует специальных исследований, предполагающих поиск особых методик, привлечение широко-

---

¹¹⁰ Donation à la charge de nourrir le donateur (*Ferriere Cl. La science parfaite des notaires ou le moyen de faire un parfait notaire. P. 289*).

го круга дополнительных источников, и, главное, работы с обширнейшей историографией. Чего стоят лишь полемика по поводу работ Филиппа Ариеса или же хитросплетения современных гендерных исследований!

Интерес к теме истории старости возник не слишком давно; видимо, он стал своеобразной реакцией на осознание проблемы “старения наций”¹¹¹. Жорж Минуа, один из первопроходцев этой темы, приходит к выводу, разделяемому большинством его коллег¹¹²: средневековое общество характеризовалось крайне пессимистическим взглядом на старость, сохранившимся или даже усилившимся в XVI в. Тот или иной средневековый автор мог насчитывать четыре, семь или двенадцать “возрастов жизни”, но в любом случае последний период рисовался в самых мрачных тонах. “*Старик весь полон кашля, слизи и вони до того момента, пока не возвратится в прах и землю, откуда и был взят*”, – гласит изданный французский перевод средневековой энциклопедии¹¹³. В данном случае выделялось семь возрастов жизни по числу семи планет. Вслед за Исидором Севильским называются три последних возраста жизни: *senecte*, *vieillesse*, *senies* – старость в смысле зрелость, “весомость” (*pesanteur*), старость в смысле “дряхлость” и “сенильность”. Причем в последнем случае оговаривается отсутствие соответствующего термина на французском языке.

Другой французский “бестселлер” XVI в., сборник расхожих истин, также опиравшийся на богатую средневековую традицию, – “Большой пастуший календарь” – гласит, что старику не о чем думать, кроме как о смерти¹¹⁴.

Филиппу Новарскому старики видятся заговаривающимися и выжившими из ума: “*Telz i a qui dient que li viel sont rassoté et hors de mémoire, et sont chargé et remué de ce qu’il soloient savoir*”, жизнь стариков не что иное, как страдание. Но старики, продолжает Филипп, должны возблагодарить Бога за то, что он оставил им время на покаяние, они должны думать о скорой встрече с Ним¹¹⁵.

---

¹¹¹ Сюжет истории старости с некоторым эпатажем был вынесен в качестве “специальной темы” на XVIII Международном конгрессе исторических наук (Монреаль, 1995). Однако, по моим наблюдениям, в этой сфере не сложилось устойчивого профессионального сообщества. Для большинства докладчиков история старости была не основной темой исследования, а, скорее, любопытным поводом применения своей эрудиции.

¹¹² Minois G. Histoire de la vieillesse en Occident. Paris, 1987; Bois J.-P. Les vieux de Montaigne aux premières retraites. P., 1989; *Idem*. Histoire de la vieillesse. P., 1994; Sahar S. Growing old in the Middle Ages. L., NY, 1997.

¹¹³ Le Grand Propriétaire de toutes choses. Lyon, 1556.

¹¹⁴ Цит. по: Morawski J. Les douze mois figurez // Archivum romanicum. 1926. P. 363.

¹¹⁵ Philippe de Novare des quatre tenz d’age d’ome / Ed. par M. de Fréville. P., 1888. P. 36.

Средневековое общество было далеко от геронтократии. Марк Блок, а за ним и Жак Ле Гофф называли Средние века обществом молодых людей. Сейчас эту декларацию следует подправить, при ближайшем рассмотрении выясняется, что до вполне почтенного возраста доживало большее число людей, чем полагали ранее. Но, конечно, если не считать высших слоев общества, положение старцев, утративших возможность работать, было незавидным.

Во всяком случае, в окситанской деревне Монтайю, описанной Ле Руа Ладюри, те немногие старики, что допрашивались инквизиторами, производили жалкое впечатление, находясь в постоянном страхе перед гневом своего сына-кормильца¹¹⁶. Некоторые средневекисты, и в частности, Робер Фоссье, полагают, что укрепление супружеской (нуклеарной) семьи и размывание прежней большой семьи, привело к ощутимому ухудшению положения стариков, лишив их бывшего статуса патриарха, главы линияжа, который гарантировал им безоговорочную поддержку всех младших родственников.

Особенно тяжело приходилось крестьянам. Если духовенство, как правило, брало заботу о своих стариках на себя, аристократический линияж в замках заботился о своих старцах, а купца, удалившегося на покой, охотно мог принять монастырь, то старый крестьянин мог рассчитывать только на своих детей, а они, если и имелись у него, не всегда были любезны к лишним ртам. Крестьянский мир, где каждый жил лишь трудом рук своих, был безжалостен к тем, кто лишался возможности трудиться.

С точки зрения Жоржа Минуа, положение стариков несколько укрепилось в период, последовавший вслед за “Черной смертью”. Во всех социальных группах численность стариков резко увеличилась, поскольку эпидемии были губительны в первую очередь для молодых людей. Этот тезис подвергся достаточно убедительной критике¹¹⁷, однако тенденцию к увеличению общей доли пожилых людей в демографической структуре трудно отрицать. Одну из возможных причин этого видят в активизации самосохранительного поведения, возможно, связанного с приданием большей ценности земному существованию¹¹⁸.

Постепенно появляется идея создания особых институтов общественного призрения для тех, кто уже не в силах выполнять свои социальные функции и заслуживает “покоя”. Уже Иоанн Добрый, создавая орден Звезды в 1351 г., предвидел в его уставе дом для престарелых рыцарей, где им должны с уважением прислуживать по двое

---

¹¹⁶ *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня. Екатеринбург, 2001. С. 261.

¹¹⁷ *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. С. 174–185.

¹¹⁸ Там же. С. 208–221; *Ле Гофф Ж.* С небес на землю: Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе в XII–XIII вв. // *Одиссей*, 1991. М., 1991. С. 25–47.

слуг. Вскоре некоторые купцы и ремесленники в городах начинают объединяться для создания подобных домов: в Лионе землепашцы и ремесленники выделяли свое имущество в пользу госпиталя, который примет их в старости. В 1488 г. в Рубэ было открыто заведение для 12 старых женщин “*débiles et languissantes*” (слабых и немощных) и 30 старых монахинь, в Лондоне с 1446 г. существовал дом для престарелых кабатчиков (*vintners’ almhouse*) и для старых моряков (*salters’ almhouse*). Примерно в то же время в Милане епископ создал приют для старых женщин, а в Париже Жан де Юбан открыл дом на улице Армандьер для десяти старых домашних хозяек (*ménageres*). Создаваемые в XIV–XV вв. конфрерии оговаривали в своих уставах помощь для престарелых собратьев. Особые “стариковские” койки появлялись в госпиталях даже таких малых бретонских городов, как Трегье, Ланбон, Гингамп. И хотя, конечно, численность подобных заведений была смехотворно мала и большинство неимущих стариков вынуждено было нищенствовать, сама идея некоего законного вспомоществования, “отдыха” в конце жизни уже заявила о себе.

Жорж Минуа полагает, что осознание необходимости “спокойной старости” отчасти было вызвано демографическими сдвигами, общим возрастанием доли престарелых в “послечумной Европе”¹¹⁹. Во всяком случае, в ренессансной Италии состоятельные люди могли позволить себе роскошь досужей старости. Этот идеал реализовывали Козимо и Пьетро Медичи, кондотьер Бартоломео Коллеони, который, дав последний бой в возрасте 67 лет, отклонял затем все лестные предложения и восемь последних лет жизни прожил в своем замке, а веком раньше Петрарка и Боккаччо наслаждались покоем на старости лет в своих загородных виллах. Но при этом литература была настроена весьма скептически по отношению к старикам. Прямые и косвенные данные свидетельствуют о проявлениях “конфликта поколений”¹²⁰.

Что же касается XVI в., то его впрямую называют “жестоким” по отношению к старикам¹²¹. Возможно, в этом стоит усмотреть своеобразную реакцию на “засилье стариков”, неведомое предшествующим периодам, но ставшее особо ощутимым на фоне демографического подъема, начавшегося на рубеже XV и XVI столетий.

Если Высокое Средневековье относительно редко обращалось к теме старости, либо попросту игнорируя ее, либо даже находя в этом состоянии некоторые преимущества¹²², то Возрождение показывает

---

¹¹⁹ *Minois G.* Op. cit. P. 364.

¹²⁰ *Кристина Пизанская.* Из книги о граде Женском / Пер. Ю.П. Малинина // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. М., 1991.

¹²¹ *Bois J.-P.* Histoire de la vieillesse.

¹²² С точки зрения Бернарда Клервосского, старики находятся в выгодном положении – им легче противостоять соблазнам мира сего, ведь чем слабее тело, тем более укрепляется душа.

старость во всем ее отвратительном обличье. Особенно активны в осуждении старости представители придворной культуры¹²³ и гуманисты¹²⁴. Причины ненависти и страха этого “поколения оптимистов” вполне понятны: ведь старость, как и неминуемая ее спутница – смерть, осознавались в качестве главной преграды на пути к обожествлению человека. Но при том, что старость столь дружно осуждалась беллетристами, живописцами и авторами утопий (и даже король Лир у Шекспира выглядит отнюдь не невинной жертвой), в общественной жизни XVI в. пожилые люди играли весьма значительную роль, да и портреты реальных стариков и старух (а не собирательные образы старости) не лишены привлекательности. О сравнительно высокой численности стариков в обществе свидетельствуют и источники статистического характера, наконец-то появляющиеся в этот период¹²⁵.

Помимо количественного роста различного рода институтов призрения пожилых людей (даже в нашем источнике нам попало свидетельство об одном из таких частных “вдовьих домов”, о чем пойдет речь далее, см. с. 383–385), XVI в. отмечен столь важным изобретением, как пожизненное страхование. Введенное в ряде фламандских городов, оно свидетельствовало, помимо прочего, еще и об уточнении представлений о средней продолжительности жизни, без чего подобное страхование было бы экономически невыгодным¹²⁶.

Тем не менее XVI столетие не привнесло четкости в определение понятия старости, не установило оно и твердой возрастной границы этого периода. Амбруаз Паре, столь новаторски мысливший в остальных вопросах, в данном случае повторяет Галена, объясняя старость дефицитом тепла и влажности в человеческом теле. Хирург, в соответствии с давней традицией и, по-видимому, с расхожими представлениями эпохи, делил старость на три стадии. Вначале еще деятельные, так называемые “зеленые” старики, затем те, кто нуждается лишь в еде и постели, и, наконец, те, кому нужна лишь могила. Медицина, да и алхимия XVI в. накопила некоторый опыт в том, чтобы продлевать жизнь старика, или бороться с его не-

---

¹²³ Кастильоне Б. Придворный / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI в. СПб, 2002. С. 181–147; Брантом. Галлантные Дамы / Пер. А.Д. Михайлова. М., 1998.

¹²⁴ Эразм Роттердамский. Похвала глупости. 13, 31, 37; Мор Т. Утопия; Rabelais F. Le Tierce Livre. Chap. XXI; Montaigne. Essais. I. 57; II. 8.

¹²⁵ Dupâquier J., Dupâquier M. Histoire de la démographie. P., 1985; Croix A. La Bretagne aux XVIe et XVIIe siècles: La vie, la mort, la foi. P., 1981.

¹²⁶ Церковь достаточно долго осуждала пожизненное страхование. Однако эта практика имела достаточно широкое нелегальное распространение: в 1569 г. английский юрист Томас Вильсон говорит о нем в своем сочинении о ро-стовщичестве (Hendricks F. Contributions to the History of Insurance and of the Theory of Life Contingencies. L., 1851).

дугами¹²⁷, но в гораздо большей степени была одержима поисками “квинтэссенции”, средства ее избежать.

Старость оставалась сугубо субъективным понятием. Если Монтень пишет, что начал стареть с тридцати лет, то Монлюк не считал себя стариком и после семидесяти.

Осмысление проблемы стрости и старения, выделения пожилых людей в особую социальную категорию, и наконец, изобретение института пенсионного обеспечения, все это принадлежит уже последующей эпохе¹²⁸ – таково мнение, разделяемое большинством историков, размышлявших над этой темой. От себя добавлю, что социальное “открытие” старости может быть поставлено в один ряд с теми революциями в общественном сознании, о которых впервые заговорил Мишель Фуко: установление жесткой грани, отделявшей безумие от нормы, запретное от дозволенного в сексе, “великое закрытие” бедных и преступников, отделение женщин и детей от “нормального” общества¹²⁹.

Таким образом, историографическая традиция уделяет рассматриваемому нами периоду весьма важное место. В XVI в. источниковая база для изучения проблемы старости расширяется, но при этом выявляет парадокс, заключающийся в противоречии между достаточно весомой ролью стариков в обществе и крайне негативной оценкой старости в общественном сознании. Поэтому анализ нотариального материала может представлять особый интерес как место пересечения реальной практики и стереотипов.

И, наконец, третье и, разумеется, самое главное соображение, повлиявшее на выбор мной данного ракурса – тема “старости и немощности” показалась мне интересной сама по себе, возможно по созвучию с проблемами, особо остро переживаемыми нашими пожилыми людьми последнего десятилетия.

Мы уже несколько раз встречали имя королевского сержанта Николя Филона, составлявшего свои акты у Жана Крюсе. Разыскивая данные о нем, я обнаружил любопытное дарение:

Двадцать третьего марта 1552 года пахарь Жан Окок из Малого Со, что близ Парижа, составил акт в конторе нотариуса Жана Крюсе. Он сообщил, “*что в виду своего преклонного, восьмидесятилетнего возраста он не может больше заниматься своими делами и управлять своим добром (vacquer à ses affaires ne gouverner son bien). Не имея ни детей, ни кого-либо, кто бы заботился о нем, он дарит свой дом, огород, конюшню, хозяйственные постройки, а также виноградники Николя Филону, королевскому сержанту*

---

¹²⁷ Paravicini Bagliani A. Il corpo del papa. Torino, 1994.

¹²⁸ Bois J.-P. Les vieux de Montaigne aux premières retraites.

¹²⁹ Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique. P., 1972; *Idem*. Surveiller et punir: Naissance de la prison. P., 1975; Согомонов А.Ю.; Уваров П.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей, 2001. М., 2001. С. 199–215.

юстиции из близлежащего парижского пригорода Нотр-Дам-де-Шамп. При этом последний обязывается хорошо кормить, содержать, и ухаживать за дарителем; дать ему приют, обогреть и заботиться о нем на протяжении всей жизни надлежащим образом, как подобает его достоинству; [обеспечивать] одеждой, едой, теплом, жильем и прочими необходимыми ему вещами на протяжении всей его жизни... Кроме того, Николя Филон обещал выдавать ему по 50 турецких су ежемесячно на мелкие нужды и 6 ливров выплачивать одновременно”¹³⁰.

Именно этот казус послужил отправной точкой для дальнейшего исследования. Кем был Николя Филон и какая судьба ждала Жана Окока? Насколько распространены были подобные договоры? Описывал ли даритель свою реальную ситуацию или же существовала безликая формула акта, как в наши дни? И, наконец, может ли такое дарение как-то информировать нас о реальном положении пожилых людей во Франции и о помощи, на которую они могли рассчитывать?

Для изучения был выбран все тот же период правления Генриха II (1547–1559). В сериях Y 93–Y 100 книги регистров Парижского Шатле зарегистрировано 35 “дарений по причине старости”, аналогичных акту Жана Окока. Как правило, даритель сообщал о своем преклонном возрасте, уступал кому-нибудь свое имущество, выговаривая обязательства по своему содержанию. Мной были отобраны еще 52 акта, также являвшиеся договорами о содержании и уходе, однако без прямых упоминаний о старости дарителя. Иногда по косвенным данным можно догадаться, что в помощи нуждался либо пожилой человек, либо молодой, но утративший трудоспособность. Чаще же о дарителе вообще не сообщалось никаких сведений. Для удобства обозначим “дарения по причине старости” и “договоры о содержании” соответственно как группы “А” и “Б”. В обеих группах есть по два “обратных” дарения, адресованных вполне здоровым дарителем пожилому или нуждающемуся в помощи человеку¹³¹. Конечно, их можно было и не включать в анализируемый корпус актов, однако формулы описания старости и немощности, перечисление оказываемых услуг делают эти акты сопоставимыми с актами групп “А” и “Б”. Таким образом, мы располагаем корпусом из восьмидесяти семи актов.

В актах можно выделить следующие основные элементы:

- характеристика статуса дарителя и его состояния;
- мотивировка дарения;
- описание передаваемого имущества;
- указания на то, кому адресуется дарение;
- условия дарения и ожидаемые услуги со стороны реципиента.

---

¹³⁰ Y 97, f. 291.

¹³¹ В том же учебнике Клода Ферьера такие дарения назывались “Donation pour en jouir des à present et sans charge d’usefruit”.

Данные о дарителях попытаемся свести в таблицы (см. табл. 37 и 38).

Таблица 37

Место жительства дарителей

Группа актов	Парижане	Жители пригородов (faubourgs de Paris)	"Провинциалы"	Число актов
"А"	11	4	20	35
"Б"	27	8	17	52

Кстати, 20 актов были составлены провинциальными нотариусами. Создается впечатление, что дарения "по причине старости" в большей степени склонны были составлять провинциалы. Впрочем, "провинциалы" – условный термин. Жан Оок, например, жил всего лишь в шести километрах от городской стены.

Попробуем распределить дарителей в соответствии с используемой нами обычно социальной классификацией:

Таблица 38

Социальный состав дарителей

Группа актов	"А"	"Б"
Дворяне и сеньоры	2	2
Священники	1	6
Судейские и чиновники	3	10
"Парижские буржуа"	4	7
Купцы ("не буржуа")	4	3
Ремесленники	4	8
Крестьяне	15	7
Низшие слои	1	2
Статус не установлен	1	–
Всего актов	35	52

В группе "А" заметно преобладание крестьян. Тем более, что единственный священник и один из прокуроров Парламента из этой группы совершают "обратное" дарение. Зато в группе "Б" доминируют городские слои – прокуроры и стряпчие, буржуа, ремесленники.

В некоторых случаях в дарениях "по причине старости" сообщается возраст составителя акта. Жан Оок не был самым старым среди них. Его земляк, крестьянин Клод Соваж из Большого Со, также достиг возраста "*свыше восьмидесяти лет*"¹³². А виногра-

¹³² Y 100, f. 1.

дарь (laboureur de vignes) Жан Орри-старший, живущий близ ворот Сен-Жак, совершает дарение, *“учитывая его старый и преклонный возраст, девяноста пяти или девяноста шести лет, как он говорит и утверждает”*¹³³. Прочие дарители моложе – 70 лет дарителю-дворянину¹³⁴, 65 лет – крестьянину из деревни Аркей. В трех актах говорится о 60-летнем возрасте. Правда, положение шестидесятилетней крестьянской четы из Шамбора¹³⁵ осложнено длительной болезнью жены. В другом случае прокурор адресует дарение своей шестидесятилетней служанке. Она работала еще у его отца, но по-прежнему крепка: помимо прочего ей отводится и участок земли для обработки. Что, кстати, позволяет предположить ее крестьянское происхождение¹³⁶. Итак, всего восемь указаний на возраст. И из этих восьми человек лишь один не был крестьянином (хотя и был сельским жителем). Мы вправе констатировать, что крестьяне более других склонны указывать свой возраст при составлении актов.

Но есть еще одно обстоятельство. “Пенсионный” рубеж перешагнули пять человек. Кроме дворянина, остальные живут на удивление компактно. От предместья Сен-Жак до Аркея ходу от силы час. И еще минут сорок от Аркея до Большого и Малого Со. Откуда такая концентрация “долгожителей”? Это вполне можно объяснить простым совпадением. Но заманчивее было бы поискать здесь какие-то причины.

Склоны Кламарской возвышенности к югу от Парижа и поныне отличаются удивительно чистым воздухом и более мягким климатом. Недаром туда вынесено большинство парижских больниц. В Фонтене-о-Роз, коммуне, примыкающей к Со (деревне Жана Окока и Клода Соважа) в начале века отмечалось столетие некой мадам Бонжан. Она практически никогда не покидала Фонтене, продолжала сама вести хозяйство. Каждый день она рвала траву для кроликов на крутых склонах и пуще всего боялась спускаться в парижскую сутолоку¹³⁷.

Но можно предложить и иное объяснение. На трех из этих актов стоит подпись одного нотариуса, Жана Крюссе. Четвертый составлен, правда, в другой, соседней, конторе на той же улице Сен-Жак. Мы не можем утверждать что-либо однозначно. Но гипотеза о характерном пристрастии нотариуса к уточнению “преклонного возраста” имеет такое же право на существование, как и мнения о случайном совпадении или о чудодейственных свойствах климата.

---

¹³³ Y 97, f. 425.

¹³⁴ Этот акт можно квалифицировать и как университетское дарение.

¹³⁵ Y 100, f. 254.

¹³⁶ Y 93, f. 139v.

¹³⁷ Coeuret G. Fontenay-aux-Roses en images au debout du XX siècle. P., 1993. P. 25–27.

В большинстве дарений “по причине старости” (22 акта), помимо указания на преклонный возраст, описывается плачевное состояние – *немоцность* (*debilité*) и *слабость* (*foiblesse*) дарителя. Он *дряхлый* (*caduc*), *нетрудоспособный* (*invalide*), *бессильный* (*impotente*) и, наконец, *болезненный* (*fort malladif*). Иногда описывается характер недуга – потеря зрения, травма. “Десять лет назад с ними случилось несчастье (*adversitez et infortunes*) по причине болезни” жены. “С ее правой ногой произошла такая беда, что она осталась прикованной к постели в своем недуге, в коем пребывает и поныне”¹³⁸. Чаще всего в актах говорится о чем-то подобном. Но есть и иные формулировки. Крестьянин Анселот Шваль с супругой передают имущество детям, “учитывая свой преклонный возраст, находясь в добром здравии и владея собой”, но... “полагая, что не могут впредь ни хорошо работать (*bon-potent vasquier*), ни трудиться, чтобы заработать себе на жизнь”¹³⁹. Еще один крестьянин, Жан де ля Ривьер, заявляет, что находится “в добром здравии”, но “лишен жены, поскольку она была заключена в тюрьму Парижским купеческим прево Иль-де-Франса”¹⁴⁰. А в конце акта, вопреки начальной формулировке, выясняется, что сам он “стар и пребывает в величайшей слабости и немоцности”¹⁴¹. Нелогичность, по-видимому, вызвана здесь смешением жанров. Начальные утверждения о добром здравии дарителя взяты из формул завещаний, где они были необходимы. А затем к этой формулировке присоединяли реальное описание дел. Правда, последний акт был составлен, по-видимому, не слишком изощренным мэтром – неким Жаном Эрё, “присяжным заместителем (*substitué juré*) по делам контрактов, заключаемых в Таверни от имени и в отсутствие имеющего на то право Николя Гюйо, клерка и присяжного письмоводителя в городе и округе Монморанси”. Но первый документ, дарение Анселота Шваля и его супруги, составлено в конторе опытного парижского нотариуса Антуана Бержерона.

Указания на болезни и беспомощность есть и в актах группы “Б”. Правда, их всего 9 из 52. Иногда и здесь излагаются подробности. Так, Антуан Шуар из прихода Бюзьер заявил, “что около восьми лет назад после случившегося с ним падения, он потерял слух и по воле Бога пребывает в полной глухоте и великой немоцности тела и духа, в силу чего он не может заботиться и управлять своим добром, дарованным ему милостью Божьей, но пребывающим в запу-

¹³⁸ Y 100, f. 254.

¹³⁹ Y 95, f. 346v.

¹⁴⁰ По всей видимости, речь шла о “cas prevotable” – некоторые преступления (воровство, бродяжничество) были подсудны суду выборного купеческого прево Парижа.

¹⁴¹ Y 94, f. 290v.

стении”¹⁴². Этот акт типологически близок к дарениям по причине старости. Да и даритель, проживающий в деревне (указан приход) уже не молод, его акт адресован детям и внукам.

Мало описать свое тяжелое физическое состояние. Надо еще показать невозможность вести дела. В актах группы “А” так поступает большинство дарителей. *“Не может и не сможет впредь пахать и поддерживать свое наследственное имущество”*, – так говорят даже восьмидесятилетние Жан Окок и Клод Соваж. И только виноградарь Жак д’Орри, с вершины своего девяностопятилетнего возраста, обходится без этого объяснения.

Из всех пожилых людей лишь одиннадцать *не* указали на свою невозможность работать. Примечательно, что кроме Жака д’Орри, крестьян среди них нет. А ведь в группе “А” доля крестьян очень высока. Создается впечатление, что они более прочих склонны к подобного рода объяснениям. Возможно, это связано с определенными социально-психологическими свойствами. Для крестьян возраст сам по себе не служит достаточным основанием уйти на покой и ждать помощи от близких. Но это лишь одно из возможных объяснений. Сама же тенденция представляется вполне выраженной.

Для описания нетрудоспособности используются разные термины. Выделить их социальную окраску сложно. Артур де Бонваль, экуйе, дарит свои земли детям, *“учитывая что указанному дарителю свыше семидесяти лет и он не может ни выносить тягот, ни трудиться над отправлением обязанностей, связанных с передаваемыми землями (ne peult supporter la peine, ne plus vacquer a l’exercice desdictz lieux ainsi donnees)”*¹⁴³. Другой экуйе передает все свое движимое и недвижимое имущество сыновьям, *“будучи стар и дряхл, так что он не может и не сможет вести свое хозяйство и приумножить его (ne pourroit faire valloir et admeliorer ses biens ou temps advenir)”*¹⁴⁴. Крестьяне употребляют глаголы “faire valloir”, “entretenir”, но их специфическим термином было слово *“обрабатывать”* (cultiver)¹⁴⁵. На эту роль мог бы претендовать и глагол “labourer” – *“работать”*, *“пахать”*, но помимо пятерых крестьян его употребляет и парижский мастер-плотник. Зато слово “repper”, “reiner” (словарь В. Гака и Ж. Триомфа находит ему русский эквивалент – *“вкалывать”*) мы можем найти не у крестьян, а у ремесленников (ne repper, ne travailler)¹⁴⁶. Специфику купеческих актов выражает термин *“поддерживать ход торговли”* (entretenir son train de marchan-

---

¹⁴² Y 98, f. 185. Как и в предыдущем случае, этот акт был составлен в Брош-де-Ситри на Марне “присяжным заместителем в отсутствие королевского письменодителя”.

¹⁴³ Y 97, f. 329.

¹⁴⁴ Y 100, f. 167v.

¹⁴⁵ Y 94, f. 290v; Y 100, f. 254.

¹⁴⁶ Y 94, f. 175; Y 94, f. 246.

dise)¹⁴⁷. Но чаще всего жалуются на невозможность “заработать на жизнь” (*gagner sa vie*). Помимо семерых крестьян, виноградарей или их вдов на это жалуются дарители и дарительницы из шести семей ремесленников и стряпчих.

Старость, потеря дееспособности чреват упадком всего хозяйства. Преклонный возраст Паскье Риго и травма правой ноги у его жены лишают их возможности “*впредь хорошо работать, что весьма прискорбно, так как они держат на правах аренды участок и не могут вести на нем хозяйство, пахать, обрабатывать, содержать (faire valoir, labourer cultiver, ne entretenir) и опасаются, что вскоре все придет в упадок и запустение*”¹⁴⁸. Крестьянин Ля Ривьер, “не могущий *впредь обойтись без посторонней помощи*”, совершает дарение, “*поскольку если он сдает свое добро и дом... чужому, он может впасть в великие убытки и нужду на склоне дней своих (dommaige et necessitez)*”¹⁴⁹. Оба этих акта составлены в провинции, однако такие же опасения высказывает и Гильеметта Жугэн, вдова парижского трактирщика, составившая свой акт в Париже в конторе Жака Мюссара¹⁵⁰.

Шестеро пожилых людей говорят о невозможности в будущем обойтись без посторонней помощи и заботы. Для нас очень важно, что ни один из этих актов не адресован детям. Некоторые прямо мотивируют акт своей бездетностью подобно Жану Ококу. Купец из Сен-Жермен-ан-Лэ, например, сознает “*свой преклонный возраст и отсутствие собственных детей (et n’avoir aucuns enfans procreez de son corps)*”¹⁵¹.

Болезни, слабость, потеря трудоспособности, невозможность обойтись без посторонней помощи, страх нищеты – наряду с этими важными причинами составления дарений, существовали и иные мотивации. Уход от дел давал, наконец, возможность подумать о душе. Трижды встречается формула: “*находясь в нужде, желая обеспечить свою жизнь, заняться отныне служением Богу и обеспечить спасение своих душ (desirant pourvoir à leur vies et estoit en nécessité et leurs occuper doresnavant à servir à Dieu et procurer le salut de leurs ames)*”¹⁵².

Более развернута мотивировка четы парижских буржуа: “*учитывая преклонный возраст, изменчивость и непостоянство мира, желая всем своим сердцем повятить остаток дней и жизни служению Богу, желая всячески бежать мира сего и подготовить себя к благой смерти (fuyre et evite cedit monde et eulx disposer a bien mour-*

---

¹⁴⁷ Y 100, f. 100v; Y 97, f. 101v.

¹⁴⁸ Y 100, f. 254.

¹⁴⁹ Y 94, f. 290v.

¹⁵⁰ Y 95, f. 146.

¹⁵¹ Y 94, f. 59; нотариус – Жакессон.

¹⁵² Y 94, f. 246; Y 94, f. 175; Y 98, f. 275.

gir)”¹⁵³. Но это уже акт особого рода: единственное из дарений “по причине старости” (группа “А”), адресованное религиозной корпорации – монастырю дев Божьих (couvent des filles Dieu) в Париже.

В группе “Б” таких актов несколько, однако их мотивировки не столь пространны. Даритель лишь упоминает о своем желании “*участвовать в молитвах и благих делах монастыря*”. В этом отношении примечательна мотивировка Гильеметты Местрю, вдовы парижского буржуа. Она составляет дарение, “*учитывая также неведение [часа] своей смерти, мучения, злодейства и сумятицу, которые она наблюдает каждый день в мире, и которым она не в силах противиться, не искушая Бога и не губя свою душу, [а также] для успокоения и облегчения своей совести и пособления своей персоне* (incertitude de sa mort les peines tribulations et malversations qu’elle voye par chacun jour le monde aussye qu’elle ne peult resister sans offencer Dieu et faire le destreyment de son ame pour le repos et descharge de sa conscience et soulagement de sa personne)”¹⁵⁴. Ее спиритуалистический настрой проявляется даже в типовой, на первый взгляд, формулировке. Она совершает дарение своим дочерям по причине “*дряхлости, старости и слабости и невозможности управлять земным добром* (d’aucuns biens temporelz)”. Нечто подобное по смыслу говорили многие. Но только она говорит об имуществе “земном” (т.е. бренном). Антонимом к этому прилагательному служит “духовный”. Видимо, благами духовными дарительница управлять еще могла¹⁵⁵.

Не будем особо распространяться о характере передаваемых объектов. Можно было бы попытаться установить корреляцию между стоимостью имущества и, скажем, объемом услуг, предоставляемых дарителю. Но у нас слишком мало данных. Понятно, что им всем было что дарить, иначе зачем составлять акты? К примеру, статус Майара Парти прямо так и определен в акте – “*бедный человек*”, но и он передает сыну все свое движимое имущество¹⁵⁶. Другое дело, что трудно определить, передается ли все имущество, или только какая-то его часть. Достаточно часто, особенно в актах группы “Б”, даритель выговаривал за собой права узуфрукта, возможность распоряжаться доходами до конца своих дней. И лишь после дарение становилось окончательной собственностью реципиента.

Рассматривая круг близких, тех, кому адресованы дарения, можно отметить некоторые отличия дарений “по причине старости” (группа “А”) от “договоров содержания” (группа “Б”). Пожилые лю-

---

¹⁵³ Y 98, f. 92; Y 98, f. 92.

¹⁵⁴ Y 98 f. 303; нотариус – Конкет.

¹⁵⁵ Отклонение от нормы порождено смешением жанров. Такие рассуждения обычны для духовных завещаний. Порой термин “biens temporels” употреблялся для обозначения имущества духовного лица.

¹⁵⁶ Y 94, f. 315.

ди в подавляющем большинстве случаев обращаются к своим детям, пасынкам или зятям. В группе “Б” нет такого разительного преобладания. Акты составлялись на имя братьев и сестер, свояков, племянников. Передавалось имущество и монастырям. В группе “А” это уже знакомое нам дарение обители Дев Божьих. В группе “Б” такие акты адресованы четырем женским монастырям и одному мужскому (последний составлен, кстати, женщиной).

Отношения между дарителями (donateurs) и реципиентами (donataires) представлены в таблице 39.

Таблица 39
Адресаты дарений

Группа актов	"А"	"Б"
Дарения по прямой линии	21	18
Дарения дальним родственникам и "посторонним" лицам	6	12
Церковные корпорации	1	5
Число актов	35	52

Кроме того, дарения могли быть адресованы крестникам, соседям, друзьям, коллегам или людям, чьи отношения с дарителем не прояснены в актах (казус Жана Окока). Видимо, прочные связи существовали и в этих случаях. Так, *“почтенная женищина”* Маса Ле Пелетье, *“учитывая преклонный возраст, большую слабость и потерю зрения”*, сообщает, что владеет правами на прилавок, *“установленный в Большом зале Дворца Правосудия близ капеллы, у подножья статуи короля Пипина. Ныне же там торгует Жан де Марн, парижский книготорговец”*¹⁵⁷. Она уже заручилась согласием властей на передачу ему прав на ведение торговли. Со своей стороны, Жан де Марн обязуется содержать дарительницу, передающую ему все свое движимое и недвижимое имущество¹⁵⁸. Мне удалось отыскать не только минуту этого акта, но и духовное завещание, составленное вдовой¹⁵⁹. В нем она назначает Жана де Марна своим душеприказчиком. Давние партнерские отношения подкреплялись доверием.

Дополнительные сведения доступны нам крайне редко. Но учет всех элементов акта может пролить свет на отношение сторон, либо вызвать новые вопросы. Жан Шапле, доктор прав, каноник церкви святого Мартина Турского, *“в настоящее время болеющий в доме прокурора Парламента Пьера де Таверни”*, дарит ему *“все свое*

¹⁵⁷ Речь идет о регалии, за которую было уплачено откупщику королевского домена.

¹⁵⁸ Y 94, f. 296v.

¹⁵⁹ MS. XX. 41.

движимое имущество, золото и серебро, как в монетах, так и в слитках, мантии, подбитые куницей и виверой, и свои долговые расписки, чтобы рассчитаться с означенным Таверни за многие и значительные издержки, расходы на питание (*depense de bouche*), хлопоты, время и труды (*journees, salaires et vacations*), затраченные на указанного дарителя на протяжении тех 20 лет, что он был прокурором, в ведении его процессов и дел”¹⁶⁰. Доверие, порожденное длительным сотрудничеством, вполне объяснимо. Сложнее объяснить другое: ордонанс Виллер-Коттре предписывал регистрацию лишь недвижимого имущества. Для передачи золота и “рухляди” сторонам вполне хватало бы простого нотариального акта. Зачем же они понесли его в Шатле, пошли на дополнительные расходы? Хотел ли больной заручиться дополнительными гарантиями? Или это прокурор страховал себя от притязаний наследников прелата? Мне кажется, что дело было в передаваемом золоте. В ходе Итальянских войн власти прибегали к конфискациям драгоценных металлов у парижских буржуа и некоторых чиновников¹⁶¹. Прокуроры Парламента не пользовались достаточными привилегиями, чтобы избежать этого. Их доходы были на виду. Положение требовало лояльности королевским распоряжениям. В этих условиях хранить дома драгоценности было небезопасно. Война вспыхнула вновь, и от короля ждали финансовых экспериментов¹⁶². Важно было раскрыть источник ценностей, появившихся у прокурора, и тем самым вывести их из-под угрозы конфискации. Регистрация в трибунале королевского прево, похоже, была превентивной мерой.

Отсутствие указаний на родство участников дарения – факт хоть и не частый, но и не удивительный. Но акт, ставший нашей отправной точкой, был в этом отношении исключительным. Оказывается, Жан Окок – единственный из более чем двух десятков крестьян и виноградарей, кто адресует свое дарение “постороннему”. Это отражает особую черту крестьянского поведения. Но также и придает особый интерес к личности Николя Филона, взявшегося ухаживать за престарелым крестьянином. Как мы помним (см. с. 262–263), в 1544 г. Пьер Буссар, экуйе, сеньор де Сет-Фонтен, подарил Николя Филону пять арпанов земли “за хорошее обращение с дарителем как во время болезни, в коей он пребывает до сих пор, так и во время заключения его в тюрьме Шатле”¹⁶³. О самом дарителе сказано: “находясь ныне на одре болезни в предместье Парижа, за воротами

---

¹⁶⁰ Y 98, f. 127.

¹⁶¹ *Versoris N. Livre de raison de Nicolas Versoris, avocat au Parlement de Paris, 1527–1539* / Ed. par G. Fagniez // *Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Île-de-France*. 1885. Vol. 12. P. 99–222.

¹⁶² *Boyer-Xambeu M.-T. et al. Monnaie privée et pouvoir des princes*. P., 1986. P. 151.

¹⁶³ Y 90, f. 10.

Сен-Жак, в доме Жеоль (en l'ostel de la Geole)". Но за год до этого необычного дарения Катрин Ронпале, вдова сеньора де Форж, живущая в Нотр-Дам-де-Шамп "*в доме королевского сержанта юстиции Николя Филона*", дарит ему права на ферму "*в награду за хорошее обхождение и любезности*"¹⁶⁴. В 1547 г. некая Жаклин Анго, вдова из предместья Сен-Жак, дарит права на наследство своих родителей Пьеру Филону, студенту Парижского университета, "*сыну Николя Филона, королевского сержанта в предместьях Сен-Жак и Нотр-Дам-де-Шамп*"¹⁶⁵. Она уступает Пьеру Филону, студенту университета, в присутствии отца "*все права свои на земли и свои права судиться против любой персоны*"¹⁶⁶.

Париж и его окрестности кишели стряпчими и ходатаями всех мастей. Но чтобы кто-нибудь из них брался содержать и лечить своих клиентов, случай достаточно редкий (вспомним больного каноника и его прокурора), и совсем уникальным видится случай, когда подобная практика становится регулярной. Филон не был филантропом – этот владелец скромной должности¹⁶⁷, видимо, добился неплохих шансов дать сыну университетское образование. Но мы можем быть уверены, что в южном пригороде Парижа его уважали. Иначе землепашец Жан Окок из соседней деревни никогда бы не вверил ему свою судьбу.

Дарения должны основываться на доверии. Порой пожилые люди напрямую выражают эти чувства. Вдова дарит имущество, "*доверяясь доброте и честности*" (prudomie) своего сына-крестьянина, "*который всегда помогал ей в ее делах, нуждах и необходимости*"¹⁶⁸. Крестьянину Клоду Соважу "*известна добропорядочность (bonne probité) своего сына, который будет и трудиться изо дня в день (vigillet et travaille)*". Долгожитель Жан Орри-старший объясняет, что в настоящий момент нет никого, кто бы с ним обращался нежнее его сына, Жана Орри-младшего. Выражение доверия может быть и косвенным, через описание услуг и благодеяний. В актах группы "Б" встречаются целые истории. Жиль Шедевиль, клерк-стряпчий, благодарен своим братьям и сестре. С прошлого Сретенья они "*приютили, ухаживали, кормили и содержали его*". "*В продолжение указанного срока он был болен и поныне пребывает в недуге, они же оплачивали его нужды как в лекарствах, так и в других вещах, а также все это время кормили и давали кров тем, кто ухаживал за ним во время болезни*"¹⁶⁹. Крестьянская вдова Жанна Го-

¹⁶⁴ Y 88, f. 337.

¹⁶⁵ Y 93, f. 61v.

¹⁶⁶ MC. LXXIII. 10 (23.07.1547).

¹⁶⁷ Так, например, зятем такого же сержанта юстиции из соседнего предместья Сен-Жермен-де-Пре был простой поденщик (manœuvre). MC. LXXIII. 17 (12.04.1552).

¹⁶⁸ Y 98, f. 275.

¹⁶⁹ Y 97, f. 70v.

дар, адресует дарение мужу своей внучки, приставу Счетной палаты¹⁷⁰. При этом она рассказывает, как ее сын (отец внучки) заболел о дарительнице на протяжении 28 лет, а о ее покойном муже – 17 лет, а когда тот умер в Париже, в доме сына, то был достойно похоронен на его деньги. Последние же два года ее содержит муж внучки и обязуется содержать в будущем¹⁷¹. Крестьянин из окрестностей Конфлана, Пьер Леспревье, сообщает, что вот уже год он болеет в доме сестры и ее мужа. Они *“возили его в Париж показать врачам, чтобы вылечить его, если возможно”*¹⁷². Трудно списать подобное красноречие только на неопытность провинциальных нотариусов, из четырех только что перечисленных актов два последних были составлены в Париже нотариусами Деферкуа и Тибо.

Вспомним, что ничего подобного не встречалось в дарениях студентам. Иногда, но, впрочем, достаточно редко, их благодарили за оказанные ранее “добрые услуги”. Видимо, форма университетского дарения была на редкость устойчивой и самоочевидной для всех участников сделки. Что же касается пожилых дарителей, то их стремление, расставаясь со своим имуществом, по возможности подробно описать мотивы своего поступка, служит косвенным указанием на экстраординарность подобной практики.

Но как и в университетских дарениях, в большинстве дарений “по старости и нетрудоспособности” присутствует формулировка *“по доброй любви и склонности”* (par bone amour et dilection), иногда, впрочем, любовь объявляется еще и *“пылкой”* (fervent). Эта формулировка употребляется даже там, где не только любовь, но и доверие можно поставить под вопрос. Например, в случае, когда стороны долгое время судились друг с другом¹⁷³. Сержант Булонского

---

¹⁷⁰ Пред нами один из примеров социальной мобильности. С вершин парижской чиновной иерархии должность пристава выглядела скромно. Но для крестьянина, пусть даже очень зажиточного, королевская служба означала уже совсем иной уровень престижа. Мы, к сожалению, не знаем, какого статуса добилось второе, промежуточное поколение этой семьи.

¹⁷¹ Y 97, f. 84v.

¹⁷² Y 97, f. 433.

¹⁷³ Y 96, f. 329. Магдалена Борден, проживающая в предместье Пюиссо, добивалась регистрации (l'enterinement) королевских писем, разрешающих отмену ранее составленного контракта. Она вела тяжбу в суде Парижского прево со своим деверем Мишелем Фалезом, стряпчим и прокурором из Пюизо. Некогда вдова совершила в его пользу дарение всего своего имущества, которое она теперь пытается аннулировать. Стороны понесли немалые расходы, пошли к местному письмоводителю и заключили мировую: Фалез дает полный отчет в управлении имуществом и выплачивает остаток, она же возвращает его Фалезу. Примечательна формулировка: *“учитывая хорошее обращение, любезные хлопоты и обхождение (bon traitement amyable sollicitude et curialité), оказываемые ей вышеназванным Фалезом, и в надежде, что он будет так поступать в дальнейшем в болезни, которую Богу было угодно наслать на нее”*. Сумма же, возвращаемая Фалезу, была немалой и составила 500 ливров.

парка Николя Вакет дарит свой дом сестре “в силу природной любви и чтобы вознаградить ее за труды, расходы и услуги”, за время, пока даритель пребывал в тюрьмах Консьержери, Шатле и на епископском подворье. С благодарностью за помощь “с воли” мы уже сталкивались. Но уникальна формулировка: он требует, чтобы сестра приютила, содержала и кормила бы его “согласно его положению и без обмана (*sans fraude*)”¹⁷⁴. Жулничества опасались участники многих нотариальных актов, но среди наших дарений в таком контексте это слово встречается только здесь. Отражает ли оно сложность отношений с сестрой, или это тюрьмы сделали сержанта мнительным?

Таких “экскурсов в прошлое” довольно много среди дарений группы “Б”. Похоже, что здесь они заменяли эксплицитное выражение доверия, характерное для актов пожилых людей.

Перечисление обязательств по отношению к дарителю дает представление о том, какой уход в идеале должны были получать пожилые или нетрудоспособные люди. Более чем в половине актов они стереотипны. В них содержатся требования “кормить” (*nourrir*), “питать” (*alimenter*) либо же “снабжать” (*querir et livrer*), “предоставлять питье, еду, огонь, постель, свет” (*clayrté* либо *lumiere*), “кров” (*hostel*), “одежду”, “обувь”, “белье нательное и постельное” (*linge et lange*) и вообще “все необходимое”. Однако порой обходились кратким: “содержать и кормить”. Вполне возможно, что эти штампы никак не связаны с реальностью. Но если прислушаться к этим требованиям и обязательствам, то что волновало дарителей?

Оказывается, чаще всего встречается мотив достойного обхождения. В полусотне актов дарителя обязуются содержать “достойно, как подобает его положению”. Это еще один штамп, казалось, лишенный реального смысла. Ну, какой такой статус мог быть у жалкого пастуха, живущего на иждивении дяди? Но он требует достойных, “почтенных” похорон¹⁷⁵.

Случайно среди нотариальных актов мне попался договор об ученичестве. Колпачник из предместья Сен-Марсель взял в учение сироту, пяти лет отроду, дочь покойных поденщика-крючника¹⁷⁶ и некоей Сюзанны, “о которой ничего неизвестно”. Но и в этом случае мастер обязуется “содержать и одевать девочку хорошо и достойно, сообразно ее положению”¹⁷⁷. Выходит, достоинство, соответствующее статусу, предполагается и у самого жалкого человека. Ко-

---

¹⁷⁴ Y 97, f. 469.

¹⁷⁵ Y 98, f. 307v.

¹⁷⁶ Les crocheteurs – крючники, грузчики, пользовались в Париже дурной репутацией, сопоставимой с одесскими бендюжниками. В представлениях парижан, это – “дно” общества, люди порочные и агрессивные. См.: Geremek B. Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles. P., 1976.

¹⁷⁷ MS. XXIII. 17, f. 3.

нечно, это один из штампов, но из тех, на которых, быть может, и стоит цивилизация.

Некоторые напрямую апеллируют к норме, требуя относиться к себе так, *“как и должен относиться сын к своим родителям”*. Иногда эта формулировка устанавливает квази-родственные связи. Вдова парижского галантерейщика Жанна Делик требует от Франсуазы Мусель, проживающей с дарительницей, *“относиться к ней так, как и должна хорошая дочь относиться к своей матери”*¹⁷⁸. Но и кровное родство, порой, нуждается в такой отсылке к норме. Сын Перены Эно, парижский буржуа, обещает обходиться с ней *“достойно и с нежностью, как и подобает ее положению и как хороший и истинный сын обязан поступать в отношении своей матери”*¹⁷⁹. Сын обещает крестьянину из Нантулье переехать к нему, *“справедливо и по чести кормить, одевать, содержать, питать, помогать и пособлять своему отцу должным образом на протяжении всей его жизни, как себе самому и даже лучше, как и должен поступать хороший сын по отношению к отцу”*¹⁸⁰.

Такова же и природа требований питаться с одного стола. Повидимому, оно служило “критерием качества” для определения уровня услуг. Слепшая Масе Ле Пелетье так и начинает перечень условий своему партнеру Жану де Марну. Требование совместной трапезы часто подкреплялось требованием совместного проживания. Даже в дарении монастырю крестьянин Ноэль Обэн-старший оговаривает, что его должны *“поселить, разместить и обогреть в здании аббатства, а не в каком-либо ином месте”*¹⁸¹.

Вообще дарения монастырям наиболее подробны. Это вполне понятно, ведь аббатиссы и приорессы были людьми чужими. И даже многочисленные требования содержать дарителей не хуже прочих насельников обители казались недостаточны. Все расписывалось до мелочей. Нотариусам, скорее всего, платил монастырь, поэтому бумаги они не жалели. В дарении Ноэля Обена монотонно перечислялись земли, разбросанные по округе, повторялись закрепительные формулы, говорилось о *“желании участвовать в молитвах, службах и благих делах, творимых ежедневно в аббатстве”*. В итоге акт растянулся на шесть листов. Монахини обязались выделить служителя для ухода за крестьянином, а также обещали кормить его лошадей.

Пожилему буржуа Жану Дюку и его жене парижская обитель Дев Божьих обязуется оставить в пользование их жилье близ монастыря *“и ежедневно выделять хлеб, вино и рацион (pitance) совсем такой же, как и монахиням”*. Из прочих услуг дарителям обещана

---

¹⁷⁸ Y 100, f. 196v.

¹⁷⁹ Y 99, f. 125.

¹⁸⁰ Y 94, f. 141v.

¹⁸¹ Y 95, f. 300.

только стирка белья, а одежду, обувь и отопление они будут обеспечивать самостоятельно¹⁸².

Очень подробно описывает свой рацион вдова Колетта Шовель в дарении августинцам из Ланьи-сюр-Марн. Как и монахам, ей выдается хлеб, вино, рацион, а также “*ежедневно полсетье вина*¹⁸³ к обеду и столько же на ужин”, а в “*субботу и иные дни, когда монахи не имеют обычной порции, они обязаны выдавать дополнительный рацион (pitance compectante)*”. Можно заключить, что такой режим благоприятно сказался на здоровье вдовы. Ведь этот документ был лишь подтверждением акта, сделанного ею восемнадцать лет назад, в 1534 г. Но августинцам это показалось слишком накладно, и ее убили передать еще три виноградаря.

Но наиболее интересен акт Тома Мазе, виноградаря из Сен-Жермен-де-Пре. Он и его жена “*пришли в монастырь Нотр-Дам-де-От-Брюйер... к Луизе Ле Пикар, приорессе, и еще пятерым сестрам, составляющим наиболее здоровую часть означенных монахинь этого приорства. По просьбе супругов они собрались у большой решетки в церкви*¹⁸⁴, где обычно обсуждаются дела указанного приорства”. Посоветовавшись, монахини дали ответ. “*Под звуки рожков (tunble) все собрались у решетки и благоизволили принять дарение*”. Супругов обязывались содержать не хуже монахинь этого ордена, “*выделить дом и жилье, сообразно их достоинству, до конца жизни выдавать им еду и содержание*”. А именно: “*ежегодно 6 мюи вина с виноградариков самого Мазе и по его выбору*¹⁸⁵; мяса сырого или вареного каждый день, а в постные дни – яиц и рыбы, как заведено у монахов их общины; белого хлеба в достатке, как у тех же монахов... дров (топить смотря по погоде и по их желанию), овощей, масла, яиц, сыру, как тем же монахам. А для выхода каждому по свободному платью серого сукна, подбитого панбархатом (fourre de grosse panne), что в просторечии зовется вечерним платьем (robbe de nuit), каждому в год по паре тапок, по две пары башмаков и по паре туфель из черного сукна и прочую необходимую для них одежду, с колпаком и шляпой для указанного Мазе и жакетом... таким, какой он носит ныне”. Монахини за свой счет перевезут их вещи из Парижа в монастырь, и обещают, “*что в*

---

¹⁸² У 98, f. 92.

¹⁸³ Классический сетье Старого порядка, применявшийся для объемов жидкости, был равен восьми пинтам. Если исходить из того, что французская пинта равнялась 0,93 л, то выходит, что к столу вдова получала почти четыре литра вина. Речь, правда, могла идти о каком-нибудь местном сетье.

¹⁸⁴ Grille, Gril – решетка, символически разделявшая в монастырских церквах монахов и представителей внешнего мира. Такая решетка упомянута и в монастыре Дев Божьих.

¹⁸⁵ То есть 1644 л. В день выходило по четыре с половиной литра на двоих. Кстати, в акте упоминается и урожай с виноградариков Тома Мазе. В том году он составил 12 мюи.

случае необходимости за ними будет ухаживать служанка из их общины, опекать их, заботиться, лечить (*medesuner*) и ухаживать в их болезнях подобно тому, как поступают с заболевшим монахом из этого ордена”.

Да, этот акт напоминает страну Кокань: мясо каждый день, вино свое, белый хлеб, прислуга, чистое платье. Но Мазе и его супруга – особые личности, нотариус назвал их “достоинными людьми (*honnestes personnes*)”. Так величали уважаемых горожан – буржуа, судебных, цеховых мастеров. Но чтобы так назвали крестьян или виноградарей, хотя бы и живущих в Париже? Среди зарегистрированных в Шатле актов других примеров я не нашел. Правда, этот акт составлялся не парижским, а провинциальным нотариусом. Во всяком случае, данная ситуация нетривиальна. Но именно поэтому чрезвычайно информативна.

Дарения частным лицам не столь подробны, но и они сообщают важные детали. Крестьянин из окрестностей Конфлана по-своему апеллирует к норме, предписывая “обеспечивать его всей одеждой, обувью и башмаками как сельского жителя (*comme homme de champe et village*)”¹⁸⁶. Восьмидесятилетнему Клоду Соважу обещают ежедневно “пинту вина по мере Сен-Дени”¹⁸⁷ для того, чтобы пить самому”. Катрин Раборен, крестьянская вдова, хочет ко дню Мартина-зимнего получать поросенка стоимостью в 60 турецких су¹⁸⁸. У престарелых горожан, как мы уже видели, могли возникать особые трудности со стиркой – вдова колпачника из Сен-Марсель, “очень старая и в недомогании (*indispose de sa personne*), предписывает стирать и держать чистой свою одежду”¹⁸⁹.

Дарителей удручала перспектива болезней и нарастающей беспомощности. Порой они оговаривали услуги служанки, поводыря или сиделки. “По причине дряхлости своей персоны, слабости и преклонного возраста” Гийеметта Мари требует от своего сына-крестьянина помимо прочего “заботиться о ней в том состоянии, в которое Богу будет угодно ее ввергнуть”. Она, кстати, в преамбуле акта заявляла о намерении посвятить себя Богу и душе¹⁹⁰. Болезни заставляли думать о горнем. Колетта Шовель требовала от августинцев в случае болезни “выделить ей помощь для ухода... и поставлять ей телесную пищу, соответствующую ее недугу”. Получается, что в обычных случаях монастырь дает пищу духовную (это, как мы убедились, не совсем так), в экстренных – телесную. Вспомним термин “*блага земные*” в акте спиритуалистически построенной Гийеметты Местрю. Религиозность Колетты Шовель по-

¹⁸⁶ Y 97, f. 433.

¹⁸⁷ O, 93 л.

¹⁸⁸ Y 97, f. 237.

¹⁸⁹ Y 97, f. 311v.

¹⁹⁰ Y 98, f. 272.

будила ее начать мессы о спасении души еще при жизни. Прочие просили заказать их лишь после своей смерти.

Упоминаются в актах и предметы обихода. Как правило, там, где оговаривается возможность изменения договора. Если дарительнице не понравится жить у сына, она может съехать, *“забрав кровати, пуховые подушки и прочие свои спальные принадлежности (garniture) из его дома, а также большой сундук, скамью со спинкой и одежду”*¹⁹¹. В другом акте также говорилось, что распродаже не подлежали постельные принадлежности и сундучок для одежды. Этого дарителя лишить не могли, даже в случае расторжения договора. Но насколько возможной была такая перспектива?

“Бедная слепая женщина” Андреа Фари дарит виноградику своей крестнице и ее супругу. Они же обещают *“рассматривать настоящее дарение как недействительное, если к ней вернется зрение”*¹⁹². Жанна Делик, как мы помним, требовала от живущей с ней Франсуазы Муссель *“обходиться с ней... как доброй дочери подобает”*. Но *“если указанная Муссель будет поступать иначе, дарение теряет силу”*¹⁹³. Даже девятидесятилетний Жак Орри сохраняет право выбора: *“если же указанный даритель захочет жить не со своим сыном, но переехать куда ему заблагорассудится, то ему тогда положен пенсион в 50 турецких ливров ежегодно”*¹⁹⁴.

Инициатива разрыва контракта может исходить не только от дарителя. Так, вдова парижского буржуа передает аббатству Монмартрскому дом под знаком “Серебряного льва”, по поводу которого ведется тяжба. Монахини берут на себя ведение процесса. Но если дело будет все же проиграно, то и обязательства по уходу за вдовой аннулируются¹⁹⁵. Заслуживает внимания акт Жана Тьерри, викария церкви Брийса. Его брат обязуется *“давать есть и пить, когда заблагорассудится дарителю, и разумно трапезничать (prendre ses refections raisonablement) совместно с ним”*¹⁹⁷. Угощение гарантировано, но в пределах разумного.

Агнес Сюсесвин, вдова парижского буржуа, заключает договор с книгопродавцом Мартином Ру, живущим в одном доме с нею. Тот обязуется выполнять все ее распоряжения, *“достойные и законные”* (luy obeyr en tous ses commandements licites et honnestes)¹⁹⁸. Колетте Шовель августинцы обещают *“помогать и служить в делах*

---

¹⁹¹ Y 96, f. 338.

¹⁹² Y 93, f. 401v.

¹⁹³ Y 100, f. 196v.

¹⁹⁴ Y 97, f. 425v.

¹⁹⁵ Y 96, f. 42.

¹⁹⁶ Этот оборот, возможно, выдает социальную принадлежность дарителя. “Refection” – совместная трапеза в монастыре. Дарители, как мы видели, часто говорили о еде, но никто не употреблял подобного термина.

¹⁹⁷ Y 95, f. 400.

¹⁹⁸ Y 93, f. 356v.

законных, достойных и разумных” (licites honnestes et raisonnables). Вполне вероятно, что эти термины призваны защитить от капризов дарителя.

Требования “содержать достойно”, как “подобает доброму сыну”, конечно, субъективны. Однако в дарениях указываются и вполне конкретные денежные суммы. 50 турецких су в месяц, запрошенные Жаном Ококом “на мелкие расходы” – много это или мало? Об их предназначении говорят сами акты.

Как мы помним из мотивировок, целью многих остается теперь лишь забота о душе. “Карманные деньги” нужны им для богоугодных дел. Так, вдова парижского мастера-каменщика будет получать от сына по три су в неделю на раздачу милостыни (pour faire ses aumônes)¹⁹⁹. Порой по праздникам предусматривались специальные выплаты. Маре Ле Петелье каждое воскресенье будет получать по 12 денье на свои нужды, а в большие праздники по 2 су. Крестьянину Пьеру Пьерэ сын обещает выдавать семь с половиной су по четырем главным праздникам. Это, кстати, минимальная сумма среди выплат “на мелкие расходы”. Четырежды в актах оговаривается выплата 12 денье еженедельно (т.е. 4 су в месяц), 30 су в месяц будут выплачивать престарелому буржуа-галантерейщику, 50 – Жану Ококу и целых 60 – некоей Мари Летелье, названной в акте “honorable personne”. Следовательно, сержант Филон сулил весьма приличные условия нашему крестьянину.

Кроме “карманных денег”, акты иногда говорят о возможной замене “питания и ухода” пенсионом. Часто упоминаются суммы в 30 и в 50 ливров. Это немало (для сравнения – один из дарителей предписывает выделить по 60 ливров своим дочерям, чтобы выдать их замуж или определить в монастырь). Если Перенна Эно, вдова мастера-каменщика, переживет сына, то его наследники будут выплачивать ей по 100 ливров в год²⁰⁰. В наших актах нет суммы, крупнее этой. Самое скромное содержание выговаривает себе Катрин Раборен. Если она не захочет жить у своего сына-священника, то он будет выдавать ей ежегодно по 15 ливров и по одному поросенку. Она также апеллирует к норме, предписывая сыну выдать замуж сестру и “дать ей приданое как дочери доброго крестьянина”.

Похороны, спасение души, поминальные службы – это волновало дарителей не меньше материальных условий существования. “Похоронить в освященной земле”, “достойно положить в могилу”, обеспечить заупокойные службы. Это ядро, сплошь и рядом до-

---

¹⁹⁹ Y 99, f. 125.

²⁰⁰ В акте той самой Мари Летелье, что оговаривала для себя самые большие “карманные деньги”, в аналогичной ситуации наследники человека, взявшегося за ней ухаживать, в случае его преждевременной кончины должны будут выплатить ей 100 экю (т.е. почти 300 ливров) (Y 96, f. 81). Но речь идет не о годовом содержании, а о единовременной выплате (Y 99, f. 125).

полняемое другими требованиями. Порой весьма колоритными. “Лишенный жены” крестьянин Ля Ривьер, как мы помним, говорил, что он здоров и в твердой памяти. Это не мешает ему предвидеть картину своего угасания. Он требует, *“чтобы во время его болезни его исповедовали, соборовали и похоронили в освященной земле, оплатили бы и осуществили его завещание и поминальные обряды в соответствии с волей указанного Ля Ривьера – и все это на средства его детей, вплоть до суммы 4 парижских ливра”*. После его кончины надлежит на каждую годовщину его смерти заказывать малую мессу поминальной службы (*une basse messe d’office requiem*) в церкви Сен-Лу – *“за спасение и облегчение (salut et remede) души его, его покойной жены и его покойных друзей. И для поддержания этой мессы даритель отныне и навсегда передает церкви Сен-Лу 6 парижских су ежегодной вечной ренты”*²⁰¹.

Не всегда, вероятно, полагаясь целиком на своих ближних, они включали в текст документа и договоры с церковными старостами. Как правило, уточнялся характер служб – “полные” (*complectes, solempnelles*), “большие” (*hautes*) и “малые” (*basses*) мессы, литании, праздничные молитвы (*vigiles*) и др. Так, Жанна Патар, вдова колпачника из предместья Сен-Марсель, обязует своего племянника, живущего в Ризе, ежегодно заказывать в местной церкви торжественную службу с тремя псалмами, тремя проповедями (*leçons*) и большую поминальную мессу на день ее смерти. Для чего племянник обязан по договоренности с местными церковными старостами учредить ренту, но эти службы должны непременно быть вписаны в мартиролог церкви Нотр-Дам-де-Риз *“для вечной памяти”*. Этого набожной вдове мало. Она требует от племянника выдавать ей еженедельно по 2 су, *“дабы она заказывала мессу согласно своему благочестию”*. Но и после ее смерти эти мессы не прервутся. Их станет читать преподобный мэтр Дюран, парижский священник, присутствующий при составлении акта. По смерти вдовы он берется служить эту мессу по субботам в церкви Сен-Медар, прихожанкой которой она ныне состоит²⁰². За это он пожизненно может пользоваться комнатой в доме, где ныне обитает дарительница²⁰³. Жанна Патар переехала в провинцию, но она привносит сюда утонченное парижское благочестие – молиться за нее будут не только на новом месте, но и на старом. Причем не кто-нибудь, а ученый со степенью.

Выбор места захоронения волновал старых и немощных – *“там, где укажет даритель”, “в главной монастырской церкви”, “в приходской церкви”*... Но значимо и определение места, где бу-

---

²⁰¹ Y 94, f. 290.

²⁰² Бург Сен-Медар к тому времени слился с пригородом Сен-Марсель, в котором жила дарительница. См.: *Babelon J.-P. Paris au XVIe siècle*. Paris, 1986. P. 249.

²⁰³ Y 97, f. 311v.

дут возноситься поминальные молитвы. Виноградарь Андре Верньюлье просит *“похоронить его на кладбище Аркея в самом подходящем месте”*. Родственники должны будут *«заказать две полных службы так, как это здесь заведено, во время которых будут читаться “vigiles”, три большие мессы и 10 малых»*... *“Надлежит также раздать по 12 парижских денье четырем соседним приходам и братству Нотр-Дам церкви вышеназванного Аркея, чтобы поминались в их молитвах”*²⁰⁴. Эти приходы соответствуют селам, где раскинуты виноградники дарителя – Аркей, Баньо, Жантийи, Вильжюиф.

И все же похоронные обряды и заупокойные службы и благодеяния описываются в наших актах не очень подробно. Это ясно при сопоставлении с текстами духовных завещаний (*“testament”, “codicille”, “dernier volonté”*), которые также иногда регистрировались в Шатле. Пожилые и нетрудоспособные люди склонны скорее называть общие суммы денег, необходимых на исполнение таких завещаний. Размеры их варьируют от 2 су, которые надлежит потратить на завещание крестьянина Клода Соважа, до 200 экю на исполнение *“последней воли”* экуюе Клода де Поммель. Что же, это, по крайней мере, не противоречит общим представлениям о социальной иерархии. Как и вторая по величине сумма (50 ливров), упомянутая Переттой Эно. Мы уже знаем, что она определила себе целых 100 ливров годового содержания. Однако такое соответствие упомянутых сумм нашим представлениям о статусе дарителя отнюдь не было правилом. Если трое крестьян, вдова каменщика и сельский священник выделяют на свои *“завещания”* по 20 ливров, то *“почтенная особа”* Мари Летелье – вдвое меньшую сумму, хотя это она выговорила для себя самую крупную сумму *“карманных”* денег. Еще в пяти дарениях размеры *“завещаний”* колебались от восьми до четырех с половиной ливров. Но есть и более мелкие *“завещания”* в 10, 5 и даже в 2 су, как у Клода Соважа. Вспомним, кстати, что ему в неделю выдавали 12 денье, что не так уж мало для *“menu plaisirs”*. Судя по всему, эти мелкие суммы шли не столько на организацию похорон и заупокойных служб, сколько на раздачу бедным. Об этом прямо и говорят доктор теологии Жан Локуэ или парижский стряпчий Николя Руссо: *“распределить 5 су обычным манером”*²⁰⁵.

До сих пор мы брали примеры из десятков разных актов. Но, полагая, что мы уже могли заметить наличие в них индивидуального начала. Многие акты заслуживают того, чтобы быть прочитанными полностью, настолько важен в них каждый штрих. Остановимся на судьбе Кристофа Креспина.

Этот пекарь, проживающий в предместьях Парижа, за воротами Сен-Дени, заявил нотариусам, что *“ему принадлежат на закон-*

²⁰⁴ Y 98, f. 137.

²⁰⁵ Y 95, f. 337v.

ном основании (*à juste tiltre*) некое движимое имущество, долговые обязательства и треть наследственного недвижимого имущества, а именно: дом, двор, колодец, огород (*marais*) в предместье Сен-Дени, на доме висит обычно лик святого Иоанна Крестителя”. Еще один дом, приобретенный Мартеном Креспином (возможно, отцом дарителя) на шоссе в цензиве [монастыря] Дев Божьих, другой дом там же и еще один дом с хлебом и огородом в соседнем предместье Сен-Лоран, неподалеку от канавы святой Маглуары (*esgoulx de Sainte Magloire*). Далее “он говорит и утверждает, что из-за слабости и бессилия, в кои он впал вследствие недуга (*infirmité* *qu’il a supportées et supporte*), он не может ни зарабатывать на жизнь, ни содержать себя, ни работать, ни управляться в будущем без посторонней помощи. Поэтому платежи за указанные имущества не вносятся, повседневные улучшения и работы по поддержанию не ведутся должным образом. Если же их сдать чужим людям, это не принесет ему больших выгод и не обеспечит привычного содержания, и он впадет в... нищету, убытки и разорение (*dommages et intérêts*)”. Посему он, посоветовавшись со своими родственниками, близкими (*confederez*) и друзьями дарит свое имущество Жаку Удену, мэтру-пекарю и его жене Изабо Креспин, своей сестре, “по причине расположения, доверия, и особой близости... а также за разнообразную помощь, услуги, дружеское расположение и любезность (*privaultez*), по каковой причине он доверяет им более, чем прочим персонам...”. Со своей стороны, они обязуются за ним “ухаживать и обеспечивать... все его потребности в питье и еде, в тепле, жилье и освещении; обходиться с ним мягко как в здравии, так и в болезни, в каком бы состоянии он ни пребывал, как и подобает – достойно и с нежностью, как и надлежит положению указанного дарителя. И каждое воскресенье выдавать ему по 12 турецких денег, а также ежегодно в течение всей его жизни откармливать двух поросят”. Аппеллируя к норме, супруги обещают содержать поросят не хуже, чем своих собственных. По осени их будет продавать сам Кристоф Креспин. Вырученные деньги потратят ему на одежду, жилье и содержание. Он также “вправе по своему усмотрению распродать имущество, находящееся в его комнате, за исключением кровати, постели, подушки, одеяла, балдахина, белья и сукна, сундука, куда складывают его одежду и белье, и постельной грелки (*basupoine*)”. Все это надлежит перевезти в комнату, где он будет жить, дабы это досталось указанным супругам. “Деньги же от распродажи пойдут на закупку поросят и иных вещей, по его усмотрению. В конце дней дарителя обязаны похоронить в святой земле и выполнить его завещание в пределах суммы в 100 су – все за счет указанных супругов сразу же после его кончины”²⁰⁶.

---

²⁰⁶ Y 98, f. 151.

Удивляет концентрация всех черт, ранее “выуженных” нами из десятков актов. Воссоздание конкретности бытия здесь вполне достойно Питера Брейгеля. Все очень жизненно: мирок родственников-пекарей из северных предместий Парижа, дома и огороды, приютившиеся между городской сточной канавой и шоссе, увлечение свиноводством, без которого жизнь немыслима даже на покое²⁰⁷. Но положение Креспина было далеким от идиллии.

Данный акт составлен 2 июня 1551 г., но зарегистрирован лишь через год. Второе же дарение Креспина, составленное позже, 28 марта 1552 г. прошло регистрацию очень быстро – уже 4 апреля. Что же заставило его участников спешить?

На сей раз Кристоф Креспин (названный почему-то не пекарем, а подмастерьем пекаря), адресует дарение Жану Бенуа, также пекарю из предместья Сен-Дени, но уже именуемому “marchant” (т.е. более престижным “титолом”), а также церкви Сен-Лоран в Париже²⁰⁸. Им он дарит свою долю прав на три дома, из которых два расположены близ ворот Сен-Дени, а третий – в предместье Сен-Мартен. Жан Бенуа и церковная община, к которым даритель *“питаает глубокую любовь”*, обязуются *“кормить его хорошо и достойно и обходиться с ним с мягкостью. Когда же он умрет, похоронить, заказать три полные службы и обеспечить шесть светильников (torches) по полтора фунта и шесть свечей (sierges) по пять фунтов: четыре вокруг тела и две сверху”*. А также заплатить 20 су братству Сен-Николя в указанной церкви Сен-Лоран *“для путешествия в церковь Сен-Фиакр в Бри..”*. О цели этого путешествия не сообщается (видимо, там надлежало отслужить поминальные службы), но порядок молебнов в церкви Сен-Лоран описан подробно. Церковные старосты обязуются определенные мессы служить в определенных притворах, уточняется, сколько денег получит каждый из участников, определяется распорядок и продолжительность служб. Например, малая месса будет заказываться на протяжении шести лет со дня его кончины. Есть и еще одно важное указание: Жан Бенуа и церковные старосты обязуются также выступить прокурорами на процессе Креспина против его зятя (фамилия в тексте пропущена, возможно, клерк Шатле ее не разобрал) *“в связи с опротестованием некоего якобы свершенного дарения”*²⁰⁹.

---

²⁰⁷ В этом также живая примета времени. Пекари и мельники стали основными поставщиками свинины для городов. Только они легко разрешали обострившуюся проблему кормов. См.: Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. Л., 1979. С. 38.

²⁰⁸ Церковь Сен-Лоран, давшая название небольшому предместью, находилась не в Париже, а уже за городскими воротами Сен-Дени и Сен-Мартен, по другую сторону канала.

²⁰⁹ Y 97, f. 300.

Вероятнее всего речь идет об отмене дарения Жаку Удену. Ведь там передаются те же три дома. И нас не должно смущать, что в первом акте дом находится в предместье Сен-Лоран, а во втором – Сен-Мартен, они ведь перетекали одно в другое. Единство стиля очевидно – все то же стремление вникнуть в детали. Вот только в августе 1551 г. Креспина еще волновали перспективы откорма поросят. В марте следующего года его более занимает организация поминальных служб. Увы, такая смена настроения была обоснованной, о чем свидетельствуют регистры Шатле. Первый акт регистрировался дважды: первый раз в июне 1552 г.²¹⁰, а второй раз абсолютно идентичный текст был зарегистрирован в ноябре того же года²¹¹. Однако следом за ним воспроизводился текст другого акта, составленного 8 августа 1552 г. Жак Уден и его супруга составляют дарственную некоему Люку Удену (как водится, пекарю из предместья Сен-Дени), выступавшему в роли опекуна и представителя интересов Мари Уден, дочери указанных супругов. Они делают это на правах наследников покойного *Кристофа Креспина*. Опекуну²¹² и поручалось завершить регистрацию всех документов. Любопытно, что в этом акте нет речи о каком-то судебном процессе по поводу наследства Креспина. Быть может, хлебопеки из одного предместья как-то договорились между собой? В пользу этого свидетельствует дата регистрации второго документа – 11 ноября 1552 г., тогда как составлен он был еще в августе. Если бы велась тяжба, Удены постарались бы как можно скорее придать полную законность этому акту.

Мы вправе теперь вернуться к щекотливому вопросу о доверии ламентациям дарителей, их высказываниям и предписаниям. Очевидно, что они и в данном случае были опутаны сетью разных принуждений: нормами кутюмного права, формулами учебников по нотариальной практике, требованиями “парижского стиля” делопроизводства, произволом нотариусов. Впрочем, оба столь близких по стилю акта Креспина были составлены разными нотариусами (Жаком Леклерком в первом акте и Клодом Алле (Hallé) во втором). Похоже, что не слишком ученый пекарь из северной окраины Парижа мог в нотариальном акте запечатлеть отпечаток своей индивидуальности более полно, чем какой-нибудь адвокат или прокурор в своих университетских дарениях. Наверное, дело заключалось не только в особенностях характера Креспина (хотя и в них тоже), но и в том, что дарения по причине старости и нетрудоспособности были случаем относительно редким и потому представляли из себя менее

---

²¹⁰ Y 97, f. 471.

²¹¹ Y 98, f. 151.

²¹² То, что опекун (*tuteur et curateur*) назначался при живых родителях, не должно нас удивлять. Имущественные отношения между родителями и несовершеннолетними детьми оформлялись при посредничестве какого-нибудь родственника, представлявшего интересы детей.

“клишированную” форму. Нотариусы не обладали готовыми формами, чтобы предложить, а то и навязать их своим клиентам (во всяком случае, подобные образцы вряд ли были наготове в каждой конторе, наподобие формуляров университетских дарений). Правда, провинциальные нотариусы отличались от парижан и в этом случае: многие из цитированных мной пространных мотивировок свершаемых дарений были записаны какими-нибудь заместителями присяжных писмоводителей из отдаленных приходов. Но контраст между Парижем и провинцией в этой группе актов был не столь разителен, как в случае с мотивировками университетских дарений. Парижские нотариусы в “дарениях по причине старости” также могли оказывать весьма многословными. Впрочем, у нас не так много дарений нетрудоспособных лиц, чтобы распознавать “почерк” того или иного нотариуса (за исключением, быть может, Жана Крюсе). Создается впечатление, что роль нотариусов была в данном случае более пассивной, чем при составлении “университетских дарений”, они скорее сдерживали поток красноречия дарителей, пытаясь ввести его в рамки. Вернемся к казусу Кристофа Креспина. Ему была предложена расхожая формула, предписывающая обеспечивать его потребности в еде, питье, одежде и жилье. Она была включена в акт, но дальше воспроизводились пожелания дарителя насчет поросят и распродажи мебели, что рождало некое противоречие. Выходило так, что зять брал Креспина не на полное обеспечение, на что-то ему еще предстояло заработать. Нотариус предлагал штампы, даритель принимал их, но продолжал твердить о своем. Дотошность Креспина удивляет лишь в данном контексте. В духовном завещании, например, подробное перечисление свечей во время поминальной службы было в порядке вещей. Свобода выбора здесь, как и в других явлениях культуры, зачастую была свободой выбора штампов. Можно было также “играть” формой акта: придать ему вид имущественной сделки, соединить дарение с духовным завещанием или с брачным контрактом.

Вот один из таких комбинированных актов. Николя Лом женится на Клеманс де Риак, *“дочери королевского сержанта сенешальства Лионского, отсутствующего в Париже вот уже 12 лет”*. Невеста проживает со своей матерью, Клодой Ле Бег, в доме адвоката Шарля Галоппа. После стандартного описания денежного вклада сторон в контракт неожиданно включается дарение Жанны Даниель, вдовы парижского буржуа Пьера Мерсье, которая *“будучи старой и беспомощной, чтобы впредь работать, а также питая склонность к Шарлю Галоппу и зная его расположение к вышеназванной паре”*, дарит молодым свое движимое имущество, *“находящееся ныне в доме, где она проживает, и который принадлежит указанному Галоппу”*. За это молодожены обещали поселить вдову у себя, *“хорошо и достойно”* кормить и содержать и выдавать ей ежегодно по 30 турецких ливров, никакой платы с нее не брать, а, на-

оборот, рассчитаться за нее все с тем же Шарлем Галоппом²¹³. “Круг близких” выглядит странно: жена пропавшего сержанта, ее квартирохозяин-адвокат, хорошо относящийся к ее дочери и жениху, наконец, вдова, которая также снимает у адвоката жилье и считает его мнение достаточным, чтобы вверить свою старость посторонним людям. Соединение брачного контракта с договором о содержании есть еще в двух актах. И хотя там речь идет об обязательствах содержать кого-нибудь из родственников невесты, они также достаточно запутанны. Есть и иные формы актов, где сразу и не разберешь, кто именно даритель. Существовали, кроме того, и “обратные дарения” (те акты, где вполне деятельный даритель передавал какое-то имущество престарелому или нетрудоспособному “реципиенту”), и акты, где улаживались давние судебные тяжбы...

Дарители могли употреблять особую формулировку – “*en droit jugement*” (*по праву решения*). Она как бы высвобождала из-под действия обычного права, позволяя, например, вносить существенные изменения в порядок наследования. Знакомство с другими сериями дарений показывает, что такие акты весьма информативны. Попав в несколько необычную ситуацию, человек старался подробнее объяснить себе, нотариусу, судьям мотивы и обстоятельства своего решения.

Но ведь все наши дарения сами по себе суть отступление от нормы. Они повествуют о вещах, обычно не обсуждаемых. Все-таки подобный акт – не какая-нибудь закладная. Это важное и редкое событие в жизни человека. Причем, как мы поняли, далеко не каждого. Хотя бы в силу того, что до беспомощной старости доживали по-прежнему весьма немногие. Дарители оказывались в исключительной ситуации. Предписания обычного права были невняты, приходилось действовать на свой страх и риск. Уже поэтому они волновались. Люди они в основном или старые или больные. Их взволнованный голос слышится то в нравоучениях, то в благочестивых фразах, то в рассказах о злоключениях и переживаниях. Трудно сказать, перед кем они разыгрывали спектакль, но они его разыгрывали часто. Это тем более ценно, что, как мы помним, каждый новый лист, исписанный нотариусом, стоил немалых денег.

Такое состояние дарителя прекрасно передал Тургенев в рассказе “Степной король Лир”. Колоритный и немного сумасбродный помещик составляет на имя дочерей и зятя дарственную, удивительно похожую на наши. “*Отставной штык-юнкер и столбовой дворянин Мартын Харлов заявляет перед свидетелями: Становлюсь я стар, немощи одолевают... И потому... не желая, чтобы смерть меня врасплох застала, положил я в уме своем...*”. Несмотря на весь пафос, Мартын Петрович слово в слово повторяет фразу, произнесенную ранее в частной беседе. Текст акта пестрит архаизмами, со-

---

²¹³ У 94, f. 89.

четаемыми со стремлением описывать детали передаваемого имущества. Что вызывает комментарий: *“Это ихняя бумажка, – шепнул с неизменной своей улыбочкой исправник. – Они ее для красоты слога прочитать желают, а законный акт составлен по форме, безо всяких этих цветочков...”* «Себе Мартын Петрович предоставлял право жить в занимаемых им комнатах и выговаривал себе, под именем “опричного”, полное содержание “натуральной провизией” и десять рублей ассигнациями в месяц на обувь и одежду. Последнюю фразу раздельного акта Харлов пожелал прочесть сам. *“И сию мою родительскую волю, – гласила она, – дочерям моим исполнять и наблюдать свято и нерушимо, яко заповедь, ибо я после Бога им отец и глава... и будут они волю мою исполнять, то будет с ними мое родительское благословение, а не будут волю мою исполнять, чего Боже оборони, то постигнет их моя родительская неключимая клятва, ныне и во веки веков, аминь!”*»²¹⁴

Мы вправе верить жизненности этой сцены. Ведь Тургенев консультировался у опытных стряпчих Орловской губернии. Тургеневская ситуация отличалась от рассматриваемых нами казусов лишь в одном. В николаевской России бюрократия продвинулась вперед в своем унификаторском рвении. Стряпчие составляют два акта – один для самого Харлова и публики, другой – для формы. *“Только форму, вы знаете, Мартын Петрович, никак обойти нельзя. И лишние подробности устранены. Ибо в пегих коров и турецких селезней палата никаким образом входить не может”*. А во Франции времен Кристофа Креспина парижский прево селезнями хоть и не интересовался, но и полного единообразия добиваться не хотел, да и не мог. Главное, чтобы дарения были зарегистрированы и уплачены деньги.

Характерно, что при всей эксцентричности даритель выражается штампами. Но штампами устарелыми, архаичными. Оригинальность и наших дарителей проявляется в употреблении не тех штампов не в том месте. Они могли искать их сами или выбирать из вариантов, предложенных нотариусом. Это было совместное напряженное творчество.

Что касается штампов, то они важны сами по себе, не менее, чем стереотипные мотивации университетских дарений. Важны для нас, поскольку дают представления о базовых основах культуры (через стереотип “достойного положения”, через апелляции к норме). Важны для дарителей, поскольку формируют идеал, воздействующий на поведение сторон. Кроме того, через штампы осуществлялось самовыражение дарителя. У нас немало нестандартных оборотов, оригинальных актов. Это не всегда означает, что нотариусы и клиенты творили нечто новое.

---

²¹⁴ Тургенев И.С. Степной король Лир // Собр. соч. Т. 9.

Впрочем, в некоторых случаях достаточно ясно видны следы работы самого дарителя, его авторский стиль. Мне удалось выделить три таких документа, явно выпадающие из нашего достаточно пестрого ряда дарений. Доктор теологии Жан Локуэ хочет одарить своего племянника, “испытывающего великую немощь глухоты”, и составляет дарственную самостоятельно, и только спустя некоторое время несет ее к нотариусам. При этом выясняется, что он сам весьма стар, и страдает слабой памятью, чем объясняется то, что он по забывчивости подарил уже подаренное имущество бедным школярам родной коллегии. Эта ситуация вскрыла целую серию скандалов, связанных с престарелым богословом. В результате стороны сделки обменялись ролями: в конце концов сам “немощный” племянник берет Жана Локуэ на свое попечение в обмен на дарение принадлежащего ему дома²¹⁵. Как классифицировать этот акт? Тема старости здесь присутствует. Но она отнюдь не в центре внимания, и никто не ставит под вопрос работоспособность дарителя. Напротив, это он помогает беспомощному племяннику. Ни провалы в памяти, ни трудности с письмом не мешают ему продолжать числиться на факультете — он ведь и во втором акте назван “*ведущим доктором*” (*docteur-regent*). Кстати, отправить на покой престарелого интеллектуала всегда было мучительной проблемой и для Парижского Парламента²¹⁶.

Другой теолог, гораздо более известный, чем Локуэ, декан факультета Николь Леклерк передает свой дом племяннице и ее мужу, советнику Парламента, которые “в течении двадцати трех последних лет проживают совместно с указанным Леклерком и обращаются с ним мягко и человечно (*le traitant doucement et humanement*), помогая ему вести процессы против своих племянников, заботясь о нем в его болезнях и прочих текущих нуждах”²¹⁷. Далее следовало захватывающее изложение истории злодеяний племянников. Для этого декану потребовалось целых пять листов ин-фолио, а затем еще пять актов, дополняющих первое дарение. Рисуемый в дарении образ немощного старца, нуждающегося в уходе, находится в разительном контрасте с той кипучей энергией, с которой теолог ведет борьбу со своими могущественными обидчиками.

Пьер Галланд, “лектор короля в Парижском университете”, передает некоторое имущество канонику Терруаны, “чтобы отплатить ему за оказанные тем любезные услуги, а также потому, что он теперь старый и болезненный, и дабы он лучше смог прожить свои дни и поддержать свое состояние”²¹⁸. Интересных особенностей

---

²¹⁵ Y 97, f. 220v.

²¹⁶ *Autrond F.* La force de l'âge: Jeunesse et vieillesse au service de l'état en France aux XIVe et XVe siècles // *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions & belles-lettres.* 1985 (janvier-mars). P. 205–223.

²¹⁷ Y 93, f. 51.

²¹⁸ Y 98, f. 121.

здесь две. “Отблагодарить за услуги” хотят во многих актах, их намного больше, чем наших дарений. Но чрезвычайно редко вознаграждение связывается с темой старости. Кроме того, мы легко заметим отсутствие привычного нам объявления о невозможности более трудиться. Дело в том, что Пьер Галланд – первый преподаватель “красноречия” в университете, гуманист, сделавший в университете успешную карьеру как в качестве “королевского лектора”, так и на посту руководителя (принципала) коллегии Бонкур.

Во всех трех случаях некоторая нестандартность нотариального акта соответствовала в той или иной степени личности экстраординарной, о чем мы еще будем достаточно подробно говорить.

Но существовала и обратная связь. На основании колоритного акта мы можем многое сказать о личности дарителя, даже если о нем не сохранилось иных свидетельств. Однако мы убедились, что рассуждения подобного рода возможны только при наличии серии однотипных документов. Для того, чтобы назвать что-то из ряда вон выходящим, надо сначала построить этот ряд. Определить заданные для самовыражения рамки, чтобы оценить индивидуальную стратегию и тактику нотариального поведения.

Обращает на себя внимание стремление укоренить свой акт не только в пространстве, но и во времени. Даритель устремляется мыслями в будущее, представляя конец своей земной жизни и начало небесной. Описывает свое актуальное плачевное состояние и взаимоотношения с близкими. Рассказывает, как арестовали его жену, как когда-то он упал с лошади, как десять лет назад супруга сломала ногу, как помогали или, наоборот, обманывали родственники.

В регистрах Шатле можно найти на эту тему немало развернутых рассказов детективного жанра. Например, злосключения молодой вдовы Жанны Пикард²¹⁹, или повествование Шарля Дюмулена о коварстве своего брата. Жесткая заданная форма акта не мешает хотя бы части дарений конструироваться по законам нарративного жанра. Подобная повествовательная логика раскрыта Нэтэли Дэвис в исследовании, посвященном прошениям о помиловании. Они так же составлялись дарителями в соавторстве с клерками, так же пестрели стереотипами. Но при этом сохраняли индивидуальность и ин-

---

²¹⁹ Жанна Пикард рассказывала, как в день святого Лаврентия она, будучи беременной на девятом месяце, отправилась со своим мужем-шорником на ярмарку. По дороге они подверглись нападению, и муж был убит. Ее отец-крестьянин на следующий день “вместо того, чтобы оказать ей поддержку и утешение”, заставил письменно отказаться от всех своих прав, а затем выгнал из дому. “Оставленная своими родными, она побиралась, бродяжничала, лишенная всяких средств”. Ее подобрал инспектор Монетного двора (*garde de monnaie*) Ферри Ошекорн. Он забрал ее к себе домой, где она разрешилась от бремени, крестил ребенка и содержал их, возбудив в суде дело против убийцы мужа и против отца. Дарительница же отказывается от всех своих прав в пользу благодетеля (Y 94, f. 308v).

формировали как о реальном положении вещей, так и о неких общественных ценностях. Ею подмечена черта, отчасти свойственная и нашим актам. Почти каждый документ – не просто рассказ, но, как у Чосера, “рассказ мельника”, “рассказ купца”... Он лежит в русле средневекового тропа “*Estat du monde*”²²⁰. Если для построения полной картины “Сословий мира” данных у нас маловато, то наличие характерных социальных свойств в дарениях крестьян вполне очевидно. Нечто подобное мы можем предполагать в актах “буржуа и торговцев”, определенные социальные черты проявляются и в дарениях священников.

Итак, мы можем на основании заявлений или умолчаний дарителей попытаться воссоздать фрагменты реальности.

О своем страхе остаться без посторонней помощи говорят только те, кто не адресует дарения детям. Это может указывать на большую, нежели сейчас, уверенность стариков, что при живых детях их не бросят. Следующее наблюдение касается крестьян. Создается впечатление, что в первую очередь именно они с возрастом теряли способность продолжать свою деятельность. Во всяком случае, они склонны говорить об этом чаще прочих. Оно и понятно: землю пахать – не в Сорбонне читать. Но крестьяне также менее других склонны считать преклонный возраст достаточным основанием для ухода от дел. Им надо непременно указать на свои болезни и немощи.

Значимы и умолчания. Уходящие на покой люди порой перечисляют все свои потребности. Но ни один не упоминает о необходимости продолжать общение с ровесниками, друзьями, соседями. Те, кто будет жить при монастырях, казалось, могли бы оговорить возможности свиданий с близкими. Но этого нет. Примечательно также, что хотя женщины и составили треть всех наших актов, никаких специфических “женских” черт не удалось обнаружить ни в одном из элементов дарений (кроме разве что оговоренной пару раз помощи в стирке белья).

И еще одно наблюдение. Достаточно часто акты адресованы сразу нескольким детям и их супругам. Но нигде не оговорено, как будут распределены обязательства по уходу (например, жить старик мог бы у сына, а деньги брать у зятя). Значило ли это, что обязанность содержать родителей признавалась нормой всеми детьми?

Наши дарители сплошь и рядом испытывали трудности. Многочисленны были конфликты и недоразумения. Иначе бы и не составлялись акты. Но из них вырисовывается некий идеальный образ старости. Пожилой (или еще нестарый, но нетрудоспособный) человек, отстранившись от дел, живет в окружении своих близких (детей, братьев). Но никто не ограничивает его свободу выбора. По жела-

---

²²⁰ Davis N. Zemon. Pour sauver sa vie: Les récits de pardon au XVI siècle. P., 1988. P. 102.

нию он может и сменить, скажем, парижскую суету на сельскую жизнь. Но он знает, что не останется без ухода в старости. Он живет, если не лучше, то уж никак не хуже тех, кто теперь ведает всем хозяйством, разделяя их стол и кров. Он “достойно одет”, так, как привык одеваться всегда, согласно своему статусу. Он сохраняет свой привычный режим питания, куда входит доброе вино в количестве, вызывающем у нас уважение²²¹, белый хлеб, свинина, а в постные дни яйца и рыба. Ему обеспечен уход по болезни – консультации у врачей (если надо, к нему привезут хороших медиков или самого доставят к ним), сиделка, лекарства, особое питание. Он уже не распоряжается свободно семейным имуществом, но у него есть деньги на мелкие расходы. Отойдя от суетности греховного мира, он все больше думает о душе и Боге. Раздает милостыню, часто ходит в церковь, заранее выбирает место для могилы, составляет духовное завещание, заботится о порядке чтения заупокойных молитв, поминальных служб. Впрочем, он может еще и помогать младшим членам семьи, внести свой вклад в приданое дочери или внуки. Сквозь заботы об удовлетворении материальных потребностей и о спасении души проступает стремление “сохранить лицо” – хорошо выглядеть в глазах людей. Достойно и чисто одеваться, быть похороненным с подобающей торжественностью. Последний (и предпоследний) этапы жизни обустройства как публичное деяние.

Кроме общего идеала, дарения отражают некие специфические социальные черты. Лучше всего они проявляются в актах крестьян и виноградарей (даже тех из них, кто жил в самом Париже или его предместьях). Крестьяне вообще больше других групп склонны в эксплицитной форме выражать некие идеальные представления о старости. Подобная особенность крестьянских актов наблюдается, как мы убедились, и на материале университетских дарений.

И, наконец, как мы видим, дарения сугубо индивидуальны. Они помимо воли авторов выражают какие-то сокровенные и неповторимые черты их личности. Причем индивидуальные особенности Жана Окока могут быть поняты и раскрыты лишь в контексте всех прочих актов. Однако через эту уникальность мы можем подняться до каких-то обобщений о крестьянских дарениях, о принятых в обществе культурных стереотипах.

---

²²¹ В литературе XVI в. одной из традиционных инвектив в адрес стариков было обвинение в пьянстве. Это мы можем найти у столь отличных друг от друга авторов, как Эразм, Рабле и Кастильоне. Антонио Гевара, епископ Кадиса, в ответ на подобные упреки ссылаясь на опыт древних готов, которые имели обыкновение выпивать столько кубков вина, сколько им было лет (*Antonio de Guevara. L'Horloge des princes. P., 1588. P. 305*). Медицинские теории того времени поощряли стариков к потреблению вина как к средству от потери тепла и влажности, которые характеризовали процесс старения (*Bacon Fr. De augmentins scientiarum // Philosophical Work / Ed. J. Robertson. L., 1905*).

Если же соотнести результаты нашего исследования с историографическим контекстом, то становится ясным, что представления о “жестокости” XVI в. по отношению к старикам основаны лишь на литературной традиции, на карикатуре. Старость, во всяком случае, идеальный ее образ, запечатленный в нотариальных формулировках, может оказаться не лишенным определенной величественности и достоинства. Страшна была лишь одинокая старость: если умирали родственники. Особые проблемы возникали у людей, занятых физическим трудом, в первую очередь у крестьян. Вместе с тем, наши данные, скорее, подтверждают, чем опровергают тезис об отсутствии особой социальной группы пожилых людей, а также об отсутствии определенной социальной рефлексии по этому поводу. Не случайно нам порой очень трудно было отделить дарения группы “А” от дарений группы “Б”, лишь отдельные обороты в формулировках нотариальных актов могут быть истолкованы как специфически “стариковские”. В остальном же речь шла о помощи человеку, лишенному трудоспособности и самостоятельности независимо от его возраста. В любом случае, для француза XVI в. реальность смерти затмевала весьма проблематичное доживание до старости. Если оставаться в рамках нашего источника, то объективным доказательством этого высказывания может служить подавляющее преобладание завещаний над дарениями по причине старости, даже в регистрах Шатле. Субъективным же подтверждением является стереотипная фраза большинства завещаний: *“полагая, что нет ничего более ясного, чем смерть, и ничего более неясного, чем день и час ее”*.

КРАТКИЕ ИТОГИ РЕКОНСТРУКЦИЙ НА ОСНОВЕ НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

*Двустороннее творчество. – Индивидуальность через стереотипы. –
О пользе исключений*

Итак, мы рассмотрели различные стороны нотариальной практики: способы составления нотариального акта (в частности, университетского дарения), выбор формы мотивации этого дарения и составление дарений по причине старости. Мы могли бы и дальше продолжать эти реконструкции, но, по-видимому, главное мы уже ухватили: составление акта было, как минимум, двусторонним творчеством клиента и нотариуса. Причем роль “нотариального принуждения” была весьма существенной, особенно в Париже. Но, несмотря на это, а, может быть, и благодаря этому, нотариальные акты являются средоточием стихии эмпирической реальности, стереотипных (“ментальных”) установок в обществе и личной неповторимости составителя акта. Иными словами, мы можем “считывать” с нотариального акта информацию о “материальной реальности”, обще-

ственных ценностных ориентациях и индивидуальных особенностях человека. Нотариальная практика при этом, конечно, социально окрашена. Мы не беремся утверждать, что она несет на себе отпечаток “объективной” социальной иерархии или же она сама творит, на свой манер, эту социальную иерархию, но, во всяком случае, взаимная зависимость этих двух явлений несомненна. Так, если бы мы ничего не знали из первой главы о том, кто такие землепашцы (*laboueurs*), то только на основании того, как эти люди мотивируют доверенность студентам и формулируют дарения по старости, мы бы выделили их в отдельную социальную группу.

Но теперь мы можем, наконец, резюмировать те наблюдения, которые, как мне кажется, не могли пройти незамеченными. При том, что общим, но недостижимым идеалом при составлении актов была их унификация, тем не менее в каждом случае наиболее ценную для нас информацию содержали именно исключения, некоторые выпадающие из нормы казусы. Причем они интересны не только сами по себе, но имеют значение и как источники, которые могут пролить свет на обычно сокрытые стороны социальной практики. Почему-то они притягивают к себе внимание; и, как мы уже убедились, речь идет не только о праздном любопытстве исследователя. Уникальные случаи медика Жана Лестеля и Дени Ле Ру, о которых уже шла речь (см. с. 273–275), вскрывают побудительные мотивы, двигавшие значительной частью дарителей. Косноязычное красноречие виноградарей из Шабли, помноженное на неопытность провинциального письмоводителя, оказывается драгоценной амальгамой для реконструкции представлений о ценности университетского образования. А чего стоят лишь напыщенная фраза провинциального юриста о “плоде знания” или проговорка о проникновении в мир “людей знания”! И, наконец, именно исключительный казус Жана Окока послужил отправной точкой для нашего этюда о старости, где наиболее информативными для нас были исключительные случаи, такие как случай Кристофа Креспина.

Но для того, чтобы понять, насколько исключителен казус того же Жана Окока (это единственный из крестьян, доверившийся постороннему человеку, к тому же без подробной мотивации причин своего дарения, получавший одну из самых солидных сумм на личные нужды), следует поставить его в контекст других подобных актов, выстроить типологический ряд.

Как соотносятся “из ряда вон выходящие” люди с тем самым рядом, из которого они выходят? На чем основано наше убеждение о взаимной информативности этих двух “составляющих” (ряд–отклонение)? Что стоит за этими исключениями из правил? Ответить на эти вопросы мы попытаемся на основании иной источниковой базы.

ЛЮДИ И КАЗУСЫ. МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Еще раз о микроистории. – Казусный подход. – Проблема “плотного описания” или в погоне за “полнотой жизни”. – Казус сержанта Филона как “нормальное исключение”. – Охота за “странностями”

Сперва мы попытались реконструировать социальную реальность, руководствуясь объективными, “вещными” критериями; распределение материальных признаков давало основание для выделения неких социальных групп и для соотнесения их друг с другом. Затем, убедившись в необходимости интериоризации исторического объяснения, мы поставили задачу встать на позиции людей XVI в. и взглянуть на мир их глазами. Для этого был предпринят анализ практики, хопределенного образа действий людей, с целью выявления стереотипов массового сознания и социально обусловленных особенностей нотариального поведения. При этом в обоих случаях наш рассказ то и дело грозил сбиться на переложение отдельных казусов. Любопытно, что вполне объяснимое желание подобрать какую-нибудь иллюстрацию сопровождалось странным явлением: хотелось найти наиболее типичный и потому убедительный, яркий пример. Но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что этот пример хотя и убедителен, но не вполне типичен, а зачастую и совсем нетипичен. В чем же притягательность этих казусов? Они не только облегчают положение автора при изложении материала в доступной для читателя форме (или, как сейчас принято говорить, “конструировании исторического нарратива”), но и позволяют осветить обычно сокрытые стороны реальности. На этом свойстве основан столь важный для микроистории тезис об “исключительном нормальном”. Казус как исключительный случай приводит к напряжению существующих норм и правил, проявляя невидимые в обычной жизни границы между возможным и невозможным. Эпистемологи закодировали эту мысль следующим образом: “Проверка действительности модели состоит не в верификации статистического порядка, а в проведении эксперимента в жестких условиях, когда одна

или несколько переменных, составляющих модель, подвергаются исключительной деформации”¹. Но поскольку ранее речь все же шла об обобщении и попытках выделения типологических рядов, то подобные казусы, хотя, как смею надеяться, и украшали повествование, но, строго говоря, являлись “информационным шумом”, помехой при генерализации. Здесь же мы сосредоточимся именно на таких казусах.

Нетрудно догадаться, что на сей раз мы будем двигаться в русле микроистории. Вспомним те аргументы, при помощи которых микроисторики бросают вызов представителям не только социально-структурной истории, но и исторической антропологии. В том и в другом случае речь идет об упреках в трактовке человека как “автомата”, объекта игры надличностных сил. И не суть важно, о диктатуре каких именно универсалий идет речь: и способ производства, и классовые структуры, и менталитет в равной степени игнорируют внутренний мир уникальной человеческой личности, обладающей свободой воли. В какой-то мере эти упреки мы можем адресовать и тем подходам, которые представлены в предыдущих главах нашей работы. Так, если, как уже указывалось, сначала мы констатировали недостаток внимания к конкретному человеку, к его внутреннему миру и свободе его выбора, то затем мы также говорили о вещах, внешних по отношению к человеку: о стереотипах сознания, “ментальных структурах”, обычаях нотариальной практики. Хотя, смею надеяться, нам удалось показать, сколь многое зависело от конкретного человека, наделенного особым стилем поведения, а также свободой выбора, пусть даже ограниченной. Как говорилось в историографическом очерке, подобные интенции происходят не только от неудовлетворенности “диктатурой” прежних, генерализирующих, методов, но обладают и известным конструктивным значением. Микроистория дает ту самую возможность “тотальной” истории, исторического синтеза, который оказался недостижимым идеалом для исследователей, замахивавшихся на крупные исторические полотна. На уровне истории одного человека, одной семьи, одной деревни вполне возможно преодоление того самого расчленения объекта исторического исследования на “человека экономического”, “человека политического”, “человека культурного”, на которое сетовали историки XX в. Но “микроистория”, “локальная история”, “персональная история” – это не просто интерес к мелким и мельчайшим объектам исследования, но и стремление по-новому взглянуть на историю. Как отмечал Э. Гренди, объектом микроистории вполне может стать и история государства. Но не государства, реализующего некие исторические задачи, а государства, увиденного глазами подданных с их чаяниями, надеждами и

---

¹ Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 253–254.

страхами, испытываемыми по отношению к власти². Можно до бесконечности спорить о том, возможна ли микроистория, возможен ли отказ от генерализации, но сегодня очевиден перенос интереса с заранее заданных, объективно существующих, обезличенных социальных структур на изучение индивидуального жизненного опыта, что характеризует исследования не только части историков, но также и социологов. Вспомним, что работы достаточно популярных в Европе социологов Э. Больтански и Л. Тевено рассматривают социальные группы сугубо ситуативно, как порождение индивидуального лингвистического опыта. Иными словами, микроисторический подход, казусы могут послужить основой для создания специфических описаний общества в целом.

Сколь бы притягательным ни представлялся казусный подход, в нашем случае он требует кардинального расширения источниковой базы. Микроисторический метод, если он претендует на нечто большее, чем на роль развлекательного чтения, должен опираться на “плотное описание”, на максимально полное воссоздание исторического контекста. Именно поэтому этот метод и кажется столь привлекательным и именно поэтому высказываются сомнения в его возможностях применительно к эпохам и обществам, от которых до нас дошло лишь небольшое число документов. Впрочем, об этом мы уже говорили в историографическом очерке. Здесь же мы попробуем подтвердить эти тезисы на конкретном примере. Оставаясь в рамках регистров Шатле, мы лишь в очень редких случаях можем добиться этого ощущения “полноты жизни”. Для этого нужно несколько актов. Таков, например, случай Кристофа Креспина. Но данные, проливающие хоть какой-то свет на его дальнейшую судьбу, оказались в регистрах Шатле лишь по случайности.

В тех случаях, когда подобные “исключительные” акты удастся подвергнуть перекрестной проверке, это может привести к несколько неожиданным результатам. Пожалуй, наиболее интересным является казус Николя Филона, уже в достаточной мере освещенный. Повторим еще раз историю нашего знакомства с ним. Мы обнаружили акт, составленный землепашцем Жаном Ококом 23 марта 1552 г., адресованный королевскому сержанту юстиции из пригорода Нотр-Дам-де-Шан. Как выяснилось, этот документ при ближайшем рассмотрении по ряду показателей “выпадает” из общего ряда подобных дарений. Продолжив поиски, мы обнаружили другие акты, составленные на имя Филона.

В 1543 г. на его имя было составлено дарение некоей Катрин Ромпале, вдовы сеньора де Форж, “проживающей ныне” в Нотр-Дам-де-Шан “в доме королевского сержанта юстиции Николя Филона”. Она передает ему права на ферму “в награду за хорошее об-

---

² *Greudi E. Micro-amalisi e storia sociale // Quaderni storici. 1979. № 40. P. 181–190.*

хождение и любезность”. В следующем, 1544 г., сеньор де Сет-Фонтен адресовал дарения Николя Филону и его сыну, находясь при этом прикованным к одру болезни в некоем доме-“темнице” (Geole) расположенной в предместье Нотр Дам-де-Шан. Выяснилось, что больной сеньор до этого содержался в парижских тюрьмах, что он очень благодарен сержанту за помощь и уход и поэтому передает своему благодетелю право на ведение судебных процессов по поводу этого подаренного имущества. И, наконец, в 1547 г. вдова из предместья Сен-Жак по имени Жаклин Анго передает права на наследство своих родителей, а также право судиться против любой персоны Пьеру Филону, студенту университета, сыну Николя Филона, королевского сержанта в предместьях Сен-Жак и Нотр-Дам-де-Шан.

Из этих актов вырисовывается достаточно любопытный образ: чиновник средней руки берется содержать престарелых и больных людей, помогает им в их судебных тяжбах, умело используя при этом университетские привилегии своего сына. Возможно, мы имеем дело со случаем вертикальной социальной мобильности (судя по всему, сам сержант университетского образования не имел, а сыну старательно создает необходимую материальную базу для завершения образования), возможно, он просто формально приписал своего отпрыска к университету, чтобы, как говорили тогда, “emprunter son nom”, воспользоваться судебной защитой хранителя королевских привилегий университета. Но на законный вопрос, продиктованный знанием постсоветских реалий: “а не был ли Николя Филон просто жуликом, использующим свое служебное положение?”, мы ответим, скорее всего, отрицательно. Крестьяне отнюдь не склонны были верить свою старость посторонним людям, и землепашец Жан Оок, человек не самый бедный, наверняка был осведомлен о репутации сержанта, ведь они жили на расстоянии часа ходьбы друг от друга, причем не в самом “мегаполисе”, а в его сельской округе.

Для заключения о социальном облике Николя Филона нам понадобилась как информация, собранная из всей серии его сохранившихся актов, так и информация, почерпнутая из исторического контекста; например, о сравнительно скромном статусе сержанта из предместья мы можем сделать вывод на основании того, что зятем такого же сержанта из соседнего предместья Сен-Жермен-де-Пре был простой поденщик (mainouvrier)³. Немаловажную информацию содержали отысканные мной минуты – черновики зарегистрированных актов; они показывали, что ситуация была достаточно необычная даже в глазах многоопытного нотариуса Жана Крюсе. И вместе с тем, как много в этом казусе содержится информации, проливающей новый свет на разные стороны бытования человека XVI в. Мы узнали много нового о самой практике составления но-

---

³ MS. LXXIII. 17 (12.04.1552).

тариальных актов, об использовании домовых знаков, о социальных связях жителей предместья, о том, что в предместье Нотр-Дам-де-Шан, судя по всему, существовал свой “дом предварительного заключения”, неизвестный в историко-краеведческой литературе⁴. Вспомним, наконец, что именно дарение Жана Окока послужило отправной точкой для этюда о пожилых людях, став своеобразным ядром выделяемого множества. Хотя, построив это множество, мы убедились в нестандартности этого казуса. Да, но для этого нужно было построить этот типологический ряд. Получается своего рода сказка про белого бычка или, как сказали бы французы, “la boucle est bouclée”.

К сожалению, в случае с Николя Филоном мне, несмотря на интенсивные поиски, не удалось отыскать иных сведений о нем, кроме оригиналов нотариальных минут зарегистрированных актов. Если бы мы узнали что-нибудь еще о его биографии, то смогли бы ответить на многие вопросы: присуще ли другим его документам или поступкам некое стилистическое единство, угадывающееся в манере его поведения по отношению к лицам, нуждающимся в помощи; стоит ли за некоторой неординарностью его сохранившихся нотариальных актов личностная или ситуационная неординарность? Ответы на эти вопросы могли бы не только удовлетворить естественное любопытство (которое, как мне кажется, с неизбежностью должно возникнуть у каждого, кто начал знакомиться с судьбой Филона), но и позволили бы пролить свет на неясный пока для нас механизм действия “исключительного нормального” или “демонстрирующего исключения”.

Для этого мной был задуман эксперимент. Набрав целый ряд подобных казусов, т.е. актов, составленных “странными людьми”, я попытался разыскать о них дополнительную информацию биографического характера. Если восстановить историю исследования, то следует сказать, что такая выборка была составлена еще на первой стадии, когда я работал лишь на основе публикаций. Тогда я написал заявку на получение стипендии в парижский Дом Наук о Человеке. И к моему удивлению, она была поддержана. Причем положительную рецензию написал Роже Шартье (за что я ему чрезвычайно признателен), исследователь, в ту пору как раз работавший над критическим анализом микроисторической традиции. Именно этой стипендии я обязан возможностью работы в парижских архивах.

Необходимо подчеркнуть некоторую нестандартность ситуации, неоднократно вызывавшей удивление у работников архива, наблюдавших за моим поиском. В подавляющем большинстве случаев к нотариальным актам обращаются с целью пополнить биографические данные о том или ином персонаже – художнике, полити-

---

⁴ *Babelon J.-P. Paris aux XVIe siècle. P., 1986.*

ке, философе, либо при составлении генеалогий. Здесь же движение было направлено в обратную сторону: отталкиваясь от формальных критериев, в рутине нотариальной практики я старался найти исходные точки для биографических изысканий с тем, чтобы попытаться затем составить представление о причинах “странности” этих актов и людей, скрывающихся за ними. Определенная чистота эксперимента обеспечивалась как случайностью выборки, так и тем, что я изначально почти ничего не знал о разыскиваемых мной людях.

При определении критериев для выборки я руководствовался следующими соображениями:

1. Акт должен был быть составлен непременно парижским нотариусом, так как в противном случае невозможно было бы определить природу “девиантности”: обязан ли акт ею странностям составителя или особенностям практики какого-нибудь провинциального присяжного письмоводителя. Излишне напоминать, что степень унификации провинциальных актов была на порядок ниже, чем в Париже; к тому же у меня не было даже надежды отыскать минуты провинциальных нотариусов;

2. “Странные” акты должны были быть включены в какие-нибудь типологические ряды для того, чтобы можно было мотивировать возникающие впечатления об их “странностях”.

Казалось бы, поиск биографической информации не должен был представлять особых трудностей – раз есть биографические словари, а в регистрах Шатле содержатся указания на то, в какой конторе был составлен данный акт. Но, как уже отмечалось, несмотря на огромное количество нотариальных минут, сохранялись архивы далеко не всех контор. А для самого Центрального хранилища нотариальных минут практически отсутствует информационно-поисковая система. Поэтому единственным способом работы оставалась лишь ручная переборка связок неудобочитаемых текстов. Не лучше обстоят дела и с регистрами суверенных судов, а каталог актов Генриха II к моменту моих изысканий был доведен лишь до 1550 г. Биографические справочники в основном имеют историко-литературный характер или же относятся лишь к аристократическим фамилиям. Понятно, что в ограниченные сроки моего пребывания в Париже речь могла идти скорее о выборочном зондаже в океане архивных фондов, а не о сколько-нибудь исчерпывающих исследованиях биографического характера. Поэтому в условиях почти что случайного поиска нормальным результатом было бы разыскание данных о трех–четырех персонах из моей выборки, насчитывающей два десятка человек. Но их “нашелся” целый десяток, что само по себе весьма значимо и заслуживает дополнительных размышлений.

Итак, познакомимся с этими десятью “странными” парижанами. С одним из них, Николя Филоном, мы уже знакомы...

ТРИ ДАРЕНИЯ ПО ПРИЧИНЕ СТАРОСТИ

Забывчивый Жан Локуэ

Самодельный акт. – Пасха в июне и забытые 800 ливров. – Коллегия Монтегю: покинутая альма матер и судебные тяжбы теолога. – Каменщик, кровельщик и студенты. – Под опекой убогого. – Первое наблюдение: стиль акта и жизненный стиль

Начнем с только что рассмотренного нами ряда дарений по причине старости. Выше упоминался случай с колоритным доктором теологии Жаном Локуэ. Напомню, что этот преподаватель (*docteur regent*) факультета теологии, проживающий в коллегии Монтегю, составил “самодельный” акт, без помощи нотариуса, где он писал: *“Видя своего племянника, Арнуля Вилана, магистра искусств Парижского университета... впавшим в великую немощь, коей является глухота, я питаю к нему великое сострадание и милосердие, и по этой причине я ему даровал во имя любви к Богу и за услуги, которые он мне ранее оказал”*... сумму в 800 турецких ливров, *“которую надлежит получить с моего наследного и благоприобретенного имущества”* при условии *“молить Бога или заказывать молитвы за меня... по мере его сил и возможностей”*.

Этот акт был датирован *“17 июня 1551 г. по Пасхе”*. Легко представить, как веселился над подобной формой записи даты клерк Шатле, регистрировавший документ. Дело в том, что в то время во Франции год начинался с Пасхи, поэтому уточнение *“до Пасхи”* или *“после Пасхи”* употреблялось очень часто, но лишь применительно к марту и апрелю. Июнь же месяц в любом случае относился к 1551 г.: Пасха ни при каких обстоятельствах не могла случиться в июне. Уж теолог-то должен был это знать. Так мог написать только человек, либо ничего не смысливший в летоисчислении (что маловероятно), либо неопытный в делопроизводстве, либо рассеянный. Он часто слышал эту фразу, но не вдумывался, что она точно означала и когда должна употребляться. Тем не менее, эта его датировка была старательно вписана в регистр Шатле, точно так же воспроизведена и последняя фраза его самодельного акта: *“После приписаны следующие слова: я прошу принять во внимание мою личность, я не подписал хорошо – перо плохое, что видно по письму”*.

Только через полгода, 17 января 1552 г., теолог отнес этот свой акт дарения нотариусу Жану Перрону, который, полностью переписав первоначальный самодельный текст, составил затем дарение по всей форме. Отчего же потребовалось в данном случае воспроизводить этот странный документ, а не заменить его сразу юридически грамотным, стандартным актом? Первоначальный текст оказался очень важным именно потому, что был составлен за полгода до посещения нотариальной конторы. Новая редакция вносит это важное

уточнение: “Жан Локуэ теперь отчетливо помнит, как ранее он подарил мэтру Арнулю Вилану право взыскать с недвижимости 800 ливров” и подтверждает ныне это свое решение, “незвизрая на то, что в другом своем дарственном акте, ранее адресованном... принципиалу коллегии бедных [школяров] указанной коллегии Монтегю, не было сделано о том никакого упоминания, ибо это произошло по недоразумению и забывчивости, так как указанный Локуэ уже стар и имеет короткую память”⁵.

Все это в общих чертах было известно нам уже из предыдущей главы. Теперь же речь пойдет о дополнительной информации. Принявшись искать этого забывчивого доктора в регистрах факультета теологии, я обнаружил, что за всю свою многолетнюю карьеру он был упомянут там всего три раза. И каждый раз только тогда, когда под решением факультета ставились подписи всех без исключения членов корпорации. Вместе со всеми он голосовал в 1543 г., когда факультет принимал знаменитую парижскую формулировку исповедания веры. Ранее, в 1533 г., он участвовал в принятии факультетского решения по вопросу о цензурировании “Зеркала грешной души” Маргариты Наваррской. И только в списке голосовавших в 1530 г. по проблеме оценки правомочности развода английского короля, Локуэ удостоился особой пометы: “доктор-регент коллегии Монтегю, ученик Бэды (doctor regens collegio Montis acuti, Bede Discipulis)”⁶. Это упоминание было значимым. Коллегия Монтегю на тот момент принадлежала к числу наиболее авторитетных корпораций факультета теологии, уступая лишь самой Сорбонне и, быть может, Наваррской коллегии. Основанная в XV в., эта коллегия стала очагом распространения идей “Нового благочестия”. Ее руководитель, Ян Стандонк, сочетал внимание к внутреннему миру, к внутренней религиозности будущих теологов со строгой дисциплиной и суровым аскетизмом. Последнее вызвало особое неудовольствие у юного Дезидерия из Роттердама, который живописал суровость коллегии Монтегю в своем известном диалоге “Ихтиофагия”. Поэтому представления об этом учебном заведении сформировались у позднейших исследователей в достаточно карикатурном виде. Но в свое время Стандонк и его методы пользовались большим уважением в Париже и никак не могли считаться рутинными. Да и самому Эразму можно было бы проявить большую благодарность — ему, неимущему безродному голландцу, именно в Монтегю дали весьма приличное по тому времени образование, и даже если своей

---

⁵ Оба этих акта, “самодельный” и “нотариальный”, были зарегистрированы в Шатле 29 января 1552 (Y 97, f. 220v).

⁶ Farge J.K. Bibliographical Register of Paris doctors of theology: 1500–1536. Toronto, 1990. Дж. Фэрдж, кстати, полагает, что лишь в 1546 г. доктор Локуэ мог реально читать курс на факультете (см.: *Idem*. Registre des procès-verbaux de la Faculté de Théologie de l'Université de Paris de janvier 1524 à novembre 1553. P., 1990.

славе он был обязан исключительно природным дарованиям, то, несмотря на строгую дисциплину Монтегю, его интерес к наукам не был отбит розгами. Вспомним, что когда Гаргантюа за столом стал вычесывать из своей шевелюры пушечные ядра (его обстреляли солдаты противника), Грангузье прежде всего подумал, что его сын нахватался “ястребов Монтегю”⁷, т.е. вшей. Трудно не увидеть в этой иронии и признание популярности коллегии.

После Стандонка славу коллегии Монтегю составил теолог Ноэль Бэда. Его авторитет перерос рамки коллегии, и он стал синдиком факультета теологии. Именно ему довелось первому принять вызов, брошенный Реформацией. По его инициативе факультет не только осуждал “ересь Лютера”, но и указывал на опасные заблуждения в вере лиц, находящихся под покровительством августейших особ. Порой упорство синдика вызывало гнев Франциска I, в 1533 г. Бэда был по приказу короля даже выдворен из Парижа. Именно этот момент нашел отражение в первой книге Франсуа Рабле: когда Гаргантюа похитил колокола собора Нотр-Дам, парижане кинулись в Сорбонну, где в то время находился оракул Левкеции [Парижа], “но теперь его там нет...”⁸ – Рабле намекает на экстрадицию чрезвычайного активного Ноэля Бэды.

Но вернемся к Жану Локуэ. В 1530 г. Франциск I по политическим мотивам был очень заинтересован в том, чтобы Парижский университет санкционировал развод Генриха VIII с Екатериной Арагонской. В этом случае Франция укрепила бы столь необходимый ей союз с Англией, а авторитет старейшего университета мог бы стать достаточным противовесом неуступчивости Римского папы. Но Ноэль Бэда упорно отказывался пойти навстречу государственным интересам, считая недостаточно каноничными аргументы в пользу расторжения брака. Авторитет синдика был очень велик, и провести решение, угодное королю, казалось весьма проблематичным. По всей видимости, именно поэтому и была сделана приписка к имени Жана Локуэ (*doctor regens collegio Montis Acuti, Bede Discipulis*). То, что он, доктор из коллегии Монтегю и ученик Ноэля Бэды, высказывался в пользу королевского решения, могло оказаться чрезвычайно значимым. Ведь бороться приходилось за каждый голос.

Это не помешало ему следующие двадцать лет своей жизни провести все в той же коллегии, где авторитет Ноэля Бэды был непрекаем. В нотариальных минутах содержится акт, подтверждающий

---

⁷ Des esparviers de Montagu (см.: *Rabelais F. Gargantua / Publ. sur le texte définitif; Etabli et annoté par P. Michel. P., 1965. Chap. XXXVII. P. 295.*

⁸ Ibid. Chap. XVII. P. 153. В последующих изданиях Рабле по цензурным соображениям заменил “Сорбонну” на “Нельскую башню”, где с 1522 г. помещалось бюро охраны университетских привилегий и заседал суд по университетским делам. В 40-х годах это ведомство вновь слили с Шатле (здание занял Бенвенуто Челлини для своих монументальных работ).

вступление в силу завещания этого прославленного теолога⁹. Ноэль Бэда, бывший принципал коллегии Монтегю, оставил ренту в 90 ливров шести бедным школярам этой коллегии. Среди лиц, подписавших данный акт, упомянут и Жан Локуэ: *“также доктор-регент принципал так называемых богатых [школяров] данной коллегии”* (pareillement docteur regent en faculte de Theologie et principal sois disant les riches d’iceluy college). По-видимому, обитатели коллегии делились на “бедных”, живших на полном обеспечении (как некогда жил там Эразм Роттердамский), и тех, кто существовал на свои средства, *“так называемых богатых”*, причем обе общины обладали элементами самоуправления, избирали на определенный срок своих принципалов. Пример Ноэля Бэды был, по-видимому, значим для Локуэ, и он, как следует из акта 1552 г., также намеревался большую часть своего имущества оставить бедным школярам Монтегю, передав средства через *“принципала бедных”*. Впрочем, скорее, оба теолога следовали давней традиции Монтегю.

Конечно, “богатым” Локуэ можно было назвать лишь в масштабах коллегии, однако определенный доход с недвижимости он получал. Удалось отыскать один из его нотариальных актов. В 1540 г. он составил договор о сдаче за 20 ливров в год некоему подмастерью типографа части своего дома в предместье Сен-Марсель с *“участком сада вплоть до первой аллеи и живой изгороди, пересекающей маленький сад”*¹⁰. Возможно, планировка дома причиняла неудобства при сдаче его в аренду, и у теолога возникает желание построить специальную галерею. Во всяком случае, он поощрял в дарениях 1550 и 1551 гг. своих племянников – уже известного нам Арнуля Вилана и Шарля де Бернея, также студента-священника¹¹, принять участие в строительстве галереи, дабы свободно проходить в подаренные им комнаты¹².

Пока Жан Локуэ никуда не спешит – первое (январь 1550 г.) и второе (июнь 1551 г.) дарения Арнулю Вилану и дарение Шарлю де Бернею (январь 1551 г.) были зарегистрированы лишь в начале 1552 г. Но в 1552 г. события резко убыстряют свой бег. Что-то подвигнуло теолога оформить, наконец, подобающим образом свой модельный акт и зарегистрировать его. Напомню, что нотариальную контору Локуэ посетил 27 января, а уже через два дня дарение было зарегистрировано. Сделал это Арнуль Вилан, невзирая на *“великую немощь глухоты”*. Причем он обошелся без помощи прокурора, что было достаточно редкой практикой. Тогда же было зарегистрировано и старое дарение, адресованное де Бернею.

---

⁹ МС. XIX. 7 (01.03.1537).

¹⁰ МС. XXXIII. 17 (04.09.1540) f. 85v; *Coyecque E.* Recueil d’actes notaries relatifs à l’histoire de Paris et de ses environs au XVIe siècle. P., 1905. Vol. 1. № 1447.

¹¹ Последнего, как и первого, Жан Локуэ обязует молить Бога за дарителя.

¹² Y 97, f. 225.

Причина такой поспешности вполне ясна – между 17 июня 1551 г., когда Арнулю Вилану было подарено право получить 800 ливров с недвижимости, и 27 января следующего года престарелый теолог сделал крупное дарение в адрес бедных школяров своей коллегии. Этот акт отыскать не удалось, но, безусловно, речь шла о какой-то крупной сумме, намного превосходящей то, что в свое время оставил бедным сам Ноэль Беда. Но затем Локуэ вспоминает о своей “ошибке памяти”, скорее всего, благодаря вмешательству глухого, но энергичного племянника. Дарение коллегии Монтегю уменьшилось на солидную сумму. Видимо, разразился скандал, и Жан Локуэ покинул свою alma mater: более двадцати лет он фигурировал в актах как теолог, обитающий в коллегии Монтегю, но с этого момента стал обозначаться в документах как доктор теологии, “проживающий в предместье Сен-Марсель на улице святой Женевиевы”.

Однако и здесь Жан Локуэ не обрел тихой гавани. В делах конторы нотариуса Жана Крюсе мне удалось обнаружить серию актов, составленных им весной 1552 г. Из них следовало, что еще в 1550 г. теолог затеял строительство галереи в доме на улице святой Женевиевы. Как мы помним, он даже племянников пытался привлечь к этой затее. Однако деньги за произведенные работы не были выплачены, и мастера подали в суд. Локуэ, скорее всего, рассчитывал на свои университетские привилегии. Но выяснилось, что истцы – мэтр-каменщик Амиель Лансон и мэтр-кровельщик Жан Жирон предусмотрительно “подарили” права на взыскание денег с Локуэ своим сыновьям – студентам Парижского университета. И на суде они выступали уже от своего имени. Получалось, что это сам Жан Локуэ покусился на имущество членов университетской корпорации¹³.

Теолог проиграл оба процесса, подал на апелляцию, но и она не увенчалась успехом (дело было найдено “bien jugé et mal appelé”). В итоге он должен был уплатить по 98 ливров 15 су каждому из мастеров и по 24 ливра в возмещение судебных издержек по каждому процессу. И вновь Жан Локуэ попытался использовать свой статус, наложив на противников церковное порицание. Во всяком случае, в двух нотариальных актах 27 марта 1552 г.¹⁴ речь идет о своеобразной сделке между сторонами – истцы соглашаются отодвинуть сроки погашения долга, а ответчик взамен снимает с них наложенное им ранее церковное осуждение (benefice d’absolution des censures

---

¹³ Остается гадать, посещали ли они курсы или же родители их специально записали в студенты (благо, что это было достаточно просто), желая защитить свои права и изъять часть имущества от налогообложения. Как мы уже убедились, такие мотивы были у очень многих дарителей, адресовавших свои акты студентам университета. Напомню, что эта практика подверглась осуждению на заседании Генеральных штатов в Орлеане 1560 г.

¹⁴ МС. LXXIII. 17 (27.03.1552).

ecclesiastiques esquelles icelluy Locquet estre encouru). Судя по этим актам, для того чтобы расплатиться с мастерами, Локуэ прибег к помощи своего квартиросъемщика-ремесленника (maitre-lunetier).

Но то был отнюдь не единственный судебный процесс незадачливого теолога. На следующей неделе, третьего апреля того же года, он заключает сделку с неким священником Пьером Кампе, обещавшим довести до конца четыре процесса, которые ведет в Парламенте Жан Локуэ¹⁵. Он судился со своей теткой, с неким дворянином из бальяжа Мо, с прокурором парижского Шатле и с каноником собора Нотр-Дам в Амьене. Взамен Кампе в случае успеха мог рассчитывать на половину всех барышей. На полях имеется характерная вставка – Пьер Кампе должен вести все процессы за свой счет вплоть до вынесения окончательных приговоров и действовать при этом как можно быстрее (*le plus diligement que faire se pourra*). Похоже, Локуэ, действительно, торопился разрешить свои накопившиеся проблемы, прибегая к помощи других людей.

Тогда же, 27 марта 1552 г., он передает свой парижский дом на холме Сент-Илэр Арнулю Вилану. Но на сей раз речь не идет о помощи убогому племяннику; напротив, Арнуль Вилан берет на себя обязательства содержать престарелого теолога остаток его дней¹⁶. Это уже классическая формулировка “договора о содержании” – даритель отходит от дел, передавая все заботы о себе своему родственнику.

Этот акт племянник регистрирует в Шатле все так же оперативно – уже 30 марта 1552 г. Следующее и последнее из дошедших до нас дарений Локуэ составлено 20 апреля того же года. Он дарит права на пожизненное пользование комнатой и амбаром в принадлежащем ему доме своему капеллану из церкви Сент-Этьен-дю-Монт, с тем, чтобы тот молил Бога за душу дарителя¹⁷. Теперь участникам сделки торопиться уже некуда: акт был зарегистрирован лишь летом следующего года.

Исключительный, самодельный акт дарения в данном случае объяснялся, по-видимому, медицинским фактом старения. Нарастающая неадекватность поведения завела нашего Жана Локуэ в критическую ситуацию, из которой он уже не мог выпутаться без помощи других – квартиросъемщика, наемного ходатая, племянника. Нестандартность ситуации заключается лишь в том, что мы получили документальные свидетельства этого кризиса. Но, как это часто бы-

---

¹⁵ МС. LXXIII. 17 (27.03.1552). Небезынтересно, что на сей раз он был просто назван: “священник, доктор теологии в Парижском Университете”, а слово “regent” (т. е. “читающий курс”) было опущено.

¹⁶ Y 97, f. 297.

¹⁷ Y 98, f. 449. Акт был зарегистрирован лишь год спустя после составления дарственной. Связь с капелланом была, судя по всему, давней – церковь Сент-Этьен-дю-Монт примыкала к зданию коллегии Монтэю.

вает, в силу своей исключительности акт неожиданно обретает особую демонстрационную ценность. Сам Франсуа Рабле не смог бы подобрать лучшей иллюстрации к образу доктора Иоаннотуса де Брамгардо – теолога, явившегося к Гаргантюа с требованием вернуть колокола с Нотр-Дам¹⁸. Интеллектуальная посредственность докторов, их сварливость и сумбурная речь превращали их в посмешище в глазах гуманистов.

Таким образом, исключительный акт, безусловно, может служить прекрасной иллюстрацией как для проблемы старости и старения, так и для истории Парижского университета. Но помимо иллюстративной ценности, этот акт способен пролить свет на многие стороны окружающей действительности интересующего нас времени. Мы еще раз узнали о степени распристанности использования университетских привилегий в “корыстных целях”. Парадоксальность ситуации, достойная юмористического рассказа, состояла в том, что не доктор теологии, а строительные рабочие оборачивают университетские привилегии к своей выгоде. И кровельщик, и каменщик работали в кварталах, густо заселенных университетским людом. Возможно, окружающая среда пробудила в их сыновьях любовь к знаниям, но, что еще более вероятно, здесь они убедились в действенности юридической защиты университета: ведь дело происходило в 1552 г., когда, как мы помним, практика университетских дарений достигла, судя по нашему источнику, своего апогея. Но если обо всем этом мы догадывались и раньше, то практика такого же “корыстного” использования церковного осуждения встречается нам впервые. Раньше мы лишь высказывали предположение о том, что скорость регистрации дарственной в книге Регистров Шатле может сама по себе быть значимой, но действия Арнуля Вилана, похоже, нас в этом убедили. И еще одно неожиданное наблюдение. Традиционно историки университетов противопоставляют “Болонскую” модель “Парижской”, и если в первом случае активными членами корпорации являлись студенты, то во втором – магистры, а школяры оставались за бортом общественной жизни университета. Но в рамках отдельных коллегий (а надо отметить, что позднесредневековый университет имел тенденцию превращаться в конфедерацию отдельных коллегий) ситуация могла быть иной. Как мы видим, в Монтегю школяры избирали своих синдиков, которые участвовали в решении административных вопросов. Этот казус также позволяет поставить проблему физических границ дееспособности интеллектуала: явная нарастающая неадекватность и “короткая память” теолога не мешают ему именоваться, по крайней мере, ведущим преподавателем. И в то же время глухота могла расцениваться как “страшная немощ”, свидетельствующая в нашем случае о “профнепригодности” молодого

---

¹⁸ *Rabelais F. Gargantua. Chap. XVIII–XX. P. 155–172.*

священника, который, впрочем, вопреки своему недугу, доказал свою сообразительность и практическую сметку. Можно приводить и иные примеры, привлекая внимание к многообразию повседневного, но мысль кажется вполне ясной: “исключительное нормальное” обладает не только демонстрационной ценностью, весьма полезной при типологизировании, но может сулить и немалый практический “профит”.

Но что заставило нас уделить столь пристальное внимание казу-су Жана Локуэ? Только ли то, что университетские доктора до сих пор не так часто встречались в наших выборках? Конечно же, нет. И даже сама по себе необычная форма “самодельного” акта недостаточна для вывода об исключительности данного случая. Дело, как представляется, в другом. Из ряда дарений, рассмотренных в последнем параграфе предыдущей главы, данный акт выпадает уже потому, что его невозможно отнести ни к группе “А”, ни к группе “Б”. Дарение совершает старый и, как мы убедились, не слишком здоровый человек, но в помощи нуждается вроде бы не он сам, а его молодой племянник, страдающий глухотой. Однако мы становимся свидетелями того, как по ходу дела стороны меняются местами. Мы заподозрили в этом некоторый “подвох” и, как оказалось, не без основания. И, наконец, мы получили пока первое подтверждение гипотезы о соответствии стилистических особенностей акта, свидетельствующих о характерных чертах нотариального поведения, особому складу личности.

Грозный Николь Леклерк

Теолог, его друзья и его враги. – “Гуманное обращение” одних и “величайшие несправедливости других”. – Семейное расследование. – Образ, создаваемый в актах, и реальности университетской жизни. – Декан, не прощавший обид. – Реформация, Контрреформация и семейные проблемы

Среди дарителей, вверяющих свою старость заботам родственников, есть в нашей выборке еще один теолог, причем гораздо более известный и более влиятельный, чем Жан Локуэ.

Николь Леклерк, декан факультета теологии, кюре церкви Сент-Андре-дез-Арт, в июле 1547 г. дарит все свое имущество родной племяннице Филиппе Леклерк, принимая во внимание, что она и ее муж, Гильом Бургуин, советник Парламента, “на протяжении 23-х лет проживали совместно с указанным Леклерком, обращаясь с ним нежно и гуманно (*humainement*), помогая ему в его процессах, которые он вел против других своих племянников, заботясь о нем и обеспечивая ему заботливый уход в его болезнях и иных текущих нуждах”.

Уже один этот термин, “humainement”, представляется весьма интересным. Он ни разу не встречался в “дарениях с условием содержания” – в описании ни предшествующих, ни ожидаемых услуг. Но дело не только в этом. Изложив причины испытываемого доверия, Леклерк погружается в воспоминания, *“учитывая также, что покойная Маргарита Леклерк, сестра указанного Леклерка и вдова Жака де Куактье, вице-президента Счетной палаты, с детства воспитала указанную дамуазель Филиппу ... и по своей исключительной доброте удочерила племянницу и, что, как она часто говорила указанному Леклерку, намеревалась ей даровать большую часть своего имущества, о чем она часто заявляла указанному Леклерку, и что бы она и сделала, не будь она застигнута врасплох смертью”*, а также принимая во внимание, – продолжает теолог, – *“что покойные братья [дарителя] мэтры Пьер и Жан Леклерки, отец и дядя указанной дамуазель Филиппы, обделили ее наследством, даровав все свое имущество братьям указанной дамуазель Филиппы Леклерк. Братья ее добились того, чтобы указанный мэтр Николь Леклерк даровал им три четверти всего своего имущества, оставив, таким образом, на долю Филиппы лишь двенадцатую часть семейного имущества”*¹⁹. Таким образом, дарение, адресованное ей и ее детям, явилось следствием отмены ранее составленных актов.

Итак, скорее всего текст составлен либо самим Леклерком, либо записывался под его диктовку, причем он настаивал, чтобы его слова оставались без изменения. Ни нотариус, ни его клерк ни за что бы не написали сами о “гуманном обхождении”. Причем даритель комбинировал несколько формул в одном акте – здесь и элементы “дарения по причине старости”, и стремление отблагодарить за ранее оказанные услуги, и попытка отменить прежние дарения, исправить несправедливость, допущенную при разделе семейного добра. Аргументы, которые подобрал Леклерк, также необычны – особые отношения между теткой и племянницей, свидетелем которых может выступить лишь сам теолог, излишняя щедрость, проявленная к братьям Филиппы, и, наконец, исключительный характер этому акту также придает удивительная активность Николь Леклерка. Он зарегистрировал в Шатле еще 9 весьма пространных актов (это своеобразный рекорд), перераспределяющих наследство в пользу племянницы и ее детей.

Племянники Николь Леклерка были люди весьма именитые. Это Пьер Леклерк, доктор канонического права и хранитель апостольских привилегий Парижского Университета, Жан – генеральный прокурор Палаты косвенных сборов, и Николь – советник Парламента. Им, а также Филиппе, и было адресовано дарение теолога 11 августа 1540 г.²⁰ Тогда он выговаривал себе сохранение

¹⁹ У 93, f. 51.

²⁰ У 86, f. 352; У 87, f. 59.

узуфрукта на 3 тыс. экю из наследства своих покойных родителей и братьев. Но, правда, был у него еще один племянник – Жак Леклерк де Куактье, корректор и старший докладчик Большой королевской канцелярии, кузен любимой племянницы Филиппы. Дарение, сделанное теологом в его адрес в сентябре 1540 г., было им отменено уже через год, 9 августа 1541 г.²¹ *“Эта ревокация сделана потому, что, свершая дарение, указанный дарующий²² надеялся, что Леклерк-Куактье будет жить с ним в мире и оставит своего дядю в покое, чего он не сделал, но, напротив, затеял с ним несколько процессов и тяжб, каковые смутили указанного дарующего”* и породили смуту в семье. Теолог рассказывает, что, когда он заболел осенью прошлого (1540) года *“и находился в крайнем состоянии болезни, каковое давало столь же надежды на смерть, сколь и на жизнь”*, племянник безотлагательно вызвал в суд своего дядю, *“невзирая на его болезнь, которая от этого усилилась”* и возбудил-таки процесс по поводу подаренного имущества. *“Эти причины и другие, которые названный дарующий может указать после, он оценивает как неблагодарность, и ... отменяет дарение и прочие щедроты, оказанные им этому одариваемому, учитывая также, что указанное дарение не получило никакого подтверждения о принятии”*. Несколько патетический тон, резонерство и даже явная “терминологическая самодеятельность” сочетаются с хорошим знанием юридической стороны дела. Напомню, что по недавнему ордонансу Виллер-Коттре (акт составлен в 1541 г.) законный характер дарение приобретало только после составления ответного акта о его принятии. И Николь Леклерк в данном случае был прав.

А теперь обратимся вновь к исходному акту. После комплекса актов, подтверждающих дарение племяннице и ее мужу, Николь Леклерк всего через три дня, 28 июня 1547 г., составляет еще одно пространное дарение, где излагал все обстоятельства, побудившие его вновь заняться пересмотром раздела наследства²³. *“Поразмыслив (scienement, еще один “авторский” термин) по этому поводу, посоветовавшись и взвесив”*, он составляет акт, в котором начинается с еще более пространного экскурса в историю семьи, возвращаясь к биографии своей сестры Маргариты, той самой, которая удочерила, но не успела облагодетельствовать их племянницу Филиппу. Он рассказал, как его сестра Маргарита вышла замуж за Жака де Куактье, вице-президента Счетной палаты, но, овдовев, понесла большие расходы и тяготы, чтобы сохранить свой дом. *“Указанный Николь Леклерк в меру своих возможностей помогал ей и для*

---

²¹ Y 87, f. 202.

²² И опять видна “самодеятельность” Николя Леклерка: он употребляет термин “дарующий” (donnant) вместо типичного для дарственных слова “даритель” (donateur).

²³ Y 93, f. 120.

этого нанялся на службу к кардиналу Лотарингскому и его братьям, когда они были молоды... на свои средства оплатил расходы по похоронам и выполнению завещания матери указанного мэтра Николя Леклерка и указанной дамы Маргариты, составившие тысячу экю золотом". Согласно воле своей покойной сестры, он основал и поддерживал некоторые вклады [в церкви], а также преподнес церкви Сент-Андре-дез-Арт многие украшения. Точно также он помогал и своему покойному брату Пьеру, подарив, например, для браков его детей посуды более чем на 160 марок серебра, а своему покойному племяннику Жаку он предоставил 375 экю для получения должности советника Шатле²⁴. "И после Николь Леклерк продолжал в том же духе, оборачивая свое имущество к пользе своих указанных племянников и племянниц, желая привести их к согласию. И делая это, указанный Николь Леклерк даровал Пьеру, Жану и Николю и Филиппе.... все свое имущество... при обязательном условии, что его брат, мэтр Жан Леклерк, кантор Шалона, отдаст такое же распоряжение.... Но затем его указанные племянники стали интриговать (*praticant*), чтобы лишить свою сестру, дамуазель Филиппу, наследства Жана Леклерка, добившись от него дарения в свою пользу". Более того, они пытались склонить к тому же и самого мэтра Николя Леклерка, "воспользовавшись тем, что он был тогда серьезно болен и находился в смертельной опасности", и что муж Филиппы, мэтр Бургуин, пребывал тогда в отъезде по случаю выездной сессии Парламента в Мулене (1544 г.). "С тем, чтобы легче добиться уступок в ущерб своей сестре, позабыв добро и благодеяния, оказанные им Николем Леклерком, они затевали бесчисленные склоки, и столкнулись с покойным ныне мэтром Жаком Леклерком [*Куактье*], их старшим братом, чтобы известить указанного мэтра Николя Леклерка бесконечными дрязгами, кознями и преследованиями, как в Шатле, так и в Палате прошений Двора, в Парламенте, в Большом и Малом Советах короля, намереваясь тем самым замучить (*tourmenter*) указанного мэтра Николя Леклерка и мучениями довести его до смерти, чтобы он закончил свои краткие дни старости (*brief et vieux jours*) в нищете". "Когда же мэтр Жан Леклерк, кантор и брат названного мэтра Николя Леклерка, слег в болезни, находясь в Трамблее, 5-го или 6-го числа настоящего месяца (июня 1547 г.)" теолог поспешил к одру умирающего брата. Но Николь-младший и его сообщник, некий мэтр Гильом Пуар, прибыли в Трамблей шестого июня около полуночи и, узнав, что указанный мэтр Николь Леклерк заночевал в том же доме, где болел кантор, убедили последнего "сделать завещание и в нем пере-

---

²⁴ Pour le quart denier (?) de l'expédition de l'office de conseiller ou Chastellet de Paris. Возможно, речь идет о том, что это была лишь четвертая часть требуемой для обретения должности суммы.

дать все свое наследственное и благоприобретенное имущество только своим племянникам, отказав мэтру Николу Леклерку в праве наследовать своему брату, лишив его таким образом свыше 4-х тысяч ливров звонкой монетой”. Сделавшись душеприказчиками кантора, заговорщики при помощи своего человека через местного епископа сумели составить поручительство, по которому кантор передавал свои церковные бенефиции тому же Гильому Пуару. После этого указанный мэтр Жан Леклерк умер в ночь с 8 на 9 июня 1547 г. Таким образом, обманув покойного, племянники полностью лишили теолога его доли наследства брата “как при помощи этого так называемого завещания, так и согласно дарению, которое, как они утверждают, они получили от своего покойного дяди и которое они должным образом зарегистрировали в Шатле”²⁵.

Узнав о кончине брата, мэтр Николь потребовал составления описи имущества²⁶, “но после длительных поисков (*allees et venues*), он не нашел чиновника, который бы этим занялся. Слуги не слушались его и издевались над ним, предоставив его самому себе. Найдя, наконец, прево, он не мог разыскать секретаря и должные документы. Так они тянули время, не находя бумаг, затем его племянники сказали, что срок уже вышел, и что он напрасно утруждает себя, стремясь вникнуть в дела, хотя ему и так выделяют причитающуюся ему часть”. Но, несмотря на эти слова и усилия самого теолога и его секретаря, ничего получить так и не удалось. Единственное, что ему оставалось делать – это отменить все дарения, ранее совершенные им в адрес трех неблагодарных племянников.

Но ему пришлось иметь дело с грозными противниками. Поэтому через два года, 18 ноября 1549 г., он составляет новый акт, выдержанный в еще более патетических тонах²⁷. Он жалуется “перед Богом и Правосудием на величайшие несправедливости, беспокойства, неблагодарности и клевету, свершенные против него ... его племянниками, в отношении которых, из-за их подношений, связей, промедлений, финтов (*fintes*), проволочек, подвохов и прочих путей зловещих (*sinistres*) и обходных, он не смог добиться правосудия”. И заявляет, что “он проявил по отношению к своим племянникам долг доброго дяди, передав в их пользу свои бене-

---

²⁵ Похоже, что Николь Леклерк имеет в виду акт дарения, который, действительно был составлен его братом и зарегистрирован в Шатле 2 июля 1542 г. (Y 92, f. 76v).

²⁶ В принципе любое завещание, противоречащее нормам кутюмного права, можно было оспорить и настаивать на разделе имущества по описи (*benefice d'inventaire*). Последнее означало скандал и считалось позором для семьи, бесчестьем имени усопшего.

²⁷ 18 ноября 1549 (Y 95, f. 256v).

фиции, даровав свое имущество, обходясь с ними мягко и любезно во всем, в чем было возможно”. Когда теолог пребывал в состоянии тяжчайшей болезни, Пьер Леклерк получил от него на время должность кюре церкви Сент-Андре-дез-Арт. Но он добился передачи этого бенефиция себе на семилетний срок, ничего не сказав дяде²⁸. И пользуясь своими связями и умением плести интриги, при помощи лейтенанта-хранителя университетских привилегий отсудил себе в Шатле право пользоваться доходами с этого бенефиция, оставив своего дядю-декана без средств к существованию. В ответ на благодеяния племянники стремятся захватить все имущество дяди и оставить его в нужде. Посему *“указанный декан отменяет сделанные ранее дарения по причине очевидной и вопиющей неблагодарности, видимой и Богу и людям”*. Из-за того, что племянников поддерживают некие могущественные лица, декан в конце концов *“принужден был против своей воли, не имея возможности более сопротивляться, если учесть его преклонный возраст, превышающий семьдесят пять лет, подписать с ними мировую, согласно которой он довольствуется куда меньшей долей, чем та, что ему принадлежит по закону”*. Одна лишь доля Николя Леклерка, принадлежащая ему при разделе имущества покойного брата, отца вышеназванных племянников, оценивается им в 20 тысяч экю. Поэтому он желает опротестовать свершенную сделку-мировую и воспрепятствовать ее регистрации в Шатле. Тогда же и Гильом Бургуин (напомним, что речь шла о муже племянницы Филиппы) опротестовал эту мировую, так как речь шла не о дарении, а об уступке спорного имущества при условии справедливой компенсации Филиппы Леклерк и ее детей. Но племянники Леклерка так и не представили опись имущества, поэтому размеры компенсации остались не определены²⁹.

Любопытная запись содержится в регистре Шатле в конце этого акта: *“на обороте листа указанного заявления имеется следующая запись, сделанная сержантом Шатле”*, который должен был ознакомить племянников с содержанием данного акта; однако у всех дома оказались лишь их слуги, которым были переданы копии этого документа. Далее подшито прошение, адресованное деканом и мэтром Гильомом Бургуином парижскому прево или его гражданскому лейтенанту, с просьбой *“приказать зарегистрировать в Шатле*

---

²⁸ Видимо, когда весьма пожилой декан заболел, племянник, в соответствии с практикой того времени, осуществил “премутацию” – передачу церковного бенефиция, чтобы оставить его в семье. Сам Николь Леклерк, сомневаясь в исходе болезни, согласился на этот шаг. Однако, когда он выздоровел, выяснилось, что племянник не собирается возвращать богатый приход своему дяде. Практика передачи церковной должности была распространенной, но тем не менее не вполне каноничной, поэтому требовать возврата ее по суду Николь Леклерк не мог.

²⁹ Y 95, f. 257v.

данные акты и протесты, поскольку секретарь отказывается это сделать". Это прошение датировано 31 марта 1550 г. Таким образом, описываемая коллизия не была лишь плодом старческого воображения обиженного декана. Беспристрастные регистры Шатле сохранили отголоски административной борьбы. Один из племянников был, как мы помним, советником Шатле и другом гражданского лейтенанта Шатле, главы всей городской юстиции. Понятно, что заинтересованных лиц в нужный момент не оказывалось дома, а секретарь (грефье) не осмеливался зарегистрировать это опасное дарение. Но теолог и муж его племянницы шли напролом. В конце концов, как следует из регистров Шатле, гражданский лейтенант Пьер Дез Эссар вынужден был отдать личный приказ о регистрации этого многострадального заявления-ревокации.

Но Николь Леклерк зарегистрировал еще одно дарение. В 1553 г. он передал свои права на комплекс домов по улице Сент-Андре-дез-Арт (жилые корпуса, конюшня и другие хозяйственные постройки, сад и башни городской стены). Но адресатом дарения выступают уже Пьер Руяр, адвокат Парламента, и Мари Бургуин, "племянники дарителя", т.е. дочь Гильома Бургуина и Филиппы Леклерк, о которых в акте уже не упоминается. Не потому ли, что восьмидесятилетний даритель уже пережил их?³⁰

Чтение этой семейной саги оставляет двойственное впечатление. Автор старательно создает в ней образ немощного старца, гонимого своими алчными и чрезвычайно влиятельными племянниками. Это нельзя назвать неправдой, учитывая солидный, даже по нашим меркам, возраст теолога, а также высокие должности и связи его племянников. Мы можем не верить рассказам Леклерка о его злоключениях, но ведь у нас есть документальное подтверждение попыток племянников помешать регистрации его актов в Шатле. Видимо, и людьми они были достаточно хищными: во всяком случае, Пьер Леклерк. О нем известно, что он использовал свое влияние в университете, чтобы производить сделки с земельной собственностью на лугу Пре-о-Клер, что и послужило толчком для первой серии студенческих волнений 1546 и 1557 гг.³¹, о которых речь пойдет немного ниже.

Но и Николь Леклерк в своих актах не предстает лишь в страдательном залоге. Он чрезвычайно активен и, несмотря на свои годы, в отличие от Жана Локуэ, способен действовать самостоятельно. Он повествует о своих неудачах, но ведь и противники у него незаурядные. И несмотря на все их связи и уловки, ему удалось, пусть и при помощи Гильома Бургуина, отстоять часть своих прав на городскую недвижимость и до последнего бороться со своими обидчиками. И, наконец, он сохраняет сильное личностное начало во всех

---

³⁰ 5 февраля 1553 (Y 99, f. 132).

³¹ Crevier J.-B. Histoire de l'Université de Paris. P., 1761. T. 6.

своих актах, превращаемых порой в обвинительный документ, предназначенный для публики. Совмещая различные жанры нотариальных актов, Николь Леклерк идет напролом, составляя свои акты сам, не пользуясь образцами и формулярами, сохраняя свой стиль, чтобы свидетельствовать “*перед Богом и правосудием*” о своей правоте.

Словом, дарения создают впечатление о Леклерке как о сильной личности. Биографические данные подтверждают это впечатление. Прежде всего, он – исключение среди прочих парижских теологов уже в силу своего происхождения. Родственниками подавляющего большинства из них были буржуа – купцы и ремесленники, прокуроры и стряпчие, в лучшем случае, парижские или провинциальные адвокаты, причем их собственные материальные ресурсы были весьма скромны³². Вспомним “богатого” Локуэ с его двумя парижскими домами. Но Николь Леклерк принадлежал к древней и богатейшей парижской семье, владевшей солидными земельными комплексами, сеньориями, бенефициями и королевскими должностями высокого ранга.

Представляя собой грозную силу, будучи объединенными в корпорацию, доктора факультета теологии сохраняли анонимность, не оставив сколько-нибудь ярких свидетельств о себе, разительно отличаясь этим от парижских гуманистов. Но Леклерк и здесь представлял собой исключение. Это был самый активный доктор на факультете в первой половине XVI в. Разве что Ноэль Бэда мог бы соперничать с ним. Он активно участвовал в Пизанском соборе, созванном в 1511–1512 гг. с целью противостоять папе Римскому. Практически все начинания факультета против книг Лютера, против ересей и заблуждений инициировались Леклерком; он входил, например, в состав особой инквизиционной комиссии, действовавшей по приказу папы, регентши и Парламента в 1525–1527 гг.³³ Он принимал участие в цензуровании книг Лютера и Эразма. Но характерно, что именно его Эразм выделил из общей массы своих врагов и вступил с ним в переписку, прося похлопотать о снятии с его трудов факультетского осуждения³⁴. Не потому ли Николь Леклерк научился употреблять термин “*humainement*”? Пожалуй, он был более гибок, чем Ноэль Бэда. По вопросу о разводе Генриха VIII он высказался сообразно просьбам Франциска I и тем самым склонил факультетское большинство в нужную королю сторону. Факультет не раз отряжал его для переговоров с монархом, чтобы указать на необходимость борьбы с ересью. А когда в 1533 г. король, разгневанный неуступчи-

---

³² См.: *Farge J.K. Orthodoxy and Reform in Early Reformation France: The Faculty of Theology of Paris, 1500–1543. Leiden, 1985.*

³³ *Catalogue des actes de François I. P., 1979. Vol. 1. P. 405, № 2154.*

³⁴ *Opus epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami / Ed. P.S. Allen, H.N. Allen. Oxford, 1947. Vol. 6. P. 473, № 2043.*

востью Нозля Бэды, выслал того из Парижа, факультет попросил Леклерка временно исполнять функции синдика³⁵. Но эта должность была чревата неприятностями: после скандала по поводу цензуры сочинения Маргариты Наваррской, любимой сестры Франциска I, король арестовал Леклерка. Впрочем, его опала была недолгой: после “дела плакатов” монарх сам призвал теологов решительнее искоренять ересь и подвергать цензуре опасные сочинения. Леклерк продолжал активно участвовать в жизни университета. С сентября 1541 г. он становится деканом факультета и возглавляет его долгие годы, отмеченные самыми жестокими гонениями на лютеран и кальвинистов (последнее упоминание о Леклерке относится к декабрю 1553 г., но первое упоминание о следующем декане – лишь к 1557 г.)

Если Рабле и имел в виду какого-нибудь конкретного теолога в образе Ианнотуса де Брагмардо, то им был скорее Жан Локуэ, чем активнейший Николь Леклерк. Но Леклерк обиделся на Рабле, а, как мы поняли из его актов, он отнюдь не склонен был прощать обиды. Тогда, в 1533 г., когда он был синдиком факультета, он, по косвенным данным, цитировал Пантагрюэля, объясняясь по поводу цензурных нападков со стороны факультета. Став деканом и приняв самое активное участие в беспрецедентном начинании – составлении Индекса запрещенных книг, – он включил в него “Гаргантюа и Пантагрюэля” (1544 г.)³⁶. Влияние декана с годами не становилось слабее. Так, например, Шарль Дюмулен, известнейший юрист, пользовавшийся покровительством Генриха II и коннетабля Монморанси, предпочел бросить все и бежать в Германию, когда против него выступил Николь Леклерк³⁷.

Семейная эпопея Леклерка неожиданно погружает нас в течение Большой истории. Как мы помним, чтобы помочь семье, теолог поступил на службу к Гизам, герцогам Лотарингским. Не объясняются ли ультракатолические традиции этой семьи, сыгравшие столь важную роль накануне и во время Религиозных войн, влиянием их наставника – Николя Леклерка?

Уже одной этой информации, “вытянутой” из казуса Леклерка и проливающей новый свет на предысторию и историю Реформации,

---

³⁵ Возможно, это изгнание имел в виду Рабле – “толпа... бросилась к Сорбонне, где находился в то время (теперь его уже нет) оракул Левкеции”. Должность синдика была более важной, чем деканская. Деканом автоматически становился старейший доктор факультета. Его функции были чисто репрезентативные. Синдик же избирался из числа самых активных и авторитетных докторов, обладал дисциплинарными полномочиями и представлял интересы факультетской корпорации в ее отношениях с внешним миром.

³⁶ Index des livres interdits. Sherbrook, 1985. Vol. 1: Index de l'Université de Paris / Sous la dir. de J.M. De Bujanda. № 428. P. 359–360.

³⁷ Уваров П.Ю. Два брата-адвоката // Казус, 1996. М., 1997. Вып. 1. С. 213–224.

Контрреформации и Религиозных войн во Франции, вполне достаточно, чтобы оправдать наш микроисторический экскурс. Но есть и иные “профиты”. Мы узнали некоторые подробности о реальной практике составления завещаний, посмертных описей и регистраций нотариальных актов. Семейный конфликт, разворачивавшийся в любопытных “административных формах”, где оружием в борьбе могла быть своевременная или несвоевременная регистрация актов, мог, оказывается, скрывать зерна противостояния аристократических клиентел. Судя по всему, племянники теолога входили в ту группировку парижской элиты, которая была связана с коннетаблем Монморанси, губернатором Парижа. Трудно сказать, продолжал ли декан пользоваться покровительством принцев Лотарингского дома, хотя на это указывают некоторые косвенные признаки: их общая приверженность ультракатолической позиции. Но Гильом Бургуин, советник Парламента, был человеком из клиентелы герцога Неверского.

Многоликий Пьер Галланд

Карьера гуманиста. – Круг общения: ученые и администраторы. – Показатели успеха. – Три затруднительных ситуации: ректор против Сорбонны и против Рамуса, баталии на Пре-о-Клек. – Пикардийский патриотизм. – Меняющиеся идентичности Галланда. – Новые “профиты”. – Человек – это стиль

Третье дарение, затрагивающее тему старости и составленное университетским деятелем, выглядит вполне обыкновенным по сравнению с актами двух наших эксцентричных теологов.

29 апреля 1552 г. Пьер Галланд, ординарный королевский лектор, священник и принципал коллегии Бонкур, “говоря, что во имя большой и пламенной любви и склонности, кои он питал и изо дня в день питает ныне к Жану Бракепоту, священнику, канонику Теруанны, дабы как-то отблагодарить за добрые и приятные услуги, любезности и одолжения, которые тот ему оказал ранее ...он основывает на его имя пожизненную ренту в 100 турецких ливров... а также, чтобы указанный Бракепот, который ныне стар, дряхл и древен, впредь и доживая свои дни смог бы лучше жить и содержать свое состояние...”³⁸.

Броде бы вполне стандартные и уместные фразы, знакомые нам по аналогичным дарениям: “стар, дряхл, древен”. Но если для дарений “по причине старости” подобные описания преклонного возраста достаточно рутинны, то следует отметить, что их использовали лишь для описания плачевного состояния дарителя. Мы же имеем дело с тем, что я назвал “обратным дарением”, когда, напротив, ода-

---

³⁸ Y 98, f. 121.

ривают старого и немощного человека. Достаточно распространены были акты, вознаграждавшие за услуги и заботы, но они не предусматривали темы милосердия и помощи больным и увечным. И вообще, если речь шла о благодарности, то обычно акт составлялся так, что был понятен хотя бы общий характер услуг, достойных вознаграждения и благодарности. Редкие исключения из этого правила относились к дарениям родственникам (например, дарение Жана Локуэ своему глухому племяннику). Галланд мог, конечно, составить свой акт, движимый чувством христианского милосердия. Но в таком случае должно было бы последовать предписание молить Бога за душу дарителя. Галланд такой оговорки не делает, в отличие от того же Локуэ.

В то же время дарение ничуть не смешно и не нелепо. “Отклонения” от нормы столь сокрыты, что могут быть распознаны лишь в процессе обработки десятков актов того же типа. Автор, умело комбинируя различные стереотипные элементы в несколько необычном сочетании, за что-то вознаграждает постороннего человека, причем делает это так, что не привлекает к этому документу внимания.

О Пьере Галланде нам известно достаточно много. Его имя упоминается в работах, посвященных истории знаменитой Коллеж де Франс³⁹. Он был опытным визитером нотариальных контор, и до нас дошло немало его нотариальных актов⁴⁰, что даже дало возможность Ж.Е. Жиро на его примере проанализировать содержание понятия “королевский лектор” в докладе на коллоквиуме, посвященном происхождению Коллеж де Франс (Париж, декабрь 1995 г.).

Выходец из провинции Артуа, он принадлежал к очень скромной семье (его старшая сестра, например, была замужем за парижским подмастерьем). Это не помешало ему осуществить блестящую университетскую карьеру: принципал коллегии, ректор, королевский лектор, старейшина корпорации королевских лекторов, глава королевской комиссии по реформированию университета.

Его труды можно обнаружить в библиографических указателях. Однако список его работ невелик, значительно меньший, чем у его коллег, прочих королевских лекторов. Собственно, единственный солидный труд был написан в начале его карьеры. В тридцатых годах он работал над пространными комментариями к трудам Квинти-

---

³⁹ *Goujet Cl.-P. Mémoire historique et littéraire sur le Collège royal de France. P., 1758; Lefranc A. Histoire du College de France. P., 1893.*

⁴⁰ 29 из них проанализированы М. Юржанс в тематическом каталоге: *Ronsard et ses amis. P., 1989. P. 354–366.* Еще 9 актов содержатся в публикации: *Coyecque E. Recueil d'actes notariés relatifs à l'histoire de Paris et de ses environs au XVIe siècle. P., 1905–1923.* 5 его актов были зарегистрированы в Шатле. Во время моего выборочного зондажа архива нотариальной конторы Франсуа Крозона (François Crozon. XLIX. Связки № 47–49), я отыскал еще девять составленных им актов.

лиана об ораторском искусстве⁴¹. После того как Пьер Галланд стал королевским лектором, он опубликовал лишь две посмертные хвалебные речи (*oraison funebre*) и один небольшой полемический трактат против Рамуса. Зато его собственная смерть вдохновила сразу трех поэтов⁴². Каким же заслугам обязан Галланд своей карьерой?

Главный его жизненный успех, главное дело жизни – руководство коллегией Бонкур, предназначенной для студентов из Пикардии и Артуа. В 1541 г. он становится ее принципалом и остается на этом посту до своей смерти (1559 г.). Много лет спустя (и каких бурных лет!) путеводитель по парижским достопримечательностям, отпечатанный в 1612 г., отмечал красоту этого коллежа, “который был почти полностью переустроен, плотно населен и прославлен Пьером Галландом”⁴³.

Редко какой из нотариальных документов дает большее представление о человеке и его социальных позициях, чем завещание. А от Пьера Галланда до нас дошли целых два завещания.

Первое было датировано 1546 г., когда он опасно заболел. Находясь на одре болезни, он распоряжается относительно выбора места своей могилы – он должен быть захоронен на территории родной коллегии, в здании реконструированной коллежской капеллы. Правда, есть опасение, что она еще не будет освящена к моменту его кончины, и в этом случае он будет захоронен в церкви Сент-Этьендю-Монт, главной святыни для земель аббатства Святой Женеьевы, старейшего центра притяжения университетской жизни.

На его похоронах бедным должно быть роздано денег и хлеба на сумму 50 ливров, т.е. намного больше тех ритуальных 5 су, которые, как мы помним, принято было раздавать на похоронах в пользу бедных.

Книги Пьера Галланда должны быть распределены между его братьями – Жаном, оставшимся на родине, в Артуа, и Гильомом (именно Гильом впоследствии сменит Пьера на посту принципала). Распорядившись относительно имущества, отходящего его сестрам Жанне и Франсуазе и двоюродным братьям, он завещает имущество некоему господину де Маскону и просит сделать так, чтобы Адриан Турнебус получил бы после него его должность королевского лектора. Это весьма интересная информация. Вопреки мнению, укрепившемуся в историографической традиции, “корпорация королевских лекторов” представляла собой отнюдь не физически существующий институт типа коллегии, но пребывание в ее составе было

---

⁴¹ *Galland P. Quintilliani de institutione oratoria libri XII, argumentis Petri Galandi, eiusdem declamationum liber. Lutetiae, 1542.*

⁴² *Jamot F. De Obitu Petri Gallandi. P., 1560; Rollier Cl. Ode ad Guil. Gallandium gymnasiarchum becodianum... Cui accessit eiusdem de obitu Petri Gallandi elegia. P., 1559, Panagius Salis Ronsardum ericedion, ad pias Gallandii elegia. P., 1586.*

⁴³ *Du Breul J. Théâtre des antiquités de la Ville de Paris. P., 1612. P. 710.*

чем-то вроде почетной должности или бенефиция. Король жаловал звание “королевского лектора” (скорее всего это делалось не бесплатно); лектор, оставаясь “на своем обычном рабочем месте”, т.е. пребывая в той или иной коллегии, читал лекции, доступ на которые был открыт для всех желающих, а не только для школяров из данной коллегии. Королевскому лектору полагалось особое жалование, которое, как нетрудно догадаться, выплачивалось крайне нерегулярно. Но примечательно, что сами лекторы рассматривают свое звание если не как собственность, то как держание, нечто среднее между “office”, приобретенной королевской должностью, которую можно отчуждать, и церковным бенефицием, также если не в теории, то на практике передаваемым в рамках одного семейного клана. Адриан Турнебус (Турнеб) сумел стать королевским лектором, не дождавшись кончины Галланда. В следующем, 1547 г., он займет место усопшего и хорошо знакомого нам “королевского лектора в греческом языке” Жака Туза или Туссена.

Далее в завещании выделялись 100 ливров дочери господина Ларше, которая доводилась крестницей Пьеру Галланду. Выделялись также средства на пошив траурных платьев для четырех сестер завещателя, живших *“по ту и по сю сторону (границы)”*. Кроме того, указывалось, что господин де Левердин, каноник из Туруаны, и Рене Кордерер, парижский каноник, назначаются его душеприказчиками, за что каждому из них он дает по серебряному кубку с крышкой.

Бартеlemi Латомус, другой королевский *“лектор во французском красноречии”*, получает дом на болоте Сен-Дени (на этих некогда заболоченных землях располагались, кстати, огороды престарелого пекаря Кристофа Креспина). Судя по всему, Латомус как-то должен был присматривать за молодым человеком, о котором источник повествует следующим образом: *“Юному мальчику, который, как он говорит, дарован ему за любовь к Богу, ныне проживающему с его сестрой Жанной Галланд в предместье Сен-Марсель, он оставляет сумму в 120 ливров единовременно, чтобы тот обучился ремеслу, дабы стать порядочным человеком”*. Эта, несколько витиеватая формулировка, указывала на внебрачного сына нашего каноника-гуманиста – Гильома Галланда, по прозвищу Вуазен.

Прошло тринадцать лет, и вновь “на одре болезни”, теперь уже, увы, в последний раз, Галланд составляет завещание. Место его усыпальницы все то же – строительные работы в коллегиальной капелле завершены, но, впрочем, завещание выделяет дополнительные суммы на украшение капеллы.

Благосостояние рачительного принципала безусловно приумножилось – бедным жалуется теперь уже целых 300 ливров через особое ведомство “*bourse des pauvres de Paris*”, да еще в дополнение к завещанию (codicile) передается *“300 ливров на бедных студентов и*

нищих этого города”, да еще 200 ливров для бедных нуждающихся (разница между “*pauvres mendiants*” и “*pauvres necessiteux*” не проясняется, но сама по себе она весьма любопытна).

Благотворительность в отношении питомцев родного коллежа характерна не только для теологов из Монтегю: Галланд выделяет деньги для повышения шести бурс (стипендий) школярам коллегии Бонкур и учреждает еще две новых бурсы.

В прошлом завещании, как мы помним, Галланд заботился о получении кафедры королевского лектора Адрианом Турнебом. Сейчас же забота о сыне Галланда – Гильоме Галланде по прозвищу Вуазен – вверена Жану Турнебефу, ординарному королевскому лектору, на обучение молодого человека жалуются 100 ливров ежегодной ренты, а самому Жану Турнебефу прощаются все его долги перед Пьером Галландом. Поясним, что “Турнеб” – латинизированная форма от “Турнебефа”; возможно, речь здесь идет о братьях, но, скорее всего, об одном и том же лице – королевском лекторе Адриане Турнебе, имевшем, возможно, два имени. В любом случае, отметим, что забота о своем чаде, “дарованном ему за любовь к Богу”, поручается и в первом, и во втором завещаниях не кому-нибудь, а королевским лекторам – Латомусу в одном случае и Турнебу (Турнебефу) – в другом.

Брат Пьера, Гильом Галланд, должен будет позаботиться об образовании четырех племянников: им выделено по 60 ливров ренты. Сестры, проживающие в Париже, Жанна и Франсуаза, получают по 120 ливров ренты, 100 ливров одновременно выделяется для племянников, проживающих по ту сторону границы, и 300 ливров – крестнице завещателя, дочери Симона Ларше (в первом завещании ей выделялось лишь 100 ливров).

Выделяется также 2 золотых экю для преподавателей коллегии Бонкур “*pour leur recreation de table le jour de son trespass*” – на организацию поминального пиршества.

Все остальное имущество отходит брату Гильому. Повышение статуса Пьера Галланда отражено и в подборе исполнителей этого завещания. На сей раз это не каноники, а советники Парламента Вержюс и Дюмениль, Тома де Бражелон, советник Шатле, и Николь Готье, принципал Аррасской коллегии, и, наконец, брат Пьера Гильом (если в первом завещании душеприказчикам полагалось по серебряному кубку, то теперь упомянуты уже золотые кубки).

Помимо указаний на несомненное социальное возвышение Галланда, тексты завещаний отвечают на вопрос о причинах его жизненного успеха. Его главным социальным капиталом оказываются всесторонние связи с университетской средой. Помимо королевских лекторов, каноников и принципалов коллегий, в завещаниях указаны менее заметные, но не менее важные персоны. Крестница, о которой так заботится Галланд, дочь Симона Ларше, секретаря или писаря (*scribe, escripteur*) университета. Должность эта не отлича-

лась ни особым престижем, ни особой доходностью, однако от нее зависело многое. В условиях поголовной выборности всего университетского руководства, именно секретарь, или, точнее, писарь осуществлял очень важную функцию преемственности; он хранил университетские архивы, вписывал в книги ректора новых членов⁴⁴. Видимо, реальные доходы секретаря университета были немалыми, но обладание информацией и социальными связями стоило еще больше.

В 1540-х годах Пьер Галланд, его брат Гильом, а также его кум Симон Ларше, секретарь университета, организовали компанию по откупу доходов парижского епископа (*revenu et temporel*)⁴⁵. Эта деятельность, начавшаяся во время епископата Жана Дю Белле (покровителя гуманистов и Рабле), не прекращалась до конца жизни Галланда. В этих актах Пьер Галланд назван, кстати, не только королевским лектором, но еще и каноником парижского собора Нотр-Дам.

Одна из сестер Пьера Галланда, упомянутая в завещании Франсуаза, была замужем за Тибо Бессо, парижским купцом и университетским посланником (*messenger juré universitaire*). Как мы помним, они выполняли функции университетских банкиров и обеспечивали связь студентов с той или иной провинцией, осуществляя, как мы бы сейчас сказали, перевод денег. Свойак Галланда именовался в качестве *“присяжного университетского посланника в диоцезе Теруанны”*⁴⁶. Теруанский диоцез включал в себя родные земли Галландов. Вспомним, что один из теруанских каноников был выбран душеприказчиком в первом завещании Галланда. Кстати, и загадочный Жан Бракепот также был назван теруанским каноником. Совершив ряд дарений наследственного имущества в адрес своего зятя Тибо Бессо, Галланд берет у него крупный заем для финансирования реконструкции здания коллегии; причем выплачивать проценты в виде ренты по этому внутрисемейному займу должна была вся коллегия⁴⁷.

В последнем завещании упоминается также и некий Анри Симон. Выяснилось, что он также поддерживал деловые отношения

---

⁴⁴ Не случайно первый историк парижского университета, Цезарий Дю Белле, будет занимать именно эту незаметную должность.

⁴⁵ MC. XLIX. 49 *passim* (нотариус – François Crozon).

⁴⁶ Y 97, f. 281v.

⁴⁷ 1552 г., речь шла о займе 1800 ливров при условии выплаты ежегодной ренты в 150 ливров. *Jurgens M. Documents du Minutier Central des notaires de Paris: Ronsard et ses amis. P., 1986. № 230.* Купцы, выполнявшие функции “университетского посланника” (*messagere universitaire*) обязывались осуществлять почтовую связь между студентами и их родственниками для того или иного диоцеза. Часто они занимались также и кредитованием студентов. Взамен купцы пользовались юридическими и фискальными привилегиями наравне с другими членами Университетской корпорации.

с Галландом. Этот парижский буржуа, который в 1558 г. служил в ведомстве, занимавшемся сборами для нужд фортификации Парижа, конституировал на Пьера Галланда ренту, предоставив заем в 1200 ливров (при выплате 120 ливров ренты). Анри Симон был женат на сестре крестницы Пьера Галланда и дочери Симона Ларше, университетского секретаря. У того было, видимо, в обычае брать себе в кумовья гуманистов – крестником жены Анри Симона был Дора, знаменитый участник Плеяды, тесно связанный с коллегией Бонкур.

Таким образом, перед нами безусловно успешный и практичный человек, дружащий как с гуманистами, так и с хозяйственниками, и умевший извлекать выгоду из своей дружбы. Он превратил коллегию Бонкур в свое “семейное предприятие”, отстроил здание, что требовало немалой изворотливости, сумев передать руководство ею своему брату Гильому. А после смерти последнего в 1570 г., должность принципала перешла в руки их племянника Жана.

Такое представление об удивительной практичности Пьера Галланда, сложившееся на основании знакомства с его нотариальными актами, нашло дальнейшее подтверждение, когда я расширил круг поисков. Остановимся только на трех важных эпизодах его биографии.

23 июня 1543 г. он был избран ректором⁴⁸. Со своими друзьями он предпринял попытку реформировать курс “свободных искусств”. Предлагалось сократить его с трех до двух лет. Аргументы Галланда, приведенные в речи его “оратора” (ректор не должен был выступать сам, его озвучивал какой-нибудь магистр), могли служить манифестом французского гуманизма не в меньшей степени, чем пресловутое “Письмо Гаргантюа”. Ректор утверждал, что нынешнее улучшение изучения наук и искусств, изобретение и распространение книгопечатания, дают возможность уменьшить срок обучения основам искусств в пользу более углубленных занятий. Факультеты искусств, права и медицины поддержали это предложение. Ему воспротивился, однако, декан теологов, а им был никто иной, как Николь Леклерк. Леклерку удалось склонить на свою сторону факультетское большинство. По его словам, сокращение традиционных курсов порождает невежество, которое и есть основная причина лютеровой заразы. Галланда же поддержал канцлер университета (т.е. представитель епископской власти в этой корпорации) Жак Спифам, большой энтузиаст реформирования университетского образования.

Однако сопротивление теологов усиливалось симпатиями влиятельных советников Парламента, обеспокоенных распространени-

---

⁴⁸ Напомню, что ректор избирался из числа магистров искусств сроком на три месяца, соединяя функции руководителя факультета искусств и главы всего университета.

ем опасных вероучений. Пытаясь сломить оппозицию упрямых богословов, канцлер Спифам попытался провести реформу явочным порядком, сославшись на свою власть номинального главы университета. Это была стратегическая ошибка, так как с давних пор единственным главой университет признавал только своего ректора. И тогда Галланд совершает полный поворот: забыв о реформе, он обрушивается на канцлера, мобилизуя общественное мнение университета против этого узурпатора⁴⁹.

Был ли в том политический расчет ректора, осознавшего, что дальнейшее отстаивание гуманистического проекта сталкивает его с Николем Леклерком, с характером которого мы уже ознакомились, со всей грозной “консервативной партией”⁵⁰ теологов и парламентариев, учитывая, что дело происходило в год публикации Сорбонной статей исповедания веры?

Или же то была вполне естественная реакция ректора, признанного главы университета, возмущенного покушением на его прерогативы, и, следовательно, на авторитет всей корпорации? В любом случае, он умел использовать силу различных солидарностей. В своей речи в честь кардинала Шатийона (1547 г.) он выражает интересы гуманистической части университета и намекает на несправедливые гонения со стороны завистливых “обскурантов”⁵¹.

На мой взгляд, во многом именно этой своей речью Галланд способствовал формированию у историков устойчивого представления о противостоянии обскурантов и гуманистов, или, во всяком случае, этой своей речью предоставил хороший материал для подобной концепции.

Однако в своем полемическом труде против Петра Рамуса⁵² он выступает от лица всей корпорации, обрушившись с гневом на опасные новации этого ученого, покусившегося на авторитет самого Аристотеля. На сей раз комиссия суровых теологов во главе все с тем же деканом Леклерком охотно выдала апробацию книге нашего гуманиста, найдя ее “хорошей, католической и против мнения Рамуса” (*bon, catholique et contre l'opinion de Ramus*). Яростная полемика Галланда и Рамуса была увековечена Франсуа Рабле в IV книге “Пантагрюэля”. Их баталию прекратить сложнее, чем военные конфликты татар и московитов. По совету Приапа оба спорщика, носящие имя Петр, т.е. камень, должны быть обращены в каменные

---

⁴⁹ *Du Boulaeus C.-E. Historia universitatis Parisiensis. P., 1679. T. 4. P. 381–386.*

⁵⁰ Такой термин предложил Дж. Фэрдж. См. *Farge J.K. Le parti conservateur au XVI siècle: Université et Parlement de Paris à l'époque de la Renaissance et de la Réforme. P., 1992.*

⁵¹ *Petri Castellani, magni Franciae eleemosynarii vita auctore P.G. Stephanus Baluzius edidit et notis illustravit. P., 1674. P. 34.*

⁵² *Galland P. Petri Galandii literarum latinorum professoris regii, contra nouam academiam Petri Rami oratio. Lutetiae, 1551.*

статуи и выставлены в церкви или на паперти Нотр-Дам, чтобы об их носы тушить свечи, факелы и светильники. “Поскольку при жизни они мерзопакостно (*couillonniquement*) разжигали огонь смуты, мерзких диспутов, сект и клик праздных студентов. На вечную память об этих мелких тщеславцах (*couillonniformes*), достойных скорее презрения, нежели приговора”⁵³.

Второй эпизод биографии Галланда связан с инцидентом на лугу Пре-о-Клер в 1557 г. Этот луг был с незапамятных времен в собственности университета и служил для отдыха школяров. Но аббатство Сен-Жермен-де-Пре претендовало на включение значительной части выгона в территорию своей цезивии. Конфликты возникали с XIII в. Но в XVI столетии наступающий со всех сторон город превращал эту землю в лакомый кусок для застройки, что порождало конфликты особой остроты. Один из них разразился в 1546 г. Внешне это выглядело, как и встарь, столкновением между цезитариями аббатства и студентами, однако конфликт на сей раз скрывал в себе и более сложные противоречия. Среди застройщиков, скупивших окрестные участки и норовивших отрезать землю у школяров, были и доктора университета (среди них, кстати, был и один из племянников Николя Леклерка). По словам самого Галланда, впрочем, не подтвержденным другими источниками, в 1546 году кое-кто в университете пытался свести счеты с корпорацией королевских лекторов, желая переложить вину за студенческие беспорядки на это опасное новшество⁵⁴. Однако в первый раз правительство Франциска I решило дело в пользу университета. Аббат монастыря вынужден был приносить извинения и компенсировать ущерб, хотя им был никто иной, как могущественный кардинал де Турнон.

Конфликт 1557 г. оказался для университета куда более опасным. Наложив сразу же запрет на любого рода собрания студентов, Генрих II был возмущен тем, что студенты не только игнорировали королевское распоряжение, но и оказали сопротивление властям. Король велел примерно наказать виновных. 27 мая Пьер Галланд был вызван в Парламент, “*по заявлению исполнителей правосудия*”, как гласил регистр Парламента, “*по поводу неповиновения и оскорблений, выразившихся в кидании камней, горшков и булыжников в сержантов из окон коллегии Бонкур*”. Парламент инкриминировал принципиалу тяжкое преступление мятежа. Положение становилось угрожающим, ведь король повелел произвести несколько показательных казней. Защищаясь, университетские деятели, и, в частности, принципалы других коллегий, ссылались на грубое нарушение

---

⁵³ Mais que ferons nous de ce Rameau et de ce Galland qui, capparassonnent de leurs marmitons, suppous et aspirateurs, brouillent toute ceste Academie de Paris? J'en suys en grande perplexité. Et n'ay encores resolu quelle part je doibve encliner (*Rabelais F. Le Quart Livre. P., 1967. Prologue. P. 79*).

⁵⁴ Petri Castellani ... vita auctore P.G. Stephanus Baluzius... P. 53–54.

ние университетских прав в этом конфликте, или же, в духе правосудия того времени, возбуждали встречный иск, жалуясь на насилия, разрушения и грабежи, чинимые сержантами и судебными исполнителями. Но Галланд применяет совсем иную тактику. *“Он заявил, что эта курия прослыла не только в сем Королевстве, но и среди иноземных наций защитой невинных и борьбой с клеветой”*. Обычно чрезвычайно лаконичный регистр Парламента на сей раз не мог оставить без внимания элегантную похвалу в свой адрес, произнесенную преподавателем красноречия. Далее Галланд отводит показания, сделанные против него гражданским лейтенантом Шатле, *“поскольку тот – его давний враг”*. Это было вполне обычное действие – отвести свидетеля обвинения, но на сей раз осторожный Галланд прекрасно понимал, что Парламент крайне раздражен неуважением к судебным властям со стороны университета и поэтому сразу смягчает свою позицию: *“он не хочет при этом сказать, что тот не является порядочным человеком”*. *“Что же касается мятежников, которые возмутили студентов, то они желали ему великого зла (mal immortel) из-за того, что он не захотел ни взять их сторону, ни поддержать их безумства... Посему он не захотел находиться в конгрегации, чтобы показать, что он не является причиной этого возмущения, но есть покорнейший слуга короля и этой его курии [то есть Парламента]; что же касается его, то он решил удалиться в собор Нотр-Дам и покинуть коллегия”*⁵⁵. На сей раз он предпочел идентифицировать себя не как королевского лектора и не как принципала коллежа и верного сына университета, но как почтенного благонамеренного каноника. И опять он остался в выигрыше – конфликт был в конце концов улажен, а влияние Галланда в университете лишь возросло.

Кстати, бывлой соперник Галланда, Пьер Рамус, вел себя иначе. Он разразился пространной речью, переведенной на французский⁵⁶ и адресованной королю. Он мотивировал свою позицию королевского лектора: *“Я – питомец короля и университета, желаю исполнить свой долг”* (кстати, в депутации к королю Рамуса сопровождал и Адриан Турнебеф). Был намечен смелый план преобразований, разбивки регулярного парка на спорной территории и радикальное реформирование университета. Королевская власть, озадачившись проблемами слабой управляемости университета, вызванными его архаичной структурой, по всей видимости, не осталась глуха к этому проекту. Генрих II вообще мечтал о всеобщем упорядочении дел в своем королевстве и создал комиссию по реформированию университета (судя по некоторым признакам, эта реформа должна была быть наподобие той, что осуществил в начале XVII в. Генрих IV).

⁵⁵ X1a. 1585, f. 434.

⁵⁶ *Ramus P. Harrangue de Pierre de la Ramée touchant ce qu'ont fait les deputez de l'Université de Paris envers le Roy / Mis en latin et en françois. P., 1557.*

В комиссию был введен Рамус, как генератор идей и как человек кардинала Лотарингского. Но возглавил ее никто иной, как дуаен королевских лекторов Пьер Галланд. И только скорая его болезнь и смерть поставили во главу комиссии Петра Рамуса; проект заглох, столкнувшись с оппозицией докторов и нехваткой государственных средств, страна вступила уже в новую эпоху. А ведь проживи Галланд чуть подольше, он, с его умением манипулировать идентичностями и хозяйственной сметкой, вполне мог бы добиться куда большего успеха.

Но вернемся к еще одному характерному эпизоду биографии Пьера Галланда. Он менял личины, выступая то в роли рупора интересов гуманистической части университета, королевских лекторов, то в роли сторонника всей корпорации, то благонамеренного каноника. Главным для него, видимо, было преуспевание в родной коллегии. И для этого он использовал еще одну роль, роль “пикардийца”. Мы уже поняли, что связь с родными краями много значила для Пьера, ведь и каноники теруанского диоцеза, и артуаские родственники упоминались в его актах. Но выходцы из Артуа и диоцеза Теруаны входили в Пикардийское университетское землячество.

В качестве принципала коллегии Бонкур, входящей в “Пикардийскую нацию”, он оказался в весьма трудном положении во время нового витка Итальянских войн в 1551–1552 гг., когда значительная часть доходов коллегии была блокирована, оказавшись по ту сторону границы. Это землячество объединяло выходцев из Артуа, Пикардии, Фландрии и иных земель, некогда входивших в состав владений герцогов Бургундских, ныне же в большинстве своем принадлежавших испанским Габсбургам. Напомню, что “нация” избирала должностных лиц, участвовала как юридическое лицо в университетской ассамблее, обладала некоторой недвижимостью. Когда вспыхнула война между Генрихом II и Карлом V, большинство членов “пикардийской нации” покинуло Францию. Но Галланд сумел мобилизовать солидарность этого землячества и даже извлечь некоторую выгоду из ситуации. Он успешно маневрировал, переводя часть имущества пикардийцев на имя своей коллегии, тем самым спасая его от угрозы конфискаций. Так, 9 сентября 1551 г. ассамблея “подданных” Пикардийской нации решает отдать Пьеру Галланду в аренду заброшенный дом на улице Фуар и выделить две тысячи ливров на его реконструкцию. На портале дома должны были быть помещены герб Пикардийской нации и надпись: “*старые школы Пикардии, или дом господина Буридана*” (les vieilles escolles de Picardie alias Domini Buridani). 2 сентября 1552 г. было заключено соглашение между Пьером Галландом, действовавшим от имени епископа и каноников Терруаны, с мэтром-администратором дома Турнэ⁵⁷,

---

⁵⁷ Им в ту пору был Филипп де Ла Монтань, уроженец города Армантьера, долгие годы находившийся в услужении у Эразма.

“*попросту называемым коллежем Турнэ, расположенным близ коллежа Бонкур*”, о прекращении процесса в Шатле по поводу претензий терруанцев на коллеж Турнэ на период войны, поскольку епископ Терруанский находится в землях императора и держит его сторону. Галланд обещает компенсировать мэтру-администратору убытки в случае возможной конфискации в ходе войны и обязуется оставить калитку со стороны коллежа Бонкур открытой для прохода в Коллеж Турнэ, “*при условии, что жильцы будут жить достойно и в школьной дисциплине*”. В обмен Галланд получает кабинеты, комнаты и залы, примыкающие к дому Турнэ, в пользование на шесть лет⁵⁸.

Тогда же, в апреле 1552 г., коллегии Бонкур потребовалось обратиться в Парламент в связи с двумя вопросами. Нужно было подать апелляцию в Парламент на постановление Шатле, решившего не в пользу коллегии ее спор с владельцем соседнего садика (возможно, именно этот процесс дал основание Галланду видеть в главе суда Шатле своего личного врага). Но, главное, надлежало обратиться в Парламент, чтобы изыскать необходимые средства для завершения строительства и выплаты старых долгов, поскольку за последние десять лет была занята сумма в 11 тысяч ливров для строительства капеллы, “*с целью показать хороший пример детям и склонить их к молитве*” (умел же Галланд находить нужные слова, обращаясь к ортодоксам из Парламента!), и для строительства рядом с капеллой жилого корпуса с необходимыми службами. Ныне же коллегия испытывает большие трудности, поскольку ее доходы давали земли, лежащие вне королевства.

Действовать надо было быстро, однако сложность состояла в том, что коллегия могла обращаться в Парламент лишь от лица всех своих полноправных членов. Но большинство из них покинуло Париж в связи с войной. Галланд и здесь сумел найти выход. Он разыскал оставшихся в Париже уроженцев Терруанского диоцеза, которые *имели право претендовать на должность принципала коллегии Бонкур, если бы эта должность оказалась вакантной* (*originaires de l'évêché de Thérouanne, et capables de le principauté du collège en cas de vacation*), чтобы они составили поручительство на имя Галланда, дававшее ему право действовать от лица всей коллегии⁵⁹. Среди собравшихся насчитывалось семеро магистров искусств, священник и два каноника Терруанской церкви, проживающих в Париже. Одним из этих каноников и был престарелый Жан Бракепот. Видимо, он обладал достаточным авторитетом в землячестве, чтобы склонить всех прочих принять нужное Галланду решение. Обратим внимание на дату: 26 апреля 1552 г. Через три дня Галланд составит то самое дарение, с которого началось

---

⁵⁸ Jurgens M. Op. cit. № 228, 331.

⁵⁹ Ibid. № 229.

наше знакомство с ним. Теперь нам понятны причины его благодарности Бракепоту, столь умело представленные в акте, как забота о старом канонике.

Думаю, что на сей раз нет даже смысла перечислять все возможные “профиты”: здесь и “изнанка” деятельности гуманистов, и повод для вопроса, который редко кто задает – гуманистические штудии были одним из самых “скоростных” лифтов, ведущих к социальному возвышению. Но для того, чтобы оно было прочным, следовало приложить дополнительные усилия: образованность, талант, эрудиция должны были подкрепляться хорошим “менеджментом”, гибкостью.

Выявляются звенья университетской системы, по-разному используемые Галландом: корпорация в целом, ее ассамблея, факультеты, нация, корпорация королевских лекторов, коллегия. Причем, основной составляющей университетской жизни, ее основными рамками, стали именно коллегии, которые были практически приватизированными, в данном случае – кланом Галландов.

Казус Галланда может также несколько смягчить привычную историографическую оппозицию: “гуманисты из королевской коллегии против обскурантов из Сорбонны”. Помогает он также выявить реальную роль военного конфликта в “национализации” жизни университета. Но есть еще и “улов”, полезный для литературоведов. Вряд ли кто-нибудь из комментаторов Рабле осознавал, насколько меткой была характеристика, вскользь данная им Галланду, который “имеет немало экю прекрасных и звонких... любит богатых людей... тонкий и хитрый лис”⁶⁰.

“Скрытая девиантность” цитируемого дарственного акта соответствовала, как кажется, личным чертам Пьера Галланда: умного и ловкого умеренного новатора.

Три рассмотренные случая относятся к одному типу дарений по причине старости и составлены университетскими интеллектуалами. Фиксируя то или иное отклонение от нормы, мы предпринимаем дополнительные разыскания, которые подтверждают первоначальное предположение: за необычным, нестандартным актом скрывается неординарная личность или неординарная ситуация. Более того, создается впечатление о некотором стилистическом соответствии человека и составленного им документа. Во всяком случае, все

---

⁶⁰ В то время как его антагонист, Петр Рамус, “из числа тех людей, которых любят. Если один хитрый лис, то другой поносит изустно и письменно, лает на древних философов и ораторов аки пес”. (Tous deux me semble autrement bons compagnons et bien couilchluz. L’un a des escuz au Soleil; je dis beaulx et tressbuchans; l’autre n’est ignorant. L’un aime les gens de bien; l’autre est des gens de bien aimé. L’un est un fin et cauld renard; l’autre medisant, mesecrivant et abayante contre les antiques Philosophes et Orateurs, comme un chien...) *Rabelais F. Le Quart Livre... Prologue. P. 83.*

его документы чем-то похожи друг на друга. Но не находимся ли мы под гипнозом университетских титулов наших дарителей? То, что теологи или гуманисты обладают достаточной культурой, чтобы выразить свои мысли самостоятельно, само по себе не является таким уж откровением. Надо проверить наше предположение на других типах источников и для других, возможно, не столь высокообразованных дарителей.

ЗАВЕЩАНИЕ, ДАРЕНИЕ, РЕВОКАЦИЯ

Образцовый Тьерри Дюмонт

Некоторые странности олографического завещания: отсутствие благочестивых формул. – Любовь к “Синим детям”. – Любовь к родной усадьбе. – Фонтаны и мостовые. – Протестант или бюрократ?

Мы уже знаем, что, помимо университетских дарений и дарений, связанных с брачными контрактами, третью по величине группу актов составляли дарения в форме завещаний. Подобно тому, сколь информативным для нас оказался самодельный акт, составленный теологом Жаном Локуэ, весьма интересным показалось мне и завещание Тьерри Дюмонта.

12 мая 1559 г. Катрин Корню, вдова Тьерри Дюмонта, сеньора д’Аси, мэтра прошений Дворца (maître des Requêtes d’Hôtel), зарегистрировала завещание, написанное собственноручно покойным супругом 7 января того же года и заверенное свидетелями. Такие “олографические” завещания (т.е. документы, составленные собственноручно, без помощи нотариуса) сами по себе весьма редко встречаются в XVI в. По данным Пьера Шоню, под руководством которого в 1970-е годы проводилось обследование парижских завещаний, доля таких “самодельных” актов не превышала в указанное время 5% от общего числа. Уже одно это придает документу необычный вид: выдающие его профессию многочисленные латинские цитаты, рассыпанные к месту и не к месту, при нотариальном редактировании скорее всего были бы устранены. Завещание не слишком длинное, поэтому позволю себе привести его почти полностью:

“Во имя Отца, Сына и Святого духа, не желая, чтобы я, Тьерри Дюмонт, скончался без завещания, я составил и составляю настоящее мое завещание, которым я нижайше прошу моего Создателя per nomen filii in que specie certis salutem ne intres in iudicium tecum que servis inutile et pec[c]ator sum maxime. Но да будет ему угодно даровать мне отпущение прощение моих грехов. Я хочу, чтобы Жану Барре, моему отцу-кормильцу (mon pere pourrisier) выдавалось бы в течение его жизни 6 сетье пшеницы и три меры ви-

на по половине ке (*que*), 300 вязанок хвороста и 20 парижских ливров для его содержания⁶¹.

Далее (*item*) я даю детям госпиталя Троицы (зачеркнуто: “детям Троицы”) 400 ливров ренты из тех, что я имею на Парижскую ратушу, чтобы они были использованы на поддержание ремесел, а не иначе, резервируя узуфрукт *mihi et iheri*. А в случае, если ремесла не будут поддерживаться, я желаю, чтобы душеприказчик данного завещания оные четыреста ливров (ренты) продал бы и деньги пошли бы на благотворительные дела (*oeuvres piteuses*).

Господину де Вокаблею, моему кузену, я жалую 200 ливров ренты, конституированной на указанную Ратушу, чтобы они были его собственностью, и резервирую узуфрукт, как было сказано выше. Сверх того я оставляю ему узуфрукт половины замка д’Аси, нижний двор и сад *ut ille spatium liceat* в пределах всей ограды по его желанию так, что господин [пропуск] будет там жить и моя жена также. Я даю мадмуазель де Лонгей, моей племяннице, 1500 золотых экю-солей, которые она получит после моей смерти и смерти моей жены с моей собственностью, с обязательством не претендовать более на мое наследство... Я желаю, чтобы взаимное дарение *Inter iheres* не теряло своей силы *neque cautionem ab ei nisi iuratem prestari volo*. Я оставляю жителям деревни д’Аси двадцать ливров земельной ренты из тех, что я там приобрел, при условии, что они обяжутся поддерживать вымостку имеющихся там ныне дорог. Я дарую господину Фруадвалю, моему воспитателю, золоченый кубок с крышкой, из коего я привык пить. По поводу моей могилы я хочу, чтобы мое тело было предано земле в церкви Фонтанне-ле-Нонэн подле моего деда. И им [церкви?] дарую 20 турских ливров земельной ренты, принадлежащей мне в деревне Аси из моих приобретений. Я дарую Мари Корню, кузине моей жены, все деньги, что должны остались мне ее отец и мать...

Я выбрал и назначил в качестве душеприказчика по настоящему завещанию господина де Вокаблея, моего кузена со стороны жены, коему я подчиняю все мое имущество для исполнения одного (завещания) и каковое я оплатил, дабы он сделал все так, как я бы сделал в подобном случае. Составлено в Париже в седьмой день января 1558⁶² под моей подписью и печатью.

И ниже подписано: Дюмонт.

---

⁶¹ Здесь это, видимо, муж кормилицы, дядька-воспитатель, явно деревенский житель крестьянского типа. Удивляет исчисление суммы в парижских ливрах – они были достаточно архаичны в тот период. Так исчислялись какие-нибудь старинные виды платежей, фиксированных в давние времена, вроде цензов и старинных рент. “Ке” (квесталы) – мера жидкости, равная примерно 220 литрам.

⁶² Арабскими цифрами.

И еще ниже: approbo de ma femme approbo et reliqua et scelle en plaquet и запечатано красным воском.

По форме codicille – дополнения к завещанию и без ущерба для предыдущего завещания, которое я желаю оставить в силе. Я завещаю месье де Фруадмонту quotannis quandum viveret две меры вина Аи, поставляемые в его погреб. Мадмуазель де Вокаблей, моей кухне, 50 экю, Лиро – 50 экю, чтобы помочь ему в расходах, кои ему надлежит понести, quando promovebitur ad sacrum presbyteratus ordinem, если ему их не хватит, сверх чего я ему оставляю и 60 ливров пожизненной ренты на все мое имущество... чтобы он взимал эту ренту собственноручно. Грослату я оставляю 75 ливров, чтобы его содержать, что составит по 25 ливров в год. Коттону – то, что ему понадобится, чтобы войти в ремесло и по истечении срока чтобы он был доставлен назад в Орлеан и отдан своей матери.

Составлено в Париже”.

Во всем этом, на первый взгляд, мало удивительного. Дарения многих парижских офисье свидетельствовали об озабоченности их загородными имениями, увлечении виноделием, содержали упоминания о муниципальных рентах (их жаловали тем охотнее, что они распространялись среди чиновников “на добровольно-принудительной основе”, а после банкротства Большой компании (Grande Partie) их доходность начала стремительно падать). Не удивляет также обилие канцеляризов и перемежающие французскую речь латинские фразы. Странно другое: отсутствие благочестивых формул, абсолютно необходимых в любом завещании. Нет никаких обязательных раздач бедным на помин души, нет неперенных указаний на желаемый характер погребального обряда и поминальных служб. Помогая каким-то людям, чей статус был явно ниже его собственного, Дюмонт не оговаривает столь привычного для того времени обязательства молиться за душу благодетеля. Парижские чиновники достаточно часто помогали сиротским приютам, но при этом ставили условием молиться за дарителя и заказывать мессы. Почему же всему этому Дюмонт предпочитает заботы о производственном обучении и “урбанизации” деревни, входящей в его сеньорию? Что стоит за общим впечатлением об удивительно “сухом” характере завещания?

Дюмонт был родом из старой парижской чиновной фамилии. Взлет его карьеры начинается в середине 40-х годов, когда он в 1544 г. по инициативе короля стал советником Парламента, сохранив за собой и прежнюю должность в Курии косвенных сборов. Король мотивировал это назначение “наплывом дел”⁶³ – такая формулировка употреблялась, когда в Парламент проводились королев-

---

⁶³ *Maugis E. Histoire du Parlement de Paris de l'avènement des rois à la mort d'Henri IV. P., 1913. Vol. 1. P. 164.*

ские протезы. Дюмонт упоминается в составе разных комиссий (в частности, он был командирован Генрихом II в Гиень после восстания в Бордо 1548 г.), ему поручались дела, связанные с решениями проблем парижского муниципалитета: раскладка налогов, отчуждение королевских зданий⁶⁴, проверка муниципальной отчетности, фортификационные работы⁶⁵. Полученная в 1554 г. должность мэтра прошений Дворца означала нечто вроде должности чиновника по особым поручениям. Причем его “профилем” была муниципальная политика.

В том же году он получил задание, связанное с управлением приютом Троицы. Патронат над сиротскими домами был важной составной частью великого культурного проекта ренессансной монархии, желающей явить пример создания “нового человека”, необходимого для достижения всеобщей гармонии – то скрытой, то явной цели Франциска I и его наследника Генриха II. Госпиталь Святой Троицы, иначе именуемый госпиталем “*синих детей*”, названных так по плащам, выдаваемым сиротам, призван был обучать подкидышей и сирот ремеслу. Впрочем, госпиталь не справлялся с функцией “Дома малютки”, и с 1545 г. туда начали брать лишь детей, “вышедших из первого возраста”. Ремеслу там начинали обучать с семи лет. Часть детей работала в мастерских госпиталя, производя товары на продажу, часть отдавали в город в обучение мастерам. К 1545 г. число учеников оценивалось в 300–400 человек. Репутация у учеников была дурная из-за нарушения ими цеховых предписаний и из-за их склонности к побегам и мелкому воровству. В 1549 г. постановление Парламента запрещало родственникам или знакомым забирать детей из госпиталя-интерната.

Король предпринял широкомасштабную попытку преобразования этого учреждения. По его замыслу, госпиталь Троицы должен был стать образцовым образовательным учреждением закрытого типа, формирующим мастеров высокой квалификации, специалистов по ковро ткачеству, золотошвейному делу, шелкоткачеству⁶⁶. Чтобы предотвратить текучесть кадров, королевский эдикт от 12 декабря 1553 г. сулил немалые льготы ремесленникам, сотрудничавшим с госпиталем Троицы – мастерам разрешали в обход уставов брать лишних учеников, а подмастерьям гарантировалось облегченное получение метризы (без шедевра и без организации обязательного дорожного банкета). На деле реализация этого красивого

---

⁶⁴ С февраля 1548 г. Дюмонт работал в комиссии по продаже и сдаче в аренду под застройку пустующих участков Парижского рынка – Halles (Xla. 8616, f. 81v–83).

⁶⁵ Registres des délibérations du Bureau de la Ville de Paris. Vol. 3. P. 61; Vol. 4. P. 359–360; Catalogue des Actes d'Henri II. P., 1990. T. 3. 07.17.2.

⁶⁶ Babelon P. Nouvelle histoire de Paris. P., 1987. P. 151, 186–189.

плана была чрезвычайно затруднена: дети часто убегали, квалифицированных мастеров из учеников не получалось. Обеспокоенные цеховые мастера бойкотировали преподавателей Госпиталя и, судя по документам, грозили им расправой. А в 1557 г. королю пришлось выделять специальных сержантов для поиска беглых воспитанников из числа *“синих детей”*. В своем завещании Дюмонт имел все основания опасаться за правильность расходования сумм, выделенных на столь важное и столь сложное дело.

Затевая реконструкцию госпиталя Троицы, король проявил озабоченность соседством госпиталя с кладбищем, где хоронили *“бедных больных, умерших в Отель-Дьё”* (Божьем доме); особую тревогу вызывали захоронения больных, умерших в результате эпидемий. Естественно, что детей надлежало защитить от разного рода заразы, как моральной, так и физической. Показательно в этом отношении дарение коллеги Дюмонта Жана Эннекена, советника Палаты прошений (представителя одного из самых древних парижских чиновных кланов), который распорядился производить регулярное богослужение в том же госпитале Троицы, *“где находятся малые дети, чтобы предохранить их от опасности стать лютеранами”*⁶⁷.

В марте 1555 г. король поручает Тьерри Дюмонту важную, но деликатную задачу: обеспечить перенесение кладбища и расширение госпиталя, не обременяя при этом королевскую казну, полностью перенеся расходы на счет городского бюджета. Муниципалитет (Городское Бюро) всеми силами противился этому, ссылаясь и на нехватку средств, и на опасности предлагаемого королевским распоряжением проекта, согласно которому кладбище предлагалось перенести на один из островов Сены, ниже по течению, и впредь хоронить больных там⁶⁸.

Дело затягивалось. Король настаивал на полномочиях Дюмонта, муниципалитет выдвигал многочисленные возражения и предлагал встречные варианты. Для нас примечательно, что одним из доводов горожан был отвод кандидатуры Тьерри Дюмонта: *“И что не справедливо, чтобы Дюмонт, являющийся одним из правителей госпиталя, занимался этим делом, принимая решения (‘информируя’ – informe) об удобстве или неудобстве, ибо тогда он будет и судьей, и одной из сторон”*⁶⁹.

Таким образом, выясняется, что наш герой уже давно был связан с госпиталем *“синих детей”*. В 1552 г. вдова пристава королевской Канцелярии совершает богатое дарение (несколько парижских домов и рент) в адрес госпиталя Троицы, представленного советником Парламента и прошений Дворца Тьерри Дюмонтом, *“отряжен-*

⁶⁷ Y 94, f. 135v.

⁶⁸ RDBVP. Vol. 4. P. 117.

⁶⁹ Ibid. P. 399–400.

ным Курией для надзора за указанными детьми, заботами и делами указанного госпиталя”⁷⁰.

В том же акте назван и другой его коллега по управлению госпиталем – некий Гильом Ларше, секретарь суда в Мо. Вполне возможно, что основание этого госпиталя было как-то связано с епархией Мо, откуда и происходил род Тьерри Дюмонта⁷¹. В таком случае, его пристрастие к этому госпиталю могло быть следствием его верности узам землячества, подобно тому, как радение Галланда о коллегии Бонкур было следствием его пикардийского происхождения. Мне удалось отыскать дюжину актов Дюмонта, относящихся к различным имуществам и людям в окрестностях Мо и в Крепи-ан-Валуа.

Приверженность идее реконструкции госпиталя “синих детей” отнюдь не была формальным следованием королевскому приказу: среди минут нотариальной конторы, где хранились документы Дюмонта, нашелся и акт, во многом дополняющий информацию регистров Парижского муниципалитета. Пересказывая историю с переносом кладбища, Дюмонт от лица прочих управляющих госпиталя сообщает, что они готовы начать работы, оплачивая их из своего кармана, не дожидаясь поступления средств со стороны муниципалитета. Оставалось лишь определить точное место, на которое могло бы быть перенесено кладбище.

Не удивительно, что судьбы “синих детей” продолжали волновать его даже на смертном одре.

Но разногласия не омрачили его отношений с городом. 6 мая 1558 г. муниципалитет принимает любопытное решение: “*учитывая любезности, оказанные господином Дюмонтом этому городу и согласно его просьбе*”, начальнику городской артиллерии предписывалось выдать ему “*три фальконета и два аркебуза с курками (harquebouzes a croq)*... для защиты его дома в Аси...”⁷². Ничего подобного в муниципальных регистрах ранее не встречалось. Попытки Дюмонта защитить таким образом свою горячо любимую сеньорию (на благоустройство которой он оставлял средства в своем завещании) от императорских солдат после битвы при Сен-Кантене выгля-

---

⁷⁰ Commis par la Court pour avoir esgard sur les dicttz enfans, négoces et affaires dudict hospital (Y 97, f. 9). 13 января 1557(6) г. попечители госпиталя, среди которых назван и Тьерри Дюмонт, принимают решение о переносе кладбища и постановляют ходатайствовать перед муниципалитетом о выделении соответствующего места. Этот нотариальный акт являет собой своего рода генеральную доверенность, уполномочивающую попечителей действовать от лица госпиталя. – МС. XX. 32. (13.01.1556(7)).

⁷¹ Etchehoury M. Les maîtres des requêtes de l'Hôtel du Roi sous les derniers Valois (1553–1589). P., 1991. P. 475. О его связях с этими местами говорят его акты: Y 94, f. 228; МС. XX. 22 (15.01.1549); МС. XX. 23. Р. XXVI, XXVII, XXIIIv., XXIX.

⁷² X1a. 1579, f. 174. 198v.

дят поэтому весьма эксцентрично. Впрочем, если в мае он хотел еще воевать, то с осени уже ощущал приближение смерти. Совместно со своей женой он в ноябре регистрирует в Шатле их взаимное дарение, составленное двумя годами ранее (оно упоминалось в завещании). Характерно, что, как и в завещании, в этом документе отсутствуют благочестивые сентенции, бывшие хоть и формальной, но практически неотъемлемой частью этого типа актов⁷³.

Дюмонт торопился. В декабре он резигнирует (т.е. отчуждает или, попросту говоря, продает) свою должность мэтра прошений королевского дворца в пользу некоего Рене де Бурнефа (Rene de Bourgneuf)⁷⁴. В том же месяце, 20 декабря 1558 г., он составляет дарственную Парижской женской обители “Ave Maria”. Но и в этом, уже явно предсмертном, дарении он остается верен себе: никаких благочестивых формул, никаких привычных для такого акта месс за помин души. Обители передаются 20 ливров муниципальной ренты. Причина дарения – *“нежелание присваивать себе то, что не принадлежит по праву”*. Возможно, он считал обещанные по займам проценты неканоничными: в конце войны правительство лихорадочно пыталось организовать новые займы под баснословные проценты, принудительно распространяя их среди чиновников⁷⁵. Но Дюмонт, как и в завещании, озабочен “урбанистическими” проектами – *“учитывая особое доверие, питаемое к монахиням”*, ренты предназначены для того, *“чтобы платить смотрителю фонтанов (le fontanier) для содержания некоторых фонтанов города Парижа и для осуществления необходимых работ”*⁷⁶.

Не следует ли из подобного нотариального поведения вывод о тайной приверженности Дюмонта протестантизму?

Пьер Шоню отмечает, что во второй половине XVI в. 29% мужских и 17% женских завещаний из обследованной им выборки не содержат упоминаний о заупокойных мессах. Из них только 7% и 4% соответственно приходятся на долю заведомых протестантов. Почему остальные не проявляют заботу о, казалось бы, столь важной проблеме, как пребывание души в Чистилище, остается для Шоню загадкой. Это может указывать, по его мнению, и на высокую степень доверия к наследникам, когда ясно, что мессы будут и так отслужены, и на предварительное соглашение с душеприказчиком, и, наконец, на крайнюю бедность завещателя⁷⁷. Думается, что ни одно

---

⁷³ Y 97, f. 220v.

⁷⁴ Maugis E. Op. cit. P. 21 Он, правда, ошибочно указывает дату смерти Дюмонта (1564 г.).

⁷⁵ Schnapper B. Les rentes au XVIe siècle: Histoire d'un instrument de crédit. P., 1957. P. 160.

⁷⁶ MC. XX. 32.

⁷⁷ Chaunu P. La Mort à Paris: XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles / Avec la collaboration d'A. Pardaihé-Galabrun et al. P., 1978. P. 289.

из этих трех предположений в данном случае не подходит. Ведь Дюмонт возвел такую практику в систему. Но видеть в нем “твердокаменного” протестанта тоже необоснованно. Ведь он *“нищает доверие”* к монахиням, а одного из своих протеже желает видеть достигшим *“святых чинов духовенства”*. Впрочем, наверное, вряд ли оправданно переносить реалии Религиозных войн на предшествующий период. Дюмонт мог пока вполне органично оставаться в лоне католицизма и сомневаться в спиритуальной ценности заупокойных месс, как и иных “добрых дел”.

В первую очередь он – образцовый администратор, при всем своем практицизме увлеченный идеями ренессансной монархии: преобразованием городской среды, воспитанием гармоничного человека. Уникальность его завещания в значительной мере продиктована его стилем поведения, индивидуальными чертами, проявляемыми во всей его деятельности, его прагматизмом, рационализмом, упорством в достижении цели. Были бы у него дети, эти черты в завещании не столь бросались бы в глаза. Но ведь они присутствуют и в других его актах. Он верен себе, оставаясь отличным от других. Но неповторимые черты актов Дюмонта оттеняли его социо-культурную идентичность, придавая ему свойства образца для своей социальной группы. Не случайно существует мнение, что в правление Генриха II впервые появляется институт, который получит свое полное завершение при Ришелье и Людовике XIV, – институт королевских интендантов. Дюмонт, наверное, был из числа тех королевских “порученцев”, на которых Генрих II мог полностью положиться в выполнении своих амбициозных планов переустройства всего королевства.

Предусмотрительный Жан Пилер

“Раздельный акт” 1539 г. и его уточнение 1548 г. – Дети от двух браков и “проектное мышление”. – Еще одно “олографическое” завещание. – Собственные похороны: простота и скромность. – Благотворительность на практике: вдовий дом и его насельницы. – Раздача бедным как пугало для наследников. – Отношения с детьми: подстраховка на случай неблагоприятного исхода событий. – Особый стиль нотариального поведения. – Урожай “профитов”. – Откуда берется оригинальность в нотариальном акте?

Адвокат Парижского парламента Жан Пилер (варинат написания – Ле Пилер) в 1539 г. зарегистрировал дарственную своим детям от второго брака. По сути дела, речь шла о разделе имущества: адвокат стремился защитить интересы своих младших детей. Поэтому значительную часть своего имущества, которое, согласно кутюме, должно было бы быть разделено поровну между всеми детьми, он, не дожидаясь смерти, дарит младшим, стремясь обезопасить их от притязаний старших, которые, с его точки зрения, и так уже дос-

таточно обеспечены. Подобных актов в регистре Шатле немало, но мой интерес к персоне Жана Пилера вызвала особо колоритная мотивация дарения. *“По причине того, что наш Господь Бог даровал ему с Томассой Понсе, его первой женой, и Денизой дю Троншон, его нынешней женой, большое число детей”*, он занялся переделом наследства. Дети от первого брака, по его словам, уже хорошо устроены: одних дочерей он отправил в монастырь, других выдал замуж, выделив им имущества больше, чем та доля, которая причиталась им из материнского наследства. Сыновья же либо содержатся в школах, либо отданы в учение к прокурорам, и Пилер *“выплачивает за них пенсион, чтобы ввести их (в профессию стряпчих), ознакомить их с судейской практикой, дабы они в будущем имели средства к существованию”*. Но мэтр Жан опасается, что, несмотря на все благодеяния, оказанные им его детям, по поводу раздела его наследства возникнут неизбежные ссоры. *“Из-за подобных случаев уже многие могущественные, богатые и влиятельные дома пришли в ничтожество, и дети стали вынуждены добывать себе хлеб милостыней, растратив все имущество на ведение процессов, питая вечные беспокойства и гнев друг против друга”*. Дав эту мрачную экспозицию, Пилер моделирует вполне конкретную ситуацию: *“...его названные дети от второго брака совсем малы, не смогут помочь друг другу и, прежде чем будут выращены, уже растратят свое имущество в тяжбах и процессах, в которых они не смогут совладать с детьми от первого брака, породнившимися со стряпчими и способными получить многие выгоды, каковых не имеют дети от второго брака”*. Принимая во внимание эти соображения, Жан Пилер совершает дарение многочисленных своих парижских домов, рент и участков земли в пригородах. Дарение обставляется юридически очень грамотно: ему предшествует документ об эмансипации детей, что делает несовершеннолетних правоспособными. Свидетелем сделки становится особый куратор из числа прокуроров Парижского Шатле, выделенный правосудием, чтобы представлять интересы несовершеннолетних детей. В дарении оговаривается, что Жан Пилер и его супруга, Дениза дю Троншон, сохраняют права узufrукта на передаваемое имущество, причем адвокат сохранял за собой право закладывать на условиях ипотеки имущество на сумму до 1200 ливров. Дети же не имели такого права. А если бы они попытались это сделать, то данное дарение было бы аннулировано. При этом оговариваются обязательства детей по продолжению благочестивых деяний, начатых еще матерью Пилера: раздача хлеба и вина бедным, регулярное чтение месс и прочие обязательства. Дарение было составлено в конторе нотариусов Мопу и Бастонно 23 мая 1539 г. Регистрация же была осуществлена несколько позже, 3 марта 1540 г.⁷⁸, мэтром Флореном Пиро, тем самым куратором детей,

---

⁷⁸ Y 86, f. 115v.

который был назначен правосудием. Не будем делать вывода о беспечности адвоката Пилера, затянувшего регистрацию столь важного дарения, напомним, что сам “регистр инсинуаций” Шатле начали вести только с осени 1539 г.

В этом акте не называются имена детей, что весьма нехарактерно для документов подобного рода. Но мы можем получить кое-какую информацию о детях Пилера от первого брака из некоего дарения, зарегистрированного 17 августа 1546 г. Мэтр Жан Пилер-младший, проживающий в городе Флоранс, что в сенешальстве Тулузском, посетив Париж, “заявляет о дарении мэтру Мишелю Ле Пилеру, своему брату, стряпчему Парижского Шатле, всех своих прав на имущество, причитавшееся ему после кончины покойной Мадлен Ле Пилер, их сестры, при жизни монахини”⁷⁹. Брат-стряпчий аккуратно зарегистрировал это дарение уже на следующий день, 18 августа 1546 г. Таким образом, хотя бы часть планов Жана Пилера сбылась: его сыновья “вошли в профессию” судейских.

В 1548 г. адвокат уточняет некоторые статьи дарения 1539 г. В своем новом акте он отказывается от той статьи, в которой ранее резервировал за собой возможность поместить под ипотеку имущество на сумму до 1200 ливров, “так как он говорит, что закончил свои дела и что его решение таково, чтобы с Божьей помощью более ничего не закладывать и не помещать под ипотеку”. Также он, в дополнение к многочисленной недвижимости в Париже, передает детям еще один дом в тупичке, выходящем на улицу Кенканпуа, примыкающий к дому “Оловянного горшка”, который ранее принадлежал Нивуазенам⁸⁰. Этот запоминающийся домовый знак “оловянного горшка” встретился мне в другом акте, составленном год спустя: в своем дарении некий крестьянин Жан Дусе упоминает дом на улице Кенканпуа, “где висит обычно оловянный горшок”, дом, по поводу которого ведется процесс в Шатле, ввиду узурпации его Жаном Пилером⁸¹. Таким образом, наш адвокат остается весьма активным и продолжает округлять свои городские владения, порой достаточно спорными методами.

И тем не менее акт 1548 г., в котором Пилер говорит о завершении своих дел с Божьей помощью, можно назвать знаковым. Этот акт был составлен 3 марта 1548 г., и тем же числом датировано завещание адвоката. Мне посчастливилось отыскать его текст в минутах конторы нотариуса Жака Жуайе. Судя по всему, его составлял сам Жан Пилер. Во всяком случае, этот документ представляет собой отдельную тетрадку, подшитую к связке минут и исписанную мелким, вполне читаемым почерком, совершенно не похожим на все те, которые встречались в данной связке. Нотариальный почерк

⁷⁹ Y 92, f. 67.

⁸⁰ Y 93, f. 346.

⁸¹ Y 94, f. 229.

встречается лишь на полях этой десятистраничной тетради⁸². Скорее всего, документ был составлен им дома, а затем принесен в нотариальную контору, наподобие того, как это было сделано теологом Жаном Локуэ. То есть, в сущности, мы имеем дело с еще одним “олографическим” завещанием.

Этот объемный документ начинается словами, хоть и не вполне обычными для преамбулы завещания, но весьма далекими от лапидарности фраз Тьерри Дюмонта:

“Я, Жан Пилер, беднейший грешник, часто думая, что никакой смертный человек не может спастись или избежать прав смерти, но, напротив, что все приближает его тело к ней, и учитывая также кратковременность жизни и ее преходящий характер, и что после кончины он хочет с Божьей помощью подняться в Царствие небесное; здоровый телом и мыслью, находясь в стадии выздоровления, я сделал заявление о своей последней воле”. Поддавшись пафосу, Пилер явно что-то напутал с местоимениями, и его следующая фраза может также показаться нам тавтологичной: *“По обычаю древних отцов и по примеру благочестивой доктрины, я делаю сие настоящее распоряжение согласно своей последней и завещательной воле, как следует ниже”*⁸³:

во-первых, я вручаю свою душу Богу, каковую ему было угодно создать бессмертной и выкупить и защитить от врага, а в будущем спасти, в чем я надеюсь на Него и на Его прославленную мать, деву Марию, заступницу (advocate) и убежище для бедных грешников,

затем, я хочу и постановляю, чтобы мои долги все были выплачены, и мои штрафы... (здесь Пилер оставляет без продолжения эту ритуальную фразу),

затем, чтобы после моей кончины мое тело находилось бы в церкви, а после службы и произнесенных месс было бы полностью положено в могилу моих покойных отца и матери, их потомков и иных моих родственников, похороненных на кладбище Невинноубиенных в двадцатом склепе (charniers), считая от большого портала этого кладбища, находящегося на улице Сен-Дени, в сторону от других ворот, выходящих в сторону де ля Пляс-о-Шат [Кошачью площадь],

затем, моему погребению быть такому, как у бедного человека, без всякого кольца свечей и прочего освещения вокруг тела, без

---

⁸² Начальная маргиналия гласила: “В присутствии Рене Лестеля и Жака Жуайе лично предстал благородный человек, мудрый метр Жан Пилер, адвокат в Парламенте, здоровый умом и телом и в полном разумении и не в болезни, как показалось указанным нотариусам, каковой сказал и заявил указанным нотариусам, что он велел составить свое завещание и изъявление своей последней воли, каковое он отнес указанным нотариусам”. Зачеркнуто: “подписанное собственноручно, содержание коего следующее”.

⁸³ МС. СХ. 37. f. 1 (03.03.1548).

представления [видимо, портретное изображение покойника]; за исключением лишь двух свечей, которые будут зажжены на алтаре во время погребальной службы и двух факелов со стороны креста, которые будут нестись, сопровождая крест при моем погребении и обратно до церкви, откуда был взят этот крест. А если возникнет спор с кюре или викариями, которые будут возражать, то я не желаю, чтобы на моем погребении и во время погребальной службы зажигались бы иные свечи, кроме четырех малых. А также не желаю никакого шума плакальщиков и не желаю, чтобы устраивались поминки, как водится согласно обычаю, потому что такая помпа при похоронах и погребениях нужна лишь живым и не идет на пользу душам бедных покойников". Как видим, Жан Пилер, так же, как и Дюмонт, не жалуется заупокойной мессы, но делает это не по каким-то "реформационным" соображениям, а из общей подозрительности и недоверия к моральным качествам тех, кто обычно выступает в качестве плакальщиков и богомольцев. Как мы увидим в дальнейшем, он имел большой опыт общения с этой публикой. К тому же, отношения со своим приходским священником у Пилера также не были безоблачными, на что указывает продолжение текста завещания, где он жалуется половину экю своему кюре за то, чтобы он осуществлял контроль (визитацию) за ходом всего похоронного обряда. Но если кюре будет участвовать в процессии лично и сам служить последнюю мессу, то получит только то, что полагается по обычаю. Впрочем, общине церкви Сен-Мерри "чьим прихожанином я был долее всего", также отводится пол-экю.

"Далее, я хочу, чтобы для всех моих квартирантов и квартиранток, плательщиков рент и цензитариев, которые проживают в этом городе Париже и будут присутствовать на моей погребальной службе и на мессах... было бы сбавлено по четыре парижских или турецких су с их платежей после моих похорон, но только единожды, на один срок". А каждому из оставшихся его должников, платящих ренту, он готов "простить" однократную выплату из всех причитавшихся, не уменьшая основной суммы долга, с тем, чтобы они молили Бога за благодетеля.

Далее он обращается к "преподобным матерям аббатисам или приорессам и монахиням" того монастыря, где монашествовали его дочери – сестры Пилер: Женевьева, Клода и Антуанетта. Помимо обычных служб, которые устраиваются, когда умирают отцы или матери монахинь, на кладбище при монастырской церкви надлежит "прочитать и отслужить достойным образом высокую мессу-реквием с поминовением усопших, вигилес, лаудес, рекомандер (*vigiles, laudes, recomander*), на которых будут присутствовать все монахини, и для этого каждой из них будет уплачено по 15 су за службу и по 20 су, чтобы иметь что-нибудь к обеду сверх их обычной еды". Затем на протяжении года со дня смерти, по замыслу Пилера, еженедельно должна будет свершаться малая месса-реквием, на что

им выделяется 3 турецких су в год, а затем эта месса должна будет повторяться ежегодно. Эти мессы должны читать Женевьева, Клода и Антуанетта или те монахини, которым будет поручена эта миссия в случае смерти дочерей Пилера. Своим дочерям-монахиням он выделяет пожизненный пенсион в размере по 25 су в год, *“чтобы молили Бога за меня”*. Эти деньги должны использоваться на их нужды и частные денежные расходы и выплачиваться ежегодно в Париже в день поминовения мертвых. Но недоверчивый Пилер остается верен себе: *“Я не хочу, чтобы их обители брали бы и присваивали что-либо для монастыря, но оговариваю, что указанные 25 су должны идти на мелкие расходы сверх обычных средств, выделяемых монастырем на их содержание. А если будет сделано иначе, то пусть ничего не будет выплачиваться”*.

Следующая проблема, оговоренная в завещании, заключалась в *“милостыне – большом сером хлебе и кварте вина, которые моя покойная мать имела обыкновение раздавать бедным каждое воскресенье, и что продолжаю делать я”*, а также в другой милостыне, которая время от времени раздавалась бедным заключенным. Но король запретил подавать бедным, которые побираются по домам. Речь шла о серии ордонансов Франциска I, которые в историографии часто сравнивают с тюдоровским законодательством, направленным против бродяг и нищих. *“С тех пор я продолжал, – пишет Пилер, – поступать, как и моя мать, подавая беднякам, которые приходили по воскресеньям просить под мои ворота, и иногда еще и сейчас делаю так”*. Но в этом противостоянии королевского указа и незапамятного обычая адвокат решается, наконец, поставить точку: *“Каковую милостыню я перенес на содержание и проведение большого ремонта дома и хозяйственных построек на улице Гарнель в Париже, в каковом доме мой покойный отец и мать поселили и содержали бедных старых вдов”*. И далее Пилер в своем завещании уделяет особое внимание этому хлопотному делу.

Адвокат рассказывает, как после кончины родителей он продолжал содержать это учреждение, указывая на конкретную цель его существования: *“Для поддержания двух месс, которые имеют обыкновение служить в обители Раскаявшихся дев, одну на следующий день после праздника святого Иоанна Крестителя, а другую после праздника святого Симона и святого Иуды. Каковые вдовы должны при сем присутствовать, и я всегда платил им по 10 турецких су, так как указанные вдовы бедны, и вследствие моей доброй к ним любви и милосердия, но вовсе не потому, что я обязан или обещал им это делать”*.

Учитывая, что вдовый дом вскоре будет нуждаться в ремонте, Пилер учреждает ренту в 10 ливров, которые должны выплачивать его дети от второго брака – эти деньги, по замыслу завещателя, должны скапливаться в сундуке *“о двух замках”*, хранящемся во вдовьем доме; ключ от одного замка должен был находиться у самой

старой из живущих в доме вдов, а второй ключ *“будет иметь тот из моих детей или кто-нибудь, действующий от их имени, кто будет наделен правом распределять комнаты”*. Из этих 10 ливров ренты должна будет выделяться милостыня тем вдовам, которые будут пребывать в болезни, для организации ухода за ними, либо для тех, кто по старости лишится возможности ходить и обходиться без посторонней помощи и при этом не будет включен *“в список бедных прихода Сент-Эташ, прихожанками которого они являются”*, в таком случае они будут получать помощь в размере 4 ливров. Если же вдовы *“не будут указанного состояния, то эта сумма в 4 ливра будет роздана в милостыню в ящик для бедных указанного прихода Сен-Эташ и раздаваема указанным бедным ежегодно и постоянно на четыре годовичных праздника, коими являются Пасха, Пятидесятница, День Всех Святых и Рождество, на каждый из указанных праздников по равным частям и каждый раз по 20 су”*. Также выделяется по 10 су для оплаты двух ежегодных месс, которые вдовы должны совместно заказывать *“в указанном доме накануне праздника Королей, чтобы поддержать дружбу и братство между ними и каждой с каждой без того, чтобы разделять между ними указанные 10 су, как они привыкли делать, когда им дают какие-нибудь деньги”*. Пилер остается верен себе и предполагает развитие событий по наихудшему варианту: *“а если указанные вдовы будут поступать противоположным образом, и если они не будут собираться и ужинать вместе накануне праздника Королей (вставка на полях: и если хоть одна из них будет отсутствовать), то в этом случае я хочу и постановляю, чтобы указанные 10 су на следующий день после указанного праздника Королей вышеназванным патроном или тем, кто будет этим заниматься”*, раздавались бы всем бедным, которых найдут у ворот церкви Сент-Эташ. *“Оставшиеся 100 су, помимо указанной суммы в 10 ливров, пусть пребывают в указанном сундуке, чтобы использоваться тем из моих детей, кто будет их патроном, на поддержание и содержание ремонтных работ в указанном доме по мере надобности”*.

Адвокат отдает дополнительные распоряжения относительно строительных материалов (garnier) для вдовьего дома. Тому, *“кто будет иметь достаточное благочестие, чтобы организовать работы”*, надо зарезервировать остаток этих досок (каждая длиной от семи с половиной футов), для четырех комнат. *“И пусть указанные материалы для названных комнат служат тому или тем из выше-названных моих детей, которые будут веда́ть этим домом... без того, чтобы мои дети при использовании названного материала были бы принуждены платить что-либо... если только не надо будет чинить крышу, что они (дети) обязаны делать на свои средства”*. Пилер стремится избежать всякой двусмысленности, расставляя точки над i. Он прекрасно понимает как единичный акт превращается в обычай, и, следовательно, может стать институцией. Стре-

мьясь избежать этого, он поступает в духе авторов средневековых “грамот о ненанесении вреда”, применяя уже испытанный способ выдвижения альтернатив: *“И таким образом, я желаю и постановляю, чтобы указанные вдовы молили Бога за меня, моих покойных отца, мать и иных скончавшихся родных и друзей. Все это не должно иметь следствием закабаление моих детей и их обязательств вести там строительные работы, превышающие выше-названную сумму в 100 су и сумму, которую мне будут должны выплачивать по вышеназванной ренте. Поскольку ни я, ни мы не обязаны вести строительные или ремонтные работы в этом доме (зачеркнуто: если возникнет какой-либо судебный процесс, призванный принудить моих детей), желаю, что, если мои названные дети каким-либо иным образом окажутся обязаны и должны оплачивать содержание и ремонт этого дома, то пусть они будут от этого освобождены, в силу действия настоящего завещания. А если возникнет какой-либо судебный процесс по этому поводу, призванный принудить моих детей платить на ремонт сумму, превышающую указанные 100 су ренты... то я отменяю указанную статью завещания, а также аннулирую ее, а также те 10 ливров ренты, дарованные им мной лично. И чтобы в этом случае там не жил никто из старух... и я хочу, чтобы указанная рента была бы оттуда изъята, а выплаты им будут прекращены”*.

Наверное, не только мнительность, но и немалый жизненный опыт, накопленный в ходе многолетнего общения с вдовами, сказывается в следующих словах Пилера: *“Настоятельно прошу указанных вдов и их приемниц, чтобы они жили в мире и дружбе и в полном уважении как друг к другу, так и к их начальнику и патрону, который будет им назначен и кого они должны слушаться, и также прошу моих детей, чтобы они соблюдали распоряжаться и использовать к их благодетелю и обеспечить благотворительную помощь бедным и способствовать им, а также ремонту указанного здания”*. Трезвый расчет сочетается со стремлением поставить дело так, чтобы избежать формализации благотворительного акта — стороны обязаны быть искренними: старухи ничего не должны требовать, но только молиться за семью своих благодетелей и жить в мире как с ней, так и между собой; дети ничего не обязаны делать, но Пилер настоятельно просит их быть милосердными. И еще одно характерное пожелание адвоката, адресованное насельникам вдовьего дома:

“Затем, я еще оставляю указанным вдовам мой портрет, ныне находящийся в их доме, чтобы он был помещен на видное место для памяти обо мне”.

Затем Пилер переходит к наиболее важному вопросу об отношениях между детьми. Напомнив о первом дарении 1539 г., *“и хорошо продумав веские причины, почему я так поступил, и обстоятельства, сопутствующие этому дарению, ибо я дал моим детям от перво-*

го брака скорее больше, нежели меньше, и эти причины, мной изложенные, объявил многим теологам и адвокатам и иным лицам из числа моих близких друзей, дабы они высказали свое мнение и суждение, и по их совету я подтвердил и ратифицировал указанное дарение в другом своем контракте, оформленном у нотариусов Жако и Соре в субботу 3 марта 1547(8) г., каковое подтверждаю и ратифицирую его во всех пунктах его формы и содержания...”

Добавляя к уже сделанным дарениям свои благоприобретенные земли в деревне Кламар, Пилер оговаривает, что различного рода благоприобретения, “улучшения” не учитываются сторонами при дележе наследства, т.е. разделу подлежит только наследственное имущество.

Далее адвокат возвращается “к тому, что служит раздором и может привести к процессам между указанными детьми от разных браков по причине указанного дарения”⁸⁴. И хотя, со времени первого дарения прошло уже без малого десять лет, Пилер повторяет приведенные в нем аргументы, возможно потому, что держал этот документ перед собой. Дети от первого брака, затевая процессы против своих единокровных братьев и сестер должны понимать, что те “являются юными детьми и не имеют разума и способности распознать добро и зло, и не (смогут) адресоваться ко мне, чтобы знать, как себя вести, и поскольку они не имеют иного имущества, кроме моего, то в ходе этого процесса они будут лишены возможности обеспечивать себе питание и воспитание и останутся без средств к пропитанию и воспитанию”. Дети, однако, уже достаточно повзрослели по сравнению с 1539 г. Выясняется, например, что его дочь от второго брака, Дениза, “уже вышла из младенческого возраста” и готовится замуж. Ей отводится имущества на 2000 ливров “без того, чтобы претендовать на большие права”, но лишь при условии, “что она будет хорошего поведения, живя целомудренно и стыдливо, не позоря свой род, и будет послушна своей матери, как и всегда... ибо поступая по-другому не добьется моего согласия, и таким образом, это дарение останется недействительным в отношении ее”, и в этом случае указанное имущество не будет ей выделено и увеличит долю ее братьев от второго брака⁸⁵.

Доходы, которые будет приносить оспариваемое имущество (кроме того, что оговорено в предыдущих дарениях), за то время, пока будет длиться процесс, “пусть будут розданы в виде милостыни бедной прислуге (*menagiers*), которая трудится в поте лица и зарабатывает себе на жизнь”.

Таким образом, Пилер боится на случай неблагоприятного исхода процесса, если дети от первого брака, добьются “выгодного для себя исхода этого процесса, что вполне может произойти по при-

---

⁸⁴ MC. CX. 37. f. 5v.

⁸⁵ Ibid., f. 6.

чине лазеек и связей, имеющихся у них в (мире) юстиции”. Но даже если им и будет присуждена их доля наследства, то и в этом случае они не смогут требовать возвращения доходов с этого имущества, полученных за то время, пока велся процесс, ни с их братьев и сестры от второго брака, *“ни других названных бедных, которым указанные доходы будут выданы в милостыню”*.

“Я не делаю настоящие распоряжения без совета и без причины”, но и дети от обоих браков “должны обещать с уважением принять указанные дарения и распоряжения, их ратифицировать и согласиться с ними”.

Отдав распоряжения относительно строительных работ, начатых им в доме под знаком “Веретена” и доме под знаком “Оловянного горшка”, Пилер во избежание новых процессов отдает распоряжение о слиянии дуэров. Это означало, что “вдовья доля” первой жены Пилера будет рассматриваться консолидированно, вне зависимости от конкретной доли, доставшейся каждому из детей от первого брака. Точно также надлежит поступить и с дуэром второй жены⁸⁶.

При знакомстве с завещанием Пилера, создается впечатление, что размеры помощи, оказываемой обездоленным в Париже, были обратно пропорциональны миру и согласию среди парижан: *“Затем постановляю, чтобы Жан Бабюс и Мари Пилер, его жена и моя дочь от первого брака, обещали бы прекратить возбужденный против меня процесс по поводу оспаривания контракта на дом по улице Сен-Жак, что близ Малого моста, который они затеяли незаконно, желая обездолить их вышеназванных братьев и сестер... и если они не захотят прекратить указанный процесс, желаю и постановляю настоятельно, что их часть и доля не будет ими унаследована, но пойдет на раздачу милостыни для того, чтобы выдать замуж бедных девушек хорошего поведения и нравов”*.

Пилер старается *“лишить детей от первого брака всякой возможности заключить монополию и сговор с указанным Бабюсом и его женой по поводу этого дома”*. Предвидя, что наследники могут выступить единым фронтом, договорившись разделить между собой доходы от оспариваемого имущества, адвокат затевает многоходовую комбинацию. Согласно обычной практике, он должен дать отчет детям от первого брака, в том, как он во время их малолетства распоряжался на правах опекуна причитавшейся им долей материнского имущества. Скорее всего, рассуждает Пилер, он будет принужден уплатить некий остаток. Так вот, эта выплата должна быть осуществлена из доходов адвоката, поступающих с дома на улице Сен-Жак. Таким образом, судебная победа дочери Пилера (по-видимому, старшей) и ее мужа, автоматически лишит прочих детей от первого брака положенной им компенсации со стороны опекуна.

---

⁸⁶ Ibid., f. 7.

Наилучшим вариантом для Пилера было бы вообще избежать возбуждения дела об отчете по опеке. Ведь после его смерти отчитываться придется детям от второго брака, а *“они молоды и не сумеют дать отчет”*... *“и чтобы избежать повода для любых судебных процессов по этой причине”*, он выделяет в наследство сыновьям от первого брака дом на Малом мосту вместе со всеми правами на наследство, ранее выкупленными адвокатом у их сестер, как монахинь, так и замужних, а также у Жана Пилера-младшего (нотариуса из Тулузского сенешальства), вместе со всеми конституированными рентами, приобретенными завещателем как совместно с их покойной матерью, так и после ее кончины. Пилер уточняет: *“без того, чтобы их братья и сестры от второго брака претендовали бы в этом на что-либо”*. Наконец, становится ясен полный смысл дарения 1539 г. Детям от первого брака выделяется некая определенная (но не соответствующая кутюмному праву) доля. Дети от второго брака вообще не участвуют в наследовании семейного имущества Пилеров. Им сделано крупное дарение, которым они и должны удовлетвориться (опять же при соблюдении определенных условий). Таким образом, процесс о разделе наследства лишается юридического основания – дети от второго брака получают не наследство, а дарение. *“Сделав так, указанные дети от второго брака будут придерживаться их вышеназванного дарения, свершенного у указанных нотариусов Бастонно и Мопу, без того, чтобы считаться моими наследниками и все это, дабы избежать указанного процесса и неприятностей, которые они могут иметь от указанных братьев и сестер от этого первого моего брака, которые на этот процесс могут потратить все их имущество”*. Вновь Пилер предлагает компромиссные варианты, и вновь предусматривает альтернативу:

“А если указанные дети от первого брака воспротивятся тому, чтобы просто стать моими наследниками, нанеся мне такое оскорбление, что объявят себя моими наследниками по праву описи (benefice d’inventaire)”, т.е., если они станут действовать через суд, что особенно возмущает Пилера, *“ведь они сами прекрасно знают, что это они скорее должны ему, чем наоборот”*, *“в этом случае, – продолжает завещатель, – незамедлительно после того, как это произойдет, и как они представят в суд свои документы на проведение описи, желаю, чтобы тот, кто получит указанный статус наследника по описи, будет исключен из числа наследников и лишен наследства”*. А *“за то, что они не захотели быть простыми законными наследниками”*, его доля наследства прибавляется к доле детей от второго брака.

Конечно, то, что суд постановит обязательным для возвращения по описи имущества их покойной матери, они рано или поздно получают, но лишатся при этом всех остальных благ (т.е. благоприобретенный, сделанных Пилером). К тому же, уточняет адвокат, имеющаяся

у них на руках опись имущества неточна. *“Страницы 7 и 8 указанного инвентаря, касаемые наследств и рент, принадлежащих мне по смерти моего отца, являются ошибочными и неверными в частях, сделанных в виде аванса (наследства), без учета возможных неприятностей, которые это может содержать в себе”*. Пилер, оказывается, уже принял меры и как-то иначе распорядился этим имуществом, что подтверждается в соответствующих документах (*lettres et tiltres*).... *“Я сделал это распоряжение ради очистки совести (descharge de la conscience) и дабы избежать злоупотреблений со стороны указанных детей”*.

Далее Пилер включает статьи, уже вполне обычные для завещания, – душеприказчики должны одновременно раздать в пользу бедных 30 турецких ливров. Некая Мария Либо, жена мэтра Франсуа Дюкло, ее брат Франсуа Либо обязуются молить Бога за завещателя. Упоминается в тексте и клерк Пилера, Леонард. Впрочем, точная сумма, полагающаяся этим людям, в завещании не указана. Зато имеется позднейшая приписка: *“Каковыми дарениями, содержащимися в трех ближайших и последних статьях я оставляю (место) заполнить позже”*.

Крестник адвоката Гильом Бенар получает сумму в 20 турецких ливров, которую остался должен завещателю его кум.

Исполнителями завещания назначаются двоюродный брат адвоката и его вторая жена Дениза дю Троншон. Им обоим оплачиваются расходы по пошиву траурных платьев (сумма этих расходов впечатляет – 450 ливров).

Далее Пилер оговаривает права своей супруги, которой помимо прочего надлежит получить компенсацию за те 210 ливров, которые были выплачены из ее приданного Марии Пилер и ее мужу Бабюсу в виде выкупа их наследственных прав. Это было сделано, чтобы уменьшить возможные претензии наследников к детям Пилера и Денизы дю Троншон.

Нотариусы Рене Барьер и Жак Жуайе оформили его завещание, и оно вступило в силу с 3 апреля 1548 г.

Однако адвокат оправился от болезни и продолжал проявлять нотариальную активность. В материалах той же нотариальной конторы сохранился его договор о сдаче в наем жилья на улице Сен-Жак близ Малего моста мэтру-кожевнику Этьену Вальтуру.

“В конце срока наниматель обязуется вернуть дом в хорошем состоянии и содержать его достойно, согласно парижским кутюмам”, и кроме того наниматель обязуется понести половину расходов, необходимых для закупки материалов для ремонта, а также на свои средства переделать двери, подобрать к ним ключи и обеспечить, чтобы оконные стекла в комнатах и на чердаке были бы целы. Но Пилер изменил бы себе, если бы и на сей раз не предусмотрел альтернативный вариант развития событий, включив в договор статью, предусматривающую порядок действий на тот случай, если хо-

зяин по той или иной причине (“*путем процесса, продажи или обмена*”), вынужден будет распорядиться жильем иначе⁸⁷.

2 октября того же 1548 г. Пилер от имени своей дочери Денизы заключает брачный контракт с ее женихом мэтром Робером Базанье, прокурором Парижского Шатле⁸⁸. Свидетелями выступают все те же лица, помянутые в завещании – адвокат Жан де Корп, “*кузен со стороны жены*” (вспомним, что он был назначен душеприказчиком Пилера, как самый верный друг), а также Франсуа Либо, прокурор Шатле. В завещании его жене и шурина мэтра Либо выделяется некая сумма. Здесь же выясняется, что Франсуа Либо – сводный брат Денизы Пилер, он был сыном Денизы дю Троншон от первого брака. Таким образом, становится ясно, в какой степени завещание усиливает позиции родственников второй жены нашего адвоката.

Был ли брак с мэтром Базанье мезальянсом? Мы уже знаем, что прокуроры Шатле в целом были людьми не очень зажиточными, даже по сравнению со своими коллегами из Парламента. Мы помним также, что в нашей выборке брачных контрактов адвокаты достаточно часто женились на дочерях прокуроров, обратное же происходило куда реже. Однако Базанье – древний род парижских судебных, среди их родственников было немало адвокатов. Пилер же – родитель многодетный. Отметим, что сумма приданого, упоминаемая в контракте, составляла весьма приличную сумму – 1200 ливров звонкой монетой и 50 ливров ренты (т.е. 600 ливров капитала). Это куда больше обычного “прокурорского” уровня, упоминаемого в брачных контрактах, использованных в нашей выборке, но весьма скромная сумма для аналогичных контрактов адвокатов.

Примечательно, что Пилер выступает кредитором в основном для лиц “своего круга”, упоминаемые в контракте ренты конституированы на судебных же – советника Парламента Антуана Фиме и прокурора Парламента Луи Руэ и адвоката Шатле Жана Руссея.

Достаточно обстоятельно стороны оговаривают порядок действий в том случае, если одна из рент будет выкуплена.

Из примечаний, которыми обильно испещрены поля договора, следует, что из рент на сумму 50 ливров 15 происходят из наследства Денизы дю Троншон, а остальная сумма из наследства Пилера.

Особым актом, приложенным к брачному контракту, Робер Базанье уточняет, что в размер “утреннего дара” (*preciput*) включена

---

⁸⁷ МС. СХ. 37 (27.04.1548)

⁸⁸ Клан Базанье являлся старым парижским родом, издавна связанным с Шатле. Из “Дневника” Версориса мы узнаем о постоянных брачных обменах между семьями Базанье и Версорисов, по сути это были брачные связи между адвокатами парижского Шатле и адвокатами Парламента (*Versoris N. Livre de raison / Publ. par G. Fagniez // Mémoires de la Société de l’Histoire de Paris et de l’Ile-de-France. P., 1885. Vol. 12. P. 99–222.*

“полностью вся практика указанного Базанье”, т.е., по-видимому, клиентура, и документы его конторы. Это дополнение делается сверх условий, оговоренных в брачном контракте, но, в случае смерти Базанье без детей от этого заключаемого брака, Дениза Пилер должна будет уплатить компенсацию родственникам Базанье⁸⁹.

Дошедшие до нас позднейшие акты Пилера содержали все те же особенности его стиля. Так, например, в договоре от 16 марта 1549 г.⁹⁰ с каменотесом Пьером Башело, последний передает Пилеру 1 арпан виноградника на территории Клиши в виде ипотеки за ренту в 100 ливров. С этого арпана надлежит выплачивать ренты его сеньору – кюре Клиши. Адвокат предусматривает, что если ему придется уплатить с этой земли сумму, превышающую 13 су, то каменотес обязан будет возместить Пилеру его убыток.

Итак, по сравнению с теми парижанами, чьи казусы мы до сих пор рассматривали, Жана Пилера трудно назвать птицей высокого полета. Но близкое знакомство с ним обогатило нас не меньшим числом “профитов”, чем акты гуманиста, теологов или представителя высшей бюрократии.

Прежде всего, мы можем оценить плюсы и минусы альтернативной системы профессиональной подготовки юристов. Несмотря на все расходы, пребывание в учении у прокурора сулило в чем-то большие выгоды, чем престижная, но дорогостоящая университетская степень. Пусть новоиспеченные практики пользовались меньшим уважением, чем университетские лиценциаты, но они знали судейский мир “с изнанки”, владели тонкостями ремесла, заводили ценные знакомства и семейные связи в мире судейских. Тягаться с ними было очень трудно.

Не менее ценным оказалось знакомство с особенностью благотворительных учреждений. Одно дело читать у Филиппа Ариеса тезисы о возрастании обеспокоенности своей индивидуальной загробной участью на исходе Средневековья, другое дело наблюдать практическую реализацию этой озабоченности. Помимо многочисленных и многосложных родительских обязанностей на плечи адвоката давил груз ответственности за поддержание семейных благотворительных учреждений. Пребывание в Чистилище душ родителей, родственников, а в скором времени и самого Пилера не могло не заботить адвоката. Старые учреждения должны функционировать, в этом не может быть сомнений, но для этого все время надо отвечать на вызовы, предъявляемые жизнью. Франциск I издал закон против бродяг, и, главное, против тех, кто подает бродягам и нищим. Старые формы благотворительности сопротивляются некоторое время – обычай и забота о душе родной матушки, пребывающей в Чистилище, велят продолжать хотя бы время от времени раздавать хлеб

---

⁸⁹ МС. СХ. 37 (27.04.1548). f. 4.

⁹⁰ Ibid. (16.03.1548(49)).

и мясо бедным, а Пилер даже добавляет к этим раздачам и денежные суммы. Но в итоге возобладало более гибкое отношение, и благотворительность обретает новые очертания. Впрочем, перспектива раздачи той или иной суммы бедным остается, хотя бы как пугало для нерадивых или упрямых контрагентов Пилера.

Более серьезный вызов, волновавший в той или иной степени всех современников Пилера, заключался в осознании опасности формализации веры, сожаления по поводу замены искренности лицемерием, благодарности – алчностью. Об этом он размышляет, планируя организацию собственных похорон, намечая будущее семейной гордости Пилеров – собственного “вдовьего дома”. Он хорошо представляет источник зла: обычай, рутина неминуемо убивают искренность, дружеские чувства и благоговейность. А без этого все возносимые молитвы не имеют большой силы. Для того, чтобы постоянно “освежать” отношение благодетеля и благополучателя, Пилер придумывает весьма прихотливую систему мер. Но эти меры сугубо институциональные и носят внешний характер. Зашел ли рационализм Пилера так далеко, чтобы принять учение об оправдании верой или даже об абсолютном предопределении, проживи он еще лет десять? Не думаю, слишком уж погружен он в традиции парижской благотворительности. Для радикального разрыва с ними ему понадобился бы какой-нибудь внешний стимул.

Что же необычного в личности Жана Пилера, адвоката в Парижском парламенте? Мы бы назвали его склочником, но для своего времени в его судебных тяжбах с ближними не было ничего экстраординарного, мы уже могли убедиться в этом и в дальнейшем еще столкнемся с подобными адвокатами. Он многодетен, в чем также нет ничего удивительного, правда, Бог не только даровал ему много детей, но и многих из них сохранил, как минимум у него семеро взрослых детей от первого брака и не менее трех от второго, не считая пасынка. В реальности, наверное, детей было еще больше. Это создавало проблемы, с которыми адвокату все же удавалось справляться, не гоняясь за призрачными титулами и должностями для своих детей, но стараясь жить по средствам. Но и это отнюдь не оригинально, просто многодетная семья, особенно городская семья, во все времена оказывалась в менее благоприятных условиях для социального воспроизводства.

Пожалуй, той чертой, которая придавала неповторимое своеобразие его стилю нотариального поведения, было стремление формировать альтернативы.

Практически каждый из его актов ставит партнеров в ситуацию выбора: поступить “по совести” (разумеется, если следовать оценке адвоката) или же действовать по-своему и при этом лишиться сули-
мых им выгод и его морального одобрения.

Возможно, не только он обладал подобным “проектным мышлением”, позволяющим хорошо представлять будущее развитие со-

бытий и направить их в нужное русло. Но он лучше других отразил эту черту в своих нотариальных актах. Оригинальность Пилера заключалась также в его несколько повышенной даже для адвоката склонности к резонерству. Это его гипертрофированное свойство позволяет разглядеть на его примере важное обстоятельство, по-видимому, свойственное и многим актам. Свершая некий не вполне стандартный поступок (в данном случае он действует вопреки нормам парижской кутюмы), автор как бы “репетирует” судебную речь, примеривая на себя тогу оратора. Причем, поступая по своему, по своей воле (*en droit jugement*), в наиболее важных случаях Пилер советуется с друзьями, среди которых теологи и юристы. Но ведь так поступал и старейший теолог Парижа Николь Леклерк и хитроумный Пьер Галланд. В важные минуты жизни человек ничего не предпринимает без совета⁹¹. И, следовательно, его действия легитимны. Пилер старательно конструирует свой публичный образ, используя имеющиеся заготовки. Оппозиций этих несколько: благородный и бескорыстный глава семьи, не жалевший средств для ее процветания, и алчные неблагодарные крохоборы из числа детей (или племянников, как в случае с Леклерком). Правдолюбивый адвокат, борец за справедливость, и корыстные, ловкие крючкотворы-стряпчие, т.е. прокуроры. Здесь-то и проявляется оригинальность Пилера, которая будет особо очевидной при дальнейшем знакомстве с казусами других парижских адвокатов. Поскольку он предвидит альтернативное развитие событий, то его дети лишь потенциально могут войти в фавор к прокурорам, породниться с ними и путем затяжек и проволочек разорить младших своих братьев и сестер. Но пока они этого не сделали, пока в дарениях и в завещании остается возможность интерпретации их облика в благоприятном для них смысле. И, действительно, Пилеру не к лицу так брезговать прокурорами, за прокурора он выдает свою дочь, прокурором является его пасынок, да и детей от первого брака он сам решил сделать именно прокурорами. Речь идет лишь о потенциальной негативной интерпретации.

И еще одно наблюдение – Пилер использует, судя по всему, одну и ту же заготовку для разных случаев. Одно дело живописать беззащитность малых и неразумных детей от второго брака в 1539 г., когда составлялся первый акт. И совсем другое – повторять те же слова в 1548 г., да еще накануне свадьбы Денизы Пилер с представителем могучего клана прокуроров Шатле. Здесь эта аргументация не очень уместна, но адвокат не избежал искушения использовать ее еще раз, уж больно убедительной она ему показалась. А еще вернее, что он просто почти механически воспроизводит готовый текст предшествующего акта. По всей видимости, составляя завещание,

---

⁹¹ Малинин Ю.П. Средневековый “дух совета” // Одиссей, 1992. М., 1994. С. 176–192.

он держал перед собой текст документа десятилетней давности. Точно также составляя, например, служебную записку на закупку расходных материалов, мы не пишем ее каждый раз заново, но берем из памяти компьютера готовую предшествующую форму. Главное, не забыть поменять дату.

С этой же чертой мы столкнулись, работая с документами Филиппа Кавелье.

Злосчастный Филипп Кавелье

Горячая благодарность другу. – Дело о фальшивой монете: сеньор против буржуа. – Комиссия Кеснеля и Бульта. – Первая попытка отвода судей и ее провал (осень 1547 г.). – Новые надежды на короля (весна 1548 г.). – Успех комиссаров: дело возвращено (лето 1548 г.). – Еще один отвод и еще один провал (зима 1549 г.). – Новая апелляция и этапирование в Париж (1550–1551 гг.). – Рождение монетной курии (1552 г.). – Частичный успех и подготовка к новым тяжбам. – Судьба Кавелье и судьба королевства

Некий Филипп Кавелье составил дарение в адрес своего друга и дальнего родственника, выражая ему благодарность за оказанную неоценимую помощь. Дарение составляется “*comme en droit jugement*”, т.е. выходя за рамки кутюмного права. Поэтому данный акт нуждался в некотором дополнительном обосновании. Но обоснование это обернулось длительным и достаточно подробным рассказом о злоключениях дарителя, о его обидчиках, о той поддержке, которую ему оказал его друг и о тех трудностях, с которыми последний при этом столкнулся.

Подобные истории, хоть и нечасто, но все же встречаются в книгах Регистров Шатле, но они относятся лишь к актам ревокаций (отмены дарений), когда требовалось продемонстрировать полную обоснованность своего решения. Мы видели это на примере акта Николя Леклерка, поведавшего о происках своих племянников. Я уже упоминал об акте вдовы Катрин де Веелю, которая “*перед Богом и людьми*” свидетельствовала в назидание всем о преступлениях своего сына и решила отблагодарить своих верных слуг, помогавших ей с риском для жизни. Говорилось уже и об акте Жанны Пикард, вдовы шорника из Сен-Клу, обиженной своим собственным отцом и вознамерившейся отблагодарить приютившего ее мэтра Ферри Ошкорна, служащего Парижского монетного двора. В данном случае, при всей экстраординарности подобных актов, их логика вполне понятна – убедительно описать неблагодарность одних и ценность услуг других, ведь в отличие от завещания, дарение отменить было весьма непросто.

Но в акте Филиппа Кавелье нет речи об отмене какого бы то ни было акта, он совершает простое дарение. К чему же такое красно-

речие, требовавшее, как мы уже убедились, существенных расходов, столь неуместных в том бедственном положении, в котором, согласно документу, оказались как сам даритель, так и его одариваемый друг?

Обратимся к тексту этого странного акта⁹², настолько колоритного, что его придется процитировать почти полностью.

“*Мартен Гольд и Филипп Кавелье, уроженцы Сент-Аньяна близ Руана, заявляют сотте en droit jugement, что заключили и заключают соглашение следующего характера. А именно: указанный Кавелье признает великое значение хлопот и тишания, которое проявлял указанный Гольд на протяжении примерно семи лет, пока Кавелье был по ложному поводу и ложному обвинению несправедливо заключен со своей женой Переттой в Консьержери Руана по заявлению Фредерика Года, сеньора де Сент-Аньян, Робера Бюльта и других их сообщников, желавших представить указанного Кавелье изобличенным в фальшивомонетничестве, чего указанный Кавелье не совершал и не организовывал, но, напротив, надеется в будущем оправдаться в указанных ложных обвинениях и добиться доказательства своей невиновности. Благодаря хлопотам и тишанию указанного Гольда и на его средства, указанный Кавелье уже добился постановления о своем освобождении. Указанное постановление вынесено господами Генералами монет 22 июня [1553 г.], согласно которому они объявили, что движимое имущество, как-то: золото и серебро и прочая утварь – должны быть возвращены указанному Кавелье, и которым [генералам Монетной курии] по постановлению Большого совета было передано ведение этого дела в соответствии с указом и эдиктом короля, забравшего дело в свой суд. В течение одного семилетнего срока, на который указанный Кавелье и его жена были столь злосчастно заточены в тюрьму, вышеназванный Гольд хлопотал об освобождении их не только в Руане, где они содержались в заключении, но также в Тайном совете Короля, в Канцелярии Франции, в Большом совете, в которых он добился выдачи многих патентов, представляя многочисленные прошения в Тайный совет и во многие и разные места. И все это они могут подтвердить документами. В каковых хлопотах оный Гольд потратил и потерял не только свое время, но также издержал крупные суммы своих денег, что очевидно и что указанный Кавелье признает и заявляет, что невидя на все происки, хлопоты и старания названного Бюльта, Сент-Аньяна с сообщинками, которые они только могли чинить, указанный Гольд столько сделал своими величайшими хлопотами и тишанием за эти семь лет как в Тайном совете, в Большом совете, в Руанской курии и перед указанными господами Генералами монет, что указанный Кавелье был освобожден из оных тюрем. Указанные Бюльт, Сент-*

---

⁹² Y 98, f. 453v.

Аньян и сообщники приговорены к возмещению указанного имущества ими оплаченного (?) и захваченного в его доме во время ареста, как уже сказано. И известно указанному Кавелье, что когда он находился в заключении без имущества и без единого друга за исключением указанного Гольда, тот не только потратил свое добро и время на хлопоты по этому процессу, но ежедневно находился в опасности за свою жизнь, как показало расследование о нападениях и вторжениях к нему со стороны указанных Бюльт, Сент-Аньяна и сообщников. Все это заставляло нести судебные издержки на получение королевских писем (*lettres patentes*) и прочие акты и вещи, необходимые для расследования, суда и вынесения окончательного решения в указанном процессе.

Хорошо известно, что в момент начала процесса указанный Гольд был уважаемым и зажиточным человеком, ведущим хорошую торговлю, и владел королевскими должностями в Руане, и что он (затем) принужден был продать даже свою недвижимость и наследство в указанном месте Сент-Аньяне, что (было) бесполезно, поскольку сеньор Сент-Аньяна гневался на него за хлопоты, которые он имел в этом процессе, и до такой степени он растратил все свое имущество и свою юность в хлопотах и заботах по этому процессу, что теперь он на пути нищенствования.

Указанный Кавелье знает и понимает все это, учитывая, что он не давал Гольду никаких денег на расходы по этому процессу, но тот велся на деньги и средства указанного Гольда и что без указанного Гольда он погиб бы несправедливо или умер бы сам так же, как три месяца назад умерла его жена по причине пыток, бедности и длительного заточения в тюрьме, которая совсем напрасно страдала и скончалась в Консьержери в Париже.

И ныне его имущество и возможности не достаточны, чтобы возместить ущерб, нанесенный указанному Гольду, даже если бы он все продал. По этой причине указанный Кавелье по своей доброй воле и желанию из признательности за благодеяния вышеперечисленные и иные, которые он еще надеется в дальнейшем получить от указанного Гольда... передает ему две трети всего его движимого имущества, которые приговорены возместить Бульт, Сент-Аньян и сообщники... а также те убытки, возмещения которых мог бы требовать он и его покойная жена. Он дает на имя Гольда генеральную доверенность на все имущество в силу всего вышеказанного, а также из-за семейной близости (*proximité du lighnaige*). Акт составлен 24 июня 1553 г. и подписан нотариусами Гектором Лескюйе и Пьером Леконтом”.

Акт был зарегистрирован в Шатле уже через два дня, 26 июня, неким мэтром Шарлем Артом и самим мэтром Гольдом.

Как мы уже поняли столь сжатые сроки регистрации могут указывать на то, что участники сделки торопятся. И, действительно, как следует из текста, Кавелье на свободе, но гражданский иск толь-

ко начинается, и в нем имущественные права истцов должны быть пояснены. Но зачем же бывшему узнику потребовалось проявлять такое красноречие? Сказывается потрясение от понесенных испытаний и потери супруги? Или же здесь присутствовал некий расчет?

Детективные подробности данного дела интересны сами по себе, тем более что, по всей видимости, уголовный конфликт разрастается в рамках одного документа до социально-политической коллизии. Местные буржуа, купец и, по-видимому, обладатель некоей должности, связанной с финансами или с королевской монетой (иначе, откуда бы взялись обвинениям в фальшивомонетничестве), вступили в борьбу с самим сеньором данного города и его людьми. Единственная надежда на королевскую власть и ее органы, способные защитить от сеньориального произвола. В конечном счете, союз буржуа и короля против сеньора приносит свои плоды, как бы продолжая иллюстрировать старый тезис Огюстена Тьерри об успехах третьего сословия во Франции. Помимо этого, микроисторический пафос возбуждает понятный интерес к поведению и реакциям человека, оказавшегося между жерновами грозной юридической системы и пытавшегося спасти свою жизнь. Но, главное, в этом акте указаны конкретные институты, в архивах которых могли бы храниться документы данного процесса – Большой королевский совет, Канцелярия, Монетная курия, Руанский парламент.

Я предпринял розыски по этим адресам, и мне удалось отыскать часть материалов этого долгого процесса⁹³.

Судебная “одиссея” Филиппа Кавелье предстает следующим образом. В регистрах уголовных дел Монетной курии хранилась подшивка документов по делу Кавелье, составленная на раннем этапе его процесса, в январе 1549 г.⁹⁴ Копии большинства этих документов хранились в Руане.

Подшивка открывается недатированной копией указа Франциска I (следовательно, подписанной ранее 31 марта 1547 г., даты кончины этого короля). Король предписывает советнику Руанского Парламента Жану Кеснелю (Jean Quesnel) принять экстренные меры.

“Видя, что многие люди отринув страх Божий и законы правосудия и честь занялись изготовлением фальшивых монет в нашем королевстве... впадая в преступление Оскорбления Величества (Lez-Majesté) и нанося величайший ущерб людям всех состояний нашего королевства, а в особенности простому народу и людям третьего сословия, которые не могут понять всего обмана и пре-

---

⁹³ Данные поиски были бы безуспешными без любезной помощи М.Н. Бодуэн-Матузек. Во-первых, именно она осуществила титанический труд по изданию каталога актов Генриха II, где в именном указателе содержались сведения о Кавелье, а во-вторых, ею был дан ряд ценных советов, значительно ускоривших мои разыскания.

⁹⁴ Z1b. 433.

ступления, мы уже давали поручения различным судьям в разных провинциях и краях нашего королевства, но, тем не менее, это преступление продолжает множиться и грозит стать обыденным вследствие постоянства правонарушений. Этому надлежит найти подходящее противодействие. Желаем, чтобы это преступление было незамедлительно истреблено...”

Для этого Жану Кеснелю давались полномочия “быстрого и тайного расследования” преступлений фальшивомонетчиков. Король предписал своему комиссару призвать себе в помощь до шести достойных советников из числа членов Руанского Парламента, бабьи и королевских наместников в Нормандии, а за неимением достойных кандидатур брать сотрудников из числа адвокатов, “чья репутация и опыт известны и кто будет вне подозрений в симпатиях к подсудственным”, чтобы выносить судебное решение, согласуясь с мнением своих советников⁹⁵.

В анализируемой подшивке документов этот текст приводится лишь как обоснование последующих действий, предпринятых в отношении нашего героя.

15 апреля 1547 г. был составлен не дошедший до нас документ, который, однако, неоднократно упоминался в других актах. Речь идет о письме Жана Кеснеля новому королю с изложением обстоятельств дела Филиппа Кавелье и протестов с его стороны и со стороны его друзей. Можно предположить, что активность последнего не на шутку встревожила королевского комиссара. Ведь Кеснель получил свои полномочия от Франциска I, а Генрих II не особенно жаловал верных слуг своего отца, и все только и говорили о грядущих кадровых перестановках во всех сферах. В условиях “новой метлы” бурные протесты со стороны подсудственного могли привести к самым неожиданным результатам, и Жан Кеснель спешит изложить королю свою версию событий.

К сожалению, до нас не дошел этот документ, способный пролить свет на многие обстоятельства дела. Но если донесения, адресованные королю сохранялись сравнительно редко, то документация, исходящая от короля, регистрировалась куда более аккуратно. В документах сохранилась копия письма Генриха II⁹⁶ Жану Кеснелю от 1 июня 1547 г.

Комиссар должен был быть доволен его содержанием – новый король⁹⁷ подтверждает его полномочия, вспоминая письмо своего отца, поручившего советнику Кеснелю “действовать против фаль-

---

⁹⁵ Ibid. f. 1–2.

⁹⁶ Z1b 433; Catalogue des Actes d’Henri II. P., 1979. Vol. 1. 06. 01/13.

⁹⁷ Полагаю, что нет особой необходимости объяснять, что король и не подозревал о существовании Кавелье, а, возможно, даже своего комиссара Кеснеля. Все документы составлялись и подписывались от его имени специалистами из королевской канцелярии или Большого королевского совета.

шивомонетчиков, биллонеров⁹⁸ и прочих нарушителей нашей монеты” и приказавшего судить их при помощи шести советников.

Генрих II с удовлетворением отмечает, *“что приговоры, вынесенные нашими суверенными куриями, завершили многие процессы и казнили многих фальшивомонетчиков, но что еще есть некоторые, кто содержатся ныне в тюрьмах и среди прочих некий Филиппо (!) Кавелье и его жена, со стороны которых имелись [встречные иски]”*. Король, по сути, выдает временное продление чрезвычайных полномочий комиссии Кеснеля – *“даем вам право осуществить то, что осталось, без получения на то нашего особого разрешения, желая противодействовать ущербу, нанесенному нам и обществу благу (герибlique), в силу чего мы желаем, чтобы указанный процесс был бы завершен с наибольшим тщанием”*. Что же касается других процессов, находящихся на стадии расследования, их надлежит спешно завершить, подготовить к судебным заседаниям и отправить в Парламент, *“чтобы там по вашим представлениям были бы вынесены судебные решения. Ибо такова моя воля...”*

Вот как воспроизводится заключительная часть данного документа в подшивке Монетной курии:

“Подписано в 1547 первый год [правления]. Король в своем совете. Секретарь Боштель”. Запечатано двойной висячей печатью, другой рукой приписка: *“копия снята мной, Журденом Александром, королевским приставом в Руанском Парламенте по просьбе Робера Болта, королевского прокурора, для дальнейшего использования по его разумению. Сделано 8 июня 1547, Александр”*.

Помимо прочего мы можем оценить скорость распространения информации. Письмо было подписано именем короля в его резиденции Сен-Жермен-ан-Лэ, близ Парижа, затем за неделю оно дошло до Руана, поступило в местный Парламент и было скопировано по просьбе королевского прокурора. Им оказался, конечно же, тот самый Бюльт (или Болт), о котором так много говорится в нотариальном акте самого Кавелье. Общий ход событий пока вполне ясен. Комиссия Кеснеля приступила к работе и среди прочих арестовала Кавелье и его Перетту где-то в 1546 г. (на этот год указывают данные нотариального акта 1553 г., где говорится о семилетнем заточении). Как правило, по делу о фальшивой монете арестовывали и жену подозреваемого: чеканка или подделка монеты всегда проводилась тайне, дома, и только домашние могли знать правду. Кавелье подает встречный иск, по-видимому, оснащенный сменой короля⁹⁹.

---

⁹⁸ В отличие от простых фальшивомонетчиков, биллонеры перечекашивали полновесную монету, несколько понижая монетную стопу за счет использования дешевого сплава – биллона.

⁹⁹ Именно в этот период была предпринята попытка возбудить процесс против тех, кто по инициативе Эксского Парламента осуществлял карательную акцию против вальденсов. Однако иск был отклонен по инициативе правительства Генриха II.

Однако встречный иск не возымел успеха, король, может, и был склонен ограничить полномочия комиссии Кеснеля, оставив за ней на будущее только следовательские, а не судебные функции, но суд над Кавелье должны вершить именно те, кто возбудил этот процесс и на кого тот пытался подавать жалобы. Кеснель и его люди спешат (о чем свидетельствует быстрота снятия копии), для них дело Кавелье имеет особое значение: комиссия должна доказать королю свою эффективность, в противном случае суд над Кавелье будет их “лебединой песней”. Как бы то ни было, дела четы подследственных очень плохи.

Однако супруги не сидели сложа руки, о чем косвенно свидетельствует новое королевское письмо, адресованное на сей раз всему Руанскому Парламенту¹⁰⁰ и датированное 27 октября 1547 г. В нем упоминается об уже известных нам предшествующих документах, причем отмечается, *“что названный Кавелье и его жена потребовали отвода нашего советника Кеснеля ... посредством чего указанный процесс пребывает без движения”*. Король желает положить этому конец и предписывает Руанскому Парламенту *“обеспечить решение суда по этому процессу, который осуществлен указанным Кеснелем по делу указанных фальшивомонетчиков”*, согласно данному ему королевскому поручению. Завершение процесса надо поручить *“тем из вас, кого сочтете нужным, и наделить его теми же или подобными правами, что и Кеснеля в его комиссии”*.

За короля составил мэтр Франсуа де Конар, ординарный мэтр прошений Дворца. Подписано Робилар, наложение печати (collation) осуществлено в Лонгвале и *“переписано мной, Жаном Делапортом, королевским приставом в Руанском Парламенте по просьбе Робера Болта, прокурора короля в указанной реформации”* 27 ноября 1547 г.

Проясняется статус Робера Болта (он же Бюльт): он не был королевским прокурором Руанского Парламента, как можно было понять из предыдущего королевского письма, но всего лишь королевским прокурором “указанной реформации”, т.е. той же самой комиссии Кеснеля. Это значит, что его полномочия были сугубо временными, а его статус не слишком высоким. Обратим внимание, что на сей раз скорость движения письма замедлилась. Между наложением печати и составлением копии в Руанском Парламенте прошел целый месяц. То ли письмо шло медленнее, то ли копию снимать не топились.

Таким образом, вопреки буквальному содержанию письма, ясно, что сопротивление четы Кавелье не было лишь заранее обреченным жестом отчаяния. Подавая на отвод Кеснеля, они, вероятно, старались сыграть на противоречии между ординарной судебной

---

¹⁰⁰ Z1b, 433.

корпорацией – Руанским Парламентом – и экстраординарной комиссией. Им удалось главное – получить некоторую отсрочку (их вполне могли бы казнить “под горячую руку”, а казнь фальшивомонетчиков была мучительной). Вроде бы компетенция Кеснеля подтверждена, но лишь как следователя, а не судьи. Обратим внимание, что если король называет его команду просто комиссией, или же вообще никак не именует, то они устами прокурора продолжают гордо именовать себя реформационной комиссией, т.е. претендовать на нечто большее, чем просто на поимку жуликов.

Двадцать второго апреля следующего 1548 г. король отправляет письмо своему Большому совету, т.е. личному, как мы бы сейчас сказали, вневедомственному, апелляционному суду. Из этого примечательного документа¹⁰¹ выясняется, что в ответ на жалобы Кавелье и его жены (она впервые названа по имени, Переттой, но форма имени Кавелье по-прежнему уменьшительная – Филиппо) по поводу притеснений, дурного обращения и ущерба со стороны Жана Кеснеля, причиненных им во время следствия, расследование (information) было поручено бальи города Эвре и его лейтенанту. Но они, как следовало из очередной жалобы Кавелье, оказались связаны с Кеснелем узами родства и свойства и поэтому также подлежали отводу, о чем Кавелье и составил письменное заявление для судебных секретарей. Вероятно, на этой стадии дела и было составлено предыдущее королевское письмо.

Однако 19 ноября после получения нового отвода, король дал поручение бальи Руана и его лейтенанту, *“чтобы быстро и тайно произвести расследование по форме”*; материалы расследования, запечатанные малой канцлерской печатью, надлежит затем доставить в Малый королевский совет, который и должен вынести решение. *“Но указанный Кавелье и его жена жалуются, пребывая в заключении в величайшей нужде и лишениях, что по причине великой занятости, в которой суд пребывал и пребывает изо дня в день, что дело их до сих пор не решено”*. Жалобы и опасения подследственных вполне понятны – и их руанские судьи, и те, кто был призван контролировать процесс, да и те, кто должен контролировать контролеров, были людьми одного круга, связанными если не родственными связями, то корпоративной солидарностью. Их дело могло быть попросту положено под сукно. И они вот уже третий год оставались в заточении, во власти следователей. *“Этот Кавелье и его жена нас всепокорнейше просили передать этот процесс судьям, не заподозренным и не подлежащим отводу”*, – гласит текст королевского письма.

Со стороны подследственных было бы слишком оптимистично надеяться на то, что монарх заинтересовался их судьбой. Но факты нарушения судебной процедуры, самоуправство комиссии, назна-

---

¹⁰¹ Z1b, 433.

ченной еще предыдущим королем, случаи кумовства в местной судебной курии, все это показалось достойным пристального внимания хоть и не самому королю, но людям из его окружения. Ведь в это время, уже полностью приняв родительское наследие, Генрих II стал замышлять широкомасштабные преобразования, а точнее, наведение порядка, начав наступление на местные вольности. Похоже, что комиссия Жана Кеснеля выглядела в глазах короля уже не в столь выгодном свете, как год назад. Лица, обвиняемые Кавелье, названы следующим образом *“мэтром Жаном Кеснелем, советником нашей парламентской курии в Руане, называющим себя (!) комиссаром нашего досточтимейшего господина и отца короля, да спасет Господь его душу, по делу о реформации фальшивой монеты, и мэтра Робера Бюльта, так называемого порученца-(комиссара) прокурора”*.

Похоже, что люди из Малого совета, т.е. из числа чиновной элиты, решили сделать из этого казуса далеко идущие выводы: *“Настоятельно необходимо, во избежание еще большего скандала и примерного наказания в назидание другим ... и также потому что спустя немного времени было решено нашим Малым советом отправлять такие и подобные процессы [тем], кому надлежит ведать этими делами или иным судьям, кому укажем ... По поводу чего желаем для сокращения тяжб и процессов между нашими подданными, что правосудие должно быть единым и отправляться по отношению к бедным узникам согласно требованию данного случая, а также в силу других справедливых и разумных соображений, к тому нас подвигающим, и, следуя постановлению, упомянутому ниже, нашего Малого совета – решение указанных поручений и расследований мы отсылаем с 20 мая сего года в ведение и суд Большого совета”*. В письме содержалось поручение бальи Руана или его лейтенанту, который осуществлял это расследование, отправить скорейшим образом дела в Большой королевский совет, а *“настоящий документ дать на ознакомление указанным Кеснелю и Бюльту”*.

22.04.1548. Король в совете, подпись Ле Пикар, большая печать, печать де Сент-Жюльена. И внизу, другим почерком, свидетельство об ознакомлении с текстом в Руане благородного человека Робера Бюльта.

Итак, король, а точнее, чиновники из его Малого совета передали дело в Большой королевский совет, действовавший непосредственно от имени короля. Казалось, в деле Кавелье назревает благоприятный для него поворот. Во всяком случае, ему, а, скорее всего, его другу, известному нам по дарственному акту, удалось ознакомить нужных людей в Париже со своей версией дела.

Однако и руанские судьи не дремали. Со времени передачи дела в Большой королевский совет не прошло и двух месяцев, а король направляет в свой суд уже совсем другое письмо, датированное 4 ию-

ня 1548 г. Король напоминает обстоятельства дела и дает новую версию. Оказывается, что после отвода Жана Кеснеля его заменили *“на нашего верного советника того же суда – Орше Постеля, который не приступил к процессу, так как указанный Кавелье и его жена, чтобы избежать наказания за свершенное ими преступление, нашли средство получить письма о переносе [дела]... под видом чего они якобы добились разрешения начать следствие против господ чиновников и иных, кто якобы их велел арестовать и кто якобы подбросил красные и черные штампы в их дом и иные инструменты для чекана королевской монеты”*.

Супруги потребовали отвода, адресуясь, согласно обычаю, в Большой совет. *“Желая под всеми этими оболочками понять суть указанного процесса о фальшивой монете ... мы выделили это дело из ведения Руанского Парламента, отделив от прочих дел о фальшивой монете... Принимая во внимание все обстоятельства, в особенности то, что Кеснелю было поручено вести эти дела, а указанный Кавелье и его жена проживают в краю, входящем в бальяж Руана, и что после отвода указанного Кеснеля указанный Постель его заменил .... а Кавелье об этом не упомянул”*, король распоряжается не забирать дело в Большой совет, а отослать его назад в Руанский Парламент. За короля подписал ординарный мэтр прошений Роберте.

Запись другим почерком: *16 июня в субботу 1548 по просьбе почтенного человека мэтра Робера Бюльта¹⁰², прокурора короля по делу о фальшивой монете, и в силу некоторых документов, данных королем 4 сего месяца, мной, Жаном Лапортом, приставом Руанского Парламента, эти письма были зачитаны Филипо Кавелье в Консьержери Руана, каковой попросил меня снять копию этого документа, что и было мной выдано”*.

Примечательно, что в этом, столь зловещем для подсудимых письме, не упоминался Малый королевский совет. Напротив, в его адрес слышны скрытые упреки (фальшивомонетчики пытались сорвать судебный процесс, подавая ложные апелляции). По всей видимости, люди Кеснеля, получив предыдущее королевское письмо, запустили ответную бумагу и действовали по своим проверенным каналам: скорее всего, через старых служак покойного короля то ли из членов Большого совета, то ли из числа докладчиков прошений

---

¹⁰² Обратим внимание на то, что в первом документе Бюльта называли благородным человеком, а в данном – почтенным. В этом нет ничего оценочного, второй акт намного более благоприятен для него, чем первый. Некоторая неразбериха с терминами и “титулами” является следствием пограничного положения Бюльта. Прокурор именовался только “почтенным”. Благородным же был, как правило, человек с университетской степенью, не ниже адвоката. Но Бульт был не простым прокурором, а королевским, правда, прокурором лишь временной комиссии.

королевского Дворца (тот же Роберте, который и составил текст этого королевского письма, принадлежал к старой и уже известной нам чиновной фамилии). Возможно, сработали старые связи, или знакомство с обстоятельствами дела выявило очевидную надуманность заявлений Кавелье, не исключено, что “старая гвардия” выражала недовольство прытью реформаторов из Малого совета, а скорее всего все причины действовали вместе, и в результате супруги вновь были отброшены на исходные позиции. У “Филиппо” еще хватило самообладания запросить копию этого страшного для него документа.

Следующее из сохранившихся королевских писем датировано 3 января 1549 г. (48 по старому стилю)¹⁰³, данное в Сен-Жермен-ан-Лэ 3 января 1548 г. секретарем Гирно, вновь было адресовано Большому совету. *“Филипп Кавелье и Перетта, его жена, заключенные в Консьержери Руана, представили нам заявление с многочисленными обвинениями против мэтра Жана Кеснеля, советника .... Робера Бульта, называющего себя нашим прокурором по фальшивой монете и сьера Сент-Аньяна. Указанный Кавелье и его жена были обвинены в фальшивой монете указанными Кеснелем, Бультом и Сент-Аньяном и их пособниками с допущением многих нарушений, клеветы и ложных обвинений ... Поэтому мы ... отправляем вам документы, касающиеся этого дела, собранные по поручению нашего Малого совета, согласно прошению указанного Кавелье и его жены”*.

На ознакомление с документами Большому совету давалась неделя, а затем королю надо было доложить о принятом решении, т.е. о том, забирать или нет это дело из Руанского Парламента. В предпоследний день января с этим письмом были ознакомлены и Робер Бюльт и Филипп Кавелье, узник Консьержери, а также его жена, заключенная в тюрьме старого дворца города Руана.

Таким образом, в дело вновь включился Малый совет, и вновь процесс отзывается в Большой совет. Какие же, собственно, обвинения, выдвинутые Кавелье, возымели действие?

Ответ на этот вопрос мы находим в извлечении из регистров Большого совета копии письма, поступившего в Руан ровно через год, 20 января 1549(50).

“Между мэтром Робером Бультом, прокурором короля в реформировании фальшивой монеты герцогства Нормандии, отведенного решением о судебной ошибке (default)¹⁰⁴, и мэтром Франсуа Флатоном, прокурором Филиппо Кавелье и его жены, потерпевших

---

¹⁰³ Z1b. 38. f. 135.

¹⁰⁴ До боли знакомым нам теперь словом “дефолт” (дефо – default) называлось судебное решение по иску одной из сторон без уведомления о том другой стороны. См.: Denissart J.B. Collection de decisions nouvelles et de notions relatives à la jurisprudence actuele. P., 1745

от судебной ошибки, – с другой”. “Генеральный прокурор установил, что действия суда были вполне законны, и в результате дело отправлено в парламентскую курию Руана, чтобы вестись там”, на что отводилось две недели. Супруги приговариваются к возмещению судебных издержек, а их прокурор Флатон приговаривается Советом к штрафу в сто су в пользу короля.

Второй раз события разворачиваются по одному и тому же сценарию – Малый совет изымает дело из Руана и передает в Большой совет, Большой совет возвращает его в Руанский Парламент. Вновь Филипп и Перетта попадают в руки своих врагов, жаждущих положить конец их жалобам.

Но и на сей раз маятник королевского правосудия качнулся в другую сторону. 26 июня 1550 г. Большой королевский совет представляет на имя короля заключение на прошение, в очередной раз поданное Филиппом Кавелье и Переттой на имя короля, *“о том, чтобы угодно было указанному сеньору забрать их процесс, о котором говорится в прошении”*¹⁰⁵. Курия Большого совета *“придерживается мнения, что королю следует соизволить призвать на указанный совет сеньора де Сент-Аньяна, мэтра Робера Бульта, прокурора реформации фальшивомонетчиков в Нормандии и иных, если надо будет их заслушать по этому прошению. Указанным советом было высказано мнение, что комиссарам указанной фальшивой монеты должно быть запрещено брать на себя судебные решения по данному вопросу”*.

Возможно, позиции друзей руанских парламентариев в Большом совете были уже ослаблены, или же совет был обеспокоен излишней активностью следственной комиссии, старавшейся взять на себя судебские функции и окончательно решить проблему.

Не известно, сколько раз еще бумаги злосчастных супругов передавались бы из Парижа в Руан и обратно. Но вскоре ситуация претерпела качественное изменение. В начале 1552 г. возникает новый суверенный суд – “Монетная курия”. Этот институт существовал еще с XIV в.; в XVI в. в его состав входили десять “генералов” (правильнее, генеральных мэтров монет), президент, королевский прокурор и королевский адвокат, но он являлся всего-навсего следственной комиссией, не имевшей права выносить судебные постановления (“сентенции”). Монетная курия передавала материалы следствия в Парламент, а в случае уголовных преступлений – в Шатле. Но в 1552 г. Генрих II возвел это учреждение в ранг суверенной курии, формально поставив ее в один ряд с Парламентом, Счетной палатой, Курией косвенных сборов. Теперь это был суверенный кассационный суд, имевший функцию контролировать и судить чиновников монетных дворов и ювелиров, измерять монетную пробу, а также вести дела о фальшивой монете. Парламент выступил с протес-

---

¹⁰⁵ V 5. 1054, f. 169v.

тами, но, в конце концов, король настоял на своем, и курия приступила к работе.

Дальнейшая судьба дела Кавелье прослеживается по регистру уголовных дел Монетной Курии¹⁰⁶.

“Во исполнение королевского письма от 26 июня 1551 г. процесс между Филиппом Кавелье со своей супругой, заключенных в тюрьмах Руана, истцами и Жаном Кеснелем, советником Руанского Парламента, и Робертом Бюльтом, называющими себя комиссаром и прокурором короля по делу о Реформации монет указанного Руана, ответчиками, согласно заключению генерального прокурора, отзывается настоящим в Курию генеральства монет в Париже в двухнедельный срок, чтобы вестись там и перевести туда заключенных. Дано в Компьене 18 августа 1552, подписано: Дотон”. Но соответствующая запись появилась в регистрах Монетной курии лишь 18 декабря 1555 г.

Судьба дела Кавелье в 1551 г. не вполне ясна, но вполне возможно, что уже в этом году оно было выделено в особое производство, дожидаясь того времени, пока не завершатся подготовка к началу работы курии.

Итак, решение об отзыве дела из Руана принято то ли 26 июня 1550, то ли 1551 года, в августе 1552 г. приняли решение о переносе его в Монетную курию. И только в декабре 1552 г. это решение было принято к исполнению. По-видимому, такая задержка была вызвана неизбежной волокитой и неразберихой, сопровождавшей создание новой курии. Этим можно объяснить столь длительный срок, затраченный на движение бумаг от Компьена до Руана и Парижа.

Уже 20 декабря на основании прошения, поданного в монетную курию четой Кавелье, было решено *“согласно постановлению Большого совета об отзыве дела от 18 августа сего года перевести в тюрьму Консьержери в Париже”*. Перевод заключенных был делом достаточно дорогостоящим, и в данном случае расходы на транспортировку были возложены на Жана Кеснеля и Роберта Бюльта.

Монетной курии поручено также произвести расследование и разобраться *“по поводу угрозы фактов оскорблений и насильственных действий, произведенных в отношении Мартена Гонда, кузена, родственника и ходатая за подсудимых, и поставить его под защиту и охрану короля и указанной курии, и да будет запрещено кому бы то ни было вредить и оскорблять указанного Гонда, его жену и семью”*.

Нетрудно догадаться, что такой поворот дел ничего хорошего не предвещал для Кеснеля и его людей. Не без основания они видели корень зла в Мартене Гонде (или Гольде), без чьей помощи сопротивление заключенных было бы давно сломлено. Роковым об-

---

¹⁰⁶ Z1b. 38.

стоятельством для Кеснеля и Бульта оказалось то, что Гонд нашел выход на Малый королевский совет. К тому же так для них нехоти подоспело создание новой курии. Пока дело направлялось в Большой совет, оно каждый раз спускалось на тормозах и возвращалось в Руан, а дома, как известно, и стены помогают. Но теперь, несмотря на все протесты, Монетная курия все-таки была создана, и заполучив дело Кавелье, уже не собиралась выпускать его из своих рук. К тому же и подследственных переводили из Руана в Париж. Единственным выходом было надавить на Мартена Гонда, без него Кавелье оказывался бы бессилен.

Все же непонятно, почему между августовским постановлением курии и его занесением в регистр прошло почти полгода. Когда решалась судьба Кавелье и когда он был переведен в Париж – в августе-сентябре, или все-таки в декабре? Последнее постановление из этой же подшивки оставляет эти вопросы без ответа.

“Постановлением той же курии от последнего числа августа сего года (и) заключением королевского генерального прокурора в этой курии, указанному прокурору будет дано поручение доставить заключенного в том состоянии, в каком он есть, в тюрьму Консьержери в Париже на средства указанного Кавелье”.

Это означало, что Кавелье и Гонд спешили выбраться из Нормандии. Конечно, заставить своих противников оплатить перевод арестантов было бы весьма эффективным актом. Но это могло занять много времени и к тому же, судя по формулировке, с подследственными что-то было не в порядке (возможно, болезнь?). *“Тюремщик той тюрьмы, где находятся указанные заключенные должны... выдать их по предписанию королевского прокурора и препроводить под доброй и надежной стражей в указанную тюрьму”* (имеется в виду парижская Консьержери). *“И да будет дано распоряжение секретарям или их клеркам отправить в указанную курию закрытые и запечатанные материалы следствия по поводу указанных заключенных и все прочие судебные документы (procès-verbaux) в виде писем или копий, подшитых к оригиналам. И известить их, что они получают оплату в разумных пределах. По завершении указанного будет дано поручение сверх того расследовать дело о нападениях, указанных в том прошении ... и указанные заключенные вместе с этим Мартеном Гондом будут взяты под королевскую охрану указанной курией, они будут поставлены в известность”.*

Другим почерком: *“Указанное постановление и поручение выдано Мартену Гонду, кузену и ходатаю указанных заключенных 26 декабря 1552”.*

Да, расходы от Гонда потребовались немалые, он оплачивал транспорт и конвой заключенных, оплачивал труд многочисленных клерков. Одного лишь решения о возврате конфискованного при аресте имущества было бы мало, надлежало заставить следователей

возместить все судебные издержки, а размеры их становились поистине астрономическими.

Настало время вновь обратиться к памяtnому нам нотариальному акту. Из его текста следует, что 22 июня 1553 г. генералы Монет вынесли, наконец, долгожданное постановление о возмещении ущерба за имущество, взятое во время ареста. Знаем, что Перетта умерла где-то в марте, возможно, ослабленное длительными лишениями здоровье не выдержало доставки под конвоем в Париж. Кавелье освобожден из-под стражи и через два дня после постановления курии, 24 июня, составляет свой нотариальный акт, который очень быстро, уже через день регистрируется в Шатле. Мартин Гольд готовится к борьбе и процессу против своих противников. Правда, среди них нет имени Жана Кеснеля, главы комиссии, виновными оказываются “стрелочники”, но тем больше шансов на успех, годы мытарств выработали у Кавелье и Гольда хорошую интуицию в подобных вопросах.

Напомним об основных этапах этого дела (см. табл. 40).

Вернемся к изначальному вопросу: чем же вызвано столь удивительное красноречие этого акта? Мы получили редкую возможность посмотреть, что стояло за этими строками благодарности. Кавелье действительно было за что благодарить Гольда, двоюродного брата своей жены. Его самоотверженные действия позволили выйти на нужных людей, и колоссальные затраты оказались не напрасны. Кстати, судя по нотариальному акту, он действовал также и через королевскую канцелярию, в имеющихся в нашем распоряжении документах это не нашло отражения, но известно, что это был чрезвычайно важный орган в делах о помиловании. Собственно, на основании прошений, поданных в канцелярию, дело и переправлялось на личный суд короля¹⁰⁷.

Думается, что красноречие нотариального акта определено и благодарностью Кавелье, и его взволнованностью (ведь долгожданное постановление он заслушал лишь позавчера), но есть и еще одна причина. Несмотря на краткость выписок из регистров Монетной курии, там встречаются одни и те же выражения и характерные черты

Так, например, ни в нотариальном акте, ни в судебных бумагах не уточняется “фамилия” (nom) жены Кавелье, хотя ее присутствие все время отмечается. Видимо, один и тот же текст многократно переписывался, имелась некоторая заготовка, которую воспроизводили в том или ином контексте (подобное мы предположили в завещании адвоката Пилера). Но то, что казалось вполне ординарным в материалах следствия или в ходатайствах о пересмотре дела, смотрелось несколько необычным среди дарственных актов. Но надо ли

---

¹⁰⁷ Davis N. Zemon. Pour sauver sa vie: Les récits de pardon au XVI siècle. P., 1988.

Таблица 40

Судебная "Одиссея" Филиппа Кавелье в документах

Дата	Содержание документа	Фонды Национального архива
Не позднее 1546 г.	Копия письма Франциска I, излагающего полномочия комиссии Кеснеля при Руанском парламенте.	Z 1b 433 ПОДШИВКА ДОКУМЕНТОВ ПО ДЕЛУ КАВЕЛЬЕ (до 1550 г.) ПРИЛОЖЕНО К РЕГИСТРУ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ МОНЕТНОЙ КУРИИ
3 марта 1547 г.	<i>Вступление на престол Генриха II</i>	
15 апреля 1547 г.	Письмо Кеснеля Генриху II с изложением дела Кавелье.	Z 1b 433 упоминание
1 июня 1547 г.	Ответ короля на письмо Кеснеля, подтверждение полномочий комиссии в отношении дела Кавелье.	Z 1b 433
27 октября 1547 г.	Предписание короля назначить новых судей.	Z 1b 433
	Назначение судей в деле Кавелье балыи г. Эвре.	Z 1b 433 упоминание
	Отвод судьи по причине близости с Кеснелем.	Z 1b 433 упоминание
	Назначение судьей Орше Постеля и отвод его Кавелье.	Z 1b 433 упоминание
19 ноября 1547 г.	Поручение балыи Руана расследовать дело и передать его в Личный королевский совет.	Z 1b 433
22 апреля 1548 г.	Личный королевский совет передает дело Кавелье в Большой королевский совет.	Z 1b 433
4 июля 1548г.	Королевское письмо о возврате дела Кавелье в Руанский парламент.	Z 1b 433
3 января 1550 г.	По поручению Личного королевского совета, дело Кавелье передается на рассмотрение Большого королевского совета.	Z 1b 433
20 января 1550 г.	Большой королевский совет возвращает дело в Руан, присуждая Кавелье к возмещению издержек.	Z 1b 433

Таблица 40 (окончание)

Дата	Содержание документа	Фонды Национального архива
26 августа 1550 г.	Дело Кавелье забирается в Большой совет, комиссии Кеснеля запрещено ведение дела.	V5, 1054, f.169v РЕГИСТР БОЛЬШОГО КОРОЛЕВСКОГО СОВЕТА Z1b 38 упоминание
26 июня 1551 г. Январь 1552 г.	Королевское письмо об отзыве дела из Руана. <i>Придание Монетной курии статуса Суверенного суда.</i>	
18 августа 1552 г.	Решение короля о переводе дела Кавелье в "Суд генералов монет".	Z1b 38 РЕГИСТР УГОЛОВНЫХ ДЕЛ МОНЕТНОЙ КУРИИ Z1b 38 упоминание
18 августа 1552 г.	Решение Большого королевского совета о переводе заключенных в Консьержери Парижского двorca правосудия за счет Кеснеля и Бульта, адвоката в Парламенте. Запрет преследования Мартена Гольда.	
30 августа 1552 г.	Решение Большого королевского совета о транспортировке заключенных за их счет.	Z1b 38 упоминание
26 декабря 1552 г.	Решение Монетной курии о переводе заключенных за их собственный счет и о расследовании дела по жалобе Мартена Гольда.	Z1b 38
март 1553 г.	<i>Смерть Перетты, жены Филиппа Кавелье в парижской тюрьме Консьержери.</i>	
22 июня 1553 г.	Постановление Монетной курии о возмещении ущерба Филиппу Кавелье.	Y 98, f. 453v. упоминание
24 июня 1553 г.	Нотариальное дарение Кавелье в адрес Мартена Гольда.	Y 98, f. 453v. РЕГИСТР ИНСИНУАЦИЙ ПАРИЖСКОГО ШАТЛЕ Y 98, f. 453v.
26 июня 1553 г.	Регистрация дарения в Шатле.	

было участникам сделки этого опасаться? Вспомним, что нотариальный акт остается в основе своей публичным. Зачем же отказываться еще раз заявить перед всем миром о своей правоте и своих лишениях? Простая справка, призванная храниться в холщовом мешке прокурора на будущем процессе, приобретает характер еще одной диатрибы, чтобы при случае стать дополнительным аргументом в борьбе.

Для нас дело Кавелье – один из казусов, проливающий свет на многие интересные проблемы того времени. Но не явился ли он казусом и для своего времени, не повлиял ли как-нибудь он на ход Большой истории? Вполне возможно. Ведь еще на сравнительно ранней стадии эти документы, попав в Малый совет, породили стремление придать этому делу образцовый характер.

Конечно, когда Генрих II и бюрократы из его окружения затевали создание нового суверенного суда – Монетной курии, они преследовали фискальные цели, ведь учреждались новые должности, которые можно было выгодно продать без особых затрат со стороны короля. Точно так же вскоре будет затеяно куда более грандиозное предприятие – создание сети президиальных судов. Но учреждая Монетную курию, власть руководствовалась также и определенной “идеологией проекта” – упорядочением, специализацией и ускорением судопроизводства, поставленного под более строгий королевский контроль. Для реформы требовались весомые аргументы, хотя бы для того, чтобы сломить сопротивление Парламента. Этими аргументами была загруженность ординарных судов делами, накопление массы нерешенных дел, множась случаи судебных ошибок, случаи коррупции и кумовства. Трудно не согласиться с тем, что в момент дебатов по поводу создания монетной курии дело Кавелье могло послужить благодатным вместилищем примеров, используемых для демонстрации необходимости затеваемой реформы.

Прославленный Шарль Дюмулен

Две ревокации с разницей в один год. – На службе общественному благу. – Женитьба ученого. – Неблагодарный брат. – Закон si inquit или закон si totas? – Римское право против кутюмы. – Казус, вошедший в учебники. – Апогей славы. – Судьба спорной сеньории. – Неожиданная развязка. – Дюмулен и Большая история: взаимное влияние

Адвокат Парижского Парламента Шарль Дюмулен попал в затруднительное положение. 7 января 1550 г. он регистрирует в Шатле сразу два акта. В первом, датированном 29 июня 1547 г., он рассказывает о том, как еще в 1533 г. он уступил своему брату Ферри Дюмулену сеньорию Миньо, ничего не оставив себе. Но между ними

было договорено, что два других фьефа будут резервированы для того, чтобы выдать замуж их сестру. Шарль поясняет, что *“в то время он не имел ни малейшего намерения жениться и заводить детей, но исключительно продолжать свои занятия, чтобы перетолковать и прокомментировать заново как кутюмы, так и гражданское право”*. Но позже случилось так, что *“у указанного заявителя появились многочисленные законные и родные дети (plusieurs enfans naturels et legitimes). И если бы он мог это предвидеть, он никогда бы не стал действовать в ущерб своему потомству”*. К тому же после смерти своего отца он содержал брата в школах, сделал его лицензиатом права и на свои деньги ввел его в адвокатское звание. Более того, одну из своих сестер он поместил в монастырь, теперь же он собирается выдать замуж другую. Посему дарение, сделанное ранее брату Ферри, отменяется и переадресуется ныне в пользу детей Шарля Дюмулена. Последние, однако, не должны требовать от Ферри Дюмулена чего-либо сверх сеньории Миньо.

Следующий акт, составленный годом позже, 7 августа 1548 г., повторял основные положения предыдущего и развивал их (например, уточнялось, в частности, что сеньория была передана в виде *“простого дарения”* (purement et simplement), что он содержал своего брата в орлеанских школах в течение трех лет и затем содержал в своем доме, *“вводя в звание адвоката Парламента”*. Но Ферри оказался *“чудовищно неблагодарен, распускал порочащие ложные слухи о своем брате, возводил на него многие жестокие неправды, повергая его в отчаяние и меланхолию, стремился отвратить от него друзей и под ложным предлогом изъять у него документы на владение (lettres et tiltres) и продал имущество, резервированное для приданого сестре, отрицая все имевшиеся ранее договоренности. В свою очередь, брат возбудил против Шарля обвинения во время судебных заседаний 2 мая и 3 августа 1548 года”*. Посему Шарль составляет новый акт, отменяющий дарение по причине неблагодарности и требует вернуть уже не только земли, но также и возместить средства, израсходованные на обучение неблагодарного брата и введение его в должность¹⁰⁸.

Как уже отмечалось, отмены дарений по жанру своему должны быть драматичны, обосновывая злодеяния тех, кому было адресовано дарение. В этом случае не жалели красок, ведь не должно было возникнуть особых сомнений в необходимости отмены дарения.

---

¹⁰⁸ У 95, f. 158–161, что соответствует № 3269–3270 инвентаря регистров. В центральном хранилище нотариальных актов сохранилась минута только первого документа (МС. VIII. 75). Следует отметить, что в регистрах Шатле акты были записаны в обратной хронологической последовательности, что породило заблуждения у многих, кто писал об этой истории, в частности, у такого знаменитого историка права, как Франсуа Оливье-Мартен (Olivier-Martin F. Histoire de la coutume de la Prevoté et vicomté de Paris. Reprint. P., 1966 T. 2. P. 490).

Акты Дюмулена – отнюдь не самые красочные в небольшом, но очень колоритном ряду ревокаций, зарегистрированных в Шатле. Удивляет другое. Если вчитаться в первый акт, получается, что его драматургию задают отнюдь не происки брата, но эволюция внутреннего мира самого дарителя. Сначала намеревался поступить так, движимый одними намерениями, затем намерения изменились, и появилось желание отменить сделанное ранее. Элементы подобного хода рассуждений слегка намечены в актах теолога Николя Леклерка и адвоката Жана Пилера, там отражены некоторые переживания и намерения, но только здесь им придан самодовлеющий характер. И только во втором акте рассуждения Дюмулена направлены по более привычному руслу, рисуя малопривлекательный образ неблагодарного брата.

К тому же, если в предыдущем случае мы только можем предположить, что дело Кавелье получило огласку и могло иметь некоторые последствия в спорах о необходимости создания нового института, то казус Дюмулена заведомо имел громкое эхо и оказал немалое влияние на юридическую мысль эпохи.

Со стороны Дюмулена не было простым бахвальством заявлять о своих планах прокомментировать все кутюмное и гражданское право. Он действительно достаточно рано стал весьма цитируемым юристом, пользовавшимся популярностью в своей среде. Пожалуй, он – самый известный из всех наших “пациентов”. Ведь даже Николь Леклерк и Пьер Галланд – личности несколько “периферийные”. Во всяком случае, о них нет биографических исследований, кроме словарных статей в специализированных справочниках. О Дюмулене есть по крайней мере две биографические работы¹⁰⁹.

События биографии Шарля Дюмулена, изложенные в его актах, находят свои подтверждения в других документах. Он происходил из старинного судейского рода, кичившегося своим достаточно древним дворянством. Жан Дюмулен, адвокат из города Мо, был аноблирован еще в 1391 г.¹¹⁰ После смерти отца, адвоката Парижского Шатле, Шарль Дюмулен, оставшись старшим в семье, действительно распорядился имуществом не совсем тривиальным образом. Решив полностью посвятить себя занятиям, он начал, по словам его первого биографа, вести образ жизни настоящего философа. После заседаний Парламента он редко оставался, чтобы, как то было принято, поговорить со своими коллегами. Для адвокатской карьеры у него был существенный недостаток – плохая дикция или даже заи-

---

¹⁰⁹ Brodeau L. La vie de maistre Charles du Moulin. P., 1654; Thireau J.-L. Charles du Moulin (1500–1566): Etudes sur les sources, la méthode, les idées politiques et économiques d'un juriste de la Renaissance. Genève, 1980.

¹¹⁰ Надо сказать, что в своих трудах Дюмулен часто высказывал пренебрежение выскочками-робенами, ставя под сомнение их притязание на дворянское достоинство.

кание. Однажды он даже получил за это выговор со стороны Кристофа Де Ту, будущего Первого президента, а в ту пору просто президента. Правда, за него заступилась коллегия адвокатов, как за одного из самых образованных своих членов, и президенту пришлось принести извинения¹¹¹.

Намерение посвятить себя юриспруденции не было пустым бахвальством. После нескольких лет напряженной работы, в 1539 г. выходит первая часть его грандиозного труда – комментарии к Парижской кутюме: систематическое перетолкование с позиций римского права статей парижской кутюмы¹¹². В Посвящении Франциску I юрист заявляет, что все предпринятое им направлено на благо общего дела (*Res publica*), беря за образец для подражания самого Боеция. И в первой части комментариев к кутюмам, и в трактате о ростовщичестве, и в комментариях к “Эдикту о малых датах” он не забывал указывать, что отказывался от должности советника Парламента. А в трактате “Советы Александра” заявлял, что не желая идти на службу какому-нибудь принцу, отказывался от всякого рода пенсионов, которые ему предлагались, опасаясь, что это ограничит его свободу или отвлечет от его занятий и написания книги и вынудит давать советы в плохих делах, ведь дела принцев и великих государей управляются иными способами, чем дела частных лиц¹¹³.

Вообще Дюмулену было свойственно достаточно много говорить о себе и в посвящениях, да и в самих трактатах. Он часто подчеркивал отсутствие практической сметки и неопытность в житейских делах. И почти каждый его контакт с реальной действительностью погружал его в раздумья, венчавшиеся пространными пассажами, а то и целыми трактатами. В его комментариях к Парижской кутюме есть упоминания о судьбе своего отца и проблемах с замужеством своей сестры, рассуждения о сеньории Миньо¹¹⁴. Его замечательные труды о рентах, начатые в 1542 г.¹¹⁵, на мой взгляд, много

---

¹¹¹ “Мудрый и достойный президент, преисполненный доброты и человечности принял правильное решение и на следующий день объявил, что погорячился, – продолжает биограф, – и с тех пор между ними установилась дружба” (*Brodeau L. Op. cit. P. 28*). Эту пасхальную картину следует, однако, дополнить: в 1564 г., когда Дюмулена арестовали в Париже за составление трактата против Тридентского собора, вмешательство короля чудом спасло его от виселицы. На немедленной казни настаивал не кто иной, как Кристоф Де Ту. См.: *Thireau J.-L. Op. cit. P. 29*.

¹¹² *Du Moulin Ch. Consuetudines sive constitutiones almae Parisiorum Urbis, atque ad ei totius Regni Franciae principales: Commentariis amplissimis... par D. Carolum Molinaum, iureconsultum. Parisii, 1539; Francfurt, 1575.*

¹¹³ *Du Moulin Ch. Annotationes super consultationes Alexandro [Tartagni] libri 7. P., 1551.*

¹¹⁴ См.: *Commentaire de la coutume de Paris. Art. 33. Gl. 2. № 93.*

¹¹⁵ *Tractatus de usuris et Labyrinthe de eo quod interest.*

обязаны своим происхождением его собственным опытам конституирования рент в 1540 г.¹¹⁶ Пытаясь отменить уже известное нам дарение, сделанное брату, он написал два трактата¹¹⁷, опубликованные в 1550 г. Два других труда родились в результате его затянувшейся тяжбы по этому поводу¹¹⁸.

Создается впечатление, что он не просто делился с читателями своими проблемами, но осознавал их важное общественное значение. Это именно от него мы узнаем, что он хотел полностью удалиться от всяческих благ и имущества, от всех развлечений и даже от столь привычных для адвокатов послеобеденных бесед во Дворце правосудия. Дабы своими занятиями способствовать общему благу он вел отшельническую жизнь и даже отказался от модной в ту пору бороды а-ля Франциск I¹¹⁹, чтобы не тратить время на ее расчесывание. В переиздании “Советов Александра”, предпринятом в 1561 г., он воспроизводит свою беседу с Франсуа де Монтоном, его соседом, а после одним из президентов Парламента. Сосед удивлялся, что адвокат возвращается из Дворца в час дня, Дюмулен отвечает: *“Там адвокаты-консультанты, отошедшие от дел или не занятые процессами, ведут досужные беседы, и так проходит вся их жизнь”*. Дюмулен, по его словам, ответил, что он удаляется, дабы работать над книгами, и что его мир – это его кабинет. Он не желал отвлекаться ради развлечений, но посвятил себя служению Общему благу¹²⁰. Зато как он негодовал, когда на него пала налоговая разверстка 1536–1537 гг., введенная в связи с очередной угрозой Парижу со стороны императорских войск. Заставить платить того, кто расстался со своим добром и полностью посвятил себя Общему благу! Он оказался в числе тех, кто не смог выплатить положенного взноса. Вскоре, как повествует сам Дюмулен, он даже заболел от напряженного труда. И тогда друзья посоветовали ему жениться. В комментариях Дюмулена к каноническому праву, в тексте, относящемся к слову *Uxor*, мы можем найти его признания в своих сом-

---

¹¹⁶ MC. VII. 68 – акты от 13.05 и 3.06.1540.

¹¹⁷ De donationibus factis vel confirmatis in contractu matrimonii и De inofficiosis testamentis donationibus et dotibus.

¹¹⁸ Commentaire sur les registres de Chancellerie и Stylus Curiae Parlamenti.

¹¹⁹ Напомню, что шрам, полученный в битве при Мариньяно, обезобразил подбородок молодого короля, и тот спрятал его за элегантной бородой. До того бороды были не в моде при французском дворе. Королю стали подражать придворные, однако скоро их примеру последовали и многие юристы, что вызвало, впрочем, неудовольствие ортодоксальной части Парламента. Для них магистрат был сродни духовной особе, и потому обязан был быть тщательно выбрит. Но молодежь из числа офисье их не очень слушала, а адвокаты, пользуясь статусом “свободной профессии”, и вовсе не обязаны были следовать предписаниям магистратов, предпочитая походить скорее на придворное дворянство, чем на священников.

¹²⁰ Annotationes ... Introd. F. III; Brodeau L. Op. cit. P. 30.

нениях по поводу женитьбы¹²¹. Наконец, он объясняет, что он женился на Луизе де Бельдон “не из похоти и не из корысти, но для отдохновения и для сохранения домашнего очага и для досуга во время занятий (non ad voluptatem et ad divitias sed ad restitutionem, et ad conservationem domus et otii ad studia instauranda)”¹²².

Это его качество, гипертрофированная публичность, в данном случае весьма выгодно для нас и позволяет восстановить всю историю с отменой дарений.

Итак, решив не жениться и провести всю жизнь в одиночестве, в октябре 1531 г. он дарит своему брату Ферри земли Миньо: фьефы Левек и Гиенкур и вообще все наследственные права на имущество и прочее с условием выплатить ренты и пристроить сестер. “Себе же оставил лишь книги, одежду и прочие необходимые вещи, чтобы жить плодами своего разума”, и, действительно, несмотря на слабую адвокатскую практику, Шарлю поступали определенные доходы от его консультаций, которые он давал провинциальным судам. По словам Шарля Дюмулена, он не выговорил себе от брата никакого пенсионера или узуфрукта, надеясь на то, что брат найдет выгодную партию, и что он сможет сохранить имя рода. Он приводит этот поступок как пример братского расположения. Такая партия была найдена, и в 1535 г. Ферри Дюмулен, также ставший к тому времени адвокатом Парламента, вступил в брак с Мари Майар, дочерью Жюля Майара, криминального лейтенанта парижского Шатле. В качестве дуэра жених в брачном контракте оговаривал сумму в 200 ливров ренты на сеньорию Миньо и на другое имущество.

Однако, вняв советам друзей, Шарль все же и сам женился в 1538 г. на Луизе де Бельдон, дочери одного из парламентских секретарей (greffier des presentations au parlement); от этого брака у них родились дети Шарль, Луи и Анна. По его словам, в 1547 г. встал вопрос о судьбе его младшей сестры Жанны. До этого две сестры Дюмуленов были отправлены в монастырь, и им выплачивалось по 25 ливров пенсионера. Младшей сестре Жанне требовалось выделить 1400 ливров приданого. И тут-то Шарль принял решение об отмене старого дарения брату.

Судя по всему, составив свой первый акт ревокации, Дюмулен представил его в королевскую канцелярию, где достаточно быстро (7 декабря 1547 г.) получил высочайшее соизволение отменить свой дарственный акт¹²³. Но письма, выданные в канцелярии (будь то ле-

¹²¹ Verbo uxorem, 17 (Цит по: Thireau J.-L. Op. cit. P. 44).

¹²² Du Moulin Ch. Tractatus duo analytici: Prior de donationibus, vel confirmatis in contractu matrimonii, posterior de inoficiosius testamentis... P., 1578. § 84. P. 36 Точно теми же словами он объяснял и свой следующий брак в 1558 г. (См.: Thireau J.-L. Op. cit. P. 46).

¹²³ Я надеялся найти копию этого акта в регистрах королевской канцелярии, но по обидной случайности в серии JJ 257 С именно данные за декабрь 1547 г. отсутствовали.

гитимизация детей, натурализация иностранцев, прошение о помиловании или отмена сделанных прежде дарений), обретали законную силу лишь после того, как они регистрировались Парламентом, проверявшим соответствие королевской милости духу и букве закона. Эта процедура во французском праве называлась “энтининацией” (*entérinement*).

Вот на этом этапе Шарля Дюмулена ждал неприятный сюрприз. На заседании 31 декабря 1547 г. против отмены дарения выступил советник Парламента Николя Аро (Harault), опекун детей Ферри Дюмулена. Это было нетрудно сделать, ведь Шарль не смог представить в Парламент документов на владение спорными землями (хитроумный Ферри заранее отобрал их у него “*под ложным предлогом*”). Это было первое важное упущение прославленного юриста. Кроме того, если мы сопоставим даты актов об отмене дарений с датой их регистрации в Шатле, то обнаружим грубое нарушение предписаний ордонанса Виллер-Коттре, требовавшего производить это в четырехмесячный срок.

Итак, к моменту подачи дела в Парламент имелись некоторые основания для придирок к формальной стороне процедуры ревокации. Но ахиллесовой пятой акта Дюмулена было другое обстоятельство. Он намеревался воспользоваться законом “*si unquam*”, восходящим к императору Константину, согласно которому дарения подлежат отмене в случае рождения родных и законных детей (отсюда в акте отмены Дюмулен подчеркивает именно это качество своих детей, чего обычно не делается в остальных актах, зарегистрированных в Шатле)¹²⁴.

Но Дюмулен не упомянул, то ли по забывчивости, то ли умышленно, что в 1535 г. то же самое дарение сеньории Миньо было подтверждено им по случаю свадьбы своего брата Ферри. А это уже в корне меняло дело. Имущество, переданное по случаю заключения брака, пользовалось особой защитой кутюмного права, и кому как не Дюмулену, лучшему толкователю кутюм, было это знать. Пожалуй, оценка Дюмулена, сделанная Антуаном Луазелем в “Диалоге об адвокатах Парижского Парламента”, была справедливой: “самый ученый из юрисконсультов был в то же время весьма слабым и немелым адвокатом”¹²⁵.

Вот мнение об этом деле младшего современника Дюмулена и признанного авторитета в вопросах судебной практики, Жана

---

¹²⁴ Эта фраза ввела в заблуждение даже таких опытных историков, как Кампардон и Тюетей, которые поняли ее так, будто у нашего адвоката родились незаконные дети – во французском языке “*enfants naturels*” чаще употребляется именно в этом значении. Но для Дюмулена важнее иная оппозиция – “*naturel* – *adoptif*”, “родной – усыновленный”, для римского права это имело не малое значение.

¹²⁵ *Loisel A. Le dialogue des avocats du Parlements de Paris // Divers traités tirés des memoires de m. A. Loysel. P., 1651. P. 82–83.*

Папона, чьими сочинениями мы уже пользовались в предыдущей главе.

“Адвокат Парламента, превосходящий всех своими знаниями, передал все свое имущество своему брату по брачному контракту... затем поменял мнение и раскаялся в свершении дарственной. Он стал искать средства отменить сей акт. Ему посоветовали жениться, что он и сделал и завел детей [Папон остается глух к усилиям Дюмулена создать свой идеализированный образ аскета, борца за общественное благо] ... Его указанный брат выдвинул в противовес весьма важные причины: ... что указанный Дюмулен объявил во всеуслышанье о своем желании даровать все свое имущество брату, дабы хорошо его женить... И что веря этим словам, он нашел женщину, на которой и женился, и без данного обещания свадьба никогда бы не состоялась, и что исходя из этой щедрости он выделил солидный дуэр своей супруге. И что отмена дарения была бы обманом и непростительным мошенничеством, свершенным по отношению к браку, который является таинством, честью и божественным установлением”¹²⁶.

Закон “*si unquam*” говорил об отмене только “простых дарений” (*pures et simples*)¹²⁷, а вовсе не тех, что были сделаны с целью вознаградить или отметить какое-нибудь событие. По всей видимости, сопротивление Ферри Дюмулена в этом процессе было организовано достаточно продуманно. Он вчинил встречный иск по поводу растраты материнского наследства Шарлем Дюмуленом в период несовершеннолетия Ферри¹²⁸, отрицал наличие каких-либо устных договоренностей и проч.

Летом следующего, 1548 г., как видно из второго акта, Шарль решает изменить свою тактику. Не отказываясь от аргументации на основе закона “*si unquam*”, он обращается к более эффективному и более эффектному закону Юстиниана “*si totas*”, согласно которому дарения могут отменяться в том случае, если одариваемый угрожает жизни дарителя, порочит его честь или отказывается выполнить записанные или устные обязательства, взятые на себя при получении дара. Все признаки неблагодарности были подчеркнуты во втором акте Дюмулена. Пафос второго акта оказался не напрасным: подчеркивая переживания (расстройство и меланхолию), автор ставил вопрос о прямой угрозе своей жизни в результате действий брата. Быть может, нам будет теперь понятнее страстность актов Леклерка, да и того же Пилера: болезнь, вызванная неблагодарностью

---

¹²⁶ *Papon J. Instrument de premier notaire. Lyon, 1576. P. 355–358.*

¹²⁷ На деле речь шла лишь о дарениях вольноотпущенникам, но это ограничение римского права, как и многие другие, с легкостью отменялось Дюмуленом, да и прочими юристами.

¹²⁸ Вспомним, в какое негодование впадал Жан Пилер, когда думал об аналогичном иске со стороны своих детей от первого брака.

тех, кому некогда было адресовано дарение, не есть ли в этом прямая угроза жизни, и, следовательно, повод для отмены дарения?

Дело, однако, растянулось на долгие годы, Ферри выдвигал контраргументы. У него были сторонники в Парламенте, хотя бы тот же советник Аро, опекун его детей. Возможно, президент Де Ту не простил вынужденного унижения и затаил обиду на Шарля Дюмулена.

Борьба продолжалась. Шарль Дюмулен зарегистрировал, наконец, свои ревокации в Шатле, вчинил еще один иск о возмещении судебных издержек за срыв “этиринации” документа, выданного канцелярией. Противоположная сторона, по всей видимости, старалась использовать факт оммажа, уже принесенного Ферри за оспариваемую сеньорию и фьефы. За время следствия накапливалась масса побочных исков, причем каждое действие одной из сторон рождало встречные претензии другой. 31 декабря 1549 г. сторонам было предложено решить дело “*без доискивания истины по поводу исков взаимно вчиненных мэтрами Шарлем и Ферри Дю Муленами и без вытекающих последствий*”. Но дело продолжалось. За это время Шарль Дюмулен написал целых четыре трактата, посвященных этому процессу – два по юридическому существу отмены дарений, два по вопросам процедуры судопроизводства. Сверх того или иное юридическое действие, адвокат пускался в рефлексии, соотносил свои поступки с нормами римского права и с кутюмами, в результате публиковалось новое сочинение. На стороне Дюмулена был авторитет если не лучшего, то одного из лучших юристов, королевский фавор, поддержка общественного мнения, хорошо информированного о данном процессе не только из его трактатов, но и из предисловий к другим книгам. Ведь предисловия, в отличие от самих работ, писались по-французски и были доступны более широкому кругу читателей.

Вот, например, он добился от короля комплексной привилегии на издание своих сочинений последних лет. Привилегия, датированная 1 января 1552 г., дана в необычной форме¹²⁹. Очевидно, с подачи самого Дюмулена, в тексте перечисляются его заслуги, “*содержащиеся в том, что за 30 лет, на протяжении которых он пребывал в звании адвоката указанной курии, он прилагал усилия к соединению теории с практикой во имя благой и настоятельной преданности общественному благу, продвижению и развитию образованности и облегчению науки права и судопроизводства*”¹³⁰.

---

¹²⁹ Об институте привилегий см.: Parent A. Les métiers du livre à Paris au XVIe siècle (1535–1560). Genève, 1974.

¹³⁰ contenant que des et depuis 30 ans, qu'il a exercé l'estat d'advocat en ladite cour, il est appliqué a conferer la pratique avec la theorique et pour le bonne et affectionné désir qu'il a eu, et a au bien public, avancement et promotion des lettres et abbreviation de la science des droictz et pratique. (Текст привилегии воспроизводился Дюмуленом во многих изданиях. Цит. по: Du Moulin Ch. Traicté de l'origine: Progrès et excelence du Royaume des François et couronne de France... Lyon, 1561).

То, что лично Дюмулен высоко ставил свои заслуги, мы уже убедились. Но в данном случае под словами похвалы в его адрес стоит все же королевская подпись, пусть даже и текст привилегии подсказан самим юристом. Зима 1551–1552 г. – наивысшая точка в карьере Дюмулена.

В этот период обострились отношения между папой и Генрихом II. Помимо политических противоречий в Италии, под угрозой была поставлена система компромисса между Римом и королем в управлении галликанской церковью (Болонский конкордат). Обострился вопрос о присвоении бенифициев и распределении церковных доходов. Дюмулен, уже прочно закрепивший за собой славу известного специалиста по согласованию разных систем права (он был знатоком кутомного права, права римского, королевских ординасов, процессуальных норм), взялся за проблему соотношения норм канонического права с остальным действовавшим в стране законодательством. На конкретном примере спора о “малых датах”, относящегося к срокам и формам замещения вакантных бенефиций, Дюмулен защитил права галликанской церкви и права короля от “узурпации” со стороны папы. Скорее всего, адвокату “подсказали” тему люди из королевского окружения, “курирующие” итальянскую политику – то ли королевский секретарь Жан Дютье, то ли сам коннетабль Монморанси. Королевскому правительству было важно показать папе Юлию III, что дальнейшая антифранцузская политика может привести к чему-нибудь вроде “акта о супрематии”. Вряд ли христианнейший король желал двигаться в этом направлении до конца, доводя дело до полного разрыва с католицизмом. Важна была лишь демонстрация силы.

Трактат Дюмулена “Комментарий к эдикту о Малых датах” имел самый широкий резонанс. Юлий III в корне пересмотрел свою политику.

Именно в эту пору коннетабль Монморанси сказал, представляя королю книгу Дюмулена: *“Сир, Ваше Величество не смогло с тридцатью тысячами человек принудить папу Юлия III к миру: сей человек сделал это при помощи вот этой маленькой книжечки”*¹³¹.

С точки зрения историка права подобные факты носят внеюридический характер и не могут относиться к существу дела об отмене дарения. Конечно, то, что аргументы Дюмулена возымели действие именно в тот момент, когда он был обласкан славой и королевским фавором, могло оказаться и простым совпадением.

Как бы то ни было, 12 апреля 1552 г. в деле Дюмулена было вынесено окончательное решение. Причем, сама форма его оглашения была избрана в наиболее торжественной манере “purpurato

---

¹³¹ Cormier T. Rerum gestarum Henrici II, regis Galliae libri quinque. P., 1667. P. 74.

rosato”, т.е. в торжественном облачении в красные мантии. Поэтому, кстати, самого текста этой сентенции мне так и не удалось найти в обычных регистрах Парламента. 12 апреля был последний рабочий день перед Пасхой и, следовательно, последний рабочий день года. Курия хотела закончить максимально возможное число дел и вынесла несколько десятков постановлений (arrests), причем к ним даже было составлено специальное оглавление. Но интересующего нас дела в этом списке нет. По всей видимости, торжественные постановления регистрировались в какой-то другой книге. Но решение Парламента по делу Дюмулена полностью воспроизведено в сборнике Барнабе Ле Веста¹³² и упоминается большинством “арестографов” Старого Порядка (т.е. специалистами по постановлениям Парламента).

Решение было принято в соответствии с законом “*si unquam*”. Ферри приговаривался оставить спорное имущество в пользовании истца и возместить те доходы, какие были извлечены с оспариваемых земель с момента составления акта об отмене дарения (т.е. с 1547 г.). Полная формулировка в публикации Ле Веста звучит следующим образом: “*XLIX приговор в пользу мэтра Шарля Дюмулена, касательно закона “Si unquam sive de revoc. donat.”, но все же с условием ипотеки дуэра, от которого супруг не освобожден*”.

В приводимых материалах судебного постановления намечены основные моменты процесса, откуда мы и черпали информацию о ходе этого многолетнего разбирательства. Некоторые иски Шарля Дюмулена отклонялись (в частности, претензии к Николя Аро, опекуну детей Ферри Дюмулена, сорвавшего “энтининацию” акта об отмене дарения, выданного Канцелярией), но в целом “указанный Ферри приговаривается оставить в пользование истца указанные вещи как было до указанного дарения и возместить ему доходы после вычета улучшений”. Теоретически Ферри должен был вернуть доходы за время, прошедшее с 1547 г., с начала судебного разбирательства. Однако размер выплат мог быть существенно сокращен за счет “улучшений”: например, строительных работ или мелиорации, учет которых был достаточно затруднен. В отношении дуэра Маргарите Майар, уже покойной к тому времени, но оставившей детей, законных наследников “вдовьей доли” своей матери, суд нашел компромиссное решение. Сеньория была возвращена Шарлю, но “указанные имущества пребывают под ипотекой в том случае, если имущества указанного Ферри не будут найдены достаточными для этого дуэра”.

Вроде бы Дюмулен одержал блестящую победу. Но сам он остался недоволен. Дюмулена, как поборника применения норм рим-

---

¹³² *Le Vest B. Arrests celebres et memorables du Parlement de Paris. Paris, 1612. № XLIX. P. 234–238.*

ского права для трактовки кутюм, не могла устроить такая двойственность в определении собственника. Он говорит об этом во втором издании своего трактата о дарениях, опубликованном в 1563 г. в Бордо.

Кроме того, не удался его план отмены “по причине неблагодарности”, т.е. в соответствии с законом “*si totas*”. Его биограф рассказывает: *“он много жаловался по поводу неблагодарности и угроз со стороны своего брата и по поводу его уловок, коими он отнял у него три или четыре года времени, свершая нечто вроде кражи общественного достояния, ибо это помешало ему работать над сочинением книг”*¹³³.

Действительно, находясь на вершине славы, Дюмулен хотел примерно наказать неблагодарного брата и других обидчиков, ведь покушаясь на него, они покушались на благо всего королевства.

Но 1552 г. был именно апогеем его карьеры, дальше события развивались куда менее благоприятно для него. И дело даже не в происках завистников, хотя их у него всегда хватало. Его стремление идти во всех вопросах до конца, столь благодатное в работе правоведа, соприкоснувшись с реальностью большой политики, привело к тяжелым последствиям. В планы короля и его окружения не входил полный разрыв с папством, нужно было лишь поугадать неговорчивого Юлия III. После заключения мира пыл Дюмулена был неуместен. А ему самому пришлось иметь дело с мощной “консервативной партией”, теологами университета и их парламентскими единомышленниками, стойкими в борьбе за сохранение католической веры. Если соперничать в ученой аргументации “Трактата об эдикте о Малых датах” было трудно даже заправским канонистам, то текст посвящения, сделанного на французском языке, оказался легкой мишенью для критики, ведь в нем Дюмулен открыто призвал возродить идущее с каролингских времен верховенство короля в церковных делах и дать отпор чудовищным притязаниям папства. Первый биограф и апологет Дюмулена пишет об этом следующими словами: *“Это посвящение было чудовищным образом оклеветано, и посеян мятеж”*. Дюмулену пришлось столкнуться на сей раз с очень серьезными противниками, ведь их возглавлял наш старый знакомый Николь Леклерк, декан факультета теологии. Кстати, в “Индекс запрещенных книг”, любимое детище Сорбонны, был включен и трактат Дюмулена “*De usures*”, в котором усмотрели апологетику ростовщичества¹³⁴.

---

¹³³ Brodeau L. (Op. cit.) P. 62. Бродо работал над биографией Дюмулена в начале XVII в., приобретаю его личные бумаги и книги с его пометами у зятя Шарля Дюмулена.

¹³⁴ Guy Coquille – “aucuns conseillers de la cour furent pris prisonniers que l’on disait adherer aux nouvelles opinions au fait de la religion entre lesquelles etait celle ci, que les usures moderes sont permis” (*Fauve J. Le prêt à intérêt dans l’ancienne France: These du Droit. P., 1900. P. 147*).

Добиться осуждения Дюмулена его противникам не удалось. 16 мая 1552 г. от имени короля трактат Дюмулена “о малых датах” был запрещен к дальнейшей публикации, но запрещена также была и публикация факультетской цензуры, наложенной на это сочинение. Дело было передано в Большой королевский совет, затем отложено до возвращения короля из армии. Однако проповедники, по словам Дюмулена, возбудили против него чернь, ему стали угрожать расправой. Вскоре Дюмулен покинул Париж и переехал на службу к ландграфу Гессенскому. Осенью ему удалось тайно возвратиться в Париж и забрать свои книги. Он успел вовремя, вскоре его дом был разграблен толпой. Дальнейшие скитания по Германии и Швейцарии были полны многообещающих успехов и горьких разочарований. В 1557 г. ему удается вернуться во Францию и добиться своего восстановления в звании адвоката Парламента. К тому времени Луиза де Бельдон умерла, и он вступил во второй брак.

С началом Религиозных войн он попеременно подвергается гонениям то со стороны католиков, то со стороны кальвинистов, которым он указывает на несообразности в их доктринах и в практике. В 1564 г. он был арестован и содержался в той камере, где ранее сидел сам Анн Дюбур. Первый президент Де Ту торопился с приведением в исполнение смертного приговора, но вовремя подоспела королевская амнистия. Умер Дюмулен в 1566 г., примирившись с католицизмом.

Вернемся к судьбе отмененных дарений. Процесс Шарля Дюмулена против Ферри Дюмулена стал классическим юридическим казусом, изучаемым многими поколениями юристов. Но никто не заинтересовался дальнейшей судьбой сеньории Миньо. А ее история не закончилась на судебном решении 1552 г. Новые данные содержатся в нотариальных минутах. Уже 24 июля 1552 г. от имени детей, новых владельцев сеньории, договор с фермером, заключенный еще с Ферри, подтвердила жена Шарля Дюмулена (он сам в ту пору уже бежал из Парижа). Но 1 октября 1564 г. Шарль Дюмулен в нотариальной конторе объявил, что *“начиная примерно с 1548 г. он обрел эти земли, но, опасаясь интриг и покушений, предпринимаемых против него, и также, чтобы избежать преследований, обрушившихся на него вскорости и принудивших его бежать в Германию, он сделал дарения земли и сеньории Миньо своим указанным детям”*. Но при этом *“заявляет, что никогда не хотел бы, чтобы это дарение имело место, если бы не означенные преследования. На этом основании дарение сеньории Миньо детям отменяется”*¹³⁵.

Это заявление несколько противоречит тому образу, над созданием которого Дюмулен трудился в сороковые годы, и надо сказать,

---

¹³⁵ MS. XVII. 126.

трудился не без успеха. Однако оно в принципе соответствует первому акту ревокации, с которого мы и начали свое знакомство с адвокатом. Главной оказывается воля собственника, в этом вопросе Дюмулен оставался последовательным сторонником римского права. На сей раз дети не подали в суд на эту новую ревокацию, судя по всему, особых проблем с наследованием не должно было возникнуть. Во всяком случае, после смерти Дюмулена из всех его детей в живых осталась лишь его дочь Анна, вышедшая замуж за Симона Бобе, который настолько почитал труды своего тестя, что взял на себя заботу о посмертной их публикации.

Но наследники Дюмулена недолго смогли пользоваться доходами с сеньории Миньо. Весной 1572 г., пока Симон Бобе отсутствовал, неизвестные напали на дом Дюмуленов в Париже. Они убили Анну Дюмулен, ее новорожденного ребенка и прислугу, похитили ценности и документы, в том числе и бумаги на владение сеньорией Миньо. Преступление получило широкий резонанс, о нем даже запрашивала Елизавета Тюдор французского посла в Лондоне¹³⁶. Дело безутешного Симона Бобе взялся вести модный адвокат Барнабе Бриссон¹³⁷. По его ходатайству были арестованы наследники покойного мэтра Ферри Дюмулена. Подозрение пало на них, так как они неоднократно говорили, что сеньория принадлежит им по праву, и что они так или иначе вступят во владение своими незаконно отнятыми землями. На их причастность к преступлению указывало многое: злоумышленники зачем-то похитили документы на владение сеньорией, если, убив взрослых, они избавлялись от свидетелей, то зачем им было убивать младенца, если за этим не стояла задача уничтожить всех возможных наследников?

Парламент назначил большую сумму денег в награду за разоблачение убийц, допрашивали всех преступников, содержащихся в тюрьмах, стремясь выйти на исполнителей или заказчиков убийства. Но расследование не принесло результата. Тем более что опять вмешались внеюридические факторы. Грянула Варфоломеевская ночь, на фоне которой жестокость убийства семьи Дюмулена как-

---

¹³⁶ Именно тогда она упомянула о своем дальнем родстве с Дюмуленами, погрузив в тяжкие раздумья специалистов по генеалогии. Ее мать Анна Болейн происходила из рода, с четырнадцатого века натурализовавшегося в Англии, возможно, что какое-то дальнее родство с бовезийской дворянской семьей Дюмуленов имело место. Во всяком случае, Анна Болейн, прибыв во Францию, прежде, чем быть представленной ко двору, некоторое время жила в какой-то дворянской семье в Бовези. Возможно, что это были Дюмулены.

¹³⁷ Он прославится своим сводом законов Генриха III (не менее величественной затеей, чем свод кутюм Дюмулена). Став президентом Парламента, он останется в период Лиги в Париже и будет казнен за свои роялистские симпатии и недостаточное рвение в защите веры.

то поблекла, да и работа парижского правосудия была дезорганизована. Через год подозреваемые были выпущены на свободу. А сенаторию Миньо Парламент конфисковал для возмещения судебных издержек.

Всю историю с братьями Дюмуленами трудно назвать иным словом, чем “казус” – исключительный, экстраординарный случай, проверяющий “на излом” существующие нормы. В данном случае соотношение принципа кутюмного права, предполагавшего, прежде всего, неизбежность имущества, выделенного во вдовью долю, с принципом свободы собственности по римскому праву. По иронии судьбы, а точнее, в силу некоторой закономерности, сам Дюмулен, всю жизнь работавший над соединением этих двух правовых традиций, оказался в центре этой юридической коллизии.

Продолжая извлекать “профиты”, мы можем узнать многое. И про систему подготовки юристов, например. Если Пилер отправил своих детей к прокурорам, то Дюмулен дал брату полноценное юридическое образование, обучая его сначала в Париже, затем в Орлеанском университете. После, что очень важно, оплачивал еще необходимый период стажировки, ведь теоретические знания надо было подкрепить практическим опытом. Как видим, мэтр Ферри кое-чему научился.

Мы можем найти подтверждение и практике многократного использования документа, о существовании которой мы сделали предположение, разбирая дело Филиппа Кавелье. Дюмулен использовал одни и те же риторические заготовки и в нотариальном акте, и в теоретических трактатах, и, вероятно, в судебных речах.

Есть и еще одно наблюдение, касающееся взаимного влияния институтов и казусов. Конечно, все наши действующие лица испытывают на себе влияние исторических событий и являются заложниками социальных институтов, или, во всяком случае, вынуждены считаться с ними в своих, казалось бы, свободных поступках. Но возможно ли было обратное влияние? Мы предположили, что казус Филиппа Кавелье мог как-то повлиять на создание нового института – Монетной курии. Это предположение высказывалось без особых оснований. Но в случае с Дюмуленом свидетельств “институциональных” последствий акта гораздо больше, ведь в итоге судебный процесс вошел в рабочие пособия для практикующих правоведов. Но влияние этого дела могло выходить за рамки чистого правоведения.

Вспомним, что изучая ритмы регистраций некоторых типов нотариальных актов в книгах Шатле, мы столкнулись с двумя явлениями: число университетских дарений начинает стремительно снижаться в конце пятидесятых годов, а число регистраций дарений, связанных с брачными контрактами, резко возрастает примерно с 1550 г. Причину спада интереса к регистрации университетских дарений мы раскрыли – ряд ордонансов существенно ограничил круг

лиц, которые могли пользоваться университетскими привилегиями в подобных случаях. Что же касается “брачных” дарений, не связан ли всплеск интереса к ним с деятельностью самого Дюмулена, ведь начиная с 1549 г. он публикует свои трактаты по данной проблеме, его процесс получил немалую огласку. А ведь люди, подсказывающие дарителям те или иные действия – адвокаты, прокуроры, стряпчие Дворца Правосудия и Шатле, при всей своей многочисленности, оставались, по сути, “большой деревней”, где вся информация распространялась очень быстро. Те же самые адвокаты в своих послеобеденных разговорах (в которых не пожелал участвовать амбициозный Дюмулен), наверняка обсуждали нашумевшее дело, кое-кто ознакомился с содержанием новых трактатов, кто-то не соглашался с ними. Во всяком случае, стало ясно, что дарения, связанные с брачными контрактами, “дарения по причине свадьбы”, обладают особым статусом, их гораздо сложнее отменить и поэтому они требуют особой тщательности при оформлении, в том числе и своевременной их регистрации в Шатле.

Но, главное, это подтверждение гипотезы о сохранении личностного характера в, казалось бы, формализованных и обезличенных нотариальных актах. Тьерри Дюмонт, Жан Пилер, Филипп Кавелье и Шарль Дюмулен демонстрируют некий особый стиль во всех своих документах, что делает возможным некую “графологическую экспертизу”, где вместо почерка выступают элементы нотариального поведения.

Правда, акты, послужившие нам отправными точками расследования, никак не назовешь ординарными. По самому своему жанру они предполагают нечто экстраординарное: доля личностного начала в них по определению высока. Речь ведь шла о таком редком виде документа как “олографическое” завещание, ревокация дарения, дарение только что вырвавшегося на свободу человека. Справедливо ли подобное наблюдение для документов, обладающих большей степенью формализации?

ДВА УНИВЕРСИТЕТСКИХ ДАРЕНИЯ

Самым массовым типом дарений, зарегистрированных в книгах Парижского Шатле, были, как мы помним, акты, адресованные студентам Парижского университета. Более того, мы установили, что этот тип документов, составленных в конторах парижских нотариусов, был максимально унифицирован. Поэтому обнаружение каких-нибудь “случаев отклонения” на примере университетских дарений означало максимальную чистоту эксперимента. И, по меньшей мере, пара таких актов обнаружилась, причем люди, составившие их, как выяснилось, превзошли в экстравагантности всех прочих дарителей.

Благочестивый Жан Брисонне

Президент среди крестьян. – Демарш 1525 г. в поисках виновных в пленении короля. – Против еретиков и сквернословов. – Любовь к “Красным детям”. – Идея Чистилища и жанр портрета

Нам уже приходилось сталкиваться с актом Жана Брисонне, президента Счетной Палаты. Напомню его содержание. 13 марта 1549 г. Жан Брисонне совершает дарение в адрес Жана Байе, магистра искусств в университете, своего крестника и слуги. Тому достается пожизненная муниципальная рента в 30 турецких ливров, *“которая после смерти названного Байе возвратится... в госпиталь Божьих детей, называемых “Красные дети” ... это дарение совершается с тем, чтобы указанный Жан Байе имел бы средства достичь святых орденов священства. И также, чтобы Байе и дети вышеуказанного госпиталя могли молить Бога за душу вышеуказанного господина президента”*¹³⁸.

Мы уже вполне можем оценить типичность такого акта. Многие чиновники обязаны были покупать муниципальные ренты, а потом с некоторой легкостью с ними расставались, жертвуя на благотворительные нужды (правда, Тьерри Дюмонт делал это на исходе Итальянских войн, а Жан Брисонне раньше, еще в тот период, когда они не обесценились). Как мы поняли на примере Тьерри Дюмонта, сиротские дома также часто становились объектами их благотворительности.

Но что касается дарений, адресованных студентам и магистрам университета, то пожелание “достичь святых духовных чинов”, не раз встречавшееся нам, было почти исключительно свойственно дарителям из числа провинциалов, главным образом, из крестьян. Мы предположили даже, что в среде последних более живучи были представления о сакральном характере знания. Причем это пожелание землепашцы высказывают не только в тех актах, которые были составлены в провинции, но и в документах, составленных в конторах высокомерных парижских нотариусов. Как бы то ни было, президент Брисонне остается со своим пожеланием “белой вороной” в окружении крестьян и провинциальных ремесленников. Это привлекло наше внимание к истории сего высокопоставленного дарителя.

Он оказался из числа “тех самых” Брисонне. Его младший брат и был знаменитым епископом города Мо, который собрал в своей епархии единомышленников Лефевра д’Этапля, пригласив и его самого, и попытался воплотить в одном отдельно взятом диоцезе идею реформирования католической церкви на основе христианского гуманизма.

---

¹³⁸ Y 94, f. 283.

Чтобы не потонуть в истории этой знаменитой семьи, ограничимся лишь одним эпизодом из жизни президента Брисонне.

Когда до Парижа дошли вести о поражении в битве при Падуге и о пленении короля, Парламент 20 марта 1525 г. собрался на экстренное заседание. Слово взял Жан Брисонне, “президент Счетов”. Его речь произвела такое впечатление, что регистр Парламента, вновь проявив несвойственное ему красноречие, воспроизводит ее чрезвычайно подробно: “Сегодня Жан Брисонне, шевалье, президент Счетов, сказал ассамблее, что ему кажется, что смута и несчастья, случившиеся в сем королевстве происходят из-за величайших грехов, творимых ежедневно в сем королевстве и, особенно, в сем городе, величайшем и состоящем из всех наций”. Президент в данном случае вполне органично придает сугубо урбанистическим заботам вселенский размах. Поскольку Париж, “caput urbis”, глава всех городов и центр королевства, а Франция – страна “христианнейшего короля”, то задача наведения порядка в Париже обретает космический или даже эсхатологический характер. Брисонне конкретизировал свою мысль: «И что есть два основных греха, которые царят и кишат здесь – сиречь ересь и богохульство, которым нужно противодействовать и искоренять их. В этом городе и в других местах сего королевства есть многие, кто поддерживает доктрину Лютера, а этих ошибок следует избегать. Далее он сказал, что было некое лицо в сем городе, весьма высокопоставленное, скончавшееся некоторое время назад, которое однажды оказалось за одним столом с указанным Брисонне. Был поднят вопрос *de purgatorio vel resurrectione* (о Чистилище и воскрешении из мертвых) и тот шепнул ему на ухо: “Господин президент, находите ли вы сказанное правдоподобным? Это ведь все для поповской выгоды”. Брисонне ничего не ответил и не обращался к нему более, но его уважение к нему убавилось. И ему сказали, что один из его сыновей, ныне здравствующий, стал большим лютеранином. Каковое высокопоставленное лицо *est mortuus intestans et inconfessus* (умерло без завещания и покаяния), как он его и предупреждал. Хотя может быть он потом и раскаялся, *Juxta illud psalmiste, “Justus etsi preoccupatus fuerit. Anima tamen ejus in refrigerio erit”* (как сказал псаломщик, “А праведник, если и рановременно умрет, будет в покое”))».

Брисонне здесь не вполне точен, а может быть, его неверно понял секретарь или клерк, заполнявший регистр. Прочитированные слова относятся не к Псалмам, но к Премудростям Соломоновым¹³⁹. Но рассказ об умершем вольнодумце – лишь начало обвинительной речи Брисонне.

«И также был еще один высокопоставленный человек, впрочем, менее важный, чем предыдущий, каковой находился в одном из мест сего города в начале этого Великого поста вечером, и между

---

¹³⁹ Прем. 4. 7 – *Justus autem, Si morte praeoccupatus fuerit, In refrigerio erit.*

ним и Брисонне был поднят вопрос *de jejuniis* (о посте), указанный Брисонне сказал, что *quod nos tenebamur jejunare nisi subesset causa legitima et rationabilis. Ipse vero contra* (что мы должны держать пост, если нет какой-либо законной и оправданной причины. Ему же возразили) говоря *quod ecclesia non poterat obligare ad peccatum mortale* (что церковь не может предписывать смертный грех); и среди резонансов, им приводимых, было сказанное, *Marci secundo, ubi Pharisei dixerunt ad Christum "Quae discipuli Johannis jejunant frequenter, tui vero non jejunant"* (от Марка вторая, когда фарисеи спросили Христа: "Почему ученики Иоанновы ... постятся, а твои ученики не постятся?")¹⁴⁰. И наш Господь ему отвечал: *"Non possunt filii dei in quibus auferetur ab eis sponsus, et tunc jejunabunt"*¹⁴¹ (Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься. Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни).

Не вполне понятно, был ли перед секретарем текст, содержащий ученые аргументы президента Брисонне, или же эти аргументы были настолько у всех на слуху, что он с легкостью воспроизводил их по памяти. Далее президент пересказывает реплики нового вольнодумца.

«После каковых слов ...он сказал Брисонне: "Думайте, что это хорошее основание, причем весьма фривольное". Тогда указанный Брисонне ему возразил, что это плохо сказано, и что не должно клеветать на слова Господа нашего, и что многие останавливались на этом – большие мудрецы и доктора Церкви, и что он клеветает на слова святого Петра и святого Павла и евангелистов, а они опора христианской церкви».

Но президент далек от того, чтобы выступать в роли простого доносчика; он, хотя и не был столь образованным, как его младший брат – епископ, но не мог оставить без экстренной помощи несчастного грешника.

«И указанный Брисонне был тогда сильнейшим образом скандализован этим человеком и его словами и поговорил об этом с доктором теологии, который ему сказал, чтобы тот выяснил, из какого прихода указанный человек и поговорил бы с его кюре, что он и сделал, и что указанный кюре ему обещал сделать соответствующее внушение на исповеди».

Вопрос о необходимости соблюдения постов – не самый главный из тех, что волнует президента и его собеседников. Некий "человек некоторое время назад спорил с Брисонне о святом Писании; указанный Брисонне привел ему авторитет Исайи и Иеремии ... и этот авторитет был отвергнут тем человеком, говорящим

---

¹⁴⁰ Мс 2:18.

¹⁴¹ Мс 2:19–20.

quod omnes prophetie Testamenti veteris erant nulle (что все пророчества Ветхого завета не содержат никакой истины), *так как omnia fuerant consummata in morte Christi* (все было исполнено в смерти Христовой). И вдобавок, спустя недолгое время, тот человек, говоря о Библии с Брисонне, ему сказал, что было много книг – апокрифов, которым не должно придавать веры, что есть против текста главы *Sancta Romana Ecclesia, XV distinctione*”¹⁴².

После отповеди, данной вольнодумцу, тот признался, что знает по меньшей мере двоих своих единомышленников одного с ним положения. Но этого мало: “также было сообщено, что есть другие, кто ест мясо, сыр и яйца в пост; и делают много других вещей против Бога, не уважая его и предписаний Церкви”. Уже одного этого достаточно, чтобы вызвать Гнев Господень, справедливо обрушившийся на Париж и на все королевство. Но этого мало, и президент вынужден продолжать свою инвективу. Божба есть грех даже более страшный, чем прямое сомнение в заповедях веры, поскольку имя Божье все поминают все от мала до велика, и ругаясь и клянясь.

«А что до хулителей, то когда он идет по городу, он то и дело слышит хуление имени Господа, и что 10 или 12 дней тому назад, выходя из Дворца Правосудия и направляясь домой, он встретил человека, с которым шел полпути и который считал своим долгом хулить имя Бога; и что грех этот распространен так, что дальше некуда.

И что в прошлую пятницу мэтр Гильом де Керкю рассказывал в своей проповеди, как он встретил маленького мальчика лет пяти–шести, который хулил имя Бога; и знает, что в этом городе есть дом, где был ребенок *unicus filius patris* (единственный сын у отца), который имел привычку ругаться и богохульствовать, что удручало отца, и не хотел он его наказывать, потому что тот был единственный ребенок, но случилось, что он заболел и умер; и в этой своей болезни упал наземь и сказал: “Уберите от меня грифонов, львов и ужасных зверей, которых я вижу”, прятался на груди отца и матери и так умер. Это доподлинно известно указанному Брисонне, потому что там были свидетели, которые ему это пересказали».

В последнем рассказе есть некий назидательный смысл для историков культуры. В самый разгар французского Ренессанса, ученый человек, хотя бы в силу семейного положения связанный с рафинированными гуманистами из окружения своего брата, воспроизводит текст, абсолютно идентичный экземплярам XIII в., а то и раннесредне-

---

¹⁴² Эта глава представляет собой список канонических книг, устанавливаемых папой Гелазием в подтверждение решений Никейского собора (2 D. 15 // *Corpus juris canonici* / Ed. E. Friedberg. Leipzig, 1879. Т. 1. Col. 35). Спешу выразить благодарность Е.В. Казбековой за ценные консультации.

вековым поучительным историям. В борьбе за спасение родного града от эсхатологической угрозы все средства хороши.

“И надо бороться против вышеназванных вещей, чтобы они не кишели, и что Господь наш смилостивится тем раньше, чем раньше он увидит, что мы исполнили свой долг”¹⁴³.

Парламент не остался глух к речи Брисонне, во всяком случае, к той ее части, что затрагивала дисциплину в рядах парламентариев.

“БЫЛО СКАЗАНО, что имеются некоторые адвокаты, которые ели мясо в запретные дни. Раз тому есть свидетель, и надо, чтобы указанный Брисонне назвал тех, о ком говорил, с тем, чтобы им устроили наказание, так, чтобы другие могли усвоить пример.

И указанная ассамблея приказала указанному Брисонне, чтобы тот назвал тех, о ком говорил, и просила епископа Парижа их принудить sub vinculo excommunicationis, с чем согласился и епископ”.

В этом смысле события, вызванные шоком пленения короля, предвосхитили будущую традицию меркуриалов Парламента – систематических дисциплинарных внутренних расследований, которые будут особо интенсивными в конце XVI в.¹⁴⁴

Возможно, столь пламенное выступление Жана Брисонне было не экспромтом, но частью подготовленного сценария. Ведь после него выступил Первый президент Парламента Жан де Сельв, начавший кампанию против кружка вольнодумцев из города Мо, находившихся под покровительством Гильома Брисонне. “Консервативной партии” было бы крайне нежелательно представить дело так, что атака ведется на весь могущественный клан Брисонне.

Но Президент Счетной Палаты отнюдь не был простым статистом в этом действе. Он продумал пути борьбы с обозначенными им же злодеяниями. Если вольнодумцев из числа судебных перепоручили заботам епископа Парижского, то кто же будет бороться с богохульниками? И Президент берет слово во второй раз.

28 марта 1525 г., *“в тот день Жан Брисонне... сказал ассамблее, что в прошлый раз говорил о двух предметах, касающихся чести Бога ... которыми являются богохульство и кои столь распространены, что требуют принятия мер, что тому назад три или четыре дня он нашел некоего человека, который начал хулить имя Бога, и когда он стал ему делать замечания, что тот поступает плохо, он ответил, что если бы его товарищи были здесь, он услышал бы еще и не то. Этот порок множителен, и если ему не противодействовать, то никогда не успокоит гнев Божий”.*

Когда-то, еще во времена Карла VI, королевский ордонанс предписывал усекновение языка рецидивистам-богохульникам, но эта

¹⁴³ X1a 1527, f. CCXVIv–CCXVIIIv (20.03.1525).

¹⁴⁴ Kaiser C. Les cours souveraines au XVIe siècle: Morale et Contre-Réforme // Annales. E. S. C. 1982. Vol. 37. P. 15–31.

мера не помогла. Однако как юрист-практик Брисонне понимал, что такие меры будут лишь выборочными. А истинно эффективными могут быть лишь систематические мероприятия, и для этого одного правосудия мало.

*“И чтобы ему противодействовать, он предложил бы одну вещь, если ассамблея одобрит ее: что Парламент должен отправить приглашение купеческому прево и эшевенам присоединиться к ним, дабы муниципалитет призвал своих квартальных и десятских, и чтобы им приказали раз в день наведываться в таверны и в общественные места, чтобы они записывали имена тех, кого найдут ругающимися или богохульствующими; и что незамедлительно по их выявлении их помещали бы в Консьержери, и чтобы распорядились о том, чтобы их процессы были бы быстрыми, чтобы умерить гнев Господень и дать пример другим”*¹⁴⁵.

Не удалось Президенту разделаться с этим пороком¹⁴⁶, да и опасные сомнения в вере среди магистратов искоренить оказалось не так просто, как это виделось участникам парламентской ассамблеи. Но можно ли провести хотя бы пунктирную линию между несколько экзальтированным выступлением Жана Брисонне в условиях “форс-мажорных обстоятельств”, пленения короля и угрозы, нависшей над Парижем, и его экстраординарным актом дарения своему университетскому крестнику, свершенного четверть века спустя?

В дарении слуге и крестнику упомянут и госпиталь “Красных детей”. В другом своем акте, составленном в 1547 г., Брисонне упоминает и предшествующие документы, адресованные этому учреждению. Президент составил дарение “Красным детям” еще 27 сентября 1539 г. во исполнение завещания своей жены Луизы Рагье. Покойница пожаловала сиротам 75 ливров ежегодной муниципальной ренты, и Брисонне от себя добавил еще столько же.

“Госпиталю малых детей, называемому Малые Дети Господни, вновь воздвигнутому близ Тампля, передаются 75 ливров ренты, составляющих половину от 150 ливров ренты, приобретенной указанным господином президентом, ее мужем в период их замужества, на город Париж”. Оговорено и назначение этих денег: они пойдут “главным образом на обустройство и завтраки (fondation et desjeuner) указанных малых детей, и для оплаты пропитания для почтенной женщины, чтобы следила за ними”. Но в отличие от прагматичного Тьерри Дюмонта, ратующего за профессиональное образование воспитанников, заботы четы Брисонне иные: в первую очередь надо подумать о воспитании духовном. Поэтому в обязанно-

---

¹⁴⁵ X1a 1527, f. IIcLXVv–IIcLXVI.

¹⁴⁶ Хотя правительство регентши Луизы Савойской буквально через несколько дней после этого памятного заседания Парламента приняло эдикт против богохульства. См.: Recueil général des anciennes lois français / Ed. F.-A. Isambert et al. Vol. 1–29. P., 1821–1833. Vol. 12. § 127. P. 231.

сти воспитательницы входит, “чтобы она заставляла бы каждого из них перед завтраком говорить Патер ностер и Аве Мария, если они это уже знают, и в конце [трапезы] Покоятся в мире, а по окончании обеда, ужина и когда указанные малые дети пойдут спать (*Requiescat in pace* – “Покоятся в мире”) за ее душу, душу указанного президента, ее мужа и прочих своих родных и друзей, как живущих, так и усопших...” Как мы видим, обучение основам молитвы служит, помимо прочего, и вполне утилитарной цели дарителей – обеспечить помин души. Но как сделать так, чтобы дети представляли, за кого они возносят молитвы?

Завещание предусматривает этот вопрос: “предписывается, чтобы в зале, где будут есть указанные малые дети, было бы повешено изображение страстей Господа нашего, и чтобы под картиной была бы нарисована женищина, с тем, чтобы указанные дети имели бы напоминание, чтобы молить Бога за указанную усопшую”.

Помимо образа должно быть и письменное напоминание: “как только в указанном госпитале будет воздвигнута капелла, то на увеличение этой капеллы была бы передана сумма в 200 ливров, с обязательством вырезать на стенах капеллы из меди или камня, близ главного алтаря, ее имя и имя указанного президента”.

Правда, в завещании предусмотрен и другой вариант развития событий. Если вновь открытый госпиталь, предназначенный для детей, забранных из Отель-Дье, не сможет продлить свое существование, то в этом случае половина средств поступит в госпиталь Святого духа в Париже (т.е. к “Красным детям”) и в Отель-Дье на тех же условиях. «То есть в конце еды, предназначенной для бедных, они должны читать “Покоятся в мире”», другая же половина должна будет в таком случае быть возвращена наследникам.

1 марта 1544 г. Жан Брисонне от имени мэтров и управителей госпиталя “Красных детей” дал поручение своему капеллану Франсуа Гефрело с тем, чтобы он собирал деньги, ренты и дары, адресованные Красным детям, и за это получал бы 15 турецких ливров в год за труды и хлопоты.

Президент адресовал в госпиталь “Красных детей” в 1549 г. еще 25 турецких ливров муниципальной ренты, “сверх 150 ливров, уже дарованных им совместно со своей покойной супругой, во имя любви, которую он питает к указанному госпиталю, дабы дети смогли бы правильно определиться...” Правда, в случае прекращения деятельности госпиталя, эти ренты будут переданы бедным из Отель-Дье¹⁴⁷.

Напомню, что в дарении своему крестнику с тем, “чтобы тот достиг чинов священства”, предназначенная для него пожизненная рента должна позже также поступить в приют “Красных детей”.

---

¹⁴⁷ Y 94, f. 307.

Причем и крестник, и “*Красные дети*” также обязуются молиться за душу дарителя.

В данном случае у нас не так много документов, чтобы стремиться воспроизвести облик президента Жана Брисонне. Однако общее впечатление составить удалось. Его “выпадение из ряда”, желание духовной карьеры, нетипичное для чиновников, соответствует повышенной озабоченности президента духовными делами. Он сумел продиктовать нотариусу Симону Лебрагу или Северену Годару именно ту формулировку, которую он считал нужной.

Вполне очевидно, что его возмущение словами собеседника, усомнившегося в существовании Чистилища, никак не было прищипным.

И он, и его супруга тщательно продумали порядок и продолжение загробных месс, призванных облегчить пребывание их душ в Чистилище. Помощь сиротским приютам была для Брисонне задачей хоть и важной, но все же, как представляется, подчиненной основной цели индивидуального спасения.

Кстати, почти в те же дни, что и акт Брисонне, в Книге Шатле было зарегистрировано дарение советника Парламента Жана Эннекена, адресованное другому знакомому нам приюту – госпиталю Святой Троицы (“*Синим детям*”). Эннекен уделяет большое внимание духовному образованию сирот, предписывает украшение капеллы, “*дабы оградить указанных сирот от лютеровой заразы*” (вспомним стремление оградить тех же сирот от заразы физической, исходящей от соседнего кладбища). Так же, как и Тьерри Дюмонт, Эннекен одаривает и обитель “*Аве Мария*”, предписывая, чтобы на аналое там лежала парча, украшенная его гербом¹⁴⁸.

Обратим внимание, что в тех актах, где даритель склонен размышлять о спасении души и где относится к поминальным обрядам неформально, он проявляет заботу о том, чтобы благотворительность сочеталась бы с увековечением памяти о нем самом. Эннекен напоминает о себе своим гербом, адвокат Жан Пилер – своим портретом во вдовьем доме, Бриссонне – портретом донаторши в приютской столовой и своими именами в капелле. Важно, чтобы образ или имя попадались на глаза молящимся в нужный момент, это, вероятно, увеличивало действенность молитвы, повышало ее “адресный характер”. Не связано ли нарастание подобных забот на исходе Средневековья с удивительным расцветом портретной живописи, с ее психологизмом, порой представлявшим персонаж в весьма непрезентабельном виде? Ведь важнее всего была точность в передаче характера, узнаваемость портрета, иначе молитвы могли быть вознесены не за того человека. Впрочем, это не гипотеза даже, а лишь приглашение к дальнейшему разговору, адресованное историкам искусства.

---

¹⁴⁸ Y 94, f. 137v.

Вернемся к изначальной посылке. Мы предприняли небольшое расследование “дела Брисонне” не потому, что нас привлекла его важная должность или родство с представителем христианского гуманизма. Нас заинтересовала в общем-то вполне типичная формулировка мотива университетского дарения, но обычно употребляемая представителями иной социальной группы. Мы не смогли бы использовать этот акт как “зацепку”, если бы не проделали длительную предшествующую работу и если бы университетские дарения не обладали бы такой степенью унифицированности.

Непреклонный Рауль Спифам

“Извлекать пользу из занятий”. – Алая мантия на черном фоне. – Рауль Спифам, его враги и друзья. – Адвокат против Парламента. – “Помутнение разума и чувств”. – “Самиздат” как оружие. – Тайна автора “Диказархии”: помешанный, ясновидец или аналитик? – Королевские указы и документальные приложения. – Судебная стратегия и тактика Рауля. – Рыцарь общественного блага. – Дела личные и дела королевские. – Успех тактический или стратегический? – Кто победил?

Рауль Спифам, адвокат Парламента, со своей женой составили в 1542 г. дарение сыну-студенту, “какового они хотят отправить учиться в прославленные университеты королевства, чтобы он был образованным и воспитанным в наилучших науках, чтобы придать ему желание к продолжению занятий и побудить его наилучшим образом извлекать из них пользу”¹⁴⁹.

И опять все кажется вполне органичным – такой язык можно обнаружить в королевских ордонансах, относящихся к университетам, и эта формулировка вполне соответствует чаяниям большинства родителей студентов. Поэтому этот пример исправно цитируется в работах, упоминающих об университетском образовании¹⁵⁰. Но все же мотивация Спифама остается уникальной среди 1054 университетских дарений.

Три года спустя в другом акте Спифам представляется как шевалье, доктор прав, адвокат Парламента. Что было уже не вполне обычно – упоминать о своей степени среди столичных адвокатов было не принято, поскольку ею обладали здесь все по определению. В этом акте он передавал два благородных фьефа в держании по праву вассальной присяги (*en foi et hommage*) каждому из

---

¹⁴⁹ Y 87, f. 314.

¹⁵⁰ Inventaire des registres des insinuations du Châtelet de Paris: Règnes de François I et de Henri II / Ed. par E. Campardon et A. Tuetey. P., 1906. P. 18; Julia D. L'Histoire des universités en France. Toulouse, 1986. P. 179–182; Уваров П.Ю. Французы XVI века: Взгляд из Латинского квартала. М., 1994. С. 211.

двух своих сыновей от второго брака (им было соответственно два и три года), которым при этом вменялось в обязанность в случае, *“если даритель и его жена будут взяты в плен на войне.... или будут находиться в крайней нужде, продать фьефы, чтобы освободить их”*¹⁵¹.

И вновь вроде все правильно. Не так давно, всего несколько месяцев назад, англо-имперские войска угрожали Парижу, а владения Спифама расположенные в Бри, находились не столь далеко от театра военных действий. И весьма вероятно, что адвокат и его молодая супруга были весьма напуганы пережитым. Вспомним, как для защиты родной сеньории запасался фальконетами Тьерри Дюмонт после битвы при Сен-Кантене. Простая предусмотрительность на случай плена или другого несчастья? Что же касается принесения фуа и оммажа, то это опять же было абсолютно законное требование, несмотря на то, что новому владельцу не исполнилось и трех лет. Однако, как правило, такие подробности в актах опускались, они подразумевались сами собой. Так же, как само собой подразумевалось наличие у адвоката ученой степени или стремление извлекать пользу из полученного образования. Все правильно, но все как будто немного утрировано.

Концентрация этих мелких странностей позволяла предположить некоторые особенности личности, побуждающие к дальнейшим разысканиям. Угадывалась за этими актами личность оригинальная, может, даже экстравагантная. Действительность же превзошла все ожидания.

Рауль Спифам был одногодком Шарля Дюмулена, родившись в 1500 г., он становится адвокатом Парламента в 24 года и (как и Дюмулен) остается в этом звании всю жизнь. В “Диалоге об адвокатах Парижского Парламента”, написанном Антуаном Луазелем, я нашел любопытное свидетельство того, что Спифам выделялся на общем фоне адвокатов в совершенно буквальном смысле: “Будучи достаточно известен, принадлежа к одному из лучших домов города, он так сдал в конце своей жизни, что прославился лишь одним. Желая добиться или восстановить древнюю славу адвокатов... к ежегодной присяге перед открытием сессии Парламента он являлся в алой мантии [вместо черной адвокатской], которой никто никогда нигде не видел, кроме как на нем, да еще на старинных изображениях, которые можно найти в церквах”¹⁵².

Но Рауль Спифам привлекал к себе внимание не только алым цветом своих одежд, сразу бросавшимся в глаза среди массы его коллег, одетых в черное. Он продолжал утрировать норму, остро критикуя своих товарищей по Парламенту. С 1552 г. его имя появляется на страницах парламентских регистров: ему то и дело запрещают

---

¹⁵¹ Y 90, f. 288v., 292v.

¹⁵² *Loisel A. Le dialogue des avocats du Parlements de Paris. P. 524–525.*

составлять и распространять пасквилы и клеветнические измышления, направленные против чести и достоинства членов парламентской курии и других важных особ. В конце концов, в 1554 г. по настоянию его родных и друзей Парламент назначил ему опеку, “*по причине затемнения разума и чувств*”. Выясняя, кем же были эти ближние, взявшие Рауля Спифама под опеку, я понял, что ситуация в семье Спифамов превосходила по своему драматизму все, с чем мы до сих пор сталкивались. По сравнению с этим отношения Николя Леклерка с его племянниками, а Шарля Дюмулена с его братом могут показаться если не идиллическими, то, во всяком случае, банальными.

Рауль, второй сын в семье, имел сестру Жакетту и четырех братьев, из которых наиболее известными были двое. Старший, Гайар Спифам, генерал финансов, в 1531 г. был обвинен в подлоге и махинациях, арестован и покончил с собой 26 марта 1535 г., бросившись с балкона тюрьмы Консьержери (семья настаивала на том, что это был несчастный случай)¹⁵³. Постановление “Квадратной башни” (комиссии по финансовым преступлениям) обвинило его в хищении суммы поистине астрономической: 692 585 ливров 12 су и 1 денье. Финансистов при Франциске I судили часто, но сумма инкриминируемого Гайару Спифаму была “рекордной”: даже в самом громком деле сюринтенданта Сенблансея речь шла о сумме, составлявшей “всего лишь” 300 000 ливров¹⁵⁴. И это только *доказанный* ущерб казне, а изначально ему инкриминировалась еще более крупная растрата. Замять дело удалось опекуну детей Гайара, выступившему гарантом возврата этого долга казне. Этим опекуном был младший брат Гайяра Жак Спифам, тот самый гуманистически настроенный канцлер университета, который поддержал реформу Галланда. Он занимал также ряд важных парламентских должностей, стал президентом палаты расследований Парламента, а в 1546 г. епископом Неверрским и докладчиком королевского Дворца. Он пользовался доверием у Екатерины Медичи еще до того времени, как она стала регентшей. Вполне возможно, что, оценив по достоинству его разносторонние таланты, королева могла бы обеспечить ему карьеру наподобие Мишеля Лопиталья. Однако этого не произошло: 20 февраля 1559 г., прочитав страстную проповедь против реформа-

---

¹⁵³ “В четверг преставился господин Спифам, генерал финансов короля, в ту пору находившийся в заключении накануне оглашения приговора, и зная об этом, он бросился с галереи Консьержери парижского Дворца вниз и убили. После смерти тело долгое время не предавалось земле, пока Парламент не предписал, чтобы он был захоронен в освященной земле, но без шума и траура”. (Cronique du roy François premier de ce nom / Publ. par G. Guiffrey. P., 1860. P. 136). См. также: Le journal d'un bourgeois de Paris sous le règne de François I, 1515–1536 / Ed. par V.L. Bourlielly. P., 1910. P. 377–378.

¹⁵⁴ Hamon Ph. L'argent du Roi: Les Finances et gens de finances au temps de François I. P., 1994. P. 457–458.

торов, он... бежал в Женеву. Там, представ перед кальвинистской Консistorией, он заявил, что еще в 1539 г. вступил в тайный брак с Катриной Гасперн, вдовой прокурора Шатле, в доказательство чего предъявил соответствующий брачный контракт. Консistorия признала брак и объявила законными детей, которые родились у них за эти годы. Жак Спифам стал весьма влиятельной фигурой в лагере гугенотов, но затем запутался в политических интригах, был судим и обезглавлен в Женеве в 1566 г. Обвинений ему предъявлялось много, но, пожалуй, самым неблагоприятным для него оказалось установление подложности брачного контракта¹⁵⁵.

Рауль Спифам начал конфликтовать с братьями еще в 1526 г., когда начался раздел родительского имущества¹⁵⁶. В конце концов, в 1528 г. материнское наследство было разделено таким образом, что Гайар Спифам, Жан Спифам, Жак Спифам и Жан Лекок, муж Жакетты Спифам, признавали за Раулем, с которым вели процесс, его права на сеньорию Гранж и большой лесной массив, взятый в долгосрочную аренду их отцом еще в конце XV в. Кроме того, Гайар от лица всех прочих родственников гарантировал Раулю помощь в защите от притязаний третьих лиц и особенно монахинь Сен-Сирского аббатства, обязуясь помогать в расчетах по кредитам и рентам, выплачиваемым за арендуемые земли. Со своей стороны, Рауль отсчитал Гайару в присутствии нотариусов 1804 ливра 16 су 8 денье, а также передал ему свои права на сеньории Биссо и Цесси близ Мелена и Пасси близ Санса, а также и на иные части родительского наследства. Правда, было оговорено, что земли Гайара могут быть использованы в качестве гарантийного залога за арендованное имущество.

Каковы же были отношения между братьями? Наличие судебных споров, конечно, не способствовало установлению сердечного согласия, однако споры ведь были улажены. До какого-то времени можно говорить о взаимной приязни. Младший из сыновей Гайара носил редкое по тем временам имя Рауль, очевидно, что наш адвокат был крестным своего племянника. Гайар вторым браком, а Рауль первым были женаты на сестрах, соответственно на Жанне и Мари Парен. Правда, адвокат Спифам никогда не участвовал в финансовой деятельности старшего брата, в отличие от других своих братьев¹⁵⁷.

Но грянул арест, процесс Гайара и его скоропостижная смерть. Рауль не вошел в состав того круга родственников, который решал судьбу осиротевших детей Гайара и вопросы погашения долга перед казной.

---

¹⁵⁵ *Delmas A. Procés et mort de Jacques Spifame // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. P., 1944. Vol. 5. P. 105–137.*

¹⁵⁶ X1c 256v, N 108 (1526); X1c 255. N 106 (10.09.1526).

¹⁵⁷ BN. Ms. fr. 3073. P. 121 (original signe).

Нам невозможно восстановить точную событийную канву семейной коллизии, но, насколько можно судить по последующим памятникам¹⁵⁸, дело обстояло следующим образом. Когда король подписал указ о конфискации имущества проворовавшегося финансиста, остро встал вопрос, затронутый в акте 1528 г. Земли, отошедшие Гайару из семейного наследия, были уступлены Раулем при том условии, что они послужат гарантией в случае трудностей с лесом, оспариваемым монахинями Сен-Сира. Таким образом, эти земли не принадлежали только Гайару и не подлежали конфискации. Более того. Если опальный финансист лишен всех прав гражданского состояния, то, следовательно, право старшинства должно перейти следующему брату, т.е. самому Раулю. И тогда можно аннулировать раздел 1528 г. и собрать все земли в одних руках, решив, помимо прочего, и проблему спорных лесных угодий.

Однако этого не произошло. Раулю Спифаму не удалось вернуть оспариваемую часть имущества Гайара (по собственным оценкам адвоката общая стоимость этой части имущества составляла 60 тысяч ливров). Правда, не удалось это осуществить и королю. Опекуны детей Гайара Жанна Парен (напомню, что она была не только вдовой покойного брата, но и сестрой жены Рауля), ее новый муж Мишель Шампрон, бальи Шартра, и Филипп де Лотье, долгие годы служивший клерком у Гайара, а также Жак Спифам сделали все возможное, чтобы минимизировать ущерб. Деньги были спрятаны, имущество переведено задним числом на других лиц; было доказано, что те или иные земли и дома Гайара принадлежали не ему, но по кутюмному праву считались собственностью его детей или вдовой и ее долей его супруги. Имущества бывшего генерала финансов не хватило на возмещение и малой доли искомой суммы¹⁵⁹. Но в 1539 г. Жак Спифам сумел подписать с генеральным прокурором Парламента соглашение о компенсации: выплаты в казну прекращались и семья считалась чиста перед королем. В этом не было ничего особо удивительного – по меткому замечанию Филиппа Амона, дети обанкротившегося купца находились куда в более тяжелом положении, чем дети казенного финансиста. Между королем и “господами финансов” отношения были весьма деликатными¹⁶⁰ – кого-нибудь могли и наказать для острастки, но при этом интересы семьи, как правило, не очень ущемлялись, иначе число желающих добывать деньги для короля снизилось бы, а это вовсе не входило в планы королевской власти.

---

¹⁵⁸ О том, каким образом нам удалось собрать эти сведения, мы будем говорить ниже.

¹⁵⁹ *Hamon Ph. L'argent du Roi...* P. 467. Если сумма растраты, вменяемая в вину Гайару была рекордной, то “рекордным” был и размер выплаченного королю возмещения – всего 20 000 ливров, что составляло менее 3% от требуемой суммы.

¹⁶⁰ *Hamon Ph. L'argent du Roi...* P. 498.

Вряд ли Рауля удовлетворил такой результат. Вероятно, он пытался протестовать против “увода” семейного имущества. Речь шла не только о сеньориях, “гарантирующих” владение Сен-Сирским лесом. Он заявил свое несогласие с продажей дома по улице Саль-де-Конт, деньги от которой (8300 ливров) получил новый муж Жанны Парен, вдовы Гайара, поскольку также имеет права на этот дом, так как еще в 1528 г. конституировал на него ренту в 200 ливров.

К тому же Рауль оказался участником еще одной семейной коллизии. Жанна де Лесплюк, вдова Гильома Парена¹⁶¹ (и, как мы помним, теща Гайара и Рауля), а также ее сын Пьер Парен, который вскоре станет аудитором Счетной палаты, были на стороне вдовы Гайара и его наследников, но второй брат, священник Жан Парен, опирался на Рауля Спифама в своей борьбе против родителей и брата.

Начиная с ноября 1542 г., Жан Парен составляет дарения (“*в знак любви*”), адресованные детям от брака Рауля Спифама и Мари Парен, сестры священника. Эти дарения продолжались и после смерти последней. В качестве объектов дарения выступали в основном права на ведение процесса против своего отца Гильома Парена, парижского буржуа и сеньора де Митри, а также против Симона Каера, бывшего официала парижского епископского суда. Целью Жана Парена было добиться возмещения ущерба, понесенного им из-за дела об “отцеубийстве” (*patricide*), возбужденного против него в церковном суде. Что скрывалось за этим термином, непонятно, поскольку процесс был начат еще при жизни Гильома Парена. Речь могла идти об обвинении в покушении на отцеубийство или на убийство какого-либо иного родственника.

Из дальнейших актов выясняется, что Жан Парен был насильственно сделан монахом, но его монашеский обет был аннулирован решением апостолического суда, вынесенным летом 1542 г. Жан передает сестре свое право первородства при разделе отцовского имущества, а затем дарит Раулю свое благоприобретенное имущество.

Наконец, в 1547 г. им был составлен документ, напоминающий те акты, что составлялись в адрес сержанта Николя Филона. Жан Парен передает (с правом узуфрукта) свои права на наследство отца Гильома Парена, сеньора де Митри, в пользу несовершеннолетних детей Рауля Спифама и покойной Мари Парен, при условии, что дарителя будут кормить, одевать и обходиться достойно его положения, а также выплачивать жалование его слуге. Со своей стороны, даритель обязуется завершить процесс против своего брата Пьера Парена. Жак называет конкретные судебные постановления, предписывающие возмещение ему судебных издержек, како-

---

¹⁶¹ Гильом Парен, “парижский буржуа”, также принадлежал к миру финансов-откупщиков (*Parent Le Clech A. Histoire de ma famille. P., 1926*).

вые он и дарит своим несовершеннолетним племянникам и племянницам¹⁶².

Таким образом, Рауль Спифам не только сам ведет борьбу за свои права, но и помогает или, во всяком случае, пытается помочь другим. Он вел в суде дело Гадран Овре, вдовы помощника каменщика Гильома Бодена, убитого при исполнении обязанностей (*tué et occis en besongne de son hastelier*) на службе Раулю Спифаму в перелуке Пти Мариво. Ответчиком на этом процессе был Клод Марсель, ювелир и парижский буржуа. Из акта 1545 г., в котором один из сыновей Рауля получал комплекс парижских домов, мы узнаем, что Клод Марсель был его соседом по улице Мариво. Ювелир являлся грозным противником; в дальнейшем он займет ключевые посты в парижском муниципалитете, будет пользоваться безграничным доверием Екатерины Медичи и станет исполнять обязанности купеческого прево, как раз накануне Варфоломеевской ночи¹⁶³. Поскольку карьерный рост Клода Марселя никак не остановился после иска, вчиненного по инициативе Рауля, можно предположить, что он избежал ответственности или легко договорился с вдовой о возмещении ущерба. Во всяком случае, Спифам остался недоволен ходом процесса и добивался отвода судей по этом делу: президент Парламента Жиль Леместр и королевский адвокат Дени Рийан, приходились родственниками Клода Марселя по женской линии. Справедливости Спифам не добился, а новых врагов себе нажил.

Но главная неудача постигла нашего адвоката в его тяжбе с монахинями Сен-Сирского монастыря. 18 февраля 1549 г. постановление Парламента вынесло окончательное решение в пользу монахинь, предписав Спифаму возместить “*плоды*”, т.е. доходы с оспариваемого имущества, накопившиеся с начала возбуждения процесса. Если ответственность по “*возмещению плодов*” за период с 1518 по 1529 г. распределялась между всеми наследниками Жана Спифама-старшего, то деньги за следующий период продолжительностью в 21 год должен был возмещать один лишь Рауль. Это составляло 4200 ливров (при оценке доходности леса в 200 ливров в год). Более того, Рауль в 1536 г. продал третьей стороне права пользования лесом (все за те же 200 ливров в год), но оставил за собой дубы и фруктовые деревья, которые затем вырубил.

Особую сложность составляло то, что еще во времена первого договора об аренде, заключенного Жаном Спифамом-старшим в 1496 г., площадь леса по данным монахинь составляла 366 арпанов, а Спифамы тогда не сумели провести своих землемерных работ, сейчас же измерения показали, что лес занимает всего 212 арпанов. Рауль Спифам настаивал на низкой доходности леса (он никак не мог

¹⁶² Y 87, f. 54, 316; Y 88, f. 153; Y 89, f. 189, 288v.; Y 93, f. 126–127v.

¹⁶³ Mouton L. Claude Marcel. P., 1930; Diefendorf B. Beneath the Cross: Catholics and Huguenots in Sixteenth-Century. Paris; Oxford, 1991.

получать с них свыше 50 ливров в год), а также требовал учесть стоимость произведенных “улучшений” – прореживание леса, закладка дренажных и противопожарных канав. Но в целом процесс был проигран, а помощи от могущественных родственников ожидать не приходилось, они не спешили “гарантировать” отсуженное у Рауля имущество.

Нашего адвоката ожидал еще один удар. Жанна Спифам, его дочь от брака с Мари Парен, против его воли вышла замуж за адвоката Франсуа Тевено. Рауль обвинил его в тяжком преступлении – похищении невесты и добился ареста “похитителя” (gardeur), однако из-за попустительства судьи Гильома Бургуина и королевского прокурора Ноэля Брюлара Тевено ускользнул от наказания. Судья Бартелеми Фай, который вел этот процесс, в ту пору отсутствовал, другой судья, Гильом Бургуин, не знакомый с материалами следствия¹⁶⁴, подписал постановление об освобождении по представлению королевского прокурора. Спифам пытался оспаривать решение этих должностных лиц, но также без особого успеха. Франсуа Тевено в дальнейшем продолжал оставаться в звании адвоката Парламента, скорее всего, дело удалось замять.

Взглянем еще раз на ситуацию глазами Рауля Спифама. Его проблемы обострились после 1549 г., когда перед ним встал вопрос о выплате весьма солидной суммы. Отношения с парламентскими судьями были основательно испорчены. Компромисса с родственниками также ожидать не приходилось. Они достаточно легко расценивались с казной, и теперь адвокату противостояла сплоченная группа очень влиятельных и богатых людей. Старший сын Гайара, Жан VI Спифам, унаследовавший от отца сеньорию Пасси (на которую Рауль претендовал, надеясь отобрать для себя право первородства), в 1549 г. становится советником Парламента¹⁶⁵. Эта должность, стоившая очень больших денег, свидетельствовала о солидном богатстве (а ведь всего десять лет назад наследники Гайара убедили казну в том, что они не имеют средств). Жану удалось породниться со старым парламентским родом де Лионов. Один его брат, Жером Спифам, занимает должность контролера королевских соляных амбаров и при этом занимает должность прево городка Шамбли, близ Санлиса, а другой, Рауль-младший, – казначей артиллерийского ведомства. Он уже достаточно тесно интегрирован в

---

¹⁶⁴ Это произошло до 1551 г., поскольку Гильом Бургуин, хорошо знакомый нам по делу Николя Леклерка (он был женат на его племяннице) умер где-то между 1549 и 1551 гг. В попустительстве похитителю дочери Рауль вполне мог усмотреть происки своих родственников: Гильом Бургуин был человеком герцога Неверрского, а в ту пору важной фигурой в этой клиентеле становится Жак Спифам, новый епископ Неверрский.

¹⁶⁵ *Maugis E. Histoire du Parlement de Paris de l'avènement des rois Valois à la mort d'Henri IV. Vol. 1. P. 360.*

среду финансовых чиновников, ведь он женат на племяннице Филиппа де Лантье, того самого сотрудника покойного Гайара Спифама, что некоторое время был опекуном его детей. Опекунство продолжилось не очень долго, поскольку де Лантье, в свою очередь, был обвинен в казнокрадстве, но успел бежать из страны. Однако несколько лет спустя он сумел договориться о компенсации вменяемого ему ущерба и вернулся во Францию, где вновь достиг немалых успехов на финансовом поприще. И, наконец, младший из сыновей Гайара от первого брака, Жиль Спифам, в ту пору стал деканом церкви Сен-Марсель и каноником Санса; он служил также викарием у своего дяди Жака Спифама, епископа Неверрского (позже, после 1559 г., он сам займет эту кафедру). Анна Спифам, дочь Гайара от Жанны Парен, проживала совместно со своей бабушкой, Жанной де Лесплюк, вдовой Гильома Парена (как мы помним, Спифам получил от священника Жана Парена права на ведение процесса против Гильома Парена). В 1553 г. Анна получает от этой своей бабушки 345 ливров ренты¹⁶⁶ и вскоре вступает в брак с Жаном ле Монье, криминальным лейтенантом Шатле. К врагам Рауля Спифама следует отнести также Жанну Парен, вдову Гайара, и ее второго супруга, бальи Шартра. Судился с Раулем и Пьер Парен, брат Жанны, аудитор Счетной палаты.

Таким образом, Раулю пришлось иметь дело с мощной коалицией, превосходящей по своему политическому и социальному весу даже объединенные усилия племянников декана Николя Леклерка, а ведь на стороне последнего был авторитет прославленного факультета теологии.

Но Рауль продолжал борьбу даже в этой, казалось, совершенно безнадежной ситуации. Он поступал так, как в те же годы действовал его коллега Шарль Дюмулен: он сделал ставку на придание конфликту максимально публичного характера. Но результаты, достигнутые Спифамом, были не столь блестящи. В тот же год, когда Парламент торжественно провозгласил победу Дюмулена в его затянувшейся тяжбе с братом, по поводу Спифама было опубликовано беспрецедентное решение. Запись в парламентском регистре от 30 сентября 1552 г. гласит: *“Вызван был Рауль Спифам, которому вменяется авторство пасквилей и эпиграмм (petits libelles et epigrammes), сочиняемых и печатаемых против многих известных персон указанной курии, ему предписано впредь не составлять указанных пасквилей и сатирических эпиграмм и вести себя скромно, как подобает по его положению. Вызван криминальный лейтенант Шатле и опубликован запрет печатать впредь эти сочинения всем типографам и персонально – типографу Николя Креспьену”*¹⁶⁷.

¹⁶⁶ Y 98, f. 391v.

¹⁶⁷ X1a 1573, f. 599.

Но этот запрет не возымел действия, и голос Рауля становился все громче. Очевидно, Рауль обратился напрямую в Королевский совет. В Фонтенбло 1 марта 1553 г. *“Король в своем совете”* отзывает дело в свой суд.

Не известно, как двигалось расследование, однако 5 мая 1554 г. Парламент вновь занимается Раулем и принимает важное решение – о *“помешательстве ума и чувств”* (*perturbation de sens et d’esprit*), в которое впал Рауль Спифам¹⁶⁸. По просьбе родственников и друзей Спифама Парижский прево и его гражданский лейтенант назначает опеку над личностью и имуществом адвоката, а самого его предписывает держать взаперти. *“Курия рассмотрела многие писания, клеветнические пасквили и публичные акты, свершенные указанным Спифамом, и сочла помешательство очевидным.*

Жану Спифаму, советнику Парламента и племяннику указанного мэтра Рауля Спифама, предписывалось в трехдневный срок собрать родственников указанного Рауля Спифама числом десять человек в присутствии советника Кристофа Арле, которому курия поручает организовать выборы куратора, и сам мэтр Рауль будет помещен в такое место под надежную охрану, чтобы он не смог после чернить и угрожать кому бы то ни было клеветническими пасквилями, письменными или иными. А родственникам позаботиться о пропитании и содержании указанного Спифама, его жены и семьи. А чтобы избежать процессов и опасности для жизни самого мэтра Рауля Спифама и по иным соображениям, указанная курия постановляет, чтобы он был заключен в Консьержери Парижа”.

Но если Рауль и пробыл в тюрьме, то очень недолго, поскольку вскоре, 11 июля 1554 г., последовало новое постановление Парламента, отклоняющее кассационную жалобу Рауля Спифама. Ему запрещалось впредь противодействовать решениям курии и предписывалось *“находиться в своих домах, без того, чтобы являться в Парламент, и не слоняться (ne divaguer) по другим местам, и в особенности не посещать королевской курии, не злословить, не составлять и не распространять клеветнических пасквилей против чести кого-либо как печатно, так и словесно (verbalement), и курия предписывает родственникам и свойственникам Спифама обеспечить выполнение постановления, и если он откажется повиноваться и [станет] бродить по улицам, по Дворцу правосудия и в других местах... обязать его подчиняться кураторам как из числа родных и свойственников, так и из [числа] иных достойных персон, которые будут ему назначены в соответствии с настоящим постановлением в отношении его личности и имущества. Передать [ему] копию настоящего постановления через пристава”*¹⁶⁹.

¹⁶⁸ X1a 1579, f. 583.

¹⁶⁹ X1a 1579, f. 23v.

Судя по другим источникам, ему был назначен опекун из числа комиссаров Шатле – Жермен Жанно. Однако опальный адвокат не сложил оружия. Как и Филипп Кавелье, он вновь пробивается в королевский совет и 10 июня 1555 г. получает оттуда постановление об освобождении из-под опеки и о восстановлении в своих правах, причем королевский совет вновь подтверждает свое решение забрать в свое ведение дело Спифама.

Но, как мы помним, любое решение королевского совета или канцелярии должно было пройти процедуру регистрации в Парламенте (“энтеринации”). Парламент же активно сопротивлялся и вновь приказал поместить Рауля в Консьержери. Тем не менее, наш адвокат успел возбудить процесс против бывшего куратора имущества комиссара Жанно, обвиняя его в разбазаривании вверенного ему имущества. По-видимому, на начальной стадии (еще 8 мая 1555 г.) исковое заявление было подано женой Рауля Изабеллой Спинола, а затем, освободившись из Консьержери, Рауль, в свою очередь, добивается постановления о помещении в тюрьму самого Жанно. Однако, как жаловался Спифам, комиссар Жанно был вскоре выпущен из Консьержери благодаря потворству Жана ле Монье, криминального лейтенанта Шатле. По мнению Рауля Спифама, он выступал в роли пристрастного судьи (*juge et partie*), так как был женат на дочери Гайара, Анне Спифам и, следовательно, входил в число злейших врагов Рауля.

По всей видимости, Спифам восстановил против себя решительно всех в Парламенте, и решение от 12 октября 1555 г. было еще жестче предыдущих. Советник Жан Спифам выступил с заявлением по поводу *“тяжелых скандальных оскорблений и угроз (injures atroces scandaleuses et parolles outrageuses) Рауля Спифама на протяжении трех или четырех лет, а с недавнего времени нашедших выражение в нескольких тетрадах, приложенных к данному заявлению”*. Таким образом, жанр, избранный Раулем, становится все менее легким – от эпиграмм до каких-то объемных текстов, от сплетен до угроз. Постановление генерального прокурора, с которым согласилась парламентская курия, разрешало *“господину Жану Спифаму поместить указанного адвоката Спифама в тюрьму Консьержери, по причине забвения (la court temorative) им прежних постановлений и запретов”*.

Парламент вновь вернулся вскоре к этому вопросу: через 10 дней (22 октября 1555 г.), возможно, после того, как внимательно ознакомился с представленными материалами “тетрадей”. Ради обеспечения спокойствия Жана Спифама, его родственников и прочих лиц, Раулю и его клерку под страхом тюрьмы было сделано повторное запрещение составлять или заказывать указанные клеветнические пасквилы и запретить жене Спифама их разносить, публиковать и распространять, а парламентским приставам приказано было не принимать и никому не передавать никаких документов Спифама без согласия назначенных ему кураторов.

Итак, опека была восстановлена, а родственники получили что-то вроде “исполнительного листа”, позволяющего в любой момент бросить Рауля в тюрьму.

Вскоре появляется нотариальный акт, по которому мы можем судить о действительности опеки. Он был составлен 3 декабря 1555 г. в конторе нотариуса Венсана Мопу, у которого обычно составлял свои акты епископ Неверрский. Жак Спифам выступает от своего имени и от имени своего брата – *“благородного человека Рауля Спифама сеньора де Гранж”*, таким образом, впервые опущено его адвокатское звание; в противном случае он писался бы как *“noble homme et sage maître”*. Среди других участников сделки, от лица которых действует епископ, перечислены:

их сестра, Жакетта Спифам, вдова Жана Лекока;

их племянники Жан Спифам, королевский советник в Парламенте; Жером, гофмейстер короля Наваррского; Рауль, казначей сотни королевских гвардейцев под началом великого экуйе месье де Буаси; Жиль, декан Санского собора;

а также Жан Ле Монье, криминальный лейтенант Шатле, от лица Анны Спифам; Изабелла Спифам, вдова покойного Луи Ле Балю, хлебодара королевы Наваррской *“и прочие дети покойного Гайара Спифама”*.

Речь шла о договоре с представителями Сен-Сирского монастыря о процедуре выполнения судебного постановления 1548 г. Кстати, именно из данного акта мы узнаем о некоторых подробностях этого процесса. Суть сделки сводилась к тому, что в возмещение отсуженной суммы, епископ передает монастырю драгоценные предметы церковной утвари и выплачивает 400 золотых эку звонкой монетой сразу, а через полгода еще 200 эку. Стороны договариваются об аннулировании встречных исков, за исключением одного, связанного с обвинениями в адрес Рауля Спифама в вырубке дубов и плодовых деревьев¹⁷⁰. Наконец-то с аббатисой Сен-Сирского монастыря договариваются все потомки Жана IV Спифама. Но отнюдь не на такую помощь рассчитывал некогда Рауль.

1556 г. сулил некоторое затишье: буйный Рауль Спифам нейтрализован, бесконечная тяжба семьи Спифамов, казалось, улажена благодаря богатству и дипломатическим талантам епископа. Но не так был Рауль Спифам, чтобы отступать перед лицом вопиющей несправедливости. Он лишь затаился на время.

Имя Рауля вновь появляется на страницах регистров в конце лета 1556 г. Причем затишье было нарушено, казалось, по простой случайности. В среду, 26 августа, Парламент рассмотрел заявление адвоката Арнуля Лекурта, *“назначенного правосудием опекуна и куратора личности и имущества дамуазель Клоды Спифам, несовершеннолетней дочери мэтра Рауля Спифама и покойной Мари*

---

¹⁷⁰ МС VIII, 222 (03.12.1556).

Парен". Мэтр Лекурт напомнил, что *"более года назад принужденный постановлением курии взять на себя опеку Клоды и поместить ее в свой дом... а прежде она некоторое время находилась в доме Пьера Парена, советника короля и аудитора счетной палаты"*. Два дня назад, 24 августа, жена адвоката Лекурта возвращалась из города вместе с Клодой, *"и повстречали указанного Спифама, каковой среди бела дня на улице схватил свою дочь и увел ее"*. Заявитель просит заставить Спифама вернуть дочь, а в случае его отказа отобрать ее через пристава, вскрыв, если понадобится, жилище Спифама, или же освободить заявителя от обязанностей по опеке над Клодой Спифам. Курия предписала своему приставу силой забрать Клоду и передать ее опекуну Лекурту¹⁷¹. Хрупкое перемирие было нарушено, и правосудие вступило в борьбу, поводом для которой, по видимости, служил вполне понятный эмоциональный порыв Рауля. Однако не все было так просто – из записей, появившихся буквально на следующей странице, следовало, что люди Парламента давно с опаской следили за действиями затаившегося смутьяна и лишь воспользовались удобным предлогом для решительных действий.

В пятницу, 28 августа, появляется следующая запись: ознакомившись с протоколом Жана Дюрана, пристав, исполнявшего внесенную утром жалобу *"людей короля"* в Парламенте¹⁷² против адвоката Рауля Спифама, *"по поводу некоторых скандальных и оскорбительных книг, которые он печатает у себя на дому вопреки запрету указанной курии"*. Обратим внимание, сначала говорилось об эпиграммах и пасквилях, год назад – о тетрадах, а теперь уже о печатных книгах. Из протокола явствует, что, по словам соседей, Спифам со вчерашнего дня уехал в свой загородный дом, прозываемый Гранж, близ Мелена, чтобы не слушаться решения курии, предписывающего его сдать все книги, которые он велел отпечатать, а также их черновики. Ознакомившись с заявлением Дюрана, *"курия, чтобы избежать еще большего скандала и чтобы указанный Спифам не смог бы впредь вопреки постановлениям и запретам, вынесенным по его поводу, завершить печать указанных книг будь то в сем городе, в Гранже или в ином месте, ни публиковать напечатанное"*. Постановлено было схватить Спифама где бы он ни находился и силами пристава или королевского сержанта доставить его в Консьержери. Вне зависимости от того, смогут или нет задержать Спифама, решено было провести обыск в его доме и если *"будут обнаружены какие-нибудь черновики, типографские шрифты и типографские доски, и набор и иные материалы, относящиеся к указанным клеветническим пасквилям и скандальным*

---

¹⁷¹ X1a 1583, f. 133–133v.

¹⁷² То есть "паркета" – королевского прокурора и королевских адвокатов.

заявлениям”, то их надлежит собрать вместе и доставить в Консьержери, и также поступить с рукописями Спифама, типографскими прессами и иными вещами, которые будут найдены в домах типографов [работающих по его заказу]¹⁷³, все это надлежит сдать секретарю курии.

2 сентября был допрошен парижский переплетчик и книготорговец Делюизьер, показавший, что он *“переплетал некие книги мэтра Рауля Спифама, содержащие многие заявления и скандальные пасквилы против чести и власти наиболее видных лиц Правосудия”*. Курия поручила мэтру Роберу де Сен-Жермену, одному из четырех парламентских секретарей, совместно с приставом Жаном Друаром и переплетчиком Делюизьером вскрыть в доме Спифама помещение, где находятся книги, на которые укажет Делюизьер, дабы осуществить изъятие *“черновиков и рукописей книги Спифама и произведений, составленных им для печати, содержащих указанные пасквилы и скандальные заявления, а также набор шрифтов для печати этих книг”* и доставить все в дом секретаря Сен-Жермена¹⁷⁴.

Еще через несколько дней, 8 сентября пристав Жан Друар представил протокол об исполнении, отчитался и сдал ключ от комнаты Дворца правосудия, *“в которой были заперты книги, бумаги, черновики и прочие вещи, указанные в его протоколе”*. Советники Парламента Десирье и Арле приложили к нему протокол, составленный Сен-Жерменом, и выдали копию своему коллеге, советнику Жану Спифаму.

После этого вновь наступило затишье, прерванное лишь в декабре 1556 г., когда в регистрах Парламента было записано: *“Указанный Спифам, начиная с прошлого воскресенья, несмотря на арест всех рукописей, публикует monition (предупреждение перед церковным осуждением), сделанное по его настоянию официалом Парижа тем, кто причастен к аресту его книг, черновиков и шрифтов, и прочих вещей”*. В этом тексте Спифам (а у курии нет сомнения в том, что именно он является инициатором данного церковного порицания) утверждает, что при изъятии книг у него похитили золото и серебро в большом количестве. Тем самым выдвинутое обвинение наносит ущерб чести тех, кто по распоряжению курии осуществлял эту конфискацию.

Курия запретила священникам и викариям Парижа и пригородов касаться этого предупреждения, испрошенного Спифамом, и под угрозой наказания предписывает официалам парижского епископа и их вице-регентам не выносить впредь подобных предупреждений по просьбе Спифама и не оглашать их в церквах¹⁷⁵.

¹⁷³ X1a 1583, f. 134–134v.

¹⁷⁴ X1a 1583, f. 155.

¹⁷⁵ X1a 1583, f. 381.

В том же декабре Робер де Сен-Жермен жаловался, что он постоянно преследуется адвокатом Спифамом, настаивающим на выдаче ему протокола изъятия книг и набора. *“На что было указано, что копию протокола надлежит выдать лишь куратору Спифама, а не ему самому”*¹⁷⁶. Курия продолжала придерживаться одной линии – Рауль Спифам не является ни истцом, ни ответчиком, он невменяем, и его интересы может представлять только опекун-куратор.

Через полгода, 11 июня 1557 г., в парламентских регистрах появляется запись о новом утверждении опеки. *“В соответствии с предписанием суда по поводу Рауля Спифама были заслушаны епископ Невера Жак Спифам, докладчик прошений королевского дворца (поздравим от себя этого ученого прелата с обретением новой должности), и Жан Спифам, советник Парламента, а также прочие родственники и свойственники Спифама”*. По поручению курии племянник Рауля, Жером Спифам (как мы помним, он служил при дворе короля Наваррского), *“согласился взять на себя заботу по присмотру (garde) за особой своего дяди, а епископ Неверрский предложил выделить для этого 1200 ливров в год, что было одобрено курией”*. Жерому Спифаму вменили в обязанность содержать Рауля под присмотром *“в его парижском доме, где он проживает ныне, или же в том месте, которое указанный Жером сочтет более надежным или удобным”*. Главное было обеспечить действие запрета что-либо писать как самому, так и при помощи Изабеллы Спинола. Племянник должен был обеспечить строжайший запрет на появление Спифама в королевской курии или иных местах без сопровождения одного из своих охранников, принимая во внимание тот факт, что епископ Неверрский будет платить ежемесячно по 20 ливров в виде жалования тому, кто будет присматривать за Раулем¹⁷⁷.

Э. Можис, апологет Парламента и главный его историк, не смог сдержать раздражения, ознакомившись с делом Спифама в парламентских регистрах: *“Столько времени у курии поглотила необходимость заставить замолчать этого невоздержанного писака (cet écrivain incontinent). Столько шума и столько потраченного времени из-за столь ничтожной личности!”*¹⁷⁸ И действительно, Спифам отнял много времени и сил у очень занятых людей (в те годы с неслыханной ранее частотой поднимался вопрос о чрезвычайной загруженности Парламента вследствие *“наплыва дел”*), мятежный адвокат многократно игнорировал строжайшие запреты Парламента, оскорблял авторитет отдельных судей, курии в целом, а следовательно, и всю систему королевского правосудия. За го-

¹⁷⁶ X1a 1583, f. 390.

¹⁷⁷ X1a 1585, f. 486 v.

¹⁷⁸ *Maugis E. Histoire du Parlement de Paris... Vol. 1. P. 362.*

раздо меньшие прегрешения адвоката могли отправить на виселицу. Со Спифамом же обходятся на удивление мягко. Жалели “своего”, хотя и сбившегося с пути, но все же потомка славного чиновничьего рода? Принимали во внимание жалкое умственное состояние своего оппонента?

Впрочем, это только Э. Можис называет Рауля ничтожной личностью, ему хорошо были знакомы парламентские регистры, но он так и не поинтересовался, что же за книгу написал Спифам, и почему она так взбудоражила магистратов. Несмотря на совместные усилия Парламента и родственников Спифама, “скандальная” книга была все же им отпечатана, переплетена и по этой причине хоть как-то дошла до современников и историков. В настоящее время, по моим данным, сохранилось не менее 9 экземпляров его сочинения¹⁷⁹, что для книги середины XVI в., напечатанной в экстремальных условиях и старательно уничтожаемой правосудием, выглядит не столь уж малой величиной.

Книга Рауля Спифама была озаглавлена весьма замысловато: “Dicaearchiae Henrici regis christianissime progymnasmata” (“Упражнения Христианнейшего короля Генриха в законах правления”) и составлена в форме 306 указов от имени короля Генриха II, данных “с целью реформирования многих вещей, находящихся в беспорядке как в галликанской церкви, так и в правосудии”. Из предисловия следовало, что число указов (arrests) должно было доходить до 500, но по понятным для нас причинам, автору пришлось ограничиться лишь первым томом своего издания. Том носит отпечаток крайней спешки, в которой приходилось работать автору и типографу: изобилие опечаток, ошибки в пагинации (в конце концов издатели вообще от нее отказываются), несколько сбоев в нумерации самих указов, несоответствие порядка указов той их компоновке, которая была заявлена в “Содержании” и др. Вряд ли в задачу автора входила мистификация или анонимность издания, предисловие завершалось стихами, раскрывающими авторство Рауля Спифама:

Statue honorificae Henrici
Regis, christianissimi positum
Lutetiae Parisorum plebiscitum
Radelpho Spifama poeta Gallo
Praeconii huius autore...

Лишь несколько из указов внешне подражали форме реальных королевских ордонансов, в остальных случаях главным для автора было донести основную мысль. Указы затрагивали широкий круг

---

¹⁷⁹ 4 экземпляра остались в Париже (2 в Национальной библиотеке, 2 – в библиотеке Святой Женевьевы). Еще 2 экземпляра находятся в Амстердаме и по одному в Лондоне, Руане и Принстоне.

проблем: реформирование госпиталей, “прославленных университетов”, порядка проведения судебных сессий, наказания супружеской неверности и пр. В указах “король” не забывает и своего верного слугу и жалует “*Раулю Спифаму, рыцарю, доктору прав*”, высшую должность – Диктатора и хранителя печати, а также защищает его от клеветы и ложных обвинений и забирает его дело на свой суд. В этом труде содержалось немало проектов, полностью или частично реализованных впоследствии. “Прозрения” адвоката оказывались, порой, настолько точными, что его “*постановления Генриха II*” включались в некоторые сборники законов и цитировались в серьезных изданиях как вполне аутентичные королевские ордонансы¹⁸⁰. Только Франсуа Секус, участник знаменитой комиссии по публикации ордонансов французских королей и член королевской Академии надписей и изящных искусств, разоблачил “подделку” как творение рук “частного лица, никак не уполномоченного на то королем”. Некоторые акты казались ему экстравагантными и даже шокирующими, но “поскольку даже дурак иногда поучает мудреца”, то ученый отмечает некоторые очень ценные предложения Спифама, реализованные впоследствии (строительство Нового моста в Париже, перенос начала года на 1 января, резкое ограничение действия сеньориальной юстиции и пр.)¹⁸¹.

С точки зрения адвоката времен Людовика XIV Николя Катерино, Спифам вполне сознательно избрал маску “мудрой глупости” вслед за Себастьяном Брандтом, Эразмом, Томасом Мором и Франсуа Рабле, чтобы высказать очень ценные мысли. В данном случае автора интересовали предложения Спифама по реорганизации кредитной сферы¹⁸². Жан Офрей, экономист и поклонник физиократов,

---

¹⁸⁰ Brillon J.P. Dictionnaire des arrêts ou jurisprudence universelle, P., 1727. Т. 3. P. 926; Bouhier J. Observation sur les coùtumes de Bourgogne. Vol. 1–2. Dijon, 1742–1746; Sainte Marthe A. Discours au Roy sur le rétablissement de la bibliothèque royale de Fontainebleau // Plaidoyez de Messire Nicolas de Corberon avec les arrests intervenues sur ces plaidoyez, P., 1693. P. 502. В последней работе автор приводит в пример королевский указ о введении “права обязательного экземпляра”: один экземпляр каждого напечатанного во Франции издания должен поступать в королевскую библиотеку. Абель Сент-Март в данном случае слегка лукавил, он понимал, что речь идет не об аутентичном королевском ордонансе. Один из экземпляров “Дикаэрхии”, хранящихся в Национальной библиотеке (in-8 Z 209 Res), содержал владельческую запись семьи Сент-Мартов. В маргиналиях содержались точные сведения о Рауле Спифаме, но хранителю королевской библиотеки было выгодно опереться на давний прецедент. Во всяком случае, в относительно современной работе, посвященной истории “права обязательного экземпляра” во Франции, о предложении “Дикаэрхии” говорится как о реальном ордонансе Генриха II (*Estivals R. Le Dépôt legal sous l’Ancien Règime en France, de 1537 à 1791. P., 1961. P. 108*).

¹⁸¹ Secousse F. Notice d’une livre singulier et rare intitulé Dicaearchiae // Histoire de l’academie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres. 1756. P. 271–277.

¹⁸² Catherinot N. Le Prest gratuit. Bourges, 1679.

в 1775 г. опубликовал избранные указы Рауля Спифама со своими комментариями. Он также признавал некоторую странность отдельных указов “Диказархии”, но в целом настроен вполне апологетически по отношению к Спифаму, что следует из заглавия его книги: “Взгляды политика XVI века на законодательство своего времени, в равной мере подходящие для реформирования одного в наши дни”¹⁸³.

После некоторого забвения вновь возобладала трактовка книги Спифама как несколько экстравагантной по форме, но свидетельствующей о знании дела и компетентности автора и потому содержащая ряд “пророчеств”. Ее разделяет историк французского права Ив Жанклос¹⁸⁴ и канадский исследователь Генри Хеллер¹⁸⁵, высоко оценивающий новаторский потенциал предложений Спифама по созданию системы национального светского образования, включая женское, по унификации системы мер и весов, банковского дела и, особенно, по реорганизации сельского хозяйства.

Но достаточно рано сложилась и другая версия, объясняющая появление книги Спифама, версия, которую я бы назвал “романтической”.

Жерар де Нерваль включил рассказ о Спифаме, написанный в 1838 г., в свою книгу об “*Illuminés*” – иллюминатах, прорицателях. По не вполне понятной причине он придумал версию об удивительном физическом сходстве короля и адвоката. Увидев короля, явившегося в Парламент, несчастный адвокат заболел манией величия и стал отождествлять себя с монархом. Попав в сумасшедший дом (Бисетр – заведение тюремного типа для буйно-помешанных, аналог английского Бедлама), Спифам и его сокамерник фабриковали листки с ордонансами от имени короля и выбрасывали их на улицу¹⁸⁶. Версия о физическом сходстве Спифама с Генрихом II, плод буйной фантазии художника-романтика¹⁸⁷, оказалась настолько привлекательной, что была некритически воспринята в ряде сугубо научных трудов¹⁸⁸. Эрнст Нис взял этот тезис под сомнение, указав

---

¹⁸³ *Auffray J.* Vues d'un politique du XVIe siècle sur la législation de son temps, également propres à réformer celle de nos jours. Amsterdam, 1775.

¹⁸⁴ *Jeanclous Y.* Les projets de réforme judiciaire de Raoul Spifame. Genève, 1977.

¹⁸⁵ *Heller H.* Labour, Science and Technology in France, 1500–1620. Toronto, 1998. P. 69–73.

¹⁸⁶ *Nerval G. de.* Le roi de Bicêtre (XVIe siècle): Raoul Spifame // *Œuvres*. P., 1958. P. 82–97.

¹⁸⁷ К тому времени писатель уже страдал психическим расстройством, которое через несколько лет приведет его к самоубийству. Кстати, впав в безумие, Нерваль отождествлял себя с королем Франции.

¹⁸⁸ *Lhuillier Th.* Un seigneur des Granges-près-Melun, au XVIe siècle // *Bulletin de la société d'archéologie, sciences, lettres et arts du département de Seine-et-Marne*. Meaux, 1878. Vol. 82. P. 81–89; *Moulin H.* Portraits judiciaires: Jacques et Raoul Spifame. P., 1884. Но эта версия присутствует и в таком сравнительно новом издании, как *Dictionnaire des lettres français*. P., 1961.

на явную разницу в возрасте (Генрих II был на двадцать лет младше Рауля Спифама). Однако его работа содержит элементы и этой “романтической” версии. Безумный мечтатель, намного опередивший свое время, но ненавидимый своей средой. Недаром он назвал Спифама “якобинцем до якобинцев” (*jacobin avant lettre*)¹⁸⁹. Еще хлестче сформулировал ту же мысль Жюль Маторе: “Радикал-социалист времен Генриха II”¹⁹⁰. Даже в новейшей работе начинающей исследовательницы Оливии Карпи-Майи, Рауль Спифам был назван утопистом, страдающим манией величия и манией преследования.

Однако никто из писавших о Спифаме не пытался проанализировать всю его книгу, соединив этот анализ с изучением комплекса нотариальных и судебных документов, имеющих к нему отношение. Но только так можно ответить на вопросы, остающиеся пока без ответа: почему Спифам написал свое сочинение, почему Парламент прореагировал на него так бурно, почему он, тем не менее, не уничтожил смутьяна и, наконец, каким образом простому адвокату удалось предвидеть будущее французского законодательства – от тех эдиктов, которые будут изданы буквально через год–другой после публикации “Дикаэархии” до тех, которые появятся в эпоху Короля-Солнце, канцлера Мопу или даже тех предложений, что войдут в кодекс Наполеона?

К сожалению, несмотря на наличие некоторых гипотез по этому поводу, мы не можем осуществить в данный момент полноценное исследование этой интереснейшей проблемы. Это сильно увело бы нас в сторону от главной темы исследования – реконструкции французского общества на основе нотариальных актов. Надеюсь, что такая работа будет осуществлена в недалеком будущем.

Сейчас же мы ограничимся некоторыми соображениями.

Обратим внимание на то, что вне зависимости от оценки личности Спифама и его творчества, почти все, кто обращается к переживаемой им коллизии, пишут о жизненном поражении Спифама, не сомневаясь ни в некоторой его неадекватности, ни в плачевном для него исходе конфликта. Удивление вызывают лишь “прозорливые догадки” помешанного адвоката и сравнительно мягкое с ним обращение.

И действительно, если мы взглянем на эту коллизию с высоты птичьего полета, с высоты наших знаний о макроисторических социальных и политических процессах в обществе, трудно будет прийти к каким-либо иным выводам. Рауль Спифам то ли в силу личных качеств (“патология характера”), то ли в силу своих убеж-

---

¹⁸⁹ Nys E. Raoul Spifame: Avocat au Parlement de Paris // *Revue de droit international et de législations comparée*. 1890. T. 22. P. 481–519.

¹⁹⁰ Mathorez J. Un radical socialiste sous Henri II: Raoul Spifame // *Revue politique et parlementaire* 1914. T. LXXIX. P. 538–559.

дений и представлений, а, скорее всего, в силу обеих причин вошел в конфликт со своими преуспевающими родственниками и с их социальным окружением. Он обречен по нижеследующим причинам.

Рауль так и остался адвокатом Парламента, т.е. так и не стал обладателем королевской должности. Адвокаты – потенциальные “исторические неудачники”, в XVI столетии они породили плеяду талантливых мыслителей (даже если не относить к ним самого Рауля, то достаточно указать имена Шарля Дюмулена, Жана Бодена и Франсуа Отмана), в этот период адвокаты могли еще надеяться на неплохую карьеру, и, как мы помним, некоторые историки, например, Э. Барнави, А.А. Лозинский, рассматривают социальные коллизии времен Религиозных войн как попытку адвокатов пробиться в ряды социальной элиты¹⁹¹. В XVII в. звание адвоката деградирует, путь “наверх” ему заказан, он становится ближе к “крапивному семени” – сутяга, лишенный иных амбиций, кроме мелко-го стяжательства.

Родственники Рауля Спифама, братья и племянники, были людьми преуспевающими. Они были прекрасно интегрированы в мир высшей юстиции, финансов, в административный аппарат, в ряды высшего духовенства. Покушаясь на них, обвиняя их в хищениях и махинациях, намекая на их несоответствие высоким должностям и на потворство со стороны высших должностных лиц, Рауль замахивался на святая святых – круговую поруку высших судебных и финансовых чиновников и уже потому был лишен шансов на успех.

Кроме того, вступив в конфликт с Парижским Парламентом, нападая на отдельных его советников и даже президентов, на целые группы (приставы, адвокаты, прокуроры), утверждая, что Парламент не справляется со своими обязанностями и нуждается в кардинальном реформировании, Рауль Спифам делал своим противником мощную привилегированную корпорацию, средоточие королевского правосудия, эманацию королевской власти. Не говоря уже о том, что, самовольно присвоив себе королевское имя, он мог быть уличен в тягчайшем преступлении *Lèse-majesté*. Таким образом, конфликт из социальной плоскости грозил перейти в плоскость политическую.

Он должен был быть неминуемо раздавлен бюрократической машиной французского абсолютизма. Отсюда и мания величия, и мания преследования. Но, учитывая суровые реалии эпохи, ему еще очень повезло в том, что его сочли сумасшедшим. А, мо-

---

¹⁹¹ *Barnavi E. Le Parti de Dieu; Etude sociale et politique de chefs de la Ligue parisienne, 1584–1596. Leuven; Bruxelles, 1980; Лозинский А.А. Генеральный совет Лиги (из истории Католической лиги во Франции, 1584–1596) // Средние века. М., 1971. Вып. 33. С. 194–201; М., 1972. Вып. 34. С. 218–236.*

жет быть, это была всего лишь маска, способ самозащиты? На эту возможность, кстати, также намекают некоторые исследователи¹⁹².

Подобное видение диктует логику описания судьбы Рауля Спифама и его сочинения, как то ли отчаянную, то ли смешную попытку бунта одиночки, инакомыслящего стародума-утописта против железной поступи социально-политических процессов. Это же видение не вызывает сомнений в закономерности поражения Рауля. С этой точки зрения, подобный казус может представлять интерес как иллюстрация некоторых особенностей утверждения французского абсолютизма.

Однако не следует забывать, что в данной главе мы пытаемся действовать в рамках микроисторического подхода. А он предписывает строить изыскания, имея целью не описания крупномасштабных исторических явлений и длительных процессов, а реконструкцию интересов, ценностей и жизненных стратегий действующих субъектов истории. Это открывает возможности иного прочтения данной коллизии и иных оценок. Если в первом случае контекстом является история государственных учреждений, политическая история XVI столетия, то во втором – история семьи Спифамов, судьбы наследников основных участников конфликта, судебные действия, предпринимаемые сторонами, документы, возникающие в результате этих действий и ответные реакции на них.

Ведь мы, в отличие от всех остальных, кто так или иначе занимался Спифамом, уже ознакомились с подборкой его документов личного происхождения. Характерно, что даже те из историков, кто являлся убежденным сторонником Спифама, отмечали, что, наряду с дельными предложениями, в сборнике содержатся какие-то нелепые документы, порожденные нездоровой фантазией автора. Это и были “королевские” акты, относящиеся непосредственно к нашему адвокату. Таких актов в общей сложности десятков. В одном случае мы имеем дело с чистым вымыслом: в указе № 19 король учреждает особую Диктаторскую печать, хранителем коей назначает Рауля Спифама. Зато в основу остальных указов положены вполне аутентичные документы, иногда приводимые в качестве приложений к королевским указам в виде “*justificatives*”, а иногда лишь пересказываемые в них. В тех случаях, когда удастся отыскать прототип такого документа из “*Дикаэархии*”, убеждаешься, что Спифам старался точно передавать их со-

---

¹⁹² Heller H. Op. cit. P. 70; Jeanclos Y. Op. cit. P. 9.

¹⁹³ Так, мне удалось отыскать нотариальную минуту акта 3 декабря 1555 г., посвященную договору между Спифамами и представителями монастыря Сен-Сир (МС. VIII. 22; *Dicaearchiae*... F. 135), и выписку из регистров Парламента от 5 мая 1554 г. относительно установления опеки над Раулем (X1a. 1579, f. 583; *Dicaearchiae*... F. 130).

держание¹⁹³. Таким образом, фантастическая книга является вполне надежным источником информации о его личных делах. Перечислю такие “указы”:

Таблица 41
Досье на Рауля Спифама

Номер, стр.	Прилагаемые или упоминаемые документы, указы
№ 19, f. 139v.	Указ № 19 об исполнении законов. Ввести особую "Диктаторскую печать". Назначить хранителем этой печати ("диктатором") Рауля Спифама, секретарем ведомства "Диктаторской печати" – Жана Дютье, бывшего королевского секретаря, типографом ведомства "Диктаторской печати" – Жана Лесколье, парижского типографа.
№ 100, f. 126v.	Договор раздела наследства между Раулем и Гайаром от 16 марта 1528 г.
f. 128v.	Выписка из регистров Квадратной Башни (обвинение Гайара Спифама) от 30 мая 1535 г.
f. 130	Выписка из регистров Парламента (опека над Раулем Спифамом и помещение его в Консьержери) от 5 мая 1554 г.
f. 130v.	Протокол пристава Давида о вручении Спифаму запрета являться в Парламент, ответ Спифама от 10 июля 1554 г.
f. 133v.	Королевское письмо Парламенту о снятии опеки и отзыве дела в королевский суд от 10 июня 1555 г. (Фонтенбло)
f. 134v.	Королевское письмо Парламенту об эвокации имущественных исков Спифама от 13 июня 1555 г. (Фонтенбло)
f. 135 v.	Королевское письмо Парламенту (в ответ на жалобу Изабеллы Спинолы), предписывающее комиссару Жанно не наносить ущерба подопечному имуществу от 8 мая 1555 г. (Фонтенбло)
f. 136v.	Свидетельство сержанта Шатле о предъявлении королевских писем комиссару Жанно от 11 мая 1555 г.
f. 136v.	Свидетельство сержанта Шатле о предъявлении королевских писем комиссару Жанно и 8 арендаторам Спифама от 15 мая 1555 г.
f. 138	Свидетельство сержанта Жана Кромери о выплате Жерменом Жанно, заключенным в тюрьму по иску Рауля Спифама, денег, полученных с 8 арендаторов Спифама, и о передаче ему этой суммы, ознакомление Жанно с постановлением об эвокации его дела в королевский суд в соответствии с письмом от 13 июня 1555 г. 4 июля 1555 г.
f. 139v.	Свидетельство из регистра тюрьмы Большого Шатле о заключении Жермена Жанно сержантом Жаном Кромери.
f. 139v.	Нотариальный акт договора о выполнении судебного решения, заключенного от имени семьи Спифамов Жаком Спифамом, епископом Неверрским, с представителями монастыря Сен-Сир от 3 декабря 1555 г.
f. 142	Указ № 100. Изложение финансовых преступлений Гайара и его родственников, справедливых претензий Рауля и клевет-

Таблица 41 (продолжение)

Номер, стр.	Прилагаемые или упоминаемые документы, указы
	нических обвинений, выдвинутых против него с целью сокрытия махинаций. Требование продолжить выплату компенсации наследниками Гайара, аннулирование сделки епископа Неверрского с монахинями Сен-Сира, переход права первородства к Раулю Спифаму; переход сеньорий Пасси и Биссо к нему же в виде компенсации за имущество, отсуженное монахинями. Аннулирование дарений, сделанных епископом Неверрским советнику Жану Спифаму, как незаконных. Приказ об аресте всех виновных в сокрытии сумм, похищенных Гайаром, и о проведении расследования.
f. 148v.	Указ № 101. Признать права Рауля Спифама на дом по улице Саль-де-Конт, принадлежащий ранее Гайару Спифаму и переданный Мишелю Шампрону, второму мужу вдовы Гайара.
№ 102, f. 149v.	Указ № 102. Удовлетворить просьбу Рауля Спифама об отводе судей и назначении особого королевского комиссара по срочному расследованию его дел. Аннулировать все предпринятое против него криминальным лейтенантом Жаном Монье (племянником Спифама и его должником), наказать лейтенанта за злоупотребление служебным положением. <i>Упомянуты королевские письма от 12 и 13 июня 1555 г., адресованные криминальному лейтенанту.</i>
№ 186, f. 246	Указ № 186. Удовлетворить апелляцию Спифама на решения палаты вакаций Парламента, запретившую ему печатать свои поэтические произведения и труды по правоведению. Принять во внимание, что Спифам имеет докторские степени на трех факультетах и, согласно привилегиям "прославленных университетов", имеет право чтения лекций в публичных школах, чем он и занимался на протяжении 35 лет.
№ 184 (193), f. 254v.	Указ № 184 (193). Передать дела по отводу Спифамом судей Парламента, лейтенантов и советников Шатле в суд Архигенералов юстиции¹⁹⁴. Обеспечить краткое арбитражное решение споров, чтобы Спифам не был бы полностью занят ведением тяжб и смог бы больше сделать во имя и к выгоде общего блага, и по воле Государя, поскольку Спифам является старейшиной адвокатов Парламента и может выступать заместителем (substitut) генерального прокурора.
№ 199, f. 261	Указ № 199. <i>Упомянуты королевские письма от 10 и 13 июня 1555 г.; постановление об аресте Спифама парижским прево и его криминальным лейтенантом от 6 июля 1555 г. и запрещение продолжать процесс против комиссара Жанно.</i> За злостное нарушение королевской воли и препятствие в осуществлении правосудия лишить лейтенантов Шатле и советников, виновных в этом нарушении, их должностей. Назначить временно исполняющими их обязан-

¹⁹⁴ Особый арбитражный орган, "созданный" указами "Дикаэархии".

Таблица 41 (окончание)

Номер, стр.	Прилагаемые или упоминаемые документы, указы
№ 200, f. 263v.	ности адвокатов из числа старейших. Вернуть комиссара Жанно в тюрьму, освободить из тюрьмы Рауля Спифама и помогавшего ему сержанта Жана Кромери. Протокол пристава Давида об ознакомлении Спифама с постановлениями Парламента от 3 июля и 23 декабря 1555 г. и 12 июня 1556 г. Ответ Спифама о клеветническом характере этих постановлений, идущих вразрез с волей короля и с нарушением процессуальных норм.
f. 264	Указ № 200. <i>Упомянуты письма об эвокации дела Спифама от 10 июня 1555 г. (Фонтенбло), постановление Парламента от 13 августа 1555 г. и ... декабря того же года, о снятии опеки со Спифама и скандальное постановление от 12 июня 1556.</i> Ввиду того, что эти постановления вынесены с вопиющим нарушением процессуальных норм, президенты и советники, выносившие это решение, будут лишены должностей. Назначить исполняющими их обязанности адвокатов на половинном жаловании, а вторую половину распределить между воинами гарнизонов крепостей в Пикардии, Шампани и городе Мариенбурге.
№ 216, f. 280v.	Указ № 216. В связи с незаконным освобождением из-под стражи Франсуа Тевено, похитителя Жанны Спифам, дочери Рауля, незамедлительно судить Тевено, а генерального прокурора Парламента Нозля Брюлара, при пособничестве которого был освобожден Тевено, приговорить к возмещению судебных издержек. Отстранить его от занимаемой должности вплоть до возмещения убытков Спифаму. Назначить исполняющим его обязанности советника Луи Мартино.
№ 252, f. 310v.	Указ № 252. В связи иском вдовы каменщика Гильома Бодена, поддержанным Раулем Спифамом, против ювелира Клода Марселя, обвиняемого в убийстве, и с отводом Спифамом судей Парламента – Жюля Ле Местра и Дени Рийана, как родственников обвиняемого, государь приказал завершить уголовный процесс против Клода Марселя, поместив его в тюрьму.
№ 300, f. 370	Указ № 300. Король принимает во внимание рвение и преданность общественному благу, проявляемую Раулем Спифамом, и все беды, вызванные ложным обвинением в помутнении рассудка и чувств со стороны врагов общественного блага и, в особенности, со стороны его родственников и свойственников. Спифам отказывается от всяких родственных уз, поскольку единственным близким, проявившим милосердие к нему и к его семье является король, и впредь Спифам будет служить ему как сын, усыновленный по процедуре отдачи под покровительство (<i>par civil agrogation</i>). Король освобождает Спифама от какой бы то ни было юрисдикции, кроме своей личной.

Собственно, фантастическими в этой подборке оказываются первый и последний акты, все остальное присочинено лишь отчасти. Указы, относящиеся к самому Спифаму, напоминают стандартную подборку документов, хранящуюся в мешках прокуроров: копии судебных решений, копии нотариальных актов, повестки вызова в суд, свидетельства об ознакомлении и проч.

И этой информации достаточно, чтобы понять, что Рауль воспроизводит обычную стратегию судебной защиты, идентичную той, с которой мы уже знакомы по актам Николя Леклерка, Филиппа Кавелье и Шарля Дюмулена. Эта стратегия сводилась к изложению обстоятельств дела, естественно, в той версии, которая была выгодна данной стороне; к созданию собственного благоприятного имиджа; к дезавуированию обвинений путем подачи встречных исков и выявления корыстных побуждений со стороны обвинителей и свидетелей; к переносу дела в другой суд, вплоть до прямой апелляции королю с целью получения помилования.

Но вместо одних только судебных документов наш адвокат действовал еще такой необычный ресурс, как свою “самиздатовскую” книгу. В ней, помимо различного рода соображений о реформировании дел в королевстве, Спифам излагает существо своих тяжб, приводя для этого выдержки из старых нотариальных актов и судебных протоколов;

– с успехом конструирует образ Рауля Спифама, шевалье, доктора обоих прав, старейшего из адвокатов, бескорыстного борца за общее благо, персоны, чрезвычайно важной для короля. Он ненавязчиво использует для этого приводимые копии протоколов, немного проливая свет на причины столь удивительной для нас, казалось бы, нефункциональной пафосности некоторых актов (Кавелье, Дюмулена, Леклерка). Так, протокол пристава, предъявившего Спифаму запрет появляться в Парламенте, опубликован в виде приложения к указу № 100, и возможно, впрочем, в несколько приукрашенном Спифамом виде. Трудно удержаться, чтобы не процитировать его начало. Спифама пристав “*нашел в одиночестве в кабинете своего дома... каковой ответил, что уединение и бегство от мира не претит ему, поскольку он стремился к этому всю жизнь и находит в нем величайшее удовольствие и духовную пользу, которая стоит куда больше, чем посещение компаний стряпчих, разменивающих свой дух на суетное крючкотворство*”¹⁹⁵. Под этими словами вполне мог бы подписаться и Дюмулен. Они со Спифамом, несмотря на образованность и хорошее происхождение, так и остались всего лишь адвокатами. Они были неумелыми практиками и не стыдились этого, рассматривая себя прежде всего служителями общего блага, уединенными учеными отшельниками, взвалившими на

---

¹⁹⁵ *Spifame R. Dicaearchiae Henrici Christianissimi regis progymnasmata*. P., 1556. F. 130 v.

себя гигантскую ношу – прокомментировать заново все кутюмы в духе римского права или же реформировать все правосудие и церковь в королевстве. Откуда и проистекает подчеркнутая публичность их, с виду сугубо частных, актов. Борьба против личных врагов обретает универсальное измерение;

– далее Спифам вскрывает низменные мотивы своих противников, повествуя о чудовищном казнокрадстве Гайара со товарищи, приведшем к “национальной катастрофе”, гибели армии маршала Лотрека и безвозвратной потере Неаполитанского королевства, о махинациях наследников Гайара, доказавших казне, что покойный не оставил почти никакого имущества, подлежащего конфискации (что не помешало им самим оставаться очень богатыми людьми и приобрести дорогие королевские должности), о попустительстве этому со стороны многих парламентских советников, о кознях, чинимых Раулю в его отстаивании своих и общественных прав;

– говорит о переносе дела из Парламента и Шатле в Королевский совет, а в конечном счете на личный суд короля, на его высшую милость.

Но Рауль Спифам как человек, выделявшийся даже на пестром фоне прочих действующих лиц, этим не ограничивается, а постоянно расширяет концентрические круги своих рассуждений. У него есть основания намекать на светский образ жизни своего брата-епископа и на симпатии его к женеvским реформаторам¹⁹⁶. И Рауль посвящает добрую дюжину “королевских постановлений” ужесточению контроля над нравами духовенства, необходимости их постоянного пребывания в своих приходах, требованию конфискации имущества перебежчиков. Адвокат пострадал от необъективности судей и создает в своих вымышленных указах сложную, но весьма строгую рациональную систему недопущения “кумовства” при отправлении правосудия. Он возмущен махинациями своих родственников и посвящает вопросам финансовой дисциплины ряд постановлений, где филиппики и упоминания конкретных примеров перемежаются с разработкой систем мер финансового контроля и перекрытия основных каналов “отмывания” ворованных денег.

У Спифама есть немало претензий к судебной процедуре, и он реформирует ее в духе общих королевских ордонансов. Он надеется на правосудие короля, на защиту им своего верного слуги Рауля Спифама и для этого не просто сочиняет королевские указы о защите Рауля от клеветников, но и создает особый институт. “Гвоздем” его сочинения и, видимо, давно вынашиваемой идеей, было введение “Большой диктаторской печати” (ее описание представляет особый интерес для сигиллографии). Эта печать является “*живым образом короля*”: указы, запечатанные ею, должны незамедлительно приниматься к исполнению, как если бы они были приняты во время “*Lit*

---

¹⁹⁶ Тем более, что Жером Спифам входил в окружение короля Наваррского.

de justice”, а ослушники немедленно обвиняются в “оскорблении величества”. Спифам устами Генриха II раскрывает необходимость принятия такого рода мер, поскольку исполнение королевских указов порой недопустимо затягивается во время их регистрации в Парламентах путем ремонстраций, подачи апелляций и исков, что наносит непоправимый ущерб общему благу, особенно в военное время. От сопротивления, саботажа со стороны судебных корпораций и, в первую очередь, Парламента страдали не только Франциск I и Генрих II (а позже их преемники), но и Рауль Спифам, что совершенно очевидно из приводимых им документов.

Так, решая собственные проблемы, Спифам органично переходит к исправлению недостатков во всем королевстве. Он внимателен даже к мелочам – указы о содержании городов в чистоте дополняются комплексом мер против бродячих собак. Он озабочен мерами по укреплению институтов семьи и брака, он стремится расширить права женщин, предлагает сократить число праздничных нерабочих дней, позаботиться о воинах, отпускаемых на мирное время. Он оговаривает новые правила управления университетами, делая шаги по их огосударствлению. Избыточное число церковных колоколов надлежит переплавить на мелкую монету, а в приграничных районах – на пушки. Бродяг, здоровых нищих, должников из долговых ям следует отправлять на принудительные работы (в *“общественное рабство”*). Каждый день команда из двенадцати музыкантов должна играть во время начала и конца судебных заседаний, что способствует развитию музыкальных талантов, с одной стороны, и прославлению правосудия – с другой. Знаки траура следует вообще отменить, но для прославления героев, во имя общего блага павших на поле брани, надо создавать особые пантеоны, где их будут чтить на манер того, как почитают святых. Год надо начинать с первого января, а не по Пасхе. Публичные женщины должны будут в обязательном порядке проходить медицинское освидетельствование на предмет венерических заболеваний, а нарушительницы будут обвинены в покушении на убийство. Судебный округ Парижского Парламента следует сократить и создать новые парламенты в Лионе и Пуатье, а также основать парламенты во вновь присоединенных областях. Придворный историограф и придворный поэт должны вести хронику деяний королевства (с жалованием, равным жалованию советника Парламента), им же разрешено присутствовать и иметь голос на заседании судебных курий. Команда из подготовленных специалистов должна будет заниматься архивными изысканиями для выявления исторических прецедентов и феодальных прав, способствующих укреплению влияния христианнейшего короля в сопредельных королевствах. Причем за каждым специалистом закрепляется особый “сектор ответственности”.

Эти и многие другие меры Спифам не просто декларирует устами короля в своем объемном труде, но и указывает конкретные пу-

ти и сроки реализации, иногда определяет ответственных и почти всегда распоряжается о способах финансирования данного нововведения. При этом он зачастую предвосхищает реальные мероприятия королевской власти. На год—два (как в случае с законом против тайных браков и против сокрытия беременности), на пять—десять лет (как в случае с календарной реформой), на десятилетия (как в случае со строительством Нового моста и разделом компетенции парижских квартальных комиссаров), на сто лет, предугадывая реформы Кольбера и Короля-Солнце, на двести, опережая реформы Мопу. Кое-что из его мер будет претворено в жизнь якобинцами и Наполеоном, что-то (как, например, возведение мемориалов павшим воинам) осуществится лишь в XX в. Но строительным материалом для воображаемых миров служит современное Спифаму королевское законодательство. Рауль превосходно знал законы Генриха II и его предшественников; скорее всего, у него были связи в королевской канцелярии и до него доходила информация о “законодательной кухне”. Чаще он отталкивается от неких, уже имевших место королевских мероприятий, и, руководствуясь неплохой эрудицией, здравым смыслом и интуицией, доводит эту мысль до некоего завершения. Иногда портрет короля-законотворца получается шаржированный, почти пародийный, но чаще всего Раулю удается распознать “зримые черты будущего”, построить свой альтернативный вариант развития французской государственности (как если бы не было исторического зигзага Религиозных войн). Поэтому “нормальное исключение” сочинения Спифама оказывается чрезвычайно полезным для понимания “духа законов” раннего французского абсолютизма.

Но вернемся к судьбе самого Спифама. На что он надеялся, предпринимая эту, казалось бы, роковую в своей безнадежности попытку защититься от грозных противников своими воображаемыми мирами? Не было ли в этом чего-то от его младшего современника — Дон-Кихота?

Скорее всего, Рауль, как и его современник Шарль Дюмулен, был неважным адвокатом-практиком, он хорошо знал законы и слишком уважительно к ним относился, чтобы с легкостью находить в них лазейки. Видимо, этим и объясняется пренебрежительное отношение к коллегам-адвокатам, проскальзывающее в его сочинении. Но в данном случае он выбрал, пожалуй, единственно верный путь защиты. Он не просто проделал весь перечисленный выше обычный набор судебных действий. Он придал им небывало широкую огласку. Если бы не это, с адвокатом расправились бы без особых трудностей. Но теперь он стал важным свидетелем обвинения в тяжких преступлениях против короля. Поэтому против Спифама и применили тактику констатации невменяемости и помещения под опеку. Этот способ был весьма хлопотным, но только он мог полностью дезавуировать опасные откровения адвоката. Но этой версии Парламента поверили далеко не все.

Спифам вовсе не был так одинок, как может показаться. У него были “свои люди в Париже”: каменщик, который погиб за него, его клерки, сержанты и приставы (недаром курия всегда старается запретить приставам общаться с этим адвокатом). Раулю принадлежало с десяток домов в Париже, а, как мы помним по актам адвоката Жана Пилера, между хозяином и квартиросъемщиками устанавливались особые отношения близости. Он находил типографов, которые рисковали работать по его заказам, несмотря на санкции (одного из них он отблагодарил тем, что назначил на должность типографа Диктаторской печати). Вероятно, Рауль мог рассчитывать на помощь со стороны клана Спинола. Родственники второй жены Спифама были людьми достаточно богатыми и обладавшими связями в мире финансов. Во всяком случае, сама Изабелла Спинола оказалась преданным сотрудником мужа, распространяла его “самиздатовские” сочинения и безуспешно защищала семейное добро (ведь это она отправила комиссара Жанно за решетку). Кто-то симпатизировал Раулю в среде парижского духовенства, благодаря чему, казалось, окончательно скомпрометированному адвокату удастся добиться важного для себя решения парижского официала.

Но мы можем сказать и больше: если не в ближайшем окружении короля, то во всяком случае, в его Тайном Совете (*conseil privé*) нашлись люди, прислушавшиеся к его призывам. Ведь именно оттуда приходили письма об эвокации его процессов. Благодаря предусмотрительности Спифама, опубликовавшего эти письма, мы можем догадаться о том, кто был его покровителем: от имени короля их подписывал Жан Дютье. Ему же Спифам в указе № 19 уготовил большую честь, отведя второе после себя место в судебной иерархии, назначив секретарем ведомства Диктаторской печати.

Жан Дютье, секретарь “по особым поручениям”, был фигурой весьма важной. Он выполнял обязанности одного из четырех статс-секретарей (прообразов будущих министров). Дютье был известен как меценат и покровитель поэтов. Но, думается, что он ценил в Спифаме не только и не столько его поэтический дар. Именно Жан Дютье “отвечал” за итальянское направление королевской политики. А это, помимо сбора информации и организации дипломатического обеспечения Итальянских войн, требовало поистине титанических усилий по их финансированию. Он вел сложнейшие переговоры с банкирами, старался распространять бумаги новых займов, изыскивал новые статьи доходов¹⁹⁷. Середина 50-х годов была особенно тяжелым временем: война вступила в кульминационную фазу, денег не хватало. Заботливо организованные “партии” (компании кредиторов короля) находились на грани банкротства. Содержа-

---

¹⁹⁷ Малов В.Н. Новое о коллекции Ламуаньона: Итоги каталогизации // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб., 2001. С. 267–274.

ние одного лишь указа № 100 “Дикаэархии” не могло не заинтересовать Дютье. Ведь речь шла о сокрытии крупной суммы денег, столь недостающих именно сейчас. В 1520-х годах казнокрадство погубило армию Лотрека и лишило Францию надежд на возврат Неаполитанского королевства. Не пора ли взыскать украденное и спасти армию Гиза и владения французов и их союзников в Италии сейчас, в 1556 г.? Помимо общих весьма ценных рассуждений о наведении порядка в финансовой сфере, Рауль называл конкретных лиц, у которых можно было конфисковать имущество, конкретных чиновников, должности которых можно было также конфисковать, а потом продать их другим желающим, ведь подобное стремление и являлось одной из важнейших мотиваций королевских нововведений, градом сыпавшихся на страну в первой половине 50-х годов. Те, кто попал на страницы сочинения Спифама, имели все основания любой ценой попытаться изолировать адвоката, лишить его возможности появляться в публичных местах и, главное, что-либо писать и распространять написанное.

Знал ли король о буйном адвокате, как предположил Жерар де Нерваль? Во всяком случае, о нем знали те, кто готовил важные решения. Кстати, почему бы не предположить, что в королевской канцелярии взяли на вооружение некоторые из предложений Спифама? Или же, напротив того, что Спифам был знаком с людьми, ведавшими подготовкой законов, и потому “предвосхитил” некоторые из уже готовившихся документов? Так, например, Спифам публикует указ, посвященный хорошо нам знакомой по актам Дюмонта проблеме переноса кладбищ за городскую черту за счет муниципалитета.

Как бы то ни было, поддержка Спифаму была оказана, и помощь пришла из королевского совета, от инстанции, на которую и надеялся адвокат.

Непонятно, почему никто из писавших о Спифаме, не обратил внимание на более позднее свидетельство регистров Парламента. 19 октября 1558 г. палата вакаций Парламента зарегистрировала (“энтинерировала”), наконец, пресловутое королевское распоряжение от 10 июня 1555 г., подписанное Дютье, которое полностью снимало опеку со Спифама. В регистре упоминаются и постановление 1 марта 1553 г. об эвокации дела Спифама на суд короля, и позднейшее решение канцелярии 13 мая 1557 г. Впрочем, советники палаты вакаций добавили свою ложку дегтя к триумфу Рауля: опека над личностью и имуществом Спифама снималась, и он мог вести судебные процессы, однако во исполнение предыдущих постановлений Парламента ему напоминалось о запрещении предпринимать юридические действия без совета и обсуждения с двумя–тремя наиболее учеными и наиболее видными адвокатами¹⁹⁸. Но разве это сравнится с жесткостью прошлых предписаний! Ведь даже не оговарива-

---

¹⁹⁸ Xla. 1589, f. 474.

лось, кто выбирает этих советчиков, и, следовательно, они вовсе не должны принадлежать к числу определенных Парламентом “друзей” Спифама (т.е. его злейших врагов, по его собственному выражению).

Может быть, это была и не полная победа. Но все же решение о вменяемости Спифама было официально зарегистрировано в курии, в тех самых регистрах, которые пять лет подряд настаивали на его полном помутнении рассудка. Это означало, что свидетельства и обвинения Спифама могут иметь силу. Кстати, с той поры он вновь появляется в нотариальных конторах как вполне самостоятельный участник сделок¹⁹⁹.

Теперь мы можем по-новому взглянуть на ранее известные факты. 19 октября 1558 г. с Рауля снята опека, а 12 марта 1559 г. Жак Спифам бежит в Женеву, прихватив свою тайную супругу и двоих детей. Примерно за полгода до побега он развернул лихорадочную деятельность, улаживая при посредстве нотариусов свои многочисленные дела²⁰⁰. Возможно, чувства оказались сильнее долга. Возможно, епископ обратился, наконец, к “истинной религии”. Но одна из весьма вероятных причин кроется в успехах Рауля. Король заключил Като-Камбрезийский мир, по сути, проиграв Итальянские войны из-за нехватки финансов. Он твердо решил наказать виновных и навести порядок в стране: покончить с казнокрадством, призвать к послушанию парламентариев, разоблачить тайных еретиков и тех, кто им потворствует. В серьезности намерений короля на своем опыте убедился злосчастный Анн Дюбур.

И на этом фоне Жак Спифам понимает, что показания Рауля получают теперь юридическую силу, и что делом Гайара вновь могут заинтересоваться в королевском совете. Уладив дела, он бежит в Женеву.

Разве мог Жак предположить, что вскоре после его побега Генрих II погибнет по глупой случайности и что водоворот событий, предшествующий Религиозным войнам, сделает “дело Спифама” неактуальным?

Что касается Рауля, то его положение оставалось не таким плохим даже после смерти Генриха II. Вспомним, какой неуязвимой представлялась коалиция врагов Рауля в начале его судебной эпопеи. Сейчас, в правление Франциска II, положение изменилось. Главный противник адвоката уже не епископ Неверрский, а переметнувшийся вероотступник и изменник. Племянник Рауль обвинен в хищениях и арестован²⁰¹. Близость племянника Жерома к Бурбо-

---

¹⁹⁹ Я разыскал его договор о сдаче в аренду двух комнат в одном из домов по улице Мариво. МС. VIII. 237 (07.12.1559).

²⁰⁰ МС. VIII. 236, 237 *passim*.

²⁰¹ *Carpi-Mailly O. La famille de Spifame: Mèmoire sous la direction de N. Le-maitre. 1993. Manuscrit.*

нам не кажется столь уж большим козырем в условиях господства Лотарингского дома.

Последний раз имя Рауля Спифама появляется на страницах парламентского регистра 10 июня 1562 г. Начались Религиозные войны, и весь Парламент был приведен к присяге на верность католическому Символу веры. Среди 367 адвокатов явился и Рауль Спифам²⁰². Интересно, надел ли он свою пресловутую алую мантию или на сей раз он был в черном, как все? Но, думается, что Рауль мог торжествовать, ведь придуманный им еще шесть лет назад королевский указ предвидел эту процедуру. Спифам умер в своем поместье Гранж в следующем, 1563 г.²⁰³, причем в отличие от враждебных ему братьев, он встретил смерть в своей постели.

Да и дети его преуспели немногим меньше, чем дети Гайара – Жан Спифам (первенец Изабеллы Спинолы) станет советником Палаты Вод и Лесов, а его младший брат Габриель реализует один из амбициозных планов своего отца (указ № 184) и будет исполнять обязанности генерального прокурора. Из нотариальных актов следует, что Религиозные войны не охладят пыл Спифамов. Дети Рауля будут продолжать судиться с детьми Гайара по поводу Сен-Сирского леса и сеньории Пасси и Биссон²⁰⁴. К давней вражде добавятся и религиозно-политические разногласия. Дети Рауля примкнут к Лиге, дети Гайара – к лагерю политиков. За кем будет победа? Возможно, с “птичьего полета”, с позиций “большой истории” может показаться, что исторически победят последние. Но самое интересное, что в XVII в. спорные сеньории отойдут все же потомкам Рауля²⁰⁵.

Не скрою, что намеренно столкнул оба подхода в рамках одного казуса, чтобы показать необходимость микроисторического погружения.

Выходит, что бороться против железной поступи исторических закономерностей и конструировать воображаемые миры – не такое уж и бесполезное занятие, как может показаться. Все дело в выборе ракурса исследования.

---

²⁰² X1a. 1602, f. 382.

²⁰³ Delmas A. Gaillard, Jacques et Raoul Spifame: Etude d'une famille au XVIe siècle; Position des thèses de l'Ecole des Chartes. P., 1943. P. 55–61.

²⁰⁴ MC. CV. 51 (08.04.1588).

²⁰⁵ Gariel E. La fin des Spifame: Le testament et les codicilles de Samuel Spifam. (À paraître).

КРАТКИЕ ИТОГИ АНАЛИЗА КАЗУСОВ

Еще раз об условиях эксперимента. – Диагностика странностей. – Чем достигался эффект инновации?

Необходимо вернуться теперь к изначальному условию эксперимента, результаты которого изложены ниже. Мы не просто рассказывали об “интересных людях” (тогда эта часть книги, в лучшем случае, походила бы на сборник новелл, а в худшем – на телефонную книгу). В очередной раз не лишне будет напомнить, что мы изначально ничего или почти ничего не знали об этих людях, о том, насколько они интересны. Мы выбрали их только потому, что составленные ими дарения по тем или иным признакам выпадали из общего ряда. Сначала мы выстраивали эти типологические ряды, затем выделяли акты, из этих рядов выпадающие. И только после начинали собирать сведения об авторах этих “странных” актов.

Справедливости ради надо отметить, что этот наш эксперимент удался не на все сто процентов. О некоторых из этих “белых ворон” я просто не успел собрать сведения, учитывая ограниченный срок моей работы в Национальных архивах, но уже “навскидку” можно было констатировать личностную или биографическую неординарность авторов. Это:

1. Амбруаз Паре, прославленный королевский хирург и единственный из моего списка, чье имя было мне известно еще до начала работы.

2. Перетта Туза, вдова пахаря из Шампани, оказавшаяся при этом сестрой парижского гуманиста, королевского лектора Жака Туза (или Туссена), чем и объясняется отнюдь не “крестьянский” характер дарения своим сыновьям-студентам.

3. Жан Оффруа, скромный сержант Парижского Шатле, который в достаточно экстравагантной форме одаривал судебных, стоящих намного выше его на иерархической лестнице.

4. Студент Пьер Венсан: из адресованных ему дарений следовало, что в число близких родственников и свойственников входило несколько крестьянских семей, парижские буржуа, сеньоры и адвокаты.

5. Жан Эннекен, советник Парламента, составивший несколько необычное дарение в адрес приюта Святой Троицы, чтобы охранить “Синих детей” от Лютеровой заразы. Следующее поколение этой семьи примет самое активное участие в организации Парижской Католической лиги.

Еще в шести случаях такая связь была вполне возможной, но мне не удалось ни доказать, ни опровергнуть ее из-за отсутствия источников. Это, например, казусы монетчика Ферри Ошкорна, приютившего молодую вдову на сносях, взявшего на себя заботу о воспитании ребенка и о преследовании убийц ее мужа, или дарителей,

уже упомянутых в исследовании о старых и немощных, пекаря Кристофа Креспина и набожной Гийеметты Местрю, вдовы парижского буржуа, прокурора Пьера де Таверни, а также портного Пьера Перше и подмастерья каменщика Раулена Ле Жена.

И лишь в двух случаях результат был негативен. Мне удалось собрать дополнительную информацию о дарителях; причем в ней не было никакого объяснения фиксированной мной странности. Так, например, сеньор Дени Ле Ру и медик Жан Лестель открыто заявили в своих актах что дарения, полученные ими еще в ту пору, когда они были студентами, фиктивны, их подлинной целью было “заимствовать имя” студента, чтобы воспользоваться университетскими привилегиями. Но судить о причинах такого необычного поведения, выражавшегося в излишней откровенности, на основе собранной биографической информации я не смог, они ничем особым не выделялись. Разве что посмертная опись имущества Жана Лестеля дает ему сомнительную славу самого бедного из парижских медиков второй половины XVI в. Впрочем, быть может, здесь, скорее, сказывается “нотариальное” влияние: оба акта хоть и составлены в разных конторах, но их нотариусы часто работали вместе.

В целом эксперимент подтвердил гипотезу о соответствии странности акта неким особым свойствам личности или особенностям биографической ситуации. Причем надо отметить одно важное обстоятельство. Париж был мегаполисом своего времени с почти трехсоттысячным населением. Конечно, нотариальные конторы посещало лишь меньшинство парижан. Но, во всяком случае, их счет шел на тысячи, и за указанный период только в Шатле зарегистрировали свои акты свыше двух с половиной тысяч человек. Но наш мир авторов “девиантных” актов был до странного тесен, за исключением Кавелье и, возможно, Филона, они не просто принадлежали к одному кругу, но и лично были знакомы друг с другом.

Конечно, это не было случайностью. Большинство из них можно назвать интеллектуалами. Именно они имели больше возможностей сформулировать свои мысли, попытаться самим составить акт или настоять, чтобы были включены “авторские” формулировки. Но надо отметить, что в регистрах встречается много актов самых что ни на есть “замечательных людей”, таких как сам Парижский прево Антуан Дюпра, Кристоф Де Ту, президент Парламента, семья знаменитых бюрократов-гуманистов Роберте. Их дарения любопытны, но ничего неожиданного они не содержат. Понятно, что парижский прево Антуан Дюпра если и одаривает бедных перед смертью, то делает это необычайно щедро, на то он и был самым главным чиновником Парижа. Но даже и многочисленные акты Жака Спифама, зарегистрированные в Шатле, вполне заурядны, хотя можно представить, сколь внимательно я всматривался в дарения епископа Спифама, адресованные детям некоей Катрин де Гасперн, вдовы прокурора Шатле.

Наше исследование упиралось в возражение принципиального свойства: не было норм, в достаточной мере строгих, чтобы мы смогли диагностировать девиации. Они, таким образом, не формализованы и вряд ли формализуемы. И все же есть бесконечно субъективный, но вполне работающий критерий – удивление. Но оно должно было основываться на практическом опыте. Я уверен, что тренированный взор парижского нотариуса прекрасно различал среди своих клиентов людей смешных, чрезмерно взволнованных, неординарных.

Полагаю, что наша способность диагностики “странностей” зависит от однородности и протяженности типологического ряда. Чем однотипных актов больше и чем они унифицированнее, тем большее число критериев сравнения, в том числе и социальных (что типично для крестьянина, то удивительно для магистрата). Парадоксальным образом нотариальная рутина помогала порой выявлению индивидуальных особенностей. Впрочем, даже в самых уникальных случаях действующие лица не делали ничего подлинно оригинального и не совершали каких-то иррациональных поступков. Удивляющий нас эффект достигался употреблением клише, которые использовались обычно в ином контексте. Но подобное строительство из подсобных материалов или, как говорят франкофонные исследователи, “бриколаж” (использование попавшихся под руку подручных средств), присуще отнюдь не только нотариальным актам, но и вообще всем текстам средневековой и ренессансной культуры, а, может быть, и современным памятникам, претендующим на инновации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В самом начале нашего исследования мы поставили перед собой две группы задач. Во-первых, на основе изучения нотариальных актов предполагалось ответить на вопрос о том, как было устроено французское общество середины XVI в., какие социальные группы можно в нем выделить, насколько жесткой была социальная иерархия. Ставилась задача определить степень свободы индивида, узнать мотивацию его поступков. Учитывая, что мы анализировали данные, относящиеся к последним предкризисным десятилетиям XVI в., то вопрос о социальной обусловленности Религиозных войн, если и не ставился нами впрямую, то подразумевался. Во-вторых, мы пытались вести разговор о методах изучения социальной истории, о трудностях, с которыми сталкиваются историки на этом поприще, о перспективах, которые открывают перед ними новые методологические веяния и, главное, о том, что могут дать для современного этапа историко-социальных штудий нотариальные акты.

Мы пытались взглянуть на Францию попеременно то с “птичьего полета”, то с “кургана”, то из “мышинной норы”.

В той картине французского общества, какую рисуют нотариальные источники, нам не удалось увидеть непосредственные социальные причины Религиозных войн. Но “задним числом” мы можем найти в наших нотариальных актах достаточно материала, подтверждающего все основные варианты объяснения природы этих войн, представленные в историографии.

Мы констатируем наличие некоторого потенциала социальной напряженности. Так, в городе существовал весьма явный разрыв между теми, кто именовался в актах “буржуа”, и теми, кто этого “титула” был лишен (в данном случае глубина социального разрыва демонстрируется нашими источниками вопреки другим данным, с которыми обычно работают историки). Велико было расслоение внутри дворянства и духовенства. Разница между “верхами” и “низами” чиновно-судейского люда была также весьма ощутимой, однако эта категория дарителей обладала слишком многими качествами, отличающими ее в целом от прочих социальных групп.

Таким образом, можно найти подтверждение разным социально-политическим интерпретациям Религиозных войн. Но точно также в нотариальных актах видны черты религиозных исканий людей,

озабоченных главным – спасением своей души, и мы можем привести эти данные в поддержку преимущественно религиозного истолкования конфликта. Однако все эти наблюдения имеют смысл лишь постольку, поскольку мы знаем результат, мы знаем, что произойдет с этим обществом в недалеком будущем. Лишь отталкиваясь от знания реалий Религиозных войн, можно в наших актах отыскать зерна будущих событий: особенности религиозного воспитания герцогов из Лотарингского дома, начальные этапы социального становления Матье де Лабрюйера, одного из будущих руководителей Парижской Лиги, специфические черты спиритуальности другого лигерского семейства – Эннекенов, истоки семейного конфликта, приведшего в конечном итоге к бегству в Женеву епископа Неверрского и т.д.

Но не следует ждать от нашего анализа слишком многого, ведь мы получаем “срез” статического состояния общества. Возможно, что если бы мы произвели еще одну подобную реконструкцию для более позднего (или более раннего) периода, мы могли бы сделать гораздо более значимые выводы. Однако и без этого картина общества, реконструируемого на основе нотариальных актов, представляется достаточно интересной.

Прежде всего, мы все же вправе сделать вывод об его иерархичной структуре и о членении на разные “объективно” существующие группы. Об этом свидетельствуют многочисленные критерии “престижности” и “приниженности”, которые мы получили в ходе нашего анализа. Но особенность нотариальных актов как источника состоит в том, что воссоздаваемая на их основе социальная иерархия значительно отличалась от ожидаемой строгости сословного членения. Дарители сплошь и рядом вели себя не по правилам, встречались богатые крестьяне и бедные дворяне, шурином землепашца оказывался гуманист, дворяне почему-то фигурировали в числе родственников купца-шоссетье, адвокаты Парламента упоминались как кузены и племянники крестьян. Все полученные нами индексы действовали лишь в виде тенденции, пробивая себе дорогу сквозь хаос отдельных случаев.

Представляется, что причин этого может быть несколько.

Одна из них кроется в эвристических возможностях историка, работающего с этим типом источников. Массовый нотариальный материал открыл перед французскими историками 50–60 гг. XX в. перспективу написания социальной истории “с чистого листа”, отказываясь от “лжи слов”, от предзаданных социальных терминов и категорий, имеющих идеологическую окраску и влекущих за собой длинный историографический шлейф всевозможных коннотаций. В какой-то мере я также поддался на этот соблазн и попытался проделать это применительно к своему материалу. Можно согласиться с Н.Е. Копосовым, отметившим, что эта попытка заранее обречена на неудачу, поскольку законы исторического повествования и по-

требности человеческого мышления (или, если угодно, мышления историков) требуют, чтобы выделяемые множества были как-то именованы. При всем своем желании историк не сможет построить свой текст так, чтобы рассказывать о драматических коллизиях, порожденных конфликтом между “группой № 8” и “подгруппой № 23 bis”. Даже если он и попытается это проделать, все равно за этими номерами для него и для читателей будут скрываться некие образы, которые станут диктовать определенный способ восприятия той или иной группы. Тем более не остаются нейтральными и все наши условные термины “высшие”, “низшие”, “судейские и чиновники” и проч. Рассуждения на эту тему, конечно, весьма интересны, но подводят исследователя к той грани, за которой начинает действовать пресловутый “эффект сороконожки”.

И все же нельзя не остановиться на одном моменте – нотариальные источники затрудняют применение логических аристотелевских принципов категоризации, основанных на критериях необходимых и достаточных условий. Если полагать, что исследуемая социальная группа, например, дворянство, должна обладать какими-то чертами, которыми обладают все дворяне и не обладает никто кроме них (а именно этого и ждешь от группы, имеющей особый правовой статус, тем более, от сословия), то нотариальные акты не оставят камня на камне от ожидаемой социальной структуры.

Об этом свидетельствует и наша модель “университетской Франции”, где, как мы помним, общности походят, скорее, на звездные скопления: вокруг одной точки, ядра всей совокупности, группируются дарители, в разной мере обладавшие характерными для данной группы признаками. Края этих скоплений находили друг на друга, и мы постоянно сталкивались с дарителями, которых трудно было отнести к той или иной группе. По всей видимости, нотариальные источники как нельзя лучше подходят для другой, так называемой “прототипической” теории классификации. Согласно ей, в основе выделяемых категорий лежит их группировка вокруг неких идеальных типов или “хороших примеров”, играющих роль ядра совокупности, при том, что некоторые эмпирические объекты с трудом поддаются классификации и поэтому границы между категориями остаются размытыми. При всех издержках теории прототипов, отмеченных в работе Н.Е. Копосова, трудно не признать, что она снимает некоторые трудности, возникающие при изучении социальной истории¹.

---

¹ См. остроумное замечание Питера Берка, что, если бы П.Г. Виноградов был знаком с теорией прототипов, он легко мог бы отвести критику его манориальной теории со стороны Ф. Мэтланда, заявив, что его модель манора исходит не из логики необходимых и достаточных условий, но из логики прототипов (*Burke P. Sociology and History. London; Boston; Sidney, 1981. P. 36–37*). Цит. по: *Копосов Н.Е. Как думают историки... М., 2001. С. 96–97.*

Во всяком случае, выделяемые нами категории, группы и подгруппы проще всего было бы назвать по именам их наиболее ярких представителей. Собственно, по этому пути я и пошел в своей первой монографии, вводя понятие “кадра” и рассказывая “для примера” историю какого-нибудь дарителя. Эти “кадры” играли явно большую роль, чем просто иллюстративную, они-то и выступали как “ядро совокупности”.

Примечательно другое. По каким-то причинам на эту роль “хорошего примера” или “прототипа” сплошь и рядом попадали люди (точнее, их акты), отнюдь не являющиеся типичными. Этому и посвящена последняя глава предлагаемой работы. Ни Рауль Спифам, ни Шарль Дюмулен, ни даже Жан Пилер не являются типичными адвокатами Парижского парламента. Но именно вокруг них мы можем без особого труда нарисовать социальный портрет этой яркой группы. Вспоминаются некие полузабытые постулаты определений “социалистического реализма”, а также споры вокруг многозначной формулировки “исключительного нормального”. Во всяком случае, преимущества казусного подхода вполне очевидны, за счет создаваемого ими эффекта лучше выявляются в обычной жизни сокрытые и непроговариваемые социальные нормы. Но с чем мы имеем дело — с эпистемологическими или с онтологическими свойствами истории? Думается, поиски ответа на этот вопрос нас еще долго будут занимать в будущем.

Есть, впрочем, и иное объяснение зыбкости и “нестрогости” социальной категоризации наблюдаемой нами модели. Возможно, причины кроются в состоянии общества. Смею высказать предположение, что время таких строгих определений еще не настало во Франции XVI в. Потребность в них возникнет в следующем столетии, причем во многом вследствие того кризиса, который пережило общество во время Религиозных войн². Во всяком случае, наблюдаемые нами классификации скорее ситуативны, сугубо контекстуальны. И, как показывают материалы двух последних глав, человек XVI в. отнюдь не был заранее вписан в одну из предзаданных категорий, но, скорее, каждый раз его статус в конкретном случае был предметом дискуссии, торга или борьбы.

Методы, привнесенные в историческое исследование исторической антропологией и микроисторией, дают нам возможность задавать нотариальным актам новые вопросы, которые не слишком занимали историков 50–60-х годов. В связи с этим, на основании нотариального акта мы больше, чем это представлялось ранее, можем узнать о человеке XVI в., который предстает перед нами отнюдь не только как пассивный объект классификации. Даже там, где, казалось, его инициатива максимально ограничена принуждениями но-

---

² См. об этом *Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю.* Открытие социального (парадокс XVI века) // *Одиссей*, 2001. М., 2001. С. 199–215.

тариальной формы, он остается способен сохранять свои личностные черты, настаивать на своем видении ситуации.

Более того, на современном уровне развития исторической науки становится очевидно, что интериоризация исторического объяснения, восстановление субъективной стороны исторического процесса, выявление внутренних побудительных мотивов в поведении людей, реконструкция их системы ценностей являются не только возможными, но и необходимыми условиями исторического исследования. Очевидна недостаточность одних лишь “объективных” данных, “внешних” по отношению к изучаемым людям.

При этом позиция нотариуса оказывается уникальной. Помимо того, что он подвергает первичной формализации богатство и неповторимость реальной жизни, он фиксирует чрезвычайно важные для историка моменты. Ведь, несмотря на гораздо более частые, чем у современного человека, визиты к нотариусу, для француза XVI в. посещение нотариальной конторы было своеобразным исключением из обычного течения жизни. Там он вынужден был думать и говорить о рутинных или, как говорят социологи, о “фоновых” практиках, в обычной жизни не подвергавшихся какому-то специально осмыслению; это проговаривалось и заносилось на бумагу или на пергамен. Роль нотариуса была при этом достаточно активной, но все же речь шла о совместном творчестве. Поэтому нотариальный акт столь важен для изучения трудно уловимой, но в последнее время весьма интригующей исследователей истории повседневности, а также и для истории ментальностей, поскольку и мэтр, и его клиент ориентировались на те стереотипы формуляров, которые соответствовали индивидуальным представлениям человека. “Считывать” эти умонастроения достаточно сложно: эта работа требует специальных, причем, в каждом случае своих, методик и знания особенностей нотариата. Однако она вполне возможна и, смею надеяться, перспективна. Ряд историков анализировал нотариальные акты с целью выявить представления о смерти, бытовавшие в обществе. Мы попытались проделать это применительно к представлениям о ценности университетского образования и о старости. Наверняка возможно продолжить подобные исследования (например, анализируя представления о чести и достоинстве, о детях, о профессиональной подготовке, и т.д.).

Микроисторический подход, примененный по отношению к казусам нотариальной практики, к авторам “девиантных” актов, показывает, сколь взгляд “из мышиной норы” может отличаться от взгляда “с птичьего полета”. Герои нашей последней главы постоянно лавируют между различными институтами, демонстрируют способность достаточно гибко “играть” своими идентичностями. Они весьма активны в отстаивании своих позиций и, как это ни покажется странным, зачастую выходят победителями из столкнове-

ний с, казалось бы, неодолимыми историческими процессами. На этом уровне исследования мы подходим к столь сложным философским проблемам, как роль личности в истории, случайность и закономерность, исторические альтернативы и т.д. Мы видим, что эти люди сами могли создавать казусы, имеющие долговременные последствия.

Микроисторический или, в нашем варианте, “казусный” подход позволяет делать сразу много наблюдений, которые вряд ли были бы возможны при макроисторических подходах, т. е. с точки зрения развития государственных учреждений, эволюции больших социальных групп, истории идей... Достаточно вспомнить многочисленные “профиты”, извлекаемые нами из рассмотренных казусов, подобно тому, как средневековый проповедник извлекал назидательный смысл из своих “экземплов”. Да и сама монархическая власть представляется нам в ином виде. Тьерри Дюмонт позволяет по-новому взглянуть на урбанистические проекты Генриха II, мытарства Филиппа Кавелье проливают свет на борьбу между различными фракциями чиновников и конкуренцию между судебными куриями, Рауль Спифам дает возможность увидеть внутреннюю логику мер, предпринимаемых монархом, чьи действия историки склоны были считать лишенными всякой последовательности и сугубо прагматичными.

Но и более того, “казусы” позволяют установить некоторую связь между личностью и стилем нотариального поведения, говорить о “графологической экспертизе” акта. В перспективе это могло бы дать неожиданные результаты: ведь если о юрисконсультах, гуманистах и теологах мы можем что-то узнать из их трудов, то от большинства участников нотариальных актов иных свидетельств не осталось. Существуют некоторые подходы к истории, в рамках которых эта информация может оказаться востребованной³.

Но при этом ни в коем случае нельзя забывать той простой истины, что и скрытые и явные смыслы поступков изучаемых нами людей оставались бы нам совершенно недоступны без взгляда с “птичьего полета”, без работы над “объективными” показателями (индексами), без усилий по выделению социальных иерархий. Не составив типологического ряда дарений пожилым людям, мы бы никогда не осознали исключительности казуса крестьянина Жана Окока и сержанта Николая Филоня, да и университетское дарение Рауля Спифама оставалось бы для нас одним из типичных примеров, и не более того.

Таким образом, опора на нотариальные акты в сочетании с новыми методами может придать “второе дыхание” социальной исто-

---

³ Уваров П.Ю. Апокатастасис или Основной инстинкт историка // Казус, 2000. М., 2000. С. 15–32; Он же. О невозможном и плодотворном // Там же. С. 118–124.

рии. “Возвращение субъекта” в историю, при всей спорности этого определения, позволяет оценить второе важнейшее качество нотариальных актов как исторического источника – это не только массовый материал, но материал сугубо конкретный, индивидуальный и личностно-окрашенный.

Нотариальные акты позволяют производить кластерный анализ, могут информировать нас о ближайшем окружении человека, могут давать прекрасный материал для гендерных исследований. Мы сумели затронуть лишь незначительный сегмент этого поля возможностей. Но, как представляется, нам удалось хотя бы показать неисчерпаемость этого источника, а это уже не так мало.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Arcives Nationales (Национальные архивы Франции)

Série Y. Châtelet de Paris et Prévôte de l'Ile-de-France (архив Парижского Шатле)

Insinuations

Y 86 (09.1539–12.1540)
Y 87 (12.1540–03.1542)
Y 88 (03.1542–05.1543)
Y 89 (05.1543–08.1544)
Y 90 (08.1544–05.1545)
Y 91 (05.1545–06.1546)
Y 92 (06.1546–06.1547)
Y 93 (06.1547–08.1548)
Y 94 (08.1548–08.1549)
Y 95 (08.1549–09.1550)
Y 96 (09.1550–08.1551)
Y 97 (09.1551–08.1552)
Y 98 (08.1552–07.1553)
Y 99 (06.1553–05.1558)
Y 100 (05.1558–11.1559)

Картотеки инвентарей регистров

Y 101 (11.1559–09.1560)
Y 102 (09.1560–03.1562)
Y 103 (03.1562–04.1563)
Y 104 (04.1563–03.1564)
Y 105 (03.1564–05.1565)
Y 106 (05.1565–04.1566)
Y 107 (04.1566–03.1567)
Y 108 (03.1567–08.1568)
Y 109 (08.1568–09.1569)
Y 110 (09.1569–09.1570)
Y 111 (09.1570–08.1571)
Y 112 (08.1571–06.1572)
Y 113 (06.1572–03.1573)

Série X. Parlement de Paris (Архив Парижского Парламента):

X1a: Parlement civil

X1a 1527, f. 216v–218v, 265v–266 (1525)
X1a 1585, f. 434, 486 (1556)
X1a 1573, f. 599 (1552)
X1a 1579, f. 23v, f. 583 (1554)
X1a 1583, f. 133–134?, 155?–181v, 381, 399 (1556)
X1a 8616, f. 81v–83 (1546)

Accords au Parlement civil

X1c 256b, N 106, N 108 (1526)

Z1b: Cour des monnaies de Paris (архив Парижской монетной курии)

Z1b 433 (1546–1553)

Z1b 38 f. 135 (1552)

Série V. Grand Conseil (Архив Большого королевского совета)

V5 1054, f. 169v. (1550)

Minutier central des notaires de Paris

(Центральное хранилище нотариальных минут парижских нотариусов)

- Etude III. *Michel de Felin* (liasses 2–49): liasses 2, 167, 245–251;
Pierre Thuret (liasses 51–124): liasses 83–86, 95.
- Etude VI. *Jean de Louvencourt* (liasses 1–9): liasses 2, 4–5;
Philippe Cothereau (liasses 81–134): liasses 89–93.
- Etude VIII. *Claude Boreau* (liasses 66–117): liasses 70, 71, 74, 78, 80, 85,
86, 88, 90, 96; *Vincent Maupeau* (liasses 147–280): liasses 178,
179, 180, 181, 182, 184, 190, 191, 193, 194, 197–200, 215, 222,
227, 230, 235, 236;
François Bastonneau (liasses 281–293): liasse 294;
François Croiset (liasses 361–427): liasse 382.
- Etude XI. *François Cartault* (liasses 1–22): liasses 4, 16–18;
Thomas Perier (liasses 23–72): liasse 39.
- Etude XIX. *Pierre Pichon l'ainé* (liasses 1–14): liasses 1–7, 10–14, 19;
Guillaume Payen (liasses 69–113): liasses 85, 103;
Jean Trouvé (liasses 146–288): liasses 151, 156, 179.
- Etude XXIII. *Nicolas le Boucher* (liasses 277–334): liasse 36.
- Etude XXVII. *Yves Bourgeois*: liasse 16.
- Etude XXXI. *Catherin Fardeau* (liasses 24–68): liasse 58;
Philippe Lamiral (liasses 171–201): liasses 175, 180, 185, 186.
- Etude XLIX. *François Corozon* (liasses 21–68): liasses 47–49;
Nicolas de Beaumont (liasses 263–266): liasses 179–237.
- Etude LXVIII. *François Bergeron* (liasses 2–115): liasses 32, 54, 85.
- Etude LXIX. *Valere Maheut* (liasse 1): liasse 1.
- Etude LXXIII. *Jean Crucé* (liasses 3–34): liasses 11–19.
- Etude LXXVIII. *Nicolas le Boucher* (liasses 192–279): liasses 215–226.
- Etude LXXXV. *Jean Cordelle* (liasses 1–31): liasses 7, 14
Adrien Arragon (liasses 47–87): liasses 51–56.
- Etude C. *Guillaume Cotterau* (liasses 26–108): liasses 33, 34–38, 40–44.
- Etude CV. *Martin Mahieu* (liasses 1–115): liasses 51, 83.
- Etude CXXII. *Pierre Charlet* (liasses 73–80): liasse 75;
Guillaume Nicolas (liasses 188–196): liasses 189–190.

Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits
(Национальная библиотека Франции, отдел рукописей)

Fonds français

3943 (65) Arrêt rendu contre Gaillard Spifame (3 mai 1535).

Nouvelles acquisitions françaises

9714(86) Documents généalogiques pour la famille Spifame.

Collection Dupuy
736 (227) Fable attribuée à Raoul Spifame.
Collection Moreau
788 (133) Procès criminel de Gaillard Spifame (1532)
3943 (65) Arrêt rendu contre Gaillard Spifame (3 mai 1535)

Bibliothèque Sainte Geneviève (Библиотека Святой Женеьевы)

Manuscrit N 793, f. 177. Lettre de l'évêque de Nevers [Jacques Spifame]
au roi Henri II

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Публикации нотариальных актов и их аналитических инвентарей

Bechu C. et al. Minutes du XVe siècle de l'étude XIX: Inventaire analytique. P., 1993.

Coyecque E. Recueil d'actes notariés relatifs à l'histoire de Paris et de ses environs au XVIe siècle. P., 1905. Vol. 1: 1498–1545. N 1–3608; P., 1923. Vol. 2. 1532–1555. N 3609–6610.

Etat des notaires parisiens (des origines à nos jours) / Par M. Bonnot. P., 1993.

Inventaire des registres des insinuations du Châtelet de Paris: Règnes de François I et de Henri II / Ed. par E. Campardon et A. Tuetey. P., 1906.

Jurgens M. Documents du Minutier Central des notaires de Paris: Ronsard et ses amis. P., 1986.

Jurgens M. Documents du minutier central des notaires de Paris: Inventaires après décès (1483–1547). P., 1982.

Testaments enregistrés au Parlement de Paris sous le règne de Charles VI / Publ. par A. Tuetey // Melanges historiques: Choix de documents. P., 1880. T. 3 (Collection de documents inédits sur l'histoire de France).

Произведения изучаемых персонажей

Du Moulin Ch. Consuetudines sive constitutiones almae Parisiorum Urbis, atque ad ei totius Regni Franciae principales. Commentariis amplissimis... par D. Carolum Molinaum iureconsultum. Parisii, 1539; Francfurt, 1575.

Du Moulin Ch. Annotationes super consultationes Alexandro [Tartagni] libri 7. P., 1551.

Du Moulin Ch. Opera qui existant omnia... Lutetia, 1612; 2 ed. 1681.

Du Moulin Ch. Les notes de maistre Charles Dumoulin sur les coustumes de France. P., 1715.

Du Moulin Ch. Opera. Vol. 1–7. P., 1681.

Du Moulin Ch. Tracatus dua analytici. Prior de donationibus, vel confirmatis in contractu matrimonii, posterior de inoficiosis testamentis... P., 1578.

Du Moulin Ch. Traicté de l'origine progres et excellence du Royaume des Francoys et couronne de France... Lyon, 1561.

Galland P. De caletio recepta et rebus à Francisco Lotharingo duce Guiso auspiciis Henrici II gestis carmen elegiacum. P., 1558.

Galland P. Oraison sur le trespas du Roy François, faite par m. Galland, son lecteur en lettres latines, et par luy prononce en l'Université de Paris VII jour de may 1547 / Trad. de latin en français par J. Martin. P., 1547.

Galland P. Oratio in funere Francisco Francorum regi à proffessoribus regii facto. P., 1547.

Galland P. Petri Galandii literarum latinarum professoris regii, contra nouam academiā Petri Rami oratio. P., 1551.

Galland P. Petri Castellani, magni Franciaē eleemosynarii vita, auctore P.G. Stephanus Baluzius edidit et notis illustravit. P., 1674.

Galland P. Quintilliani de institutione oratoria libri XII, argumentis Petri Gallandi, eiusdem declamationum liber. P., 1542.

Spifame J.P. Lettre adressée de Rome à la reine mere du Roi contenant utile admonition pour pouoir aux affaires qui se present. S. l., 1563.

Spifame J.P. Discours sur le conge obtenu par le cardinal de Lorraine pour porter armes à ses gens pour la defense et tuituion de sa personne. S. l., 1565.

Spifame R. Dicaearchiae Henrici Christianissimi regis progymnasmata. P., 1556.

Королевское законодательство

Brisson B. Code Henry III. P., 1587.

Catalogue des Actes de François I. Vol. 1–10. P., 1887–1908.

Catalogue des Actes de François II. Vol. 1–2. P., 1991.

Catalogue des Actes de Henri II. Vol. 1–5. P., 1979–1998.

Fontanon A. Les édicts et ordonnances des rois de France. Vol. 1–3. P., 1611.

Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique. Vol. 1–22. P., 1723–1849.

Ordonnances des rois de France, règne de François I (1515–1539). Vol. 1–8; fasc. 1–3. P., 1902–1972.

Recueil général des anciennes lois français / Ed. F.-A. Isambert et al. Vol. 1–22. P., 1821–1833.

Публикации документов муниципального происхождения

Le Registre des compagnies français (1449–1467) / Ed. J. Favier. P., 1977.

Registres des délibérations du Bureau de la Ville de Paris (1499–1628) / Publ. par F. Bonnardot et al. Vol. 1–19. P., 1883–1958.

Renouard Ph. Documents sur les imprimeurs, libraires, cartiers, graveurs, fondeurs de lettres ayant exercé à Paris de 1450 à 1600. Paris, 1901.

Юридические трактаты, кутюмы и пособия по юридической и нотариальной практике

Bouhier J. Observations sur les coutumes de Bourgogne. Vol. 1–2. Dijon, 1742–1746.

Bredin le Cocu. (Du Troncy B.) Formulaire fort récréatif de tous contracts, donations, testament, codicilles et autres actes qui sont faicts et passés pardevant notaires et tesmoins. Lyon, 1590.

Brillon J.P. Dictionnaire des arrêts ou jurisprudence universelle. P., 1727. T. 3.

Cassan J. Le nouveau et parfait notaire français. P., 1684.

Choppin R. Commentaires sur les coutumes de la prevosté et vicomté de Paris // Œuvres. P., 1662. T. 3.

Cothereau Ph. La théorie et pratique des notaires. 2 éd. P., 1620.

Coutume de la prevosté et vicomté de Paris. P., 1580.

Coutume de la ville, prevosté et vicomté de Paris ou droit civil parisien: Avec les commentaires de L. Charondas le Caron. Vol. 1–2. P., 1603.

Ferriere Cl. La science parfaite des notaires ou le moyen de faire un parfait notaire. P., 1682.

Le Protocole. L'art et stille des tabellions notaires. P., 1550.

Le Vest B. Arrêts célèbres et mémorables du Parlement de Paris. P., 1612.

Loisel A. Le dialogue des avocats du Parlements de Paris // Divers traités tirés des mémoires de m. A. Loysel. P., 1651.

Louet G. Recueil d'aucuns notables arrests donnez en la cour de Parlement de Paris. P., 1633.

Loyseau Ch. Traité des ordres et simples dignités // Les œuvres de maistre Charles Loyseau, parisien. P., 1640.

Papon J. Instrument de premier notaire. Lyon, 1576.

Papon J. Le second notaire. Lyon, 1576.

Papon J. Secrets du troisième et derniere notaire. Lyon, 1578.

Sainte Marthe A. Discours au Roy sur le rétablissement de la bibliothèque royale de Fontainebleau // Plaidoyez de Messire Nicolas de Corberon avec les arrests intervenues sur ces plaidoyez. P., 1693.

Theorique de l'art des notaires: Pour cognoistre la nature de tous contrats... / Trad. de Latin en François et succinctement adaptée aux ordonnances royaux par Pardoux de Prat, docteur es droict, et revue et augmentée de nouveau. Lyon, 1582.

Нарративные источники

Antonio de Guevara. L'Horloge des princes. P., 1588.

Bacon Fr. De Dignitate et argumentis scientiarum // Philosophical Work / Ed. J. Robertson. L., 1905.

Brodeau L. La vie de maistre Charles du Moulin. P., 1654.

Chronique du roy François premier de ce nom / Ed. par G. Guiffrey. P., 1860.

Cormier T. Rerum gestarum Henrici II, regis Galliae, libri quinque. P., 1584.

De commendatione cleri // University records and life in the Middle Ages / Ed. par L. Thorndike. NY., 1944 (Рус. пер. см.: Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994. Т. 2.)

Driart P. Chroniques parisiennes, 1522–1535 / Publ. par F. Bournon // Memoires de la société de l'Histoire de Paris et de l'Ile-de-France. P., 1895. T. XXII.

Du Boulaeus C.-E. Historia universitatis Parisiensis. Vol. 1–6. P., 1666–1673.

Du Breul J. Théâtre des antiquités de la Ville de Paris. P., 1612.

Du Fail N. Les popos Rustiques: Texte original de 1547 / Ed. A. Borerie. P., 1878; Genève, 1970.

Erasmus D. Opus epistolarum / Ed. P.S. Allen, H.N. Allen. Vol. 1–8. Oxford, 1906–1934.

Gerson J. Vivat rex! // Œuvres français. P., 1968. T. 7.

Gouberville G. de. Le journal du sire de Gouberville / Ed. E. de Robillard de Beaupaire. Caen, 1893.

Guillaume de Lorris, Jean de Meung. Le Roman de la Rose / Ed. D. Poirion. P., 1974.

Haton Cl. Mémoires contenant le récit des événements accomplis de 1553 à 1582, principalement dans La Champagne et La Brie / Ed. intégrale sous la dir. de F. Bourquelot. Vol. 1–2. P., 1857.

Jamot F. De Obitu Petri Gallandi. P., 1560.

Journal d'un bourgeois de Paris / Publ. par L. Lalanne. P., 1854.

Journal d'un bourgeois de Paris sous le règne de François I, 1515–1536 / Ed. par V.L. Bourielly. P., 1910.

La Popelinier L. L'histoire de France enrichie des plus notables occurences survenues es provinces de l'Europe et pays voisins... Vol. 1–2. La Rochelle, 1581.

- Le Grand Propriétaire de toutes choses. Lyon, 1556.
- Michel de l'Hospital*. Discours pour la majorite de Charles IX et trois autres discours / Publ. par R. Descimon. P., 1993.
- Montaigne M. de*. Essais. P., 1991.
- Panagius Salis*. Im Ronsardum epicedion, ad pias Gallandii lachrymas. P., 1586.
- Pisan Christine de*. Le livre du corps du policie / Ed. H. Lucas. Genève, 1967. (Рус. пер. *Кристина Пизанская*. Из книги о граде Женском / Пер. Ю.П. Малинина // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. М., 1991. С. 218–256.)
- Rabelais F.* Gargantua. Pantagruel. Le tiers livre. Le Quart Livre. Le cinquième Livre. P., 1972.
- Ramus P.* Harangue de Pierre de la Ramée touchant ce qu'ont faict les deputès de l'Université de Paris. P., 1557.
- Roiller Cl.* Ode ad Guill. Gallanium gymnasiarchum becodianum... Cui accessit eiusdem de obitu Petri Gallandii elegia. P., 1559.
- Versoris N.* Livre de raison de Me Nicolas Versoris, avocat au Parlement de Paris, 1519–1530 / Publ. par G. Fagniez // Mémoires de la Société de l'Histoire de Paris et de l'Ile-de-France. P., 1885. Vol. 12. P. 99–222.
- Seyssel Cl. de*. De la monarchie de France / Ed. par J. Poujol. P., 1961.
- Sorel Ch.* La vraie histoire comique de Francion. P., 1996.
- Брантом*. Галантные Дамы / Пер. А.Д. Михайлова. М., 1998.
- Кастильоне Б.* Придворный / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI в. СПб., 2002.
- Монтень М.* Опыты. М., 1996.
- Платтер Ф.* Жизнеописание Фомы Платтера // Сперанский Н.В. Очерки по истории народной школы в Западной Европе. М., 1898.

Справочные и библиографические издания

- Furetiere A.* Le dictionnaire universel. La Haye; Rotterdam, 1690.
- Index des livres interdits. Sherbrooke, 1985. Vol. 1: Index de l'Université de Paris / Sous la dir. de J.M. De Bujanda.
- Renouard Ph.* Repertoire des imprimeurs parisiens: Libraires, fondeurs de caractères et corecteurs d'imprimerie. P., 1965.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамсон М.Л. Супруги, их родные и близкие в южноитальянском городе высокого средневековья (X–XIII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 103–135.

Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики: Французская историческая школа “Анналов” в современной историографии. М., 1983.

Баблон Ж.П. Генрих IV. Ростов-на-Дону, 1999.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991.

Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1988. Т. 2: Игры обмена.

Варфоломеевская ночь: Событие и споры. М., 2001.

Вите О. Творческое наследие Б.Ф. Поршнева и его современное значение // Полития. 1998. № 3.

Гинзбург К. Сыр и черви. М., 2000.

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. В 4 т. М., 1999–2000.

Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопр. истории. 1991. № 2/3. С. 21–36.

Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981.

Данилов А.И. Историческое событие и историческая наука // Средние века. 1980. Вып. 43. С. 13–81.

Двор монарха в средневековой Европе: Явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.; СПб., 2001. Вып. 1.

Десмон Р. Варфоломеевская ночь и парижская “ритуальная революция” // Варфоломеевская ночь: Событие и споры. М., 2001. С. 138–189.

Десмон Р. Дворянство, “порода” или социальная категория? Поиски новых путей объяснения феномена дворянства во Франции нового времени // Французский ежегодник, 2001. М., 2001. С. 14–35.

Десмон Р. Политический брак короля с республикой во Франции XV–XVIII вв.: Функции метафоры // Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002.

Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию “стиля жизни” к “культурной истории повседневности” // Одиссей, 2000. М., 2000. С. 98–124.

Дэвис Н. Земон. Возвращение Мартена Герра. М., 1990.

Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии // Французский ежегодник, 2001. М., 2001.

Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994.

Иванова Н.В. О религии в Религиозных войнах (обзор дискуссии в журнале “Французские исторические исследования”) // Варфоломеевская ночь: Событие и споры. М., 2001. С. 226–237.

История в сослагательном наклонении // Одиссей, 2000. М., 2000. С. 5–85.

История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 3.

Кожокин Е.М. Французская буржуазия на исходе старого порядка // Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989. С. 132–136.

Копосов Н.Е. Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990.

Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001.

Копосов Н.Е. Франция: Политические структуры абсолютизма // История Европы. М., 1993. Т. 3. С. 174–187.

Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1898.

Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001.

Ле Гофф Ж. С небес на землю: Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе в XII–XIII вв. // Одиссей, 1991. М., 1991. С. 25–47.

Ле Руа Ладюри Э. Монтанью, окситанская деревня. Екатеринбург, 2001.

Левинсон К.А. Чиновники в городах Южной Германии XVI–XVII вв.: Опыт исторической антропологии бюрократии. М., 2000.

Лепти Б. Общество как единое целое: О трех формах анализа социальной целостности // Одиссей, 1996. М., 1996.

Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX–начала XX в. М., 1979.

Лозинский А.А. Генеральный совет Лиги (из истории Католической лиги во Франции, 1584–1596) // Средние века. М., 1971. Вып. 33. С. 194–201; М., 1972. Вып. 34. С. 218–236.

Лозинский А.А. О росте населения Парижа в XVI в. // Средние века. М., 1973. Вып. 37. С. 146–173.

Лозинский А.А. Кульминационный этап гражданских войн во Франции XVI в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Львов, 1977.

Лучицкий И.В. Католическая лига и кальвинисты во Франции (Опыт истории демократического движения во Франции во второй половине 16 века). Киев, 1877.

Лучицкий И.В. Гугенотская аристократия и буржуазия на юге после Варфоломеевской ночи. СПб., 1870.

Люблинская А.Д. Франция в начале XVII в. (1610–1620). Л., 1959.

Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. М.; Л., 1965.

Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978.

Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. Л., 1979.

Малинин Ю.П. Средневековый “дух совета” // Одиссей, 1992. М., 1994. С. 176–192.

Малов В.Н. Новое о коллекции Ламуаньона: Итоги каталогизации // Западно-европейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб., 2001. С. 267–274.

Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер: Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.

Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 192–197.

Мишле Ж. Реформа (из истории Франции XVI века). СПб., 1861.

Молдавская М.А. Большой мятеж в Лионе в 1529 г. // Средние века. М., 1972. Вып. 35. С. 75–92.

Молдавская М.А. Народные движения и Реформация в Провансе в первой половине XVI в. // Средние века. М., 1985. Вып. 48. С. 195–213.

- Молдавская М.А.* Положение и условия труда рабочих-печатников Лиона и Парижа в 1500–1550 гг. // Средние века. М., 1959. Вып. 14. С. 108–116.
- Молдавская М.А.* Стачечное движение типографских рабочих во Франции в 1530–1540 гг. // Средние века. М., 1962. Вып. 21. С. 97–121.
- Молдавская М.А.* У истоков рабочего движения во Франции. Киев, 1989.
- Молдавская М.А.* Движение городских низов в Дижоне в первой половине XVI в. // Средневековый город. Саратов, 1975. С. 162–180.
- Молдавская М.А.* К вопросу о студенческих волнениях и борьбе гуманистической интеллигенции против феодально-католической реакции в Лангедоке в первой половине XVI в. // Средневековый город. Саратов, 1978. С. 164–175.
- Паульсен Ф.* Исторический очерк развития образования в Германии / Пер. с нем.; под ред. Н.В. Сперанского. М., 1908.
- Пименова Л.А.* Дворянство Франции в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство: Границы сословия. М., 1997. С. 50–80.
- Плешкова С.Л.* Французская монархия и церковь (XV–середина XVI в.) М., 1992.
- Пономарев А.Л.* Кого нет, того не сосчитать? Или сколько в Византии было знати и купцов // Математические модели исторических процессов. М., 1996. С. 236–244.
- Поршнев Б.Ф.* История и социальная психология. М., 1966.
- Поршнев Б.Ф.* Очерк политической экономии феодализма. М., 1956.
- Прокофьева Н.Д.* Акты венецианского нотариуса в Тане Донато а-Мано (1413–1419) // Причерноморье в Средние века / Отв. ред. С.П. Карпов. М., 2000. Вып. 4. С. 36–174.
- Райцес В.И.* Аженская коммуна. Л., 1992.
- Ревель Ж.* Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 253–254.
- Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей, 1996. М., 1996. С. 120–129.
- Репина Л.П.* “Персональная история”: биография как средство исторического познания // Казус, 1999. М., 1999. С. 76–100.
- Репина Л.П.* Комбинация микро- и макроподходов в современной британской и американской историографии: Несколько казусов и опыт их прочтения // Историк в поиске: Микро- и макроподходы к изучению прошлого: Доклады и выступления на конференции 5–6 октября 1998. М., 1999. С. 31–64.
- Репина Л.П.* “Новая историческая наука” и социальная история. М., 1998.
- Сказкин С.Д.* Реформация и Религиозные войны // История Франции. М., 1972. Т. 1. С. 181–227.
- Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю.* Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей, 2001. М., 2001. С. 199–215.
- Соколова М.Н.* Современная французская историография. М., 1979.
- Талызина А.А.* Венецианский нотариус в Тане: Кристофоро Риццо (1411–1412) // Причерноморье в Средние века / Отв. ред. С.П. Карпов. М., 2000. Вып. 4. С. 19–35.
- Тревелин Дж.М.* Социальная история Англии. М., 1959.
- Трофимова О.В.* Города в гугенотском движении во Франции XVI в. Ярославль, 1983.
- Трофимова О.В.* Материальные условия жизни городского населения Франции в период гугенотских войн // Проблемы истории Западной Европы развитого и позднего феодализма. Иваново, 1986. С. 109–127.
- Тушина Г.М.* Города в феодальном обществе Южной Франции. М., 1985.
- Уваров П.Ю.* Два брата-адвоката // Казус, 1996. М., 1997. Вып. 1. С. 213–224.

Уваров П.Ю. Дневник Николая Версориса (1519–1530): Круг общения и степень информированности средневекового горожанина // Общности и человек в средневековом мире. Москва; Саратов, 1982. С. 53–59.

Уваров П.Ю. Парижский университет: Европейский универсализм, местные интересы и идея представительства // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 4: Extra muros: Город, общество, государство. С. 51–65.

Уваров П.Ю. Университет в средневековом городе // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981. С. 135–150.

Уваров П.Ю. Французы XVI века: Взгляд из Латинского квартала. М., 1994.

Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье: Проблема становления феодализма. М., 2001.

Холт М.П. Почему избийений не было больше? Пример Дижона // Варфоломеевская ночь: Событие и споры. М., 2001. С. 72–85.

Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002.

Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок: Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996.

Червонная Т.М. Крестьянство юга Парижского бассейна в 16–17 вв. // Средние века. М., 1971. Вып. 33/34.

Червонная Т.М. Французская деревня по юридическим источникам XVI в. Саратов, 1992.

Чистозвонов А.Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1964.

Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие революции и российская историография // Французский ежегодник, 2000. М., 2000. С. 5–23.

Шишкин В.В. Эволюция французского королевского двора в конце XVI – первой трети XVII в. // Средние века. М., 1997. Вып. 59. С. 137–155.

Шишкин В.В. Мужчины в доме французской королевы (XVI–XVII века) // Двор монарха в средневековой Европе: Явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.; СПб., 2001. Вып. 1. С. 149–164.

Эльфонд И.Я. Тираноборцы. Саратов, 1992.

Эрланже Ф. Генрих III. Ростов-на-Дону, 1995; СПб., 2002.

Эрланже Ф. Диана де Пуатье. СПб., 2001.

Les actes notariés, source de l'histoire sociale (XVe–XIXe siècles): Actes du colloque de Strasbourg / Ed. J.L. Laffont. Strasbourg, 1979.

Ariès Ph. Histoire des populations françaises et de leurs attitudes devant la vie depuis le XVIIIe siècle. P., 1971.

Ariès Ph. L'Homme devant la mort. P., 1977.

Atti del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma, 1955.

Auffray J. Vues d'un politique du XVIe siècle sur la législation de son temps, également propres à réformer celle de nos jours. Amsterdam, 1775.

Autrand F. Naissance d'un grand corps juridique. P., 1982.

Autrand F. La force de l'âge: jeunesse et vieillesse au service de l'état en France aux XIVe et XVe siècles // Comptes rendus de l'Académie des inscriptions & belles-lettres. 1985 (janvier-mars). P. 205–223.

Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'Etat: Les gens du Parlement de P., 1345–1454. P., 1981.

Babelon J.-P. Paris au XVIe siècle. P., 1986.

Barnavi E. Le Parti de Dieu: Étude sociale et politique de la Ligue parisienne, 1585–1594. Leuven; Bruxelles, 1980.

- Barnavi E.* Réponse à R. Descimon [Descimon R. La Ligue: Des divergences fondamentales] // *Annales. E.S. C.* 1982. № 1 (janvier-février). P. 72–128.
- Barnavi E., Descimon R.* La Sainte Ligue, le Juge et la potence: L'assassinat du président Brisson (15 novembre 1591). P., 1995.
- Battany J.* Le vocabulaire des catégories sociales chez quelques moralistes français vers 1200 // *Ordres et classes: Communications (Colloque d'histoire sociale, Saint-Cloud, 24–25 mai 1967)*. P., 1973. P. 59–79.
- Baumgartner F.* Change and Continuity in the French Episcopate: The Bishops and the Wars of Religion, 1547–1610. Durham, 1986.
- Benassar B., Jacquart J.* Le XVIe siècle. P., 1972.
- Benedict Ph.* Rouen during the Wars of Religion. Cambridge, 1981.
- Bercé Y.-M.* Fete et Révolte: Des mentalités populaires du XVIe–XVIIe siècles. P., 1994.
- Billacois F.* Le duel dans la société française des XVIe–XVIIe siècles: Essai de psychologie historique. P., 1986.
- Bluche F.* Les magistrats du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. P., 1960.
- Bluche F.* L'Origine des magistrats du Parlement de Paris au XVIIIe siècle, 1715–1771. P., 1956.
- Bluche F.* L'Origine sociale des secrétaires d'Etat de Louis XIV (1661–1714) // *Le XVIIe siècle*. 1959. № 42/43. P. 8–22.
- Bluche F.* Louis XIV. P., 1986.
- Bluche F., Solon J.-F.* La véritable hiérarchie sociale de l'Ancienne France: Le Tarif de la première capitulation (1695). Genève, 1983.
- Bois J.P.* Histoire de la vieillesse. P., 1994.
- Bois J.P.* Les vieux de Montaigne aux premières retraites. P., 1989.
- Boisnard L.* Dictionnaire des anciennes familles de Touraine. Mayenne, 1992.
- Boltanski L.* L'esprit du capitalisme. P., 1999.
- Boltanski L., Thevenot L.* Les économies de la grandeur. P., 1987.
- Boltanski L.* L'Amour et la justice comme compétences: Trois essais de sociologie de l'action. P., 1990.
- Bosher J.F.* "Chambre de justice" in the French monarchy // *French Government and Society (1500–1850): Essays in Memory of A. Cobban*. London, 1973. P. 19–40.
- Bourdieu P.* Homo academicus. P., 1982.
- Bourdieu P.* La noblesse d'Etat. P., 1989.
- Boureau A.* Le Simple corps du roi: L'impossible sacralité des souverains français, XV–XVIII siècles. P., 1988.
- Bourgeon J.-L.* Les Colbert avant Colbert: Destin d'une famille marchande. P., 1973.
- Bourquin L.* Les objets de la vie dans la première moitié du XVIe siècle à travers cent inventaires après décès parisiennes // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1989. № 3. P. 484–496.
- Bourquin L.* Noblesse seconde et pouvoir en Champagne aux XVIe et XVIIe siècles. P., 1994.
- Bouvet M., Bourdin P.M.* A travers la Normandie des XVIIe et XVIIIe siècles. Caen, 1968.
- Boyer-Xambeu M.-T., Deleplace G., Gillard L.* Monnaie privée et pouvoir des princes: L'économie des relations monétaires à la Renaissance. P., 1986.
- Braudel F.* Civilisation matérielle, économie et capitalisme. XVe–XVIIIe siècles. P., 1979. T. 2: Les Jeux de l'échange. (Рус. пер.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII в. М., 1988. Т. 2. Игры обмена.)
- Brodeaus L.* La vie de maistre. Charles du Moulin. P., 1654.

Brokliss L.W. Patterns of Attendance at the University of P., 1400–1800 // *Les universités européennes du XVIe au XVIIIe siècle: Histoire sociale des populations étudiantes*. P., 1989. T. 2. P. 488–492.

Brown E. The Tyranny of à Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe // *American Historical Review*. 1975. P. 1063–1085.

Brown E., Famiglietti R. The Lit de Justice: Semantics, Ceremonial and the Parlement of Paris, 1300–1600. Sigmaringen, 1994.

Bryant L.M. The King and City in the Parisian Royal Entry Ceremony. Genève, 1986.

Cabourdin G., Viard G. Lexique historique de la France de l'Ancien Régime. P., 1978.

Cabourdin G. Terre et Hommes en Lorraine (1550–1635): Toulous et comté de Vaudemont. Nancy, 1977.

Carluer J.-Y. Les protestants bretons (XVIe–XVIIe siècle): These dactylographiée. Université de Rennes II. 1992. Vol. 1–2.

Carpi-Mailly O. La famille des Spifame: Mémoire sous la direction de N. Lemaitre. 1993. Manuscrit.

Carron V.-T. La noblesse dans le duché de Bourgogne. Lille, 1987.

Cassan M. Le Temps des guerres de Religion: Le cas du Limousin (vers 1530 – vers 1630). P., 1996.

Catherinot N. Le Prest gratuit. Bourges, 1679.

Cerruti S. La ville et les métiers: Naissance d'un langage corporatif (Turin, XVIIe–XVIIIe siècle). P., 1990.

Chartier R. Au bord de la falaise: L'histoire entre certitude et inquiétude. P., 1998.

Chartier R. Les élites et les queux // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1974. Vol. 21. P. 376–388.

Chartier R. Espace social et imaginaire social: Les intellectuels frustrés au XVIIe siècle // *Annales. E.S.C.* 1981. N 2. P. 389–399.

Chartier R. Les origines culturelles de la révolution française. P., 1990.

Chartier R., Compère M.-M., Julia D. L'Éducation en France du XV au XVIII siècle. P., 1982.

Charton-Le Clech S. Chancellerie et Culture au XVIe siècle: Les notaires et secrétaires du roi de 1515 à 1547). Toulouse, 1993.

Chaunu P. Histoire, science sociale: La durée, l'espace et l'homme à l'époque moderne. P., 1974.

Chaunu P. Eglise, culture et société: Essais sur Reforme et Contre-Reforme (1517–1620). P., 1981.

Chaunu P. La Mort à Paris: XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles / Avec la collaboration d'A. Pardaihé-Galabrun et al. P., 1978.

Chaunu P. Niveau de culture et Réforme // *Bulletin de la société de l'histoire du protestantisme français*. 1972. P. 301–326.

Chaunu P. La reforme protestante. Bruxelles, 1984.

Chaunu P. Le temps des réformes: La crise de la chrétienté: L'éclatement, 1250–1550. P., 1975.

Chevalier B. Les bonnes villes de France du XIVe au XVIe siècle. P., 1982.

Chiffolleaux J. La comptabilité de l'au-delà: Les hommes, la mort et la religion dans le région d'Avignon à la fin du Moyen Age, vers 1320–1489. Rome, 1980.

Cloulas I. Henri II. P., 1985.

Constant J.-M. La ligue. P., 1996.

Constant J.-M. La société française aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècle. Aubier, 1982.

Constant J.-M. La vie quotidienne de la noblesse français aux XVIe et XVIIe siècles. Lille, 1981.

- Contamine Ph.* La noblesse au royaume de France de Philippe le Bel à Louis XII. P., 1997.
- Corcia J. di.* Bourg, Bourgeois: Bourgeois de Paris from the Eleventh to the Eighteenth century // *Journal of Modern History*. 1978. N 50. P. 207–233.
- Couturier M.* Recherches sur les structures sociales de Chateaudun, 1525–1789. P., 1969.
- Couturier M.* Vers une nouvelle méthodologie mécanographique: La préparation des données. P., 1966.
- Crevier J.-B.* Histoire de l'Université de Paris. P., 1761. T. 6.
- Cristin O.* La Paix de religion: L'autonomisation de la raison politique au XVIe siècle. P., 1997.
- Croix A.* L'homme et son entourage // *Histoire culturelle de la France*. P., 1997. Vol. 2: De la Renaissance à l'aube des Lumières.
- Croix A.* L'Âge d'or de la Bretagne, 1532–1675. Rennes, 1993.
- Croix A.* La Bretagne aux XVIe et XVIIe siècles: La vie, la mort, la foi. P., 1981.
- Crouzet D.* La gènese de la Reforme française, 1500–1562. P., 1996.
- Crouzet D.* La Nuit de la Saint-Barthélemy: Un rêve perdu de la Renaissance. P., 1994.
- Crouzet D.* La Sagesse et le Malheur: Michel de l'Hospital, Chancelier de France. P., 1998.
- Crouzet D.* Les Guerriers de Dieu: La violence au temps des troubles de religion, vers 1525–1610. Vol. 1–2. Seyssel, 1990.
- Darnon R.* The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. N.Y., 1984.
- Daumard A.* Structures sociales et classement socio-professionnel: L'apport des archives notariales au XVIIIe et au XIXe siècles. Projet de codes socio-professionnel // *Revue historique*. 1962. Vol. 227. P. 139–154.
- Daumard A., Furet F.* Méthodes de l'histoire sociale: Les archives notariales et la mécanographie // *Annales. E.S.C.* 1959. Vol. 14. P. 676–693.
- Daumard A., Furet F.* Problèmes de méthode en histoire sociale: Réflexions sur une note critique // *Revue de l'histoire moderne et contemporaine*. 1964. Vol. 11. P. 291–298.
- Daumard A., Furet F.* Structures et relations sociales à Paris au milieu du XVIIIe siècle. P., 1961.
- Davis N. Zemon.* Grève et salut à Lyon // *Les cultures du peuples. Rituels, savoirs et résistances au XVIe siècle*. P., 1979. P. 15–39.
- Davis N. Zemon.* Society and Culture in Early Modern France. Stanford, 1975.
- Davis N. Zemon.* Stories and the Hunger to Know // *The Yale Journal of Criticism*. 1992. Vol. 5, № 2. P. 159–165.
- Davis N. Zemon.* The Fictions in Archives: Pardon and their Tellers in Sixteenth-Century France. Stanford, 1987. (Франц.: *Davis N. Zemon.* Pour sauver sa vie: Les récits de pardon au XVIe siècle. P., 1988).
- Davis N. Zemon.* The Gift in Sixteenth Century France. Oxford, 2000.
- Davis N. Zemon.* The Sacred and the Body Social in Sixteenth-Century Lyon // *Past and Present*. 1981. Vol. 90. P. 40–60.
- Delmas A. Gaillard, Jacques et Raoul Spifame:* Etude d'une famille au XVIe siècle: Position des thèses de l'Ecole des Chartes. P., 1943.
- Delmas A.* Procès et mort de Jacques Spifame // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. P., 1944. Vol. 5. P. 105–137.
- Delumeau J.* Histoire vécue du peuple chrétien. Toulouse, 1979.
- Delumeau J.* L'Aveu et le Pardon: Les difficultés de la confession (13e–18e siècles). P., 1990.

- Delumeau J.* La Peur en Occident (XIVe–XVIIIe siècles). P., 1978.
- Delumeau J.* Le Péché et la Peur: La culpabilisation en Occident d'autrefois. P., 1989.
- Descimon R.* Élitisme parisiens entre XVe et XVIIe siècles: Du bon usage du Cabinet des titres // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. 1997. Vol. 155, part. 2. P. 607–644.
- Descimon R.* La Ligue à Paris (1585–1594): Une Révision // Annales. E.S.C. 1982. N° 1 (janvier-février). P. 41–58.
- Descimon R.* La Ligue: Des divergences fondamentales // Annales. E.S.C. 1982. Vol. 1 (janvier-février). P. 72–128.
- Descimon R.* Modernité et archaïsme de l'Etat monarchique: Le Parlement de Paris saisi par la vénalité (XVIe siècle) // L'Etat moderne: Genèse (bilan et perspectives). Actes du colloque des 19–20 septembre 1989. P., 1990. P. 147–161.
- Descimon R.* Qui étaient les Seize? Mythes et réalités de la Ligue parisienne. 1585–1594. P., 1983.
- Le désordre des familles: Lettres de cachet des archives de la Bastille au XVIIIe siècle / Ed. A. Farge et M. Foucault. P., 1982.
- Dessert D.* Argent, pouvoir et société au Grand siècle. P., 1984.
- Deyon P.* Amiens, capitale provinciale: Etude sur la société urbaine au XVIIe siècle. Paris; La Haye, 1967.
- Dictionnaire de l'Ancien Régime / Sous la dir. de Lucien Bély. P., 2002
- Dictionnaire des lettres françaises. P., 1961.
- Diefendorf B.* Beneath the Cross: Catholics and Huguenots in Sixteenth-Century. Paris; Oxford, 1991.
- Diefendorf B.* Paris City Councilors in the Sixteenth Century: The Politics of Patrimony. Princeton, 1993.
- Dolain C.* Le notaire, la famille et la ville (n Aix-en-Provence à la fin de XVIe siècle. Toulouse, 1997.
- Dosse F.* L'Empire du sens: L'Humanisation des sciences humaines. P., 1995.
- Dosse F.* L'Histoire en miettes: des "Annales" à la "Nouvelle histoire". P., 1987.
- Doucet R.* Les Institutions de la France au XVIe siècle. Vol. 1–2. P., 1948.
- Drouot H.* Mayenne et la Bourgogne, 1587–1596. Vol. 1–2. P., 1937.
- Dupâquier J., Dupâquier M.* Histoire de la démographie. P., 1985.
- Dupront A.* Le mythe de la Croisade. Vol. 1–4. P., 1997.
- Edelstein M.M.* The Social Origins of the Episcopacy in the Reign of Francis I // French Historical Studies. 1974. T. 8, N° 3/4. P. 377–392.
- El Kenz D.* Les bûchers du roi: La culture protestante des martyrs (1523–1572). Seyssel, 1997.
- Engelmann J.* Les testaments coutumiers au XVe siècle. Genève, 1975.
- Estivals R.* Le Dépôt légal sous l'Ancien Régime en France, de 1537 à 1791. P., 1961.
- Etchehoury M.* Les maîtres des requêtes de l'Hôtel du Roi sous les derniers Valois (1553–1589). P., 1991.
- Farge A.* Le Gout des archives. P., 1989.
- Farge A.* Des lieux pour l'histoire. P., 1997.
- Farge J.K.* Bibliographical Register of Paris doctors of theology: 1500–1536. Toronto, 1990.
- Farge J.K.* Orthodoxy and Reform in Early Reformation France: The Faculty of Theology of P., 1500–1543. Leiden, 1985.
- Farge J.K.* Le parti conservateur au XVIe siècle: Université et Parlement de Paris à l'époque de la Renaissance et de la Réforme. P., 1992.
- Farge J.K.* Registre des procès-verbaux de la Faculté de Théologie de l'Université de Paris de janvier 1524 à novembre 1553. P., 1990.

- Farr J.R.* Hands of Honor: Artisans and their World in Dijon: 1550–1650. Ithaca; London, 1988.
- Fauve J.* Le prêt à intérêt dans l'ancienne France: These du Droit. P., 1900.
- Febvre L.* Le Probleme de l'incroyance au XVIe siècle. La religion de Rabelais. P., 1942.
- Fedou R.* Les Hommes de loi lyonnais à la fin du Moyen Age: Etude sur les origines de la classe de robe. P., 1964.
- Felibien M.* Histoire de la ville de Paris. Vol. 1–2. P., 1725.
- Foisil M.* Un sir de Gouberville: Un gentilhomme campagnard au XVIe siècle. P., 1981.
- Foucault M.* Histoire de la folie à l'âge classique. P., 1972.
- Foucault M.* Surveiller et punir: Naissance de la prison. P., 1975.
- Furet F.* L'Histoire quantitative et la construction du fait historique // Annales. E.S.C. 1971. № 1. P. 63–75.
- Gariel E.* La fin des Spifame: Le testament et les codicilles de Samuel Spifam. (À paraître).
- Garrissou J.* Les protestants au XVIe siècle. P., 1988.
- Gascon R.* Grand commerce et vie urbaine au XVIe siècle: Lyon et ses marchands (environs de 1520–1580). Vol. 1–2. Paris; La Haye, 1971.
- Gauchet M.* L'Etat au miroir de la raison d'Etat: La France et la chrétienté // Raison et déraison d'Etat. P., 1994. P. 193–244.
- Geremek B.* Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles. P., 1976.
- Gisy R.* The royal funeral ceremony in renaissance France. Genève, 1960.
- Godelier M.* L'Occident, miroir brisé: Une évaluation partielle de l'anthropologie sociale assortie de quelques perspectives // Annales. E.S.C. 1993. Vol. 4. P. 1183–1207.
- Goubert P.* Mazarin. P., 1990.
- Goubert P.* Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Vol. 1–2. P., 1960.
- Goujet Cl.-P.* Mémoire historique et littéraire sur le Collège royal de France. P., 1758.
- Gribaudo M.* Mondo operaio e mito operaio: Spazi e percorsi sociali a Torino nel primo novecento. Torino, 1987.
- Greengrass M.* The French Reformation. L., 1987.
- Gruder V.* The royal provincial intendants: A governing elite in XVIIIth century France. Ithaca, 1968.
- Guennée B.* Entre l'Eglise et l'Etat: Quatre vies de prélats français à la fin du Moyen Age, XIIIe–XVe siècle. P., 1987.
- Guennée B.* L'Occident aux XIVe et XVe siècles: Les états. P., 1971.
- Guenée B.* Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis à la fin du Moyen Âge. Srasbourg, 1963.
- Guerreau A.* L'Avenir d'un passé incertain: Quelle histoire du Moyen Âge au XXIe siècle. P., 2001.
- Hamon Ph.* L'argent du Roi: Les Finances et gens de finances au temps de François Ier. P., 1994.
- Hamon Ph.* Messieurs des finances: Les grands officiers de finance dans la France de la Renaissance. P., 1999.
- Haneley S.* The "Lit de justice" of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual and Discourse. Princeton, 1980.
- Harding R.* Anatomy of a Power Elite, the Provincial Governors of Early Modern France. New Haven; London, 1978.
- Harding R.* Revolution and Reform in the Holy League: Angers, Rennes, Nantes // Journal of Modern History. 1981. Vol. 55, № 3. P. 379–416.

- Hauser H.* La crise de 1557–1559 et le bouleversement des fortunes // *Mélanges offerts à M. Abel Lefranc*. P., 1940.
- Hauser H.* Etudes sur la Réforme française. P., 1909.
- Hauser H.* La naissance du protestantisme. P., 1940.
- Hauser H.* La modernité du XVIe siècle. P., 1941.
- Heller H.* Labour, Science and Technology in France, 1500–1620. Toronto, 1997.
- Heller H.* The Conquest of Poverty: The Calvinist Revolt in Sixteenth Century France. Leiden, 1986.
- Heller H.* The Iron and the Blood: Civil Wars in Sixteenth Century France. Montréal; Kingston, 1991.
- Hervier D.* Pierre le Gendre et son inventaire après décès: Une famille parisienne à l'aube de la Renaissance: Etude historique et méthodologique. P., 1977.
- Histoire culturelle de la France / Sous la dir. de J.P. Rioux et J.-F. Sirinelli. P., 1997–1998. 4 vol.
- Histoire de la France rurale / Sous la dir. G. Duby et A. Wallon. P., 1975. T. 2: L'Age classique des paysans: de 1340–1789 / Par H. Neveux, J. Jacquart, E. Le Roy Ladurie.
- Histoire de la France urbaine / Sous la dir. de G. Duby. P., 1981. T. 3.
- Histoire de la population française / Sous la dir. de J. Dupaquier. P., 1988. T. 2.
- Histoire des Universités en France / Sous la dir. de J. Verger. P., 1986.
- Histoire économique et sociale de la France / Sous la dir. de F. Braudel, E. Labrousse. P., 1977. T. 1: De 1450 à 1660. 1. L'Etat et la ville / Par P. Chaunu et R. Gascon. 2. Paysannerie et croissance / Par E. Le Roy Ladurie et M. Morineau.
- Histoire mondiale de l'éducation. P., 1981. T. 2.
- Histoire sociale et actes notariés: Problèmes de méthodologie (Actes de la table ronde du 20 mai à Toulouse). Toulouse, 1989.
- L'Histoire sociale: Ordres et classes: Communications (Colloque d'histoire sociale. Saint-Cloud, 24–25 mai 1967). Paris; La Haye, 1973.
- L'Histoire sociale: Sources et méthodes: Colloque de Saint-Cloud. 1965. P., 1967.
- Holt P.M.* Popular political culture and mayoral elections in sixteenth-century Dijon // *Society and Institution in Early Modern France: Essays presented to J. Russell Major*. (Athens, GA) Georgetown, 1991.
- Holt P.M.* Wine, community and Reformation in sixteenth-century Burgundy // *Past and Present*. 1993. № 138 (fevr.). P. 58–93.
- Hoye W.J.* The Religious Roots of Academic Freedom // *Theological Studies*. 1997. Vol. 58, Issue 3. P. 409–428.
- Huppert G.* Les bourgeois gentilshommes: An Essay on the Definition of Elites in Renaissance France. Chicago; London, 1977.
- Huppert G.* Public Schools in Renaissance France. Urbana, 1984.
- Huppert G.* The Idea of Perfect History. N.Y., 1970.
- Huppert G.* The Style of Paris: Renaissance Origins of the French Enlightenment. Bloomington, 1999.
- Introduction à l'Etat moderne: Genèse, bilan et perspective. P., 1990.
- Jacquart J.* François I. P., 1981.
- Jacquart J.* La crise rurale en Ile-de-France, 1550–1670. P., 1974.
- Jacquart J.* Société et vie rurale dans le sud de la région parisienne du milieu de XVIe au milieu du XVIIe siècle. P., 1971.
- Jeanclous Y.* Les projets de réforme judiciaire de Raoul Spifame. Genève, 1977.
- Jeannin P.* Les marchands au XVIe siècle. P., 1969.
- Jouanna A.* L'idée de race en France au XVIe siècle et au début du XVIIe siècle. Vol. 1–3. Lille; P., 1976.
- Jouanna A.* Le Devoir de révolte: La noblesse française et la gestation de l'Etat moderne (1559–1661). P., 1989.

- Joxe P.* L'Edit de Nantes: Une histoire pour aujourd'hui. P., 1998.
- Julia D.* L'Histoire des universités en France. Toulouse, 1986.
- Kaiser C.* Les cours souveraines au XVIe siècle: Morale et Contre-Réforme // *Annales. E.S.C.* 1982. Vol. 37. P. 15–31.
- Kaiser W.* Marseille au temps des troubles: Morphologie sociale et luttes de factions, 1559–1596. P., 1991.
- Kantorowicz E.H.* The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1970.
- Keitering Sh.* Patrons, Brokers and Clients in Seventeenth Century France. Oxford, 1986.
- Knecht R.J.* Francis I and Paris // *History*. 1981. N LXVI. P. 18–33.
- Knecht R.J.* Francis I. Cambridge, 1982.
- Knecht R.J.* Renaissance Warrior and Patron: The Reign of Francis I. Cambridge, 1994.
- Koenigsberger H.G.* The Organization of Revolutionary Parties in France and The Netherlands during the Sixteenth Century // *Journal of Modern History*. 1955. T. 27. P. 335–351.
- Konnert M.* Urban Values Versus Religious Passion: Châlon-sur-Marn during the Wars of Religion // *The Sixteenth Century Journal*. 1989. Vol. 20. P. 387–405.
- Labrousse E.* La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. P., 1943.
- Labrousse E.* Voies nouvelles vers une histoire de la bourgeoisie occidentale aux XVIIIe et XIXe siècles // *Relazioni del X Congresso internazionale di Scienze Storiche* (Roma, 1955). Firenze, 1955. Vol. 4. P. 365–396.
- Laffont J.-L.*, ed. Notaires, notariat et société sous l'Ancien Règime, Toulouse, 1990.
- Laffont J.-L.*, ed. Problèmes et méthodes d'analyse historique de l'activité notariale (XVe–XIXe siècles), Toulouse, 1991.
- La Nouvelle histoire*. P., 1978.
- Lapeyre A., Scheurer R.* Les notaires et secrétaires du Roi sous les règnes de Louis XI, Charles VIII et Louis XII (1461–1515): Notices personnelles et généalogiques. Vol. 1–2. P., 1978.
- Le Goff J.* Saint Louis. P., 1996.
- Le Houx F.* Le cadre de vie des médecins parisiens, aux XVI et XVII siècles. P., 1976.
- Lemaitre N.* Le scribe et le mage, notaires et société rurale en Bas-Limousin aux XVIe et XVIIe siècles. Ussel, 2000.
- Le Roy de Lincy P.* Histoire de l'Hôtel de Ville de Paris. P., 1846.
- Le Roy Ladurie E.* Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. P., 1975.
- Le Roy Ladurie E.* Le territoire de l'historien. P., 1973.
- Le Roy Ladurie E.* Les paysans du Languedoc. Vol. 1–2. P., 1966.
- Le Roy Ladurie E.* Saint-Simon ou le Systeme de la cour. P., 1997.
- Le Roy Ladurie E.* Carnaval des Romains: De la Chandeleur au mercredi des Cendres (1579–1589). P., 1979.
- Lebrun F.* La Vie conjugale sous l'Ancien régime. P., 1985.
- Lecoq A.-M.* François Ier imaginaire: Symbolique et politique à l'aube de la Renaissance française. Toulouse, 1987.
- Lefranc A.* Histoire du Collège de France. P., 1893.
- Levi G.* L'eredità immateriale: Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento. Torino, 1985.
- Lhuillier Th.* Un seigneur des Granges-près-Melun, au XVI siècle // *Bulletin de la société d'archéologie, sciences, lettres et arts du département de Seine-et-Marne*. Meaux, 1878. Vol. 82. P. 81–89.

- Limon M.-F.* Les notaires au Châtelet de Paris sous le règne de Louis XIV: étude institutionnelle et sociale, Toulouse, 1992.
- Lublinskaia A.D.* French Absolutism: The Crucial Phase, 1620–1629. Cambridge, 1968.
- Major J. Russell.* Representative Institutions in Renaissance France (1421–1559). Madison, 1960.
- Major J. Russell.* The Crown and the Aristocracy in Renaissance France // American Historical Review. 1964. T. LXIX, № 3–4. P. 631–645.
- Mandrou R.* Introduction à la France moderne: Essai de psychologie historique (1500–1640). P., 1961.
- Mandrou R.* Magistrats et Sorciers en France au XVIIe siècle: Une analyse de psychologie historique. P., 1968.
- Mariéjol J.-H.* La Réforme, la Ligue, l'édit de Nantes // L'histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution / Ed. par E. Lavisse. P., 1911. Vol. 6.
- Martin H.-J.* Livre, Pouvoir et Société à Paris au XVIIe siècle (1598–1701). Vol. 1–2. P., 1977.
- Mathorez J.* Un radical socialiste sous Henri II: Raoul Spifame // Revue politique et parlementaire. 1914. T. LXXIX. P. 538–559.
- Maugis E.* Histoire du Parlement de Paris de l'avènement des rois Valois à la mort d'Henri IV. Vol. 1–3. P., 1913–1916.
- Mentzer R.* The Legal Response to Heresy in Languedoc, 1500–1560 // The Sixteenth Century Journal. 1973. № 1. P. 19–30.
- Menzer R.A.* Disciplina nervus ecclesiae: The Calvinist Reform of Morals at Nîmes // The Sixteenth Century Journal. 1987. T. 18, № 1. P. 89–115.
- Meyer C.A., Bently-Cranch D.* Florimond Robertet, homme d'état français. P., 1994.
- Meyer J.* La Noblesse bretonne au XVIIIe siècle. Vol. 1–2. P., 1966.
- Michaud Cl.* L'Eglise et l'argent sous l'Ancien Régime: Les receveurs du clergé de France aux XVIe–XVIIe siècles. P., 1991.
- Michaud H.* La Grande Chancellerie et les écritures royales au XVIe siècle (1515–1589). P., 1962.
- Michaud-Quantin P.* Le vocabulaire des catégories sociales chez les canonistes et moralistes du XIIIe siècle // L'histoire sociale: Ordres et classes: Communications (Colloque d'histoire sociale. Saint-Cloud, 24–25 mai 1967). Paris; La Haye, 1973.
- Milliot V.* Les Cris de Paris ou le peuple travesti: Les représentations des petits métiers parisiens (XVIe–XVIIIe siècles). P., 1995.
- Minois G.* Histoire de la vieillesse. P., 1994.
- Minois G.* Histoire de la vieillesse en Occident. P., 1987.
- Molinier A.* Aux origines de la Réformation cévenole // Annales. E.S.C. 1984. № 2. P. 240–264.
- Molinier A.* Professions, fortunes et niveau de culture en Haute-Cévenne au XVIe siècle // Etude sur Pézana. 1981 T. 12, № 4. P. 11–21.
- Morawski J.* Les douze mois figurez // Archivum romanicum. 1926. P. 363–375.
- Moriceau J.-M.* Les Fermiers de l'Île-de-France. P., 1994.
- Moulin H.* Portraits judiciaires: Jacques et Raoul Spifame. P., 1884.
- Mousnier R.* La plume, la faucille et le marteau: Institutions et société en France du Moyen Age à la Révolution. P., 1970.
- Mousnier R.* L'assassinat de Henri IV. P., 1964.
- Mousnier R.* Les concepts d' "ordres", d' "états", de "fidélité" de la fin du XVe à la fin de XVIIIe siècle // Revue historique. 1972. № 502. P. 282–312.
- Mousnier R.* Les hiérarchies sociales de 1480 à nos jours. P., 1969.
- Mousnier R.* Les structures administratives, sociales, révolutionnaires de Paris au temps de la seconde Ligue // Les cités au temps de la Renaissance. P., 1977. P. 171–195.

- Mousnier R.* Problèmes de méthode dans l'étude des structures sociales des XVIe, XVIIe, XVIIIe siècles // Idem. La plume, la faucille et le marteau: Institutions et société en France du Moyen Age à la Révolution. P., 1970. P. 12–26.
- Mousnier R.* Recherches sur la stratification sociale à Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles: L'échantillon de 1634, 1635, 1636. P., 1975.
- Mousnier R.* Venalité des offices. Rouen, 1945.
- Mousnier R., Labatut J.P., Durand Y.* Deux cahiers de la noblesse pour les Etats Généraux de 1649–1651. P., 1965.
- Mouton L.* La Vie municipale au XVIe siècle: Claude Marcel, prévôt des marchands (1520–1596). P., 1930.
- Muchembled R.* La Société pollicée: Politique et politesse en France au XVIe au XXe siècle. P., 1988.
- Muchembled R.* L'Invention de l'homme moderne: Sensibilités, mœurs et comportements collectifs sous l'Ancien régime. P., 1988.
- Muchembled R.* La Sorcière au village: XVe–XVIIIe siècle. P., 1979.
- Muchembled R.* Le Roi et la sorcière: L'Europe des bûchers, XVe–XVIIIe siècle. P., 1993.
- Muchembled R.* La violence au village: Sociabilité et comportements populaires en Artois du XVe au XVIIe siècles. P., 1989.
- Nassiet M.* Noblesse et pauvreté: La petite noblesse en Bretagne XVe–XVIIIe siècles. Rennes, 1993.
- Nerval G., de.* Le roi de Bicetre (XVIe siècle): Raoul Spifame // Œuvres. P., 1958. P. 82–97.
- Neuschel K.B.* Word of Honor: Interpreting Noble Culture in Sixteenth Century France. Ithaca, 1989.
- Nicholls D.* Social Change and Early Protestantism in France: Normandy, 1520–1562 // The Historical Journal. 1982. T. 26. P. 279–308.
- Noiriel G.* Qu'est-ce que l'histoire contemporain? P., 1996.
- Noiriel G.* Sur la crise de l'histoire. P., 1996.
- Nys E.* Raoul Spifame: Avocat au Parlement de Paris // Revue de droit international et de législations comparée. 1890. T. 22. P. 481–519.
- Olivier-Martin F.* Histoire du Droit français. P., 1938.
- Olivier-Martin F.* La coutume de Paris. P., 1931. T. 2.
- Pallier D.* Recherches sur l'imprimerie à Paris pendant la Ligue, 1585–1594. Genève, 1975.
- Papon J.* Instrument de premier notaire. Lyon, 1575.
- Paravicini Bagliani A.* Il corpo del papa. Torino, 1994.
- Parent A.* Les métiers du livre à Paris au XVIe siècle (1535–1569). Genève, 1974; 2e ed, P., 1995.
- Pebay-Clottes I.* La vie religieuse dans le comté de Foix (1559–1643): Thèse de l'Ecole des Chartes. 1986. Vol. 1–3.
- Peronnet M.* Les Evêques de l'ancienne France (1516–1790). Paris; Lille, 1976.
- Perrot J.-C.* Genèse d'une ville moderne: Caen au XVIIIe siècle. Lille, 1974.
- Philippe de Novare* des quatre tenz d'age d'ome / Ed. par M. de Freville. P., 1888.
- Picot G.* Histoire des Etats Generaux. P., 1872. Vol. 2.
- Poisson J.-P.* Notaires et société: Travaux d'histoire et de sociologie notariales. Vol. 1–2. P., 1985–1990.
- Poisson J.-P.* Études notariales. P., 1996.
- Poisson J.-P.* Essais de notariologie, P., 2002.
- Poncet O.* Pomponne de Bellièvre (1529–1607): Un homme d'Etat au temps des guerres de Religion. Genève, 1998.

- Porchnev B.F.* Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648 P., 1963.
- Post G., Giocarini K., Kay R.* The Medieval Heritage of à Humanist Ideal: Scientia Donum Dei est, Unde Vendi non Potest // *Traditio*. 1955. Vol. 2. P. 195–234.
- Problèmes et méthodes d'analyse historique de l'activité notariale: XVe–XIXe siècles: Actes du colloque de Toulouse / Ed. J.L. Laffont. Toulouse, 1991.
- Procacci G.* Classi sociali e monarchia assoluta nella Francia della prima metà del secolo XVI. Torino, 1955.
- Quilliet B.* Les corps d'officiers de la Prevote et Vicomté de Paris et de l'Ile-de-France de la fin de la guerre de Cent Ans au début des guerres de Religion: Etude sociale. Vol. 1–2. Lille, 1982.
- Radzihovska O.* A propos du coût du travail à Aix-en-Provence au XVe siècle: apprentissage et salariat à travers les actes notariés // 120e Congrès national des soc. Hist. Aix-en-Provence, 1995. P. 21–30.
- Rambeaud P.* De la Rochelle vers l'Aunis: Réformés d'une province au XVIe siècle. Thèse d'Université Michel de Montaigne. Bordeaux-3, 2001.
- Reyndols S.* Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford, 1994.
- Richet D.* Aspects socio-culturels des conflits religieux à Paris dans la seconde moitié du XVIe siècle // *Annales. E.S.C.* 1977. № 4 (juillet-août). P. 764–789.
- Richet D.* De la Réforme à la Révolution: Études sur la France moderne. P., 1991.
- Richet D.* La France moderne: L'esprit des institutions. P., 1973.
- Richet D.* Une Famille de Robe: Les Séguier avant le Chancelier (Thèse secondaire pour le doctorat d'Etat). 1964.
- Ridder-Symoens H.* et al. Biographies des étudiants // Premier livre des procureurs de la nation germanique de l'ancienne Université d'Orléans (1444–1546). Vol. 1–3. Leiden, 1978–1985.
- Rise and Fall of Renaissance France. L., 1996.
- Roberts P.* Religious Conflict and the Urban Setting: Troyes during the French Wars of Religion // *French history*. 1978. Vol. 6. P. 259–278.
- Roche D.* Histoire des choses banales: Naissance de la consommation dans les sociétés traditionnelles (XVIIe–XIXe siècles). P., 1997.
- Roelker N.L.* The Appeal of Calvinism to French Noblewomen in the Sixteenth Century // *Journal of Interdisciplinary History*. 1972. T. 2. P. 391–418.
- Roelker N.L.* Queen of Navarre: Jeanne d'Albret, 1528–1572. Cambridge, 1968.
- Rosenberg D.L.* Social Experience and Religious Choice: A Case Study, the Protestant Weavers and Woolcombers of Amiens in the Sixteenth Century. New Haven, 1979.
- Roubiquet P.* Paris et la Ligue sous le règne de Henri III: Etude d'histoire municipale et politique. P., 1886.
- Salmon J.H.M.* The Paris Sixteen, 1584–1594: The Social Analysis of à Revolutionary Movement // *Journal of Modern History*. 1972. T. 44. P. 540–576.
- Sarazin J.-Y.* L'historien et le notaire: Acquis et perspectives de l'étude des actes privés de la France moderne // *Bibliothèques de l'École des chartes*. 2002. T. 160. P. 229–270.
- Schalk E.* From Valor to Pedigree: Ideas of Nobility in France in the XVIth and XVIIth Centuries. Princeton, 1986.
- Schnapper B.* Les rentes au XVIe siècle: Histoire d'un instrument de crédit. P., 1957.
- Secousse F.* Notice d'une livre singulier et rare intitulé Dicaearchiae // *Histoire de l'academie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1756. P. 271–277.
- Social Groups and Religious Ideas in the Sixteenth Century / Ed. by M.U. Chresman and O. Grundler. Lalamazoo, 1978.
- Soman A.* Sorcellerie et justice criminelle: Le Parlement de P., 16e–18e siècles. Hampshire; Brookfield, 1992.

- Stone L.* The Size and Composition of the Oxford Student Body, 1580–1910 // *The University in Society* / Ed. L. Stone. Princeton, 1974. Vol. 1. P. 3–110.
- Stone L.* The Educational Revolution in England, 1560–1640 // *Past and Present*. 1964. P. 41–80.
- Thireau J.-L.* Charles du Moulin (1500–1566): Etudes sur les sources, la méthode, les idées politiques et économiques d'un juriste de la Renaissance. Genève, 1980.
- Tingle E.* Nantes and the Origins of the Catholic League of 1589 // *Sixteenth Century Journal*. 2002. Vol. 33, № 1. P. 109–128.
- Torre A.* Il consumo di devozioni: Religione e comunità nelle campagne dell'Ancien regime. Venezia, 1995.
- Traité de Vervins / Textes réunis par J.-F. Labourdette. P., 2000.
- Trevelyan G.M.* The Social History of England. L., 1944.
- Venard M.* Bourgeois et paysans au XVIIe siècle. P., 1957.
- Venard M.* Réforme protestante, Réforme catholique dans la province d'Avignon au XVIe siècle. P., 1993.
- Verge J.* Noblesse et savoir: Etudiants nobles aux universités d'Avignon, Cahors, Montpellier et Toulouse // *Le noblesse au Moyen Âge XIe–XVe siècles: Essai à la mémoire de R. Boutrouche* / Ed. Ph. Contamine. P., 1976. P. 289–313.
- Vilar-Berrogain E.* Guide de recherches dans les fonds d'enregistrement sous l'Ancien Régime. P., 1958.
- Vovelle M.* La Mort et l'Occident: de 1300 à nos jours. P., 1983.
- Wanegffelen T.* L'Edit de Nantes: Une histoire européenne de la tolérance (XVIe–XXe siècle). P., 1998.
- Wanegffelen T.* Ni Rome, ni Genève: Des fidèles entre deux chaires en France au XVIe siècle. P., 1997.
- Wee H. van der.* The Economy as a Factor in the Start of Revolt in the Southern Netherlands // *Acta Historica Neerlandica*. 1971. T. 5. P. 52–67.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамсон М.Л.* 265
 Аветон, Жан д' 138
Адо А.В. 64
 Алабарб, Дени 188
 Алле (Hallé), Клод 326
 Алегран, Гильом 152
 Алегран, Жанна 146, 152
 Алегран, Клод 152
 Алегран, Франсуа 230
 Александр, Никола 235
 Александр I 295
 Алельм, Рауль 165
Алтухова Н.И. 22
 Ами, Женевьева 232
Амон Ф. (Hamon Ph.) 47, 69, 161, 165, 437, 439
 Анго, Жаклин 314, 339
 Анго, Жан, виконт де Дьепп 137
 Анжу, Никола, граф де Сен-Фар-жё 137
Ариес Ф. (Ariès Ph.) 48, 300, 391
 Аристотель 365
 Арле 448
 Арле, Кристоф 444
 Аро, Никола 417, 421
 Аррас, Жанна д' 233
 Арт, Шарль 396
 Астид, Луиза 209
 Астид, Мишель 209
Афанасьев Ю.Н. 40

Бабинцев В.А. 69
Баблон Ж.-П. (Babelon J.-P.) 55, 82, 322, 340, 374
Баблон П. 82
 Бабюс 389
 Бабюс, Жан 387
 Базанье, Дениз 225
 Базанье, Робер 390–391
 Байар, Клод 195
 Байард, Пьер 55

 Байе, Жан 427
 Баратон, Луи, сеньор де Риварен 137
 Барб, Жан 181
 Барб, Филипп 181
 Баре, Жан 168
Барнави Э. (Barnavi E.) 84, 85, 454
 Баро, Шарль 260, 282
 Барре, Жан 372
 Барьер, Рене 389
 Бастене, Луи де 171
 Бастонно (Bastonneau) 282, 379, 388
 Башело, Пьер 391
 Беле, Жан 149
 Белиар, Пьер 203, 289
 Бельдон, Луиза де 416, 423
 Бельманье, Медар 199
 Бельманье, Пьер 199
 Бенар, Гильом 389
 Бенуа, Жан 325
Бер А. 26
 Беранже, Бодо 192
 Беранже, Симон 193
Берелович А. 22
 Бержерон, Анри (Bergeron, Henry) 275, 281
 Бержерон, Антуан 308
 Бержо, Гильом 140
Берк П. 472
 Бернард Клервосский 302
 Берней, Шарль де 345
 Бери, Франсуа 184, 185
 Бери, Клод 261
 Бертелло, Жан 273
Бессмертный Ю.Л. 22, 48, 65, 301
 Бессо, Тибо 363
 Биги, Жан 167
 Биги, Франсуа 166
Билакуа Ф. (Bilacois F.) 52
 Биньон, Мишель 277

- Бланшар, Жан 184, 185
 Блок М. 26, 27, 37, 301
 Блюш Ф. (*Bluche F.*) 28, 43
 Бобе, Симон 92, 424
 Боден, Гильом 441
 Боден, Жан 87, 454
 Бодуэн-Матузек М.-Н. 22, 397
 Боже, Фелибер де 166
 Боккаччо 302
 Болейн, Анна 424
 Болери, Мартен 141
 Болът см. Бюльт
 Болътански Л. (*Boltanski L.*) 60, 215, 338
 Бонваль, Антуан 309
 Боннар, Сильвестр 77
 Борден, Магдалена 315
 Бордо, Жиль де 144
 Боштель 399
 Бозций 414
 Бражелон, Тома де 362
 Брайан Л. (*Bryant L.M.*) 53, 54, 178
 Бракепот, Жан 358, 363, 369, 370
 Брандт, Себастьян 451
 Брантом 81, 303
 Браун Е. (*Brown E.*) 54
 Брейе, Жошен 186
 Брисонне, Гильом 431
 Брисонне, Жан 149, 160, 289, 427–435
 Брисонне, Франсуа 225
 Бриссон, Барнабе 86, 424
 Брод, Пьер де 140
 Бродель Ф. (*Braudel F.*) 35, 46, 81
 Бродо Л. (*Brodeau L.*) 92, 413–415, 422
 Броклисс Л. (*Brokliss L.W.*) 102, 103
 Брюлар, Ноэль 442, 458
 Брюле, Этьен 289
 Брюне, Юбер 108
 Буагарнье, Луи де 137
 Буаси де 446
 Бульт см. Бюльт
 Бурбоны 465–466
 Бургуин, Гильом 349, 352, 354, 355, 358, 442
 Бургуин, Мари 355
 Бурдьё П. (*Bourdieu P.*) 51, 60, 96, 297
 Буржон Ж.-Л. (*Bourgeon J.-L.*) 29
 Буржуа (*Bourgeois*) 282
 Буржуа, Ив 251, 252
 Буридан 368
 Бурнеф, Рене 377
 Буссар, Пьер 262–265, 313
 Бутен, Николя 232
 Бушар, Батист 200
 Буше, Жанна 212, 213
 Бэда, Ноэль 343, 344, 356
 Бюде, Гийом 199
 Бюель, Жак, граф де Сансерр 137
 Бюльт (Болът, Бульт), Робер 395, 399, 400, 402–407, 410
 Бюрон, Гильом 153
 Бютт, Гийеметта 202
 Вайан, Жак 241
 Вайан, Пьер 241
 Вакет, Николя 316
 Валдази, Франсуа 156
 Валь, Антуан де 184
 Вальер, Антуан де 203, 289
 Вальтур, Этьен 389
 Варьяш О.И. 22
 Ваше, Гильом де 200
 Вебер М. 31, 65
 Веелю, Катрин 394
 Венар М. (*Venard M.*) 28, 55
 Венжан см. Венсан
 Венсан (Венжан), Пьер 200, 467
 Верар, Бартелеми 235
 Верар, Жермена 235
 Верар, Маргарита 235
 Верже, Жак (*Verger J.*) 138
 Вержюс 362
 Вернюлье, Андре 323
 Версорис, Жан 274
 Версорис, Николя (*Versoris N.*) 93, 98, 188, 225, 274, 313, 390
 Вилан, Арнуль 342, 345, 347, 348
 Вилар П. 27, 28
 Виледье, Элие 140
 Вилье, Жак де 174
 Вильнев, Антуан де 232, 233
 Вильсон Т. 303

- Виноградов П.Г. 472
 Винокурова М.В. 22
 Винье, Габриэль 197
 Вите О. 35
 Витри, Жанна де 227
 Вовель М. (*Vovelle M.*) 48
 Вокаблей 372, 373
 Въемезон, сеньор де 193
- Габдрахманов П.Ш.* 22
 Гален 303
 Галланд, Гильом 360, 362, 363
 Галланд, Гильом, по прозвищу
 Вуазен 361
 Галланд, Жан 360
 Галланд, Жанна 360–362
 Галланд, Пьер (*Galland P.*) 91, 93,
 330, 331, 358–371, 376, 393, 413,
 437
 Галланд, Франсуаза 360, 362
 Галопп, Шарль 327, 328
 Гарнье, Гийом 202
 Гарнье, Пьер 203
 Гарнье, Рене 156
 Гаскон Р. (*Gaskon R.*) 28, 178
 Гасперн, Катрин 438, 468
 Гевара, Антонио 333
 Гене Б. (*Guénée B.*) 29, 142
 Генрих II 76, 90–92, 95, 244, 253,
 254, 260, 272, 281, 341, 357,
 365–368, 374, 397–399, 402, 405,
 409, 411, 420, 424, 450, 461–465,
 475
 Гере, Жан 235
 Герр, Мартен 60
 Гизы 208, 213
 Гийар, Андре 224
 Гийар, Жан 136, 161
 Гийар, Шарлота 236
 Гинзбург К. 60
 Гиньяр, Жан 109
 Гирно 404
 Гиц К. 57
 Говар К. 59
 Годар, Жанна 233, 314–315
 Годар, Северен 434
 Годе, Фредерик 395
 Годен, Изабо 212
- Гольд (Гонд), Мартен 395, 396,
 406–408, 410
 Гольше, Жан 191
 Гонд см. Гольд
 Готье, Николь 362
 Гран, Пьер 144
 Гранже, Жофруа 200
 Грель, Жак 202
 Гренди Э. (*Grendi E.*) 60, 337, 338
 Грефло, Франсуа 433
 Грибауди М. (*Gribaуди M.*) 59
 Гримон, Мари 136
 Гримон, Эташ 166
 Грослат 373
 Гуа, Жаклин де 149
 Гуа, Жан де 148, 149
 Гуа, Исаак де 148
 Губер П. (*Goubert P.*) 29, 54
 Губервиль Жиль, сир де (*Gouber-*
ville G. de) 45, 93, 263
 Гумбольдт, Вильгельм фон 294
 Гуревич А.Я. 22, 24, 40, 69
 Гэнэ, Фримен 168
 Гюедон, Жак 151
 Гюедон, Шарль 146, 151, 177
 Гюерино, Антуан 168, 169
 Гюерино, Гильом 169
 Гюерино, Жак 169
 Гюерино, Катрин 168
 Гюерус, Жак де 210
 Гюерус, Жан де 210
- Д'Орлеан, Луи (*D'Orleans*) 282
 Давид 456, 458
 Далин В.М. 40, 47
 Данель, Жанна 327
 Данилов А.И. 39
 Дантуа, Жан 276
 Дарнтон Р. (*Darnton R.*) 52, 57
 Де Пресль, Пьер 261
 Де Ту, Кристоф 87, 414, 419, 423,
 468
 Дезидерий из Роттердама см.
 Эразм Роттердамский
 Делапорт, Жан 400
 Делик, Жанна 317, 320
 Делюизьер 448
 Деместр, Жиль 441

- Депре, Пьер 192
 Депре, Робер 238
 Депрель (Depresle) 282
Десимон Р. (Descimon R.) 22, 53–54, 63, 64, 82, 84–85, 174, 176, 219
 Десирье 448
 Дестерж, Антуан 149
 Деферкуа (Defercoy) 282, 286, 315
 Диана де Пуатье, 55, 226
 Дидро, Дени 173
Дингес М. 65–66
Дифендорф Б. (Diefendorf B.) 183, 441
Домар А. (Dautard A.) 30
 Донон, Мерри 154
 Дора 364
Досс Ф. (Dosse F.) 47, 62, 63
 Друар, Жан 448
 Дуде, Робер 160
 Дусе, Жан 380
Дэвис Н. Земон (Davis N. Zemon) 20, 22, 38, 60, 331–332, 408
 Дю Белле, Жан 363
Дю Белле, Ц. 363, 365
 Дю Буа, Жерве 239–240
 Дю Вилье 171
 Дю Торшон, Дениза 389–391
 Дю Шатель, Пьер 164
Дюби Ж. 65
 Дюбур, Анн 423, 465
 Дюваль (Duval) 285
 Дюваль, Гийом 108
 Дюваль, Ришар 108
 Дюгро, Огюстен 139–140
 Дюк, Жан 317
 Дюкло, Франсуа 389
 Дюмениль 362
 Дюмениль, Этьен 283
 Дюмонт, Тьерри 371–378, 381, 426, 427, 432, 434, 436, 475
 Дюмулен, Анна 416, 424
 Дюмулен, Жан 413
 Дюмулен, Жанна 416
 Дюмулен, Луи 416
 Дюмулен, Ферри 411, 412, 416–418, 423, 425
 Дюмулен, Шарль (Du Moulin Ch.) 82, 87, 91, 92, 331, 357, 411–426, 436–443, 454, 459, 462, 473
 Дюмулен, Шарль (младший) 416
 Дюпон (Dupont) 282
 Дюпра, Антуан 152, 261, 264, 468
 Дюпра, Жан 152
 Дюпра, Мари 152
 Дюпре (Dupré) 282, 292
 Дюпюи, Франсуа 292
Дюркгейм Э. 31, 60
 Дютье Жан 420, 456, 463, 464
 Екатерина Арагонская 344
 Елизавета I 424
Жакар Ж. (Jacquart J.) 29, 55, 56, 205
 Жакессон 310
 Жаклен (Jaquelin) 282
 Жако 386
 Жан, Дени 202
 Жан, Жан 202, 290
 Жан де Мен (Jean de Meung) 296
Жанкрос И. (Jeanclos Y.) 452
 Жанно, Жермен 445, 456, 457, 463
 Жермен, Филипп 193
 Жерсон, Жан (Gerson J.) 101, 296
 Жирар, Дени 152
Жиро Ж.Е. 359
 Жирон Жан 346
 Жосс, Жанна 211, 213
 Жоссе, Габриела 108
 Жоссе, Мария 108
 Жуайе, Жак 380, 381, 389
Жуанна А. (Joanna A.) 64
 Жугэн, Гильемерта 310
 Журден, Александр 399
Жюлиа Д. (Julia D.) 96, 97, 102, 103, 435
Захаров И.В. 294
Зоман А. (Soman A.) 53
Иванов А.Е. 295
 Имбер, Франсуа 259
 Иоанн Добрый 301

- [Жавелье], Перетта 395, 399, 401, 404, 405, 408, 410
 Кавелье, Филипп 394–411, 413, 425, 426, 459, 468, 475
 Каде, Пьер 165
 Каер, Симон 440
 Казбекова Е.В. 430
 Кампардон Э. (*Campardon E.*) 76–79, 83, 95, 118, 245, 253, 289, 435
 Кампе, Пьер 347
 Кампиньи, Адам 195
 Кампиньи, Жак 195
 Кампиньи, Поль 195
 Канторович Э. (*Kantorowicz E.H.*) 53
 Канье, Жан 236
 Канье, Симон 236
 Карл V 71, 368
 Карл VI 71, 431
 Карл VII 71
 Карл IX 255, 276
 Карпи-Майи О. (*Carpi-Mailly O.*) 453, 465
 Карпов С.П. 49
 Карто, Тома 291
 Карто, Франсуа 264
 Картье, Этьен 243
 Кастильоне Б. 303
 Кастр, Мишель 201
 Катерино, Николя (Catherinot N.) 451
 Керкефинем, Бертран де 242
 Керкю, Гильом де 430
 Кеснель, Жан (Quesnel, Jean) 397–398, 401–404, 406, 408–410
 Килье Б. (*Quilliet B.*) 46, 147, 150, 157, 158, 220
 Кириллова Е.Н. 22
 Клеман, Клод 195
 Клеман, Пьер 192, 194–195
 Клере, Жан 180
 Кнехт Р. (*Knecht R.J.*) 56, 226
 Кожокин Е.М. 173
 Коленкур, Жан де 242
 Коллеони, Бартоломео 302
 Кольбер Ж.Б. 58, 462
 Конар, Франсуа 400
 Кондратьева Т.Н. 36
 Конкет 311
 Контесс, Рене (Contesse, Rene) 281, 282, 286
 Копосов Н.Е. 20–22, 28–30, 37, 39, 44, 94, 100, 471–472
 Кордерер, Рене 361
 Корню, Катрин 371
 Корню, Мари 372
 Корп, Жан де 390
 Котро, Филипп (Cothereau Ph.) 88
 Коттон 373
 Креспин, Изабо 324
 Креспин, Кристоф 299, 323–327, 335, 338, 361, 468
 Креспин, Мартен 324
 Креспъен, Николя 443
 Кристин О. (*Cristin O.*) 56
 Кристина Пизанская (Pisan, Cristine de) 98, 173, 175, 302
 Крозон 282
 Крозон, Жан 251
 Крозон, Пьер 251
 Крозон, Франсуа 359, 363
 Кромери, Жан 456, 458
 Круа А. (*Croix A.*) 22, 48, 65, 173
 Крузе Д. 22, 81
 Крылова Ю.П. 22
 Крюсе Жан, 276, 283, 307, 327, 339, 346
 Куайак Э. (*Coyecque E.*) 74, 83, 84, 86, 185, 251, 252, 255, 267, 276, 345, 359
 Куактье, Жак 350
 Кудрявцев О.Ф. 303
 Кузен (Cousin) 282
 Курсон 137
 Куртуа, Антуан 191
 Кутюрье М. 32, 45
 Кутюрье, Пьер 156
 Кэн, Жак 191
 Кэрард Ф. (*Carrard Ph.*) 29, 30
 Л'Обепин, Жиль де 229
 Л'Обепин, Себастьян де 230
 Ла Монтань, Филипп 368
 Ла Раме, Пьер (Рамус; Ramus) 91, 93, 360, 365–368, 370

Лабрусс Э. (Labrousse E.) 27–28, 30, 31, 37, 38, 69
 Лабрюйер, Матье де 471
 Лад, Паскье де 186
 Лалуэтт, Франсуа де 140
 Ламот, Гильом де Блеквиен-Бос-сар 137
Ланглау Ш. 2
 Ланселен, Мартен 200
 Ланселен, Перетта 200
 Ланселены 198
 Лансон Амиель 346
 Лантье, Филипп де 439
 Лапорт, Жан 403
 Ларош-сюр-Йонн 137, 171
 Ларсонье, Робер 213
 Ларше, Гильом 376
 Ларше, Симон 362–364
 Ласкалье, Пьер де 211
 Лассаль, Антуан де 186
 Латомус, Бартелеми 361, 362
 Ле Балю, Луи 446
 Ле Бег, Клода 327
 Ле Брюн, Мари 239
 Ле Вест, Барнабе (Le Vest B.) 89, 421
Ле Гофф Ж. 40, 55, 301
 Ле Местр, Жиль 458
 Ле Монье, Жан 446
 Ле Пелетье, Массе 258–59, 312, 317, 321
 Ле Пикар, 402
 Ле Пикар, Луиза 318
 Ле Пилер см. Пилер
 Ле Прево, Жан 284
 Ле Ру, Дени 274, 275, 335, 468
 Ле Ру, Жак 274
 Лу Ру, Жанна 274
Ле Руа Ладюри Э. (Le Roy Ladurie E.) 20, 25, 26, 28, 30, 55, 60, 69, 301
 Ле Руай, Шарлотта 213
 Ле Сирье, Доменик 143
 Ле Сирье, Леон 143
 Ле Шарон (Le Charron) 283
 Леаль, Антуан (Leal, Antoine) 281
 Лебраг, Симон 434
 Лебрюн, Маргери 239

Леви Дж. 59
Левинсон К.А. 65, 99
Леви-Стросс К. 41
 Легран, Антуан 144
 Лезгюйе, Мари 213
 Леклерк де Куактье, Жак 351
 Леклерк, Жак 326
 Леклерк, Жан 350, 352, 353
 Леклерк, Маргарита 350–352
 Леклерк, Николь 330, 349–357, 364–366, 393, 394, 413, 418, 422, 437, 442, 443, 459
 Леклерк, Николь II 350, 352
 Леклерк, Николь, торговец шерстяными тканями 238
 Леклерк, Пьер 350, 352, 354, 355
 Леклерк, Филиппа 349–352, 355
 Леккок, Жан 437, 446
 Леконт, Пьер 396
 Лекур, Пьер 235
 Лекурт, Арнуль 446, 447
 Леместайе, Жан 150
 Леместр, Жиль 441
 Лемуан, Тома 189
 Ленорман (Lenormant) 282
 Ленорман, Николя 178
 Ленуар, Флорен 164
 Ленферан, Иоланда 138
 Леонард 389
 Лепикар, Жан 148
 Лепрево, Жан 165
 Лепрево, Никола 166
Лепти Б. 39, 40, 63
 Лесколье, Жан 456
 Лескюйе, Гектор 396
 Лесплюк, Жанна де 440, 443
 Леспревье, Пьер 315
 Лестель Жан 272–275, 335, 468
 Лестель, Рене 272–273, 381
 Летелье, Мари 321
 Лефе, Мишель 185
Лефевр Ж. 27
Лефранк А. (Lefranc A.) 164, 359
 Лешевалье, Изабо 212
 Либо, Мари 389
 Лиро 373
Литвак Б.Г. 72
 Либо, Мария 389

- Либо, Франсуа 389
Лозинский А.А. 281, 454
Локк, Джон 294
 Локуз, Жан 323, 330, 342–349, 355–357, 359, 371, 381
 Лом, Николя 327
Ломоносов М.В. 295
 Лонгви, Франсуаза де 139
 Лопиталь, Мишель 437
 Лотарингский дом 242, 368, 471
 Лотрек 460, 464
 Лотье, Филипп де 439
Луазель, Антуан (Loysel A.) 92, 417, 436
 Луазо, Шарль 31, 45, 98
 Луве, Мари де 242
 Луиза Савойская 432
Луковенкова А.В. 221
Лучицкая С.И. 22
 Лэне 200
Люблинская А.Д. 36, 45, 52, 203, 205
 Любо, Франсуа 390
 Людовик XII 270
 Людовик XIV 55, 378, 451
 Людовик XV 53
 Люилье 229
 Люилье, Гильом 160
 Лютер 356, 428
 Ля Ривьер, Жан де 308, 310, 322
Ляхович Е.С. 294
 Мазарини 54
 Мазе, Тома 318, 319
 Майар, Жиль 416
 Майар, Маргарита 421
 Майар, Мари 416
 Майе, Шарль (Maeut Charles) 275, 281
Майер В.Е. 325
 Мале, Анн 210
 Мале, Жак 209
 Мале, Жан 210
 Мале, Мишель 209
Малинин Ю.П. 302, 393
Малов В.Н. 22, 49, 105, 463
 Малост, Перетта 272
Мандру Р. (Mandrou R.) 34, 35, 42, 65
 Маргарита Наваррская 81, 343, 357
 Мари, Гийеметта 319
Маркс К. 31
 Марн, Жан де 312, 317
 Марсель, Клод 441
 Мартен, Жан 279
 Мартино, Луи 458
 Маруссо, Гуго 155
 Маруссо, Клеман 155
 Маруссо, Матье 155
 Маршан, Антуан де 167
 Мас, Жан 201
 Массон, Жанна 212
Маторе Ж. (Mathorez J.) 453
Медик Х. 56
 Медичи, Екатерина 437, 441
 Медичи, Козимо 302
 Медичи, Пьетро 302
 Мерсье, Пьер 327
 Месмен, Жан 146
 Месмен, Франсуа 155
 Месмен, Фук 155
 Местрю, Гийеметта 311, 319, 468
 Миль, Жан 211
Минуа, Жорж 300–302
 Митес, Этьен 203, 287, 288, 290
Михайлов А.Д. 303
 Могуйн, Амбруаз 211
 Могуйн, Антуан 210
 Могуйн, Жан 211
Можис Э. (Maugis E.) 89, 373, 377, 442, 449–450
 Можье, Мишель 276
 Монлюк, Блез 304
 Монморанси, Анн де 137, 139, 161, 201, 242, 357, 358, 415, 420
 Монморанси, Анна де 137
 Монморанси, Пьер 137
 Монморанси, Ролан 137
 Монморанси, Франсуа де 137
 Монсо, Жан де 240
 Монтень, Мишель (Montaigne M.) 81, 93, 145, 303, 304
 Монье, Жан де 443, 445, 446
 Мопу 453, 462

Мопу, Венсан (Maureau) 282, 292,
379, 388, 446
Мор, Томас 303, 451
Морен, Гильом 232–233
Морен, Жан 233
Муассан, Франсуа 140, 144, 290
Мунье, Р. (Moussnier R.) 26, 31–32,
35, 38, 42, 45, 69, 83–85, 206, 219
Мусель, Франсуаза 317, 320
Муши, Жан де 152
Мэтланд Ф. 472
Мюссар, Жак 310

Наполеон I 294, 453, 462
Наполеон III 295
Нерваль Ж. де (Nerval G. de) 452,
464
Нивель, Жан 236
Нивель, Себастьян 236
Нивуазен, Николя 154
Нивуазены 389
Нис Э. (Nys E.) 452
Нуарьель Ж. (Noiriel G.) 39, 68–69
Нуаян, Жан 276
Нуаян, Тома 276
Ньюмен, Джон 294

О, Гильом д' 174
Обер (Aubert) 282
Обэн, Ноэль 317
Овре, Гардан 441
Одри, Жан 232
Оже, Мари 169
Ожирар (Augirard) 282
Озе А. (Hauser H.) 27
Окок, Жан 299, 306, 307, 309, 310
312, 313, 321, 333, 335, 338, 339,
475
Оливье, Бен 213
*Оливье-Мартен Ф. (Olivier-
Martin F.)* 31, 106, 196, 278, 412
Оржемон, Луиза д' 137
Орзуак, Симон д' 213
Орк, Мари де 264
Орри, Жан 307, 314
Остье, Пьер 160
Отман, Франсуа 454
Отран Ф. (Autrand F.) 46, 330

Офрей Ж. (Auffray J.) 451, 452
Оффруа, Жан 467
Ошкорн, Ферри 331, 394, 467

Пайелаго, Диметрий 227
Папийон, Пьер 229
Папон, Жан (Rapin J.) 87–88, 255,
270, 417–418
Парду де Пра (Pardoux de Prat) 87,
266–268
Паре, Амбруаз 303, 467
Парен, Гильом 440, 443
Парен, Жан 440, 443
Парен, Жанна 438, 439, 440, 443
Парен, Мари 438, 442, 446–447
Парен, Пьер 440, 443, 447
Парти, Майар 311
Паскье Э. 45
Пассаже, Жан 193
Пассе, Гильом 184–185, 187
Пассе, Жан 184, 185
Пассе, Марта 184–185
Патар, Жанна 322
Паульсен Ф. 294
Пенеше, Жан 176
Перен, Жюльен 202
Перетта *см.* [Кавелье], Перетта
Перрон, Жан 342
Перше, Пьер 189, 272, 469
Перше, Рене 189
Перье (Perrier) 285
Песм, Фурри 176
Петрарка 302
Пигу, Этьен 156
Пикард, Жанна 331, 394
Пилер, Антуанетта 382, 383
Пилер, Дениза 386, 390
Пилер, Жан 378–394, 408, 413,
418, 425, 426, 434, 473
Пилер, Жан (младший) 380,
388–389
Пилер, Женестьева 382, 383
Пилер, Клода 382, 382
Пилер, Мадлена 380
Пилер, Мария 389, 387
Пименова Л.А. 64
Пинар, Клод 229
Пиро, Флорен 379

- Платтер, Фома 290
 Плонжон, Изабо 239
 Плонжон, Пьер 239–240
 Польмар, Жаклин 137
Пономарев А.Л. 217
 Понсе, Томасса 379
 Понтрен (Pontrain) 282, 283, 285
Поршнев Б.Ф. 26, 34–36, 42
 Постель, Орше 403, 409
 Прево, Мишель 241
 Призи, Луи де 108, 136, 138, 191
Прокофьева Н.Д. 49
 Промье, Жак 276
 Пуар, Гильом 352–353
Пуассон Ж.-П. (Poisson J.-P.) 49, 262, 267
 Пуле, Абзалон 141, 165
 Пуле, Адам 142, 165, 177
 Пуле, Жан 142, 177
 Пуле, Клод 142
 Пуле, Николь 142
 Пуле, Туссен 142
 Пунье, Андре 210
 Пусепен, Жан 146, 156, 157
 Пуссен, Николя 155

Рабле, Франсуа (Rabelais F.) 93, 145, 298, 303, 333, 344, 348, 357, 363, 366, 370, 451
 Раборен, Катрин 319, 321
 Рагье, Луиза 432
Радзиховская Е.А. 49
Райцес В.И. 41–43, 60
Ракюзен М.-Э. 22
 Рамус см. Ла Раме
Рансьер Ж. 66
 Рауль, Пьер 235
 Раффон, Жан 170
 Раффон, Мишель 170
Ревель Ж. 59, 96, 337
 Редде, Пьер 239
Рейнольдс С. (Reynolds S.) 54, 129
Ренуар Ф. (Renouard Ph.) 82, 86, 185
Репина Л.П. 40, 56, 60
 Риак, Клеманс де 327
 Ривьер, Мари 230
Ридер-Сименс Х. (Ridder-Symoens H.) 97

 Рийан, Дени 441, 458
Риу Ж.-П. (Rioux J.-P.) 65
Рише Д. (Richet D.) 29, 81–84
 Ришелье 378
 Робен, Жанна 235
 Робер, Матюрен 181
 Роберте 403, 404, 468
 Роберте, Жан 229
 Роберте, Мари 224
 Роберы 173
 Робилар 400
 Робэ, Валентин 183
 Роже (Roger) 282, 285
 Роз, Гильом 200
 Роз, Ноэль 200
Романов Б.А. 24
 Ронпале, Катрин 314, 338
 Россиньоль, Луи (Rossignol) 80, 286
 Рошро, Дени 275–276
 Ру, Мартен 320
Рунич Д.П. 295
 Руссен, Ализон 241
 Руссен, Жан 241
 Руссо, Марк (Rousseau Marc) 281
 Руссо, Николя 323
 Руэ, Луи 390
 Руяр, Пьер 255

Савицкий Е.Е. 221
 Сагвин, Гильом 279
 Сакле, Жан 202
 Сакле, Симон 202
 Саломон, Жанна 272
 Саль, Пьер де 171
Сванидзе А.А. 22
 Сегвин, Катрин 174, 178
 Сегье 35, 58
 Сежурна, Жан 161
 Сейсель, Клод де 98, 138
Секус Ф. (Secousse F.) 451
 Сенблансей 437
 Сен-Жермен, Робер 448, 449
 Сент-Андре, Франсуа де 160
 Сент-Аньян, Сеньор де 395–396, 404, 405
 Сент-Йон, Мари де 108
Сент-Март А. (Sainte-Marthe A.) 451

- Сеньобос Ш. 21
 Серр, Клод 258
Серто М. де 68
 Симеон, Жиль 169
 Симон, Анри 364
Сиринолли Ж.-Ф. (Sirinelli J.-F.) 64, 65
Собуль А. 31
 Соваж, Клод 306, 307, 309, 319, 323
Согомонов А.Ю. 204, 473
Соколова М.Н. 40
Сольнон Ж.-Ф. (Solnon J.-F.) 43
 Соре 386
 Сорет (Soret) 282, 283
Сперанский Н.В. 290, 294
 Спинола, Изабелла 445, 449, 456, 463
 Спифам, Анна 443, 445, 446
 Спифам, Габриель 466
 Спифам, Гайар 92, 437, 438, 439, 442, 443, 445, 446, 456, 457, 460, 465, 466
 Спифам, Жак (Жак-Поль) 92, 364, 437–439, 442, 443, 446, 449, 456, 457, 465, 468
 Спифам, Жакетта 437, 438, 446
 Спифам, Жан (IV) 441, 446
 Спифам, Жан (V) 438
 Спифам, Жан (VI) 442, 444, 445, 448, 449, 457
 Спифам, Жан (VII) 466
 Спифам, Жанна 442, 458
 Спифам, Жером 442, 446, 449, 465
 Спифам, Жиль 92, 443, 446
 Спифам, Изабелла 446
 Спифам, Клода 446, 447
 Спифам, Рауль (Spifame R.) 91–92, 292, 435–466, 475
 Спифам, Рауль (II) 438, 442, 446, 465
 Стандонк, Ян 343, 344
Стоун Л. (Stone L.) 42, 50, 65, 96
 Судлен, Жан 196
 Сюз, Мадлен де 242
 Сюри, Жан 168
 Сюсевич, Агнес 320
 Таверни, Пьер де 312, 468
Талызина А.А. 49
 Тассен, Гильом 108
Тевено Л. (Thevenot L.) 60, 215, 338
 Тевено, Франсуа 442, 458
 Тибо, Пьер 243, 315
Ти́ра Ж.И. 38
Тогоева О.И. 59
Торре, Анджело Делла (Torre A.) 59
Тревелиян Дж. (Trevelyan G.M.) 27
 Трео, Ги де 109
 Трео, Николя де 108, 111, 136, 137
 Тронси, Бенуа де (Troncy Benoit de; Bredin le Cocu) 87, 266
 Троншон, Дениза 379, 389
Трубникова Н.В. 30
 Труве, Франсуа 273, 274
 Трувтер, Жорж 167
 Туза (Туссен) Жак 199, 361, 467
 Туза, Медар 199
 Туза, Перетта 199, 467
Тургенев И.С. 328–329
 Турнеб, Адриан 360–362, 367
 Турнебеф, Жан 362
 Туссен см. Туза
Тушина Г.М. 22, 49
 Тьеро (Thierot) 286, 292
 Тьерри, Жан 320
Тьерри О. 397
Тюетей А. (Tuetey A.) 71, 76–79, 83, 95, 118, 245, 253, 289, 435
 Тюмери, Жан де 137, 277
 Тюре, Пьер (Thuret) 272, 275
 Тюрпен, Антуан 178, 181
Уваров П.Ю. 39, 97, 217, 225, 280, 294, 435
 Уден, Жак 324, 326
 Уден, Люк 326
 Уден, Мари 326
 Фавье, Мишель 144
 Фагот, Пьер 193
 Фай, Бартелеми 442
 Фалез, Мишель 315
 Фардо, Катрин 251

- Фарж А. (Farge A.)* 52
 Фари, Андреа 320
Февр Л. 26, 27, 37, 81
 Фелисак (Felissac) 282, 285
Ферьер, Клод (Ferriere Cl.) 88, 276, 299, 305
 Фессар, Гильом 238
 Филипп Новарский 300
 Филипп IV 71
Филиппов И.С. 35
 Филон, Николя 262–265, 269, 305, 313, 314, 321, 336–341, 440, 468, 475
 Филон, Пьер 314, 339
 Фиме, Антуан 390
 Флатон, Франсуа 404
Фоссье Р. 301
 Фоше, Робер 169
 Франклен (Franquelin) 282
 Франциск I 57, 71, 73, 76, 90, 95, 261, 270, 307, 344, 356, 357, 374, 383, 391, 397, 398, 409, 414, 437, 461, 465
 Франциск II 90
 Фруадваль 372
 Фруадмонт 373
 Фуа, Гильом де 188
 Фуа, Дени 202
Фуко М. (Foucault M.) 51–52, 56, 81, 304
 Фуко, Николя 151
 Фуль, Женеви́ева 195
 Фурнье, Жак 212
 Фурнэ, Тьерри 196
 Фуру, Николя 177
 Фэ, Жан де 289
Фэрдж Дж. (Farge J.K.) 343, 356, 365
Фюре Ф. (Furet F.) 30, 38

Ханли С. (Haneley C.) 53, 54
Ханперт Дж. (Huppert G.) 41, 44–45, 96, 198
 Харлов, Мартын 299, 328–329
Хархордин О. 51
Хачатурян Н.А. 22
Хеллер Г. (Heller H.) 452, 455
Хобсбоум Э. 38

Холт М. (Holt M.) 22, 187
Хорошилова Л.Б. 295

Цатурова С.К. 22, 105

Чеканцева З.А. 22
Червонная Т.М. 200, 205
Черутти С. (Cerutti S.) 58, 99
 Чосер 332
Чубарьян А.О. 22

Шабо, Луи 274
Шалин Ж.-П. 39
Шалк Э. (Schalk E.) 64
 Шаль, Рауль 167, 258
 Шампрон, Мишель 439, 457
 Шапле, Жан 312
Шартье Р. (Chartier R.) 41, 49–50, 60, 65, 96, 340
 Шассонаж, Луи де 139
 Шассонаж, Фелибер де 139–140
 Шатель, Пьер де 264
 Шваль, Анселот 308
 Шедевиль, Жиль 314
 Шекспир У. 303
 Шико, Габриель 149
Шифоло Ж. (Chiffolleaux J.) 52
 Шовель, Колетта 318– 320
Шоню П. (Chauni P.) 47, 48, 82, 83, 371, 377

Элиас Н. 60
Эмар М. 22
 Эмери, Жан 201
 Эннекен, Жан 375, 434, 467
 Эннекены 471
 Эно, Перетта 317, 321, 323
 Эразм Роттердамский 93, 298, 303, 333, 343, 345, 356, 368, 451
Эрланже Ф. 55
 Этаплъ, Лефевр д' 427

Юбан, Жан де 302
 Юиселен, Жак (Huisselin) 282
 Юлий III 420, 422
 Юре, Жан де 178
 Юре, Ролан 171

Юржанс М. (*Jurgens M.*) 87, 359,
363, 369

Юсим М.А. 22

Юстиниан 418

Ястребицкая А.Л. 26

Ariès Ph. см. Ариес

Aubert см. Обер

Auffray J. см. Офрей Ж.

Augirard см. Ожирар

Autrand F. см. Отран Ф.

Babelon J.-P. см. Баблон Ж.-П.

Bacon Fr. 333

Barnavi E. см. Барнави Э.

Bastonneau см. Бастоно

Baumgartner F. 47

Béchu C. 72

Bely L. 160

Bergeron, Henry см. Бержерон,
Анри

Bilacois F. см. Билакуа Ф.

Bluche F. см. Блюш Ф.

Bois J.-P. 300

Boltanski L. см. Больтански Л.

Bonnot M. 72

Bouhier J. 451

Bourdieu P. см. Бурдьё П.

Boureau A. 53

Bourgeois см. Буржуа

Bourgeon J.-L. см. Буржон Ж.-Л.

Bourdin P.M. 29

Bourquin L. 63, 171

Bouvet M. 29

Boyer-Xambeu M.-T. 313

Braudel F. см. Бродель Ф.

Bredin le Cocu см. Тронси, Бенуа
де

Brillon J.P. 89, 451

Brisson Barbabé 255

Brodeau L. см. Бродо Л.

Brokliss L.W. см. Броклисс Л.

Brown E. см. Браун Е.

Bryant L.M. см. Брайан Л.

Campardon E. см. Кампардон Э.

Carpy-Mailly O. см. Карпи-Майи О.

Carrard Ph. см. Кэрард Ф.

Carron, V.-T. 140

Catherinot N. см. Катерино Никола

Cerutti S. см. Черутти С.

Chartier R. см. Шартье Р.

Charton-Le Clech S. 47

Chaunu P. см. Шоню П.

Chiffolleaux J. см. Шифоло Ж.

Choppin R. 90

Coeuret G. 307

Contamine Ph. 63

Contesse см. Контесс

Cotherau Ph. см. Котро Филипп

Cousin см. Кузен

Coyecque см. Куайак

Cristin O. см. Кристин О.

Croix A. см. Крюа А.

Crozon см. Крозон

D'Orleans см. Д'Орлеан

Darnton R. см. Дарнтон

Daumard A. см. Домар А.

Davis N. Zemon см. Дэвис Н. Зе-
мон

Defercoy см. Деферкуа

Delmas A. 438, 466

Denissart J.B. 404

Depresle см. Депрель

Descimon R. см. Десимон Р.

Dessert D. 220

Diefendorf B. см. Дифендорф Б.

Dosse F. см. Досс Ф.

Doucet R. 226, 278

Driart P. 93

Du Breul J. 360

Du Moulin Ch. см. Дюмулен

Dupont см. Дюпон

Dupré см. Дюпре

Duval см. Дюваль

Estivals R. 451

Etchechoury M. 47, 376

Fagniez G. 313

Famiglietti R. 54

Farge A. см. Фарж А.

Farge J.K. см. Фэрдж Дж.

Fedou R. 29

- Felibien M.* 176
Felissac см. Фелисак
Ferriere см. Ферьер
Fontanon A. 90, 245
Foucault M. см. Фуко М.
Franquelin см. Франклен
Furet см. Фюре
- Galland P. см.* Галланд Пьер
Gariel E. 466
Gaskon R. см. Гаскон Р.
Geremek B. 316
Gerson J. см. Жерсон Жан
Godelier M. 99
Goubert P. см. Губер П.
Gouberville G. de см. Губервиль
 Жиль
Goujet Cl.-P. 359
Greffe F. 72
Grendi E. см. Гренди Э.
Gribaudi M. см. Грибауди М.
Gruder V. 28
Guenée B. см. Гене Б.
Guyot P. 161
- Hallé см.* Але
Hamon Ph. см. Амон
Haneley см. Ханли
Harault см. Аро
Haton Cl. 93
Hauser H. см. Озе А.
Heller H. см. Хеллер Г.
Hendricks F. 303
Hervier D. 47
Holt см. Холт
Hoye W.J. 298
Huisselin см. Юиселен
Huppert см. Хапперт
- Isambert F.-A.* 71, 432
- Jacquart J. см.* Жакар
Jamot F. 93
Jaquelin см. Жаклен
Jean de Meung см. Жан де Мен
Jeanclos Y. см. Жанкрос И.
Jouanna A. см. Жуанна А.
Julia D. см. Жюлиа Д.
Jurgens M. см. Юржанс М.
- Kaiser C.* 431
Kantorowicz E.H. см. Кантор-
 вич Э.
Keitering S. 63
Knecht R.J. см. Кнехт Р.
- La Popelinière L.* 93
Labrousse E. см. Лабрусс Э.
Lapeyre A. 47
Le Charron см. Ле Шарон
Le Roy Ladurie см. Ле Руа Ладюри
Le Vest B. см. Ле Вест, Барнабе
Leal, Antoine см. Леаль, Антуан
Lefranc A. см. Лефранк А.
Lenorment см. Ленорман
Lhuillier Th. 452
Louet G. 89
Loysel A. см. Луазель Антуан
- Maeut см.* Майе
Mandrour R. см. Мандру
Martin H.-J. 237
Mathorez J. см. Маторе Ж.
Maugis E. см. Можис Э.
Maupeau см. Мопу
Michaud H. 47, 148
Montaigne см. Монтень
Moulin H. 452
Mousnier R. см. Мунье Р.
Mouton L. 441
Muchembled R. 53
- Nassiet M.* 63
Nerval G. de см. Нерваль Ж. де
Neuschel K.B. 63
Noiriel G. см. Нуарьель Ж.
Nys E. см. Нис Э.
- Olivier-Martin F. см.* Оливье-Мар-
 тен Ф.
- Pallier D.* 206
Papon J. см. Папон Ж.
Pardoux de Prat см. Парду де Пра
Parent A. 206, 419
Parent Le Clech A. 440
Pèbay I. 72
Peronnet M. 47
Perrier см. Перье

Picot G. 255

Pisan, Cristine de см. Кристина Пизанская

Poisson J. P. см. Пуассон Ж.-П.

Pontrain см. Понтрен

Quesnel Jean см. Кеснель, Жан

Quilliet B. см. Килье Б.

Rabelais F. см. Рабле, Франсуа

Ramus P. см. Ла Раме, Пьер

Rancière J. см. Рансьер

Renouard см. Ренуар

Reynolds S. см. Рейнольдс С.

Richet см. Рише

Ridder-Symoens Н. см. Ридер-Сименс

Rioux J.-P. см. Риу Ж.-П.

Roger см. Роже

Rossignol см. Россиньоль

Rousseau Marc см. Руссо, Марк

Sahar S. 300

Sainte-Marthe см. Сент-Март

Schalk E. см. Шалк Э.

Schnapper B. 115, 148, 377

Secousse F. см. Секус Ф.

Sirinelli J.-F. см. Сиринелли Ж.-Ф.

Solnon J.-F. см. Сольнон Ж.-Ф.

Soman A. см. Зоман А.

Soret см. Сорет

Spifame R. см. Спифам, Рауль

Spifame, Samuel 466

Stone L. см. Стоун Л.

Thevenot L. см. Тевено

Thiereau J.-L. 413, 416

Thierot см. Тьеро

Thorndike L. 297

Thuret см. Тюре

Torre см. Торе

Trevelyan G.M. см. Тревельян Дж.

Troncy Benoit de см. Тронси, Бенуа де

Tuetey см. Тюетей

Venard M. см. Венар М.

Verger J. см. Верже, Жак

Versoris N. см. Версорис, Никола

Vovelle M. см. Вовель М.

Ymbert см. Имбер

Научное издание

Уваров Павел Юрьевич

Франция XVI века

*Опыт реконструкции
по нотариальным актам*

Утверждено к печати

Ученым советом

Института всеобщей истории

Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *М.М. Леренман*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *М.К. Зарайская*

Корректоры *С.Н. Мурашко, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 01.07.2004. Формат 60 × 90^{1/16}

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл.печ.л. 32,0. Усл.кр.-отт. 32,5. Уч.-изд.л. 35,5

Тираж 750 экз. (РГНФ – 300 экз.) Тип. зак. 3445

Издательство “Наука”

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП “Типография “Наука”

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

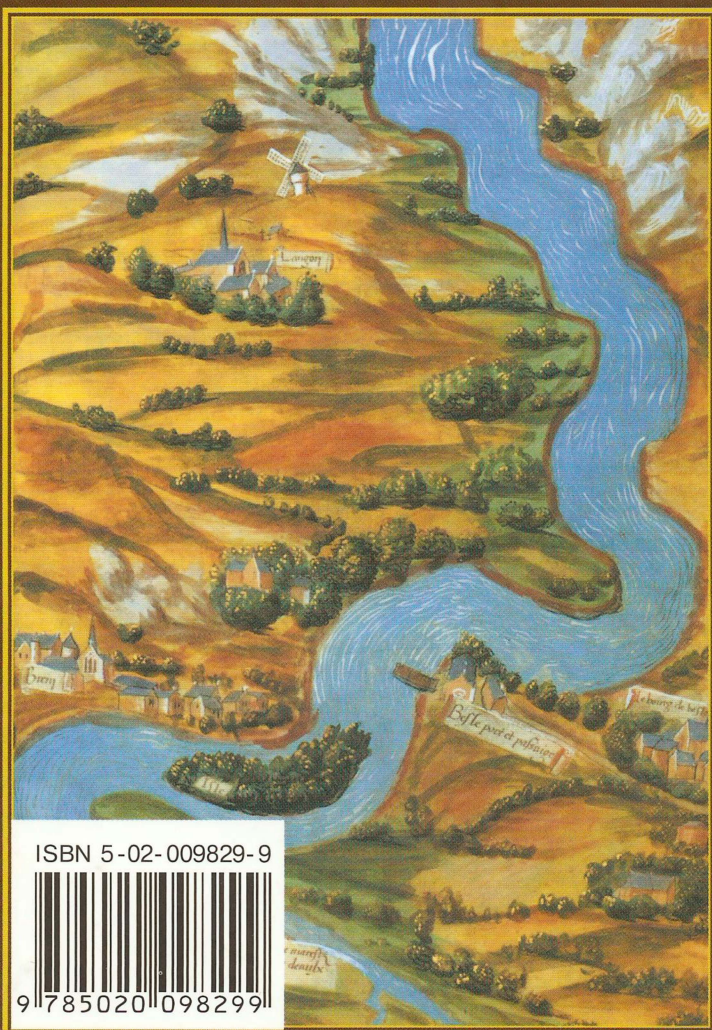
Pavel Ouvarov

La France du XVIe siècle

*Essais de reconstitution
d'après les actes notariés*

ISBN 5-02-009829-9

9 785020 098299

NAOUKA